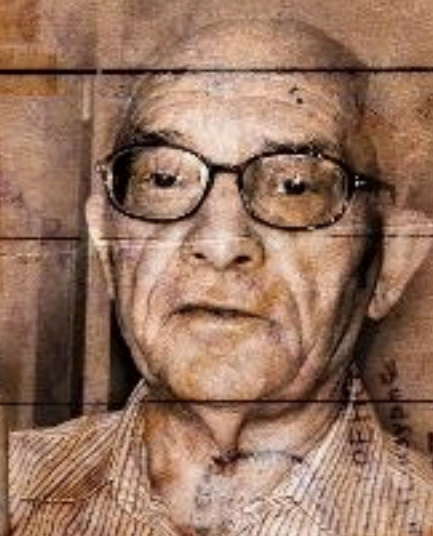

От Черен до Чикаго

Михаил
Миркин

покупено авто
14/ VII - 447, 14.30

Възстановен от
Воскресенский р-н
Черен, Завод
Миркин М.И.
Рудышев / обложка 26, 1999-2003
29/ VII - 447. Миркин М.И.

От Черен до Чикаго

Михаил Миркин

От Черепи до Чикаго

Михаил Миркин

От Черен до Чикаго

Иерусалим 2013 / 5773

Mikhail Mirkin

From Chereya to Chicago

Jerusalem 2013 / 5773

Миркин М.

От Череди до Чикаго. Иерусалим, 2013. – 392 с., 278 ил., 31 прил.

Эта книга автобиографическая. Ее автор Михаил Лазаревич Миркин – один из миллионов советских патриотов, участвовавших в разгроме германского нацизма. Мальчик из еврейского местечка Черей, студент Белорусского государственного университета, беженец, а затем солдат и офицер Красной армии. Михаил быстро взрослеет и мужает, участвуя в сражении под Сталинградом, где он был тяжело ранен. Горькая весть о гибели родных, расстрелянных в гетто, застаёт Миркина в глубоком тылу в пехотном училище. Молодой офицер принимает участие в кровопролитных наступательных боях в Восточной Пруссии. Вновь тяжелое ранение. После войны он учится в Ленинграде, создает семью, отправляется на индустриальное освоение Восточной Сибири, работает в научных учреждениях Советской Белоруссии, а после эмиграции продолжает трудовую деятельность в одной из национальных лабораторий США.

Книга, позволяющая осмыслить и оценить события советского времени на основе личного опыта, наблюдений и размышлений автора, участника и современника этих событий, предназначена для широкого круга читателей.

Научный консультант: доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра диаспоры при Тель-Авивском университете

Леонид Смиловицкий

Литературный редактор и корректор: *Лена Трахтман*

Компьютерный набор: *Григорий Рейхман*

Обложка: *Александр Литин*

Обработка фотографий и верстка макета: *Виктория Яблокова*

Типография «Ной», Иерусалим

© М. Миркин, 2013

ISBN 978-965-92057-0-7

Mirkin M.

From Chereya to Chicago. Jerusalem, 2013. – 392 p., 278 im., 31 attach.

This is an autobiographical story, written by Mikhail Lazarevich Mirkin, one of the millions of Soviet soldiers who fought against and ultimately defeated Nazi Germany. He was a boy from the traditional shtetl of Chereya, a student at Belarus State University, who had managed to escape the Nazi army offensive, and eventually became a soldier in the Red Army. Mikhail grew to adulthood during the battle of Stalingrad, where he was severely wounded for the first time. It was while he was on a course to become an officer that he received the devastating message informing him of the annihilation of his family in the Chereya ghetto. As a young officer, he took part in the fierce fighting during the Red Army offensive in Prussia, where he was severely wounded again. After the war, he continued his Army service, followed by studies in Leningrad, and started his own family. He was involved in the industrial development in Eastern Siberia, worked in scientific institutions in Soviet Belorussia, and, after immigrating to the United States, continued his scientific work in a U.S. national laboratory.

This is a true story that enables us to understand and evaluate the events of the Soviet era, based as it is on the personal experiences, observations and reflections of a participant in the actual events as they occurred and while being invaluable for the professional historian it is aimed primarily at the general reader.

Academic Adviser: Dr. *Leonid Smilovitsky*

Editor and Proofreader: *Lena Trakhtman*

Type: *Gregory Reikhman*

Cover Design: *Aleksandr Litin*

Photo finishing, Layout: *Victoria Yablokova*

Printed by «Noy» Printing House, Jerusalem

© **M. Mirkin, 2013**

For information address: lennymir@yahoo.com

Пусть эти житейские воспоминания
послужат вечным памятником
моим незабвенным дорогим родителям
Лазарю Давыдовичу и Саре Мордуховне,
братикам Грише и Боре, сестренке Асе,
безвременно и безвинно погибшим
в огне Холокоста
6 марта 1942 года в местечке Черя.

Автор

брат Боря (1939 г. р.)

брат Гриша (1929 г. р.)

Сестра Ася (1926 г. р.)

Михаил (1923 г. р.)

Мама Сара (1900 г. р.) и папа Лазарь (1897 г. р.)

Памятник расстрелянным евреям Черен

Оглавление

<i>Леонид Смиловицкий. Об этой книге</i>	11
Предисловие.....	13

Часть первая. От Черей до Ангарска

Довоенное время (16 апреля 1923 – 21 июня 1941).....	21
Военные годы (22 июня 1941 – 8 мая 1945).....	46
Послевоенное лето (9 мая – 18 сентября 1945).....	91
Кировский период (19 сентября – 20 октября 1945).....	99
Возвращение в Глинку (21 октября – 30 ноября 1945).....	104
Бартеновские заметки (1 декабря 1945 – 20 февраля 1946).....	108
Глинковские заметки (21 февраля – 15 июля 1946).....	110
Борисов (16 июля – 31 августа 1946).....	115
Учеба в Ленинграде (1 сентября 1946 – 17 марта 1952).....	119
Ангарский период (18 марта 1952 – 3 августа 1963).....	151

Часть вторая. От Ангарска до Чикаго

На белорусской земле (9 августа 1963 – 26 ноября 1988).....	184
Подготовка к отъезду (8 марта – 26 ноября 1988).....	226
Эмиграция (27 ноября 1988 – 31 января 1989).....	235
Вена. Первые шаги (27 ноября – 7 декабря 1988).....	236
Рим–Ладисполь. В ожидании отъезда (8 декабря 1988 – 31 января 1989).....	238
В Америке (с 31 января 1989).....	251

Послесловие.....	360

Приложения

Подписи к фотографиям.....	362
Именной указатель.....	373
Географический указатель.....	385

Table of Contents

<i>Dr. Leonid Smilovitsky. About this book</i>	11
Foreword.....	13
Part I. From Chereya to Angarsk	
Pre-war times (April 16th, 1923 – June 21st, 1941).....	21
The War years (June 22nd, 1941 – May 8th, 1945).....	46
The summer following the War (May 9th – September 18th, 1945).....	91
The Kirov period (September 19th – October 20th, 1945).....	99
Returning to Glinka (October 21st – November 30th, 1945).....	104
Bartenov notes (December 1st, 1945 – February 20th, 1946).....	108
Glinka notes (February 21st – July 15th, 1946).....	110
Borisov (July 16th – August 31st, 1946).....	115
Studies in Leningrad (September 1st, 1946 – March 17th, 1952).....	119
The Angarsk period (March 18th, 1952 – August 3rd, 1963).....	151
Part II. From Angarsk to Chicago	
On Byelorussian soil (August 9th, 1963 – November 26th, 1988).....	184
Preparing for departure (March 8th – November 26th, 1988).....	226
Emigration (November 27th, 1988 – December 7th, 1988).....	235
Vienna. First steps (November 27th – December 7th, 1988).....	236
Rome-Ladispol. Waiting for a visa (December 8th, 1988 – January 31st, 1989).....	238
America, America (from January 31st, 1989).....	251
Afterword.....	360
Attachments	
List of Photographs.....	362
Index of personal names.....	373
Index of geographical names.....	385

Об этой книге

Для историка, поставившего задачу достоверно восстановить картину прошлой жизни, мало знать и понимать ушедшую эпоху и законы исторического развития, мало иметь пылкое воображение и талант рассказчика – нужны документы и свидетельства очевидцев. Все это, вместе взятое, рождает сплав, который убедит неискушенного читателя в достоверности описываемых событий, даст понимание того, какую цену имеет время, не исчезающее без следа, а продолжающееся в детях и внуках.

Книга Михаила Миркина – это своеобразный пример логики человеческого развития. Неприметный на первый взгляд мальчик из типичного в Белоруссии еврейского местечка Черя Витебской области, уцелел и возмужал, невзирая на все жизненные невзгоды, которые его ожидали.

Почему именно ему предстояло выжить? Бегство от немцев в первые недели войны и жизнь в эвакуации, окончание пехотного офицерского училища и фронт. Тяжелые бои и три ранения, смерть родных в гетто, гибель товарищей по оружию. Возвращение в строй, романтическая история любви, зародившаяся в только что освобожденном от нацистов Борисове, окончание столичного вуза и работа в Сибири, а затем отъезд в Америку. Что это, судьба, предопределенная свыше? Почему из тысяч евреев, нашедших свой конец во рвах и расстрельных ямах, умерших от голода, болезней и непосильного труда в советском тылу, павших под пулями и растерзанных снарядами, минами и бомбами на передовой, не оказалось Миши Миркина?

Кто-то скажет – повезло. Можно ли это оспорить? Однако на правах исследователя, перед которым за более чем тридцать лет профессиональной деятельности прошли сотни человеческих историй, я могу утверждать, что в жизни Миркина закономерностей больше, чем случайностей. Для того чтобы убедиться в этом, дорогой читатель, тебе предстоит прочитать эту книгу.

Не полагаясь на свою память, автор положил в ее основу дневник, который начал вести еще в годы Великой Отечественной войны (дневник для историка – большая редкость, а застать в живых еще и его автора – вдвойне). Писать дневник, как и фотографировать, было строго запрещено (как в Красной армии, так и в вермахте), но Миркина это не остановило. А ведь могло окончиться и по-другому – в СМЕРШе не церемонились.

Михаила, как человека и еврейского патриота, отличает трепетное отношение к памяти. Это заставляло его на протяжении всей жизни собирать и хранить свидетельства семейной истории. Благодаря этому у нас сегодня есть счастливая возможность проследить в деталях этапы становления и развития во многом типичной еврейской семьи, на ассимиляцию которой советская власть потратила столько усилий. Однако за семьдесят лет своего существования от Миркиных она так ничего и не добила, поэтому и отъезд Михаила со всей «мишпухой» в Соединенные Штаты Америки оказался закономерным.

Книга содержит убедительный зрительный ряд – это почти триста интереснейших фотографий. Любительские снимки и документы красноречиво подтверждают повествование. Вглядитесь в эти лица. Так могут смотреть только люди, которым нечего таить. Книга выходит в свет накануне 90-летнего юбилея автора, которого теперь уже многочисленное семейство по праву считает своим патриархом. Мало кому удастся вовремя подвести итоги. Михаил Миркин воплотил свою мечту в жизнь. Воспоминания и размышления – это эстафета, которую он с гордостью передает своим внукам, и лучшего подарка нельзя придумать.

*Леонид Смиловицкий, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник Центра диаспоры
при Тель-Авивском университете*

Предисловие

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу несколько необычную. Это не литературное повествование о жизни и приключениях шолом-алейхемовского мальчика Мотла того далекого времени, а автобиографическая повесть о жизни, деятельности и реальных похождениях местечкового мальчика Мотла в советские времена.

Есть на карте довоенной Белоруссии едва приметная географическая точка – местечко Черей. В нем, как и во многих других подобных населенных пунктах, преобладало еврейское население. С давних пор в этих глухих местах довольно мирно жили мои предки, следуя своему традиционному размеренному патриархальному укладу. Этот покой в одночасье был навсегда безжалостно нарушен незабываемыми кровавыми событиями – Холокостом. Трагически погибли от рук нацистов и их местных пособников все евреи – более 800 человек – Черей, как и многих подобных мест. Об этом нельзя забыть!

Я хотел написать о конкретных людях и времени, в которое довелось жить, и, по возможности, показать, используя фотографии и другие документы, какими были эти люди и какова была эта реальность.

Все повествование состоит из двух частей. Первая из них охватывает начальную, наиболее сложную и трудную часть жизненного пути – от рождения и до завершения работы в далеком сибирском городе Ангарске (1923–1963), где пришлось непосредственно участвовать в создании большой советской энергетики. Во второй части (с 1963 по 2011 год) продолжен автобиографический рассказ о 25-летней научной деятельности в Минске, эмиграции и почти двадцатипятилетнем периоде жизни в Чикаго.

Не суди меня строго, уважаемый читатель, за нередко встречающиеся глупые мысли и наивные суждения, за недипломатичные высказывания и слиш-

ком прямолинейные выражения. Ведь это повествование о житейских событиях на основе дневниковых записей и заметок молодого человека двадцати с небольшим лет, содержащихся в четырех записных книжках-блокнотах военной и послевоенной поры (1944–1948)¹, и последующих воспоминаний «не мальчика, но мужа».

Глазами человека преклонного возраста мне подчас и самому очень интересно посмотреть на себя – юношу, еще не имеющего жизненного опыта. Каким я был в двадцать два – двадцать четыре года? О чем мыслил и о чем мечтал? Чем интересовался и чем увлекался? Как воспринимал и преодолевал все возникшие невзгоды? Как думал, мужал, совершенствовался и воспринял существующую действительность? Насколько сохранил дух еврейства? Какие и с кем сохранились духовные и дружеские связи? Как мы выполнили мудрые житейские заветы своих родителей и свой родительский долг перед детьми, внуками и правнуками, а также перед своими ушедшими в иной мир родителями?

Множество вопросов, простых и не очень, хороших и не всегда приятных... Да разве можно перечислить все могущие сейчас возникнуть вопросы?

Редко кому доводится «перескочить» из одного столетия в другое и, тем более, из одного тысячелетия в следующее, пережить новую социально-экономическую формацию, оказавшись свидетелем ее рождения и бесславного конца. Уже одно это побудило меня, несмотря на немолодой возраст, взяться за перо, правдиво, подробно и последовательно вспомнить и, главное, рассказать детям, внукам и следующим поколениям о пережитом в ту, теперь уже ушедшую в прошлое советскую и постсоветскую эпоху.

Хотелось бы, чтобы когда-нибудь моя правнучка Сашенька, которой сейчас нет и пяти, глядя на мою фотографию военных лет, сказала обо мне, как некогда с гордостью говорил я моим товарищам: «Мой прадедушка Довид был николаевским солдатом!», – своим подружкам: «Мой прадедушка Миша был советским солдатом!».

Мне интересно было взглянуть не только на себя – юношу вообще, но в еще большей степени на прошлые исторические и житейские события, через которые прошла вся моя жизнь и попытаться при этом оценить их с позиций сегодняшнего дня. Обо всем этом я и попытался рассказать на страницах моих воспоминаний, стараясь при этом быть предельно объективным, искренним и правдивым. Насколько мне это удалось – судить тебе, мой уважаемый читатель.

¹ См. Приложение 2 (2.1 и 2.2).

Появление настоящей книги – это результат не только моего собственного труда, но и усилий группы единомышленников, которым выражаю свою глубочайшую благодарность:

- научному консультанту, доктору исторических наук Леониду Смиловицкому из Центра диаспоры при Тель-Авивском университете – за творческие идеи, организационную помощь и научное редактирование;

- Григорию Рейхману, Лене Трахтман и Виктории Яблоковой – за большой труд при наборе и редактировании рукописи и дизайн книги;

- друзьям Владимиру Минкову и Матусу Столову – за дружескую поддержку, ценные советы и добрые пожелания;

- племяннику и основателю нашей американской «мишпохи» Славке Фрумкину – за душевные стихотворения;

- жене Раечке – за советы и долготерпение;

- невесткам Симе и Лизе – за помощь и воодушевление;

- внукам Диме, Инессе, Алисе и Ане – за проявленный интерес, а правнучке Сашеньке – за вдохновение.

Особая родительская благодарность моим дорогим сыновьям Лене и Мите за саму идею и помощь, без которой не был бы возможен выход в свет настоящих воспоминаний.

Автор

About this Book

For a historian who really wants to recreate the past, it is not sufficient to know and understand the past era in question, nor is it sufficient for him or her to have a fertile imagination and the skills of a storyteller – there must also be documents and eyewitness accounts. Together these will create a picture that can persuade the general reader of the authenticity of the events described, and will contribute to the comprehension of the period that has never entirely disappeared, but continues to live on in the thoughts and feelings of the children and grandchildren of those who experienced it.

Mikhail Mirkin's book is a fine example of the evolution and development that took place in his lifetime. His story seems at first to be unremarkable, relating as it does to the vicissitudes of a typical boyhood in a typical shtetl in the Vitebsk region of Byelorussia. What is remarkable is that he survived and thrived despite all of the adversities that he had to confront in his life.

How is it that he did manage to survive? Though he had to flee from the Nazis in the first weeks of the War and was evacuated from his home, he became an infantry officer on the front; was involved in intense, ferocious fighting, being severely wounded three times; learning of the death of his family at the hands of the Nazis and witnessing comrades killed in battle – he nevertheless came back to confront life each time. He eventually found his soul-mate in the recently-liberated Belorussian town of Borisov; graduated from an elite college, worked in Siberia, and then left for the United States. Was his fate somehow predetermined in heaven? Out of the hundreds of thousands of Jews who met their end in the ditches and pits that became their common graves, and those who died of starvation, illness and overwork in Soviet military plants, or those killed by bullets or torn apart by shells, mines and bombs at the front, why was Misha Mirkin not there among them?

Some might say that it was his “lucky stars” and who can argue with that? However, it is the opinion of this researcher, who has studied hundreds of lives in the

course of more than thirty years as a professional historian, that the occurrences in Mr. Mirkin's life were more by design than by chance. To be convinced of this, dear reader, you will have to read this book yourself.

Not relying on his memory, the author based this book on a diary he kept during World War II (it is extremely rare for a historian to find a diary; and doubly rare for the author of the diary to be found alive). Keeping a diary as well as taking pictures was strictly forbidden (both in the Red Army and the Wehrmacht) – but Mikhail was not deterred by this, though things would certainly have ended differently had his little secret come to light. The SMERSH¹ would not have shown him any mercy had they found out. Mikhail, both in general and on account of the Jewish values imbued in him, exhibited a deep appreciation of the importance of recorded history. This trait caused him to collect and keep a living testimony of his family's history throughout the entire course of his life. Thanks to this, we have in this work, the unique opportunity to retrace in detail the evolution of what is, in many respects, a typical Jewish family, which the Soviet authorities worked so hard to assimilate into their system. However, in the course of over seventy years of power, the Soviet regime did not achieve this objective in the case of the Mirkins, and consequently the departure of Mikhail along with his whole *mishpucha* to the USA seems to be naturally determined.

The book contains a number of convincing visual documents – almost three hundred very interesting photographs. The amateur photos and documents eloquently confirm the narration. Look closely at the faces portrayed here. Only people who have nothing to hide can look back at you in such a frank, ingenious and sincere way.

This book comes out on the eve of the author's 90th birthday, when he is rightly considered a patriarch by the members of his family. Only a few among us manage to sum up our lives in time. Mikhail Mirkin has realized this dream. He passes on his reminiscences and reflections to his grandchildren as if passing the baton of life to them, and one cannot imagine a better gift.

*Dr. Leonid Smilovitsky, chief researcher,
The Goldstein-Goren Diaspora Research
Center, Tel Aviv University*

¹ SMERSH (Russian: СМЕРШ, acronym of Smert' shpionam; "Death to spies") was the counter-intelligence agency of the Red Army formed in late 1942 or perhaps slightly earlier, but officially founded on April 14, 1943. The name SMERSH was coined by Joseph Stalin. Stalin, obsessed with conspiracies and espionage, needed an additional watchdog to deal with the strategic crises, and SMERSH filled that role. The organization was officially in existence until March or April 1946, when its duties were transferred back to the KGB.

Foreword

Dear reader,

This book is not a literary concoction about a Jewish boy. Although it might seem reminiscent of the adventures of Sholom Aleichem's Mottel in the 19th century, this book is about real events in the life of a shtetl boy who was born and lived in the Soviet era and it is truly autobiographical.

There is a scarcely noticeable geographical speck on the pre-war map of Belarus: the shtetl of Chereya. In this shtetl, as in many other similar shtetls, the population was primarily Jewish. For a long time in these far-flung little places my ancestors lived quite peacefully following their traditional, measured and patriarchal way of life. This peaceful world was mercilessly and permanently destroyed in one bloody event – the Holocaust. As in many similar places, all Chereyan Jews – more than 800 of them – were killed at the hands of the Nazis and their local collaborators. This is something that cannot be forgotten. I have attempted to write about real people and about the time I chanced to live in, as well as to show, with the help of photographs and other documents, what these people and their world were really like.

The entire narration consists of two parts. The first part covers the initial, the most complex and difficult part of my life journey – from birth to the completion of my work in the distant Siberian city of Angarsk (1923-1963), where I took part first-hand in the formation of the large Soviet power production and supply system. In the second part (1963-2011), the autobiographical story continues relating my 25 years of research activities in Minsk, my emigration to the United States, and almost 25 years in the city of Chicago.

I ask my readers not to judge me too strictly for any fatuous thoughts or naïve opinions, any indelicate or imprudent statements or obtuse expressions. You see, a large part of this narrative is based on the notes from the diaries of a young,

20-something-year-old boy, which are contained in four notebooks of the war and post-war era (1944-1948). The storyline gradually switches to be told not by a boy but by a man.

It is interesting for me in my declining years to look at myself, my youth, without any life experience. What was I like at twenty-two or twenty-four years of age? What was I thinking and dreaming about? What interested me and carried me away? How did I perceive and overcome the adversities that arose? How did I mature, perfect myself and regard the world around me? To what extent did I preserve my Jewish roots? What ties did I have and with whom did I maintain close personal friendships? How did we fulfill our parents' wise and worldly percepts, our parental obligations to our children, grandchildren and great-grandchildren, as well as our obligations to our parents who had left this world? There are a lot of questions, simple and not so simple, agreeable and not... Is it, indeed, possible to enumerate all the questions that now come to mind?

Rarely can one jump from one century to another, to say nothing of jumping from one millennium to the next; to outlast a new socio-economic system, finding yourself to be a witness to its birth and to its inglorious end. Just this alone made me take up the pen despite my advanced years, and to remember in truth and in detail all that has happened. But chiefly, I write to tell my children, my grandchildren and future generations about my experiences during the already-thing-of-the-past Soviet era, and the post-Soviet period.

It is my wish that at some point my great-granddaughter, Sashenka, who is not yet five now, will look at my wartime photograph and say about me (as I would once have proudly said to my friends: "My great-grandfather David was Nicolai Soldaten!") to her friends, "My great-grandfather Misha fought the Nazis in the Red Army!"

It was interesting for me to look back not only at myself, but at the world at large and at past historical events that determined the course of my life, while at the same time evaluating these events from today's perspective. I include my observations in these memoirs and at the same time have done my utmost to be objective, sincere and truthful. My readers will have to judge whether or not I have been successful in this.

The publication of this book is the result of not only my work, but of the efforts of a group of like-minded individuals to whom I want to express my deepest gratitude:

- to Dr. Leonid Smilovitsky, for his creative ideas, organizational help and scientific editing;

- to Gregory Reikhman, Lena Trakhtman and Victoria Yablokov, for their great work in the typesetting and editing of the typescript and the book graphic design;

– to friends, Vladimir Minkov and Matus Stolov, for their support and invaluable advice;

– to my nephew and the founder of our American *mishpucha*, Slava Frumkin, for the poetry straight from his heart;

– to my wife, Rayechka – for her advice and patience;

– to my daughters-in-law, Sima and Liza, for their help and enthusiasm;

– to my grandchildren Dima, Inessa, Alisa, and Anna, for their interest;

– and to my great-granddaughter Sashenka, for providing me with the inspiration.

My special gratitude goes to my dear sons Lenny and Mitya for giving me the idea itself and for the help without which these memoirs would not have seen the light of day. Seeing the literary fruit of this joint labor in my lifetime is a blessing granted from above.

And so, dear reader, the time has come to move forward and I wish you a very good trip through the pages of this book on the waves of my memories.

M. M., Chicago

Часть первая. ОТ ЧЕРЕИ ДО АНГАРСКА

Довоенное время (16 апреля 1923 – 21 июня 1941)

Родился я, как и все рождаются. Отец мой Лейзер жил в городском поселке Крупки Минской области, а мама Сара – в деревне Староселье Крупского района (*фото 1*). Они полюбили друг друга и поженились, а 16 апреля 1923 года в деревне Бобр Крупского района у них родился Мота, будущий Михаил Лазаревич, то есть я. Назвали меня в память о покойном дедушке, отце мамы – Сімене-Моте.

Отец с детства был трудолюбивым и добродушным человеком. Несмотря на свой достаточно твердый характер, иногда он мог заплакать, как маленький ребенок. Все заботы его были обращены на семью. Эти старания я чувствовал на себе все время. Папа, будучи одним из многих сыновей своей матери, имевшей 14 детей, отличался покладистым и мягким характером, проявлял исключительную заботу не только о своих родителях, но и о других родственниках.

Моя мама Сора была чуткая, добрая, но крайне нервная. Стоило ее чуть встревожить или расстроить, и она уже близка к обмороку. Из-за детей убивалась до невозможности, могла все отдать ради их благополучия. Наверное, это связано с тем, что первый ребенок родился мертвым. Я узнал это от моей двоюродной сестры Хаи (Кати), когда в 1946 году гостил у нее в Брянске. Поскольку я был старшим сыном, то понятно, что больше всего мама хотела вывести меня в люди.

Родился я физически здоровым, но до пяти лет меня мучила золотуха. Помню, как с плачем я вставал утром и не мог открыть слипшиеся глаза. Как бедная мама страдала из-за этого! Хотели даже операцию делать, но благодаря вмешательству одного хорошего доктора не сделали. Он сказал, что через год или полтора само пройдет. И действительно так случилось, и с того дня как не было. Больше я никогда ничем не болел. Занимался и занимаюсь физкуль-

турой и разными видами спорта, поэтому организм крепкий и выносливый до настоящего времени.

Когда мне исполнился один год, то есть в 1924 году, отец и мать переехали в местечко Черее Витебской области, преимущественно еврейское по населению и образу жизни. От железной дороги отстоит оно далеко: от станции Вятны на 18 километров, от станции Бобр на 30 километров. Что называется, глубинка, но вовсе не глушь. Когда вспоминаешь веселое детство, никогда так не скажешь.

Местечко располагалось в живописном месте: кругом замечательные леса, полные ягод, грибов и орехов, на окраине – большое озеро (примерно три километра в длину и шириной с километр). Встречаются гористые места. Очень много зелени и садов. Вдали виднелась соседняя деревня Белая Церковь, названная так не случайно – белая высокая церковь отовсюду была видна и выделялась, как маяк на море. Озеро в этом месте, соединяясь с другими озерами, образовывало громадное водное пространство, окаймленное темным лесом.

В городке было две церкви, костел и уцелевшая синагога (одна из трех существовавших раньше), куда я бегал мальцом. До 1941 года действовали винзавод, лесопильный, сукновалка, различные артели, за три километра – кирпичный и молочный заводы, две хлебопекарни, швейные и сапожные мастерские, кинотеатр, одна средняя, одна неполная средняя и три начальные школы, электростанция, магазины (в том числе универмаг), почта, детский дом, гараж, больница, ветлечебница, казармы, в которых находились когда-то воинские части (это помню очень смутно), гончарная артель, леспромхоз, сады, пожарная, ресторан, парикмахерская, изба-читальня, рыбацкая артель и много лодок, баня на берегу озера и пр¹. Административно это был сельсовет. Проживало здесь около 1500 человек, как я уже отмечал, в большинстве своем евреи, но также белорусы, когда-то (очень мало) поляки, на время оседали цыгане. Скушать не приходилось.

Из наших родственников в Черее жила сестра отца Соша с мужем Ичей Молочником. Мы часто ездили к ним в гости, пока они не уехали в Борисов, где жили до самой своей гибели в 1941 году. После их отъезда из родственников в Черее осталась лишь мамина тетя (не помню, как ее звали), она к нам часто приходила. Вообще, было к кому заходить, поскольку *але идн зайнен бридер*².

Маленький дом наш находился в самом центре местечка (улица Горская, 2). Неподалеку сельсовет (только мимо кузницы пройти), в ста метрах еврейская

¹ См. Приложение 1.

² Все евреи – братья (*идиш*).

школа, да и все остальное так же близко. Поэтому не удивительно, что, когда я учился в еврейской школе, по утрам меня будил школьный звонок. Пока учитель шел в класс, я успевал оказываться за своей партой. Дом наш был замечательный – новый и красивый, с кухней, столовой, залой и спальней, расположенными очень удобно. Позже, в 1938 году, к нему добавили крыльцо и пристройку, впоследствии сыгравшую положительную роль в приобретении мной независимости. Помню, всякий при входе в зал оказывался перед большим зеркалом и видел себя во весь рост. Помню еще, как в столовой отец шил шорные принадлежности: хомуты, седла, подпруги и прочее, которые мать потом продавала.

А знакомство какое обширное было! Весь район знал отца, ибо не только в сельсовете, но и в районе он был единственный шорник. У нас имелась своя швейная машина, на которой мама шила одежду для нашей семьи и на заказ. В целом материально жили довольно хорошо; уже в конце 30-х купили кровать с матрацем.

В раннем детстве я боялся колокольного звона, поэтому, когда мы проходили мимо костела и в это время звонили в колокола, маме приходилось заходить со мной к кому-нибудь и сидеть там до тех пор, пока не перестанут звонить. И еще: плакал, когда мне говорили «у тебя два яйца» (глупое детство!). Как-то раз маленькие утята меня «в оборот взяли» и чуть не заклевали, сбросив с крутого берега в ручей. Кажется, это самое раннее, что мне помнится. А еще: как с завалинки дотягивался до волчьих ягод, как собирал этикетки с бутылок и пустые пачки из-под папирос со счастливым номером «сто» (говорили, что тому, кто найдет пачку с таким номером, дадут премию...), как совсем маленьким дружил с девочкой Розой и вместе с ней стоял в «болоте» у нас во дворе. Хорошо помню, как ходил в детский сад (сначала еврейский, потом русский) и какие песни там учили и пели, и мои ранние «костюмы». Образ воспитательницы детского сада до сих пор хранится в моей памяти. Как все это дорого... Чего только ни выделял я в детстве! Носился, как все пацаны, потеряв голову. И сколько раз калечился (ни разу в больницу не ходил)! На левой ноге сохранился шрам с тех лет, а также на голове, на нижней губе, на правой руке и т. д. Ведь детство – тоже своеобразная «война»: между тобой и такими же, как ты, между тобой и природой, между тобой и отцом с матерью.

В 1926 году родилась моя сестренка Хася. Имя ей дали в память о матери мамы – Хаше-Муля. Хорошенькая, полная, доверчивая, стеснительная – впоследствии высокая, немного нервная (наследие матери) красивая девушка (*фото 2*). А тогда, когда она чуть подросла, у меня появилась подружка и с кем «повоевать», кроме посторонних. Можно было вести «войну», не выходя из дома, в любой сезон, погоду и час суток. Почему-то я с ней не очень дружил, больше дрался и ругался, но одновременно не давал ее обижать другим, посто-

ронним. Готов был, если ее кто пальцем тронет, сделать что угодно. Вообще-то вспыльчивым я никогда не был, злым – да. Однажды вместе с «товарищами» бил привязанную к столбу кошку (какое злодейство!), после чего Мейшку Кроза прозвали «котолупом».

Запомнился такой случай. Рядом с нами жили соседи – дальние родственники, Минковы, с которыми, между прочим, мама была в ссоре и не разговаривала даже. Так вот, был у них сын Гриша – настоящий мой товарищ, с которым однажды моя сестра что-то не поделила. Через забор они начали бросать друг в друга камни. Я поспешил к сестренке на помощь, и началась настоящая «перестрелка». Сестра тем временем мирно уселась на забор, который отделял нас друг от друга, а я продолжал «воевать». Должно было случиться так, что я бросил в «противника» очередной «снаряд» и попал не в него, а в сестру, которая сидела на заборе, да еще в голову. Что тогда было!..

В 1928 году к нам начал ходить ребе учить меня. За непослушание этому *кеймену* (так прозвали этого ребе) отец однажды ударил меня, и это был, пожалуй, единственный случай, когда он поднял на меня руку. Ничего, потом я понял, что наказание пошло на пользу. Второй *зман*¹ заканчивал у другого *меламеда*², которому однажды приклеил бороду к столу, пока он дремал. Учеником я был способным, особенно успевал по математике. Часто ходил в синагогу – уцелевшую одну из трех³, – и мне, как и другим детям, покупали *колокотки* (своеобразные молоточки). А холостые пули, а углы, а озеро... Все-все припоминается.

В 1929 году родился пятый член семьи – братик Гришка. Он отличался хорошими умственными способностями, но физически был очень хилый, слабый. Часто болел и, главное, не мог бегать и физически трудиться. Стоило ему пройти два шага, как он задыхался, кашлял и хрипел. Я от души любил Гришку за его находчивость и сообразительность. С ним можно было делать что хочешь. Круглолицый, черноволосый, глаза черные-черные, носик правильный и вообще красивый, он привлекал внимание (*фото 3*).

В 1930 году меня отдали в первый класс еврейской семилетки. Начальные классы тогда располагались в одном из зданий детского дома возле костела. Рядом была спортивная площадка, где играли в футбол (особенно запомнился парень по фамилии Волчек), волейбол, баскетбол, где стояли качели и другие спортивные снаряды. Здесь в то время собиралось много ребят. Я уже про-

¹ Семестр (*идиши*).

² *Мелáмед* – учитель (*идиши*).

³ מישנאגדישע שול – синагога для бедных, די מיטעלע שול – для среднего сословия, די ארעמע שול – для богатых (*идиши*).

бывал играть в волейбол, но меня с треском прогоняли с площадки пинками. Было очень обидно: почему я не большой, а такой маленький? Зимой всегда катался на лыжах и саночках и не раз разбивался в пух и прах. Любимыми же были самодельные коньки (деревянная колодка с натянутой металлической проволокой снизу).

Клуб в то время помещался там, где впоследствии разместился детдом, – возле электростанции¹. На сцене часто выступали самодеятельные коллективы, были постановки (как артистка несколько раз участвовала и моя мама), приезжали клоуны, силачи, показывали кино, играл духовой оркестр, устраивали танцы. Часто в клубе проходили лекции и доклады, преимущественно на антирелигиозные темы и направленные против господ Б-га. Смутно мне все это вспоминается сейчас, за письменным столом.

Учился я хорошо. Помнится, как быстро решал задачи и как учительница вынуждена была давать другие – из учебников для второго или третьего класса. Сначала нас учила Дольникова, потом Мерзлякова, которая вспылала ко мне какими-то особыми чувствами. Не знаю почему, но она меня любила настоящей девичьей любовью. Сколько стихотворений она мне посвящала (я ведь был ребенок!), сколько раз, положив руку на мое плечо, ходила со мной вокруг школы! Сколько раз я забежал к ней на дом за различными вещами...

Незаметно прошел и второй класс. Я по-прежнему хорошо учился. Перешел в третий. На меня стали смотреть уже как на «большого». В третьем классе нас учила пожилая учительница по фамилии Капелюш. Муж у нее был русский – Пшенка. К ней мне часто приходилось по утрам бежать и будить ее, потому что на уроки она все время опаздывала. После учебы я всегда находился в школе – там жизнь кипела. Помню, однажды устроили воскресник – длинной цепочкой растянулись мы от одного школьного здания к другому для передачи поленьев. Часто были постановки и вечера. Особенно запомнилась мне учительница Кацович – такая приятная, хорошенькая, а какая веселая!

С не меньшим успехом я перешел в четвертый класс. Преподавала у нас Генкина, жена директора школы, который был также замечательным самодеятельным артистом. До сегодняшнего дня ее образ передо мной. Она была красивая, нервная, со слабым сердцем. Однажды я даже был виновником ее обморока прямо на уроке.

Потом вдруг я стал учиться намного хуже – даже один раз вышел отвечать к доске и не знал урока. К тому времени я уже ходил со своей «компанией» на кирпичный завод – за три километра. Место там удивительно красивое,

¹ Электростанция это громко сказано – всего несколько крупных электрогенераторов на мясокомбинате.

много деревьев. Стыдно сказать, сколько мы их порушили и сколько разорили птичьих гнезд. С неизбывным интересом смотрели, как кирпич палят!

Примерно в это время я стал проявлять интерес к игре на скрипке. Дело в том, что мама неплохо играла на этом инструменте. Увидев, что я интересуюсь, не оставила это без внимания. Незаметно я окончил четвертый класс и перешел в пятый. Здесь я стал немного посерьезнее и самостоятельнее. В этом классе подружился с Семеном Казиником (мой настоящий душевный друг) и Гилей Гутиным. И с этих пор мы стали неразлучными друзьями. Надо сказать, к себе я не всегда относился критически, и это с моей стороны было большим свинством. Иногда не выручал друга на уроках, хотя и мог это сделать. Порой хотел показать собственное «я» за счет товарища; этого себе никак не могу простить. Я еще не совсем понимал, что такое товарищество, и не знал, что настоящая дружба сильнее всего на свете, даже любви. Наши отношения скреплялись и совместной игрой: я на скрипке, Гиля на мандолине и Семен на гитаре. Выступали даже на сцене.

Учился я, как и раньше, прилежно и ответственно. Меня сфотографировали (с красным галстуком) и снимок поместили в витрине ударников. Однако арифметика в этом классе мучила меня, как и всех остальных. Поэтому, не решив задачи, не раз я даже не заходил в класс, а учитель, придя на урок, страшно сердился за это.

В конце учебного года мне дали путевку в пионерский лагерь, который располагался под Лепелем, центром округа, наградили грамотой и выдали премию – несколько книг. В лагере отдохнул замечательно. Хорошо запомнилось, что родители дали мне с собой три рубля. Там увлекся волейболом всерьез. Правда, на первых соревнованиях болельщики говорили, что тот, в черной соколке (это был я), играет хуже всех, но мое желание научиться играть брало верх, и я не обращал внимания на их слова. Здесь у меня начался длительный юношеский роман с Манечкой Молочник (кстати сказать, она выстраивала наши отношения, а не я). С того времени я начал вести дневник, который хранил в большой тайне от мамы. Там я писал о различных впечатлениях и переживаниях, о мальчишеских похождениях. Юношеский расцвет почувствовал в шестом классе. Уже начал увлекаться девочками (в частности, Геней Каган, рыбацкой дочкой), а было мне 13 лет.

Летом 1936 года к нам в гости приехала из Ленинграда мамина сестра тетя Фаня (девичья фамилия Андрачник, по мужу – Коган). Она привезла мне подарки от своего старшего сына, моего двоюродного братишки, тоже Семки: волейбольный мяч, мандолину и толстенный том стихотворений А. С. Пушкина. Все это было очень кстати, ибо я увлекался одинаково и игрой на мандолине, и волейболом, и литературой. К этому времени я уже успел «проглотить» множество книг, записывая их названия в специальную тетрадь. Моя кро-

вать стояла рядом со швейной машиной, которая в собранном виде служила столиком. Вечером я зажигал керосиновую лампу, ставил ее на этот столик и читал лежа почти до утра; впоследствии это сказалось на моем зрении. Успел прочитать очень много. Особенно полюбил Майн-Рида, А. Дюма, Ф. Купера, Ж. Верна, Шолом-Алейхема, Менделя Мойхер-Сфорима и многих других, а больше всего веселые приключенческие романы.

Поскольку стал увлекаться девушками, то начал гулять до позднего вечера, а то и до утра. Часто приходилось будить отца или мать в три-четыре часа утра, чтобы они мне открыли дверь. Правда, мама мне никогда ничего не запрещала и не укоряла, но я сам знаю, каково вставать во время самого крепкого предрассветного сна. Спасла меня пристройка. Благодаря простейшему приспособлению я смог самостоятельно открывать дверь и никого не будить. «Тайну обыкновенной веревочки», как назвал я это устройство, знал лишь я один. С тех пор я гулял отчаянно и много.

Роста я был небольшого, ниже всех, но ни в учебе, ни в чем другом не отставал ни от кого. В этом заслуга моего учителя Ильи Наумовича. Вообще учителя в еврейской семилетке были у нас замечательные: по математике Яков Давыдович Львович; по еврейскому языку и зоологии Илья Наумович Хосид (оба выпускники Витебского еврейского педагогического института); по истории и географии Шура Моисеевич Рабинович (директор школы); по русскому языку и литературе Эсфирь Соломоновна Кац (мать Роальда Романова и невестка единственного в Черее уважаемого и любимого доктора Федора Михайловича Романова); по черчению Гельфанд; по немецкому языку, кажется, Хайкина. Какой хороший и сплоченный коллектив был!

Больше всех из учителей я любил Илью Наумовича. Это был молодой, жизнерадостный, полный энергии и сил, неутомимый и всесторонне развитый человек. С ним я дружил до последнего дня пребывания в школе и многим ему обязан (*фото 4*). Именно он привил мне любовь к искусству, музыке, литературе, языку, природе, фотографии. Помнится, как я написал по картине рассказ «Верблюды в степи», от которого он был в восторге и который зачитал всем ученикам. Он организовал великолепный хор с декламацией, в котором я участвовал и как декламатор, и как музыкант; фотокружок, который вначале насчитывал всего шесть человек: меня, Семена, Гилю, Маню Молочник, Хаю Зак и Иду Лившиц – после того как Геня Каган ушла. Как весело было в нем! Вечерами мы собирались в школьной лаборатории и там работали над фотокарточками, веселились и пр. А летом вместе с Ильей Наумовичем отправлялись в разные красивые места и снимали там природу и себя. Как жаль, что мои многочисленные фотографии пропали во время войны. Вот бы посмотреть на них сейчас!

Другой любимый учитель – Яков Давыдович. От него у меня увлечение шахматами, шашками, домино, радио, математикой. Часто с ним вдвоем мы оставались в физическом кабинете школы и проводили различные физические опыты. А химию я почему-то невзлюбил тогда, и так это осталось по сей день.

В выпускном – седьмом – классе нашей семилетки было всего 16 учеников: четверо ребят и двенадцать девушек. Вот списочный состав класса и краткие сведения о каждом из учеников, которые мне были известны в 1946-47 гг.¹:

Маня Молочник – служит в армии на Сахалине;
Ида Лившиц – живет с сыном в г. Львове, без мужа;
Аня Зак – воспитательница детского сада «Березино» в г. Новоборисове (Белоруссия);
Паша Агароник – работает в военторге г. Орши (Белоруссия);
Мера Кокина – оканчивает учебу в медицинском институте в г. Куйбышеве (*фото 5*);
Рая Гольдберг – работает в жилищном управлении г. Орши, замужем;
Геня Каган – живет в г. Владивостоке, замужем;
Лиза Праглина – живет в г. Чкалове (Россия);
Сима Смусина – погибла в гетто Черей 6 марта 1942 года;
Соня Лурье – нет сведений;
Ася Рудина – до 1940 года жила в г. Борисове;
Семен Казиник – учится и работает в г. Ленинграде;
Гиля Гутин – погиб на войне, был женат;
Борис Шерман – нет сведений;
Соня Капелюш – врач, живет в г. Брянске;
Мота Миркин – студент Ленинградского политехнического института, г. Ленинград.

Живут в моей памяти учителя и ученики Черейской еврейской семилетней школы (*фото 6*) более семи десятков лет. Где они сейчас, что с ними случилось? Можно лишь предполагать и гадать. Зато доподлинно известно, что случилось с еврейской семилеткой в м. Черей: в 1938 году ее преобразовали в русскую школу. Таким образом изучение идиша стало недоступным для молодого поколения, он был предан забвению...

Вернемся, однако, к моим одноклассникам. У нас была своя компания: Маня, Ида, Хая, я, Сема, Гиля, Рая Клугман. Нас почти всегда видели вместе. Почему-то Ида мне никогда не нравилась, хотя она отличалась энергией, тем-

¹ Вполне вероятно, сведения об учениках неточные или вовсе ошибочные. Они взяты из моих записных книжек 1944-46 годов.

пераментом, жизнерадостностью, пела – и только (вопрос самому себе: а что еще нужно, чтобы нравиться?). Я, Семен и Гиля хорошо дружили. Из девушек я более других симпатизировал Асе Рудиной, Соне Лурье, Гене Каган и особенно Манечке Молочник.

Про симпатичную Маню надо сказать особо. Она была всего на пару лет старше меня, но умнее во сто крат. Ведь в этом возрасте и год значит очень многое. Долгое время она, наверное, интуитивно, исподволь, окольными и тайными дорожками, строила наши отношения, а я ничего не понимал: показывая мне свою благосклонность, она одновременно как бы подшучивала надо мной. Я терялся, краснел, мне было неловко и стыдно...

Я сидел на уроках и думал о чем-то. Моим соседом по парте был Семен. В одном ряду с нами сидела Маня с еще одной ученицей, а дальше было окно, через которое виднелся наш дом. Я смотрел в окно и мимоходом поглядывал на Манечку. Она это чувствовала и понимала, почему я смотрю на свой дом и что я хочу видеть и вижу. Как чудно она мне улыбалась тогда! Кажется, более счастливых минут у меня никогда не было. И так длилось почти год.

Сколько раз Маня писала на доске «ММ + ММ», а я, дурак, и не догадывался, что это мои и ее инициалы (Маня Молочник). Она давала мне читать романы, но я и не пытался их применить к нашим отношениям. Я был глуповат... Однако чувствовал, что начинаю увлекаться ею всерьез, как и она мною. Моим наперсником был Семен. Его я всегда посвящал в свои тайны (так же как и он в свои), и он давал мне ценные советы. Маня жила далеко от центра – ее старенький дом был на Борисовской улице. С его противоположной улице стороны – по направлению к огороду – стояла «наша» скамейка, на которой я так много раз сидел и любовался не столько окружающей природой, сколько дорогими чертами и глазами Манечки. Как это было чудесно!

Как-то отец по моей просьбе купил балалайку. Первым долгом я сам научился на ней играть, а потом стал учить и младшего братика Гришку. Воспринимал он музыку удивительно хорошо и запоминал все, вскоре мы с ним вдвоем: я на мандолине, а он на балалайке – уже смогли играть довольно бойко. Часто по вечерам мы сидели вдвоем на нашем крыльчке, и звуки вальса неслись далеко-далеко по округе, привлекая внимание прохожих. Конечно, восхищались не мной – я ведь был «большой», а им, маленьким восьмилетним пацаном, так хорошо играющим на инструменте, который больше его самого. В школу Гришка пошел в семь лет и замечательно учился. Я гордился своим умным братиком.

Сестренке Хасе учеба давалась хуже. С ней то и дело приходилось заниматься, но мне это было даже в какой-то мере интересно, и я ей помогал всегда, а при необходимости и выручал. Конечно, это вовсе не мешало нам после мирной совместной работы подраться. Так шли мои дела. Отец и мать были мною довольны, и все их старания были направлены на одно – сделать

из меня человека. И я это понимал. Не говоря никому ни слова и ни с кем не делясь, я тайно решил, что, когда достигну своей желанной цели, то есть закончу университет, пойду учиться дальше или работать, но, в любом случае, буду помогать всеми силами сестренке и, главное, отцу и матери. В помощи моей они, конечно, не нуждались. Отец говорил, что, пока руки у него могут держать шило, ничья помощь не потребуется, но, чувствуя искреннюю заботу родителей о себе, я не мог не испытывать в ответ благодарность и не принять упомянутое решение. При этом, повторяю, я никому об этом не говорил. Так они и погибли 6 марта 1942 года¹, ничего не узнав о моих планах...

После того как у нас в гостях побывала тетя Фаня из Ленинграда, я завел переписку с моим двоюродным братом Семкой, точнее он со мной. Как хорошо и логично он писал – все подробно, причем на самые разные темы. Вообще-то Семка занимался математикой. Позднее он поступил в аспирантуру Ленинградского кораблестроительного института и готовился защищать кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени. Такой же план был и у меня. Но война все прервала... Остался оборванный конец от длинной нити, связывающей всю мою учебу.

Наступил сентябрь 1938 года. Я поступил в восьмой класс белорусской средней школы № 2 (*фото 7*). Все здесь было другим, главное – общество сверстников. Но у меня остались прежние друзья, мы даже крепче дружить стали. В дневник каждый день я аккуратно записывал все основные события и понемногу стал перечитывать то, что писал ранее, т. е. всего два-три года тому назад.

Сначала учиться было не так легко, поскольку пришлось переключиться на белорусский язык. Но вскоре я стал заниматься как по маслу и даже «выскочил» в число передовиков. Директором школы был замечательный человек Михаил Яковлевич Тимощенко. Он вел у нас математику. Отличный учитель, он также любил искусство и музыку. Вскоре он заговорил со мной о создании школьного ансамбля песни и пляски. Я обрадовался и вызвался помочь. Были закуплены инструменты для оркестра: домры², балалайки, мандолины, гитары и пр. – и создан замечательный хор. Я стал штатным заместителем директора по музыкальной части. Плясовую группу возглавила жена директора Екатерина Ильинична. Репетиции ансамбля проводились часто. Своим инструментом я избрал самую маленькую домру-пикколо, имеющую в длину не более 30 сантиметров. На ней было довольно трудно играть, и только потому, что было трудно, я стал на ней играть. На вечерах и выступлениях ее писк

¹ Имена моих родителей, сестренки и двух братьев в 1992 году увековечены в «Яд ва-Шем», а в 2010 – в Иллинойском музее Холокоста (Скоки, пригород Чикаго).

² *Дóбра* – русский народный струнный щипковый музыкальный инструмент с тремя или четырьмя струнами. Для извлечения звука используется медиатор.

был далеко слышен и выделялся из всего оркестра. Учителями в школе, кроме директора и его жены, у нас были:

Захаревич Екатерина Владимировна – по русскому языку и литературе, подруга Мини Фишкиной (матери Максима Маевского), обаятельная, интеллигентная и всеми уважаемая, спасительница Максима (см. об этом во второй части, на с. 317–319);

Карпович Тихон – по истории;

Шилов – по белорусскому языку и литературе;

Шидловская – по анатомии и зоологии;

Фарбман – по немецкому языку. Это она была безумно влюблена в самого красивого спортивного телосложения ученика нашего класса Витьку Романова. Без всякого стеснения буквально его преследовала, добиваясь взаимности. Но ее не получилось, и любовь осталась безответной. К слову сказать, с большей симпатией Витька относился к Иде Лившиц.

Фамилии и имена многих учеников, с которыми я последние три года учился в одном классе, я уже позабыл. Но, к счастью, не все, и некоторые из них до сих пор помнятся: Ира Зинькевич, Валя Пушнова, Валя Лукьянова, Надя Дозорцева, Поля Гринь, Соня Дубровская, Аня Дубровская, Клава Дубровская, Рая Клугман, Ида Лившиц, Виктор Романов, Толя Шибeko, Дмитрий Дубровский, Петр Млявый, Нина Радашкевич, Николай Радашкевич, Рыдлевские, Малявцев, Мурашко, Леня Фарбман.

В восьмом классе я вступил в комсомол и в дальнейшем стал председателем школьного комсомольского комитета. Как и в прежние годы, почти весь день пропадал в школе. Но все же это было не то, что в еврейской семилетке! В этой школе учились ребята из близлежащих деревень, поэтому организоваться было труднее, ведь им приходилось ежедневно идти из деревни в школу и обратно, преодолевая кто три, кто пять километров в один конец по проселочным и лесным дорогам в любую погоду. То ли дело у нас в семилетке: все ученики жили на расстоянии не более полукилометра от школы, и легко было собираться в любое время и делать все, что наметили. С каким интересом и азартом мы там готовились к праздникам! Обычно ребята развешивали, прибавая к стенам, лозунги, плакаты, портреты и приносили из леса елки и березу, сами празднично одевались. Девушки мыли полы, окна, двери, делали и прикрепляли к ним различные украшения и наряжались сами. Как хорошо было встречаться в таком виде на торжестве! Вспоминается, как чудно в 1937 году мы встречали новый год в школе, возле елки, и что выделявали наши школьные клоуны Сема и Борис Шерманы во главе с Ильей Наумовичем! Как по-

том танцевали, играли, веселились и пели! Как приятно было сидеть за одним столом со своими товарищами, девушками, учителями, сколько радости это доставило родителям!

За время учебы в еврейской школе появилось много деревенских знакомых. Мы организовали драмкружок и несколько раз выступали у нас и в соседних деревнях. Надолго запомнилось выступление в деревне Горы (в пяти километрах от нас), где я играл роль красноармейца в шлеме и с винтовкой. За нами прислали колхозные подводы, и мы почувствовали себя настоящими артистами. А потом, в деревне, мы с успехом сыграли пьесу, и председатель колхоза нас хорошо угостил. После спектакля организовали танцы, и было весело дальше некуда. Танцевать я научился, будучи в седьмом классе – позже всех. И то благодаря настойчивости девушек. Семен и Гиля умели, а я нет. Они и решили меня научить, чуть ли не силой. Вскоре я все-таки научился, и когда в школе был выпускной вечер, я уже вполне мог танцевать, не отставая от веселой компании. По окончании восьмого класса ездили на конкурс школьной самодеятельности в г. Лепель и заняли там довольно высокое и почетное место. Встречали нас замечательно, и настроение было отличное. Поездка удалась!

Летом я читал книги, занимался музыкой и писал какие-то ноты, вел дневник и запись прочитанных книг, ходил в кино и гулял с друзьями. Вместе с тем участвовал в домашних делах, помогал по хозяйству – всегда любил пилить, колоть и складывать дрова, вскапывать и поливать огород, заготавливать сено для коровы. Еще занимался с сестренкой. Многие родители отстающих учеников просили меня, чтобы я «подтянул» их детей по некоторым предметам перед предстоящей переэкзаменовкой, я, естественно, делал это и зарабатывал таким образом небольшие деньги, которых хватало на кино и на танцы. Ежедневно ходил на почту, получал газеты (и письма) и читал их; эта любовь к газетам с тех пор крепко укоренилась во мне и осталась на всю жизнь. Выписывали мы «Зорьку», «Пионерскую правду» и «Дер Эмес» («Правда») на языке идиш. Продолжал заниматься фотографией, и уже собралось огромное число фотокарточек; среди них были прекрасные виды: озеро в разных ракурсах, школы, церкви, кладбища, сады и пр.

Часто мы с ребятами и девушками катались по озеру, купались, загорали. Как чудесно в солнечный день сидеть в лодке, скользящей по зеркальной водной глади, по пояс голым, играть на гитаре, слушать пение рядом сидящих подруг и острооты Семки Казиника – нет большего удовольствия. И, когда чувствуешь, что тебе жарко стало, прыгаешь в воду, ощущая глубинную прохладу. А лодка медленно-медленно скользит по воде... Звуки гитары, песни, веселые возгласы, хохот слышны далеко, и эхо доносит их обратно. Весла еле поднимаются над водой, и прозрачные капли стекают вниз. Солнце как сильно

жжет, лучи упираются в спину, покрывая кожу красноватым загаром. Потом приплываем на остров. Тростник, волнуясь под ветерком, пригибается к самой воде. Раскинешься рядом с друзьями и подружками на зеленой траве и слушаешь залиvistые трели соловья, шум тростника, шелест травы, крики птиц. Солнце на небе медленно, медленно и лениво приближается к горизонту, время идет незаметно, и нам весело. Вот уже солнце опустилось совсем низко, мигом сгущаются сумерки, и мы возвращаемся домой. А вечером ты идешь вместе с компанией друзей опять на озеро. Еще издалека, на подходе к нему, слышатся смех, всплески воды и вскрики купающихся. Незаметно солнце совсем скрывается за горизонт, и на небе появляется красная полоса. А с востока светлеет: это начинается заря. Вода теплая-теплая, комары беспрестанно жужжат и кусаются. Как хорошо с головой окунуться в эту кристально чистую воду! Как легко после этого становится... А потом возвращаешься домой, наскоро приводишь себя в порядок и идешь на гулянье. Воспоминания, как дороги они сердцу!

Неожиданное для меня событие произошло у нас в семье: мама в 1939 году родила второго моего братика – Борьку. Какой чудный круглолицый мальчик это был, и как я его полюбил! Ведь он родился и рос на моих глазах. Хорошо запомнил, как к нам приезжал откуда-то незнакомый человек (*меел*) и сделал его евреем. И как Борька плакал и кричал. А в семье нас стало уже шесть человек.

Роман с Манечкой, длившийся уже два года, продолжался, хотя после окончания еврейской семилетки она и уехала учиться в Ленинград. Мы переписывались. Сколько искренних и пламенных слов было ей сказано! Сочинил поэму и посвятил ей. Очень жаль, что она не сохранилась, по крайней мере, у меня. Я повзрослел и готов был испытывать глубокое чувство любви и дружбы. Я понял смысл жизни, насколько это было доступно в моем возрасте, но вести себя как взрослые, естественно, даже не помышлял.

После того как я закончил восьмой класс, на лето приехала домой, в Черему, Манечка, но я почувствовал, что мое отношение к ней почему-то изменилось в худшую сторону. Быть с ней мне стало как-то неинтересно. Сидя вечерами на столь знакомой мне скамейке и держа ее на своих коленях, я не находил общих тем для разговоров.

Вероятно, здесь была причина, которая поспособствовала этому. Я ухаживал за Манечкой. Но летом приехал в отпуск Шайка Левин, который также ухаживал за ней. Нередко мы оказывались вдвоем, с Манечкой посередине. Я, слишком ревнивый, часто оставлял их вдвоем и уходил, она резко протестовала и, если я все же уходил, тоже уходила. Я этого не любил. Я считал (и это дурацкая черта характера), что если девушка дружит со мной, то не должна не только ни с кем ходить, но даже и разговаривать. Правда, фотокарточку она мне

подарила замечательную, но я чувствовал, что мною овладел какой-то душевный холод, и чем дальше, тем больше. В девятом классе я написал ей любовное, вернее, уже «интимное»¹ письмо, на которое получил аналогичный ответ.

Своим письмом она довела меня чуть не до слез, хотя я почти никогда не плакал, даже когда меня била мама, что случалось крайне редко. После этого письма, с которым произошла целая история, не стал ей больше писать. А все дело было в том, что ее письмо «до востребования» случайно получил отец, а не я. Он зашел в парикмахерскую побриться, а там сидел мой «соперник» Шайка Левин, который буквально выхватил у него это письмо, узнав знакомый почерк Мани, и стал его читать. Видимо, он все прочитал. Потом отец рассказал мне об этом происшествии. Безусловно, и отец, и мать тоже узнали содержание письма и посоветовались после этого между собой. Мне же было так неудобно, что я готов был провалиться сквозь землю, только бы не слушать разговоры родителей на эту тему, хотя ничего плохого мама не говорила. Такая вот у меня была самостоятельность.

С тех пор мы разошлись с Манечкой как в море корабли. Я к ней совсем охладел, увлекся другими делами. Пропадал на спортивной площадке, чаще всего с Семеном. Мы были почти неразлучны. Несмотря на то, что мой товарищ курил, я не пристрастился к этому. (И долго не курил после начала войны в 1941 г. И пить водку никогда не умел. И в карты играть. В этом, конечно, я всем уступал.) У них был замечательный сад, где мы часто проводили время. Отец его был человек умный, чудака и весельчак (раньше он играл в самодеятельном театре). Когда в 1939 году был заключен мирный договор с Германией, он сказал: «Посмотрите, детки, война с ней скоро будет». Он был уже тяжело болен и не мог вставать, и слова эти сбылись после его смерти. Еще в девятом классе с нами учился Леня Фарбман, брат нашей учительницы. Ну и чудной же паренек был! Весь 1939 год мы с ним дружили и постоянно пропадали где-нибудь. Вскоре он уехал из Черей неизвестно куда. Незаметно окончил я девятый класс. Летом мы с Семеном вместе ездили в Крупки, но там находились врозь. А почему, и сам не знаю. В Крупках, помнится, обошел всех наших родственников, а их там было порядочно. Больше всего времени я проводил с Гришкой Миркиным, Левой (брат Эмки малой), Эмкой малой и Эмкой большой, с Гришей Михалевичем и многими неродственными друзьями. Там же, в парке, встретил я Полю Гринь, которой немного симпатизировал еще в школе. Ходил на вечера, в клуб и особенно часто купаться. Место для этого в Крупках было замечательное: сосновый лес, желтый песок, чистая вода, зелень... Пробыв там неделю, уехал опять к себе, в Черей.

¹ Сомневаюсь сейчас, можно ли это письмо назвать «интимным». Впоследствии, после нашего окончательного разрыва, Манечка мне его вернула.

Летом 1939 года мы ездили в Витебск на областную олимпиаду школьной художественной самодеятельности. Как хорошо и радостно было ехать! С нами были и учителя. А, главное, девушки. Приняли нас как нельзя лучше, и мы успешно выступили. Тогда директору школы дали премию, а он нас премировал книгами. За хорошую учебу мне подарили готовальню, хотя чертить для меня было хуже всего на свете. Будучи в Витебске, мы с Семеном заехали к его «очередной симпатии» Мирре. Нас там хорошо приняли. В этой поездке произошел случай, который запомнился. Вместе с нами в Витебск ехали детдомовские ребята и девушки с воспитательницами. С одной из них (Шалыгиной) я пошел гулять на набережную, так как до начала нашего выступления оставалось еще несколько часов. Когда стоишь с интересной девушкой, смеешься, шутишь и балуешься, время идет незаметно. Так оно и пролетело. Потеряв ориентировку во времени, подумал, что еще не скоро начнется просмотр. Но каково же было мое удивление, когда я пришел: все уже сидели на сцене на своих местах, лишь мой стул был свободен. Директор, между тем, сильно волновался и посылал ребят на поиски «пропавшего». Едва я успел сесть на стул, занавес открылся. Почувствовал себя, как Чацкий, попавший с корабля на бал.

Симпатизировал я в то время Ире Зинькевич (мы жили на одной улице недалеко друг от друга) и несколько раз провожал ее домой. Учились мы во вторую смену, и тем естественнее были провожания. Иногда летом ходил гулять также с Валею Лукьяновой, но чаще всего с Надеей Дозорцевой. В 1946 году я узнал, что она живет и здравствует и спрашивала про меня у подруг.

Вместе с Семеном мы часто «творили дела». Однажды он переоделся в женский наряд, и мы пошли вечером гулять. Другой раз он решил продемонстрировать, как готов ради присутствовавшей девушки утопиться или застрелиться. И вообще, всего, что было, не опишешь... В декабре 1939-го Семена (и Гилю) взяли в армию, и десятый класс я уже оканчивал без него. Мы переписывались. Запомнилось 12-листовое письмо Семена из армии, где он подробно описывал солдатскую жизнь.

В 1940 году я заканчивал десятый класс (*фото 9*)¹. Мне было уже 17 лет – возраст вполне зрелый, когда начинаешь хотя бы немного жизнь понимать. Да, многие люди, имеющие уже преклонные года, часто говорят: «Где мои 17 лет?» Это самый цветущий возраст, самый веселый и в то же время самый глупый... Вот и сейчас я смотрю на 17–18-летних, прислушиваясь к их суждениям и думаю: «Неужто и я был таким?»² До призыва в РККА (Рабоче-

¹ Здесь и далее в тексте последовательность отсылок к нумерации фотографий и приложений может нарушаться.

² Эта запись относится к лету 1946 года.

крестьянскую Красную армию) оставался промежуток времени, который мне позволял учиться дальше, так как давал отсрочку от призыва. Перспективы были хорошие: стоило лишь успешно окончить десятый учебный год, что вскоре и было сделано. Пока все шло по намеченному плану...

Под влиянием советов директора школы, других учителей и с учетом собственных соображений решил поступать только в Белорусский госуниверситет – самое престижное учебное заведение Белоруссии, и только на физико-математический факультет. Любовь к математике и способности к ней у меня были больше, чем к другим предметам. Я, правда, знал, что поступить будет сложно – конкурс большой и требования высокие. Но именно поэтому решил попробовать поступить туда.

Учебный год заканчивался стремительно: дни летели за днями. Зима 1939/40 года была очень холодная, но я довольно легко одевался, и не потому, что не хватало теплой одежды, а потому что не хотел нежить себя. Катался на лыжах и коньках. Связь с друзьями поддерживал с помощью писем. За этот период успел изучить азбуку Морзе, цифровую азбуку, семафорную азбуку (ведь в свое время мы с Семой только таким способом и переговаривались, когда хотели некоторые тайны сохранить).

Борька стал замечательным пацанчиком. Все его любили, круглолицего, толстенького, верткого. С Гришкой понемногу наигрывал. Пытался Хасю научить играть на гитаре, но она занималась без интереса. Я окончил десятый класс, а она пошла учиться в восьмой. Стала рослой красивой девушкой. А я выполнял различные общественные работы по комсомольской линии. Незаметно приближалось лето, а вместе с ним и трудные выпускные экзамены.

В течение года я учился довольно хорошо, но времени на подготовку к урокам тратил мало. У меня был своеобразный способ учебы: письменные работы выполнял аккуратно, но серьезно занимался только перед четвертными и годовыми экзаменами. На устных экзаменах всегда старался идти отвечать первым и потом быть свободным. А готовился таким образом: после сдачи очередного экзамена ничего не делал, на второй день просматривал вопросник и нужный материал. На какие вопросы ответы знал, то не читал. Что не знал, то перечитывал. Больше ничего не делал. В день экзамена вставал на два часа раньше, за час вполне успевал опять пересмотреть экзаменационные вопросы. Со спокойной душой и совестью шел сдавать. Никогда не вступал в разговоры на темы экзамена, старался не волноваться.

В десятом классе экзамены были довольно трудные, особенно по математике: ведь приходилось решать задачи на тела вращения и стереометрические задачи с применением тригонометрии. Все же, помню, первым решил все задачи. Так же довольно успешно я сдал все выпускные экзамены, длившиеся полтора месяца. По всем предметам получил отличные оценки, лишь по русскому языку письменному «хорошо». Из-за этого аттестат отличника мне не

дали. А стоило лишь попросить учительницу переправить отметку. Но я не захотел просить и решил (какая самоуверенность!): пусть мне будет труднее, но я докажу, что, во-первых, Михаил не любит кланяться кому не следует, и, во-вторых, он способен поступить туда, куда не сможет поступить их единственная отличница Дася. После сдачи всех выпускных экзаменов за среднюю школу сделали большую фотографию всего выпуска вместе с учителями. Очень жаль, что эта фотография, как и многое другое, не сохранилась!

Как я уже писал, своей целью я избрал Белгосуниверситет. Предстояло держать экзамен перед университетскими профессорами, и это меня тревожило. Знал, что конкурс будет трудный. Но я должен был во что бы то ни стало доказать себе и окружающим, на что способен. Итак, летом придется готовиться к очередным экзаменам. Что ж, и страшно, и нет. Сразу же по получении аттестата зрелости послал запрос в университет и вскоре получил разъяснения по правилам приема и справочник. По нему-то и стал готовиться. В нем было много такого, чего мы не изучали в школе, но меня это не пугало. В университет я пытался поступить единственный из выпуска, все остальные решили идти в мединститут. Я считал, что туда сдавать легче и никогда не поздно перебросить документы.

Летнее время я распределил, по-моему, правильно и наряду с программным материалом читал и художественную литературу, и гулял, и в кино ходил, и купался, и играл – одним словом, все успевал. Но основное время, естественно, уделял учебе. Не отстранялся от работы по домашнему хозяйству. Часто возился во дворе и на огороде с пилой, топором, вилами, лопатой, граблями и др. Дома меня работой не нагружали, как и раньше, а в этом году особенно. Зато я сильнее привязался к маленькому Борису и Гришке. Какое удовольствие было находиться вместе с ними! Отец тем временем разъезжал для работы по колхозам. Как правило, он уезжал на неделю, затем возвращался домой и после двух-трехдневного перерыва снова отправлялся в очередной колхоз, ведь он работал от артели.

Вскоре мне пришло извещение из Минска: вызывают в Белорусский госуниверситет для сдачи вступительных экзаменов на определенное число. Я ведь каждый день, когда ходил на почту за газетами, спрашивал, нет ли мне вызова. И вот, наконец, дождался! Тут мне все позавидовали – вызов я получил одним из первых. Начались сборы в путь-дорогу. Заботливые руки отца подготовили ремни к поклаже и много чего другого, а мать сложила все необходимое. И все же душа моя была не на месте от мысли, что покидаю домашний очаг. Как хорошо, а порой и беззаботно было жить вместе со своей семьей. И вдруг я окажусь один? Предчувствовал, что первое время просто тосковать буду.

Тут подвернулся удобный случай: на несколько дней раньше назначенного дня отъезда какая-то автомашина должна была идти в райцентр Крупки.

Решил попроситься подбросить, побыть в Крупках пару дней, а затем поехать в Минск. Наконец тот долгожданный, а вместе с тем и тревожный день настал. Он был хмурый и пасмурный, облака то и дело гуляли по небу. Словно сама природа предвещала что-то нехорошее. Но я человек несуетливый. Верю в судьбу и знаю: чему быть, того не миновать. До сего дня помню я эту серую пасмурную погоду, десять часов утра. Полуторка с газогенераторными колонками стоит уже возле дома Ковтуна. Мать, отец, братишка, сестренка идут провожать меня к машине и несут мои вещи. Пока все хорошо и весело. Подходим к машине, укладываем туда мои вещи. А вещей-то немного: чемодан и сумка с постельным бельем. Настроение праздничное, но вместе с тем на душе мутно. Возможно, скоро придется вернуться обратно, не сдав экзамены, и я покидаю Черему на время.

Шофер вскакивает в кабину. Прощаюсь сначала с отцом. Целоваться не стали: мой отец не любил это, как и я. С братишкой и сестренкой проще: пожал руку, и все. Самое тяжелое проститься с мамой: как не хочется ей выпустить из гнезда того птенца, которого вскормила и вспоила в течение 17 лет и который из грудного ребенка превратился во взрослого кавалера. Поцелуи. Теплые, ласковые, материнские поцелуи и вместе с ними море слез. «Как ты там будешь жить? Пиши...» Но отец проще смотрит на это: «Не маленький, не пропадет, буду из всех сил помогать. Смотри только документы береги». Вот это были его последние слова. И я знаю, что они от всего сердца, не пустые и не брошены на ветер. 17 лет я знаю своего доброго, трудолюбивого отца. Знаю, что будет из сил выбиваться, чтобы помочь сыну. Эти последние слова, сказанные отцом, одновременно воодушевили меня и заставили в тысячу раз сильнее полюбить всех: отца, мать, братишек и сестренку. И я лишний раз твердо решил когда-нибудь помочь родителям и всей семье, чем только смогу. Как жаль, что время так долго тянется: ведь надо еще выучиться. Но ничего: решение принято, и постараюсь во что бы то ни стало выполнить его.

Шофер заводит мотор, газуя на полную мощность. Быстрее, шофер! Не могу смотреть, как мама плачет и как у отца наворачиваются слезы. Сердце стиснуло, будто железными клещами. Я им машу рукой из кузова машины, и каждый мой взмах означает: «Прощай, дорогой отец, прощай, дорогая мама, прощайте, мои дорогие, прощай, Черему...» Понемногу их фигуры начинают удаляться и становиться все меньше и меньше. Еще долго виднеются высоко поднятые машущие мне вслед руки, словно говорящие: «Будь спокоен, дорогой сын, надейся и рассчитывай на нас, а главное, не забывай нас!» Постараюсь оправдать ваш наказ, дорогие мои, будьте за меня спокойны.

Шофер газует вовсю. Моросит мелкий дождик. Но постепенно облака начинают уплывать с неба, из-за туч показывается драгоценное солнышко. Сколько радости и веселья для души приносят мне его лучи! Грусть постепенно начинает уступать место бодрости. Что мне унывать? Ведь я в самом

деле уже не маленький. Поеду в город «штурмовать» вершины науки, выйду в люди – как хорошо! А домой буду приезжать летом, на каникулы. И после годичной разлуки снова попаду в свою любимую семью, все меня окружат, станут расспрашивать. А я буду восседать за столом и рассказывать о своей студенческой жизни. Мать и отец будут сиять от радости. Гришка будет застенчиво стоять возле меня и рассказывать, какие он прочитал книжки. Хася скромно посмотрит на меня, а Борик станет крутиться возле или сидеть на коленях и что-то весело лепетать. Соседи придут посмотреть на меня, бывшего большого шалуна, а ныне самостоятельного парня. А я, довольный, буду чувствовать себя на высоте, буду даже горд за себя, за семью.

...Машина тем временем набирает скорость. Силуэты домов, садов, огородов, высокие церкви начинают постепенно скрываться из виду и вовсе исчезают. Только долго виднеется верхушка белой церкви. Едем лесной проселочной дорогой. Солнце светит, и хочется жить и жить. Мокрая одежда на ходу высыхает на мне. Как приятно сидеть в кузове машины и быть наедине с самим собой. Размышлять, рассуждать, философствовать. С обеих сторон дороги тянется густой зеленый лес. Птицы с криком вспархивают из-под колес быстро мчащейся машины. Где-то в глубокой чаще поют соловьи, и их трели доносятся до нас. Но что думают там, дома? Ведь уже 20 минут, как едем... Итак, прощай, Черее! Сколько здесь пережито за 17 лет и сколько раз сердце трепетало возле назначенного места в ожидании белой кофточки! Как незаметно пролетели детство и юность! Прощайте, поля и луга, леса и сады! Михаил Лазаревич вас никогда не забудет! Чем дальше он от вас удаляется, тем ближе сердцу вы становитесь. Картины прошедшего мелькают в памяти, словно убегающие телеграфные столбы у дороги, по которой мы едем.

Через полтора часа мы уже на месте, в Крупках. Заезжаю к своему дедушке Алтеру-Довиду (*фото 8*). Здесь я рассчитываю побыть два-три дня, а потом ехать дальше, в Минск. Наскоро пишу коротенькое письмо родителям о благополучном прибытии, которое передаю с тем же шофером. Два дня пробегают незаметно среди многочисленной родни, которая составляет почти полместечка. Гуляю с Эмкой – одной и другой, с Гришкой – одним и другим, с Левой, с остальными. Встречаю Ромку Миркина.

И вот наступает день, когда я приезжаю на вокзал, сажусь в вагон поезда и еду в столицу Белоруссии. В Крупках я узнал, что в Минске живет мой двоюродный брат (по линии мамы) Шолом Андрачник, – как это хорошо, особенно в первое время! Дорогой знакомлюсь кое с кем из будущих студентов БГУ. Вот едет один, собирается на исторический – что ж, мне хороший попутчик. В Минск также едут поступать мои одноклассники, только в медицинский. Кроме того, здесь уже год учится бывшая моя одноклассница Рая Кругман, с которой еще в еврейской семилетке был в неплохих отношениях, она, кстати, прекрасно танцует. После успешной сдачи экзаменов было бы здорово встре-

тяться! Узнаю, что на химическом факультете преподает один доцент уроженец Черей. На душе как-то веселее становится. Свисток поезда возвещает о прибытии в Минск. В столице республики я впервые. Прямо с вокзала (с вещами) иду в канцелярию БГУ, который расположен почти рядом, в университетском городке, напротив Дома правительства. Дают направление в общежитие для студентов, расположенное на улице Фрунзенской, 27, где временно располагаюсь.

Не стану описывать, как проходила сдача вступительных экзаменов. Но спустя 20 дней, после окончания экзаменов, уезжаю в Борисов, где проживает замужняя сестра отца Соша с семейством, а также моя двоюродная сестра (по маминой линии) Аня Андраник (*фото 10*), у которой есть маленький сынишка Фимка (дочь Рая родилась 20 июня 1941 года) (*фото 11*). Там же живет и дядя Авремл. Результаты экзаменов пока неизвестны, но конкурс пришлось держать порядочный: шесть человек на место. В Борисове я остановился у Ани и там ждал результатов. И, наконец, получил радостную весть: я зачислен студентом на первый курс Белорусского государственного университета! Какая радость! Немедленно пишу домой, сейчас же!

Время до начала занятий (1 сентября 1940 года) – около двух недель – провел в Борисове у тети Соши. Было до того скучно, что чуть с ума не сошел. Почему? Да потому, что не бросил мелкую и вредную провинциальную привычку изолироваться: не искал друзей, а порой избегал их, не искал знакомств, а временами игнорировал их. Застенчивостью ли, скромностью ли, глупостью или еще чем-нибудь – сам не знаю, чем объяснить свое поведение. Вспоминаю сейчас это и говорю сам себе: «Какой же ты, Михаил, был дурак!» Встретил, например, свою бывшую соученицу Асю Рудину, девушку неплохую: подросла, серьезнее стала, на вид приятная и живет рядом. Почему бы не сблизиться с ней на это короткое время? Так нет же, лучше сидеть дома и скучать с утра до вечера (ночи!).

Дни стояли жаркие: июль-август. Рядом жили друзья детства Лавкеры – Лейзер и Наум. Когда-то я забирался у них в доме на печку, и зимой и летом, и мы болтали там обо всем. Наша встреча после семи лет разлуки была такой, словно расстались только вчера. Вместе несколько раз сходили в городской парк культуры и отдыха, и только. А все остальное время скучал и грустил. Даже чтение не увлекало. Такое свое поведение я до сих пор осуждаю и считаю глупым и непростительным. Вот бы сейчас, в 1946 году, мне представился такой случай... Думаю, не был бы таким дураком. Бывает, совершаешь в юности ошибки, как и вообще в жизни, но вот так скучать без причины больше никогда не позволял себе и, надеюсь, не позволю. Смешно, но дядя даже говорил тете: «Надо его свести и познакомить с девушкой, чтобы не скучал и весело время проводил». Ну где там! Я был как будто неспособен на такие вещи... Несколько раз ходил на реку Березину. Какой красивый вид! Она извивается серебряной змейкой среди зеленых берегов, а небольшие паромы изредка

проплывают по ней, передвигаясь, как муравьи по бревну. Вдали виднелся длинный железнодорожный мост, который висит высоко над рекой и под которым слегка волнуется вода. Камыши низко склоняются над тихой водой и как будто шепчутся с ней о чем-то важном.

Несмотря ни на что, время в Борисове пролетело быстро, вскоре я уехал в Минск учиться, чувствуя себя не столько студентом, сколько взрослым человеком, да еще и «городским». Многие мои одноклассники провалили вступительные экзамены и не поступили в высшие учебные заведения, в их числе некогда горделивая и заносчивая Ида Лившиц, Лиза Праглина, Аня Зак, Мария Кокина, Рая Гольдберг из нашего класса и другие. Выдержали экзамены и попали в минские институты мои соученицы Валя Пушнова и Ира Зинькевич. Позже в Минске стали учиться Лиза Праглина и Аня Зак. На втором курсе мединститута, расположенного в студенческом городке, училась Рая Клугман.

Сообщил домашним свой точный адрес: Фрунзенская, 27. Связь с домом оставалась регулярной. Кроме писем я посылал родителям некоторые промышленные товары, а от них получал письма и продукты. Разместили меня вместе с другими студентами, и дело пошло на лад. Вскоре нас перевели в новое общежитие на улице Студенческой, 54, расположенное в довольно живописном месте далеко за железнодорожной станцией и по другую сторону моста. От университета до нашего общежития приходилось идти мимо вокзала, через подвесной мост, железнодорожное полотно и еще с километр. Оправдывая название, на Студенческой улице располагались общежития почти всех институтов и техникумов города – ряд длинных параллельных зданий зеленого цвета по обе стороны вдоль густо посаженных деревьев. Вид действительно веселый и приятный, если к этому еще прибавить ватаги жизнерадостных студентов, заполнявших тротуары, скамейки и спортивные площадки. В таком месте и в большой компании унывать не приходится. Стоит только посмотреть на этот «пчельник» вечером, после занятий: зеленые общежития, до отказа заполненные студентами и студентками в цветастых платьях разных фасонов, смех, песни и звуки гитары или патефона, радио, звонкий стук мяча на спортивной площадке, загорающие «дачники» – все дышит молодостью, веселой и пока беззаботной. Парочками здесь ходили реже и, как правило, после полуночи. Обычно вдоль улицы гуляли под ручку девушки, разговаривая о чем-то. За ними, не отставая, шли ребята.

Итак, я стал студентом и твердо решил систематически заниматься. Но увы и ах! Получилось не совсем так, как я задумал. В нашем общежитии, как и во многих других, рядом с жилыми комнатами был ленинский уголок. У-г-о-л-о-к! Во-первых, это было место желанного уединения парочек, где расцветала любовь, причем безразлично какая: страстная, платоническая или легкомысленная. Во-вторых, почти ежедневно по вечерам, и это не менее существенно, здесь устраивались танцы.

В нашей комнате № 12 проживали одной дружной семьей десять человек. Слева от нас (если стоять в нашей комнате лицом к входной двери) размещались девушки-историки, с которыми таки случались целые истории, справа – девушки-литераторы, с которыми были и романы, и трагикомедии, напротив – девушки-математики, многие с прекрасными геометрическими формами или же с трапециевидными и равнобедренными фигурами. Тыл наш был защищен глухой деревянной стеной. По вечерам обычно из всех комнат, заслышав гармошку, выползали студенты, словно муравьи из муравейника, и, как правило, отправлялись на танцы, а потом на гулянье.

Недалеко от меня, в соседних общежитиях, жили мои землячки (земляков не было: они ушли в армию): Рая, Аня, Лиза, Валя, Ира и др. К ним я иногда заходил. Часто навещал своего двоюродного брата Шолома Андрачника (брата Ани Андрачник), который проживал на улице Комсомольской, был офицером (с несколькими кубиками в петлицах) и работал в военной прокуратуре Белорусского военного округа, находившейся тут же, при штабе. Какой это был золотой человек – и характером, и душой! Сколько раз я у него был, и ни разу не видел его в дурном настроении. Нередко я помогал ему в учебе – Шолом учился в юридическом техникуме.

Еще во время вступительных экзаменов навестил в Минске дальнюю родственницу Маню. Вскоре она уехала в Западную Белоруссию, и ее след потерялся. Кроме нее разыскал еще каких-то знакомых, но кто они такие, сейчас уже позабыл. Нельзя не вспомнить о некоторых нечаянных незабываемых встречах. Так, неожиданно как-то столкнулся с Шурой Рабиновичем, бывшим директором еврейской семилетки в Черее. Оказывается, он учится, как и я, в университете, только на историческом факультете! Такая же встреча произошла и с бывшим учителем белорусского языка и литературы десятилетки Шиловым, или Харитонкой, как мы его звали в школе. И так не раз случилось встретиться со старыми знакомыми...

Мой день имел следующий распорядок: утром завтрак у себя в комнате, после занятий обед на фабрике-кухне, расположенной возле студенческого городка, затем самостоятельные занятия в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина (на Ленинском проспекте, возле штаба Белорусского военного округа и цирка; напротив был кинотеатр «Родина»). Как хорошо было заниматься в этой библиотеке! Там можно было найти и заказать разнообразную научно-техническую, учебную и художественную литературу, журналы и газеты со всего мира, в том числе еврейскую газету «Дер Эмес» на языке идиш. Часто по дороге из библиотеки заезжал к Шолому, ужинал у него или в общежитии, а затем выходил на вечернее или ночное гулянье.

Осваивая самостоятельную жизнь, я пробовал расходовать на питание пять рублей в день, и мне это удавалось без особых усилий. К примеру, хороший

обед из трех блюд стоил три рубля. В университет мы ездили трамваем. Наука передвижения на минском трамвае однажды чуть не стоила мне жизни, так как я сорвался с подножки вагона и едва не попал под машину, однако в конечном итоге мне все же удалось овладеть искусством езды без билета.

С призывом в армию мне дико повезло. Прошел призывную комиссию, и получил военный билет, в котором красовалось: «запас 2-й категории» – долгожданная спасительная запись, дающая возможность окончить университет. В это время постановлением правительства была введена плата за обучение в высших учебных заведениях. Учиться стало материально тяжелее, начался отсев студентов. В связи с этим при БГУ были созданы одногодичные курсы по подготовке преподавателей физики и математики для 8–9-х классов средних школ.

Стипендия на этих курсах в то время была приличная – 175 рублей. Я немедленно написал домой обо всем этом, хотя предполагал, что родители мне ответят. Так и оказалось: вопрос о дальнейшей учебе предоставляется решить мне самому, мол, хочешь учиться – учись, будем помогать, не хочешь – дело твое. И я продолжил учиться на первом курсе физико-математического отделения университета, одновременно поступив на вышеуказанные годичные курсы. Этим я, собственно говоря, убивал сразу трех (а не двух) зайцев: во-первых, продолжил учебу в университете по избранной специальности; во-вторых, сохранил реальную возможность окончить университет и получить диплом специалиста; в-третьих, получил материальную поддержку в виде стипендии и документ (впоследствии) о праве преподавать в старших классах средней школы. Резкой разницы между учебными программами университета и курсов не было: они лишь дополняли друг друга. Итак, я принял вполне правильное и обоснованное решение.

Несколько слов о преподавателях университета, прежде всего физико-математического факультета. Интереснейшим человеком был у нас преподаватель высшей математики доцент Нисневич. Таким он был чудачком, что это даже трудно описать. Прежде всего его внешний вид. В дождливую погоду он мог надеть белую рубашку, черные брюки, зеленый галстук, серую шляпу, теплые туфли и бурый зонтик. И всегда был так разноцветен, как футурист. На лекциях всякий раз рассказывал анекдоты и сказки, увязанные, естественно, с излагаемым материалом. Однажды он даже до того додумался, что стал меня экзаменовать по математике в бане, где мы случайно оказались вместе. Стоим друг против друга в чем мать родила и толкуем о чем-то серьезном. Смешно.

Другой преподаватель, доцент и декан физмата Сагалович получал неплохую зарплату, но при виде утерянной кем-то копейки старательно нагибался и поднимал ее, приговаривая при этом: «Кто не ценит советской копейки, тот сам копейки не стоит». И при этом клал медную копеечку в карман. Вот так. И ученые мужи бывают иногда довольно странными и смешными.

...Культурная жизнь у нас не затихала. Кино в общежитии показывали часто, к тому же мы ходили в городские кинотеатры, в Театр оперы и балета, драматический театр имени Янки Купалы, еврейский театр и др. Несколько раз посетили цирк – какое запоминающееся зрелище! Вскоре, не без помощи добрых знакомых, я стал постоянным посетителем библиотеки Дома правительства. Вообще, Дом правительства – самое красивое здание в столице Белоруссии – замечательное творение архитектуры и человеческой мысли! Его центр имеет девять этажей, боковые крылья – по шесть. В левом крыле на пятом этаже располагалась библиотека. Правда, пускали сюда не всех. У меня был специальный пропуск. Войдешь в Дом правительства, разденешься, зайдешь в лифт, и лифтерша спрашивает, на какой тебе этаж. Первый раз, когда я вошел в лифт, она узнала номер этажа, куда мне надо, а когда приехали, сказала, что можно выходить. Я спросил: «Сколько стоит билет, 20 копеек?» Лифтерша, конечно, рассмеялась, а потом и я над собой смеялся: ведь на лифте ездят бесплатно, вот деревенщина!

В период учебы «романов» у меня не было. Руководствовался принципом, взятым из песни и перефразированным: «Первым делом, первым делом – за учебу. Ну а девушки, а девушки – потом!» Правда, испытывал симпатию к одной девушке, имя которой сейчас даже позабыл, но это оказалось мимолетным увлечением. Встречался с другой девушкой, которая жила где-то за городом в живописном месте, а на лоне природы хорошо отдыхать, фотографироваться и др. К ней я довольно часто ездил (а вот имени ее тоже не помню). Были у меня и друзья – Давид и Борис (фамилии не удержались в памяти), но уже не такие, как раньше, скорее приятели.

Весело встретил новый 1941 год. И это очень хорошо, ибо вскоре для всех стало очевидным, что для многих это, возможно, последний Новый год. В университете был устроен грандиозный новогодний бал-маскарад, я на таком вообще присутствовал впервые. Заранее приготовил себе маску и оделся празднично. Университет был красочно и ярко убран, а биологический корпус, где проходил бал-маскарад, особенно: везде были украшения и иллюминация. Время провел замечательно – и это мне до сих пор помнится, но все же не обошлось без незлой шутки, которую сыграл со мной хороший товарищ по студенческой скамье. Дело в том, что, как и все на вечере, я выпил немного спиртного и, естественно, начал высматривать подружку для танцев, а недостатка в оных не было. Давно известно (я не первооткрыватель этой премудрости), что там, где вино, должны быть и женщины. А так как судить о них можно было лишь по разнообразным маскам, за многими из которых, безусловно, скрывались хорошие и милые женские личики, а, может быть, плохие и противные мужские, то пришлось угадывать. Вид одной симпатичной маски был как будто многообещающим. Эту маску я начал буквально преследовать по пятам и, улучив удобную минуту, пригласил ее прогуляться. Поток слов...

а в ответ полное молчание. Не зная, как дальше объясниться, решил воспользоваться руками. Как же я был поражен и смущен, когда маска вдруг сползла, и я увидел столь знакомое мне лицо Давида! Тысяча чертей и проклятий!.. А в общем, бал-маскарад удался, и все было замечательно.

Незаметно наступили зимние каникулы, которые длились около десяти дней. Из-за переезда на новое место в общежитии я смог побыть дома, в Черее, всего три дня. Три коротких зимних дня! Признаться, я ехал домой в предвкушении долгожданной встречи, в приподнятом настроении. Но дома все мне виделось не таким, как раньше, изменившимся. Стенные часы, которые столько лет исправно отсчитывали время, показались мне висящими не на своем прежнем месте и вовсе не такими, какими они были еще полгода назад. И все предметы как будто переместились. Неужели я настолько отвык за полгода от дома, в котором прожил больше 17 лет?

Зимние каникулы были в январе-феврале 1941 года, и сейчас, в 1946 году, прошло всего-то немногим более пяти лет, но из памяти выпало: как я добрался домой, как время провел, как уехал обратно? Как будто это все было во сне. Тем не менее маленького Борьку запомнил, ему и Гришке я привез подарки. Почти не запомнилась сестричка. Как ни стараюсь я восстановить в памяти этот приезд, все тщетно – никак не могу. Точно, что все эти три дня никуда не выходил, успел много поговорить с родителями, но о чем? Незаметно настал день отъезда, и я как-то уехал в Минск. Если меня сейчас спрашивают, когда я уехал из дому и когда в последний раз видел родителей, отвечаю, что в июне 40-го года. А зимнюю поездку даже не считаю, ибо в моей памяти она почти ничего не оставила. До бесконечности жаль, что не знал главного: родные и любимые лица я видел тогда *в последний раз*. Я не мог этого знать.

Зима была на исходе: снег стал таять, потеплело, набухли почки. Приближалось время экзаменов, незаметно и июнь подкрался, с его жаркими солнечными днями, с сине-голубым безоблачным небом. К зачетам и экзаменам я уходил готовиться на зеленую полянку за нашим общежитием, всю усеянную студентами и студентками, рядом с железнодорожным полотном. Часами пролеживал на общежитском одеяле раздетый до пояса. Читал конспекты и учебники, загорал, любовался природой и низко летящими пассажирскими самолетами, на крыльях которых в красном кругу чернели кресты (самолеты советско-германской воздушной линии «Москва–Берлин», которые ежедневно днем совершали промежуточную посадку на аэродроме Минска, расположенном недалеко). Перед посадкой самолеты на низкой высоте делали круг над городом.

Военные годы (22 июня 1941 – 8 мая 1945)

С самого утра воскресный день 22 июня 1941 года обещал быть жарким и хорошим, как и все предыдущие в июне. Встал я рано, часов в семь. Взял свое одеяло и конспекты и вместе с товарищами по общежитию пошел к железнодорожному полотну загорать и готовиться к очередному зачету. Захватил с собой мандолину и фотоаппарат. Дойдя до зеленой полянки, мы расстелили одеяла, разделись по пояс, начали заниматься, изредка переговариваясь о планах на вечер. Солнышко пригревало, на небе – ни облачка, тихо. Неожиданно в этой безмятежной тишине пронзительно прозвучал чей-то тревожный крик: «Товарищи, война началась!» Как обухом по голове.

Война?! Неужели? Никак не верится! Бежим в общежитие: оно уже похоже на растревоженный муравейник. Растерянные девушки в слезах. Ребята понимают: сегодня-завтра в военкомат и – на защиту Родины. Тот же чудный день, такие же солнце, небо, тишина, что и несколько минут назад, и – все другое. Что делать? Домой ехать, очевидно, не стоит: неделя-другая, войне, как и немцам, придет конец. Успокаиваешься сам и стараешься успокоить других.

Все мечутся. Длиннющие очереди за продуктами, хлебом, вагоны забиты людьми, срочно уезжающими куда-то. 23 июня нас всех вызывают в университет. Встретил своих землячек Иру и Валю, мы вместе едем на восстановление разрушенной немецкими самолетами трамвайной линии. Беспрерывный вой сирен, тревожный и протяжный свист паровозных и фабричных гудков наводят ужас. С балкона университета, на крыше которого уже установлен зенитный пулемет, вижу, как горит наше общежитие на Студенческой, еще час назад служившее нам надежным пристанищем. А ведь там у меня и одежда, и вещи, и документы. Главное, они у меня в чемодане, а ключик от него в кармане моих брюк – весь мой июньский наряд состоял из брюк, белой майки и тапочек (вскоре я так и уеду в Сталинградскую область с этим ключом в кармане).

Втиснувшись в битком набитый трамвай, едем на ремонт линии. Очередная воздушная тревога, вой сирен. Я, Валя и Ира выскакиваем из трамвая и бежим к первому попавшемуся дому. Несколько минут постояв там, бестренько перебегаем в какой-то магазин. Выбрав минуту затишья между воем сирен, оставив их, бегу к Шолому. Не успел сделать и двух шагов, как снова завывли сирены и объявили воздушную тревогу. Благополучно добрался – до его дома от студенческого городка рукой подать. Тем временем Ира и Валя посчитали, что я в этой суматохе попал под бомбежку и... погиб. С тех пор меня считали погибшим. И все в Черее, даже мои отец и мать, были в этом уверены.

Город местами уже горел, и дальше оставаться в нем не имело смысла и было попросту опасно. Днем царил паника, ночью слышалась непрекращающаяся стрельба. Рано утром 26 июня я, после того как всю ночь мы то и дело спускались в бомбоубежище дома Шолома, после долгих мучений и приключений, вместе с его женой Соней и трехмесячным Фимой, попал в эшелон, который отправлялся на восток, в глубь страны. И это только благодаря усилиям Шолома как штабного работника – сам он оставался в Минске, но семью разрешили эвакуировать.

Как Соне не хотелось оставлять квартиру, к которой они с Шоломом привыкли, вещи, которые нажили своим трудом! Однако тревожные вести, непрерывные бомбежки, вид горящего города, в том числе Дома правительства, красноречиво убеждали: ехать немедленно, пока еще не поздно, пока еще есть возможность. Я с ребенком, Соня с чемоданом (так она распорядилась) наконец добрались до эшелона, и в 12 часов дня мы покинули город, горящий и окутанный дымом. Наш эшелон бомбили несколько раз, едва он отъехал от столицы – разбитые вагоны, жертвы! На крупных станциях не останавливались из-за бомбежек. Проезжаем Борисов. Поезд мчится без остановок, к тому же невидимая сила и слезные мольбы Сони удерживают меня: кто ей поможет с ребенком, в котором Шолом души не чает? Проезжаем Крупки. Хочется слезть и пойти пешком домой, в Черее, к родителям. Я решил, что на следующей станции – в Бобре – непременно сойду. Бобр проезжаем так же, без остановки. Правда, впереди еще будет и Славное, и Толочин, но и там меня постигает та же участь. Не доезжая Смоленска, возле одной красивой яркой поляны эшелон останавливается из-за поломки паровоза. Люди как муравьи выползают из своих вагонов, и, распростершись на зеленой, усеянной цветами траве, всей грудью вдыхают чистый воздух. Тихо. Шар солнца на закате красный-красный, как раскаленный металл. Кругом так спокойно, что совершенно забываешь о том, что где-то там, на западе, идет кровопролитная война. Хочется чего-то душевного, романтического, жизненного и одновре-

менно тревожно от неопределенности и дурных предчувствий¹. Солнце уже закатилось. Долгожданный свисток паровоза. Снова в путь-дорогу. Вражеские самолеты нас сопровождают до самого Смоленска.

Какой унылый вид имеет город! Везде окна заклеены широкими белыми полосками бумаги: значит, люди ждут худшего. Приближение войны здесь чувствуется. Ночью на 29 июня немецкие самолеты окончательно разбомбили наш эшелон. Сколько крика и плача, сколько паники и беготни, сколько убитых и раненых! В кромешной тьме потерялись мы с Соней, причем я остался с младенцем на руках. Как потом в темноте мы нашли друг друга, до сих пор не могу понять. Помню, как я вручил ей грудного Фиму, которого надо было кормить, наказав при этом, чтобы она больше никогда не расставалась со своим ребенком и никогда никому его не порекомендовала, как бы тяжело ей не было. И это я, 18-летний юноша, должен был ей, замужней женщине и матери трехмесячного младенца, это говорить.

Утром я забрался в какой-то вагон, впал в летаргическое состояние и проспал не знаю сколько. Снилось что-то необыкновенное и сверхъестественное. Когда проснулся, лил дождь, и я не мог понять, где нахожусь и что со мной. Но вскоре пришел в себя и сообразил, что еду неизвестно куда. На одной из остановок опять случайно встретил Соню, и дальше мы снова ехали вместе. Проехали Брянск, затем Орел, с их одинаково унылым видом вокзалов и светомаскировкой.

В Борисоглебске, где на вокзале эвакуированных из эшелона впервые за всю дорогу накормили заранее подготовленными горячими обедами, видел также волнующие сцены прощания жен с мужьями и матерей с сыновьями, уходящими на фронт.

Наконец, 1 июля мы приехали в Урюпинск – как оказалось, на конечную станцию. Встреча была хорошей: люди пришли даже с цветами. Мы прожили два дня в здании одной из бывших военных школ. Здесь уже кормили всех эвакуированных.

3 июля нас привезли на хутор Дубовский, в 30 км от Урюпинска. Здесь я с Соней расстался, так как она со своей знакомой уехала в другой, Нехаевский, район. В колхозе я пробыл с месяц. В Дубовском я познакомился с Рувой из Литвы, мы подружились и держались вместе.

¹ Итак, начавшаяся война застала меня в Минске в момент окончания первого курса физико-математического факультета Белорусского госуниверситета имени В. И. Ленина и одновременно одногодичных курсов по подготовке преподавателей физики и математики для старших классов средней школы при том же университете. В начальные дни войны после первых бомбежек я осознал ту смертельную опасность, которая грозит всем нам, и в частности моей семье.

В августе, дойдя до Урюпинска пешком, попытались устроиться на работу. Когда ничего не получилось, поездом уехали в Сталинград, где скопилось огромное количество эвакуированных. Здесь мы с Рувой расстались. Я зашел в бюро по эвакуации и получил там направление в Астрахань. Долго не раздумывая, сел на пароход и через двое суток прибыл в назначенное место. Плыть на пароходе по Волге, конечно, замечательно, но не при таких обстоятельствах.

В Астрахани задержался на несколько дней. Поразил замечательный вид города и его древний кремль. Везде Волга, везде мосты и большие и малые пароходы. Наконец, добрался до села Полднее, в 150 километрах южнее Астрахани, в дельте Волги. Несколько дней работал в этом колхозе, а потом уехал с колхозными рыбаками в Каспийское море на лов рыбы.

Помещался я вместе с командой (восемь человек) в каюте огромного плавсредства, называвшегося стойкой. Вокруг вода и небо, только изредка увидишь проходящее стороной парусное или моторное судно. С нашей стойки я несколько раз выезжал на лов рыбы. Когда в очередной раз мы отплыли на лодке, в какой-то момент старый рыбак велел мне выходить прямо на воду. Я удивился: «Вы что, с ума сошли? Я топиться полезу?» А он рассмеялся и говорит: «Вылезай, не бойся!» И действительно, выйдя из лодки, я оказался в воде по колено и почувствовал твердый грунт. А кругом вода, насколько глаз видит. И так случалось не раз.

В сентябре-октябре на море наблюдал солнечное затмение. Однако вскоре такая полудикая жизнь надоела: выйдешь на палубу и меряешь туда-сюда какие-нибудь пять метров. Кругом ни клочка земли не видно, и начал тосковать, скучать по земле.

Воспользовавшись тем, что к нашей стойке подошла рыбоприемка, а по сути судно-рыбзавод, перебрался на это судно, а оттуда пароходом вернулся в Астрахань. Не задерживаясь там, уехал (точнее, уплыл) в Сталинград, затем в село Енотаевка Астраханской области. В Енотаевке я был уже 2 ноября, послали меня в правлении колхоза на противоположную сторону Волги на сенокос (село Енотаевка располагалось на правой стороне). Запомнилось 7-е ноября – День Октябрьской революции. Погода поганая – снег с дождем, настроение паршивое. Хотелось сделать что-то исключительное, но...

Вскоре я нашел себе компанию, и начали жить вроде бы и неплохо. Вместе с ней перебрался после сенокоса обратно в село, на правый берег Волги. Заработал немного денег, кое-как оделся и уехал на молочно-товарную ферму (МТФ) в степь, за 18 километров от колхоза. В степи жил в землянке среди калмыков, правда, за исключением одного украинца по фамилии Лученец, из Полтавы. Жизнь здесь была по-настоящему трудовая. Не хватало одежды.

Ездить на верблюдах приходилось далеко, морозы стояли крепкие, ветры сильные, степь сплошная кругом – трудно приходилось. Зато закалился как следует. С питанием проблем не было. Жил как животное: ел, работал, спал (хотя очень мало). Новый 1942 год встречал в далекой Сталинградской степи, отметив его лишним куском баранины. Зато дневник вел все время.

Солнышко стало понемногу пригревать. Наложив высокий воз соломы, забирался наверх и, укрываясь от холодного ветра, ощущал всем телом и всей душой теплоту золотистых солнечных лучей. Так я ехал от полевых скирд до телятников и овчарен на верблюжьей повозке часа четыре, предаваясь воспоминаниям и философским мыслям; беспокоился за прошлое и будущее, занимался математикой в уме и прислушивался к звукам зимней природы, немного меняющимся от солнечного тепла. Глядя в январское голубое небо, хотелось улететь туда, в неведомую высь и бесконечную даль, подальше от забот и страданий. Временами мне казалось, что я живу в некоем другом, нереальном мире, но, к сожалению, только казалось.

Одно время ездил рыть противотанковые рвы. Было очень тяжело. Наступил март 1942 года. Трезво оценив свое положение и бесперспективную будущность, твердо решил пойти добровольцем на фронт. Несколько раз обращался в Енотаевский военкомат с просьбой, чтобы меня взяли в армию, но безрезультатно. Не уходил оттуда до тех пор, пока, наконец, не вызвали. До этого на мои настойчивые просьбы отвечали: «Не торопись, придет время – позовем!» И вот это время наступило, хотя все произошло «не по правилам». 21 марта, получив в колхозе продукты на шесть суток, отправился в военкомат.

Не дожидаясь официальной процедуры прохождения медицинской комиссии и необходимого оформления призывных документов и увидев на станции Харабали стоящий железнодорожный состав с молодыми ребятами в открытых вагонах, очевидно призывниками, вскочил на подножку вагона отходящего поезда, без направления, без проездных документов военкомата, и вместе с остальными поехал в неизвестность. На следующее утро, 22 марта, эшелон с призывниками прибыл в Астрахань. Выгрузились из вагонов и направились строем под командованием офицеров сопровождения в старинный астраханский кремль, на воротах которого было написано: «2-е Астраханское военно-пехотное училище». Тогда я понял, куда нас привезли и что меня ждет.

На перекличке обнаружилось, что моей фамилии в списках нет (да и не могло быть!). После моего объяснения причины самовольного приезда без направления военкомата и благодаря снисходительности старшего по чину офицера было решено занести мою фамилию в списки и оставить здесь, вместе со всеми, как добровольца. Радости моей не было предела. Моя мечта сбылась – я уже больше не гражданский человек, а военный!

Пока приноровился к распорядку дня, особенно к подъему, к нормам на питание и беспрекословному подчинению старшим командирам и выполнению их приказов, было нелегко. Однако вскоре справился с этим и стал привыкать во всем тяготам военного времени и военной жизни вообще. Особенно мучили меня, как и всех остальных курсантов, двухметровые обмотки, которые следовало наматывать поверх ботинок, ведь сапог, даже кирзовых, не было, и о них только мечтали. Труднее всего было утром, во время подъема, за считанные минуты успеть мгновенно проснуться, соскочить с трехъярусных нар, натянуть штаны, рубашку, надеть ботинки и намотать на каждую ногу по двухметровой обмотке (которые, будь они прокляты, как назло, часто разматывались), выбежать на улицу и встать полностью запроваженным в строй. И если на этой утренней поверке что-то оказывалось не так, наряда вне очереди ни за что не миновать. Военные занятия в училище проходили вначале на территории 17-й пристани г. Астрахани, затем нас всех отправили в учебные лагеря близ поселка Стрелецкого, что у курорта Тинаки за городом. Там мы жили в землянках. Начались мучительные частые ночные тревоги, сначала учебные, а затем настоящие, боевые.

Серьезная военная обстановка сложилась к началу августа 1942 года на советско-германском фронте, в частности, на Калмыцком участке Сталинградского фронта, где мы находились¹. Командованию Красной армии стало известно, что Гитлер 23 июля внес существенные изменения в ход наступательной кампании немецкой армии² и поставил новые задачи перед группами армий «А» и «Б», действовавшим на юге России. Так, группе армий «Б» (6-й и 4-й армиям) было приказано стремительным ударом разгромить советские войска, прикрывавшие Сталинград с юга, овладеть городом, а в дальнейшем нанести удар вдоль Волги на юг и захватить район Астрахани, где мы находились, чтобы полностью парализовать движение по Волге. Эти операции группы армий «Б» получили кодовое название «Фишреер» («Серая цапля»). Стало очевидным, что организация обороны на дальних подступах к Астрахани является первоочередным неотложным делом.

И вот 6 августа 1942 года вышел боевой приказ штаба Сталинградского военного округа, в соответствии с которым войска должны быть приведены в боевую готовность и выведены на заранее подготовленные оборонительные рубежи. Для этого из числа появившихся в Астрахани двух пехотных училищ приказано было сформировать два полка. Первый стрелковый полк, сформир-

¹ Т. е. в Калмыцких степях (*прим. ред.*).

² 23 июля 1942 года Гитлер подписал важную директиву № 45 – об овладении Черноморским побережьем Кавказа, Сталинградом и о дальнейшем наступлении на Баку (*прим. ред.*).

рованный на базе курсантов 1-го Астраханского пехотного училища, получил номер 899 и тотчас был направлен на передовые рубежи. Вторым полком, сформированный из курсантов нашего 2-го Астраханского военно-пехотного училища, получил номер 902¹. Время, отпущенное на формирование полка, измерялось в часах и минутах.

В ночь с 6-го на 7-е августа наша рота, как, впрочем, и другие, была поднята по тревоге, и мы бежали 5 километров от озера к учебным лагерям Тинаки. А там уже перед выстроившимися курсантскими подразделениями стоял начальник училища полковник М. С. Юргелас, назначенный командиром 2-го курсантского полка. Еще не объявлен боевой приказ, еще мы не знаем, какие огромные изменения произошли в нашей жизни, но понимаем, что продолжить учебу в училище вряд ли сможем; из годовичного срока мы отучились всего четыре месяца, однако немцы уже в 170 километрах от города.

Запомнилось, как полковник всматривался в суровые, сосредоточенные, полные тревоги лица курсантов, стоящих в строю. Мол, новых воинов зовут на ратные подвиги фронт, а как они выполнят свой воинский долг перед Родиной? Перед строем зачитали знаменитый приказ Народного комиссара обороны СССР И. Сталина № 227 от 28 июля 1942 года под выразительным названием «Ни шагу назад!» Этот приказ был написан в самый трудный период войны, когда на всех фронтах, и особенно на Сталинградском, решалась судьба страны. В приказе с беспощадной правдой говорилось о том драматическом положении, в каком оказалась страна к лету 1942-го, когда под пятой врага уже находились Белоруссия, Украина, Прибалтика, Донбасс и другие регионы. «Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности. Ни шагу назад! – говорилось, в частности, в приказе. – Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, каждого красноармейца и политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования». Говорилось в приказе и о создании заградительных отрядов и штрафных батальонов, о расстрелах на месте за трусость и паникерство. Этот грозный, полный драматизма приказ каждый из солдат, в том числе и я, лично подписывал,

¹ 902-му курсантскому полку, сформированному на базе 2-го Астраханского военно-пехотного училища, военной судьбой было предназначено начать боевой путь в Тинаках, возле Астрахани, а закончить у Бранденбургских ворот в Берлине. Полк принимал участие в завершающих боях Советской армии за Берлин, за что был назван Берлинским и награжден орденом Кутузова. 902-й стрелковый Берлинский ордена Кутузова полк был расформирован в Германии 20 мая 1946 года.

выйдя с оружием перед строем, став на колено перед знаменем части. Прямо из учебного лагеря мы ушли на фронт, даже не успев получить воинские звания и попрощаться с астраханскими девушками. К вечеру 7-го августа мы уже заняли участок оборонительного рубежа, который позволял контролировать дорогу Элиста–Астрахань в районе деревни Ницан. Стало предельно ясно, куда шли, зачем шли и что ожидает нас.

Правда, когда рано утром совершали марш-бросок, на минуту это показалось какой-то шуточной забавой, но вскоре мы осознали всю серьезность обстановки, на себе ощутили все тяготы военного похода. Многокилометровый марш-бросок по бескрайним дорогам калмыцких степей под нещадно палящим солнцем и по сорокаградусной августовской жаре запомнился мне на всю жизнь. И даже сейчас, спустя почти семь десятков лет, когда просыпаюсь ненароком в морозную январскую ночь, при одном воспоминании об этом походе по коже пробегают мурашки, и меня бросает в тот сорокаградусный калмыцкий жар.

Колонна, состоявшая из нашего курсантского полка и нескольких других военных подразделений, выглядела довольно внушительно и растянулась почти на километр. Каждый курсант и боец шел в ботинках с двухметровыми обмотками и портянками, пилотке и белье, брюках и гимнастерке, пропитанной насквозь потом и солью, с положенной по уставу полной боевой выкладкой. Ее вес составлял 36 килограммов: военное снаряжение с личным оружием (винтовка, автомат, ручной пулемет, половина станкового пулемета¹) и боекомплект патронов и гранат, вещмешок с парой запасного нижнего белья, НЗ продовольствия (черные сухари, баночка рыбных консервов, пайка сахара, полпачки махорки и др.), шинель-скатка, саперная лопатка, каска, противогаз. Наряду с оружием самыми необходимыми солдатскими вещами были алюминиевая фляжка с водой (0,6–0,7 л), жестяной котелок, ложка, вилка, нож, мыло и спички.

Несмотря на частые приказы командиров ускорить шаг, колонна двигалась медленно. Да иначе и не могло быть после бессонной ночи и спешных сборов по тревоге. Через каждые час-два утомительного пути по цепи, начиная с головы колонны, передавалась долгожданная спасительная команда командира: «При-в-а-а-л!», и тогда бойцы мгновенно разбегались и как попало располагались по обе стороны дороги. Воцарялась сказочная тишина. И так же мгновенно бойцы засыпали.

Вдруг среди этой тишины раздался оглушительный взрыв: все мгновенно вскочили. Бомбят?! Оказывается, один из курсантов случайно выдернул чеку

¹ Ствол станкового пулемета носил пулеметчик, а станину – его помощник, второй номер.

из лимонки, она зашипела, и в испуге он бросил ее в сторону, где спали другие. Она разорвалась, но, к великому счастью, никто не пострадал. Это могло стоить некоторым жизни. Разве такое можно когда-нибудь забыть?

Уже который час, хотя и с привалами, мы, экипированные в соответствии с армейским уставом, в палящий зной, в полудреме и полусне, не видя ничего перед собой, кроме спины впереди идущего, шагаем вольным шагом за нашим командиром. В какой-то момент он сворачивает с дороги в степь, а за ним, естественно, и все наше подразделение. Видимо, командир, как и все мы, от усталости и бессонницы уснул на ходу, только споткнувшись о какой-то бугорок, очнулся и открыл глаза: увидел, что сошел с дороги, и сразу же повернул обратно, а за ним последовали и мы общей колонной. Так мы шли в общем строю в полузабытьи. Только к концу дня измученными до предела мы добрались до цели – деревни Ницан. Заняли оборону. Никогда не забудется тот гористый каменистый грунт, который пришлось чуть ли не зубами грызть, чтобы сделать окоп в полный рост. Выполнение приказа потребовало огромных духовных и физических сил, но к ночи мы уже находились в окопах не совсем полного профиля на большой высоте. Чертовски устали.

Я был простым солдатом, пулеметчиком. Ярko помню удивительно живописное место в районе нашей обороны: небольшое синее озерцо, покрытое густым зеленым камышом, слегка волнующимся под порывами ветра. Серебристые рыбки плещутся в воде под знойным синим небом.

Место нашей дислокации имело особые сложности: здесь находятся сотни волжских придельтовых грязевых озер. Естественно, это осложняло оборону. В течение недели в наш укрепрайон прибыло ощутимое подкрепление – 34-я гвардейская стрелковая дивизия, сформированная под Москвой на базе одного из воздушно-десантных корпусов и состоявшая в основном из храброй молодежи. Дивизия была направлена в наш район обороны 5 августа, и к исходу дня 14 августа ее части сосредоточились севернее и южнее Ницана, заняв оборонительный рубеж позади оборонительной полосы нашего второго курсантского батальона, который в оперативном отношении был подчинен командованию дивизии. На все эти части командованием Сталинградского фронта была возложена задача не допускать противника в район Астрахани с запада и юго-запада. Севернее Ницана оборонительный рубеж, занимаемый 34-й гвардейской стрелковой дивизией и 902-м (вторым курсантским) полком, пересекал дорогу Элиста–Астрахань.

Тем временем обстановка на Калмыцком участке Сталинградского фронта сложилась очень серьезная. 10 августа вражеский батальон мотопехоты в сопровождении 30–40 танков захватил центр Приютнинского улуса (района) село Приютное, утром 12 августа – столицу Калмыкии Элисту и продолжил

продвигаться на восток. Чтобы усилить фланги своих войск и использовать сложившуюся на фронте обстановку для захвата района Астрахани и устья Волги, гитлеровское командование во второй половине августа приказало из района Дивное продвигать в район Элисты, Улан-Эрге 16-ю моторизованную дивизию и две дивизии румынского корпуса, поставив перед ними задачу прорваться по дороге Элиста–Улан-Эрге–Яшкуль–Утта–Хулхута–Красный Худук – Николаевка к Астрахани и захватить ее.

Калмыцкие степи встретили курсантов страшным зноем. В 1942 году лето выдалось очень жаркое, особенно август. Температура воздуха порой достигала сорока градусов, палящее солнце выжигало последние травы. Лишь дикий бурьян и колючий кустарник виднелись вокруг. По знойному небу временами плыли легкие как лебяжий пух облака. Давно уже не было осадков. Не хватало пресной воды для питья. Часто выдавали на сутки одну флягу воды на двоих, и это при суточном пайке из сухой соленой воблы, сушеных сухарей, сахара и рыбных консервов. Но самым неприятным здесь был «астраханец» – ядовитая песчаная пыль, которую время от времени несли из полупустынных степей знойные ветры. Пылевые смерчи высокими столбами ввинчивались в небо, отчего вокруг становилось темно. От такого «дождя» никак не укроешься, а об окопах и говорить нечего – нигде не найдешь покоя!

В районе Ницана мы стояли около недели, однако успели разведать окрестности и установить, что в пяти километрах от нас находится бахчевая плантация, на которую мы регулярно наведывались и с которой без трофеев не возвращались. Спустя неделю нас ночью подняли по тревоге, и к концу вечера мы уже были в селе Михайловка, точнее в его окрестностях. Но не успели окопаться и тем более отдохнуть после тяжелого дневного перехода, как в пять часов утра подняли несколько взводов, в том числе и наш, по тревоге, выдали комплект патронов и гранат и увезли в неизвестном направлении. Услышав команду комвзвода зарядить винтовки, отомкнуть штыки и приготовиться к отражению воздушной атаки вражеских самолетов, мы поняли, что приближаемся к фронту, едем навстречу немцам.

Ехали мы около суток, и в конце концов 14 августа утром нас привезли к населенному пункту Яшкуль, миновав Красный Худук, Хулхуту и Утту. Нас выбросили впереди войск как передовой отряд с целью перехвата этого узла дороги на Астрахань, чтобы опередить противника. Здесь мы заняли оборону. Командир роты стал начальником нашего маленького «гарнизона». В течение трех дней, относительно спокойных, что мы ждали немцев, особых событий не было.

Наша рота, и в частности наш взвод, выдвинулись на передовую линию и стали передовым отрядом 899-го гвардейского полка, сформированного

в Астрахани в начале августа из курсантов на базе 1-го Астраханского пехотного училища, командиром которого был полковник Шапкин (бывший начальник этого училища). В эти дни в районе наших боевых позиций приземлился самолет Р-5, летчики которого тотчас же были задержаны и проверены. Они оказались действительно советскими летчиками, и их задача была доставлять донесения нам из находящегося в Астрахани штаба 28-й армии (генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко) и от нас обратно в штаб. Но несколько часов назад над нашими окопами на бреющем полете пролетел немецкий самолет и хорошенько обстрелял нас; возле меня с него упали звенья от металлической ленты, в которой находились немецкие патроны. Несмотря на то, что пронесся он буквально над нашими головами и мы открыли по нему огонь из винтовок и пулеметов, вреда мы ему не причинили, и он вернулся восвояси. Нас на этот раз Б-г миловал.

По приказу командования в один из этих дней ранним утром незаметно покидаем наши окопы и перемещаемся в другое, рядом расположенное селение, на окраинных возвышенностях которого уже появились и стали закрепляться передовые немецкие отряды. Впервые за все эти августовские вечера, после непродолжительной артиллерийской подготовки по сигналу зеленой ракеты и команде нашего командира «Вперед!», мы, имея лишь опыт учебных тактических занятий и еще никаких практических боевых навыков, поднялись во весь рост и побежали вперед в западном направлении.

Вопреки ожиданиям вначале со стороны немцев были слышны лишь отдельные выстрелы, но, когда мы приблизились к ним метров на 300–400, они открыли шквальный огонь из автоматических винтовок и пулеметов. Мы тотчас же залегли, причем последующей команды «В атаку, вперед!» не последовало, и можно было заключить, что многие курсанты, да и командиры, как впоследствии подтвердилось, во время этой атаки были убиты или ранены. А что было со мной, благодаря какой дикой случайности я остался жив, до сих пор не могу понять. Как оказалось, мою судьбу решал накануне выданный мне, как и всем курсантам, новый котелок из белой блестящей жести, который я то ли по глупости, то ли по недосмотру не спрятал в заплечный вещмешок, а прикрепил поверх мешка, который, естественно, был на моих плечах во время атаки.

Притворившись убитым, я упал лицом книзу и вещмешком кверху. Но прикрепленный к нему жестяной блестящий котелок служил отличной мишенью для немецких солдат, тем более что освещался солнцем, садившимся на западе. Попытка стряхнуть его с себя приводила к тому, что по нему обязательно стреляли, методично и безошибочно. Видимо, он был пристрелян каким-то немецким снайпером. Почти не шевелясь, пролежал так в открытом поле до заката, дождавшись, пока начнет темнеть. Затем по-пластунски, как нас учили, стал передвигаться назад, к исходным позициям, где нас, оставшихся в живых,

уже поджидали автомашины. Под покровом ночи нас увезли оттуда, и ранним утром мы уже оказались в какой-то калмыцкой деревне. И хотя на душе было очень тревожно и безумно хотелось спать, подумалось: «Что могла сделать рота еще необстрелянных солдат против опытной, как мы потом узнали, 16-й немецкой мотострелковой дивизии? Ровным счетом ни-че-го!»¹

Естественно, невозможно забыть ту первую бездарно захлебнувшуюся лобовую атаку и тот злосчастный блестящий жестяной котелок, который к закату был буквально изрешечен немецкими снайперскими пулями! Котелок пострадал, меня же Б-г в очередной раз миловал. Очевидно, слишком дорого заплатила вся моя погибшая в гетто Черей семья за сохранение (пока еще!) единственного оставшегося в живых сына!

В калмыцкой деревне, куда мы прибыли, ни одна живая душа нас не встретила, ибо все мужчины ушли к немцам, а женщины боялись показаться. Мы заняли оборону возле кладбища. Мне раньше, чем другим, удалось отрыть себе окоп в полный рост, и только потому, что вместо малой саперной лопатки, которая в обязательном порядке имеется в полной выкладке, я еще раньше раздобыл большую лопату и отломал у нее половину черенка. Она-то меня и до этого не раз выручала.

Помню, один раз умудрился даже сходить в село за молоком. Возле этого села мы простояли два дня, в течение которых лишь однажды немецкий летчик облетел наши позиции и ради забавы, что ли, поджег стоявший недалеко стог сена. Уже было известно, что наша разведка опять вошла в соприкосновение с передовыми немецкими частями и между ними произошел бой. По тревоге ночью 27 августа нас спешным порядком сняли с позиций и повезли куда-то. объезжаем Яшкуль, за который уже идет отчаянный бой. Понятно, что вскоре и мы вступим в боевые столкновения с немцами.

Ожесточенные бои происходили за Хулхуту 30 августа. Особенно памятен мне день 31 августа. Оборону наш взвод занял на одной из высот возле Красного Худука. Значит, Яшкулем немцы овладели. Мы впереди, за нами командир взвода. Где-то позади нас артиллерия (какая там артиллерия: полевые пушки и полковые минометы!). Перед нами гвардейский полк, а левее – машины, на которых вся наша амуниция сложена, даже фуфайки. Наскоро раздают боеприпасы и сухари с сахарным песком. Как и в прошлый раз, я раньше всех выкопал себе окоп полного профиля.

Буквально на наших глазах немцы на автомашинах подъезжают как можно ближе к нашим оборонительным позициям, высаживаются мгновенно и

¹ См.: *Миркин М.* Первая атака // *Голос ветерана*: газ. / Чикагская ассоциация ветеранов Второй мировой войны. 2004. 24–30 нояб. № 11(145); *Реклама*: газ. 2005. 24 нояб. № 44 (559). С. 144; см. *Приложение 22*.

развертываются в боевые порядки. Наши пушки и минометы не в силах что-либо сделать. Три часа пополудни. Оглушительный треск. Втягиваю шею и прижимаюсь к окопу – началась стремительная артподготовка немцев. Наши передовые части смяты, хотя они упорно сопротивляются, действительно по-гвардейски. Мною овладела какая-то невиданная и необъяснимая сонливость. Сколько я проспал, не знаю, но, когда проснулся, было около шести часов вечера. Над окопом стоял густой столб пыли – я задыхался. Многие курсанты, что в окопах левее и правее от меня, убиты или ранены: это понятно по душе-раздирающим воплям и видно невооруженным глазом. Открываем ответный огонь по немцам из РПД (ручной пулемет Дегтярева) и трехлинейек. Немцы нас обходят. Посылаю с нашего отделения связного Михайличенко к командиру взвода, которого не видно и не слышно, но связной не возвращается. Что делать? Все машины, в том числе и те, которые стояли с нашей амуницией, быстро развернулись и уехали. А мы сидим в окопах и не знаем, что делать.

Солнце уже совсем низко и начнет скоро скатываться за горизонт. Немцы бьют по нашей высоте уже трассирующими пулями. Чувствуется, что совсем скоро попадем в окружение, и тогда, немец, приходи к нам и забирай живьем. Из командиров никого не видно. Малишевич ранен в зубы. Митинев, курсант нашего отделения и сосед по окопу, умирает от полученных ран. Его последняя просьба – сообщить матери в Сталинград (Котлубановская улица) о его смерти. Наверное, скоро наша очередь. А в голове лишь одна сумбурная мысль: если сумеем продержаться до наступления темноты, сможем спастись, по крайней мере, теплится такая надежда, если же нет – погибнем. Наша судьба в руках у немцев, которые, судя по далеко позади светящимся пускаемым ими ракетами, нас уже обошли.

Стрельба постепенно стихает. Кое-кто из оставшихся в живых начинает выглядывать из окопов. Как и другие, переползаю из окопа в ниже расположенный ров, прихватив планшетку убитого командира взвода. Как я и предполагал, мы – в живых нас осталось немного – оказались в тылу у немцев. Какой-то майор хочет вывести нашу группу из окружения. Находится командир взвода, но не нашего. Идем всю ночь. На небе ни облачка. От высокой луны, от звезд, мерцающих в высокой голубизне, светло как днем. А вокруг открытая степь. Тяжело и тревожно отступать на восток, но ничего другого не остается. Враг слишком силен и коварен, и этот рубеж мы не смогли удержать, значит, придется отступать и закрепляться на другом. Но об этом потом, а пока надо выжить и выйти в безопасный район. Не видя нас, стреляют откуда-то немцы. Вероятно, наугад, на всякий случай.

Благодаря какой-то случайности и судьбе мы всю ночь блуждали по степи на занятой немцами территории и не были обнаружены. Из окружения к утру

мы вышли. Тем не менее в нашу сторону было выпущено несколько мин и автоматных очередей. К счастью, никто не пострадал. Мы, несколько курсантов, отделились от остальной группы и стали двигаться самостоятельно. Наступает безумно жаркий и сухой сентябрьский день в калмыцкой степи. Продолжаем идти. Куда? По чему ориентироваться? Ведь кругом, насколько глаз видит, сухая выжженная степь, да сверху в голубом небе нещадно палящее солнце. Как пригодился сейчас планшет убитого командира нашего взвода, который я после ожесточенного боя на всякий случай прихватил с собой! Ведь на планшете была подробная карта местности. Только как в ней разобраться, как сориентироваться, в какой точке мы в данный момент находимся?

В небольшой нашей группе я оказался самым грамотным: как-никак успел почти закончить один курс университета, в то время как другие не имели даже среднего образования. На мне висел командирский планшет. Продвигаясь с большим трудом неизвестно куда, я не мог не заметить вопрошающих взглядов товарищей по несчастью: ты же грамотный, тебе Б-г дал в руки карту, веди нас к какому-нибудь близлежащему населенному пункту. Мобилизовав свою волю и с трудом вспомнив некогда полученные еще в школьные годы скромные познания в области топографии и рекогносцировки, удалось, наконец, определить, где примерно мы находимся. Оказалось, что самым близкий населенный пункт – село Михайловка, расположенное где-то ближе к Каспийскому морю, и это нас несколько обрадовало и ободрило. Как хочется есть! Еще больше хочется пить; жажда мучает – воды нет. Стало понемногу закладывать уши.

Около пяти часов вечера (время определяли приблизительно, по солнцу) наткнулись на колодец с соленой водой. Пытаемся напиться «до отказа». Живот болит, пить еще больше хочется, но вода невозможно горькая. Уже вторые сутки, как мы непрерывно идем. Некоторые из нас начали отставать и побросали оружие (винтовки и патроны). Я даже и не думал бросить винтовку – это моя единственная защита.

На вторые сутки неожиданно встречаем машину: в калмыцкой степи это такая музейная редкость, особенно во время войны. Уговорили водителя взять раненого курсанта, о нас речь даже не идет. Подтвердил, что двигаемся мы в правильном направлении. Он дал нам барана и покатил восвояси. Что нам делать с бараном? Посуды никакой нет, как и воды, спичек, даже ножа нет. Максимально используем имеющиеся подручные предметы: стекло от испорченных ручных часов для добычи огня (сколько времени и труда это нам стоило, один Б-г знает), штык от винтовки-трехлинейки вместо ножа, завалившийся в вещмешке жестяной котелок как посудину и шомпол вместо шампура. Кое-как обожгли мясо на костре и в полусыром-полуобгорелом виде съели. Должен признаться, более вкусного блюда никогда в жизни не ел. Воды по-прежнему нет никакой, даже соленой и горькой.

На ночь остановились возле небольшого домика. Домик в степи — чем не находка? Решили поискать вокруг воду и в поисках колодца разбредлись по округе. Не найдя ничего, легли спать, притулившись одним боком к рядом лежащему товарищу. Мы спали, как те трое поросят, каждый из которых непременно хотел быть посредине, поскольку вскоре стало холодно. И вдруг посреди ночи как гром среди ясного неба раздался радостный крик: «Вода!» Видимо, с такой же радостью матросы Колумба слышали «Земля!», когда он открыл Америку. В одно мгновение были забыты и усталость, и голод, и холод. Скорее пить, напиться вволю — одна эта мысль придавала силы и бодрости. И, несмотря на то, что в воде плавали какие-то зеленые организмы, нам казалось, что лучшей воды не было и нет на свете. Напились, кто сколько мог, и ранним утром отправились дальше.

На исходе четвертых суток после того как мы покинули запомнившуюся на всю жизнь высоту, когда каждый умолял Б-га послать ему удачу или мгновенную смерть, наша группа неожиданно встретила в степи... водовоза, мирно восседающего на повозке с водой. Какая неожиданная радость встретить своего гражданского человека в глухой калмыцкой степи и услышать от него знакомые с детства русские слова! Он нас щедро угостил настоящей холодной пресной водой, и каждый из нас пил не сколько хотел, а сколько мог. О еде никто не помышлял, так как за эти изнурительные сутки мы вовсе отвыкли от еды, и есть совсем не хотелось. К этому времени мы стали глуховатыми от жажды. Водовоз показал дорогу. К концу четвертых суток мы все-таки дошли до села Михайловка, расположенного в районе Каспийского моря, где нас встретили очень хорошо. Здесь оказалось расположение какого-то строительного батальона. Нас угостили жареным мясом, которого было довольно много. Поели вволю, кое-кто даже припрятал куски мяса в свой вещмешок. Запили холодной водой. На закуску с соседней бахчи принесли арбузы. Через час-другой после трапезы началось «веселье»: на тощий желудок да после почти четырехдневного голода такая обильная еда — обязательно что-то случится. И, конечно, случилось. Я отделался рвотой, а потом еще часа три-четыре тошнило. Остальным было хуже. Расположились по двое на квартире. Наконец, стали нормально есть, пить, улыбаться и говорить с хозяевами как с родными. Относились к нам замечательно, и мы стали как нормальные люди. Но радость наша продолжалась недолго.

7 сентября утром откуда-то появились машины, и нас повезли неизвестно куда. Помню, отъехав с километр, мы остановились возле какого-то дома. Я зашел, хозяин угостил чем только мог и с болью рассказал о своем сыне, от которого нет никаких вестей. Тут же опять сели в машины и поехали дальше. Мы ехали почти сутки, и наконец нас привезли снова к Давсне: здесь проходил фронт. Мы быстро переоделись почему-то в зимнюю форму, нам выдали

оружие и боеприпасы и отправили: на этот раз не в бой, а действовать на коммуникациях и в тылу противника. Было много всякого, но запомнился один смешной случай. Однажды ночью мы остановили немецкую машину и, узнав, что кузов заполнен бутылками, начали их хватать в темноте, забыв даже о подстерегающей опасности. Назавтра обнаружили, что в них не долгожданный ром, а всего-навсего газированная вода, и были, конечно, разочарованы и даже раздосадованы.

В таком положении мы пробыли до 27 сентября и начали вроде бы довольствоваться своей судьбой. Но в это же утро нас, бывших курсантов, снова отозвали и доставили в Астрахань, уже в 248-ю дивизию, которая здесь формировалась. Нас привезли в какой-то сад, усыпанный желтыми осыпавшимися листьями. Оказалось, находимся мы на территории того самого пехотного училища, где я проучился чуть более четырех месяцев. Какой унылый вид оно имело сейчас! В нем уже находились курсанты-морячки, которые ни за что не хотели сбросить с себя морскую форму и надеть ботинки с обмотками. Переночевали здесь и наутро отправились в расположение 248-й стрелковой дивизии в Трусово, под Астраханью. Фронтowej запас гранат и патронов из-за ненадобности побросали в какую-то речушку и, конечно, наглушили много никому не нужной сейчас рыбы. К вечеру пришли в Трусово, где прожили несколько дней. Стояло настоящее «бабье лето», и деньки были замечательные, я наслаждался тишиной и всем окружающим. Странно вдруг очутиться в таком месте, где не слышно канонады, разрывов снарядов, свиста пуль, треска пулеметов и автоматных очередей.

Наконец, 1 октября меня направили в 3-й батальон, в 9-ю роту. К вечеру прибыл к месту назначения и, узнав, что назначен командиром 1-го отделения, отправился отдыхать.

* * *

1 октября 1942 года подробные дневниковые записи прерываются, и в дневнике содержатся лишь три краткие и лаконичные записи, относящиеся к этому периоду:

1 октября – 6 ноября 1942. Формирование 248-й стрелковой дивизии, 28-й армии, 902-го стрелкового полка в г. Астрахани.

6 ноября 1942 – 13 января 1943. Пребывание на фронте (Калмыцкий участок Сталинградского фронта), старший сержант.

13 января 1943. Первое тяжелое ранение в левую ногу и обморожение.

В первые послевоенные годы, когда события моей жизни с октября 1942 года и до завершения Сталинградской битвы в начале 1943-го еще были свежи в памяти, я не записал их подробно. Поэтому сейчас попытался хотя бы

частично восполнить этот пробел, изложив то, что сохранилось в памяти. Неоценимую помощь в восстановлении ряда событий и дат, а также в понимании сложившейся обстановки на Калмыцком участке Сталинградского фронта, где я воевал, во второй половине 1942 – начале 1943 года оказала книга В. П. Скоробогатова «28-я в боях за Калмыкию»¹. Я купил эту небольшую и неброскую на вид книгу в Москве на Ленинградском вокзале 27 октября 1969 года во время очередной служебной командировки на Конаковскую ГРЭС (бывшая Калининская, ныне Тверская область), казалось, она написана, издана и предназначена специально для меня. Осенью 1942 года, как пишет ее автор, он был направлен в политотдел 28-й армии (в состав которой входила 248-я стрелковая дивизия и наш бывший курсантский 902-й стрелковый полк) помощником начальника по комсомолу. Книга написана на основании его фронтовых дневников и личного общения со многими штабными военачальниками высокого ранга, с использованием многих оперативных документов и материалов того времени – и в этом ее главная ценность. Тем более что с автором мы ровесники, время и место описываемых событий тоже совпадает.

По характеру боевых действий и задач наших войск можно выделить несколько периодов в противостоянии на Астраханском направлении:

первый (с августа 1942 года) – период боевых действий передовых отрядов, включая и наш 902-й курсантский полк, против наступающих немецко-фашистских войск в калмыцких степях;

второй (с сентября) – оборона на дальних подступах к Астрахани и устью Волги;

третий (с октября) – подготовка наших войск к контрнаступлению по всему Сталинградскому фронту, включая и его Калмыцкий участок.

В течение октября наша дивизия, в том числе и наш полк, занимала оборонную полосу внутреннего Астраханского обвода и своими передовыми отрядами прикрывала узлы дорог и ряд населенных пунктов. В это же время продолжались доукомплектование дивизии и подготовка к наступлению, а также оснащение дополнительными материально-техническими средствами.

Запомнилось празднование 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, которая на фронте отмечалась особо и больше с чувством тревоги, чем радости. Памятно оно не торжественными собраниями, посвященными славному юбилею советской власти, хотя они проводились в подразделениях, а вручением подарков фронтовикам от оставшегося в тылу населения, главным образом от девушек и женщин. Подарки представляли

¹ Скоробогатов В. П. 28-я в боях за Калмыкию. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1968.

собой с любовью расшитые белоснежные платочки, свежие подворотнички, вязанные шерстяные носки, теплые перчатки и варежки, вышитые кисеты для табака, табак (махорка), сахар, печенье, шоколад и др.

Те радость и теплые чувства, которые мы, девятнадцатилетние юноши, испытывали при вручении в боевой обстановке этих скромных подарков, никогда не забыть. Сколько бы времени ни прошло, эти чувства и сейчас точно такие же, как и тогда, в далеком 1942-м. В большинстве случаев к подаркам прилагались записки, написанные взрослым (а иногда и детским) почерком, а зачастую и длинные сердечные письма, иногда с небольшими девичьими фотокарточками. Подарки с записками и письма, которые мне достались и которые получили мои товарищи по оружию, непременно начинались *Дорогой боец!*, *Дорогой и любимый воин!*, *Далекому незнакомому бойцу!* и в большинстве случаев заканчивались так: «Напишите мне по адресу...», «Дайте обязательно ответ», «Очень хочу познакомиться и дружить», «Приезжайте после окончания войны» и др. Жаль, что ни одно из таких писем не удалось сохранить.

В ночь на 7-е ноября началось движение частей нашей дивизии в новый район дислокации, которое продолжалось несколько суток и только в ночное время. По всему чувствовалось, что это подготовка к большому контрнаступлению. 28-я армия, в том числе и наша 248-я стрелковая дивизия, входившая в состав Сталинградского фронта, сосредотачивалась в полосе контрнаступления на Хулхуту–Утту, прикрывая вместе с другими соединениями Астраханское направление.

20 ноября 1942 года и наша армия, и наша дивизия, и наш полк, выполняя накануне вечером полученный приказ Военного совета фронта, в составе войск Сталинградского фронта перешли в мощное контрнаступление¹, в результате которого 21 ноября была освобождена Хулхута, 22-го – Утта. Продвигаясь с боями на запад, 28-я армия вместе с другими частями вышла на рубежи севернее и северо-восточнее Яшкуля, но здесь встретила отчаянное сопротивление противника. Сосредоточив большое количество войск и техники, заняв заранее подготовленную глубокоэшелонированную оборону, он ценой больших потерь упорно удерживал этот населенный пункт.

27 ноября передовые части ударной группы войск армии, куда входил и наш полк, временно перешли к обороне на этих рубежах. На это были веские причины: во-первых, наши коммуникации растянулись на сотни километров, и для организации дальнейшего наступления необходимо было подтянуть резервы и пополнить воинские подразделения недостающим количеством

¹ Войска ударной группировки Сталинградского фронта в соответствии с планом перешли в контрнаступление 20 ноября 1942 года. При этом атака началась не одновременно. См.: <http://www.mil.ru/849/11876/37865/68506/68811/index.shtml>

бойцов, во-вторых, войска испытывали нехватку – и мы это отлично чувствовали на своей шкуре – боеприпасов, продовольствия, воды и горючего. Погода создавала дополнительные трудности: морозы сменялись оттепелью. Мелкокапельные, из тумана, дожди пропитывали насквозь одежду, делали ее мокрой, холодной и тяжелой. А когда прихватывал мороз, она вовсе превращалась в панцирь. Стылыми руками приходилось прятать автоматы от такого дождя и оберегать от сырости запалы гранат. Временами приходилось отогревать пулеметы.

Почти весь декабрь части нашей армии вели бои на подступах к Яшкулю, совершали рейды в глубокий тыл врага, вели усиленную разведку обороны противника, заканчивали укомплектование дивизий и полков личным составом и техникой.

Памятное событие декабря – сообщение политработников наших подразделений о том, что указом Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года среди прочих учреждена медаль «За оборону Сталинграда» и что ею награждается каждый участник обороны Сталинграда, в том числе каждый воин 28-й армии.

В предновогодние дни, а точнее 29 декабря, полки 34-й и нашей 248-й стрелковой дивизии штурмом овладели Яшкулем и другими населенными пунктами, причем на главном направлении на Яшкуль наступал наш 902-й стрелковый полк под командованием майора И. Д. Кроха. Когда мы вошли в Яшкуль, там не оказалось ни одного жителя. Как позже выяснилось, немцы, отступая, угнали с собой большинство населения, а тех, кто отказывался эвакуироваться, расстреливали. Лишь немногим жителям Яшкуля удалось укрыться в степи.

О боях в районе Яшкуля 30 декабря сообщило Совинформбюро, об общем положении на нашем участке фронта нас официально информировали политработники. В этот же день наши войска овладели населенным пунктом Улан-Эрге, открыв тем самым путь на столицу Калмыкии – город Элисту. В последний день уходящего года нам зачитали приказ: 31 декабря выйти в район южнее Элисты, а затем наступать на Приютное, что на западе Калмыкии. Значит, опять предстоят новые напряженные боевые часы и дни. Каждому бойцу вручили листовку – поздравление с новым 1943 годом, новогодние подарки доставить к этому времени не успели.

На нашем участке фронта в ночь с 31 декабря на 1 января немцы устроили грандиозный праздничный новогодний кратковременный фейерверк. На 10–15 минут все ночное небо озарилось вспышками ракет: стало светло как днем – и ни единого выстрела. А в это время наши войска с ожесточенными боями овладевали городом Элистой. Вскоре 248-я начала наступление на Приютное

и далее – на Маныч¹. Военная операция на Маныче, в которой я принимал участие, оставила неизгладимый след в моей жизни, а потому заслуживает более подробного описания.

Прежде всего огромную трудность представляла предстоящая переправа через Маныч. Водная ширь раскинулась в самой западной части Калмыкии. Самое большое из местных озер в системе Западного Маныча – Маныч-Гудило. В многоводные годы, по данным географических источников, оно простирается более чем на 100 километров в длину, глубина достигает до трех метров; вода в нем соленая. Понимая свое отчаянное положение и боясь второго Сталинграда, гитлеровцы сосредоточили на рубеже Маныч значительное количество мотопехоты, артиллерии и танков и оказали упорное сопротивление нашим войскам.

В ночь на 4 января наш 902-й стрелковый полк занял оборону на одном из горячих участков Маныча. Учитывая сложившуюся обстановку, военный совет фронта поставил перед 28-й армией сложнейшую задачу: войскам правого фланга вести наступление вдоль северного берега Маныча на Пролетарскую и Сальск, а войскам ее левого фланга, состоявшего в основном из войск 248-й стрелковой дивизии, форсировать Маныч в направлении Дивного, овладеть этим населенным пунктом, а затем наступать также на Сальск. Как оказалось впоследствии, выполнение этой задачи потребовало от наших войск величайшего мужества, героизма и боевого умения. Можно не сомневаться, что гитлеровское командование отлично понимало всю серьезность сложившейся обстановки и представляло все трагические для себя последствия форсирования советскими войсками Маныча по направлению на Дивное. Поэтому все силы и средства были брошены немцами на укрепление и удержание этого района. На господствующих высотах на левом берегу водного рубежа они заблаговременно выстроили оборонительные сооружения, с которых далеко просматривалась и простреливалась вся местность. Здесь, на узком участке фронта, было сосредоточено большое количество войск и техники. Несомненно, всю сложность форсирования Маныча учитывало и наше командование. Форсирование водного рубежа, помимо всего прочего, осложнялось еще и тем, что стояла коварная морозная январская погода, а на льду реки во многих местах были полыньи.

И вот, наконец, последовал приказ дивизии форсировать водный рубеж. Эту сложную задачу командир дивизии поручил сводному батальону, сформированному из воинов-добровольцев нескольких батальонов из нашего 902-го

¹ Маныч – общее название озер и рек Кумо-Манычской впадины, расположенной на территории Калмыцкой АССР, Ростовской области и Ставропольского края.

полка. Этим геройским ребятам, среди которых меня не было, надлежало первыми проложить путь для частей дивизии на Дивное.

Героический штурм водного рубежа добровольческим сводным батальоном начался на рассвете 7 января 1943 года. Неласковым был Маныч в то январское утро. Туман застилал все вокруг. Как потом рассказывали в госпитале раненые бойцы, перед форсированием солдаты сняли валенки и брюки и сложили их в плащ-палатки. Обнаженные до пояса, они спускались бесшумно в ледяную воду. Держа над головой оружие и одежду, люди крошили своим телом тонкий лед, вязли в илистом дне. Вода застывала на гимнастёрках стеклянной коркой. Шаг за шагом двигались к цели, причем более сильные поддерживали уставших. Атака сводного батальона оказалась столь стремительной, что немцы в панике отступили: оборона противника была прорвана. Путь полкам на Дивное был открыт, и по нему начали переправляться стрелковые полки дивизии. К вечеру 7 января подразделения сводного батальона достигли северной окраины Дивного, но здесь были остановлены. Противник перешел в контрнаступление, и наши бойцы были вынуждены отойти на исходные позиции. После этого четверо суток шли ожесточенные бои.

Мне хорошо запомнились те январские дни, когда, окопавшись в мерзлой земле, мы с трудом сдерживали натиск врага, а 11 января по приказу командования все полки нашей дивизии были отведены на ранее занятые позиции, то есть на северный берег Маныча. Затишье длилось недолго. «13 января 1943 г. подразделения 248-й стрелковой дивизии снова, во второй раз, героически форсировали Маныч и закрепились на его левом берегу», – было сказано в официальных сводках командования фронта и сводках Совинформбюро. А как это происходило и как мне, бойцу этой самой 248-й стрелковой дивизии, запомнился этот «второй раз» и этот день 13 января 1943 года?

Получив приказ штурмовать немецкие позиции, мы из наших промерзших окопов в схваченной морозом одежде поднялись в атаку и побежали вперед по скользкому льду Маныча. Тотчас же по нам, с трудом бегущим к вражеским укреплениям на том высоком левом берегу, был открыт шквальный огонь из разных мест и всех видов оружия: винтовок, автоматов, пулеметов, минометов и артиллерии. Вокруг свистели пули, рвались снаряды, беспрерывно раздавались автоматные очереди; с разных сторон стали слышны крики о помощи. Настоящий огненный ад. Бойцы проваливались в ледяную воду в проруби, обрзовавшиеся от разрывов снарядов и мин. Одежда насквозь промокла и отяжелела, валенки наполнились ледяной водой, обоймы с патронами намокли. С невероятными усилиями, преодолевая последние метры мелководья, удалось наконец выбраться на спасительный берег, но в тот же миг рядом со мной разорвался артиллерийский снаряд. Мощный взрыв оглушил меня, я был тяжело ранен в левое бедро.

Кто и как вынес меня с поля боя, когда и при каких обстоятельствах я очутился в медсанчасти батальона, кому – безвестной ли медицинской сестричке или же преданному другу-товарищу по службе я обязан жизнью, мне неизвестно. Я оказался на походном операционном столе в полевом медсанбате, из моего левого бедра извлекли внушительных размеров осколок, с моих заледеневших ног пытались стянуть примерзшие валенки. Когда это не удалось, валенки разрезали, а ноги с обмороженными пальцами забинтовали. В тот же день перевезли меня в стационарный медсанбат села Приютного, где я находился на лечении до 21 января.

После четырехдневных боев наша дивизия вместе с другими частями 17 января штурмом овладела Дивным и несколькими населенными пунктами восточнее него. Так закончилась героическая эпопея штурма нашими войсками водного рубежа Маныча и одного из мощных опорных пунктов обороны противника в районе Дивного. В официальных сводках отмечалось: «После этих боев мы не досчитались многих боевых товарищей»¹.

* * *

Очередные две лаконичные записи из автобиографических данных дневника 1943 года:

27 января – 3 марта. Скитание по разным госпиталям.

3 марта – 6 мая. В эвакогоспитале № 1692, г. Петровск Саратовской области.

По каким госпиталям я скитался? Очевидно, после всего пережитого, даже несмотря на молодость, состояние было далеко не лучшее. Довольно смутно помню, как перевозили куда-то по Волге, лучше – как 3 марта нас, группу тяжелооболченных и раненых, выгружали из железнодорожных вагонов на станции Петровск Саратовской области. Стерлось из памяти и время нахождения в госпитале с 3 марта по 6 мая и то, как проходило лечение и как я выздоравливал. Единственным свидетелем событий тех дней осталась пожелтевшая от времени официальная справка о пребывании на фронте и ранении, оформленная по всем бюрократическим правилам, подписанная руководителем эвакогоспиталя № 1692 г. Петровска и скрепленная гербовой печатью².

Как долго я находился в батальоне выздоравливающих, трудно сказать. Зато точно знаю, что короткое время, до 27 июня, был курсантом Саратовского

¹ В сводках подразумевали, по всей видимости, «безвозвратные» потери. Автор этих строк чудом остался жив (*прим. ред.*).

² См. Приложение 3.

пехотного училища, затем меня перевели в Могилевское пехотное училище в Вольске (в той же области). Здесь я проходил обучение до 21-го октября, о чем свидетельствует сохранившаяся справка, написанная от руки на небольшом клочке оборотной стороны какого-то «боевого листка», заверенная руководством училища и скрепленная гербовой печатью. В ней указано, что дана она... для предоставления по месту жительства родных¹. Справка выдана 21 сентября 1943 года. Кто мог знать тогда, что моих родных нет в живых уже более полутора лет, так как они зверски убиты немецкими оккупантами и местными полициями в гетто местечка Черя Витебской области? Можно было лишь надеяться и с минимальной степенью вероятности предполагать, что кто-то из семьи чудом остался в живых.

Поскольку резко улучшилось стратегическое положение наших войск на фронтах и активизировались наступательные действия, а также возникла острая необходимость в подготовке новых офицерских кадров после значительных потерь в период военных действий, командование решило укомплектовать военные училища курсантами, имеющими боевой опыт. 26 октября 1943 года я был направлен в 1-е Куйбышевское пехотное училище (г. Куйбышев, Управленческий городок) и зачислен курсантом с годичным сроком обучения. Вместе со мной был также зачислен товарищ по Могилевскому пехотному училищу Дима Глазков, с которым мы продолжали дружить: делили пополам все трудное и все радостное, что случалось у нас за год учебы. На единственной имеющейся у меня фотографии военного времени запечатлены мы с Димой в декабре 1943 года, уже не помню, каким фотографом, по какому случаю и при каких обстоятельствах (*фото 12*). Дима отправил эту фотографию матери в Курскую область на ст. Кшень. Дима был настоящий боевой товарищ и преданный друг. Очень жаль, что после войны наши дороги разошлись. А вспомнить вместе можно было бы многое: и тактические занятия на поляне, почему-то называвшейся Дойка, с часовыми перерывами на отдых, и ночные подъемы по тревоге с пробежкой по лесу на пять километров и возвращением к утру с тяжелым бревном на плече, и наряды вне очереди на кухню и мойку полов, и использование топографических знаний в корыстных интересах, и многое другое. В училище строго соблюдался установленный распорядок дня. Сутки были расписаны по часам и минутам, и малейшие отступления от распорядка строго наказывались, главным образом нарядами вне очереди, а зачастую и гауптвахтой. «Прелести» последней я, правда, ни разу за время пребывания в училище не испытал, но наряды вне очереди получал, и неоднократно. Больше всех по этой части свирепствовал старшина, затем

¹ Но чуда не случилось. Невостребованная справка до сих пор хранится в моем архиве (см. Приложение 4).

дневальные, которые сменялись каждые сутки. Что представлял собой наш распорядок дня, я постарался подробно и «красочно» описать во время отведенного тем же распорядком личного часа 10 или 11 марта 1944 года:

Наш распорядок дня

Тишина царит в казарме,
Возле тумбочки наряд...
Все курсанты на постелях
По команде «вольно» спят.

Свет горит. Полы помыты,
Запах адский – «аромат»...
Спит лопата. Спит винтовка.
Спит спокойно и солдат.

А часы считают время,
Стрелки ходят по кругу,
И дневальный понемножку
Дремлет, стоя на посту.

Клюнул носом – чу, проснулся,
Глядь на время – так и есть!
Как-то чудом не попался
И проснулся без двух шесть.

Шесть часов – подъем чертовский,
Физзарядка на носу.
Кое-как надел ботинки
И обмотки на ходу.

Брюки в руки крепко держишь –
Вдруг еще да съедут вниз,
А обмотки хвостом сзади,
Набок шапка – вот сюрприз.

Выбегает, как с пожара,
«Становись!» – и побежал.
А обмотки – будь ты проклят! –
Их дорогой размотал.

Раз отстал, то дело плохо
И наряд не миновать.
Намотал на скорую руку,
«Ну-ка, строй бегом догнать!»

Кое-как бежишь до цели,
Вот и, наконец, завод,
А отсюда наша *брашка*
Начинает поворот.

И помчались все обратно:
Кто вперед, а кто назад.
«Стой! Из строя выходите!
Вам троим один наряд!»

Отхватив скоропостижно
Сногшибательный наряд,
Низко голову наклонишь
И *шкандыбаешь* назад.

Пол помыть – ну что за новость –
Это старые дела.
Напугал меня нарядом:
Миновала та пора.

Кое-как заправил койку,
Не умылся – так сойдет...
Руки грязны, глаз не видно –
Настоящий бегемот.

Быстро кончилась зарядка –
Утренний осмотр враз;
Скинул китель, снял рубашку:
«Вши, а ну-ка на показ!»

Умыванье, туалеты –
Лучше не напоминай,
Говорить начнешь начальству,
Командир кричит: «Кончай!»

...Семь часов. Нет лучше время,
Завтрак – радостная весть.
Тут мы строимся в шеренгах:
Каждому охота есть.

«Смирно! Рассчитайсь! Направо!»
«Шагом марш!» и «Запевай!»
За столом уничтожаем
Хлеб и масло, сахар, чай.

Жаль, что радости мгновенье.
Почему не длится час?
Мы к занятиям готовы,
Приготовьте только класс,

Класс хотите? Вот вам *дуля!*
Первый час «с плеча к ноге!».
Забираем трехлинейки,
Маршируем на дворе.

Слава тебе, господь Боже,
Что ногами наградил,
Головы вообще не надо,
Лишь бы *двигатель* свой был.

Целый час так отмахнешь
Своей собственной рукой...
Час прошел – беды не столько,
Но пред нами час второй.

Час второй – такая ж «драма»
С добавленьем «На плечо!»
Ты командуй – я исполню:
Мне теперь уж все равно.

Два часа прозанимались
(Слава высшему творцу).
Пять минут – и *построенье*:
Я на *тактику* иду.

Тело пулемета плотно
Мне уселось на плечо,
На горбу хоть тяжесть груза,
Но на сердце как легко.

...До поляны «Дойка» близко –
Километров пять иль шесть
Курсачам прогулка – шалость,
Но желудок просит есть.

Не беда. Минут сто двадцать
Славной «тактике» конец.
А потом... Потом в столовой
Хлеб горелый и супец.

Каши – ложка, суп – баланда,
Пять минут «войны» – и все.
Посидишь, да и покуришь,
Взоры устремишь в *окно*.

Размечтались. Слышен голос:
«Шапки быстро одевать!»
С неохотой одеваешь,
Неохота и вставать.

Мысли там, у *амбразур*,
Но команда «Становись!»
С горем пополам приходим,
Доложили... «Разойдись!»

По уставу нам положен
Отдохнуть часок. У нас
Или в лес, иль на работу,
Но никак не мертвый час.

Но, допустим, вам удалось
Спать ложиться. Напролом,
Только глаз сомкнешь, и слышишь
Крик дневального: «Подъем!»

Хочешь ты или не хочешь –
Вскакиваешь, как шальной:
Распорядок не изменишь –
Час занятий уж седьмой.

Час седьмой совсем приятный:
«Обучение бойца».
То «налево», то «направо»
Вертишься так два часа.

Так накрутишься досыта,
Что не ходишь по прямой,
А «налево» иль «направо»,
«Змейкой», «цепкой» иль «дугой».

Если нам на этом кончить,
Было бы в порядке все,
Но... Вот тут-то запятая
Перед этим самым «но».

Как прожить на белом свете
И *драчиловку* не знать?
Полчаса тренаж законный
И приказ: «Винтовки взять!»

За винтовку-трехлинейку
И команду выполняй:
«По пехоте, прямо, восемь,
В пояс, лежа *заряжай!*»

«Почему рука согнута?
И прицел стоит на пять?»
«Ноги снова сделал вместе?»
«Приготовиться!» и «Встать!»

Повторив раз двести то же
«Встать!», «Ложись!» и «Заряжай!»
Наконец кричит дневальный
Шумным голосом: «Кончай!»

Слово с плеч гора свалилась:
Пройденное не вернешь,
Либо завтра только снова
На тренаж ружье возьмешь.

Раз закончил заряджанье,
То почистить ерунда:
Шомпол, пакля и протирка
Ширкнул раз туда-сюда.

И поставил в *пирамиду*
Свою верную «жену».
Скоро *самоподготовка*:
Разум надо дать уму.

Наставлений и уставов
Целый ворох там лежит.
И «*максимка*» драгоценный
На скамеечке стоит.

Мы подробностей не станем
Массу всяких описать...
Быстро первый час проходит,
На второй мне наплевать.

После часа – ужин роте,
Ужинать готов всегда.
Завтра заниматься снова,
Шансы есть на два *кола*.

Кол? И что же? Не боюсь я,
Видно будет, а пока
Личный час – пойду сыграю,
Остальное – чепуха.

...Личный час проходит быстро,
И проверка настает.
Наш дежурный строит роту,
Старшина *талмуд* берет.

«Ну-ка, парень, выходи-ка!
Вот другой орел стоит!»
Наберет около взвода.
Смотришь – и душа болит.

Им полы сегодня «драить»,
Завтра, может, мой черед,
Но пока я улыбаюсь,
Глядя на «штрафной» народ.

За нарядами наряды
Ежедневно, каждый час,
Без нарядов, как без света,
Так уж водится у нас,

Старшина, *точи баланду*
И морали добавляй,
Мимо уха все промчится,
Спать охота – так и знай.

Скоро или же нескоро
Наконец мы разошлись,
И опять орет дневальный
По-шальному: «Спать ложись!»

Так рабочий день проходит
От начала до конца.
... Не тревожьте меня больше,
Отправляюсь в царство сна.

*КПУ-1 (1-е Куйбышевское
пехотное училище),
Управленческий городок
10-11/III-44*

Брашка – братия.

Шкандыбать – ковылять (разг.)

Дуля – кукиш (прост.)

«С плеча к ноге!» – военная команда

Двигатель – ноги (сленг)

Построенье – военный термин

Тактика – название занятия

Курсачи – так себя называли курсанты училища

Окно, амбразура – окно для раздачи пищи (сленг)

Змейка, цепка, дуга – способы развертывания пехоты

Драчиловка – тренаж (сленг)

«Заряжай!» – военная команда

Ширкнуть – потерять

Пирамида – стойка для хранения винтовок

Самоподготовка – самостоятельное занятие

«Максим» – станковый пулемет

Кол – очень плохая оценка

Талмуд – книга нарушителей (сленг)

Точить баланду – болтать (сленг)

В начале апреля группа курсантов, и я в том числе, была откомандирована на ст. Барыш Ульяновской области с каким-то заданием, цель и содержание которого не могу вспомнить. После выполнения задания местными органами власти в одном из помещений был устроен для курсантов вечер с приглашением молодежи, главным образом девушек. Вечер оставил хорошее впечатление, особенно танцы (я танцевал с какой-то Олей). По этому поводу я не мог не написать хотя и корявое, но стихотворение, что и было сделано 7 апреля по возвращении в часть:

Прощай, Барыш

Прощай, Барыш! В последний вечер
С горы люблюсь я тобой.
Твои дома, твои деревья,
Твоя краса – всё предо мной.

Где жизнь течет однообразно
И день сменяется другим,
Мы строки нашего творенья
С большой любовью посвятим.

Живёте тихо и спокойно,
Вас не тревожат никогда,
Но мы с училища курсанты
Случайно забрели сюда.

Чего же, девушки, скучали?
Примите неожиданных гостей.
Без нас, быть может, унывали,
Но с нами будет веселей.

Конечно, жаль, что мало время
Мы вместе с вами провели,
Но время наше драгоценно,
И у нас различные пути.

Быть может, мы, когда уедем,
То вспомним мимоходом вас,
Но вы – я больше чем уверен, –
Немало вспомните о нас.

Хотя отсюда уезжаем,
Но все же вспомним мы о вас,
Как вспоминал когда-то Пушкин
Порой прекраснейший Кавказ.

Так будьте живы и здоровы,
Счастливо оставайтесь жить.
Забыть нам кое-что возможно,
Но вашей ласки – не забыть!

* * *

23 июня 1944 года началась крупномасштабная стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Багратион», в результате которой в течение двух месяцев от немецких захватчиков была освобождена вся Белоруссия.

28 июня по радио прославленный диктор Левитан читал сообщение Совинформбюро об освобождении ряда городов и населенных пунктов, в том числе и Витебской области, где до войны жила наша семья. Назавтра, 29 июня, я отправил письмо, адресованное родителям:

Куйбышев, 29/VI-44

Дорогие родители!

Пишу письмо с надеждой, что вас здесь нет. Но если нет, то, может, кто-нибудь прочтет письмо и даст ответ мне, сыну вашему, о вашей судьбе. Если же вы каким-нибудь чудом оказались здесь и получите письмо, то непременно ответьте мне хотя бы два слова: «мы живы».

О вас мне неизвестно стало с того момента, как началась война в 1941 г. Я расстался с семьей, не зная о ее судьбе.

На днях было сообщено, что м. Черя освобождено от немцев. Быть может, вы остались как-нибудь живы, поэтому и прошу сразу же дать ответ.

Миркин М. Л. 29 /VI-44¹

После того как война разлучила меня с семьей, уверенности, что моим родным удалось сохранить свои жизни в местечке, где жили до и во время оккупации, у меня никогда не было. Однако какая-то, пусть даже и мизерная надежда на то, что они каким-нибудь чудом остались живы, всегда у меня теплилась. Хотелось верить, очень хотелось.

Но 14 августа 1944 года в 14.30 вернулся обратно просмотренный военной цензурой мой солдатский треугольник² с ответом начальника почты

¹ Может возникнуть вполне логичный вопрос: была ли у автора во время боев на Калмыцком участке Сталинградского фронта (конец 1942 – начало 1943 года) какая-либо информация о том, что немцы уничтожают евреев в оккупированных районах? Доходила ли такая информация до солдат во время боев, и если да, то каким образом? Со всей категоричностью могу сказать, что нет. Не было такой информации. Вероятно, никто (особенно выше) не был заинтересован в ней. Более того, даже разговоров – официальных или частных – на эту тему не было. Однако внутреннее еврейское чувство, основанное на недавних тревожных событиях 1939-40-го годов, когда евреи семьями поголовно покидали Польшу, подспудно существовавший и периодически вспыхивавший антисемитизм местных жителей вызывали тревогу за судьбу родных.

² См. Приложение 5 (5.1 и 5.2).

Щуплякова, который хорошо знал моих родителей и к которому я еще до войны, будучи юношей, ходил на почту за письмами и газетами:

Проживавшие в Черее Ваши родственники убиты немцами 6–III–42 г. при избиении ими еврейского населения.

С прив. Нач. Почты Щупляков 24/III/44 г.

Худшее подтвердилось.

* * *

Боль и глубокие переживания по безвозвратно потерянной семье меня никогда не покидали, они остались и по сей день. Однако слишком напряженной и трудной была курсантская жизнь, чтобы постоянно предаваться переживаниям. Часто, особенно во время несения караульной службы, вспоминались раннее детство, юношеские довоенные годы, родные и друзья, все дорогое сердцу и первая любовь¹.

7 ноября 1944 года в Куйбышеве состоялся праздничный военный парад войск гарнизона, посвященный 27-й годовщине Октябрьской революции. В нем принимало участие и наше училище; подготовка проходила по ночам. Два дня после парада командование «подарило» нам для отдыха. Это было разумно и справедливо, так как до окончания годичной учебы в училище остался ровно месяц (мы уже были без пяти минут офицерами), нам предстояло получить офицерские звания и без промедления отправиться на фронт. Я, будучи курсантом 1-го Куйбышевского пехотного училища, получил воинское звание младшего лейтенанта согласно приказу Главного управления кадрами Наркомата обороны (ГУК НКО) от 29 ноября 1944 года. 9 декабря нас, выпускников училища, обмундированных по офицерским стандартам военного времени, отправили на Западный фронт. Протяжный, щемящий сердце паровозный гудок возвестил о том, что курсантские будни остались позади, что пребывание в тылу кончилось.

Итак, с удостоверением личности, выданным Куйбышевским училищем в 1944 году², и чудом сохранившимся студенческим билетом Белорусского госуниверситета 1940 года в кармане гимнастерки я вместе с другими ехал на Западный фронт. (Студенческий билет как воплощение мечты моих дорогих

¹ Судьбе было угодно, чтобы мы с ней, Марией Молочник, встретились в послевоенные годы. Встретились, но и только.

² См. Приложение 6.

родителей стал для меня талисманом. В одной соколке, брюках и тапочках с 50 копейками и студенческим билетом в кармане я выбежал из общежития на улице Студенческой г. Минска 22 июня 1941 года. С завернутым в тонкую целлофановую пленку и крепко перевязанным прочной бечевкой билетом в красной обложке я не расставался ни в эвакуации, ни во время тяжелых работ на колхозных фермах, ни на Каспийском море, ни в годы учебы в военных училищах. Вместе с солдатским медальоном¹ он был со мной во время изнурительных марш-бросков и атак на Калмыцком участке Сталинградского фронта, четырехсуточного выхода из окружения в условиях голода и жажды, форсирования Маныча, ранения и скитаний по госпиталям.) Нас везли из Куйбышева на запад по той самой железной дороге Смоленск–Минск, по которой я ехал 26 июня 1941 года, три с половиной года назад, в обратном направлении. Снова проезжаем Смоленск и Оршу, Толочин, Славное, Бобр и Крупки. На каждой из этих станций я тогда хотел сойти и добраться пешком до родительского дома, в Черему, а сейчас в этом нет никакой необходимости – нет уже дома, нет родных.

Где-то 18 или 20 декабря мы подъезжали к Борисову, который был освобожден нашими войсками почти полгода назад, 1 июля 1944 года (оккупирован 2 июля 1941 года). Я рассказал Митьке Глазкову, своему близкому другу, что к этому городу испытываю особые чувства, что с ним связаны дорогие довоенные воспоминания. Остался ли кто-нибудь из родных в городе? Те дома и улицы, на которых они жили?

Состав медленно подъехал к перрону. Его подали на запасной путь. Поразил знакомый вид вокзала, который, в основном, сохранился. Не зная, как долго будет стоять эшелон, мы не раздумывая побежали на одну из близлежащих улиц, кажется, 8-е Марта или Гливенскую. Мы спрашивали: «Где тут живут евреи?» – и нам указали на один из домов. Этот дом № 30 на улице Гливенской оказался, к счастью, действительно еврейским, и, что еще важнее, мы застали там двух женщин – Софью Лазаревну и Аню Молочник, мать и дочь. Времени для разговоров – а мы предполагали провести весь поиск за 30–40 минут – уже не оставалось. Коротко обменялись самыми необходимыми сведениями и записали адрес. Своего адреса я им дать не мог, поскольку у меня его попросту не было. Будучи чрезвычайно довольными хотя бы и этой краткой встречей с малознакомыми людьми на освобожденной борисовской земле, мы с Митькой помчались к нашему эшелону, который буквально через пару минут отправился дальше – на запад, к месту назначения.

¹ Во время войны у каждого солдата и офицера имелся специальный медальон, в который помещали записку с его фамилией, именем, отчеством, датой рождения и адресом ближайших родственников.

Уже в вагоне поезда, идущего на Минск, я пытался осмыслить происшедшее в Борисове за последний час. Прежде всего, фамилия двух женщин – Молочник. Очень знакомая... Наконец, вспомнил: такая же фамилия была у сестры моего отца – Соши, мужа которой звали Ича Молочник. Эта семья тоже жила в Черее и там погибла в гетто в марте 1942 года. Оказалось, борисовские и черейские Молочники были в родстве.

Тем временем эшелон подошел к Минску, откуда в начале войны я спешно уезжал в глубокий тыл – на восток, теперь через этот город я проезжаю к приближающемуся фронту – на запад. С трудом узнаю полуобгоревший вокзал и пустую площадь. Прилегающий к ней университетский городок, в котором я бывал почти каждый день на протяжении всего первого предвоенного учебного года, и вовсе не такой, каким я запомнил его, каким он навсегда остался в моей памяти...

Долгий паровозный гудок возвращает к реалиям текущего дня: краткая остановка в Минске закончилась, и мы продолжаем свой путь на запад, все ближе к фронту. 24 декабря 1944 года наш эшелон с молодыми офицерами – выпускниками училища – прибыл на конечную станцию назначения г. Гродно (Белоруссия), а оттуда – в один из районов дислокации частей 2-го Белорусского фронта, которым к этому времени командовал маршал К. К. Рокоссовский¹. Нас, молодых офицеров, направили в 48-й ПРОС (полк резервного офицерского состава) 65-й армии под командованием генерал-полковника П. И. Батова в составе 2-го Белорусского фронта. Там мы находились до 7 января 1945 года, и это время ничем не запомнилось², разве что ежедневными занятиями по ознакомлению с военной обстановкой на фронте и наиболее важными политическими событиями и по изучению воинских уставов и наставлений. 8 января меня направили в 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которой командовал генерал-майор Сабир Рахимов (она входила в состав 65-й армии), а оттуда – в 118-й гвардейский стрелковый полк.

Приказом комполка полковника Оноприенко за № 4 от 11 января 1945 года меня назначили командиром стрелкового взвода первого батальона, а впоследствии командиром пулеметной роты³. Утром 14 января по всем воинским подразделениям, включая и наше, был объявлен приказ Ставки Верховного

¹ Маршал К. К. Рокоссовский был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом 12 ноября 1944 года. До этого он командовал 1-м Белорусским фронтом, и его сменил на этом посту маршал Г. К. Жуков.

² Личные записи об этом времени не сохранились, а ведь мы, надо полагать, каким-то образом отмечали и новый 1945 год.

³ Кроме 118-го гвардейского стрелкового полка, в состав 37-й дивизии входили также 109-й и 114-й стрелковые и 86-й артиллерийский полки.

главнокомандования о начале наступления войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Это была первая со времени моего прибытия на театр военных действий крупная операция двух фронтов – под командованием Рокоссовского и Жукова – на территории Польши, которая продолжалась две недели – с 14 по 26 января – и вошла в историю Великой Отечественной войны под названием Млавско-Эльбингская наступательная операция, или завоевание Висло-Наревского плацдарма¹. В чем была сущность этой операции? После того как на подступах к Варшаве наши активные боевые действия прекратились, лишь на некоторых направлениях продолжались нелегкие и безуспешные бои. Противник удерживал на восточных берегах Вислы и Нарева² небольшой плацдарм в виде треугольника, вершина которого находилась в месте слияния рек. На этот участок в низине наступать можно было только в лоб. Окаймляющие его противоположные берега Вислы и Нарева сильно возвышались над местностью, которую нашим войскам приходилось штурмовать. Все подступы немцы простреливали артиллерийским огнем с позиций, расположенных за обеими реками, а также артиллерией одной из крепостей, находившихся в вершине треугольника. Войска наших соседних армий безрезультатно атаковали плацдарм, несли большие потери, расходовали большое количество боеприпасов, но выбить противника никак не могли³.

За одной из таких атак наблюдал в рассветные часы с передовой маршал К. К. Рокоссовский: «В назначенное время наши орудия, минометы и “катюши” открыли огонь. Били здорово. Но ответный огонь противника был куда сильнее. Тысячи снарядов и мин обрушились на наши войска из-за Нарева, из-за Вислы, из фортов крепости. Огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых крепостных, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник не жалел снарядов, словно хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Пока эта артиллерийская система не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации вражеского плацдарма»⁴. К тому же и достаточных материальных и людских ресурсов пока не было, да и цель не заслуживала такого расхода сил и человеческих потерь. И командующий фронтом отдал приказ немедленно прекратить наступление, а всем войскам перейти к прочной обороне и приступить к подготовке новой наступательной операции.

¹ Разные военные специалисты называют ее по-разному.

² Нарев – правый приток реки Вислы, впадающий в Гданьскую бухту Балтийского моря. На реке Висле расположены города Плоцк, Торунь, в дельте – Гданьск.

³ По описанию маршала К. К. Рокоссовского. См.: *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 362–363.

⁴ Там же. С. 363–364.

Она началась 14 января 1945 года. К этому моменту в состав 2-го Белорусского фронта, кроме 65-й армии, входили еще шесть общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии. Ширина полосы фронта, в пределах которой предстояло действовать, достигала 250 километров. Местные условия были довольно сложные, так как включали водные преграды – реку Нарев и весьма широкую Вислу, которые нам предстояло форсировать.

Людей в частях по-прежнему не хватало, и пополнение составляли, в основном, солдаты и офицеры после излечения во фронтовых госпиталях и медсанбатах, а также из военных училищ. Несмотря на это, наступление готовилось тщательно. Началось оно с мощной артподготовки с плотностью 200–240 орудий на километр фронта на острие нанесения главного удара; наряду с другими была развернута для наступления и 65-армия. Из-за густого тумана и мокрого снега был отменен вылет бомбардировщиков для нанесения удара по переднему краю обороны противника. Несмотря на отчаянное сопротивление немцев, наши части вклинились в их оборону, в том числе наша армия – на глубину от 5 до 8 километров. Впереди было форсирование Вислы в ее нижнем течении, где на берегах были расположены сильные опорные пункты Торн (Торунь), Бромберг (Быдгощ), Грауденц (Грудзендз), Мариенбург (Мальборк), Эльбинг (Эльблонг). Немцы усиленно и ожесточенно контратаковали, но за три дня тяжелых боев наши войска прорвали оборону противника на всем протяжении линии фронта.

В моем дневнике имеется лишь одна лаконичная запись: «Висло-Наревский плацдарм: Пултуск-Сероцк–Насельск–Яблоново». Населенные пункты Пултуск и Насельск были освобождены нашими войсками 16 января, причем Пултуский укрепрайон был взят 65-й армией. Я участвовал в боевых действиях в качестве командира стрелкового взвода. Форсировать реки Нарев или Вислу, как в январе 1943 года водную систему Маныч на Калмыцком участке Сталинградского фронта, мне на сей раз не пришлось: Б-г миловал. Но и наземных боев с лихвой хватило до следующей, второй операции – Восточно-Прусской. Эта операция, ставившая своей целью прорыв обороны немцев на реке Нарев, выход правого крыла войск 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю в районе города Эльбинга и разгром всей восточно-прусской группировки немецких войск, началась 13 января и завершилась 25 апреля 1945 года.

Войскам левого крыла фронта, на котором находилась 65-я армия, и в том числе наша 37-я гвардейская стрелковая дивизия, надлежало захватить широкий плацдарм на западном берегу Вислы западнее Грауденца и Кульма (Хелмно) и осуществить подготовку третьей по счету – Восточно-Померанской операции. Выполняя эту стратегическую задачу, войска 65-й армии развивали успех, пресекая попытки противника закрепиться на выгодных рубежах – берегах многочисленных рек и речушек, достигли Вислы и приступили к ее форси-

рованию. На некоторых участках реки противник еще не успел организовать оборону и прикрывался небольшими силами, а его преследование продолжалось днем и ночью. На восточном берегу Вислы немцы удерживали обширный плацдарм. Севернее города Грауденц переправиться через реку не удалось. Предстояло форсировать ее с боем, условия для переправы были достаточно сложные.

Висла в нижнем течении достигает в ширину более 400 метров, в глубину не менее 6 метров. Началась оттепель, лед подтаивал, слабел. Пехота еще могла пройти, а вот для артиллерии, танков и другой техники нужно было наводить переправы. Но это невозможно сделать, пока на западном берегу нет плацдармов. К завоеванию плацдармов приступили войска 65-й армии. Одной из важнейших задач было взять Грауденц, на подступах к которому и находилась наша дивизия, 118-й гвардейский полк и наш 1-й стрелковый батальон. С битвой за этот город у меня связаны самые яркие впечатления и самые неприятные воспоминания.

Город-крепость Грауденц расположен на правом берегу Вислы в ее нижнем течении, его защищал немецкий гарнизон численностью 15 тысяч солдат и офицеров во главе с комендантом – генерал-лейтенантом. Гитлер придавал этому городу особое значение, поэтому его отстаивали отборные части, в том числе механизированная дивизия и запасная тренировочная бригада «Герман Геринг».

Наступление на Грауденц началось, как мне помнится, на рассвете 30 января. Погода была жуткая – не то слабый мороз, не то оттепель; промозглая сырость, слякоть, туман. Под шинелью и гимнастеркой на мне было две пары нательного белья. Именно две пары, по прошлой солдатской привычке, когда приходилось по необходимости его менять в полевых условиях, чаще всего без мытья и воды. Это двойное белье меня впоследствии выручило. Штурм города вместе с другими подразделениями вели в основном солдаты и офицеры нашей 37-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с бесстрашным генералом Сабиром Рахимовым, любимцем командарма П. И. Батова. Бои шли одновременно на улицах и площадях города и с гарнизоном старинной крепости.

В моем дневнике в 1945 году было сделано лишь несколько кратких, почти тезисных записей, связанных с боями за этот город. Вот одна из них:

30 января. Наступление на город Грауденц. Последствия. Оборона кирпичного завода. Рота Макарова.

И ни слова о том, как 25 февраля проходил ожесточенный бой за овладение одной из площадей в центре города, не говоря уже о более ранних уличных боях. Об этом в то время, видимо, и писать-то не стоило, так как эта боевая операция и так запомнилась на всю жизнь. Очень жаль, что оперативная карта

города и площади, за которую наша стрелковая рота вела бой, пропала где-то на длинных дорогах войны.

...На рассвете 25 февраля был получен приказ командира батальона начать атаку в указанное время, овладеть площадью и закрепиться в домах, расположенных на ее противоположной стороне. Это были каменные 4–5-этажные дома, стоящие очень близко друг к другу. Мы как могли быстро окопались на нашей стороне площади (успели вырыть лежащие окопы) и стали ждать сигнала к атаке.

Вскоре с батальонного КП взвилась зеленая ракета, и я тотчас послал такую же ракету из своего окопа. Не успели мы пробежать и нескольких метров, как на нас с противоположной стороны ударили из всех видов стрелкового оружия. Немецкие пулеметы стреляли трассирующими очередями. Атака, не начавшись, захлебнулась, и мы быстро попрятались в свои же заранее заготовленные окопчики.

В бруствер с разных сторон стали попадать пули – по-видимому, немецкий снайпер пристрелял мой окоп, наверняка догадавшись, что в нем находится командир, если оттуда была выпущена зеленая ракета. Попадания участились настолько, что стало ясно: еще одна команда с КП батальона, мой сигнал к атаке, и я наверняка буду убит или ранен.

В это же время, еще до второй атаки, мы вдруг услышали с противоположной стороны площади отборную русскую брань с внушительными угрозами в наш адрес: «Русские свиньи, сдавайтесь в плен, или мы вас всех перебьем!» Оказалось, в подвалах и на первых этажах домов укрепились власовцы, которые недвусмысленно заявили о своем намерении уничтожить нас. Они оказывали отчаянное сопротивление нашим войскам, более яростное, чем немцы, ибо отлично осознавали безвыходность своего положения и что их ждет в случае плена.

Как стало потом известно, власовцы оказались у немцев в заложниках и в большинстве случаев находились на передовой линии, а немецкие войска занимали позиции позади них, во втором эшелоне.

Не прошло и часа, как зеленая ракета с КП и ракеты из окопов возвестили о начале очередной атаки. Я только успел подняться из своего окопа, как сразу почувствовал, как нечто острое и жгучее вонзилось мне в спину. Я упал, но успел еще заметить, как наши солдаты быстро, почти мгновенно, достигли домов и там продолжали сражаться за каждую комнату и каждый этаж. В это время ко мне подбежала хрупкая на вид миловидная медсестричка (ведь рассмотрел, несмотря ни на что!). Она потащила меня назад, к нашим домам, благо передвигаться я был в состоянии. Передав меня какой-то женщине – офицеру в медицинских погонах, она мгновенно скрылась из виду, скорее всего, для оказания неотложной помощи другим раненым бойцам, и больше я эту

посланную самой Судьбой сестричку¹ не видел. А жаль, очень жаль. В ушах моих до сих пор звучит ее звонкий голос и запомнившийся навсегда краткий и единственный вопрос: «Товарищ лейтенант, куда вас ранило?» Вопрос был вполне уместен, но ответить на него пришлось уже работникам ближайшего медсанбата дивизии, куда меня переправили в тот же день.

А что произошло? В тот самый момент, когда я подал сигнал начала атаки (зеленая ракета), встал во весь рост и только успел крикнуть «Вперед!»², в меня попал снайпер, но не в голову, а, поскольку я очень быстро выскочил и повернулся как-то боком, в правую лопатку. Разрывная пуля прошла сквозь шинель, гимнастерку, оба комплекта нижнего белья и разорвалась. Основные осколки пули оказались в теле, но некоторая часть застряла в одежде. За время моего пребывания в нескольких эвакогоспиталях осколки были извлечены. Но все ли? Они меня не беспокоили тогда и, спасибо Вс-вышнему, не тревожат до сих пор³... В дневнике 1945 года сохранились лишь три лаконичные записи, относящиеся к тем теперь уже очень далеким, но незабываемым дням:

25 февраля. Второе тяжелое ранение в спину (г. Грауденц, Польша–Германия).

25 февраля – 8 марта. Скитание по госпиталям; в эвакогоспитале в/ч 31995, 25 км от Грауденца.

9–19 марта. В эвакогоспитале в/ч 33469 (начальник госпиталя Низковолосов), г. Швец⁴.

В каких медсанбатах и госпиталях я находился в течение 12 последующих дней после ранения, попросту не помню. Сохранилась лишь запись об одном из них: ГЛР (госпиталь для лечения раненых), в/ч 31995, 25 км от Грауденца. Зато о моем пребывании в госпитале в/ч 33469, г. Швец, свидетельствует пожелтевшая от времени справка – о ранении и о нахождении на излечении с 9 по 19 марта 1945 года⁵.

¹ Так на фронте называли медсестер, выносивших раненых с поля боя.

² В отличие от существовавшей по военному уставу Красной армии команды «Вперед!» в израильской армии командир отдает команду «За мной!».

³ Об этом эпизоде войны пришлось недавно не только вспомнить, но и подробно написать: Миркин М. Один день на войне // Голос ветерана: Орган Чикагской ассоциации ветеранов Второй мировой войны. №. 4(174). [Реклама: газ. Чикаго. 2008. 10–16 апр. С. 131]; см. Приложение 23. Основой этой публикации послужил очерк, написанный по просьбе Фаины Злотиной из общества Хэсед Рахамим в Минске (см. об этом далее на с. 321).

⁴ Ныне г. Свеце (Польша).

⁵ См. Приложение 7.

Как-то, еще находясь в госпитале, я пошел прогуляться по окрестным улицам города Швец и случайно забрел в большой, красивый и пустой дом, оставленный совсем недавно его богатым владельцем. Там было много комнат с массой вещей и мебели. Мое внимание привлекла громадная библиотека в одной из комнат. На полке я увидел ряд красивых томов большой энциклопедии на немецком языке. Быстро найдя том на немецкую букву «В» (ибо нашей конечной целью был Берлин), правда, с большим сомнением, дойду ли я до Берлина, я вырвал из тома карту *Brandenburg* и *Berlin*, с которой прошагал с боями (и сохранил в госпиталях) до конца войны и которая у меня до сих пор¹. Много раз я в нее заглядывал до и после окончания войны, отыскивая города и населенные пункты, связанные с нашим продвижением к Берлину.

После излечения меня как годного к строевой направили в отдел кадров 65-й армии. А как завершились штурм города дивизией Рахимова, Восточно-Прусская операция в целом? Почти 40 дней гвардейцы генерала Рахимова сражались за Грауденц, штурмуя стены крепости. По опыту Сталинграда генерал Рахимов использовал штурмовые группы по 15–20 автоматчиков. В моих дневниковых записях за 1945 год вскользь упоминается оборона кирпичного завода, в которой пришлось участвовать. А вот один из офицеров штаба 37-й дивизии, впоследствии народный писатель Узбекистана Ибрагим Рахим, в связи с 90-летием со дня рождения генерала Сабира Рахимова рассказывает об одном из многих боевых эпизодов – «как генерал Рахимов взял табачную фабрику»².

Окруженный Грауденц долго не сдавался, хотя натиск атакующих не ослабевал ни на минуту. Генерал менял тактику, стремясь не давать противнику передышки. Наконец подразделения генерала и штурмовые группы почти очистили город и загнали немцев в крепость. Фашистское командование было беспощадно к своим солдатам. Оно заставляло их сражаться даже при очевидной бесцельности сопротивления. Гарнизон Грауденца, отрезанный от своих войск, сражался до конца. И только 6 марта рано утром немецкие парламентарии прибыли к генералу с согласием сдаться и сложить оружие. К тому времени в результате многодневных тяжелых уличных боев город и крепость уже были заняты частями 37-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Сабира Умар-оглы Рахимова при участии 142-й стрелковой дивизии полковника Г. Л. Сонникова. «Батя! Город наш, крепость у нас!» – рапортовал генерал Рахимов командарму 65-й армии П. И. Батову.

А в моем дневнике в марте 1945 года сделана следующая запись: «Грауденц – красивый городишка, но после “обработки” еще красивее стал. Три недели были в осаде (т. е. осаждали. – М. М.), но все же они сдались с позором

¹ См. Приложение 9.

² См.: Рахим И. Бессмертие солдата // Правда Востока: газ. 1992. 14 февр. № 32. С. 1.

во главе с генерал-комендантом»¹. Думается, что недостаточная грамотность 22-летнего молодого человека без высшего и порядком подзабытого среднего образования в данном случае простиительна.

По оценкам высших военачальников, разработавших и осуществивших операции на заключительном этапе Великой Отечественной войны, одним из важных итогов Восточно-Прусской операции следует назвать прорыв обороны немцев и разгром восточно-прусской группировки, когда войска 2-го Белорусского фронта, составлявшие его правое крыло, вышли к Балтийскому морю. Она стала подготовкой к осуществлению следующей, не менее значимой Восточно-Померанской операции, которая началась 10 февраля и завершилась 4 апреля 1945 года. Восточно-Померанская операция ставила своей целью прорвать оборону немцев с выходом соединений 2-го Белорусского фронта, составлявших его левое крыло, к Балтике в районе Кёзлина и Кольберга и окружением и последующим уничтожением восточно-померанской группировки немцев. Предстояло освобождение крупных портовых городов в дельте Вислы на берегах Балтики – Гдыни и Данцига (Гданьска). С юга на Данциг наступала 2-я ударная армия, с запада к нему приближалась быстрыми темпами 65-я армия генерала Батова.

Данциг – сильнейшая крепость, хорошо укрепленные и замаскированные форты которой держали под обстрелом всю местность. Старинный крепостной вал кольцом охватывал город, перед ним – внешний пояс современных капитальных укреплений. На всех высотах – железобетонные долговременные огневые точки. Система долговременных укреплений дополнялась позициями полевого типа, а территория, прилегавшая к городу с юга и юго-востока, в случае наступления противника затапливалась. Обороняющихся Данцига поддерживали огнем стоявшие в бухте военные корабли – шесть крейсеров, 13 миноносцев и десятки военных судов. Более подробно о Восточно-Померанской операции, а также о боях за Данциг как за крепость стратегического значения рассказано в упоминавшихся мной мемуарах маршала К. К. Рокоссовского «Солдатский долг».

Штурм Данцига начался 14 марта, я в это время еще находился на лечении в госпитале. 26 марта войска 65-й и 2-й ударной армий, прорвав глубоко эшелонированную немецкую оборону, подступили к Данцигу. Гарнизону Данцига было предложено капитулировать. Ответа не последовало, и советские войска начали штурм крепости одновременно с трех сторон. Немцы дрались, как в

¹ В ходе боев в Грудзендзе (Грауденце) войска фронта взяли в плен более пяти тысяч немецких солдат и офицеров во главе с комендантом крепости генерал-майором Фрикке и его штабом, а также захватили большое количество вооружения и военного имущества.

См.: <http://www.rzn.info/news/site/39685/> (прим. ред.).

Грауденце, за каждый дом, особенно ожесточенно отстаивая большие здания, фабричные и заводские корпуса. 28 марта была освобождена Гдыня, а 30 марта пал Данциг. В боях за Данциг погиб комдив генерал Рахимов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. В день гибели Рахимова дивизию принял генерал К. Е. Гребенник.

19 марта меня выписали из госпиталя и направили в отдел кадров 65-й армии, признав годным к строевой службе. То, как с еще не полностью зажившей раной догонял свою армию, подробно описал в дневнике¹ (пока мы, несколько человек, добирались до отдела кадров, войска стремительно уходили вперед, и мы догнали их только в районе Данцига, где и успели непосредственно поучаствовать лишь в завершении военной операции по взятию города).

27 марта 1945. Приехали в Шенек и поехали дальше – до Мариензее, не доехав до него восемь километров. Завтра имеем шанс попасть туда. Случай в лесах и партизаны. В остальном, прекрасный мой товарищ, все чепуха, все чепуха. Самолеты дают жизни. Пленные фрицы, русские девушки и немки². Разговоры с немцами.

28 марта. Пройдя одиннадцатым номером (т. е. пешком. – М. М.) километров 20 и машиной около 15, приехал в Картхауз. Что я здесь узнал? Где отдел кадров – в 7 километрах отсюда. Завтра их пройдем. Гдыня занята (28 марта. – М. М.); Данциг кончается, как старый человек. Куда из отдела кадров поедem – не знаю. Знаю, что в свою часть, но где она будет? Авось и Данциг нам достанется? Увидим. Ночевали в славной квартире, без паненок. Зато сам хозяин удивительно приветливый, веселый, рассудительный. А может, это только на первый взгляд?

29 марта. Приехали в отдел кадров в Борово (7 км от Картхауза). Не зашли сразу туда, а решили разместиться где-нибудь поблизости. Нашли, наконец, квартиру. Хозяин и хозяйка. Рассказ о молодых и наших солдатах. Действия солдат. Утром у нас был завтрак на славу. Сходили в отдел кадров, но безрезультатно.

30 марта. Пошли опять на квартиру. Переспали еще ночь, а завтра пойдем в отдел кадров, а оттуда в Данциг. Хотя говорят, что с городом покончено, однако это не так. Бои еще идут там. И на кой черт мы только спешили? Как хорошо мы жили в Штаргардте. Поторопились, а это больше не вернешь... Пойдем, значит, воевать, а там видно будет. День плохой – дождик мелкий брызгает, как-то скучно на душе. Что день грядущий нам готовит? Не знаю, но радости как-то ничуть нет. Кругом полно солдат.

¹ Страницы дневника с описанием событий 20–26 марта 1945 года впоследствии были утеряны.

² Что я имел в виду, теперь не помню.

31 марта. Получил направление: явиться к 1 апреля в часть. Переспали ночь, а 1 апреля увидел старшего лейтенанта (фамилия не указана. – М. М.), и целый день пили. Когда уедем, видно будет. Живи, пока можно, а потом и не спрашивай...

Далее следует короткая запись: «Наревский плацдарм: Пултуск–Сероцк–Насельск–Яблонowo. Путь движения: Грауденц–Реден–Торн–Швец–Оша–Скурц–Штаргардт–Шенек–Мариензее–Картхауз–Борово (отдел кадров) – Данциг–Штеттин (Щецин. – М. М.)», – после которой продолжается описание событий:

2 апреля. Вместе со старшим лейтенантом уехали на машине в Данциг. Здесь жили два дня в хозяйственном взводе соседнего полка. Дело с городом идет к концу – это чувствуется. Все же не хочется попадать впросак сейчас, когда если не через день, так два все будет кончено.

4 апреля. Наша 37-я гвардейская стрелковая дивизия снимается со своих позиций в Данциге.

5 апреля. Нахожу свой 118-й гвардейский стрелковый полк. Тут же, в Данциге, оформляюсь. И все же успеваю в городе трижды поучаствовать в заключительных местных боях с остатками немецких войск. К счастью, все обошлось без трагических последствий. Душевные травмы не в счет.

6 апреля. Поход 35 км.

7 апреля. Наша часть на автомашинах проезжает 235 км, поближе к Штеттину. И с этого дня фактически начинается четвертая по счету операция – Одерская: 20 апреля – 2 мая 1945 года. По планам высшего военного командования цель ее – прорыв обороны на реке Одер, стремительное наступление и разгром штеттинской группировки немецких войск с выходом 2-го Белорусского фронта на рубеж Росток – река Эльба. Предстояло освободить крупный портовый город Штеттин в устье р. Одер. После стремительного марш-броска 7 апреля на автомашинах бойцы нашего полка получили на следующий день, 8 апреля, отдых.

9 апреля. Занятия по всем правилам военного обучения. Окопались, только, конечно, ненадолго. Скоро опять в бой. Меня назначили командиром пулеметной роты. Ребята замечательные. Завладел немецким пистолетом, только патронов к нему маловато. (А какую неоценимую службу он мне впоследствии сослужил! – М. М.)

16 апреля. Все прошедшие дни – усиленные тактические занятия, знакомство с плавсредствами и их изучение, моральная и физическая подготовка к форсированию реки Одер¹.

¹ Миркин М. В боях за город Щецин // Книга Победы. Чикаго: Изд-во Reklama Media Company, 2010. С. 90–95; см. Приложение 24.

А теперь то, о чем тогда в силу военной обстановки я не мог подробнее написать в своем дневнике, но что отчетливо помню до сих пор. Войскам 2-го Белорусского фронта предстояло начать наступление и с ходу форсировать Одер в нижнем течении. Наши войска и позиции противника разделял Одер, который на этом участке образовывал два широких русла Ост-Одер и Вест-Одер, впадающих в Штеттинский залив Балтийского моря. Между ними – непроходимая болотистая пойма, затопленная из-за весеннего половодья. Общая ширина Одера вместе с поймой на нашем, восточном, берегу доходила до 6 километров. Войска с марша приступили к подготовке наступления, несмотря на только что совершенные утомительные переходы, во время которых бойцы отдыхали урывками на коротких привалах, спали под открытым небом на сырой земле.

С помощью разведки удалось установить, что главная полоса неприятельской обороны, оборудованная по западному берегу реки Вест-Одер, достигает 10 километров в глубину и состоит из двух-трех глубоко эшелонированных линий. Каждая из линий имеет одну-две сплошные траншеи. Через каждые 10–15 метров по берегу реки отрыты ячейки для стрелков и пулеметчиков, связанные с траншеей ходами сообщений. Все населенные пункты в прибрежной полосе на глубину до 40 километров приспособлены для обороны и превращены в опорные пункты. На направлении наступления войск противник также создал вторую полосу обороны, которая проходила в 20 километрах от Одера, а еще дальше была третья полоса.

На нашем направлении артиллерия обеспечила плотность не менее 150 стволов на километр фронта (без учета 45- и 57-миллиметровых орудий). Ее задачей была огневая поддержка пехоты при форсировании Одера и прорыве немецкой обороны. Инженерным войскам пришлось в кратчайший срок подтянуть к берегу и надежно укрепить десятки понтонов, сотни лодок, а также подвезти лесоматериалы для строительства мостов, изготовления плотов и для прокладки гатей через заболоченные участки берега.

16 апреля (продолжение). Уже два дня, как мы в обороне около восточного берега Одера. Скоро плавать... Несколько дней тому назад получил письмо от неизвестной девушки, ответил. На велосипеде научился хорошо ездить. На аккордеоне играю тоже так себе. Погода замечательная. Сегодня день рождения. В честь именин «фриц» должен прислать «подарок».

19 апреля. Вечером мы получили приказ: под покровом ночи начать продвигаться по заболоченной местности и Ост-Одеру как можно ближе к середине водной глади, найти на многочисленных островках, имеющих мелкие деревца или кустарники, укрытия, разместить в них своих пехотинцев с плавательными средствами, быть бдительными и ждать команду на форсирование реки. Для поддержания должного боевого духа и большей храбрости бойцам

выдали 150 грамм фронтowych, а к ним добавил каждому еще по 150 грамм старшина роты¹. Едва стемнело, наша пулеметная рота повзводно и по отделениям стала выдвигаться к берегу, где в укрытии находились приготовленные заранее лодки. Как правило, в лодку помещалось одно отделение экипированных солдат. Каждая из полутора десятков лодок с бойцами роты поочередно отчаливала и бесшумно подплывала к западному берегу. Противник предчувствовал неладное, его тревожила ночная тишина – над гладью реки, насколько было видно, висели осветительные ракеты.

Наши артиллеристы пытались их сбивать, зачастую довольно успешно, но немцы запускали все новые и новые. Им нужна была освещенная река, так как они не только учитывали возможность форсирования Одера нашими войсками, но и панически этого боялись.

Где-то к полуночи мы обнаружили подходящий островок, на котором вся рота разместилась: в кустарниках или в лодках. А находились мы, как записано в дневнике, в 8 километрах южнее Штеттина. Севернее, в полукилометре от нас, над рекой нависал полуразрушенный железобетонный мост. С нашего, восточного, берега примерно до середины реки он оставался цел, вторая половина была разрушена. Эту картину мы наблюдали во время ежедневных учений, вплоть до форсирования. Она впечатляла, и настолько, что до сих пор не только не забывается, а, наоборот, во всей своей трагической красе стоит перед глазами. Сильная усталость и тревожное предчувствие приближающегося боя сделали свое дело: мы мгновенно безмятежно уснули, позабыв все на свете, не слыша разрывов отдельных артиллерийских снарядов, не видя яркого света висевших над водою ракет, – кто лежа, кто сидя. ...Проснулся мгновенно от страшного грохота канонады и звона в ушах.

6 часов утра 20 апреля 1945 года. Все небо в огне, словно насквозь пронизано непрерывными сверкающими молниями, – это артиллерия начала подготовку для форсирования пехотой Одера и овладения его западным берегом. Артподготовка продолжалась около часа, в течение которого был получен приказ начать форсирование Одера и высадиться на его западном берегу.

Не успели мы на своих лодках отплыть от нашего островка, как по нашим войскам, начавшим под прикрытием огня переправляться через реку, в том числе и по нам, с берега был открыт шквальный огонь из всех видов оружия².

¹ 22 августа 1941 года Государственный комитет обороны (ГКО) издал знаменитый приказ о «фронтowych 100 граммах». Перед атакой к 100–150 «наркомовских» старшина, о чем он хорошо знал, обязан был добавить еще одну норму.

² Как мы потом узнали, вдоль правого берега Одера курсировали немецкие бронепоезда, которые обстреливали нас время от времени с разных мест и позиций.

Вода буквально вскипела от разрывов. Ходу назад, естественно, не было, и мы продолжали, хотя и медленно, двигаться. И тут коварный снаряд нас достал – разорвался в метре от лодки, и она перевернулась и пошла ко дну, а мы, с десятков бойцов, стали тонуть. Тут началось самое «веселое»: оказавшись в довольно холодной воде и уже не обращая внимания на разрывы снарядов и свист пуль, ценой невероятных усилий пришлось удерживаться на плаву в насквозь промокшем обмундировании и не утонуть (еще в детстве на Черейском озере научился хорошо плавать). Это было совсем непросто, пришлось сбросить с себя легкую шинель, освободиться от туго сидящих сапог, что стоило немалого труда и большой изворотливости. Зато стало легче держаться на воде и плыть уже не вперед, к противнику, а, как заблаговременно разъяснил командир батальона на предварительном инструктаже, назад, к первому попавшемуся островку или годному плавсредству. На маленьком необитаемом островке меня и достала неизвестно откуда взявшаяся коварная пуля, которая пробила насквозь стопу левой ноги и повредила два последних пальца. И опять, как в Данциге, меня заметила, подобрала и перенесла с помощью моториста в санитарный катер медсестричка, имя которой я, к сожалению, не помню. В нем уже находилось несколько раненых бойцов. Под непрерывающимся огнем по пути к нашему берегу катеру удалось подобрать еще нескольких раненых солдат. На берегу нас тотчас же положили на носилки, погрузили в специально оборудованную машину и отвезли в ближайшую медсанчасть. 21 апреля я оказался в эвакуогоспитале Иванова в Штаргардте (п/п 57385).

В моем дневнике имеется поблекшая от времени лаконичная запись карандашом:

20 апреля. Форсировали Одер, 8 км южнее Штеттина. В 11 часов ранение в левую ногу, сквозное пулевое. 21 – госпиталь Иванова. Штаргардт п/п 57385.

И дальше:

23 апреля, 23 часа. Приказ Верховного главнокомандующего по радио Коневу и Жукову по поводу их заходов в Берлин¹.

Я же в это время тоже был «там», напоенный наркозом и не знал, что со мной происходило. Какое состояние и чувство!

25 апреля. Меня переводят в какой-то эвакуогоспиталь, видимо, для дальнейшей эвакуации в тыл. Наша авиация «дает» жизни... Погода неважная.

¹ Автор имеет в виду не один, а сразу два приказа Верховного главнокомандующего от 23 апреля 1945 года: № 339 – маршалу Г. К. Жукову и № 340 – маршалу И. С. Коневу.

См: <http://www.soldat.ru/doc/vgk/339.html> и <http://www.soldat.ru/doc/vgk/340.html> (прим. ред.).

Свое начальство почти все здесь. Вчера встретил Маломана (15-я стрелковая дивизия)¹. Как дальше – посмотрим. Писем не писал пока.

26 апреля. Взят Штеттин. Вечером погрузка в летучку² для эвакуации.

27 апреля. Вечером приехали (вернее, привезли) во фронтовой госпиталь, расположенный в Арнсвальде. Весна в полном разгаре. Под утро попали, наконец, на место, откуда будет производиться дальнейшая эвакуация тяжело-раненых во фронтовой тыл. Срок лечения 45 дней.

1 мая. Праздник встречаю в больничной обстановке. Ничем особенным этот день не отличается от других, разве что по 100 грамм дали. Зато последние известия приятные: над Берлином водрузили Знамя Победы. Москва празднует всюю. Написал письмо Нюре. Вот и все.

2 мая. В 23 часа приказ т. Сталина о взятии Берлина. 27 залпов из 324 орудий. День дождливый. Сделали сапоги хромовые (на больные ноги?).

4 мая. В 13 часов сообщение по радио о выпуске облигаций 4-го государственного займа. В 19.00 уезжаю на летучке. Медсестра Шура дает свой адрес. Надеюсь, напишу ей письмо³. Опять в летучке простояли целую ночь. Когда уедем, черт его знает. Погода замечательная, только бы чувствовать себя здоровым и побольше ходить.

5 мая. Наконец-то после долгих мучений оправляемся на Бромберг.

6 мая. Появились в городе Торн, и здесь нас в 11 часов выгрузили. Какая была дорога – лучше не спрашивать, а что у раненых творилось в вагоне – тем более. Нога заметно подлечилась, и стало намного легче. Посмотришь, что делается в городах (Бромберг, Торн), и душа болит. Как хочется встать на свои собственные ноги. Тепло, зелени много. В госпиталь, по-видимому, только завтра попаду.

7 мая. Заявился во фронтовой госпиталь. Думал здесь найти покой, но, боже, и отсюда эвакуируют в тыл. Меня уже назначили на эвакуацию в глубокий тыл. Скоро должен самолетом полететь. День какой-то несчастливый. В буквальном смысле этого слова не везет.

8 мая. Не уехал: нога не в порядке.

¹ Однокурсник, вместе с которым окончили 1-е Куйбышевское пехотное училище и были направлены на 2-й Белорусский фронт.

² Летучкой назывался санитарный эвакопоезд для доставки раненых бойцов до крупных городов, в которых имелись госпитали, или до аэродромов.

³ Запись в дневнике: «Видимо, замечательная девушка, но решил не портить бумагу».

Послевоенное лето (9 мая – 18 сентября 1945)

9 мая 1945 года – *День великой Победы*. Вот, наконец, и прозвучала по радио радостная весть – война о-к-о-н-ч-е-н-а, немцы капитулировали вчера в 23.00! Сколько радости и веселья там, в России! Здесь, в палате раненых в далекой Польше, торжественно, с нескрываемым волнением и гордостью победоносно звучит мощный голос по радио. Погода на редкость хорошая, тепло. Золотое солнце купается в бесконечном синем океане неба. Из окна третьего этажа палаты открывается вид на Торн. Прямо передо мной виднеется трибуна, украшенная польским, советским, английским и американским флагами. По улице торжественно проходят школьники, одинаково и красиво одетые, затем идет гражданское население, а потом и воинские части. Но, увы, это не наша армия. Это образец какой-то армии¹. Радости от победы много, но печали по погибшим родителям еще больше.

В эту минуту готов расцеловать первую встречную девушку. Но... в душе много боли: я остался без семьи и родителей, и 6 марта 1942 года, день их гибели, запомнится навсегда. Плакать бесконечно, однако, тоже плохо, ибо в противном случае надо сразу ложиться и помирать. Что ждет меня дальше? Не знаю. Знаю только п-ую часть. Почему-то никак не могу сосредоточиться и написать все то, что у меня на сердце. Думаю, когда приеду в госпиталь, напишу непременно. Много чего предстоит еще мне сделать, в том числе много писем надо написать. Интересно, даже неожиданно было мое расставание с Шурой²: написала адрес и на прощание бросилась целоваться, упрасывая в сотый раз

¹ Неудачная дневниковая запись. Имелось в виду, что это не наша хорошо подготовленная и обученная Советская армия, а части Войска Польского, еще плохо обученные и больше похожие на партизанские формирования.

² Шура – медицинская палатная сестра, ухаживавшая за ранеными в г. Торн.

заехать к ней. Она, видимо, надеется таким образом решить послевоенный вопрос. Если будет возможность, я, конечно, заеду, но уж насчет того – жизни будущей, не думая скажу, что ничего не будет.

10 мая. Проведя ночь в эвакупункте, в 9 часов утра приехали на аэродром и после долгих ожиданий улетели на «Дугласе» в Белосток. Какое самочувствие было во время полета, не стану писать¹. Однако совсем неплохое, хотя иногда душа уходила в пятки. Прилетим в Белосток, а оттуда полетим в Россию... В Белостоке пришлось провести всего одну ночь.

11 мая. Нас погрузили в санитарный поезд. Поедем, по-видимому, на Москву. Пока все. Прощай, Германия, прощай, Польша! Век бы вас не видеть. Поедем на Родину! 14 часов. Стоим на месте. Дождь. В 16 часов отправляемся. Вскоре «вооружился» двумя книгами, одну из которых уже успел прочитать. Переехали границу: мы на территории Советского Союза. Все идет относительно нормально.

12 мая. Проезжаем Минск, Борисов.

13 мая. В Смоленске стоим долго. Поражает вид гражданского населения, хотя иначе и не может быть в военное время. Много «фрицев». Все идет пока нормально. А девушек сколько, и многие из них очень плохо одеты, хотя и красивые.

14 мая. День проходит обыкновенно. Прочитал, уже в десятый раз кажется, три части «Таинственного острова». Наигрываю на мандолине. Скоро приедем в Москву.

15 мая, вторник. До Москвы еще не «доползли», но сегодня должны прибыть. Вид местности начинает меняться, причем в лучшую сторону. Замечаю, что в Германии деревья уже совершенно расцвели, в то время как здесь еще нет. Ночью шел сильный дождь, зато днем солнце ярко светит. Хочется уже поскорее приехать на место. Стоя на одной ноге, долго наблюдал из окна вагона за всем окружающим. Все идет своим чередом. Разговор с раненым соседом о будущем и о жизни.

16 мая. Приехали, наконец, на место, в Орехово-Зуево. Прощание с соседями по вагону и медицинским персоналом санпоезда. Огромное им спасибо за чуткость и заботливое отношение к нам во время столь длительного пути от самого Белостока.

29 мая. Сделана вторичная операция. День замечательный, солнечный первый, между прочим. Скоро меня опять «подрежут» – нога не в порядке. Писем еще ни от кого не получил. Видимо, не пишут или рано еще. Несколько дней назад (примерно 26-го) сфотографировался (*фото 13*). В клубе каждый вечер кино, танцы или концерты. Но нога... А так ничего существенного не происходит.

¹ В верхней части салона самолета, на всякий случай, был установлен зенитный пулемет. Мы лежали на носилках на полу. Самолет шел на малой высоте: сильно качало и временами тошнило.

30 мая. Получил письмо от матери Митьки Глазкова. Удивительно теплые дни. Вчера сделал попытку выйти наружу, но пробыл во дворе совсем недолго. Не хожу пока – нога болит. Единственное утешение – девушки и школьницы, которые приходят навещать раненых, а также книги.

3 июня. Совершенно неожиданно получил письмо от двоюродной сестры Ани из Борисова¹.

4 июня. Еще более неожиданным стало письмо с фотографией от Клавы из Москвы², которые бережно храню. А погода! Хочется гулять, пусть и с двумя костылями. Наши шефы часто нас навещают. Книги читаю всюю.

7 июня. Получил еще одно письмо от Ани из Борисова. Как я рад этому! Как хорошо было бы поехать туда хотя бы на несколько дней! Погода по-прежнему солнечная и теплая. Перечитываю старые книги, как-то: «Война и мир» (4 части), «Спартак», «Человек, который смеется», «Гиперболоид инженера Гарина». «Дон Жуан» читал впервые – законспектировал. Книга произвела сильное впечатление. На тумбочках появились сирень и ландыши.

18 июня. Несколько дней назад получил опять письма: одно из них от Гришки Михалевича, моего двоюродного брата. Вот его адрес (совсем коротенький): п/п 10232, Михалевич Григорий И. Узнал адрес еще одного двоюродного брата: Миркина Рувима Израилевича. Его адрес: п/п 16655–Р. Вспомнил двоюродную сестру из Борисова – Малишевская Лиза Моисеевна. В настоящий момент рана на ноге почти зажила, и скоро придется «выкуриваться» отсюда. Зато на славу отдохнул (если это можно назвать отдыхом) и загорел, развлекался по возможности. Пять-шесть дней тому назад познакомился с Ниной, той, которая часто ходит сюда. «Сильно» играю в волейбол, хотя нога и болит еще. Предстоят соревнования с соседним госпиталем. Хожу в город (только не по ночам, конечно). Погода какая-то переменчивая, а вместе с ней и настроение, хотя плохим оно не бывает никогда. Как хочется заехать к Гришке Михалевичу! А пока будем продолжать в том же духе: как идет, пусть так и идет. Между прочим, в театр еще не ходил и что-то не хочется. Читать тем более.

¹ Письмо от Ани явилось ответом на мое первое письмо, отправленное на всякий случай. Ее адрес я хорошо помнил по тому довоенному времени, когда я у нее ждал ответа из Белорусского госуниверситета о результате сдачи вступительных экзаменов. К счастью, дом ее во время войны уцелел, и после возвращения в Борисов из эвакуации она поселилась в нем.

² Клава – медицинская сестра, москвичка, которая заботливо и с душой ухаживала за ранеными и больными, в том числе и за мной, в вагоне санитарного поезда. На обороте маленькой фотографии краткая надпись: *Москва, 1/VI-45 г. На память Мише от Клавы. Помни и не забывай.* Помню, милейшая сестричка, все то необыкновенно доброе, что ты делала на нелегком пути от Белостока до Орехово-Зуево для нас, раненых, малоподвижных и совсем неподвижных воинов.

26 июня. Соревнуемся в волейбол, хотя и проигрываем. Погода по-прежнему неблагоприятная¹. До 1 июля пробуду здесь, в госпитале, а потом думаю уехать. Только не знаю, как будет насчет отпуска, хотя обещают дать. С большим удовольствием поехал бы в Борисов к Ане, а по пути в Подольск – к Грише. А что получится – посмотрим. Больше пока ничего писать не буду: пусть знают лишь я и душа моя, что делается.

6 июля. Вот меня и направили кратковременно в батальон выздоравливающих с последующим возвращением опять в госпиталь. Сфотографировался даже в офицерской форме в половину роста (*фото 14*).

9 июля. В 17 часов наблюдал солнечное затмение.

17 июля. Одна заветная мечта сбылась: наконец, хотя и с помощью палки, съездил в Подольск к братишке. Погуляли очень хорошо и наговорились за истекшие пять лет еще лучше. У памятника летчику В. Талалихину² сфотографировались (*фото 15*). Следующая встреча назначена в Москве.

20 июля. Гуляю на все сто, хотя мне всего 22. Скоро придется выписываться. В батальоне выздоравливающих я нахожусь вот уже две недели. Останется лишь деньги получить и оформить отпуск: насчет отпуска не унимаюсь. Дни стали несколько короче, а ночи холоднее. Подробно писать нечего. Готов полностью к отъезду.

22 июля, воскресенье. Совершил вторичную самовольную отлучку из госпиталя по вполне уважительной причине: у Гриши в этот день была свадьба на московской квартире у Машиных друзей³. Все мужчины были в военной форме, а женщины умудрились надеть гражданскую одежду: платья или же юбки с кофточками. Никакого особого церемониала, естественно, не было. Гулянье началось в 2 часа дня и прошло замечательно, в прекрасной обстановке сверх всякого ожидания. Выпито было немало. Я, конечно, пожелал моему дорогому двоюродному братишке всего самого наилучшего, большого счастья в совместной с Марией жизни. Думаю еще сегодня, после свадьбы, съездить к Семену Баркану, земляку.

¹ 24 июня на Красной площади в Москве состоялся Парад Победы. Странно, что в дневнике об этом важнейшем событии даже не упоминается.

² Гришка служил в той же летной части, расположенной в районе Подольска, что и летчик-истребитель Герой Советского Союза Виктор Талалихин, совершивший 7 августа 1941 года единственный в мире ночной таран и сбивший немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111». Позже погиб в воздушном бою. Зачислен навечно в списки части. Мы с Гришей заходили в комнату, в которой стояла застеленная койка Героя. У памятника В. Талалихину мы сфотографировались вместе с Гришей и его будущей женой Марией, летчицей этой же части.

³ Со стороны Марии (девичья фамилия Чекова) никого из родственников не было, а со стороны Гриши никого и не могло быть: вся его семья – родители и младшая сестра – погибла в гетто в сентябре 1941 года в районном центре Крупки Минской области. Был только я.

2 августа. Вот и кончился мой «курортный» сезон в госпитале. Спасибо всему лечащему и обслуживающему персоналу, спасибо всем шефам и особенно девушкам, которые на протяжении моего пребывания в госпитале уделяли нам столько внимания и дали столько душевного тепла. Выдали на руки справку о нахождении на излечении в эвакогоспитале № 1867¹.

После выписки из госпиталя я явился в отдел кадров Московского военного округа (МВО) и решил вопросы насчет отпуска, денежного довольствия и получения продуктов по аттестату. Вскоре, 3 или 4 августа, я отправился в Ново-Борисов на столь долгожданную встречу с оставшейся в живых двоюродной сестрой Аней Андрачник и ее малолетними детьми². Какая желанная и долгожданная послевоенная встреча, ведь последний раз я был у Ани летом в довоенном 1940 году! Сейчас, когда я, совсем еще молодой офицер, вошел в так хорошо знакомый мне дом, по щекам ее покатались непрекращающиеся слезы радости и печали. Потекли бесконечные многочасовые рассказы о страшном военном времени, о пережитом в эвакуации, воспоминания о моей семье, погибшей в гетто, ведь выжил я один. Мы почувствовали, что стали самыми близкими родными на всю оставшуюся жизнь.

Знаменательное событие тех дней: разыскал мою довоенную учительницу Эсфирь Соломоновну Кац (впоследствии по мужу Романову), преподававшую русский и белорусский языки и литературу в 1936 году в нашем шестом классе Черейской еврейской семилетки, и встретился с ней. Мы, 13–14-летние мальчишки, ее ученики, были буквально по уши влюблены в эту молоденькую, необыкновенно красивую и обаятельную учительницу³.

В дневнике сделана лаконичная запись: «Встреча и разговор с Фирой Кац, проживающей в Борисове по улице Студенческой, 40». А о том, как встретились в один из дней между 10 и 14 августа 1945 года, о чем и как долго продолжался этот, надо думать, интереснейший разговор, к сожалению, ни слова.

16 августа. Буду жить здесь, в Борисове, до 19–20 августа. Это к лучшему. Гуляю и отдыхаю по всем правилам мирной жизни. Играю немного на балалайке, гитаре, мандолине, пианино.

¹ См. Приложение 8 (8.1 и 8.2).

² Муж Ани погиб на фронте, сама она вскоре после начала войны с двумя малолетними детьми – Фимой (1938 года рождения) и Раей (родилась 20 июня 1941 года) – эвакуировалась в Свердловскую область и вернулась в Ново-Борисов вскоре после его освобождения.

³ Об этой учительнице и ее дальнейшей судьбе см.: Романов Р. На родине Оскара Милоша // Мишпоха: Историко-публ. журнал. 2004. № 14. С. 65–73 (<http://mishpoha.org/nomer14/a14.htm>); Миркин М. Местечко для души // Мишпоха. 2005. № 17. С. 76–78. Кстати, в статье меня ошибочно назвали Матвей, а не Мота, как я значился при зачислении в БГУ, и не Михаил, как меня называли впоследствии по документам и в жизни.

21 августа. Вчера попрощался с двумя борисовскими еврейскими девушками – Розой Гуревич и Полей Шульман, с которыми меня познакомили во время моего первого, относительно непродолжительного отпуска. Не очень молоденькие, но хорошие девушки. На прощание подарили свое фото. В 6.30 вечера выехал в Москву. Закончился отпуск. Еще одно существенное дополнение, не нашедшее в свое время отражения в дневнике, да его и не могло тогда быть. Во время моего борисовского отпуска на квартире у Ани уже жили, начиная с апреля 1945 года, Рая и Исаак Клебановы с родителями.

Старший брат Раи Моисей был в армии, а средний брат Мима (*фото 16*) служил в армии и погиб на фронте 30 июля 1943 года. Примерно через пять месяцев после освобождения Борисова¹, в ноябре 1944 года, Исаак с отцом вернулись в город. Так как их добротный дом сгорел во время войны, они поселились у знакомого борисовского еврея Алтерки. Летом 1945 года в Борисов вернулись из Куйбышевской области также Рая с мамой. Вся семья из четырех человек, прожив у Алтерки около месяца, поселилась у Ани, в их довоенном доме. Очень странно, даже очень странно, что во время моего борисовского отпуска, живя у Ани, я не обратил внимания на 18-летнюю симпатичную с прекрасной фигурой и не менее красивыми волосами девушку Раю – с 1 сентября ученицу десятого класса. Вот с Розой и Полей меня знакомили, а с ней почему-то нет. Может, более шустрые смелее дорогу перебежали?

22 августа. Приехал в Москву в 9.30 утра. Отправился в отдел кадров Московского военного округа. Получил назначение в Смоленский областной военный комиссариат (ОВК).

23 августа. Вчера вечером выехал из Москвы, а оттуда в Смоленск, в ОВК. Ехал с Гришей Михалевичем, с которым был в Подольске и в Москве. В Смоленске получил направление в Глинковский районный комиссариат (РВК).

3 сентября. После получения назначения в Глинковский РВК 30 августа утром поехал на несколько дней в Борисов, сегодня возвращаюсь в Глинку. Вчера произошла неожиданная встреча с Ниной Радашкевич («царицей»), с которой до войны учился в Черейской белорусской школе два последних года (в девятом и десятом классах). Какой приятный разговор с землячкой, сколько нового узнал от нее! Оказывается, Сема Казиник, Гиля Гутин и некоторые другие живы. Нина живет в Минске на улице Пушкина, д. 9 она мне должна сообщить многое. Говорят, наш дом уцелел².

¹ Город Борисов был оккупирован немцами 2 июля 1941 года и освобожден 1 июля 1944 года.

² То, что рассказала Нина, как выяснилось, оказалось не совсем так. Тем не менее я бесконечно благодарен ей за сведения о нашем доме, которые недавно подтвердились на основании достоверных источников: еще 6 марта 1942 года, в день зверского расстрела гетто Черей, он был цел, и в нем ночевал чудом спасшийся еврейский мальчик Макс Маевский (см.: Романов Р. Указ. соч.).

4 сентября. Я уже на месте. А вчера вечером прямо с поезда попал на вечер, посвященный международному Дню победы¹. Пасмурно. С квартирой устроился довольно хорошо: у хозяйки с дочкой и мужем, живущих в отдельном доме неподалеку от райвоенкомата. Хозяйку зовут Фруза, хозяина Степан (инвалид).

5 сентября. Первый день работы. Приказом № 34 от 5 сентября 1945 года Глинковского райвоенкома капитана Чурикова назначен инструктором 4-й части РВК.

12 сентября. На сегодняшний день имею честь доложить, что более или менее ознакомлен с работой и людьми. 9-го получил письмо от Паши Агароник² (фото 17), 11-го – вторичное письмо от нее. Она мне сообщила кое-что новое. Рад переписке. Просит приехать. 9-го был в Рамадановской школе. Погулял замечательно. Сегодня выдали продукты. У меня 2-я норма³, вот что сюда входит:

Основной паек:

Мука ржаная (50%) – 533 г
а) хлеб летом – 700 г
б) хлеб зимой – 800 г
Мука пшеничная 2-го сорта – 10 г
Мясо – 120 г
Комбижир и сало – 25 г
Масло растительное – 20 г
Сахар – 25 г
Чай – 1 г
Соль – 30 г
Рыба – 80 г

На месяц:

Мыло туалетное – 200 г
Мыло хозяйственное – 200 г
Спички – 10 коробок по 17 шт.
Папиросы – 25 шт.

Дополнительный паек:

Масло сливочное – 40 г
Печенье – 20 г
Рыбные консервы – 50 г
Крупа разная – 120 г
Макароны или вермишель – 20 г
Овощи – 820 г
а) картофель – 500 г
б) капуста – 170 г
в) морковь – 45 г
г) свекла – 40 г
д) лук – 30 г
е) огурцы – 35 г
Папиросы – 25 шт.

¹ Несомненно, имеется в виду подписание 2 сентября 1945 года на Дальнем Востоке акта о безоговорочной капитуляции Японии (*прим. ред.*).

² Соученица по седьмому классу Черейской еврейской семилетки.

³ Норма суточная.

Первый раз за все время года погода хорошая: солнечная, дождь с утра. Письма уже разослал во все концы света.

13 сентября. Ездил в Смоленск за продуктами – безрезультатно. Дни по-прежнему стоят солнечные и безоблачные.

15 и 16 сентября. Дождь. Плохая погода. Вместе с Андреем, офицером райвоенкомата, 19-го поеду в Киров¹ на месячные сборы. На обратном пути заеду в Брянск². Так и не дождался писем ни от кого.

17 сентября. День освобождения райцентра Глинка. Вечером в помещении партийного кабинета было торжественное заседание, этому посвященное, а затем веселая часть.

18 сентября. День был более или менее хороший, солнечный. Готовлюсь к месячной поездке в Киров. Два дня абсолютно ничего не делаю. Итак, скоро едем.

¹ Областной центр Кировской области.

² Узнал, что там проживает моя двоюродная сестра.

Кировский период (19 сентября – 20 октября 1945)

19 сентября. Вечером стало известно, что еду в Киров. Несмотря на настойчивые рекомендации военкома выехать утром 17-го, решил все же поехать утром 19-го. Благополучно прибыл в Смоленск в 9.50 и проболтался до 5 часов вечера. За это время попытался найти заочно знакомую Ш. Отыскал контору главрыбсбыта, в которой она работала, но оказалось, к большому моему сожалению, что она уже уехала в Ленинград. Мать ее живет здесь, но довольно далеко, и я не пошел к ней. Итак, в 5.30 вечера, сев на мичуринский поезд¹, оккупировал верхнюю полку и проспал до часу ночи. Проснулся, когда поезд уже подходил к станции Занозная, и, не теряя ни минуты, пересел на брянский поезд² (как Чацкий: «с корабля на бал»). В 3 часа ночи были уже на станции Фаянсовая. Ночь холодная. Просидев на этой станции до рассвета, стали собираться дальше, в Киров – к месту назначения. День обещал быть хорошим, солнечным, хотя утро было холодное. Совершив двухчасовую прогулку по довольно живописным местам, добрались, наконец, до города Кирова.

20 сентября. В 9 утра были уже в 14 БВ³, или в «академии Чертопляса» (так условно называли 14 БВ). Правда, встреча была вовсе не такой как следует, но все же быстро свыклись с этим. Здесь проходят сборы офицеров всеобуча. День тянется неимоверно долго. Не знаешь, куда себя деть, поэтому прибегаешь к услугам своего вещмешка (с продовольствием), который худеет

¹ Поезд Смоленск–Мичуринск.

² Поезд Мичуринск–Брянск.

³ 14 БВ – база № 14 офицерского всеобуча.

с каждым часом. Если бы деньги были, можно было бы разогнаться, но без них гораздо спокойнее. Мой совет: хочешь жить спокойно – не имей денег.

21 сентября. Не занимаемся, так как из 150 офицеров, которые должны прибыть, здесь пока около 25. Вечером пошел в кино и посмотрел картину «Маскарад». Наконец, поместились в казарме, где просто царствуют клопы. То и дело смотришь, как бы в рот какой-нибудь нахальный тип не попал. К ним надо привыкнуть, ничего другого не остается.

22 сентября. Начинаются занятия, которые будут продолжаться до 20 октября. Время тянется... Не успели как следует позаниматься, а уже выходной. Бродишь из угла в угол.

24 сентября. День солнечный, теплый, представитель, так сказать, бабьего лета. Настроение как-то поднимается под воздействием теплых солнечных лучей. Написал письмо в Брянск – и только. Занятия – обычные. Распорядок дня мировой: физзарядка, молниеносный завтрак, семь часов занятий, обед, три часа самоподготовки, ужин и сон. Плохо, что нет ни радио, ни (пока) газет, ни игр.

25 сентября. Вечером сходил в кино и посмотрел фильм «Гаврош». Кроме кинотеатра здесь пойти некуда. Написал письмо Гришке. Все-таки хочется поскорее вернуться в Глинку, ведь у меня намечены грандиозные проекты, в том числе:

1. После окончания сборов заехать в Брянск.
2. Перешить шинель.
3. Сшить китель из гимнастерки.
4. Получить кожу и сшить сапоги.
5. Купить чемодан и фуражку.
6. Подготовиться к празднику 7 ноября.
7. Постараться перед праздником заехать в Оршу.
8. Купить воротнички, пуговицы, щетку и др.
9. Получить зарплату и командировочные¹.

Правда, за месяц все не успеешь, но при благоприятном стечении обстоятельств за полгода можно. Дома, наверное, уже много писем. А в Брянск я обязательно поеду.

26 сентября. Золотая осень. И тепло, и светло, и хорошо на душе. Такая погода в сочетании с занятиями нашего типа дает соответствующие результаты. Утром узнали, что издан приказ о демобилизации рядового и сержантского состава десяти возрастов. Насчет офицеров история пока умалчивает... Ну держись, РВК, работы хватит.

¹ Пункты 1 и 7 были выполнены.

27 сентября. Такой же чудесный день, что и вчера, да и ночи замечательные – теплые и лунные. Сразу вспоминается песня «Лунная ночь» или «Ночь светла над рекой...» и картины на эту тему. С обеда погода начинает портиться: подул сильный ветер.

28 сентября. Холодный день с переменной облачностью. Занятия идут своим чередом.

29 сентября. Такая же противная погода. Долго ожидали приезда командующего Смоленским военным округом¹, но, как оказалось, напрасно.

30 сентября. Выходной день. Паршивая погода, а потому и настроение соответствующее. Уже сходил в баню, поиграл в домино и шашки, поспал, пописал, а все еще 12 часов. Как тянется время. Хочется уехать поскорее (хотя бы на пару дней) в Брянск. Итак, 10 дней прошло. Осталось еще 20. Сегодня чуть-чуть (на 35%) легче стало.

Путь движения в города Киров и Брянск:

Из Смоленска (5.40 вечера) – Занозная (1 час ночи) – Фаянсовая (3 часа ночи).

На Брянск поезд идет в 4 часа утра (пересадка на Фаянсовой по четным дням).

Из Брянска на Фаянсовую – в 6.30 утра и в 24.00.

1 октября. Весь день лил дождь как из ведра. Заниматься решительно нечем. Весь день не знал, чем себя занять.

2 октября. Та же самая картина. Поговаривают уже насчет выпускного вечера.

3 и 4 октября. Погода как будто устанавливается. Нет уже дождя.

5 октября. День бабьего лета.

6 октября. Ходил в клуб. Натанцевался досыта.

7 октября. Выходной день. Резкий северный ветер. Температура ниже нуля. В начале дня дождь, затем первый снег.

8 октября. Холодный день с переменной облачностью. Резкий северный ветер.

9 октября. Стало чуть теплее. Приближается окончание сборов. Андрей уехал домой, в Глинки. Привезет письма, деньги и, надеюсь, новости. В клуб почему-то вовсе не тянет. Никак не могу дожидаться, когда же поеду в Брянск. А так все по-старому, разве что клопы перестали так кусать.

¹ Смоленский военный округ образован 9 июля 1945 года путем выделения из МВО. Включал территории Смоленской, Брянской, Калужской и Великолукской областей. Управление округа сформировано на базе полевого управления 33-й армии. 5 февраля 1946 года вновь был включен в Московский военный округ (*прим. ред.*).

Сегодня получил письмо из Брянска, и очень хорошее. Настроение сразу поднялось. По этому случаю вечером сходил в кино на картину «Берлин»¹. Замечательный фильм.

10 октября. Денек чудесный, хотя и пасмурный, но теплый. Через неделю должны закончить «хождение по мукам». Прочитал еще раз книжку «Рассказы вальдшнепа» Мопассана от нечего делать и читать.

11 октября. Чуть-чуть холоднее вчерашнего дня. Написал кое-какие ноты и составил схему движения электропоездов Московского метро – опять-таки от нечего делать.

12 октября. Всю ночь лил дождик, зато утро хорошее и день обещает быть тоже теплым и солнечным. По случаю приезда полковника легкое волнение. Не удовлетворяет материальная сторона дела.

13 октября. Ночь замечательная: лунная и морозная. Утром мороз довольно чувствительный. Приехал Андрей, привез письма: из Минска, Орши, Брянска и Борисова, полевою почту.

14 октября. Выходной день. По погоде средненький. От нечего делать сходил на почту, в парикмахерскую, на базар, в баню и написал письма в Минск и Оршу. Скорее бы закончились занятия!

15 октября. Снег, холод. Уедем отсюда числа 20-го. Вечером ходил смотреть кинокартину «Морской пост» в столовой. Подготовка к отъезду идет полным ходом. Сдаем зачеты, как будто это госэкзамены. А так все по-старому.

16 октября. Утро морозное. Ноги из-за холода болят страшно. Решил даже на занятия не ходить. Заговорили насчет денег. Вспоминается Менахем-Мендл. Сдали тактику, а вместе с ней и БУП².

17 октября. Утром мороз, снег, ветер. По-видимому, зима наступает окончательно и бесповоротно. Еще три-четыре дня, и на этом «академию Чертопляса», как называли эти курсы, окончим. Вечером сходил в театр.

¹ Документальный фильм Романа Кармена «Берлин», вышедший сразу после капитуляции нацистской Германии в 1945 году (*прим. ред.*).

² БУП – учебное пособие «Боевой устав пехоты». Название «Боевые уставы» утвердилось в Красной армии в 1924 году при рассмотрении Реввоенсоветом СССР общего плана издания уставов и наставлений. В последующие годы действовали Боевой устав бронесил РККА (1924–1925, 1929), Боевой устав пехоты (1927–1928), Боевой устав артиллерии РККА (1927–1929), Боевой устав конницы (1927–1929), Боевой устав ВВС РККА (1929–1930), Боевой устав ВМС РККА (1930). Во время Великой Отечественной войны (1941–1945) действовали Боевой устав пехоты (ч. I и II, 1942), Боевой устав бронетанковых и механизированных войск (ч. I, 1944), Боевой устав артиллерии (1938), Боевой устав зенитной артиллерии (1941–1944), Боевой устав кавалерии (ч. I, 1944) и др. Боевые уставы в сухопутных войсках рассматривают действия подразделений родов войск (*прим. ред.*).

18 октября. Морозное утро. Днем стало теплее, снег стал таять. Болтаемся как беспризорные. Скоро в путь-дорожку дальнюю. Нам выдали деньги. Ждем не дождемся отъезда.

19 октября. Дождь. Рассчитываемся понемногу. Поеду 21-го ночью, точнее 22-го в 2 часа ночи.

20 октября. Закончили «академию». Днем было собрание слушателей-выпускников. Сходил в военторг и купил кое-какие мелочи. А что делается в казарме? Полнейший хаос и разгром. Получив после обеда документы, тут же пошел на станцию и сел на «товарняк» (вместе с машинистом паровоза кочегарил и так доехал до Брянска).

Возвращение в Глинку (21 октября – 30 ноября 1945)

21 октября. В 10 часов утра приехал к двоюродной сестре Хае. Встреча очень теплая. Здесь побуду пару дней. Весь остаток дня прошел в разговорах. Самое дорогое, что увидел у Хаи, – это фотографию моих дорогих родителей. Непременно заберу ее с собой. Ведь это все, что осталось от семьи. Дорогое фото, бесконечно дорогое! Хранить буду как зеницу ока. Они меня воспитали, вскормили, нежили меня – и их светлый образ будет со мной везде и всегда. Когда обзаведусь семьей и будет у нас дом, большой их портрет станет символом семейного счастья. И где я ни буду, что со мной ни случится, вы всегда со мной, мои дорогие родители.

22 октября. Как я рад, что наконец-то нахожусь в Брянске. Сходил в кино и посмотрел кинофильм «Малахов курган». Мороз и снег.

23 октября. Продолжаю в том же духе. Думаю насчет отъезда. Сходил в ДКА¹ и даже танцевал.

24 октября. Чудное утро, пасмурный день, дождь. Вечер веселых рассказов, анекдотов и карточной игры. Отъезд пока задержали.

25 октября. Всю ночь лил дождь. Снега нет – как будто и не было. Завтра определенно поеду – иначе нельзя. День пасмурный, но не дождливый. Сажу днем и наигрываю на гитаре. Время быстро идет и незаметно. То, что хотел сделать, все же сделал не полностью. Вечером смотрел картину «Сестра его дворецкого» – замечательное кино.

26 октября. Теплый пасмурный день. Циклон, принесший холод, снег и мороз, уже прошел. Сегодня, часов в 5–6 вечера, выеду отсюда и завтра утром, часов в 7, должен быть уже дома.

¹ Дом Красной армии.

27 октября. Утром заявился в Глинку. Приключения в дороге.

28 октября. Выходной день. Ничего существенного не произошло.

29 октября. Командировка в Смоленск за продуктами. Получил их поздно вечером, завтра еду в Оршу.

30 октября. Утром сел в поезд и днем был уже в Орше. Нашел быстро то, что нужно. Встреча с Пашей Агароник¹. Встреча с девушками и семьями, в которых они живут. Много чего нового и интересного. Вечером никуда.

31 октября. День проходит в сплошных разговорах. Вечером идем на танцы. Полина танцует замечательно. Довольно красивая стала за время нашего расставания. Прочитал письма, просмотрел фото и др.

1 ноября. Утром выехал. Очень просили приехать к 7 утра. Приехал в Смоленск, а поезд, оказывается, еще вчера ушел на Глинку. Пришлось загорать почти два дня. Вечером смотрел картину «Возвращение».

2 ноября. Ночевал на станции. Звонил по телефону в Глинку. Вечером опять в кино.

3 ноября. Наконец, уехал домой и приехал довольно поздно.

4 ноября. Морозы. Сходил за шинелью.

5 ноября. Праздник ничего хорошего не предвещает: завтра буду дежурить. Письма, которые написал еще 29-го, до сих пор не опустил в почтовый ящик. Получил письма от С. и П.² Пока не ответил: все некогда, хотя ничего не делаю.

6 ноября. Мороз ослаб и резко потеплело. Буду дежурить. Итак, вместо праздника – дежурство. Собственно говоря, об этом мало жалею. Известно, как в Глинке может пройти праздник, тем более в послевоенное время. После обеда заметно похолодало. С наступающим праздником 7 ноября!

7 ноября. С праздником! Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Загораю в райвоенкомате. С самого утра слушал передачу с Красной площади, которая транслировалась с 9 утра до 3 часов дня. Зашел В., и мы вместе отметили праздник. Написал поздравительные письма в Борисов, Оршу, Москву, Минск, Брянск. Был на замечательном вечере в школе, куда меня пригласили. После торжественного обеда и танцев пошел провожать Олю, с которой вскоре распрощались. Начал моросить дождик.

8 ноября. Теплый день, полно грязи. Спал до обеда, остальное время провёл дома. Дописал оставшиеся письма.

9 ноября. Обычный рабочий день с допризывниками. Весь день проболтался в военкомате – до 7 вечера. Ночи ужасно темные.

¹ Соученица по седьмому классу еврейской семилетки.

² Семен Казиник и Полина Агароник.

10 ноября. Мороз и холод. Через пару дней, очевидно, пойду в школу. Пока ничего не делаю. Заинтересовал рассказ Г. Рыклина. А вот выдержка из этого рассказа: «Каждый горожанин отнесен к соответствующей графе, например, Бакалея: Игнат Сахар-Медович, Семен Пшено, Порфирий Сухарь, Свирид Монпасье. Гастрономия: Марфа Сосиска, Самсон Яйцо, Никифор Осетрина. Пух–перо: Иван Ворона, Семен Индюк, Гаврила Архангел. Высший свет: Аксинья Королева, Степан Маркиз, Савелий Золотарь».

11 ноября. Особых изменений не произошло. Завтра с утра уйду на три дня в школу. Сегодня воскресенье, читаю понемногу в «Смоленском альманахе» «Лицом к лицу» («Записки следователя») Шейнина. Вечером не захотел идти в кино – неинтересно.

12 ноября. Чудный день: дождик моросит, и вода сразу же замерзает; образуется гололедица. В 11 часов вышел на дорогу в деревню Дубище. К обеду поспел туда. Пошел в школу, где познакомился со всем и всеми. После – выпивка в честь приезда. Спать пошел в соседнюю деревню.

13 ноября. После обеда вышел обратно в Глинку. Думал застать письма, но таковых не оказалось. Дорогой простыл как следует. Ночь провел как больной.

15 ноября. С утра явился на работу. Представил все, что требовалось. Скоро несколько сотрудников военкомата уйдут в отпуск. Я рассчитываю на январь. Заметно потеплело – выше нуля. Простояло бы так до января! 18 и 19 будем проводить сборы. А я заболел все же всерьез – даже рот не могу раскрыть. Хорошо, что я не нытик и не падающий духом человек, иначе б давно пропал. Чувствую и добиваюсь, чтобы никогда, ни в какой обстановке не падал духом, а крепился, веря в свои силы. Сегодня должны идти получать продукты, а скоро и деньги.

16 ноября. Писем все нет. Это меня немного тревожит. Чудный солнечный, хотя и морозный день.

17 ноября. Утром должен был уехать в Смоленск, но, признаться по совести, проспал. Зато вечером погулял замечательно. Тревожная ночь из-за простуды. Лунные ночи, морозные, наподобие тех, о которых поется в песне «Ночь светла». Именно зима без снега.

18 ноября. Вообще-то говоря, выходной день. У нас проводятся сборы, поэтому очень занят. Холодно. Не мешает запомнить фамилию, имя и местожительства одной девчонки: Дьяконова Таня, Смоленск–Товарная. Ведь придется заехать когда-нибудь. Получил письмо от Полины, но не ответил почему-то. Вероятно, или совсем не получила моего, или еще не получила. Более ни от кого ни слуху ни духу. Вечер провожу дома, хотя и охотно потанцевал бы.

19 ноября. Написал письмо в Оршу. Целый день занимался с военруками школ. Мороз и солнце.

20 ноября. Сбежал в соседнюю деревню Петропавловку. Принял руководство 4-й частью. Заметно потеплело, мягкий ветер. Получил письмо из Брянска. А так ничего особенного не происходит. Только вот «заделался» начальником и часовых дел мастером одновременно.

21 ноября. Ничего существенного. Вечером опять сходил в Петропавловку, и время прошло весело. Написал письмо Толе в Москву. А из Борисова ни слуху ни духу. День хороший, тепло. Фантазирую насчет радио.

22 ноября. Солнечный, холодный день. «Отхватил» целую пачку писем: из Подольска, Орши, Хиславичи и от Митьки Глазкова. Он прислал фотокарточку с трогательной надписью на обороте (*фото 18–19*). Надеется, как и я, встретиться. Гришка немного меня ругает, а Паша тем более – есть за что. Этой ночью я должен дежурить. А мороз, братцы, взялся какой, да и с ветром!

23 ноября. Немного морали выслушал за самовольный уход с дежурства в ночное время, но ничего, свои люди – сочтемся. Как будто мягче стало на дворе, а возможно, это у меня под носом оттепель! Читал с большим интересом газеты, особенно о встрече московского «Динамо» с англичанами. Первую встречу свели вничью 3:3, вторую – 10:1, третью – 4:3. Много разговоров насчет атомной бомбы.

24 ноября. Теплый день. Все по-старому, ничего существенного. Вечером кино, но почему-то не пошел.

25 ноября. Воскресенье. Занимаюсь писаниной, то есть пишу дневник. Посмотрел кино «Живи, родная Белоруссия».

26 ноября. Работы хватает: к 1 декабря следует созвать допризывников на пункт. Насчет отпуска капитан Чуриков дал «от винта». Не могу не сказать о военруке Долголядской школы. Замечательная, красивая девчонка. Завтра еду в Смоленск – не проспать бы опять.

27 ноября. Съездил в командировку, что-то привез. Отвез письмо, предназначенное для Минска.

28 ноября. День обычный, «тяпнул» грамм 200. Работы в военкомате много. Вечером занимаюсь записями, ибо ходить в такую погоду куда не хочется. Получил теплое белье, шапку и прочие вещи, не столь важные для меня.

29 ноября. Все идет по-старому, ничего существенного, разве что выпал снег.

30 ноября. Получил долгожданное письмо из Борисова. Завтра уйду на военно-учебный пункт (ВУП) в Бартеново¹. Между прочим, сходил в баню. С сослуживцем из военкомата отправил корреспонденцию в Москву. Теплый вечер и холодный день.

¹ Деревня в Смоленской области.

Бартеновские заметки

(1 декабря 1945 – 20 февраля 1946)

1 декабря. Год подходит к концу. В обед ушел в Бартеново на ВУП. Повеселились в полном смысле этого слова: и выпивали, и танцевали до 12 часов ночи.

2 декабря. Мороз, ветер, холод. Первый день занятий. Вечером погуляли замечательно. Есть все шансы на хорошие занятия.

3 декабря. День проходит в том же духе. Заимел блат с председателем Бартеновского колхоза (впрочем, молодая «девчонка»), хорошо дружим. Письма почему-то не приходят.

4 декабря. Хорошо погуляли, провожал Лельку. Встретил День Конституции.

5 декабря. В период с 1 по 17 декабря в Бартеново был организован ВУП. Время провел замечательно – даже сверх ожидания. С квартирой устроился хорошо. Главное, хозяйка молодая, частые пирушки, выпивки, беседы, игры и др. Частые дружеские споры с председателем колхоза. Так, однажды заспорили насчет охраны колхозного сена. Хватило мужества и силы пойти в темную ночь к стогу сена, находящемуся за километр от деревни в поле, причем я был без оружия. В результате выиграл литровку самогона, которую компанией и распили (но я не пьяница).

20 декабря. Вот и закончились сборы, а вместе с ними заканчивается и 1945 год. Понемногу начали готовиться к встрече первого мирного года – 1946. Прекратил вести регулярные дневниковые записи: больше читаю, чем пишу. На зиму 1945/46 года наметил выполнить ряд необходимых работ, в частности, сшить китель из гимнастерки, получить или купить зимнее обмундирование

(валенки, сапоги, шапку и др.), подготовиться к предстоящему отпуску. С шитьем немалая проблема: хороший портной есть только в соседней деревне (в Глинках такого нет), до которой надо добираться пешком шесть километров. Так что «хождением» я обеспечен на пару зимних месяцев. Отпуск предполагается с 21 января по 20 февраля. Маршрут также определен: Глинка—Смоленск—Орша—Борисов и обратно. Это будет моя вторая послевоенная поездка в Борисов, которой я жду с нетерпением. Для оформления отпускных документов пришлось сфотографироваться (уже в новом сшитом кителе). Личность заверили. За время отпуска познакомился с симпатичной девушкой Диной. Мы несколько раз встречались, и перед отъездом из Борисова она подарила мне две фотографии. Девушка моей мечты? Нет, при всех ее положительных качествах таковой она не была, да и не могла быть.

Глинковские заметки (21 февраля – 15 июля 1946)

21 февраля. 20 февраля закончился отпуск, а 21-го я был уже на работе в Глинковском райвоенкомате. Мне показалось, что за месяц моего отсутствия решительно ничего не изменилось. Та же унылая Глинка, те же зябкие, холодные зимние дни, та же рутинная повседневная работа, тот же установившийся, не всегда и не во всем интересный быт.

В течение нескольких месяцев после возвращения из отпуска пришлось изрядно поработать с призывниками непосредственно на месте, а еще больше повозиться с ними во время доставки с призывных участков в соответствующие воинские подразделения. Так, по воинскому билету № 889544, выданному на основании требования № 433402 в марте, сопровождал группу из четырех человек до станции Ярцево Западной железной дороги (билет 1). По воинскому билету № 889589, выданному на основании требования № 136797 в апреле, сопровождал группу из семи человек до станции Смоленск (билет 2). Были и другие поездки. Дни шли за днями, приближалась весна, а вместе с ней и надежда на скорый отпуск, который удалось оформить в счет 1946 года с 22 апреля. Как и намеревался, перешел обмундирование, сшил хромовые сапоги, купил часы и другие необходимые вещи, провел радио в дом, где был на квартире, осуществил ряд неотложных дел.

22 апреля отправился в отпуск в Брянск к двоюродной сестре по отцу Хае (Кате), встречи с которой ожидал с большим нетерпением. Эта встреча дала мне очень многое. Продолжительное время не вел дневник – некогда, да и впечатлений слишком много. Кроме отдельных популярных песен, ничего не записывал. Первая брянская запись появилась лишь 9 мая 1946 года, она была уже второй о праздновании Дня Победы после первой – в 1945 году в госпитале г. Торунь.

9 мая. Итак, День Победы! До этого дня гулял по всем правилам. Где только не был! Очень часто навещал Аню¹; Катя говорит, что это замечательная женщина. Попробую убедиться в этом. Сфотографировался сегодня. На фотографии, кроме меня и Кати, еще добрый сосед Рува, которому она симпатизировала (*фото 20*). Пускай будет на память. Значит, до этого дня гулял в Брянске на все сто. Особенно часто посещал Броню, которой я, очевидно, понравился. Но что делать, если она мне вовсе не нравится... В ДКА хожу часто, в кино реже. Некогда. 24 часов в сутки, видимо, маловато. На аккордеоне «пиликаю» всюю. Танцы также устраивают у Кати на квартире.

Итак, сегодня, в День Победы, предстоит очередная гулянка в самом глубоком смысле этого слова, начинаем ее в 12 часов дня. Культурная выпивка у Кати, затем танцы.

Компания хорошая. Много радости и веселья. Меня водка не берет, ибо дорогая сестричка обо мне уже позаботилась: хорошо подкормила бутербродами с маслом до выпивки. Пью много, но водка на меня не действует и я не пьян, хотя сегодня я решил напиться «до потери сознания». Ничего не выходит. Танцы продолжаются до 7 часов вечера. Со мной познакомилась одна Любушка – замечательная девушка. Но мне некогда ею заниматься. Я должен идти на вечер. Кое-как незаметно «смылся» и ушел к Мусе². И здесь со мной случилось нечто – второй раз в жизни. Впервые это было 9 Мая 1945 года. И тогда, и сейчас я сидел за столом, как и все, – пил, ел и веселился. И вдруг задумался: «Подлец, сидишь здесь, пьешь и гуляешь и забываешь, что где-то погибли твои родители и семья». И я горько заплакал... Самым настоящим образом: горячими слезами, как малый ребенок. И как ни старался успокоиться, никак это не удавалось, даже несмотря на усилия многих из компании. А компания, должен признаться, была веселая. Один Серафим (доцент) что стоил! Особенно его песенка (на мотив гимна Советского Союза):

Лев Соломонович, Лев Соломонович,
Живи и здравствуй во веки веков...

Или:

Тучи над городом встали (в штанах),
В воздухе пахнет грозой (без штанов).

И так через строчку – то «в штанах», то «без штанов».

Но у меня все пошло насмарку. После этого отправились еще на один вечер.

¹ Кто такая Аня и что она собой представляла, не могу сейчас вспомнить.

² Ее тоже не помню.

Играл на пианино. Так я провел праздник. 10 мая решил поехать в Ленинград, но, поддавшись на уговоры, отложил до 12 мая. А 12-го, придя на станцию, узнал, что через Витебск (а другого пути практически нет) придется ехать в общей сложности трое суток¹. Так что затею с поездкой в Ленинград пришлось оставить.

Все эти дни часто посещал Броню. Прочитал много книг. Вот некоторые из них: «Записки коммивояжера», «Король-сердцеед», «Проделки Нанси» и др. В кинотеатре смотрел «Небесный тихоход», «Маленький погонщик слонов», «Дальнее плавание», «Парад Победы» и др. Регулярно гулял в парке. Завелось много знакомых. К тому же пришла Аня: в самом деле, замечательная женщина. Выпивали у них. Перед отъездом познакомился с Розочкой: милая, но глупенькая девчонка. Жаль, что раньше к ней не заглядывал, мы бы поближе познакомились. Это мое упущение.

Особенно мне забила голову Броня. Даже в день моего отъезда из Брянска она мне устроила такой сюрприз, что я чуть не опоздал на поезд. Хорошо, что у меня оказалась добрая знакомая в железнодорожной кассе, и она ускорила и упростила оформление билета. Катя в дорогу дала мне чемодан, который пришлось сначала слегка подремонтировать. Прихватил с собой термометр, бритву и еще кое-какие принадлежности. На прощание Катя подарила мне свое фото 1944 года с двумя ее детьми: Мишей и Борей. Фотографии от 9 мая делал вместе с Рувой. Одно время решил кататься на лодке, но в силу сложившихся обстоятельств не получилось. Ну и слава Б-гу! Что ни делается – то к лучшему. Из Брянска написал письма в Ленинград, Подольск, Борисов. Послал фотокарточку Ане в Борисов.

23 мая. Утром благополучно возвратился из отпуска на свою «базу»². Весь отпуск провел в Брянске. Отдохнул замечательно, гулял весело – время пролетело незаметно. Приехал в Глинку ранним утром, когда кое-кто еще использовал счастливые минуты сна.

Мне показалось, что за месяц моего отсутствия вид райцентра настолько изменился, что я по нему ходил, как по незнакомому месту. Зайдя в дом, застал незнакомую даму (как потом узнал, ее звали Ксенией). Вскоре отправился на работу в военкомат. Только работать почему-то стал с большим хладнокровием. По вечерам, лежа на чистой, хорошо убранной койке, куря папиросу, вспоминал пролетевший отпуск, и прежде всего День Победы. Как хорошо я его провел в Брянске, и вместе с тем как тяжело было на душе в этот день от внезапно нахлынувших чувств! Низко склонившись над аккордеоном и играя для

¹ Поезда на Ленинград ходили через день.

² Последующие записи содержатся в дневнике Д-2 и сделаны в Глинках.

того, чтобы люди веселились, я безутешно плакал, как ребенок. Предчувствуя наплыв печальных воспоминаний, старался заглушить их вином. Но, увы! От этого только хуже становилось: чем больше пил, тем сильнее осознавал свое одиночество. И сейчас при мысли о том, что я навсегда потерял всю свою семью, на глаза опять наворачиваются слезы. Стараюсь думать о другом. О том, как пришел в военкомат после отпуска, узнал новости и стал ругать себя: зачем я так спешил и торопился приехать к сроку? Ведь можно было еще погулять. А с другой стороны, сколько можно? Ведь когда-нибудь все равно надо уехать. Только этим и утешал себя.

Время полетело незаметно. Правда, гулять я почти перестал. Зато стал заниматься – музыкой, спортом, книгами, письмами и радио. Больше нечем. В Глинке нет такой девушки, которая могла бы вывести меня из этого летаргического состояния. Все они мне почему-то не нравятся и кажутся похожими друг на друга. Их вид не допускает мыслей о внутреннем содержании. Да, Михаил, до чего ты дожил! Ведь девушка приходит к тебе на квартиру, сама зовет гулять. А ты спокойно и хладнокровно отвечаешь: «Не пойду!» И в самом деле, зачем и куда? Скитаться по пустынным, скучным улицам этой глуши и слушать лай ночных собак под аккомпанемент грубых выражений и похабного обращения с местными девушками? Веселить кого-то, а самому скучать? Нет! Уж лучше послушать по радио, как веселятся другие, или предаться бесконечным мыслям наедине с самим собой среди не нарушаемой никем тишины. Как это хорошо! Человек, не знающий этого, много теряет. Не всегда вдвоем весело и не всегда одному скучно. Иногда, оставаясь один, можешь мысленно перенестись в фантастический мир, в чудеснейшее общество, можешь танцевать, петь, радоваться, веселиться, торжествовать, а иногда грустить и даже плакать... Можешь сам с собой поделиться сомнениями и посоветоваться, зная, что один лишь ты хранишь тайну! И ни до кого тебе дела нет, как и никому до тебя.

...Играю усиленно в волейбол и, будучи капитаном команды, тренирую «свои войска» и готовлю их к решительным «боям», которые должны состояться в Ельне¹ 2 июня.

2 июня. Выезд и игры оказались удачными. Абсолютные победы. Не потому, разумеется, что мы очень хорошо играли, а потому, что противники на площадке хуже нас владели мячом.

В Ельне было к кому заехать на непродолжительное время. Там проживают немного знакомые мне адвокат Тоня и нотариус Дина. По внешности и по форме я ничем не отличаюсь от остальных игроков команды: физкультур-

¹ Город в Смоленской области.

ный костюм, тапочки и без головного убора. Вот фотография от 23 июня 1946 года (это был воскресный день) в спортивной форме с надписью на майке «Глинка».

15 июня. По самой работе и обстановке в райвоенкомате чувствовалось, что в жизни вооруженных сил страны ожидаются какие-то серьезные изменения. Чувства эти нас не обманули, и события не заставили себя ждать. Вскоре был получен приказ Московского военного округа № 03165 от 24 июня 1946 года, в соответствии с которым я был уволен в запас, хотя и продолжал работать. В моем служебном удостоверении личности Глинковским райвоенкомом была сделана соответствующая запись, а подпись скреплена гербовой печатью. Естественно, наступил момент собираться в доселе еще неизвестную и неизведанную дорогу. Куда поехать и что делать дальше? Ответ на оба эти вопроса, правда в самом общем виде, был у меня подготовлен еще раньше, как только закончилась война и стало ясно, что я выжил на ней. Ехать надо на первых порах в Борисов, к двоюродной сестре Анечке – больше ведь не к кому. А что делать? Готовиться к поступлению в какое-нибудь солидное высшее учебное заведение, желательно ленинградское или московское.

Во время одной из поездок в Смоленский облвоенкомат у меня была совершенно неожиданная встреча. И с кем? С бывшим директором довоенной Черейской школы (1938-40). На Смоленском вокзале мелькнул куда-то спешивший человек в военной форме с погонами капитана, лицо его мне показалось очень знакомым. Я осмелился остановить его и без обиняков спросить: «Вы... Тимощенко Михаил Яковлевич?» «Да, – ответил он. – А откуда вы меня знаете?» После недолгих – он очень торопился к поезду – расспросов и кратких разговоров мы узнали, вернее вспомнили, друг друга, и он успел сказать, что живет под Москвой в Белых Столбах. Пригласил в гости. Образ этого замечательного человека и наша мимолетная встреча сохранились в моей памяти.

В начале июля получил письмо из Борисова от Дины Френдель. Эта девушка все еще тайно надеется на наши отношения, и осуждать ее за это желание не имею никакого морального права. Хочу тебе пожелать, Диночка, большого человеческого счастья, чтобы осуществились и как можно быстрее твои девичьи мечты, чтобы нашла интересного, добропорядочного и надежного спутника жизни и чтобы временами вспоминала по-хорошему все то, что не сбылось в Борисове в 1945-46 годах...

Борисов (16 июля – 31 августа 1946)

15 июля 1946 года по приказу Народного комиссариата обороны СССР я был демобилизован и буквально назавтра уехал из Глинки в Борисов навсегда в персональный бессрочный отпуск. Всего неполный год я проработал инструктором и некоторое время начальником 4-й части Глинковского райвоенкомата Смоленской области, но и этого срока оказалось достаточно для всестороннего знакомства с тяжелой жизнью российской глубинки в послевоенные годы. Теперь многие мелкие события, связанные с работой и жизнью в Глинках, уже позабыты. Но я, конечно, помню, как в Глинковском райвоенкомате мне вручили 24 января 1946 года медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Аня, как всегда, встретила меня в Борисове как самого близкого ей, дорогого и желанного родственника. Конечно, эти теплые, искренние чувства были взаимными. После небольшой передышки в несколько дней стал заниматься сбором документов, необходимых для поступления в высшее учебное заведение. По многочисленным советам и рекомендациям друзей и знакомых в качестве места учебы решил выбрать Ленинград. Причиной тому были и личные соображения.

Во-первых, из всех городов Союза я во всех отношениях отдавал предпочтение этому интереснейшему европейскому городу. Если уже учиться и получить качественное высшее образование, да к тому же по возможности развиваться в культурном плане, так это в Ленинграде. Во-вторых, в этом городе множество институтов и университетов, а для нас, демобилизованных из Советской армии фронтовиков – участников Великой Отечественной войны, фактически неограниченный выбор места учебы по любой специальности. В-третьих, к тому времени я уже знал, что в Ленинграде живут и учатся

несколько земляков из Черей – бывшие ученики довоенной еврейской семилетки (Броня Минкова, Ида Кругман, Геня Каган и др.). В-четвертых, в самом центре города, на Владимирском проспекте (бывшем проспекте Нахимсона, рядом с театром, в котором выступал Аркадий Райкин), жил, как и до войны, мой двоюродный брат (по матери) Гриша Коган. Он, как и я, тоже фронтовик, демобилизованный. В-пятых, относительно близко оказывалась Москва, где жила моя двоюродная сестра (по матери) Муся (сестра Гриши Когана) с семьей и ее мать Фаня – единственная моя тетя, и Борисов – по уже известным причинам. Какое-то внутреннее подсознательное чувство подсказывало: от Борисова далеко уезжать не следует.

Собрать документы оказалось несложно. Главный и единственный сохранившийся довоенный документ – студенческий билет № 132, выданный Белгосуниверситетом, который был со мной всю войну, подтверждал, что я являлся студентом 1-го курса физико-математического факультета с 1 сентября 1940 года. В канцелярии университета (г. Минск) 11 августа 1946 года мне сказали, что все довоенные документы, в том числе и личные дела студентов, не сохранились¹. Но Его Величество случай мне здесь помог.

Уже уходя из университета, неожиданно встретил в коридоре бывшего директора довоенных одногодичных курсов при университете по подготовке преподавателей физики и математики. Он тоже был в военной форме, и я его тотчас узнал. Наскоро выяснив необходимую информацию и предмет моих забот, он попросил служащую канцелярии подготовить соответствующую справку, которую тотчас же подписал². Вот ее содержание:

Справка

Дана настоящая т. Миркину Михаилу Лазаревичу в том, что он в 1941 году окончил физико-математическое отделение одногодичных курсов при Белорусском государственном университете по подготовке преподавателей физики и математики для старших классов.

Директор курсов *М. Резников*
11 августа 1946 года, № 545
Минск, Университетский городок
штамп, подпись, печать

¹ Как впоследствии оказалось, эта информация канцелярии была не совсем достоверной.

² К слову сказать, эта справка при поступлении в институт мне не понадобилась, достаточно оказалось студенческого билета, но я бесконечно благодарен директору курсов М. Резникову.

За день до этого, 10 августа 1946 года, Исаак, младший брат Раи Клебановой, который в то время увлекался фотографией, сделал в доме у Ани несколько снимков.

На одном из них хорошенькая девушка-десятиклассница Рая Клебанова с цветами (*фото 21*), на другой нас трое: Рая Клебанова, я и соседка Ядя, на третьем – Ядя, на четвертом – Рая Клебанова, Исаак и моя двоюродная сестра Аня. Но в то время для меня это еще ничего не значило – просто симпатичная соседская девушка с прекрасными волосами и отличной фигурой, хорошо играет на пианино и поет.

В двадцатых числах августа я уехал в Ленинград. Из многих ленинградских институтов наиболее подходящим и интересным мне показался Политехнический имени М. И. Калинина (*фото 23*), который располагался в то время на окраине города.

В приемной комиссии института, куда я приехал вместе с Броней Минковой¹, меня любезно встретил доктор технических наук профессор Валериан Владимирович Болотов и долго убеждал поступать на инженерно-экономический факультет на специальность «экономика, организация и планирование энергетического производства».

Я высказал профессору Болотову свои опасения связанные с тем, что у меня был большой перерыв в учебе из-за войны, и что я многое позабыл за это время, но это не возымело на него никакого действия. Более того, он предложил поступить без вступительных экзаменов сразу на 2-й курс, с учетом законченного первого курса физико-математического факультета Белорусского государственного университета. Но против этого я уже категорически возражал: только на 1-й. Не хотелось слишком отставать от вчерашних десятиклассников.

Немаловажное значение при выборе Политехнического института имени М. И. Калинина имело для меня и то обстоятельство, что в нем студенты получали рабочую продовольственную карточку (в отличие от подавляющего большинства других институтов и университетов, студенты которых не имели этого важного преимущества). В то послевоенное время, в условиях карточной системы на продовольствие и промышленные товары, это было весьма существенно и даже жизненно важно. По продовольственной карточке выдавали 600 граммов хлеба на день и другие необходимые продукты по нормам.

¹ Наша дальняя родственница и соседка по улице в Черее в довоенные времена. Броня, ее старшая сестра Маша и брат Гриша выехали из Черей еще до войны, поэтому и остались живы (*фото 22*). Родители погибли в гетто Черей 6 марта 1942 года.

21 августа 1946 года Выборгский районный военный комиссариат г. Ленинграда выдал мне необходимую для зачисления в институт справку следующего содержания:

Справка

Выдана тов. Миркину Михаилу Лазаревичу в том, что он действительно находился в РККА¹ с 21 марта 1942 года по 15 июля 1946 года и демобилизован.

Выборгский райвоенком
подполковник *Худоложкин*
Нач-к 3-й части капитан *Сенин*
штамп, подписи, печать

¹ Рабоче-крестьянская Красная армия.

Учеба в Ленинграде (1 сентября 1946 – 17 марта 1952)

1 сентября 1946 года я был зачислен студентом на 1-й курс инженерно-экономического факультета Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина для обучения по специальности «экономика, организация и планирование энергетического производства»¹ (декан факультета проф. Непорент, через два года проф. Кадачигов; зав. кафедрой проф. В. В. Болотов) в группу № 173 (*фото 24*). Новое общежитие находилось на улице Прибытковская, 14. В комнате № 34 нас было трое (все демобилизованные из армии): я, Михаил Мурылев и Ваня Кунаев (*фото 25*). На занятия в институт (Лесная, 21) мы ездили трамваем.

3 октября 1946 года я впервые сфотографировался будучи студентом 1-го курса (в чужом пиджаке) (*фото 26*). Повседневной одеждой мне служил китель, сшитый еще в Глинках, но без погон. Первый октябрьский праздник в Ленинграде я встретил в компании землячек у Брони на квартире. Там, среди прочих, также были, насколько мне помнится, бывшие ученики еврейской семилетки Рая Клугман и Геня Каган. Броня училась на 3-м курсе технологического института, это она оказала мне большую помощь в выборе места учебы и при поступлении в институт, за что я ей очень благодарен.

Наряду с учебой я продолжал активно поддерживать переписку с родственниками и друзьями. Накануне нового 1947 года получил письмо и фотографию от Гриши Михалевича с его женой Машей (на их свадьбе я был 22 июля

¹ На факультете было три кафедры: экономики, организации и планирования энергетического, машиностроительного и металлургического производства. Соответственно готовили инженеров-экономистов указанных профилей.

1945 года в Москве) и дочкой Таней. Надпись на обороте фотографии: *На долгую добрую память дорогому брату Мише от брата Гриши. Береги и храни. Пусть будет память. 23.XII. 1946 г. Гриша.* Мой дорогой братик! Вот уже более 60 лет, как берегу, храню и помню. Надеюсь и уверен, что и после нас также бережно будут хранить эту и многие другие фотографии наши дорогие дети, внуки...

По мере того как первый семестр 1-го курса приближался к завершению, появилась возможность продолжать хотя бы краткие личные записи.

31 декабря. Все «хвосты»¹, подлежащие «уничтожению», обрублены.

Со спокойной душой, а вместе с ней и совестью могу сегодня, в канун наступающего нового 1947 года, поднять бокал – студенческую жестяную кружку – за наступающий 1947 год, и в первую очередь за здоровье, счастье и благополучие всех родных и знакомых. Как быстро пролетел год! Скоро мне «стукнет» 24! А что я успел за это время? Что я видел в жизни хорошее и что от нее взял? Пока не могу положительно ответить на это. А ведь еще пять лет придется загорать, пока получу «бронзовый» загар на всю жизнь.

В 21.00 идем с ребятами в актовъй зал института, где должен состояться концерт (новогодний). Вот отрывочек из пригласительного билета на этот новогодний концерт:

Зал будет ярко люстрами раскрашен,
Вас будут ждать концерты, джаз.
В Политехнический на новогодний вечер,
Товарищ, приглашаем вас!

В 23.15 «снимаемся» с якоря и всей нашей комнатой (я, Ваня Кунаев и Миша Мурылев) и еще три девушки-студентки встречаем Новый год. Ровно в 12 в торжественной обстановке пьем за все: за счастье, здоровье, успешное окончание института и т. д.

1 января 1947 года. Проснулся в 1947 году, в 12 часов дня. 4-го надо сдавать экзамен по химии. Пока еще книгу не раскрывал, но завтра начну готовиться.

18 января. Итак, экзамены идут полным ходом. Три уже сдал, 23-го сдаю последний. По сему случаю решил съездить к Семену. Вернулся от него довольно поздно. У Семена познакомился с некой Элей, которая обитает в районе Лесного, недалеко от меня. Приехал домой, а меня уже ждала теле-

¹ Студенческие академические задолженности по зачетам, заданиям, чертежам, лабораторным опытам и другим аналогичным видам работ.

грамма от Мухи. Она выехала из Москвы и сегодня должна быть здесь. Как жаль, что не сумею встретить ее. Я рад. Но готов ли я к встрече?

19 января. Встал утром и сразу же занялся делом. Сегодня я ее увижу. Очень приятно и радостно. Экзамены – на задний план. На подготовку к экзамену по физике двух дней вполне достаточно. Прежде чем я ее увидел, был у Раи Кругман, но застал у Брони. Расцеловался с ней, как с давно знакомым и близким мне человеком... Она молодец – использует любую возможность, чтобы посетить Ленинград. До 23-го к ней больше не поеду. Сдам экзамены, тогда все часы и минуты свободные (а их у меня будет достаточно) буду проводить с ней.

30 января. Время, проведенное с Марией, так быстро пролетело. Обо всем писать невозможно. Иду уже провожать ее.

1 февраля. В 11 часов утра Мария уехала поездом в Москву, оттуда до Владивостока и дальше – на Южный Сахалин. За это время мы успели послушать Л. Утесова в клубе МВД (24 января), посмотреть «Дядю Ваню» (25-го), «Правда хорошо, а счастье лучше» (28-го), «Молодую гвардию» (29-го). Последняя постановка была специально для студентов института иностранных языков, причем студенческий бал длился всю ночь – до 6 утра.

За время пребывания Марии в Ленинграде она была у меня в общежитии один раз, но я бывал у нее ежедневно. Мария мне дала прочитать мое же письмо, которое я ей написал еще в детстве – в 1938 году, вот оно:

Черя, 10/IX – 38 г.

Здравствуй, Маня!!!

Твое письмо, как бы сказать, «общее», я прочитал, и мне очень понравился тот случай, который произошел с Семеном.

Когда я писал это письмо, я перед собой никакой цели почти что (за-меть) не поставил, только лишь одно – сказать только одно – ска-зать то, что в продолжение такого времени не мог сказать.

Все получилось у меня не так, как я мечтал: у меня были какие-то «грандиозные» планы, только я их не завершил. И во всем этом мешали люди...

Сколько времени я готовился к тому, чтобы прийти и сказать три слова: «я... тебя... люблю...» И каждый раз они застывали на моих устах. Ты помнишь, как луна светит, звездочки в небе горят, легкий ветерок, где-то уже поет петух. Два часа. Три часа. Полчетвертого – мы все сидели. Кто же мог сидеть так поздно!!! Это ты лишь со мной могла сидеть так поздно. Но позже! К тебе начали хо-

дить... (я для них не имею имени). И что же? Как будто ты начала ходить с Ш. Л. (ты сама знаешь, кто это). Ты не можешь чувствовать, как у меня бьется сердце при этих словах. Вспомни, как ты подошла ко мне и задала один лишь вопрос, от которого мне стало так грустно, а именно: «Все это было только для фасону, или же...» еще как-то. Неужели ты мне не верила и не замечала, что я любил тебя! Ты как будто бы изменила мне. Я остался и был честным по отношению к тебе. Ты мне можешь изменить, но я все же не изменю. Может быть, я еще не смог оценить все, что было между нами в первое время. О, что же сказать мне в заключение? Я хочу сказать только лишь пару слов – все равно я любил, люблю и буду любить тебя. Так сохрани же это письмо и вспомни когда-нибудь, как мы с тобой любились.

На этом я кончаю. Мота.

Пришли мне твою фотокарточку по адресу БССР, Витебск. обл., Чашиниковский р-н, м-ко Черя, Миркину Л. для Моты.

Примечание. Письмо, если хочешь, и фотокарточку вышли мне 15/IX-38 г. для того, чтобы я смог пойти на почту и взять это.

М.

Так вот каким я был девять лет назад, какие мысли посещали меня в 15 лет и как по-другому я все вижу в 24-летнем возрасте!

Она молодец. Мой наказ сохранить письмо выполнила и сохранила его в условиях войны, голода и страданий¹. Она пронесла любовь свою (и мою) как знамя, высоко подняв его над головой. Могу ли я после этого думать и размышлять? Нет, не могу. Если во мне есть хотя бы капля совести, а вместе с ней и чувства, я не должен даже задумываться. Мария оправдала целиком и полностью мои надежды. Любовь, соединившая нас, длилась около 10 лет и прошла различные этапы. Почему я хотел жертвовать собой во время войны?

Почему я так безжалостно относился к себе и своей жизни? Почему я искал смерти в бою? Только лишь потому, что мне не для кого было жить. Для меня никто не жил... Мои родители, как и вся семья, погибли. Любимая с детства девушка исчезла. Я остался один. Так какой же смысл жить, для чего и

¹ Это письмо от 10 сентября 1938 года было адресовано Мане (Марии), проживавшей в Ленинграде после ее отъезда из Черей летом 1937 года.

для кого? Для себя не интересно. Я хочу жить для кого-то. Я хочу, чтоб кто-то жил для меня. А раз не так, то все должно быть кончено.

Но судьба – это прекрасное видение – делает свое дело. Это она вела нас различными неведомыми тропками через все невзгоды, все страдания. Это она была так безжалостна к нам, а вместе с тем и сохранила нас друг для друга. И, наконец, она же нас столкнула вновь. Так можно ли мне раздумывать? Неужели 10-летнего срока недостаточно для проверки нашей связи, ее крепости и прочности? Конечно, мы должны быть вместе, по возможности.

Мое положение сейчас незавидное – нет прочной основы для устройства семейной жизни. Но не хочу сомневаться в том, что через пару лет таковая будет. Правда, я, быть может, буду студентом 3-го или 4-го курса. Но жизнь станет гораздо интереснее и легче. Тогда, я думаю, осуществится мой план. Может, судьба нас сведет, и мы будем вместе? А пока я жду, что она опять придет в Ленинград. Когда – точно не знаю. Никогда не забуду ее ласковый прием и по-домашнему заботливое отношение ко мне. Она для меня много сделала, и я ей многим обязан. Чем я могу ответить ей на чистосердечное чувство? Только возвышенной, чистой, искренней любовью.

«Итак, Муха, жду тебя в Ленинград!» – эти слова были сказаны ей перед отходом поезда в 10 часов 58 минут на Московском вокзале 30 января 1947 года. Поезд умчался, а вместе с ним и Мария, к столице. Ее машущая рука еще долго видна была, пока состав не скрылся за поворотом. Буквально через день, 1 февраля, под влиянием неожиданной встречи после почти 10-летней разлуки я написал стихотворение «Письмо Марии»:

За столом я сижу не впервые,
Не впервые мне книги читать,
Но сегодня какое-то чувство
Заставляет о многом писать.

На столе и чернила, и ручка,
И бумага – а рядом Бальзак.
Я присяду на пару минуток:
Напишу пару слов. Значит, так...

Добрый день, дорогая ты Муха!
Наконец, я твой адрес узнал.
Если б знала, как я волновался,
Пока я конверт раскрывал.

Что в Москве тебе ждать приходилось,
Известно мне было тогда,
Но что к тете зайти постеснялась –
Вот это ты сделала зря.

Неужели сидеть на вокзале
Приятнее, чем отдохнуть?
От Москвы и до Владивостока
Надоест и сидеть – длинный путь.

Закрываю глаза я и вижу,
Как средь леса твой поезд идет...
Как ты мчишься к далекой границе,
Как идет он все дальше вперед.

Мне понятно твоё настроение,
Мне понятны и думы твои.
Но ты вспомни военное время,
Что осталось у нас позади.

Унывать не должны мы ни в коем —
Лишь надеждой о будущем жить.
Только трудности преодолев,
Мы сумеем прекраснее быть.

Я живу, как всегда. Изменений
Особенных не наблюдал,
Но с отъездом твоим ещё долго
Я помнил Московский вокзал.

Мне казалось, что всё это сказка,
Что всё это было во сне,
Что промчалась ты, словно на крыльях
Куда-то — и скрылась во мгле.

Я опомнился... Нет, это правда,
Это ты предо мною была.
Это ты улыбалась мне чудно,
Как и в школе Череев тогда...

Так к чему же мне быть фантазером
И напрасно тоску нагонять?
А не лучше ли наедине мне
О прошлом своём помечтать?

Очень рад, что всё благополучно,
Что довольна ты местом своим.
Не скучай же, работай, как прежде,
Отпускай «препараты» больным.

И хотя от столицы далёко
Придётся тебе обитать,
Ты не думай, что ты одинока —
Есть, кому о тебе помечтать.

Разреши мне закончить на этом
И наилучшего в жизни желать,
Разреши от знакомых и близких
(По их просьбе) привет передать.

До свиданья. До будущей встречи.
Не забудь, что ответа я жду.
Не забудь, что хотя ты далёко,
Но тем больше тебя я люблю.

Передай же привет своим сёстрам
И Алечке — я не забыл.
Пожелаю здоровья и счастья,
Целую тебя —

Михаил.

* * *

Небольшое отступление. Приведенные размышления, мысли и планы в связи с несколько неожиданной встречей с Марией возникли в минуты душевной депрессии под воздействием сложившихся к тому времени сложных материальных и моральных обстоятельств, когда, несмотря на успешную сдачу экзаменов за первый семестр, я всерьёз решал вопрос о дальнейшем продолжении учебы в институте. Я уже подыскал место работы и написал заявление на имя декана факультета с просьбой об отчислении из института. И только

запомнившаяся на всю жизнь по-отечески задушевная и строгая беседа с зав. кафедрой проф. В. В. Болотовым и его заключительные слова: «Ты, фронтовик, прошедший войну, вдруг струсил и спасовал перед трудностями? Немедленно порви заявление!» – удержали меня от этого необдуманного шага и решили мою дальнейшую судьбу, за что я этому благороднейшему человеку и ученому по сей день бесконечно благодарен.

* * *

3 февраля. Так как каникулы продолжаются и времени свободного много, я не отказываю себе в таком удовольствии, как отдохнуть и провести время наилучшим образом. Вчера получил письмо от Гришки и тут же ответил ему. Кроме того, написал еще раз в Борисов: оттуда абсолютное молчание. Хотелось бы поскорей получить и посмотреть фото, сделанное 27 января, в день трехлетия снятия блокады Ленинграда, но оно, к сожалению, еще не готово. Вечером заехал к Рае Клугман, пробыл пару часиков и уехал обратно. Случайно встретил сестру Марии Кокиной.

1-го февраля в институте был вечер, посвященный окончанию первого полугодия. Концерт был замечательный, а на танцы я не остался. По пути домой зашел в 342-ю комнату. Посетил гостиницу, вернее ресторан «Интурист». Это удовольствие, хотя и стоило 30 рублей, но зато посмотрел такую «шикарность».

Сегодня совершили с Виктором Цетнеровским экскурсию в Петропавловскую крепость, осмотрели музей декабристов – довольно интересно. Потом заглянули в кинотеатр «Новости дня» и там отогрелись. А вечером в красном уголке общежития лекция, концерт и танцы, но почему-то особого желания идти нет. Вообще, все стало неинтересно одному. То ли дело было со знакомым человеком (имею в виду М.). Все же поднимусь наверх, в красный уголок. Ребята, которые уехали на каникулы, пока еще не вернулись, и в общежитии довольно пусто. Почему-то въелась в печенки какая-то грусть, и иногда просто не нахожу себе места. То ли это обусловлено сегодняшним морозом или же это вообще – не знаю. 7 февраля, видимо, уже начнутся занятия: беготня, хлопоты и т. д., тогда не буду скучать.

В городе идет самая деятельная подготовка к дню выборов, как настоящему празднику: везде лозунги и плакаты, портреты, флаги. Съездить бы на каток, но что-то не хочется. Неужто я разленился так? Нет, просто не найду интереса в этом. Думаю, что сегодня выехала Мария из Москвы наверняка. Жду ее приезда обратно из Москвы: какие она новости привезет?

По рассказам знакомых, Семен переселился в другое место, которое пока для меня остается загадочным. Что касается Гени Каган, то ее я видел пос-

ледный раз 3 ноября прошлого года и мимоходом у Раи Клугман 20 января, а больше – нет. Сказать откровенно, ехать мне туда к Гене незачем. Было время, когда я ею в шестом классе увлекался. Но кто не увлекался в таком возрасте всеми подряд? Детство... Хочется, чтобы тетя Фаня приехала из Москвы в Ленинград, к сыну Грише, – повеселее тогда станет мне.

В комнате нас осталось трое. Через пару дней приедут еще двое и один, вероятно, уедет, тогда нас будет четверо – 50% первоначального количества жильцов-студентов¹. Да, наш «полк» понес большие, невосполнимые потери. А что будет дальше, через полгода? Или же такой отсев только в начале учебы и только на 1-м курсе?

7 февраля. Вот и настал день, когда снова начинаются занятия. С таким ли уж нетерпением мы его ждали? Нет! Просто время идет независимо от нашего сознания и желания. Но это не столь важно... Гораздо важнее то, что в декабре и январе погода была чудесная, а в феврале – мороз, причем сильный – выше 20 градусов. В комнате у нас довольно холодно. Приходится сидеть в шинели. Тяжелее всего во время подъема и отбоя: не хочется лезть в холодную постель вечером и покидать ее утром... Пробный подъем был сделан сегодня более чем удачно. Встали на час раньше, что довольно глупо. Съездил на Невский, где работает Соня (жена Иосифа), и получил фотографии. Они мне не очень нравятся.

Вчера вечером время было некуда девать, и я сходил в театр миниатюр. Заодно посмотрел картину «Светлый путь». Пока смотрел, хорошо отдохнул. Но вышел на улицу – адский мороз. Послезавтра будем голосовать. Сегодня уже принесли бесплатные пригласительные билеты на голосование. В связи с этим в магазине оживление...

Соседи по комнате в количестве двух особ пока не появились. На полную мощность использую пропуск № 2. Пока еще живу по инерции... каникул, но вскоре буду переключаться на режим преодоления послевоенных трудностей. Заниматься осталось четыре с половиной – пять месяцев. Потом, при благополучном исходе с экзаменами, можно будет сказать, что на 20% она уже завершена. 20%! А ведь еще почти пять лет учебы. Но это меня вовсе не пугает. Хочется, чтобы в 1947 году был отличный урожай. А все остальное – потом.

Изо дня в день жду писем от Марии с дороги. Ведь я привык к ней, и мне временами скучно без нее. Я ее очень и очень жалею. Как ей там будет, на Сахалине? У нас здесь, когда нужно, есть возможность повеселиться. А у нее? Скоро начну писать письмо ей, которое, как я надеюсь, будет небольшим, но и не коротким.

¹ Речь идет о студентах, отсеявшихся после первого семестра по различным причинам.

Свинство с моей стороны: не был ни у Семена, ни у Ритки, ни у Раи, ни у Гриши – все некогда. А чем занят? Ничем! Холод опять-таки ограничивает действия. Но это ненадолго, думаю.

30 июля. Поскольку этот дневник я не открывал уже полгода, должен сейчас записать что-то, а точнее подвести итоги второго семестра и сказать что-нибудь о прочих вещах. Второй семестр прошел столь же быстро и незаметно, как и первый. Нет, вру. Если в первом семестре я немало «хандрил» и еще больше дурака валял, то в этом более-менее серьезно занимался. И, конечно, на экзаменационной сессии результаты сказались. За исключением физики, которую сдал на четверку, остальные предметы: химию, математику, теоретическую механику и основы марксизма-ленинизма – на «отлично».

Вообще полгода прошли довольно быстро и весело. Посещал музеи, театры, кино, институтские вечера вне института, вел немалую переписку, половина которой была связана с Марией, и другое. 9 мая 1947 года в Доме ученых в Лесном был организован вечер для студентов и профессорско-преподавательского состава инженерно-экономического факультета. Студентов-первокурсников присутствовало с полсотни (почти весь набор), вечер проходил прекрасно, и в память о нем была сделана коллективная, в каком-то смысле даже символическая фотография (*фото 27*). Из всех студентов нашего 1-го курса сфотографироваться вместе с преподавателями почему-то были приглашены трое: Тая Буймова, я и Ваня Кунаев. А вот фамилии многих преподавателей забылись, за исключением некоторых: Консон, Браславский, Гусев. В институте стало довольно много знакомых среди студентов и преподавателей. Втянулся в общественную работу, иногда не желая того. Основательно познакомился с Ленинградом. Какой же это чудесный город! Как можно его не полюбить? Побывал почти во всех театрах и многих кинотеатрах. В мае получил письмо из Брянска и маленькое фото Миши, сына Кати.

С начала этого года моя жизнь в значительной степени определяется взаимоотношениями с Марией. Она, конечно, молодец во многих отношениях. Скажу по правде, ее моральная поддержка и вообще ее образ вдохновляют меня на многое, помогают преодолевать многочисленные трудности. Сейчас, когда я оглядываюсь на пережитые тяжелые военные годы, полные лишений, испытаний и скитаний, мне кажется, что это был хороший жизненный урок. Он уже сыграл определенную роль в моей жизни и, надо думать, еще сыграет. Почему-то нет желания распространяться и писать подробно. Иногда спрашиваю сам себя: зачем вообще пишу? Почему каждый свой шаг и поступок я должен фиксировать на бумаге? Иногда это, быть может, хорошо, но в большинстве случаев бесполезно и даже вредно.

...28 июня сдал последний экзамен. Теперь я уже студент 2-го курса Ленинградского политехнического. Каникулы. Куда ехать? Решил съездить

в Борисов. Нечто необъяснимое стало сильно тянуть меня туда... И вот теперь сижу я в Борисове у Ани в доме за письменным столом и беззаботно занимаюсь писаниной. Между прочим, студенткой 2-го курса, но Белорусского государственного университета (г. Минск) стала и 20-летняя квартирантка Ани – Р. К.¹ (*фото 28*), которая поступила на 1-й курс в то же время, что и я, – в сентябре 1946 года.

Почему-то мне бывает очень скучно без работы. Человек без труда – запряженная лошадь без хомута. Конечно, не все люди лошади. Но добрая половина людского рода, если не в полном смысле этого слова, то в частичном, ведет лошадиный образ жизни. Почему-то вспомнил поговорку «Не будь на свете дураков, стало бы довольно скучно жить». Итак, 8 июля в 10 часов утра я выехал в Борисов и прибыл назавтра, в 7 утра. Вот я уже загораю под белорусским небом и питаюсь белорусской бульбой.

Во время каникул здесь неожиданно нашлась еще одна бывшая соученица – семиклассница Аня Зак. Через нее же узнал о том, что одна из бывших учениц еврейской семилетки – Лиза Праглина – живет и здравствует в городе Чкалове. От Марии в Борисове получаю письма. За это время их было уже четыре, столько же написал ей. Когда я вернусь после каникул, очень хочется, чтобы она еще раз заехала хотя бы на время в Ленинград.

30 июля. Пока сделал перерыв с этой писаниной. Только замечу, что сегодня погода осенняя: с самого утра то моросит, то дождит. Выехал в Москву из Борисова я 10 августа, а 11-го уже был на месте.

1 февраля 1948 года. Почти полгода не брался за перо и бумагу. Отсюда вполне естественно, что никакими святыми духами ничего не написано быть не могло. А надо все же признать, что тяга к писанию дневника у меня не только не уменьшилась, но, наоборот, увеличилась. Для чего я пишу, спрашивается? Иногда сам не знаю. Но зато я уверен, что спустя некоторое время будет довольно интересно прочесть то, что своей же рукой было написано в прошлом. Одним словом, минуя стадию философии, рассуждений, домыслов и прочего, хочу перейти к полугодовым итогам моей жизни.

Начиная с третьего семестра (а моя жизнь сейчас измеряется не днями, не месяцами или годами, а семестрами!) я не писал, поэтому пройду с галопом по жизни с июля 1947 года и по сегодняшний день.

Летние каникулы я проводил в основном в Борисове, и совсем неплохо. Не скрою, что при этом я все же скучал, и иногда довольно сильно, по родной

¹ Р. К. – Рая Клебанова, род. 25 февраля 1927 года, дочь Фалы и Хавы Клебановых (*фото 29*). Дети Фалы и Хавы Клебановых: Рая, Моисей, Мима (погиб на фронте в 1943 году) и Исаак (*фото 30*). Р. К. с сентября 1945 по июнь 1946 года училась в Ново-Борисове и окончила 10 классов средней школы, с сентября 1946-го по 1947 год – в Минске – 1-й курс географического факультета Белорусского госуниверситета.

студенческой стихии. Как тянуло туда! Стоит только окунуться в студенческую жизнь, как лучше, веселее, скромнее и интереснее ее никакой жизни не найти. Поэтому понятно, почему меня так тянуло в Ленинград, куда я поехал через Москву, прибыв туда из Борисова 11 августа утром.

Остановился у двоюродной сестры (по матери) Муси¹ в Лосиноостровской, что в 20 минутах езды от Москвы. Я пробыл там недели две и, к стыду моему, со столицей мало познакомился, 20-минутная поездка до нее не могла служить препятствием. Очень внимательно просматривал альбомы с фотографиями, и небезрезультатно². Дважды побывал у Гришки, проживавшего в Подольске и служившего там. Перед отъездом 25 августа встретил на Ленинградском вокзале свою однокурсницу Люсю Пономареву, которая помогла мне взять билет на Ленинград, которым, к сожалению, не смог воспользоваться. Зато я совершил классическое путешествие – наподобие радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», правда, наоборот – из Москвы в Питер, и к тому же экспрессом «Красная стрела» в мягком вагоне с вещами и без билета. Пришлось пустить в ход всю дипломатию. Одним словом, за 6–7 дней до начала занятий я уже был в Ленинграде и в память об этом «выдающемся» событии 26 августа сфотографировался. Здесь я получил на почте то, чего ждал, устроился в новой комнате, вооружился книгами и был готов к занятиям. На сей раз я и Виктор Цетнеровский решили перебраться из комнаты № 34 в комнату № 40, где уже проживали ребята из нашей группы: Михаил Мурылев, Ваня Кунаев и Вадим Вешняков. Близко я подружился с Михаилом и Ваней. Я нашел в них то, что обычно свойственно бывшим фронтовикам: серьезность и ответственное отношение к жизни, немолодой уже возраст, общее положение, в том числе и семейное, и т. д.

Итак, 273-я группа инженерно-экономического факультета в составе 25 человек приступила к занятиям 1 сентября 1947 года. Третий семестр! А их целых одиннадцать, и все надо преодолеть. Надо! Этого требуют мое положение одиночки и целый ряд других обстоятельств. Этот третий семестр ничем

¹ Симпатичная и обаятельная моя двоюродная сестра Муся (девичья фамилия Коган) рано вышла замуж за Мишу Суховольского, и у них был единственный сын Славик, которому в то время было около семи лет. В Лосиноостровской они жили в отдельной квартире в 2-этажном доме недалеко от остановки электрички, а рядом с ними в небольшом домике, больше похожем на хижину, проживала ее мама (моя тетя) Фаня. С ними я поддерживал постоянную связь.

² Просматривая у Муси альбомы с фотографиями, я обнаружил довоенный снимок, сделанный мной еще в 1937 году, моего младшего брата Гришки (1929 года рождения), который был убит вместе с родителями, братом Борькой и сестрой Асей немецкими оккупантами 6 марта 1942 года в гетто Черей, а также фото почти незнакомого мне дяди (брата мамы), которого звали Авремл Андрачник. До войны он вместе с семьей жил в Борисове. Больше о нем и судьбе его семьи ничего не знаю, скорее всего, они тоже погибли в гетто.

не отличался от прошлогодних на 2-м курсе (сентябрь 1947 – июнь 1948 года). Параллельно с нашей 273-й группой энергетиков занимались, как и раньше, еще две группы: 271-я – машиностроителей и 272-я – металлургов. Почему-то на 1-м курсе я не обращал внимания на девушек не только этих двух групп, но даже своей 273-й. Сохранялась обособленность каждого внутри группы. В течение третьего семестра картина явно изменилась.

Несколько слов о нашей группе энергетиков-экономистов. По состоянию на 1 января 1948 года в ней около половины студентов – девушки. Но можно сказать, что интересных девушек, способных вывести ребят из состояния равновесия, безразличия и покоя, у нас нет. Зато полной противоположностью нашей оказалась 271-я группа, состоявшая из восьми девушек, проживающих в комнате № 301. Чем, собственно, они отличались? Тем, что благодаря их «полководцу» и духовному лидеру Тае Буймовой сумели создать сплоченный, здоровый, веселый, бодрый, жизнерадостный, крепкий духом и дружбой коллектив.

Немного отступлю от описания группы, чтобы представить в хронологическом порядке нашу учебу, а затем продолжить размышления по поводу 301-й комнаты. Первый месяц занятий (сентябрь 1947 года) – это период раскочки. Пока нам читали лекции, пока мы еще не заглядывали в учебники, пока выполняли домашние задания и сдавали их, пока штурмовали основы марксизма-ленинизма в союзе с политэкономией, время незаметно шло. Вторая половина октября была уже не столь легкой. Это период первой волны контрольных работ, «бомбежку» которой надо выдержать, и желательно без поражений. Я этот этап успешно преодолел.

В это время частенько заглядывал в красный уголок на танцы, иногда в актовый зал института, изредка ходил в кино, но не в театр, потому что, надо признаться, материальная сторона сильно ограничивала, иногда даже прижимала. От Марии по-прежнему изредка получал письма (именно изредка), и остальное все шло своим чередом. К черейцам почти не заявлялся, ибо они рассеялись по Ленинграду. О Семене узнавал только понаслышке. К Грише иногда заезжал.

Женька Цейтлин, студент нашей группы, ленинградец, тоже бывший фронтовик, мой близкий друг (*фото 31*), познакомил меня с девушкой-ленинградкой, и мы договорились вместе отметить праздник. 24 октября у Таи Б. был день рождения. Это был чудный вечер, правда, не для всех (тонкий намек на Михаила Миркина), так как некоторые (опять же намек на М. М.) сумели мирно проспать его, хотя, как говорили потом, празднование вышло очень хорошим. При этом я ничуть не перепил и находился в своем уме (так, по крайней мере, мне сказали потом девушки). Одним словом, погуляли в 301-й до 7 утра.

Из ребят были Михаил Мурылев (в спящем виде), Жень Цейтлин (в возбужденном виде), я (в неопределенном виде), Виктор Платонов (во влюбленном, но, кажется, безнадежном виде). А вот девушки были все в порядке. Итак, этот вечер понравился. Там мне был задан весьма любопытный вопрос, на который я сразу не дал ответа, зато назавтра высказал свое мнение по поводу того, кого я уважаю больше всех из этой комнаты. Около полугода я наблюдал за одной девушкой, временами даже симпатизировал ей (наравне с другими), но не выделял ее среди остальных восьми. И незачем это было делать, так как никаких намерений у меня не было, да и не могло быть.

Этот вечер, проведенный в 301-й комнате, намного сблизил нас всех и, как и следовало ожидать, принес свои плоды: все чаще стали поговаривать о проведении аналогичных встреч. Однако для меня тут возникало главное «но»... Ведь я ни на какие дополнительные источники дохода (или помощь) не мог рассчитывать. У меня была только стипендия, выдаваемая ежемесячно на 30 дней. Во время уборочной (глубокой осенью) работал в совхозе «Лесной», что под Ленинградом, получил заработную плату натурой – картошкой. Кроме этого часто ездил вместе с другими студентами на товарную станцию «Таврическая» на погрузку-разгрузку. Карточки на продовольствие и промтовары продолжали существовать. Так шли дни, приближалась зимняя сессия.

Прошли контрольные работы, и наступил праздник 7 ноября. Этот вечер я провел на этот раз в городе в одной, казалось бы, неплохой компании, но что-то меня в ней отталкивало. Правда, спустя некоторое время еще два раза заезжал туда, но потом перестал. После праздников ко мне приехал Гришка из Подольска, и мы съездили в Сестрорецк, где живет его родная сестра. Нет слов, как хорошо она нас приняла.

За два месяца до выборов (21 декабря) мне дали общественную нагрузку: вместе с Диной Ж. из той же 301-й группы поработать агитаторами. Кроме этого меня включили в состав редколлегии стенгазеты. Участвовал в собраниях, совещаниях, в выполнении других поручений. Дни были заняты почти полностью, но совсем не учебой. Устраивали культпоходы в кино, ходили на танцы, на лекции и концерты.

Наступил декабрь, а с ним сессия – самый ответственный момент в учебе. Сначала второй этап контрольных работ, который я преодолел тоже успешно. Домашние задания сдал даже раньше срока. Наступило время зачетов, и их сдал без особого труда. Правда, для получения зачета по технологии металлов пришлось изрядно посидеть. А затем... настали черные дни и белые ночи. Всего нам предстояло сдать три экзамена и один зачет. Занимался я, как и прежде, по выработанной мной системе подготовки: после сдачи экзамена два-три дня гулять, затем несколько дней упорно позаниматься – и порядок!

Накануне Нового года одна из студенток нашей группы подарила мне небольшую книжицу для стихов с дарственной надписью следующего содержания: *М.М.Л. Поздравляю с Новым годом! Желаю счастья в жизни и успехов в учебе. И желаю почаще вспоминать ЛПИ, то есть 273 группу. Зина Лагуткина. 31.XII.47 г.*

Несколько декабрьских фотографий с Зиной, Михаилом Мурылевым и Ваней Кунаевым хранятся в моем альбоме (*фото 32*).

Незадолго, 15 декабря 1947 года, отменили карточную систему и ввели деньги нового образца. На праздничном столе стояли две бутылки с водкой, картошка в мундирах и хлеб в неограниченном количестве (в честь отмены карточек). Несмотря на это, настроение было скверным. В 2 часа ночи мы вошли в актовый зал института, где танцы продолжались до утра. Кто-то напился, кто-то уже был пьян (не про меня будь сказано)... Вообще-то на Новый год предполагалось устроить именины Ани Щ., на которых я хотел побывать. Но они ввиду каких-то объективных причин не состоялись, и я об этом, надо сказать, жалел.

Первый экзамен наша группа сдавала 7 января – высшую математику. Меня, этот предмет не особенно беспокоил, но излишняя самоуверенность могла сыграть злую шутку. К этому экзамену надо было подготовиться более-менее основательно. Однако я посчитал возможным поехать 1 января в Сестрорецк к двоюродной сестре Этке¹ (сестра Гриши Михалевича) и отпраздновать по-настоящему Новый год, 2-го погулять, 3-го отоспаться за прошлые три дня и в течение оставшихся трех дней упорно «грызть» курс математики.

6 января экзамен сдавали девушки из 271-й группы. Пришлось переживать за них, и особенно за одну, более слабо подготовленную по математике. Но они все сдали хорошо. Назавтра и я сдал экзамен на «отлично», а после экзамена, по студенческой традиции, положено погулять. И мы гуляли до утра.

Таким же образом 16 января сдал экзамен по сопромату², после которого, как утверждают студенты, можно жениться; 21-го – по теоремеху³. Сверх ожидания все экзамены сдал на «пять» и обеспечил себе повышенную (на 25%) стипендию⁴.

Последние январские дни были особенными: часто приходилось вместе с девушками 271-й группы ходить к первому корпусу, провожая их после тан-

¹ Этка, 1917 года рождения, до 1936 года жила в Крупках. В нее был страстно влюблен белорусский хлопец по фамилии Козловский. В одну из темных летних ночей она убежала с ним. Они поженились, в семье двое детей. Он дослужился до чина полковника.

² Соппротивление материалов.

³ Теоретическая механика.

⁴ В экзаменационной круговерти не среагировал должным образом на злодейское убийство С. Михоэlsa 13 января 1948 года.

цев. После сдачи экзаменов мы почувствовали себя абсолютно свободными. К 25 января все студенты разъехались на зимние каникулы, на месте остались немногие, в том числе и я.

Напомню еще об одном событии. Жильцы, вернее курцы, нашей комнаты еще в начале декабря решили бросить курить. Ровно в 12 часов ночи искурили по последней папироске из самой дешевой пачки «Волна», закрепили принятое на себя обязательство торжественным актом, расписались и повесили на стенку. Три недели не курили, но затем понемножку начали снова покуривать, тем более что уже появились дешевые студенческие папиросы «Ракета».

Значит, каникулы начались. Я со всеми простился, почти никого не провожал, но к отходу поезда Ани Щ. подоспел. Я об этом никому не сказал, думая, что она сама расскажет соседкам о моем «героическом поступке».

5 февраля. Каникулы официально продолжаются с 24 января по 7 февраля, и сегодня я уже ощущаю, что они заканчиваются. За время каникул посетил половину вечеров, был в филармонии, где среди других выступала узбекская артистка Тамара Ханум, ходил в консерваторию, 5-го и 7-го буду на вечерах в актовом зале института. Примерно 3 или 4 февраля начнут возвращаться студенты – впереди очередной семестр. Я вступил в профсоюз, подумываю насчет партчленства. Мне хотели навязать руководство комсомольской организацией.

В некотором роде январь стал испытанием для меня: весь месяц прожил на одну стипендию. И в дальнейшем (хочешь не хочешь) буду продолжать в том же духе. Письма Марии писать перестал. Зато во время каникул был у Семена, которого не видел четыре месяца. Встретил также Яшу К. Я уже упомянул о своей новогодней поездке в Сестрорецк, которую повторил 1 февраля, и, как всегда, был очень тепло встречен. За прошедшие полгода сделал несколько фотографий. Во время каникул от нечего делать навестил Таю Б. в доме отдыха, где впервые катался на финских саночках. Вот вкратце то, что происходило во время каникул. Можно лишь отметить, что на зимние каникулы Ваня Кунаев уехал в Западную Белоруссию с целью решить очень важный вопрос – семейный. А я запомню эти каникулы как неудачные и неинтересные во всех отношениях.

Скоро опять за учебу и науку. Что ж, это хорошо. Как всегда, думаю о том, что я остался один, что погибла моя семья. Как радостно мне было бы сейчас рассказать им о своих успехах и как приятно им! 6 марта исполнится уже шесть лет, как их зверски убили немецкие паразиты и местные полицаи в гетто Черей. Во имя светлой памяти моей семьи мне, единственному оставшемуся в живых, следует держаться бодро и всеми силами стремиться к намеченной цели.

...Среди прочих, прочитал очень хорошую книгу Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Она оказала на меня огромное влияние. Да, кое-

чему, а может быть и многому, стоит поучиться у Маресьева. Итак, прощаюсь с дневником, Б-г знает насколько. Быть может, некие чувства вскоре заставят опять взяться за перо и бумагу, и тогда я напишу об этом. Дадим волю своим чувствам и мыслям. И, как поется в той песне: «Плыви, мой челн по воле волн...» До скорого свидания.

4 апреля. Прошло почти два месяца, как я забросил этот дневник. А ведь с тех пор много воды утекло... И это понятно – жизнь не стоит на месте. 7 февраля приступил к занятиям. Быстро позабылись каникулы, так как опять задания, работы, знаки (тексты на иностранных языках измерялись в «знаках»: одно слово – один «знак») и т. д. Не успел оглянуться, а уже два месяца пролетело. Так быстро, так незаметно, а вместе с тем и очень бурно.

Забыта за это время симпатия к А.: она резко пошла на убыль и вряд ли возобновится. Настроение такое, что летом я вообще постараюсь покончить с одиночеством и выйти из союза «Х»¹. Еще одна важная вещь: решительно прервал отношения с М. М.² Не буду писать о событиях и основательных причинах, которые привели к такому решению.

Констатирую факт. Надо думать, это даже к лучшему. Третье важное событие: заочные и пока еще не постоянные связи с Борисовом. Хочу верить своей двоюродной сестренке Анечке, которая в нескольких последних письмах писала о том, что на каникулы мне обязательно надо приехать и дела обстоят неплохо. Подробнее об этом, может быть, напишу попозже.

За это время слушал в еврейском театре Сиди Таль³, в театре муз-комедии – «Вольный ветер», в разных кинотеатрах посмотрел разные фильмы, в том числе «Русский вопрос».

Обсуждался вопрос о приеме в партию. Зачем?

В эти дни приезжала к Грише московская тетя, и мы, естественно, встречались. Следует особо отметить вчерашний факультетский вечер в Доме ученых в Лесном. Замечательно погуляли до 6 утра. Много и беспрерывно танцевал. Это было 3 апреля. На вечере получил пачку печенья – главный приз за лучшее четверостишие, вот оно:

Я думал долго – часов пять,
Но были попусту труды.
И мне подарка не видать:
О Муза, где же была ты?

¹ «Х» – холостяков.

² Мария Молочник.

³ Еврейская драматическая актриса.

В память об этом чудесном вечере фотографом-любителем были сделаны две фотографии: одна общая – со всем профессорско-преподавательским составом, вторая – президиум торжественной части вечера (*фото 34*). Незабываемый вечер и единственный в своем роде.

29 июня. Если кто-нибудь был студентом и еще не забыл, как волнуешься, переживаешь, трепещешь перед каждым экзаменом, с каким трудом иногда готовишься к зачету по годовому курсу за какие-нибудь 4–5 дней, как тоскливо сидишь в библиотеке над книгой, бросая иногда взгляд за окно, и думаешь: «Когда же, черт побери, кончится эта сессия?», как нервно ходишь возле своей аудитории, ежеминутно заглядывая в щелку, и волнуешься за своих однокурсников, тот поймет, каково было мое ликование вчера, когда я сдал последний экзамен по марксизму-ленинизму. Вряд ли мир может когда-нибудь казаться более прекрасным, чем в такие минуты. Я готов был расцеловать первую попавшуюся девушку, болтать с ней о чем угодно (только не об экзаменах) до бесконечности, прыгать и скакать от радости – одним словом, «телячий восторг».

Итак, я студент 3-го курса. Это звучит уже как будто более внушительно, чем, скажем, первого или второго, но все же это еще не предел. Два года учебы и упорного труда остались позади. И так вся жизнь мчится незаметно, оставляя порой или глубокие впечатления, или безнадежную пустоту... А все же какое счастье дано человеку – познать и горечь неудач, и радость побед! Проживешь эдак лет 40, попытаешься понять всесторонне жизнь и – не успеешь оглянуться, смотришь, уж состарился. И думаешь тогда: как могло такое случиться, что так быстро время пролетело! И начинаешь понимать и замечаешь, как коротка она, человеческая жизнь. Философия... Фантастика... Фатализм...

Этот почти трехмесячный период ничем особенным не отличался: те же занятия, общественная работа, хозяйственные заботы, приезд тети в Ленинград, укрепление связей с Борисовом, стабильность во взаимоотношениях со студентками группы и факультета, равнодушие к танцам и отчасти вечерам. Предэкзаменационная суeta и, наконец, сессия, результатами которой остался недоволен, так как из пяти предметов четыре сдал на «5», а один на «4». Это привело к лишению 25-процентной надбавки к стипендии, хотя сама надбавка всегда дело временное.

Сейчас, после сдачи экзаменов, нужно навестить всех ленинградских знакомых, выполнить ряд неотложных дел, а затем махнуть на лето в Борисов по неоднократному приглашению сестренки. Судя по всему, эта борисовская поездка может оказаться для меня судьбоносной.

23 июля. Я в Борисове! 10 июля в 18.30 поездом Ленинград–Киев выехал на отдых в Борисов. 11 июля в 19.30 был в Орше, рано утром 12-го пригород-

ным поездом прибыл на станцию назначения. Ни для кого не секрет, что мой приезд и пребывание в Борисове могут дать самые неожиданные результаты. Именно на это я сам рассчитываю. Приехал, отложил все визиты к знакомым, все время посвящая осуществлению своего плана. А связь с Р. пока крепкая, хотя и какая-то скачкообразная.

За прошедший год второкурсница еще больше похорошела. Среди всех девушек на 2-м курсе географического факультета Белорусского госуниверситета, проживавших в 29-й комнате студенческого общежития, самой симпатичной и привлекательной во всех отношениях как в жизни, так и на фотографии, была безусловно Рая. Естественно, просматривая ее фотографии, я не мог не забрать с ее молчаливого согласия именно это коллективное фото, сделанное еще 22 апреля 1948 года (*фото 35*). Не скрою, притягательная сила этой девушки особая и необыкновенная.

В настоящую минуту, когда я делаю эти записи, лежа на одеяле в садике, стрелки часов показывают ровно 16.00, мысли витают в облаках: они хаотические и неупорядоченные. Сколько проектов, в том числе и полуфантастических. Ужас! В данную минуту просто не хочется описывать то, о чем я сейчас думаю, о чем мечтаю... Какие-то невразумительные мысли заполнили мою голову. Как хотелось бы поскорее покончить с какой-то неопределенностью и разрешить, наконец, женский вопрос... Написал и отправил письма в Ленинград Грише К. и в Подольск Грише М.

Днем – на Березину, в парк или в кино (в каком-то длинном деревянном сарае на проспекте Революции), вечерами – временами до рассвета – с Раем на деревянной скамеечке в саду у Ани, благо мы в одном доме. Как это удобно в такое беспокойное время, но и ответственно. О чем только не говорили: видимо, о многом и – намеками – о главном. Об этом, быть может, Рая когда-нибудь сама напишет...

В каком-то смысле я себя чувствовал более уверенно, потому что стал студентом 3-го курса и сомнений в окончании института, как бы трудно не пришлось, у меня уже не было. Даже расстояние, которое разделяло нас, не смущало. На полном серьезе мы обсуждали вопрос о моем переводе для продолжения учебы из Ленинграда в Минск, в университет, где до войны успел окончить один (1-й) курс физико-математического факультета. Мы много об этом говорили.

Ленив стал, как Обломов... Заканчиваю. Не без некоторого сожаления допишу лишь, что несколько дней назад семья Клебановых, Анины квартиранты, проживавшие у нее немногим более трех лет, переехала из Нового в Старый город, в купленный дом, который расположен не очень далеко от их бывшего, сгоревшего во время войны, – на улице Комсомольская, 18, недалеко от реки

Березины¹ (фото 33). Я помогал им в переезде на новое место жительства. Особенно запомнилась погрузка пианино – одного из первых Борисовской пианинной фабрики, купленного еще до войны для Раи и чудом уцелевшего у соседей, на котором она уже хорошо играла и к тому же пела.

1 августа 1948 года борисовская еврейская молодежь (10 юношей и девять девушек) – съехавшиеся из разных мест в Борисов на летние каникулы и местные (фото 40), – организовала однодневную поездку на пароме в верховья реки Березины. Время на природе мы провели весело и интересно, а впечатления от поездки сохранились надолго. Должен заметить, что из всех девяти девушек, как и среди второкурсниц географического факультета Белгосуниверситета, наиболее эффектной и привлекательной была наша бывшая квартирантка Рая К. Однако за Расей уже ухаживали усиленно, причем с серьезными намерениями и предложениями, такие видные борисовские еврейские ребята, как Касрилик, Борис Френдель, Миша Кроль, Гриша Шулькин, Наум, русский офицер, живший напротив, и другие (я даже всех не знаю). Будущее счастье могло легко ускользнуть, тем более что у меня кроме верных союзников (Аня, Фаня, Геня, Лиза, Моня, Моисей, папа Раи, Соня, Лазарь, другие соседи) было и немало явных противников, которые настойчиво предлагали другие варианты. Надо было поторапливаться, а, может, даже и торопиться...

А что сама Рая? Видимо, колебалась, и это понятно. Ведь впереди у нас были еще несколько лет учебы! Когда и где мы сможем жить вместе? *ווי קומט די קאץ איבערן וואסער?*². И материальное положение еще долго будет желать лучшего... Нет еще своего дома у родителей Раи, ее мама не может сказать своего веского слова и многое другое. Теперь, по истечении более чем 60 лет совместной жизни, я понимаю, перед каким сложным решением оказалась эта скромная девушка 21 года, которая начиная уже с девятого класса испытывала хамское к себе отношение и наглые приставания отдельных негодяев разных возрастов и положения, включая учителей, и не понаслышке знала, что такое подлость. Каково ей было? Тогда я не думал о Раиных сомнениях – слишком

¹ На этом заканчиваются все мои дневниковые записи в четырех книжках-блокнотах (фото 36–39). Первая из них – в черном переплете – была извлечена вместе с другими трофеями из ранца убитых немецкого офицера и его ординарца на фронте во время одной из боевых операций (в ней мои записи военного времени). Четвертая – тоже в черном переплете – была подарена 31 декабря 1947 года в Ленинграде однокурсницей Зиной Лагуткиной. Начало дневниковых записей относится к 10–11 марта 1944 года, когда я находился в 1-м Куйбышевском пехотном училище, а заканчиваются они 23 июля 1948 года, когда я гостил в Борисове у двоюродной сестрички Анечки. Дальнейшее – мои воспоминания.

² «Как может кошка перебраться через поток?» (*идиш*) – еврейская пословица, популярная в то время.

ошеломляющим для меня самого было событие, но теперь-то я доподлинно знаю, что она сомневалась.

После переезда Раи в Старый город мои походы к ним домой стали регулярными, практически ежевечерними, но значительно более сложными и опасными. Дело в том, что Новый город и Старый располагаются по обе стороны реки Березины. Чтобы попасть из одного в другой, надо либо перейти мост, сделав при этом почти двухкилометровый круг, либо переправиться на пароме, до которого из Старого города добираться по узенькому деревянному качающемуся мостику длиной с километр над затопленной поймой реки.

Примитивная паромная переправа обеспечивала, главным образом, перевозку работников дневных и вечерних смен предприятий, расположенных по обе стороны реки. Паромом служила большая лодка, управляемая паромщиком с помощью специальной деревянной колотушки и натянутого над рекой металлического провода.

...В августе вечерет довольно поздно, и возвращаться приходится в 2–3 часа ночи (ранее ведь нет никакого резона!). В одиночку идешь в такое позднее ночное время по вышеописанному качающемуся мостику, а кругом – не видно ни зги, только слышатся отдельные редкие выстрелы, порой душераздирающие крики, собачий лай и кошачий визг, какие-то непонятные шумы и звуки. С некоторой опаской добегаешь до берега, а там, оказывается, что паромщик не на этом, а на противоположном берегу и спит себе спокойно в лодке, пока его не разбудит кто-то, кому надо перебраться на этот берег. Кричать или будить паромщика с этого берега абсолютно бесполезно. Вот и ждешь случая, пока такой же, как и ты, задержавшийся на свидании молодой человек или еще кто-нибудь не разбудит паромщика, и тогда в тебе воскреснет надежда: скоро окажусь наконец на другом берегу, а там до дома минут 15 ходьбы. Примерно в таком режиме я совершал свои августовские походы к Рае. Иногда не без упреков Ани.

10 августа Рая подарила мне две прекрасные фотографии, хотя и без дарственных надписей. С одной из этих фотографий впоследствии был сделан большой портрет, который, к сожалению, пропал вместе с другими во время эмиграции. Вскоре вместе с фото я получил и оригинал... Самым знаменательным и судьбоносным из всех дней этого года, да и всех последующих лет, стало 19 августа 1948 года, когда по взаимному согласию мы решили заключить брачный союз.

С регистрацией тоже все обстояло не так просто: одна «доброжелательница», воспользовавшись своим положением и должностью, всячески препятствовала в выдаче Рае необходимых документов, но в конце концов все уладилось (*фото 41, 43*). Регистрация прошла в полуразрушенном кирпичном здании на проспекте Революции в Ново-Борисове. Нашими свидетелями

стала родственная пожилая пара: Борис Курман и его супруга, которые после многих лет совместной жизни одновременно с нами решили оформить свой брак¹. Днем после регистрации нас встретили у калитки дома родители Раи и ее тетя Фейга. В этот же день я сфотографировал центр Старого города, а на завтра мы с Раей поехали ночевать к Ане, на старую квартиру.

Некоторое время Рая стеснялась называть меня «муж», на что уже имела полное право, поэтому на своей фотографии, которую подарила мне, скромно написала: *г. Борисов, 1948 г. 26 августа. За три дня до отъезда Михаила*². И все. 29 августа я уехал на учебу в Ленинград в качестве женатого студента 3-го курса, а через два дня Рая уехала в Минск продолжать учебу в качестве замужней студентки 3-го курса. Мы разъехались в разные стороны, не успев привыкнуть друг к другу в новом качестве.

Моя женитьба была воспринята студентами-однокурсниками с пониманием, но некоторыми студентками-однокурсницами – с сожалением. Таким образом, из нас троих, проживавших в одной комнате, я и Ваня Кунаев были женатыми, а Миша Мурылев оставался холостяком, и отныне все женские стрелы были направлены в эту цель.

Ну а мы? Кроме не очень приятных хлопот с занятиями прибавились приятные заботы по налаживанию и поддержанию нашей почтовой связи. Письма в сторону Минска и обратно шли более чем регулярно. Это были многостраничные послания с описанием студенческой жизни и быта, которые Исаак, Раин брат, назвал «записками сумасшедшего»³.

На одной фотографии (*фото 42*) появилась первая долгожданная надпись женатого мужчины любимой жене: *Любимой жене Раечке от мужа Михаила. 19 сентября 1948 г., г. Ленинград*. Вторую фотографию с какой-то глуповатой огромной надписью отправил Рае в Минск 29 октября 1948 года. На обороте написал: *Любимой Раечке от ее медведя. В день XXX летия ВЛКСМ. 29 октября 1948 года. Ленинград, ЛПИ*. Причем тут 30-летие ВЛКСМ (пусть уж будет «медведь»!), один Б-г знает: я тогда точно не знал.

¹ Борис Курман (черный) работал вторым секретарем Борисовского горкома партии. Его брат – Борис Курман (белый) – был женат на Лизе (двоюродной сестре Раи) и руководил городским пассажирским транспортом г. Борисова.

² «Семь дней после регистрации брака», – добавил я потом.

³ Более трех лет – до момента окончания мной Политехнического института – продолжалась эта регулярная и внушительная по объему переписка: около 200 писем – около 1000 страниц. По существу, это был многостраничный подробный дневник за период с 1 сентября 1948 по 31 декабря 1951 года. И как жаль, очень и очень жаль, что эти бесценные для нас письма того начального периода совместной жизни, которая фактически продолжалась лишь во время летних и зимних каникул, по ряду причин мы не смогли привезти в Америку во время нашей непростой эмиграции. Они пропали.

В учебе и переписке время пробежало быстро, и незаметно подкралась зимняя экзаменационная сессия. Как и раньше, весело встретили в студенческой компании Новый год – 1949. Экзамены сдавал нормально, постарался один даже сдать досрочно, чтобы раньше выехать на зимние каникулы и таким образом увеличить на 4–5 дней время пребывания в Борисове. На этот раз впервые в своей жизни я торопился к молоденькой и симпатичной жене. Какая благодать!

До отъезда из Ленинграда я побывал у Гриши Когана, который сообщил о предстоящей в январе своей женитьбе на Ане. 17 января 1949 года Гриша и Аня подарили мне общую фотографию (*фото 44*) с надписью на обороте: *На добрую память моему двоюродному брату Семе¹ от Гриши и Ани. 17.01.49. В день отъезда на великое дело – свадьбу. Коган.* Мою прошлогоднюю женитьбу Гриша одобрил.

В Борисов я летел как на крыльях и еле дождался, пока наконец показался знакомый мне Борисовский вокзал. Здесь меня ждала не только соскучившаяся молодая жена, но и большой сюрприз: родители Раи (*фото 45–46*) решили устроить свадьбу, хотя это было совсем непросто в то время и в тех условиях, не говоря уже о материальных затратах. Особенно настаивал на этом отец Раи Фала Ирмович – чрезвычайно умный и в высшей степени порядочный человек². «У меня одна дочь, – сказал он. – И я хочу сделать свадьбу, чего бы это мне ни стоило...» Торжество решили устроить дома. Рассчитывали примерно на 40 человек, из которых трое – родители Дины (Соломон и Роза Лякеры) и моя тетя Фаня – должны приехать (и действительно приехали) из Москвы. Чтобы на всех в доме хватило места, мне пришлось разобрать деревянные перегородки, отделявшие меньшую и большую спальни от зала. 5 февраля 1949 года все приглашенные 40 человек уселись за большим и длинным П-образным столом, в центре которого были, естественно, Рая и я. Рядом, по обе стороны от нас, сидели родители Раи, Моисей (*фото 47*) с Диной и Исаак (*фото 48*), тетя Фаня, Лякеры, Мессерманы, родные и приглашенные гости.

Что запомнилось на этом свадебном торжестве? Красивое крепдешиновое в цветочек платье Раи, специально сшитое к свадьбе из привезенного тетей Фаней в подарок материала, и настойчивое требование Дины сшить и ей такое же красивое платье, что и было выполнено. Мой первый за послевоенные годы бо-стоновый костюм, который по заказу родителей Раи был сшит к свадьбе дядей Залманом – портным, славившимся как мастер экстра-класса на весь Минск.

¹ При рождении мне дали имя Симен-Мота (имя дедушки по маме). Ленинградцы и москвичи звали меня Семой.

² Отца Раи в Борисове многие называли «Фалэ дэр клугер». Фала – פאלע דער קלוגער – умница (*идиш*).

Запомнились проведенная по настоянию тети Фани незатейливая, по тому времени и месту, хупа, для которой необходимо было набрать (и набрали!) 12 мужчин, и написанная приглашенным ребе кетуба¹; столы, уставленные различными, необыкновенно вкусными и красивыми блюдами и спиртным; громадная, около метра длиной, китка (плетенка), которая лежала на столе перед женихом и невестой, выпеченная специально из трех килограммов пшеничной муки умелыми руками добрейшей тети Бейли, очень любившей Раю; огромный красивый свадебный торт; многопредметный фарфоровый столовый сервиз, подаренный кем-то из гостей (несколько тарелочек и блюдец из которого есть у нас до сих пор), и особенно инцидент, происшедший с Моисеем и Исааком перед самой свадьбой и чуть не стоивший им жизни.

Когда начало уже смеркаться и стали собираться гости, Исаак предложил Моисею прокатиться с ветерком на стоящем во дворе трофейном мотоцикле. Предложение было принято, и скоро лихая парочка – Исаак за рулем и Моисей на заднем сиденье – на большой скорости помчалась по улицам старого города, быстро переехала мост через Березину и – недалеко от железнодорожного переезда свалилась в кювет. В ссадинах, окровавленные, вернулись они уже в темноте. Как раз в это время мы, обеспокоенные их отсутствием, вышли во двор. Оперативно, без лишней паники и суеты, Рая вынесла большой кувшин с водой и полотенце. Моисей и Исаак быстро стали приводить себя в порядок и вскоре уже сидели вместе со всеми за свадебным столом. Что же случилось? Оказалось, какой-то мерзавец-шутник натянул через дорогу металлическую проволоку, причем перед самым железнодорожным перекрестком, на высоте человеческого роста. В последнюю минуту проволоку заметил Моисей, мгновенно силой нагнул голову Исаака и свою, и так они избежали верной гибели. Мотоцикл при этом не мог не слететь в кювет... Этот случай со счастливым исходом запомнился на всю жизнь.

Как не странно, почему-то никто не сделал хотя бы несколько фотографий на память об этом счастливом для нас вечере. Зато сохранилась подаренная семьей Мессерманов художественная открытка с надписью: *Любящей паре Раечке и Мише. Лет до ста расти Вам без старости. В день свадьбы Раечке и Мишеньке. 5 февраля 1949 г.* Никогда не забыть мудрую прозорливость и щедрую доброту Сони Арониной, соседки Раиной мамы, предложившей нам по окончании свадебного вечера отдельную красивую спальню в своем доме

¹ Документ на иврите, удостоверяющий согласие жениха и невесты вступить в брак и перечисляющий обязательства мужа по отношению к жене; выдается рабанутом и имеет в ряде стран, особенно в Израиле и Америке, силу юридического документа наравне с брачным свидетельством, выданным каким-либо светским госучреждением (загс, мэрия и т. д.); см. *Приложения 11, 12.*

с шикарной, сверкающей белизной кроватью... Вечная благодарность вам, дорогие и добрые люди!

...Закончилась свадьба; я быстро вернул на свои места в доме деревянные перегородки, и все стало по-прежнему. А через несколько дней – 8 февраля – с большой неохотой я уезжал в Ленинград продолжать учебу – подходили к концу зимние каникулы. Вскоре то же самое пришлось сделать и Рае – уехать на учебу.

А в Политехническом снова лекции, семинары, зачеты, общественная работа... Одним словом, обычная студенческая жизнь, только я уже в новом качестве. С Раей продолжалась переписка. В письма ей часто вкладывал фотографии из студенческой жизни. И из Борисова прибывали объемистые конверты с письмами и фотографиями. Вот одна из них очень дорогая сердцу – Раечка в свадебном платье (*фото 49*), с памятной надписью: *Храни фото, если дорог оригинал. Дорогому, милому Мишеньке от Раи на память. г. Борисов. 22 мая 1949 года.* Я бы первую строчку написал по-другому: «Храни оригинал, если дорого фото...» Этот снимок был сделан предположительно заведующим Борисовским домом пионеров Леоничевым, о котором у Раи сохранились хорошие воспоминания. А вот фото Раи от 30 апреля 1950 года тоже в свадебном платье (*фото 50*) сделал Наум – ее двоюродный брат и профессиональный фотограф, сделал с душой и качественно.

После успешной сдачи экзаменов и зачетов 20 июня нас направили на первую полуторамесячную производственную практику. У нас, студентов-энергетиков, она проходила в самом Ленинграде на наиболее крупной в то время ЛЭС (Ленинградской электростанции – 5-й ГРЭС), расположенной на Неве на окраине города. Кроме работающих котлов, турбин, генераторов и других агрегатов электростанции запомнилась броская красная жирная линия на внутренней стене нижней части здания. Эта линия указывала на наивысшую отметку, до которой поднималась вода во время наводнений, а они случались довольно часто, и затапливалось оборудование. Во время практики часто посещал Гришу с Аней, и мы вместе отправлялись на природу. Сохранилось несколько фотографий того студенческого периода, одну из них отправил вместе с письмом Рае в Борисов.

6 августа окончились производственная практика и 3-й курс, и начались летние каникулы. Я, естественно, помчался в Борисов. После полугодовой разлуки так хотелось быть поскорее вместе с молоденькой женой, по которой ужасно соскучился! Мы не успели оглянуться и побыть вместе столько, сколько нам этого хотелось, а летние каникулы уже подошли к концу, и надо было собираться снова на учебу в Ленинград. Не осталось ни одной хорошей памятной фотографии этого счастливого, хотя и короткого времени, за исключением двух неважных, но очень дорогих: обе сделаны в Борисове 10 августа

1949 года. За несколько недель до моего отъезда Рая поведала мне маленькую, но очень обрадовавшую меня семейную тайну – первую в нашей совместной жизни.

В начале октября я уже был на месте, и студенческая жизнь завертелась своим чередом. Опять занятия, общественная работа, переписка. В конце месяца отправил в Минск Рае вместе с очередным письмом две мини-фотографии (от 20 и 23 октября), мой вид на которых говорит сам за себя. Будучи студенткой 4-го курса, Рая к этому времени оформила академический отпуск в университете и вернулась домой, в Борисов, где начала работать в городской библиотеке, находящейся во Дворце пионеров, неподалеку от дома. Переписка с приложением фотографий из жизни студента 4-го курса (*фото 51–52*) продолжалась. В то самое время, когда моя учеба на завершающем этапе 4-го курса была в самом разгаре, Рая бодро вышагивала на работу в Борисовскую городскую библиотеку, а мама уделяла ей максимум внимания и заботы. На это, разумеется, были все основания: через несколько месяцев в нашей молодой семье ожидалось появление самого Главного...

За трудовыми буднями незаметно подкрался Новый год – 1950-й, а с ним и зимняя экзаменационная сессия. Встреча Нового года плохо запомнилась, так как в это время мои мысли были не рядом с конспектами и учебниками, по которым предстояло сдавать очередной экзамен, а, главным образом, где-то далеко, в Борисове. Я все мудрил, как мне досрочно сдать последний экзамен и выехать туда на несколько дней раньше. Скорее всего, как всегда, по традиции сходили в институт на новогодний студенческий вечер. Возможно, именно на этом вечере выступал со своими песнями композитор Соловьев-Седой. В один из последних январских экзаменационных дней – 22 января 1950 года – основная часть нашей группы решила сфотографироваться. А через день я уже приехал в Борисов на зимние каникулы, прихватив с собой свежие фотографии (*фото 53–54*).

Первомайский праздник мы – исключительно мужская студенческая компания – отмечали в 147-й комнате нашего общежития. 11 мая вместе с письмом отправил в Борисов первомайское фото, на котором «зафиксированы» Миша Мурылев – единственный оставшийся холостяк из нашей тройки, – и я с папиросой и гитарой.

И вот, наконец, наступил долгожданный день и долгожданное событие – 14 мая 1950 года в Борисове родился сын, которого по обоюдному согласию мы назвали Леней – в память моего безвременно погибшего отца Лейзера в гетто местечка Черее 6 марта 1942 года, добрейшего человека. Вес и рост новорожденного были весьма приличными. До сих пор сохранились повязочки, которые были на его ручках в роддоме. Кто принес мне телеграмму с этим радостным известием прямо на занятия, что я делал после получения этого

радостного известия – не помню. Зато хорошо запомнил, что первыми меня поздравили мои друзья по комнате – Миша Мурылев и Ваня Кунаев, а затем поодиночке и мелкими группками наши студентки и студенты. Я еще толком не мог понять того, что стал отцом семейства. Кто к Рае пришел в этот и последующие несколько дней в борисовскую больницу, ей хорошо запомнилось, равно как и те большие букеты только что распустившейся майской сирени, которые они принесли.

Еле дождавшись окончания учебы, досрочной сдачи последнего экзамена за 4-й курс и производственной практики на Дубровской ГРЭС с 15 июня по 1 августа 1950 года, стремглав помчался в дорожную кассу Витебского вокзала Ленинграда и обзавелся заветным билетом на ближайший поезд, следующий через Оршу¹. Долгожданные летние каникулы в Борисове, когда нас уже трое. Из множества сделанных во время летних каникул фотографий одна, совсем немудреная (*фото 55*), выполнена незадолго до моего отъезда на учебу в Ленинград. На ней Лене, которого бабушка держит на руках, четыре месяца и одна неделя.

20 сентября 1950 года. Как быстро все же бежит время: еще совсем недавно я отдыхал в Борисове, а сейчас опять полон забот в Ленинграде. Правда, я уже студент 5-го курса (*фото 57*), а это как-никак весомее звучит, чем три года тому назад. С китем послевоенного «доинститутского» времени не расстаюсь – слишком много воспоминаний с ним связано. Наряду с учебой продолжается и общественная работа. В последний день старого 1950 года часть студентов нашей 573-й группы сфотографировалась возле главного корпуса института (*фото 58*).

Новогодний праздник – встреча 1951-го года – ничем особенным не отличался от других. Тот же общеинститутский вечер, та же зимняя предэкзаменационная суeta. Но за эти четыре с лишним года наши студенческие ряды изрядно поределели. Если в начале учебы в нашей группе энергетиков было 29 человек, то к зимней сессии осталось всего 16. Для меня же наступающий год был знаковым. Прежде всего это завершающий учебный год, к концу которого я должен получить диплом об окончании Ленинградского политехнического института по специальности «инженер-экономист энергетического производства».

Это год воссоединения нашей небольшой пока еще семьи; год, когда мы, наконец, после почти трех с половиной лет врозь начнем совместную жизнь. А пока я отправил к Новому году Рае и маленькому сынишке объемистое

¹ В Орше всегда пересаживался на любой поезд дальнего следования или пригородный, идущий на Минск.

письмо с новогодними поздравлениями, а через полтора месяца – к 25 февраля – поздравление Рае с днем рождения. В мой же день рождения мы сделали общее фото нашей неразлучной тройки, прожившей не один год в одной комнате. Но самый дорогой для меня подарок я получил к этому дню от Раи из Борисова – фото почти годовалого Лени.

Как всегда, 1 Мая ходили на демонстрацию. Чтобы добраться от нашего общежития до Дворцовой площади, где она обычно проходила, нас поднимали в 4 утра. Все праздничные демонстрации, включая и эту первомайскую, были очень долгими и утомительными: практически они продолжались весь световой день. 2 мая состоялась приятная встреча у Гриши и Ани с приехавшими из Москвы тетей Фаней и семейством Муси. 17 мая, незадолго до окончания 10-го семестра, состоялся групповой вечер, посвященный окончанию занятий, с участием руководства кафедры. На нем присутствовали почти все студенты нашей группы. А чуть раньше – 13 апреля – наша группа 5-го курса почти в том же составе сфотографировалась в экономическом кабинете (*фото 59*). И такую фотографию я вместе с письмом отправил в Борисов, снабдив ее соответствующим посвящением: *Любимой жене, которой учеба посвящается, на память. Михаил. Ленинград, 5-й курс, ЛПИ. 16 апреля 1951 г., фото от 11 апреля 1951 г. Последняя лекция по курсу организации и планирования энергетического производства проф. Болотова В. В., ауд. 234 гл. зд.*

Знаменательным оказался месяц июнь, и не только для меня, но еще больше для Раи, так как 17-го она приехала ко мне в Ленинград, зная, что больше такой возможности в обозримом будущем может и не быть, и пробыла до 28-го. В этом прекрасном городе, где я прожил более пяти лет, она оказалась впервые. Мои студенческие друзья – Миша Мурылев и Ваня Кунаев – создали нам все необходимые условия для временного проживания в комнате: они попросту переселились на время в другие комнаты. Надо еще учесть, что вместе с Раей в Ленинград приехал и сын Ани Фима, у него здесь на Кутузовском проспекте жили родственники по линии Аниного мужа, у которых он в основном находился.

Какие трудности и сложности пришлось преодолеть Рае дома, в Борисове, прежде чем осуществилась ее заветная и вполне законная мечта поехать в Ленинград к мужу, знает лишь она одна. Но, к счастью, поездка состоялась, и мы имели чудесную возможность основательно познакомиться с неповторимой красоты городом, с его памятными местами, многочисленными каналами и разводными мостами, с незабываемыми ленинградскими белыми ночами.

На следующий день после приезда Раи – 18 июня – Миша Мурылев и Тая Буймова, с которой он уже основательно и бесповоротно подружился, устроили нам торжественную встречу в новой комнате. Они и еще несколько девушек очень тепло поздравили нас с бракосочетанием и рождением сына.

Я фотографировал Раю в разных достопримечательных местах Ленинграда (фото 56), которые мы посетили: на Неве, напротив Петропавловской крепости и Академии наук, возле крупнейшего магазина напротив Пушкинского театра, у Исаакиевского собора и возле Медного всадника, у величественного памятника Екатерине, державно возвышающийся на большой открытой площади, о которой ленинградцы говорят, что «у Екатерины слева – образование (библиотека Салтыкова-Щедрина), справа – воспитание (Дворец пионеров), сзади – культура (Пушкинский театр), а перед ней – торговля (роскошный Елисеевский магазин)».

23 июня Рая, Фима и я выехали в Борисов: первые двое – домой, а я – на летние каникулы. В августе я много фотографировал: и Раиных родителей, и дом на улице Комсомольской, 18, с которым связано так много дорогих воспоминаний, и Леню в различных вариациях. Снимок родительского дома и фотографию Лени я отправил Рае, уже вернувшись на учебу в Ленинград. А тем временем подходила к концу учеба, закончен 5-й курс, 1 сентября началась месячная преддипломная практика. На кафедре была определена и утверждена тема моего дипломного проекта, название которой так врезалось в мою память: «Расход электроэнергии механизмами собственных нужд оборудования высокого давления и мероприятия по его снижению», – что и спустя более полувека я ее помню назубок.

Руководителем моего дипломного проекта, очевидно по рекомендации зав. кафедрой экономики доктора технических наук профессора Валериана Владимировича Болотова, любезно согласился стать главный инженер Ленэнерго Владимир Николаевич Герасимов. Он оказался эрудированным инженером и замечательным человеком, который затем помог мне ценнейшими советами в работе над дипломом. Местом преддипломной практики были определены Дубровская ГРЭС Ленэнерго и Ленинградское отделение проектного института «Теплоэлектропроект».

...В один из сентябрьских дней ранним утром раздался телефонный звонок на кафедре экономики. «Говорит главный инженер Ленэнерго Герасимов, – представился сотруднику кафедры Владимир Николаевич. – Передайте, пожалуйста, студенту Миркину, чтобы он связался со мной по моему имеющемуся у него номеру телефона. Спасибо». Эта просьба была мне незамедлительно передана, и по телефону мы обо всем необходимом договорились.

Назавтра в 9 утра я уже был возле здания Ленэнерго, а через 10 минут сидел в машине главного инженера, направлявшейся на Дубровскую ГРЭС, что в 30 километрах от Ленинграда. «Надеюсь, вы не забыли взять с собой все необходимые материалы для краткого доклада на производственном совещании начальников цехов и их заместителей, назначенного на 11 утра, – напомнил

Владимир Николаевич. – Будьте готовы отвечать на все их вопросы, связанные с предлагаемыми вами мероприятиями по снижению расхода электроэнергии на механизмы собственных нужд. Не робейте, держитесь смелее...» Нет необходимости описывать состояние студента-пятикурсника, первый раз в жизни выступающего перед такой высокоэрудированной аудиторией с конкретными рекомендациями. А ведь рекомендации, адресованные опытным производственникам – руководителям цехов электростанции, были как раз частью темы моего дипломного проекта. Не единожды во время производственного совещания Владимир Николаевич, заметив мою неуверенность или неубедительность, а временами и заминку с ответом, брал инициативу в свои руки и с глубоким знанием проблемы доброжелательно комментировал мои высказывания и соображения.

В декабре после моей успешной защиты дипломного проекта Владимир Николаевич с присущей ему интеллигентностью сказал несколько лестных слов в мой адрес и на прощание попросил начертить ему лично несколько ватманов (больших листов), аналогичных тем, которые были у меня на защите. Как оказалось, Владимир Николаевич готовил кандидатскую диссертацию на ту же примерно тему, что и мой дипломный проект. Как бы извинившись за такую просьбу, он сам сказал мне об этом.

Второй запомнившийся случай – это служебная записка Владимира Николаевича как руководителя дипломного проекта главному инженеру Ленинградского отделения ТЭПа с просьбой ознакомить студента Миркина со всеми имеющимися материалами по проектируемой их отделением крупнейшей электростанции с оборудованием высокого давления большой мощности, а также оказать всяческое содействие в сборе необходимых материалов. Представленная документация, в значительной части закрытого типа, очень помогла мне в подготовке дипломной работы. Я получил полное представление о мощной тепловой электростанции высокого давления. Кто мог тогда предположить, что вскоре я поеду в Сибирь работать (по распределению) на ту самую электростанцию, лентэповскими чертежами и материалами которой я, по любезной просьбе Владимира Николаевича, пользовался при подготовке дипломного проекта? Забегая вперед, скажу – счастливый случай свел нас вновь с Владимиром Николаевичем, но уже в другом месте и по другому поводу.

Я заканчивал работу над дипломом и одновременно активно участвовал в подготовке торжественных мероприятий, связанных с выпуском молодых специалистов: инженеров-экономистов энергетического, металлургического и машиностроительного профиля. Для этого мы еще летом сделали фотографию главного корпуса нашего института, в стенах которого провели более пяти трудных послевоенных лет, а в память о Ленинграде и институте – фото

прекрасного фонтана «Ева» в Петродворце и коллективную фотографию выпускников 1951 года¹. На завершающем этапе учебы в институте регулярную переписку поддерживал только с Раей, эпизодическую же – с самым близким мне по духу двоюродным братом Гришей Михалевичем (*фото 60*).

...Вот и прошла в первой декаде декабря долгожданная волнующая защита, и, вопреки ожиданию, наилучшим образом. Один Б-г и я знаем, какой тяжкий груз в этот момент упал с моих плеч. Решением госкомиссии от 13 декабря 1951 года мне была присвоена квалификация инженера-экономиста, и таким образом более чем пятилетний марафон успешно завершился! Быстрее в Борисов, к любимым жене и сыну, которые не один год так терпеливо меня ждали и ровно столько же их ждал я...

Прощальный выпускной вечер – один из многих, прошедших за время учебы в институте, но этот, последний – какой-то особенный, не похожий на другие. Больше никогда не будет такого вечера и в таком составе, и от этого становится немного грустно. Отныне у каждого из бывших студентов дорога своя, а до этого была у всех общая. Как сложатся дальше наши судьбы? Обмен адресами и наскоро сделанными фотографиями, прощальные рукопожатия и обещания в повседневной суете не забывать друг друга, последний беглый взгляд на институтские учебные корпуса и общежитие, и – можно собираться в путь-дорогу.

Полученное предложение – выбрать из двух мест какое-нибудь одно – немедленно передал по телефону Рае в Борисов. Немногим более суток они обсуждали предложенные варианты, столько же времени и я потратил на наведение справок и получение каких-либо рекомендаций. Единственное, что мне было сказано при распределении, – в районе расположения объекта п/я 25 работает около 100 тысяч человек. Довольно загадочно и неопределенно. Мы с Раей пришли к единому мнению: ехать не в Кемерово – город угольщиков и химии, угольной пыли и страшной загазованности, а на неизвестный объект в Иркутскую область. Я дал согласие на работу в этом районе и, не дождавшись официального вручения дипломов, назначенного на третью декаду декабря, поехал к семье в Борисов.

...Сидя в вагоне скорого поезда Ленинград–Орша–Киев, стал вспоминать все детали прошедшего накануне защиты распределения мест будущей работы и, размышляя, не смог найти удовлетворительного ответа на некоторые вопросы, в том числе и на главный – по какому принципу нам, студентам-выпускникам, были формально предложены, а на самом деле заранее определены для каждого места будущей работы? Этот вопрос, оказывается, тревожил

¹ К великому сожалению, эта фотография вместе с другими была утеряна в 1988 году во время эмиграции в США.

не только меня: над ним задумывались и Женя Цейтлин, и Алик Тверской, и Самуил Гиворгинер, получившие при распределении, как и я, самые отдаленные и глухие сибирские и уральские места.

Почему? Ведь по уровню успеваемости, а именно он, как нам до этого разъясняло руководство факультета, определял очередность в выборе имеющихся в списке мест работы, мы находились в первой шестерке при наличии восьми мест только в самом Ленинграде¹? Почему, например, Женя Цейтлин – фронтовик, коренной ленинградец с ленинградской пропиской, второй по успеваемости – должен поехать на ГРЭС в Свердловскую область (Урал), а Анатолий Макаров, скажем, не имевший ни того, ни другого и ни третьего, получил направление в Ленинградское отделение проектного института «Теплоэлектропроект»? Или, к примеру, Алик Тверской с теми же показателями, что и у Жени, но без ленинградской прописки должен отправиться на Кемеровскую ГРЭС (Кузбасс, Восточная Сибирь), а Слава Смирнов, который почти никогда не ходил на занятия, вечно просыпал и беззаботно жил, остался работать в Ленинграде на 5-й ГРЭС? Аналогичный вопрос я задавал и о себе. Почему мне предложили поехать по распределению либо на Кемеровскую ГРЭС, либо на неизвестный мне в то время объект п/я 25 на станции Китой Восточно-Сибирской железной дороги? Не отголосок ли это недавнего прошлого, когда в институте, как и по всей стране, была развернута невиданная по размаху и жестокости позорная кампания борьбы с космополитизмом и «безродными» космополитами², как их тогда официально называли? К их числу относили едва ли не каждого еврея – преподавателя или студента. Сколько невинно оклеветанных преподавателей-евреев было тогда уволено из института, и среди них первым декан нашего факультета профессор Непорент! В противовес инородному и вообще заграничному прославлялось только русское, причем во всех областях науки и техники.

Вспомнилась изданная в те годы омерзительная книга институтского профессора Данилевского «Русская техника» – произведение, полное бессовестных подтасовок, замалчивания истинных фактов и наглой лжи, которая рекламировалась, изучалась и превозносилась как образец истинного патриотизма. Лучше и спокойнее, когда не думаешь об этом, хотя и забыть невозможно. Надо думать о том, что скоро, уже совсем скоро будет долгожданная встреча с любимыми женой и сыном. И вот этот момент наступил.

Встретились! Возмужал Леня – ему уже год и семь месяцев, похорошела Рая, немножко постарели родители. Хорошо и уютно чувствуют себя кварти-

¹ В Ленинграде места были в Ленинградском отделении ТЭПа, на 5-й ГРЭС и на нескольких заводах по производству энергетического оборудования.

² Эта кампания прокатилась по СССР в 1948-49 годах.

ранты из семейства Тодриных и их глава Миша, добропорядочный семьянин и Раин покровитель. Обсудили наши семейные дела и проблемы. Все согласились с тем, что в неизвестное пока место сначала я поеду один, оформлюсь на работу, решу жилищно-бытовой вопрос, и только после этого – не раньше чем через полгода – Рая с Леней приедут ко мне. Но это будет потом, а пока мы впервые всем молодым семейством вместе с родителями встретили новый 1952 год. Диплом Д № 041168, регистрационный номер № 10721, выданный в 1952 году, подписанный председателем Государственной экзаменационной комиссии профессором Кадачиговым и ее членами и скрепленный гербовой печатью, в твердом переплете, а также соответствующий институтский ромбовидный металлический значок, как и было обещано в Ленинграде, прибыли в десятых числах января. Естественно, «обмывали» мы его дома, в расширенном составе и неоднократно.

Вечером 8 Марта я, отпраздновав должным образом Международный женский день и успев до этого посмотреть в кинотеатре две серии нашумевшего кинофильма «Тарзан», сел в поезд Минск–Москва и отправился на восток. Положенный отпуск я сознательно продлил почти на месяц. Сделал в Москве суточную остановку, переночевав у Муси и успев посмотреть третью серию «Тарзана», 10 марта я отправился на Ярославский вокзал оформлять билет на поезд Москва–Иркутск или Москва–Владивосток до станции Китой Восточно-Сибирской железной дороги. В билетной кассе долго искали такую замысловатую железнодорожную станцию: ведь кассиру надо было выписать билет с указанием точного места назначения и тарифа. Наконец, она определила, что эта станция находится в 50 километрах не доезжая Иркутска и что поезда там не останавливаются. Проблему тарифа, которая меня вовсе не волновала, кассир решила с легкостью для себя: раз и Китой, и Иркутск в одной тарифной зоне, то и плата одинаковая. Но вот как быть с остановкой, которой нет в расписании? Попросил оформить билет с указанием этой станции, на свой страх и риск.

Поздним вечером 10 марта 1952 года я сел в общий вагон пассажирского поезда Москва–Владивосток (билетов на плацкартные и купейные места в кассе не было), и вскоре Ярославский вокзал скрылся из виду... Из беседы с проводницей выяснилось, что к месту назначения прибуду лишь на восьмые сутки. Что касается Китоя, она посоветовала связаться с начальником поезда: он может попросить машиниста сделать кратковременную остановку. Так оно и произошло.

Ангарский период (18 марта 1952 – 3 августа 1963)

Ранним утром 18 марта, подъезжая к пустынному полустанку с небольшим строением барачного типа посреди леса, поезд притормозил и остановился на несколько секунд. За одно мгновение выбросив вещи и лихо выпрыгнув из плацкартного вагона (в дороге успел поменять место), только и успел заметить машущую руку проводницы поезда, мгновенно скрывшегося за поворотом. Вот и приехал!.. Где тут город, где хоть какой-нибудь поселок, где вообще тут люди? Кругом таежный лес, мертвая тишина да крепкий сибирский мороз. Как хорошо, что в Борисове, благодаря заботе Раи, обзавелся военным полубком, валенками, шапкой-ушанкой и теплыми рукавицами!

Взяв в руки дорожный чемодан и вместительный вещмешок, пошел вдоль железнодорожного пути в надежде встретить хоть кого-нибудь. Вскоре вдалеке показалась движущаяся навстречу серая колонна людей, сопровождаемая вооруженными военными с собаками. Немало удивившись ранней встрече с новоприбывшим, один из конвоиров, а это были именно конвоиры, охранявшие колонну заключенных, не дождавшись моего вопроса, сказал:

– Иди вдоль линии километра полтора-два. С правой стороны увидишь около десятка построек барачного типа. На одной из них будет написано: «СУ»¹ – туда и иди.

Поблагодарив за информацию, я пошел быстрее и более уверенно, подгонял и сибирский морозец. Войдя в теплое помещение, объяснил служащей за ближайшим столом цель моего приезда, она предложила согреться и подождать, а сама пошла кого-то искать. Не прошло и 20 минут, как она верну-

¹ Строительное управление.

лась с симпатичной женщиной, пригласившей меня в соседнюю комнату для заполнения ряда документов. Это была инспектор отдела кадров теплоэлектростанции № 1 (сокращенно ТЭЦ-1)¹, куда я, собственно, и был направлен на работу, Клавдия Логунова, с которой у меня с того самого дня сложились доброжелательные деловые отношения (первая запись в моей трудовой книжке согласно приказу о моем назначении с 19 марта 1952 года инженером-экономистом планового отдела ТЭЦ-1 сделана ею). «А мы вас поджидали еще три недели назад, – сказала она. – Вот вам направление в общежитие и временный пропуск, а завтра с утра приходите на промплощадку».

Общежитие в здании барачного типа, которое располагалось в другом районе, произвело удручающее впечатление. Набитое до отказа «разным народом»: строителями, монтажниками, сантехниками, электриками и специалистами других профилей, оно напоминало беспрерывно гудящий улей. После трудового дня все собирались здесь: курили, пили, кричали, матом выясняли отношения – и так всю ночь напролет. Естественно, свет не выключался. О каком сне и отдыхе могла идти речь?

...Так все же, куда я приехал и что это за объект, который длительное время был закрытым? Оказывается, все постройки барачного типа, землянки и ряд других строений располагались на территории поселка Майск, явившегося своего рода стартовой площадкой для строительства будущего крупного сибирского города Ангарска и его сердцевины – комбината № 16. Об этом я, конечно, узнал позднее, когда поработал не один месяц и даже не один год. История этого многопрофильного объекта и населенного пункта, состоящего из многих районов, такова. В последние годы войны гитлеровская Германия лишилась нефтяных месторождений оккупированных стран и, следовательно, нефтяного моторного топлива. Предполагая такую ситуацию, когда нефти может не оказаться, немецкие ученые еще до начала войны стали усиленно работать над проблемой создания искусственного жидкого топлива на базе имеющихся на их территории больших запасов каменного угля. По ряду обоснованных соображений в качестве исходного сырья был выбран силезский уголь и разработана соответствующая технология. В районе Берлина построили крупнейший химический комбинат, а для его обеспечения электрической и тепловой энергией была создана мощная энергетическая система BEWAG², состоящая из семи тепловых электростанций различного профиля. Химический комбинат по производству искусственного жидкого топлива (синтети-

¹ Засекреченный объект, официально – п/я 25.

² Berliner Elektrizitäts-Werke-Aktien-Gesellschaft (BEWAG) – Берлинское акционерное общество электростанций.

ческого бензина) на базе силезского каменного угля функционировал почти до конца войны.

Как известно, после победы над фашистской Германией район Большого Берлина (Гросс-Берлин) и прилегающие к нему территории были поделены между союзниками на четыре оккупационные зоны, причем в советской зоне оккупации как раз и располагался этот химкомбинат. Пока шли переговоры и торги между союзниками по различным политическим и экономическим вопросам, советское правительство решило не медлить с вывозом из Германии различных технологий, представляющих экономический и стратегический интерес. Прежде всего, приступили к вывозу оборудования химического комбината и обслуживающих его производств, в том числе энергетических, со всей технической документацией. В качестве места сосредоточения и складирования был выбран район Черемхово–Усолье-Сибирское–Ангарск–Иркутск. Кроме стратегических соображений – равной удаленности как от Москвы, так и от Владивостока почти на 5 тысяч километров – были и чисто технологические причины такого выбора. Наиболее близким к силезскому каменному углю, служившему основным исходным сырьем для химического комбината по своим технико-физическим характеристикам, оказался именно черемховский каменный уголь, запасы которого к тому же были достаточно велики. Расстояние от Черемховского угольного бассейна до промышленной площадки строительства будущего химического комбината и сопутствующих производств, а также и самого будущего административно-промышленного города, было вполне приемлемым.

Оборудование, которое вывозилось на протяжении трех лет, с 1945 по 1948 год, выгружалось прямо вдоль Восточно-Сибирской железной дороги, по обе ее стороны. Площадь, им занимаемая, протянулась не на один десяток километров. Как свидетельствует летопись молодого города Ангарска, первая бригада строителей прибыла на строительную площадку комбината и будущего города 15 октября 1945 года. В 1946 году развернулось строительство землянок и домиков барачного типа на месте нынешнего поселка Майск. Первый эшелон с оборудованием для химического комбината прибыл на площадку 15 мая 1946 года. Уже к 1947 году дороги пролегали к площадке будущего соцгорода¹, а 8 апреля 1948 года строители заложили первый дом рабочего поселка Ангарский, который впоследствии Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 31 июля 1951 года был преобразован в город областного подчинения Ангарск. Город и комбинат расположились между рекой Ангарой – единственной рекой, вытекающей из озера Байкал, куда впадает 330 рек и речек, и ее

¹ Соцгород – социалистический город.

притоком Китоем. Начальником СУ-16, одного из крупнейших в стране в послевоенное время, был назначен генерал С. Н. Бурдаков, в распоряжение которого передано 100 тысяч заключенных. Теперь стало ясно, почему во время распределения в конце 1951 года мне предложили место, где проживает около 100 тысяч жителей¹.

Проектированием города занимались, рассчитывая его первоначально на 25 тысяч жителей, архитекторы Ленинградского института градостроительства (уже в 1971 году население города было почти в 10 раз больше). В 1951 году сформировалась как единый архитектурный ансамбль та часть города, которую принято сейчас называть «старой». Всего за три года было создано невероятное: в глухой тайге поднялся город из белого камня. Тысячи семей отпраздновали новоселье в благоустроенных квартирах. Заработали школы, магазины, кинотеатр. 24 ноября 1951 года вышел в свет первый номер городской газеты «Знамя коммунизма», в которой в последующие годы я периодически печатался. А что собой представляла промплощадка и какая была связь ТЭЦ-1 с ней и с комбинатом? Это была громадная территория, окруженная колючей проволокой и смотровыми вышками. Внутри этой зоны, куда можно было попасть только через контрольно-пропускной пункт (КПП) по специальному пропуску, была вторая зона, обнесенная колючей проволокой, в которую тоже попадали только по спецпропуску. В каждой из зон на объектах работали заключенные.

ТЭЦ-1 находилась в третьей зоне, на ней также работали заключенные. Сменный и дневной персонал ТЭЦ-1 подвозили на работу по специальному графику к главному КПП на открытых грузовых машинах и оттуда же отвозили после работы обратно. По своей структуре ТЭЦ-1 являлась одним из крупных цехов комбината № 16. Поскольку последний относился к министерству нефтяной промышленности, то и ТЭЦ-1, естественно, также относилась к этому министерству. Технологические связи ТЭЦ-1 с комбинатом были довольно сложные и запутанные. Основной задачей ТЭЦ-1 являлось обеспечение технологических процессов и объектов комбината электрической и тепловой энергией, при этом тепловая энергия подавалась в виде горячей воды и пара различных параметров (66, 40, 30, 5 и 2,5 атмосферы). ТЭЦ-1 обеспечивала также теплофикацию соцгорода. Зимой было временами очень холодно: морозы доходили до 40–45 градусов, летом температуры были умеренными. Разница во времени с Москвой составляла пять часов. Вот в каких условиях я очутился.

¹ Мелкая, для комиссии несущественная «неточность»: вместо 100 тысяч заключенных – 100 тысяч жителей.

В непривлекательном общежитии довелось пробыть недолго – около недели. Но этого времени с лихвой хватило, чтобы с самой плохой стороны вспоминать о нем. Вскоре мне выделили комнату в двухкомнатной квартире 2-этажного дома из восьми квартир. Вторую комнату в ней уже занимала начальник жилищно-коммунального хозяйства Оксана Григорьевна Труш, женщина крутого нрава, строгая и несчастной судьбы. Как только я получил комнату, немедленно сообщил об этом Рае, не забыв при этом указать свой сибирский адрес. В первом ответном письме, полученном в апреле по новому адресу, была и фотография почти двухлетнего Лени (*фото 61*).

...Потихоньку жизнь в сибирском медвежьем углу стала налаживаться. На Первомайской демонстрации 1952 года в поселке Майск малочисленный коллектив ТЭЦ-1, который только начал формироваться из приезжих специалистов и неспециалистов, уже был представлен отдельной маленькой колонной, несущей большущий портрет Сталина. Возглавляли колонну заместитель начальника топливно-транспортного цеха Колотовченко, главный инженер Белоусов, директор Рачев, начальник котельного цеха Бубнов и его заместитель Распереза. К этому времени на ТЭЦ-1 уже действовали одна турбина мощностью 25 мегаватт и два пылеугольных котла (из немецкого трофейного оборудования). Полным ходом продолжался монтаж очередных котлов и турбин (*фото 62*). На строительстве электростанции и монтаже теплового и электротехнического оборудования кроме гражданского персонала работало также много заключенных, и довольно часто случались происшествия особого рода, особенно с женским персоналом. От ТЭЦ-1 в соцгород была проложена теплотрасса, по которой в уже построенные и строящиеся 2-этажные дома и объекты соцкультбытового назначения подавались тепло и горячая вода.

Тем временем Рая и Ленечка продолжали находиться дома, в Борисове, и потихоньку готовились к отъезду в Сибирь. В конце июля Рая, Леня и мама выехали ко мне. На вокзале в Новосибирске их встретила двоюродная сестра Раи Лиза Курман с мужем Борисом Белым и детьми. Это произошло примерно 6–7 августа, а в десятых числах этого месяца они приехали на место.

Я встретил их на железнодорожной станции Китой, где поезд остановился на две-три минуты, и немало удивился тому, что вместе с ними сошла с поезда какая-то Ася, немного знакомая с мамой Раи и умолившая ее ехать в Сибирь вместе. Я, естественно, на это не рассчитывал, и проблемы, возникшие с неожиданным приездом этой Аси, не заставили себя долго ждать. Разместиться вчетвером, хотя бы даже и временно, в одной небольшой комнате двухкомнатной коммунальной квартиры, где во второй комнате проживала своенравная Оксана Григорьевна Труш, оказалось нелегко. Естественно, две одинокие женщины – Оксана Григорьевна и Ася – в скором времени возненавидели друг друга, и нам всем стало совсем неудобно. И в будущем приезд Аси принес

мне немало неприятностей. Буквально все приняли ее за мою родственницу, и это косвенно помогло ей вскоре устроиться на работу. 13 октября приказом директора № 57 я был назначен начальником планово-экономического отдела вместо Сорокина, который из-за своего низкого образовательного уровня и плохого здоровья давно просил освободить его от этой должности. Он продолжил работать в отделе как инженер-экономист, а вот для Аси я буквально выпросил должность техника. Неохотно, но директор Рачев дал на это согласие.

В октябре мы с Раем и Леной сделали свои первые фотографии на новом месте жительства – в далекой Сибири. Напротив нашей двухкомнатной квартиры (у нас была в ней одна комната), была такая же квартира, которую занимала молодая семья начальника проектно-конструкторского отдела ТЭЦ-1 Иосифа Малюшицкого. Они приехали раньше меня и, естественно, быстрее обустроили свой быт. С этой семьей мы подружились, тем более что у них был мальчик такого же возраста, что и Ленья.

В конце декабря мы в своей комнате поставили и украсили большую новогоднюю елку, причем больше всех старался, конечно, Ленья. Потому он сфотографировался около нее и вместе с мамой отправил в Борисов одну из первых своих фотографий, надписав: *Любимым и дорогим бабушке и дедушке на память от Леника. г. Ангарск, 31 декабря 1952 г.* В первый морозный новогодний день 1953 года Рая с Леной и Зоя с сыном, одевшись потеплее (по-зимнему и по-сибирски), гуляли по празднично украшенной площади, на которой особо выделялся ледяной Дед Мороз. И такое фото было отправлено в Борисов с традиционным посвящением.

Первый сибирский Новый год мы встретили в нашей комнате при наряженной елке втроем: я, Рая и Ася (Ленья спал). Естественно, по местному иркутскому времени, а затем продолжали встречать каждый час: по красноярскому, по новосибирскому, по омскому, по свердловскому, по кировскому и, наконец, по московскому времени. К нам пришли Зоя Малюшицкая – жена начальника проектно-конструкторского отдела, Гавриил Иванович Милованов – начальник отдела труда и заработной платы, Арсений Сорокин – инженер-экономист планового отдела, Валя Пионова – экономист отдела труда и заработной платы.

В начале февраля 1953 года при 40-градусном морозе на ТЭЦ-1 произошла крупная авария с тяжелейшими последствиями, в том числе с немалым количеством жертв. Как эта трагическая картина тех теперь уже далеких морозных февральских дней во всех мельчайших деталях ярко отпечаталась в сознании и сохранилась в моей памяти!

Котлоагрегаты сжигали черемховский каменный уголь в виде пыли, которая проникала через неплотности оборудования и оседала на металлокон-

струкциях цеха. Из-за нарушения правил эксплуатации машинистом одного из трех работающих котлов высокого давления произошел выхлоп пламени из топки котла в помещение котельного цеха (это случилось в утренние часы). Поскольку каменноугольная пыль обладает свойствами пороха, она мгновенно сдетонировала, и произошел большой силы взрыв, в результате которого рухнула фасадная стена котельного цеха и в помещение устремился 40-градусный морозный воздух. На станции воцарилась мертвая тишина. От ожогов выброшенного из котлов пламени пострадало несколько десятков человек, почти половина из них из-за медлительности спасательных и санитарных служб, а также сложной системы допуска врачей на промплощадку скончались от ожогов и травм. Немедленно прекратилась подача электроэнергии на промышленные и соцкультурные объекты, теплой и горячей воды в дома соцгорода – люди стали замерзать.

Сразу же приказом министра энергетики СССР Д. Г. Жимерина от своих должностей были отстранены директор электростанции Рачев и главный инженер Белоусов, на них завели уголовные дела¹. В кабинете директора незамедлительно установили круглосуточное дежурство начальников отделов управления ТЭЦ-1. Мы занимались организацией доставки ремонтного и эксплуатационного персонала, который немедленно приступил к восстановительным работам на станции, а также оперативным решением всех возникающих вопросов, а их было ой как много, принимали непрерывные телефонные звонки из самых разных мест Союза с предложениями об оказании необходимой помощи оборудованием, материалами и людьми. Местные власти организовали аварийную доставку дров и каменного угля в квартиры домов, вовсе не приспособленных для сжигания таких видов топлива. Все стали надевать на себя что только можно. У нас Леня был бодрее всех. При свечах и лучинах, обогревались как могли. Немного помогала нам установленная в ванной газовая колонка, в которой можно было сжигать уголь или дрова и как-то время от времени пользоваться ею для обогрева.

На следующий день после аварии в кабинете директора за его рабочим столом уже сидел министр энергетики Д. Г. Жимерин², который по ВЧ³ непрерывно связывался с Москвой и многими районными управления министерства и отдавал необходимые оперативные распоряжения. Самолетами и по железной дороге на станцию стали прибывать с ближайших энергетических объектов

¹ К этому времени ТЭЦ-1, входившая в состав комбината № 16 Министерства нефтяной промышленности СССР, была передана Министерству энергетики СССР.

² В то время полет самолетом типа «Ил» из Москвы в Иркутск совершался с 5–6 промежуточными посадками и продолжался около 20 часов.

³ ВЧ – высокочастотная связь.

бригады строителей и монтажников. Для скорейшей ликвидации последствий аварии и быстрейшего восстановления работы оборудования министр вызвал на ТЭЦ-1 главного инженера Кемеровской ТЭЦ Исаака Львовича Хазовского, которого тут же назначил главным инженером Иркутской ТЭЦ-1. Высококвалифицированный инженер и талантливый организатор, Хазовский уже через несколько дней восстановил работу первого котла и первой турбины. На объекты комбината, в жилые дома и в здания соцкультбыта было подано электричество, а вскоре и отопление. Жизнь понемногу налаживалась. Через несколько недель после восстановления нормальной работы котлов и турбин на станцию прибыл вновь назначенный директор Г. В. Агаев. Три закорючки, которые он ставил при подписи любого документа, как-то органически соответствовали его кавказскому внешнему виду.

В конце февраля я выехал в служебную командировку в Москву. Это была моя первая серьезная поездка, главным образом для согласования с Миннефтепромом лимитов потребления электрической и тепловой энергии комбинатом № 16 на текущий год. Мы воспользовались этим случаем, чтобы выехать вместе, и Рая с Леней отправились поездом в Борисов.

5 марта 1953 года в поезде Москва–Минск они услышали неоднократно повторявшееся сообщение ТАСС о смерти Сталина. Я об этом узнал в Москве. Известие было настолько неординарным, что никак не верилось в возможность смерти «вождя всех народов», поскольку казалось, что «великий и бессмертный» никогда не покинет этот мир. Тем не менее его смерть оказалась реальностью. Этому предшествовало трагическое для нас событие иного рода – «дело врачей»¹. К счастью, в происшедшей, конечно по вине «врагов народа», в феврале 1953 года аварии на Иркутской ТЭЦ-1 еврейский след не искали, видимо, не до того было. Она произошла по вине машиниста котла, русского по национальности, нарушившего правила эксплуатации котлоагрегатов. Все мельчайшие подробности болезни и смерти Сталина довольно продолжительное время сообщали пресса и радио.

В середине марта мы втроем вернулись обратно, на свое новое постоянное место жительства. Продолжались трудовые будни. Усиленными темпами шли и работы на ТЭЦ-1 по строительству, монтажу и вводу в эксплуатацию нового оборудования. Развивающемуся комбинату и строящемуся городу нужны были новые энергетические мощности.

¹ Антиеврейская акция, предпринятая советскими властями в 1952 году – начале 1953 года, о чем публиковалось во всех советских СМИ. Власти обвиняли выдающихся евреев-врачей, цвет советской медицины, в попытках умышленного уничтожения советского руководства. Более подробно: <http://www.eleven.co.il/article/10978>

1 Мая всей семьей мы ходили на праздничную демонстрацию (*фото 63*). А в конце июня в нашей жизни наконец произошло долгожданное радостное событие: нам выделили отдельную двухкомнатную квартиру – на втором этаже 2-этажного четырехквартирного кирпичного дома, расположенного почти в центре строящегося города, рядом с большим стадионом «Ангара», на улице Московская, 33 (в 1826 году по Московскому кандальному тракту – ныне улица Московская – провели закованных в кандалы декабристов). Перед переездом в новую квартиру мы сделали целую серию фотографий, и одну (*фото 64*) отправили в Борисов с неизменной надписью: *На долгую добрую память дорогим бабушке и дедушке от Леночки, г. Ангарск, 7 июня 1953 г.*

В июле на станции начались подготовительные работы для монтажа оборудования второй очереди, в частности, были выполнены работы на фундаментах под турбины и электрофильтры.

А дома мы занимались своим благоустройством. Даже проблему с мебелью нам удалось частично решить. Достойное место в квартире заняло привезенное из Борисова довоенное пианино, на котором Рая временами играла. Поскольку дом, в котором нам выделили квартиру, только что был выгорожен из зоны, а замки во всех восьми квартирах были одинаковые и весьма элементарные, пришлось заняться поиском и установкой надежных замков и запоров. Сделать это оказалось непросто. К тому же в это самое время я должен был выехать в командировку в министерство, а Рая и Леня оставались в такой ненадежной квартире одни. На промплощадке и в районах строительства города находилось около 100 тысяч заключенных, часть из которых была расконвоирована. Необходимо было что-то придумать.

Непосредственно с зеками мне общаться не приходилось, только с лагерными начальниками. Однако на этот раз один расконвоированный заключенный, еврей по национальности, участвовавший в строительстве нашего дома, принес толстенную доску, чтобы мы подпирали ею дверь изнутри. «Не доверяйте нашему брату-зеку: они могут вас ограбить в любое время...» – сказал он добродушно и почти в соответствии с еврейской моралью. Было еще несколько подобных бытовых случаев, когда евреи-зеки проявили себя по отношению к нам, евреям, с наилучшей стороны.

В этой обстановке совсем неожиданно оказал помощь слесарь Володя Дятлов, будущий муж Аси Дятловой, которую он, как и все остальные на станции, считал моей родственницей. Он предложил вместе с Асей на время моей командировки в Москву ночевать в нашей квартире, что с большой благодарностью было принято всеми нами.

7 ноября мы всей семьей участвовали в праздничной демонстрации (*фото 65*). Колонна ТЭЦ-1 на сей раз выглядела внушительнее, чем на 1 Мая.

В этот день, 7 ноября, была сдана в эксплуатацию вторая турбина ТЭЦ-1¹. Значительное событие произошло и в самом городе: 27 ноября 1953 года было открыто трамвайное движение от соцгорода до управления комбината. Теперь на работу можно было ездить не только на станционных машинах, которые курсировали по определенному графику, но и городским транспортом.

Тем временем монтажные и наладочные работы на станции разворачивались ускоренными темпами: основному потребителю – комбинату № 16, как и городу, не хватало электрической и тепловой энергии. Вводились в строй и сдавались в постоянную эксплуатацию очередные котло- и турбоагрегаты, генераторы и трансформаторы, необходимое вспомогательное оборудование. В том, что работы шли такими ударными темпами, была, безусловно, заслуга бывшего главного инженера Исаака Львовича Хазовского, назначенного к этому времени приказом министра Д. Г. Жимерина директором Иркутской ТЭЦ-1 вместо бывшего директора Г. В. Агаева, с персональным окладом 4000 рублей в месяц².

Обязанности главного инженера исполнял Лазутин. Благодаря его умелому руководству в этом же году для персонала ТЭЦ-1 был построен детский сад и начато строительство пионерского лагеря на 200 мест.

К концу 1953 года окончательно сформировалась структура Иркутской ТЭЦ-1. Производственный персонал находился в следующих основных и вспомогательных цехах:

топливно-транспортный цех – начальник Колотовченко;
котельный цех – начальник Бубнов, которого позже сменил В. П. Тараканов;
турбинный цех – начальник Дунчевский;
электрический цех – начальник М. А. Ромен;
цех автоматики и теплового контроля – начальник В. М. Боровский;
химический цех с лабораторией – начальник М. И. Леонтьева;
ремонтно-механический цех – начальник Козлов;
ремонтно-строительный цех – начальник (фамилию не помню);

¹ Торжественное собрание проходило в кинотеатре «Победа».

² Для сравнения: в момент прибытия на ТЭЦ-1 мой месячный оклад инженера-экономиста составил 880 рублей и добавочно 20% (урало-сибирский коэффициент) – всего 1056 рублей. При назначении начальником планово-экономического отдела месячный оклад составил 1300 рублей и добавочно 20% – всего 1560 рублей. В зависимости от количественных и качественных показателей работы выплачивались ежемесячные премии: за экономию топлива, снижение себестоимости, безаварийную работу, выслугу лет (не всем, а по утвержденному номенклатурному перечню).

электрическая лаборатория – начальник С. А. Мотыгина;
служба связи – начальник Гануш;
гараж – начальник Коротин.

Административно-управленческий персонал работал в следующих отделах:

эксплуатационный отдел – начальник С. И. Журавлев;
ремонтно-конструкторский отдел – начальник И. Малюшицкий;
плановый отдел – начальник М. Л. Миркин;
отдел труда и заработной платы – начальник Г. И. Милованов;
отдел материально-технического снабжения – начальник Н. И. Сыщенко;
бухгалтерия – главный бухгалтер Е. Г. Аккуратов;
отдел кадров – начальник К. И. Логунова;
жилищно-коммунальный отдел – начальник О. Г. Труш;
библиотека и клуб – заведующая К. А. Сыщенко.

Для обеспечения надежного и безаварийного энергоснабжения потребителей, особенно учитывая специфику главных из них, вплотную встал вопрос о создании районного энергетического управления, которое впоследствии стало называться районным энергетическим управлением Иркутскэнерго и находилось в областном центре Иркутске.

Исполняющим обязанности начальника этого управления был назначен бывший директор ТЭЦ-1 Г. В. Агаев. В четвертом квартале 1953 года он вызвал меня в Иркутск для ознакомления со всеми техническими и экономическими показателями местной ТЭЦ министерства коммунального хозяйства республики и оформления всей необходимой документации с целью формирования районного энергетического управления на базе двух станций – Иркутской ТЭЦ-1 и местной ТЭЦ, которую впредь стали называть Иркутская ТЭЦ-2. С указанными материалами, включая все данные по ТЭЦ-1, я выезжал в командировку в Министерство электростанций и электропромышленности СССР, и вскоре последовал приказ об образовании Иркутскэнерго.

Фактически кроме основной работы на ТЭЦ-1 приходилось много работать на вновь созданное районное управление. От управляющего Г. В. Агаева, правда, поступило предложение переехать в Иркутск и занять должность начальника планового отдела Иркутскэнерго, но я любезно отказался от этого предложения. Чем я мотивировал свой отказ от такого заманчивого и, казалось бы, много сулящего предложения? Во-первых, в Иркутске нет квартиры для семьи, к тому же у нас ожидается пополнение. Во-вторых, где и как можно

будет устроить на работу жену? В-третьих, в молодом, только что нарождающемся управлении нет детского садика. Куда будет ходить сын? И т. д. Но все мои доводы были немедленно отвергнуты, так как управляющий пообещал все эти вопросы решить как можно скорее.

На самом деле меня останавливали совсем иные соображения, главными из которых были следующие. Я знал, что в будущем уехать из Сибири на запад, работая в районном управлении, станет намного сложнее, чем с ТЭЦ-1. Так как мы ожидали вскоре прибавления в нашем семействе, я справедливо полагал, что на обжитом месте нам будет легче, чем на новом. Я также задумывался, хотя неконкретно и весьма туманно, о возможном продолжении учебы. Несмотря на то, что я отказался от сделанного предложения, мне все равно пришлось еще немало поездить в Иркутск и поработать над созданием, укреплением и расширением Иркутскэнерго, а также над решением целого ряда оперативных дел. Я выезжал в Улан-Удэ (Бурят-Монголия) на ТЭЦ вагоностроительного завода для переговоров и сбора необходимой информации с целью ее будущего включения в состав районного управления, а также с аналогичной целью в Черемхово, Усолье-Сибирское, Тулун и другие города Иркутской области.

...А между тем с обычной предновогодней суетой и всевозможными хлопотами наступал новый 1954 год. Надо было приобрести и украсить новогоднюю елку, которую Ленья, как и в прошлом году, с таким нетерпением ждал и игрушки для которой с прошлого года хранились в большом картонном ящике. Главное, добыть стройную пушистую елку. На елочном же базаре все не то... Задумано – сделано. В один из последних декабрьских морозных дней, одевшись по-зимнему и по-сибирски наилучшим образом и вооружившись топором, направился к реке Китой в ближайший хвойный лесок. Зима в тот год была не только исключительно холодная, но и очень снежная. С большим трудом по бездорожью добрался до опушки леса, а там стал медленно продвигаться вглубь по снежным сугробам, выискивая лесную красавицу. Проваливаясь по пояс в снег и не найдя пока еще желанной елки, вдруг подумал: «А как же я собираюсь выбраться отсюда, из этого снежного царства? Как я вообще собираюсь преодолеть эти несколько километров и добраться домой?» С этими мыслями, – а солнце уже клонилось к багровому закату, – я направился к одной заранее намеченной и наиболее подходящей елке и несколькими ударами топора срубил ее.

Это, конечно, не была лесная красавица моей мечты, но по сравнению с базарными елками – настоящий клад. Как и за сколько времени я преодолел путь домой, держа в замерзших руках с таким трудом добытую елку, известно только мне и одному Б-гу. Зато хорошо запомнились расстроенная моим поздним возвращением Рая, еле дождавшийся обещанной новогодней елки Ленья и

большущая, несмотря на мой молодой возраст, усталость. Валенки были полны снега, руки и лицо замерзшие, а сам весь мокрый... Наряженная елка оказалась на удивление красивая. А мы с Раей решили, что такие ухарские глупости я впредь больше никогда не буду повторять, если... Никогда, даже без «если». Фотографию этой увешанной игрушками и мишурой новогодней елки Леня отправил бабушке и дедушке в Борисов, но предыстория ее появления в нашей квартире, конечно, осталась за кадром.

На 12 февраля 1954 года было намечено проведение партийно-хозяйственного актива станции для подведения итогов работы коллектива за прошлый год и определения задач на текущий. А итоги, надо заметить, были положительные: перевыполнены плановые задания почти по всем утвержденным показателям, следовательно, премии персоналу гарантированы. На собрании присутствовали представители районного управления Иркутскэнерго и городские руководители.

После официальной торжественной части, на которой с отчетом об итогах работы коллектива за прошлый год и задачах на текущий год выступил директор ТЭЦ-1 И. Л. Хазовский, состоялся большой банкет, на котором я уже не присутствовал. Мне передали срочное телефонное сообщение о том, что Раю увезли в родильный дом. Роддом был недавно выгорожен из зоны и находился в окраинном районе города, ехать туда было не совсем просто и не всегда безопасно. Раю в роддом отвез Митя Колбасников – хороший знакомый еще по Борисову. Когда я ранним утром навестил Раю, она сказала, что родила настоящего сибиряка с нормальным весом и ростом. Нас стало уже четверо.

После сообщения о рождении внука немедленно приехала мама, которая пробыла у нас около полутора месяцев. На семейном совете по предложению Раи решили сына назвать Ирма – как дедушку Раи, который в Борисове слыл мудрым человеком. В конце апреля, когда Ирмочке, которого по-домашнему звали Митенька, Митя, исполнилось два с половиной месяца, в Борисов было отправлено письмо с его фотографией и снимком, на котором среди друзей в центре за столом сидит Леня; прием для детей устроила соседка по квартире Любовь Николаевна Черемисина, работавшая старшим инженером турбинного цеха. В этом возрасте Леня увлекся конструированием. По прилагаемым чертежам собирал из деталей привезенного из Москвы конструктора разные машины: самосвалы, автомашины, самолеты, бульдозеры и т. д. Часами он мог сидеть на полу за этим занятием. Конечно, Лене стало намного веселее, когда его младший братик немного «повзрослел». В пять месяцев можно было уже временами поиграть с ним, хотя до настоящих совместных игр еще не доходило. Зато Митя подружился со своим сверстником Яшей Касавиным, разница в возрасте с которым составляла аж один месяц (Яша старше). Младшего нашего сыночка, да и старшего временами навещали наши знакомые, в том числе и Ася с Володей.

В летние месяцы часто, но обязательно вчетвером (иногда с соседями) мы выезжали на живописные берега реки Китой. В одной из прогулок участвовал и друг Лени – Саша, сын Миры и Мити Колбасниковых. Поскольку я усиленно занимался в это время любительской фотографией, хотя и на довольно примитивном по тому времени уровне, то было сделано немало снимков (см., например, *фото 66*), часть из которых пересылалась в Борисов с соответствующими надписями, например: *Решили заняться спортом со старшим сыном, пока младший спит, г. Ангарск, июль, 1954 г.* Или: *Мы на прогулке, и Ленечка недоволен комарами. г. Ангарск, июль 1954 г.* Двум братишкам вместе было уже хорошо, а нам тем более.

...Работа на станции шла своим чередом. Чтобы добиться сначала утверждения, а затем достижения основных технико-экономических показателей ТЭЦ-1, по итогам которых присуждаются классные места в соревновании и определяются размеры премиальных персоналу, приходилось не только работать временами с большими перегрузками, но и заниматься новаторством и нововведениями в области организации и планирования энергетического производства. В течение года – с середины 1953-го по июль 1954-го – удалось поработать и впервые внедрить на ТЭЦ-1 при активном содействии директора И. Хазовского новую систему цехового хозяйственного расчета, которая дала довольно ощутимые результаты коллективу в целом и каждому работнику в отдельности. Производственный персонал стал ежемесячно и стабильно получать по несколько видов премий. Поскольку производственные успехи коллектива электростанции стали известны далеко за ее пределами, главный редактор городской газеты «Знамя коммунизма», издававшейся к тому времени третий год, обратился к руководству ТЭЦ-1 с просьбой осветить на страницах газеты передовой опыт работы коллектива. Выполнение этой непростой работы И. Хазовский незамедлительно поручил мне: в результате пришлось написать и опубликовать несколько статей, одна из которых объемом в четверть газетного листа до сих пор у меня хранится – «Цеховой хозрасчет и снижение себестоимости»¹ под рубрикой «Резервы производства – на службу Родине!»

В Ангарске я неизменно с 1952 по 1963 год, хотя и с небольшими перерывами, выписывал и читал наряду с русскоязычными периодическими изданиями два еврейских: ежедневную газету «Биробиджанер штерн» и ежемесячный журнал «Советиш геймланд». Меня и Раю в то время очень интересовала не только еврейская жизнь в Биробиджанской автономной области, расположен-

¹ См.: Миркин М. Цеховой хозрасчет и снижение себестоимости // Знамя коммунизма: газ. 1954. 22 авг. № 101(380). С. 3. В дальнейшем эта и другие статьи были также опубликованы по линии научно-технического общества энергетической промышленности в соответствующих сборниках; см. Приложение 21.

ной относительно недалеко (по сибирским масштабам) от нас, но и в целом еврейская жизнь в Советском Союзе, особенно в годы после смерти Сталина. Мой интерес к еврейской литературе был также в значительной степени вызван желанием не забывать *мамэ-лошн*, ведь в довоенном 1937 году я окончил в белорусском местечке Череев еврейскую семилетку. Несмотря на то, что Рая училась в русской школе, она хорошо понимала и говорила (и до сих пор понимает и может говорить) на языке идиш.

Учитывая месторасположение нового города Ангарска, а также состав его населения и контингент работающих специалистов, я не склонен думать, что в то время, кроме меня, были еще подписчики на еврейскую печать. Наши еврейские друзья, которые также были направлены на работу в Сибирь, – а мы общались и дружили с несколькими еврейскими семьями, – интересовались еврейской жизнью в стране и узнавали многое из наших пересказов публикаций в советской еврейской прессе. Тем более что никакого телевидения в те годы ни в Сибири, ни в городе не было. Мне, к сожалению, не удалось ничего сохранить из периодической еврейской печати тех лет, разве что один заинтересовавший меня материал из журнала «Советиш геймланд» более позднего времени (апрель 1970 года), а именно – поименный список 121 Героя Советского Союза¹. Зато сохранилась книга Гирша Смоляра «Минское гетто» на еврейском языке (идиш), изданная в 1946 году московским издательством «Дер Эмес»².

В получаемых еврейских изданиях меня интересовало практически все. К великому сожалению, из-за существовавшей в те годы строжайшей государственной цензуры я не нашел тогда в еврейских газетах и журналах ни одной строчки о Холокосте, о героических подвигах воинов-евреев, о еврейской культуре и т. п. Зато газета «Биробиджанер штерн», например, непрерывно описывала счастливую жизнь евреев-переселенцев, приехавших в Биробиджан из насиженных украинских и белорусских местечек, их патриотизм, их радость и счастье на новой (и вовсе не обетованной) земле. Да об этом красноречиво было показано и в кинофильме тех лет «Искатели счастья», музыку к которому написал замечательный еврейский композитор Исаак Дунаевский³. Изредка появлялись в общедоступных газетах и журналах статьи, посвящен-

¹ Для сравнения: в одноименной истории «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.» (М., 1965) указано 107 Героев Советского Союза – евреев, а на сегодняшний день российский историк Федор Свердлов и израильский историк Павел Песати называют две цифры – соответственно, 157 и 159 евреев-Героев (*прим. ред.*).

² На русском языке эта книга вышла в 1947 году (*прим. ред.*).

³ Фильм 1936 года, в главной роли – расстрелянный в 1952 году Сталиным артист ГОСЕТа В. Зускин (*прим. ред.*).

ные выдающимся деятелям еврейской культуры. Например, в иркутской газете «Восточно-Сибирская правда» от 3 марта 1959 года № 52(11541) была помещена сохранившаяся у меня статья «Шолом-Алейхем. К 100-летию со дня рождения». Такая же статья и по тому же поводу, но меньшего объема была опубликована и в газете «Правда» № 61(14820) от 2 марта 1959 года.

...В конце сентября у нас появился неожиданный гость: двоюродный брат Раи Наум Мессерман, который остановился у нас на четыре дня по пути из Борисова во Фрунзе. За эти несколько дней он, будучи профессионалом высокого класса, сделал прекрасные фотографии Мити и Лени (*фото 67*), которые нам переслал уже из Борисова. К фотографии Мити можно добавить, что его чудный белый костюмчик сшит искусными руками Раи, а складной высокий стульчик, в котором он сидит, был привезен из Борисова и приобретен еще в 1950 году, когда родился Леня. Вместе с нашими вещами он благополучно перекочевал в Сибирь и хорошо нам послужил. Военная форма Лени была скопирована с моей и сшита в Борисове его бабушкой Хавой, которая во внучке души не чаяла. Но вот достать теплые валенки по размеру этому офицеру было непросто, но бабушка с дедушкой решили и эту проблему (*фото 68*). Чем занималась Рая во второй половине этого года, имея на руках двух маленьких детей? Дома и семьи уже более чем достаточно, тем не менее она умудрялась находить время не только для приема гостей и знакомых, а таковые уже появились, но и заниматься музыкой. Бывшая учительница музыки, уже пожилая женщина, в определенные дни и часы с удовольствием приходила к нам и давала Рае уроки, чтобы та восстановила свой уровень игры на пианино. Пытался и Леня как-то играть, но с конструктором у него получалось лучше.

Молодец Рая, большой молодец! Благодаря ее труду, стараниям и авторитету к нам все чаще стали заходить мои коллеги по работе и просто хорошие знакомые. Большинство из них были такие же, как и мы, молодые специалисты, кого судьба забросила, как и нас, в далекую Сибирь, по разным причинам. Не следует забывать, что это были 50-е годы, времена «безродных космополитов» и «врачей-убийц». Встречи с нашими добрыми знакомыми все учащались, и вскоре мы стали друзьями: возраст и интересы были у нас примерно одинаковые. Четыре пары составили костяк нашей компании: мы, Рая и Миша Миркины с детьми Леней и Митей, Маша и Изя Касавины с сыном Яшей, Фира и Леня Гульман с сыном Аликом и Бима и Марк Яновские.

Однако в 1954 году Рая была занята не только детьми, домашними хлопотами и уроками музыки. Вскоре после рождения Мити появились и первые своеобразные записи Раи. И где? Ни много ни мало, как в одном из моих старых дневников Д-3, в который я годами уже не заглядывал и который был исписан мной лишь наполовину. Видимо, с писчей бумагой тогда было не меньше проблем, чем с туалетной, и Рае подвернулся под руку мой блокнот-

дневник с оставшимися чистыми страничками. Он тут же и пошел в ход. Нет, это не были дневниковые записи в обычном понимании. Это были колонки каких-то чисел, загадочных и непонятных непосвященному, изредка сопровождаемые именами или названиями. И вот сейчас, спустя более чем полстолетия, нам удалось расшифровать «ангарские иероглифы». Этому в значительной степени помогло одно-единственное найденное среди многих цифр слово «молочница». Оно-то и послужило ключевым. После расшифровки оказалось, что в этих записях содержится довольно много интересной, по крайней мере для нашей семьи, информации тех дней. Итак, 18 страниц с цифрами. Вот, например, одна из них за 1954 год о расчете с молочницей:

26.10.....	5 р. Сима (соседка)
27.10.....	7 р. 50 к. Галя 16 р. + 3 (зачеркнуто)
28.10.....	7 р. 50 к. и Маша 10 р. (зачеркнуто)
29.10.....	5 р.
30.10.....	7 р. 50 к.
31.10.....	7 р. 50 к.
1.11.....	5 р. (– 2.50) 2 р. 50 к.
2.11.....	7 р. 50 к.
3.11.....	5 р. (– 2 р. 50) 2 р. 50 к.
4.11.....	7.50 к.
5.11.....	5 р. (– 2 р. 50) 2 р. 50 к.
6.11.....	7 р. 50 к. (фигурная скобка) $18 \times 7 = 126$
7.11.....	7 р. 50 к. $18 \times 5 = 90$
	$135 + 15 = 150 - 75$
18.11.....	расчет $75 - 100$ по 20.11 с молочницей.

Попробуй разобраться в этом лабиринте цифр, которые с перерывами начали записываться еще 9 июля 1954 года и закончились 14 марта 1955 года! Между тем, дело заключалось в следующем. Магазинного молока в то время было очень мало, да и к тому же оно поступало в продажу нерегулярно и с большими перебоями, особенно в зимние месяцы. На базаре оно продавалось в замороженном виде (на палочке, как мороженое). Ходить за молоком или покупать его было практически невозможно. В этой-то обстановке Рае удалось через соседей узнать, что где-то на окраине города есть молочница, с которой можно было за определенную дополнительную плату договориться о доставке на дом молока прямо из-под коровы.

Лениному младшему брату здорово повезло: вслед за маминым он питался отличным молоком и очень хорошо поправлялся, о чем свидетельствуют последующие фотографии. Как видно из данных приведенного расчета, за мо-

локо Рая рассчитывалась с молочницей по пять рублей за литр. По просьбе некоторых соседей она периодически брала по пол-литра молока для их детей или же для других. На страницах среди цифр часто встречаются имена соседок: Аза, Тася, Кузнецовы, Ефимовы, Ошкины, Сима, Галя, Валя, Люба, Таня, Ася, а также друзей – Маша и Бима. С каждой из них Рае приходилось вести какие-то взаиморасчеты. Кто из вышеупомянутых был самой колоритной фигурой? Безусловно, наша соседка-мордовка Ошкина. Это была многодетная мать, у которой насчитывалось аж восемь детей. Несмотря на такой «детский сад», она при случае не отказывала себе в удовольствии сходить в кино. О каком молоке там могла идти речь? Хлеб, посыпанный сахаром, смоченный водой и завернутый в тряпку, служил едой для одного или нескольких малышей, пока она была в кино. Меньших детей опекали старшие. Неважно, что хлеб, завернутый в тряпку, облизывала рядом находящаяся собака: для малых это никакого значения не имело. Большинство детей (кроме тех, кто хотел спать) валялись на ступеньках лестничной клетки со своим лакомством, ожидая маму. Вот так мама! Конечно, это и смешно, и грустно, но ведь это было, и, к сожалению, не так уж редко.

Приближался конец года, на нашей ТЭЦ-1 ввели в эксплуатацию очередной мощный котлоагрегат со всем вспомогательным оборудованием, а дома мы готовились к встрече нового 1955 года. Купили хорошую, стройную елку (на этот раз в лес я уже не ходил), красиво нарядили. Естественно, наше семейное фото на фоне новогодней елки и другие были отправлены в Борисов (*фото 69–71*).

Январь на работе – самое напряженное время: месяц составления годового баланса и годового отчета о производственно-хозяйственной деятельности электростанции; не один раз приходилось задерживаться вечерами на работе. Итоги работы станции заслушивали и утверждали на балансовой комиссии районного управления Иркутскэнерго в Иркутске, управляющим которого приказом министра был назначен П. И. Некряченко (вместо недавно умершего Агаева), а главным инженером – Небрат (оба переведены из Кемеровской энергосистемы). В городе тем временем ускоренными темпами шло строительство предприятий культурно-бытового назначения и жилых домов. В январе 1955 года на углу улиц К. Маркса и Ленина открылся крупный и самый красивый в области магазин «Детский мир», спроектированный ленинградскими архитекторами. Вот где раздолье было для детей! Было теперь куда зайти с ними! 30 апреля недалеко от нас, на площади Ленина, открыли прекрасный Дворец культуры нефтехимиков, в том же месяце было принято в эксплуатацию величественное здание городского совета депутатов трудящихся, где разместился также городской комитет партии; в его партийной библиотеке в дальнейшем в течение почти шести лет плодотворно и увлеченно работала

Рая. В это время была задействована городская автоматическая телефонная станция, которая позволила существенно улучшить нашу связь с внешним миром, и в первую очередь с Борисовом.

В июне Рая с детьми самостоятельно поехала к родителям. Это была первая поездка в таком составе. Лене исполнилось пять лет, а Мите – почти полтора. Ехать до Борисова предстояло неделю поездом, с пересадкой в Москве. Можно себе представить, какой непростой была длительная поездка с двумя малолетними детьми, запасом еды и другими вещами, в первую очередь горшком. В конце концов Рая с детьми благополучно добралась до Борисова, хотя и не без помощи добрых людей. Особенно ей запомнился переезд с детьми с Ярославского вокзала на Белорусский в Москве и посадка в поезд Москва–Минск. В самый критический момент, когда до отправления поезда на Минск оставалось не более 10 минут, а Рая с детьми и вещами была еще далека от нужного вагона, Митя вдруг захотел посидеть на горшке, причем отказать ему в этом было, как вы понимаете, никак нельзя. Какие-то две незнакомые женщины, видя, в какое затруднительное положение попала Рая, помогли ей в этой, казалось бы, неразрешимой ситуации. Проводница, увидев, как женщина с двумя малолетними детьми при помощи двух помощниц пытается как можно быстрее добраться до вагона, задержала отправление поезда, пока Рая с детьми не зашли в вагон. Какие хорошие люди в жизни все же встречаются иногда в нужном месте и в нужное время! Нет надобности писать о том, с каким нетерпением родители ждали дорогих гостей из далекой Сибири. Я приехал позже и ненадолго, возвращаясь из очередной московской командировки.

Хорошо летом во дворе у бабушки и дедушки, хорошо и на Березине (*фото 72*). И первая фотография, конечно, с бабушкой, ведь она так долго ждала этого счастливого момента. Митя и Мира Колбасниковы с сыном Сашей тоже приехали на лето к родителям и жили от нас недалеко, вот и сфотографировались трое хороших мальчиков вместе. Я много фотографировал Раю – и во дворе дома, и на реке Березина, и друзей после возвращения из Борисова в нашей квартире. Фотографии... Как много их уже сделано за эти годы и как много будет еще. Быть может, когда-нибудь кем-нибудь эта житейская летопись будет с любопытством и интересом просмотрена...

28 сентября 1955 года на ТЭЦ-1 объединили два отдела – плановый и труда и зарплаты – в планово-экономический. Приказом директора Хазовского № 325 от 28 сентября я был назначен начальником этого объединенного отдела (*фото 73*), состоящего из пяти человек: я, Г. И. Милованов (бывший начальник отдела труда и заработной платы), А. Н. Сорокин (бывший начальник планового отдела), Берсенев и Ася Дятлова. Круг обязанностей расширился, объем работы увеличился, а заработная плата – не очень.

...Прошло неполных четыре года со времени нашего переезда в этот суровый, еще далеко не обустроенный сибирский край. Мы успели освоиться на новом для нас месте, познакомиться и подружиться с людьми (*фото 74–77*), а я – с неведомой до того работой инженера-экономиста-энергетика. Опыт и навыки, приобретенные за этот относительно короткий период на такой крупной по тому времени и сложнейшей тепловой электростанции, как Иркутская ТЭЦ-1¹, очень помогли моему профессиональному росту, позволив вскоре заняться также и научной деятельностью.

В 1956 году продолжилось строительство города и его объектов. В феврале возле Дворца культуры была открыта большая городская библиотека. Вступили в строй завод котельно-вспомогательного оборудования и трубопроводов, на полную мощность заработал Ангарский электромеханический завод, начал работать большой городской холодильник. Летом на пути в КНР на ТЭЦ-1 заезжали Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин. Визит этот был кратковременным, но стал далеко не рядовым событием и запомнился надолго. В сентябре мне впервые пришлось вылететь в служебную командировку в Москву самолетом – на новом, только что введенном в эксплуатацию реактивном пассажирском самолете Ту-104. Полет из Иркутска в Москву продолжался пять часов (разница в поясное время между этими городами такая же). Все это время я наблюдал из самолета восходящее солнце, причем в одном и том же неподвижном положении и в одном и том же месте на небе – незабываемое зрелище и впечатление.

В этом году первым секретарем Ангарского городского комитета КПСС стал А. С. Антипов – милейший, добрейший и авторитетнейший человек, снискавший глубокое уважение как работников горкома, так и всех, кто с ним сталкивался. Одним из них был я. По рекомендации первого секретаря и решению городского комитета меня назначили председателем экономической комиссии при Ангарском горкоме партии (*фото 78*). В обязанности этой комиссии входили контроль и проверка экономической деятельности предприятий города, в том числе и комбината № 16, а в отдельных случаях и оказание им необходимой помощи. К моей все увеличивающейся производственной нагрузке на самой ТЭЦ-1 добавилась еще и эта трудная и ответственная общегородского масштаба. Тем временем со всех концов необъятного Союза на ТЭЦ-1 – «кузницу кадров для электростанций Сибири и Дальнего Востока», как ее называли в районном энергетическом управлении Иркутскэнерго и в главке Главвостокэнерго министерства электростанций, –

¹ К концу 1956 года на теплоэлектроцентрали работало 12 разных турбо- и 18 котлоагрегатов, их суммарная мощность составляла 300 МВт.

продолжали прибывать специалисты разного профиля, в том числе и молодые, выпускники высших учебных заведений. Основным поставщиком молодых инженеров-энергетиков был Томский политехнический институт (об одном выпускнике, Иване Тихоновиче Сычеве, прибывшем к нам по распределению в августе 1956 года и ставшим нашим другом, см. на с. 310–316).

Незаметно наступил и следующий, 1957 год. Город продолжал стремительно расти. Так, в феврале принял первых зрителей кинотеатр «Прогресс», вскоре переименованный в «Пионер», второй в городе. Комбинат № 16 освоил проектную мощность. В октябре состоялся пуск секретного атомного объекта п/я 79, или «десятки»¹, открыто называемого позднее атомным электротехническим комбинатом (руководитель В. Ф. Новокшенов), который сооружался совершенно секретно в соответствии с постановлением Совмина СССР о строительстве в Ангарске промышленного комплекса по переработке урана. Успешно велись работы по сооружению ТЭЦ-10 при этом комбинате. В декабре был принят в эксплуатацию вокзал поселка Майск. К этому времени на центральной площади города уже стояли новые здания и красивый дом со шпилем (*фото 79–80*). Все это лишь наиболее важные и значимые объекты и работы года.

Семейная жизнь продолжала идти своим чередом (*фото 81*). 25 февраля мы с ангарскими друзьями отметили 30-летие Раечки. Кудрявому розовощекому Митеньке исполнилось три года. Бабушка Хава не могла не восхищаться своим младшим внуком и на оборотной стороне его фотографии сделала такую надпись: *Димочка, расти большой на радость родителям и того тебе желает бабушка Хава. Целуем тебя, Димочка. 3-го марта 1957 г., Ангарск.* Ленечка учился в первом классе (*фото 82*).

Летом решением Ангарского горкома партии я был рекомендован, а впоследствии утвержден внештатным корреспондентом «Экономической газеты» по Ангарску и Иркутской области. Но самым важным событием года было решение первого секретаря горкома партии А. Антипова о приеме на работу Раечки на должность библиотекаря партийного кабинета и вечернего университета марксизма-ленинизма. На протяжении работы в партийной библиотеке, в течение почти шести лет, вплоть до отъезда из Ангарска – она зарекомендовала себя наилучшим образом. У служащих горкома партии, горисполкома и горкома комсомола, благо все они находились в одном здании Дома Советов, молодая, симпатичная и обаятельная Раечка пользовалась уважением, повышенным вниманием, непрекращаемым авторитетом и вызывала нескрываемую симпатию. Не вдаваясь во множество деталей и коллизий, возникавших

¹ В Красноярске аналогичный объект назывался «девятка».

временами на этой довольно ответственной работе с людьми, можно утверждать однозначно: Раечка в библиотеке парткома была на своем месте, украшала его и в то же время весьма дорожила им. Вообще, на протяжении всей жизни ее отличают порядочность, правдивость, доброжелательность, чуткость, общительность, любознательность, трудолюбие и еще многие другие положительные качества. Она добросовестно работала и при этом ежедневно решала семейные, бытовые и иные житейские проблемы, которые возникали. А каких усилий ей стоили уход и забота за двумя отличными мальчиками и одним взрослым мужчиной, знаем разве что Раечка и мы. Много добрых слов можно было бы еще сказать в ее адрес, но лучше пожелаю ей и в будущем в своем семейном кругу сохранить все то дорогое сердцу, что у нее уже есть, и что, даст Б-г, еще появится.

К 1958 году в Ангарске проживало уже более 134 тысяч жителей. Вступили в строй мебельная фабрика, молочный комбинат и ряд других объектов социально-бытового и культурного назначения. Возникла настоятельная необходимость в железнодорожном вокзале. В мае на Восточно-Сибирской железнодорожной магистрали Москва–Владивосток, рядом с городом, началось строительство такого вокзала. Оно длилось три года. Наша ТЭЦ-1 продолжала успешно работать, улучшая свои технико-экономические показатели и занимая по квартальным итогам работы первые места в социалистическом соревновании энергопредприятий Иркутского районного управления. Персонал электростанции регулярно продолжал получать премии за выполнение плановых заданий, экономию топлива и электроэнергии, безаварийную работу и др.

У меня, как и прежде, производственных дел и общественных нагрузок было много. Часто приходилось ездить на совещания и партийно-хозяйственные активы в районное энергоуправление, реже – в служебные командировки на энергетические объекты области и страны. Встречи с друзьями (Изя и Маша Касавины, Леня и Фира Гульман, Марк и Бима Яновские), как и прежде, оставались регулярными. А наши мальчики понемногу выросли. К этому времени¹ мы успели уже дважды перешагнуть через довольно сложный начальный обязательный трехлетний рубеж сибирского стажа и как-то приспособиться к суровой сибирской действительности, научившись и преодолевать возникающие трудности, и находить выход из проблемных жизненных ситуаций без посторонней помощи. А в тех условиях и в то время для нас это было очень важно. Значительно успешнее стали решаться и постоянно возникающие непростые производственные вопросы.

¹ А мне в этом году исполнилось аж 35!

Своими силами и за счет собственных средств электростанция построила для членов семей станционных работников прекрасный детский сад в центральной части города и отличный лагерь на озере Байкал. Одним из первых детсадовских детей стал наш Митенька. На всю жизнь запомнился нам первый детский утренник, проведенный воспитателями садика 8 Марта и посвященный Международному женскому дню. К этому праздничному утреннику и воспитатели, и малыши заблаговременно и тщательно готовились. В основном каждый из детей готовил вышитый платочек с каким-либо цветочком или рисунком и торжественно вручал его на утреннике своей маме. Как же довольна была наша молодая мама, когда ее четырехлетний сыночек своим шепелявым голосочком торжественно прочитал такие трогательные душевные слова: «Вот тебе, родная, в твой денек, аленький цветочек-огонек» – и подарил при этом маме под аплодисменты присутствующих платочек с аккуратно вышитым красным цветком. Волнующее и памятное событие! Как жаль, что этот первый, так старательно подготовленный для мамы детскими ручонками подарочек не сохранился у нас.

И совсем недавно, 52 года спустя, в такой же день 8 Марта, но уже не в Ангарске, а в Чикаго к нам пришел тот же младший сыночек Митенька – симпатичный спортивного сложения молодой человек, но уже отец двух милых дочек – Алиски, 25 лет, и Анечки, 21 года, – и тем же приятным, но уже не шепелявым голосом произнес не забытый детсадовский стишок: «Вот тебе, родная, в твой денек, аленький цветочек-огонек», – вручив при этом маме свежую алую розу с темно-зелеными листьями. Символично и трогательно...

Уже летом 1959 года Иркутская ТЭЦ-1 решением министерства стала первым из электростанций Сибири и Дальнего Востока предприятием коммунистического труда со всеми вытекающими из этого награждениями и поощрениями. Безусловно, это наши постоянные на протяжении семи лет усилия не пропали даром и дали реально ощутимые результаты. В этих условиях и я без ложной скромности, в составе руководящей административной тройки¹ (директор, главный бухгалтер и начальник планово-экономического отдела), которая отвечает за всю производственно-хозяйственную деятельность предприятия, посчитал себя причастным к нашему общему достижению. Что касается дальнейшего развития энергетической базы города и области, то следует особо отметить вступление в строй действующих мощнейшей по тому времени ТЭЦ-10, обеспечивающей электрической энергией Ангарский атомный энергохимический комбинат («десятку»), наряду с Иркутской и Братской ГЭС. К слову сказать, к этому времени Иркутская ГЭС достигла своей проектной мощности.

¹ По существующему в министерстве положению денежные поощрения и административные наказания утверждаются руководством Районного энергетического управления (РЭУ).

В 1960 году продолжалось наращивание промышленного и энергетического потенциала города, вышел на технологический режим и выдал первый бензин построенный в предшествующие годы Ангарский нефтеперерабатывающий завод, началось строительство ТЭЦ-9 при этом заводе. Кадры для вновь строящейся ТЭЦ-9 и последующей ее эксплуатации черпались в основном на нашей ТЭЦ-1. Так, главными инженерами и директорами этой электростанции в последующие годы и в разное время стали бывший начальник турбинного цеха А. П. Тараканов, бывший начальник электроцеха С. А. Мотыгина, бывший начальник цеха автоматики и КИП¹ В. М. Боровский, уступивший место после своего ухода И. Т. Сычеву, и др.

Жизнь семьи шла своим чередом. Уже три года Раечка работала в партийной библиотеке при горкоме партии и университете марксизма-ленинизма, умело сочетая работу с домашними хлопотами. Ленечке исполнилось 10 лет: он успешно окончил три класса средней школы и перешел в четвертый (*фото 83*). Митеньке исполнилось шесть лет, и он готовился к школе. Уже и школьная форма его ждала, не говоря о школьных канцелярских принадлежностях. Во время летних каникул и своего очередного отпуска Раечка с детьми ездила в Борисов к родителям, потом я, будучи в служебной командировке в Ленинграде², к ним на некоторое время присоединился. В эту командировку я ехал по линии научно-технического общества. Мне предстояло выступить с докладом на Всесоюзной научно-технической конференции, организованной секцией экономики, организации и планирования энергетики совместно с кафедрой экономики энергетики Ленинградского инженерно-экономического института имени Пальмиро Тольятти (зав. кафедрой доктор экономических наук профессор И. В. Гофман).

Тема моего доклада, подготовленного на основании восьмилетнего опыта работы в этой области на Иркутской ТЭЦ-1, была сформулирована следующим образом: «Некоторые вопросы совершенствования методики калькулирования себестоимости электрической и тепловой энергии на энергетических предприятиях». Доклад, сделанный специалистом, непосредственно работающим в этой области на далекой сибирской тепловой электростанции, вызвал оживленный интерес и не прошел незамеченным. Во время очередного перерыва со мной встретился профессор И. В. Гофман, который одобрительно отозвался о моем выступлении и предложил серьезно подумать о поступлении в заочную аспирантуру на его кафедру «экономика энергетики». Через два дня, пока еще продолжалась конференция, посоветовавшись с женой по теле-

¹ Контрольно-измерительные приборы.

² Ныне г. Санкт-Петербург.

фону, я ответил согласием профессору И. В. Гофману. После полагающихся в таких случаях формальностей уже на следующий день я официально стал аспирантом-заочником. Моя давняя тайная мечта осуществилась. В Борисов я, можно сказать, летел на крыльях. В Ангарск вернулся в новом качестве...

К усложнившейся производственной работе и расширившимся общественным делам добавилась еще и учебная нагрузка, к тому же ответственная и не такая уж малая. Ведь летом 1961 года, в соответствии с учебным планом кафедры, мне предстоит приехать в Ленинград и сдать первый экзамен по политэкономии капитализма, в основном по «Капиталу» К. Маркса. Это совсем не просто, если учесть нагрузку на работе, удаленность от места сдачи экзамена, невозможность регулярно воспользоваться проводимыми в Ленинграде консультациями, соответствующими методическими указаниями и рекомендациями, а также необходимые домашние дела и обязанности. Нелегко было «переварить» «Капитал» К. Маркса на 2-м курсе Ленинградского политехнического института, а теперь вот предстояло сдать этот предмет, к тому же как кандидатский экзамен. Размышляя над этим, невольно сам себе задал вопрос: «А хватит ли меня на все?» И в то же мгновение некое внутреннее чувство подсказало: «Должно хватить! Обязано хватить. Для счастливого будущего семьи непременно должно хватить!» Но размышления размышлениями, а дело надо делать. Успокоившись, я все-таки стал серьезно готовиться к очередной поездке и летнему экзамену, который в силу перечисленных причин я таки с треском провалил. При этом, однако, основательно ознакомился там с методикой подготовки к экзаменам. Во время зимней поездки я уже успешно сдал этот довольно сложный и каверзный предмет, затем второй аналогичный экзамен – по политэкономии социализма – летом следующего года прошел у меня, как говорят, на «ура».

Продолжалось продвижение и по служебной лестнице. Так, 14 октября 1961 года приказом директора № 131-к я был назначен заместителем начальника производственно-технического отдела (в нем работало около 20 человек), а вскоре – и его начальником (*фото 84*). Это решение было принято руководством электростанции в соответствии с договоренностью двух сторон о подготовке надежной замены на мою должность начальника планово-экономического отдела. После почти двухлетней кропотливой работы по подготовке такой замены руководителем была назначена – кто бы мог подумать? – Анастасия Александровна Дятлова! Та самая Ася, которая в поисках своего счастья так навязчиво и бесцеремонно поехала вместе с Евой Ефимовной, Раей и Ленечкой ко мне в далекую и в то время еще малоизвестную нам Восточную Сибирь. Поехала, не имея за плечами ровным счетом ничего: ни гражданского статуса, ни специальности, ни какой-либо материальной осно-

вы. Все эти годы Анастасия Александровна работала рядом со мной, набралась за это время достаточно большого опыта, успешно окончила заочно экономический техникум, обзавелась семьей и стала начальником.

С начала зимы этого года мы с Раечкой стали успешно осваивать катание на коньках. Являясь членами конькобежной секции ТЭЦ-1, о чем свидетельствовали выданные нам пропуска, мы имели счастливую возможность часто ходить на тренировки на построенный «десяткой» отличный стадион «Ангара», который располагался к тому же недалеко от нашего дома. А у нас была не только счастливая возможность, но и горячее желание скользить вечерами по гладкому льду под музыку. При этом особо следует отметить заметные успехи начинающей конькобежки, на зависть другим достигнутые ею на протяжении этого и следующего зимних сезонов.

На работе у Раечки дела шли по-прежнему хорошо. Митенька 1 сентября пошел в первый класс (*фото 86*), а Лёня, окончив четыре класса и получив начальное образование, – в пятый. До этого они вместе с мамой отдыхали в нашем летнем лагере, который ТЭЦ-1 организовала на озере Байкал для своих сотрудников и членов их семей: красота неописуемая, впечатления незабываемые (к великому сожалению, в качестве отдыхающего мне так и не удалось там побывать). Они отлично провели время в своем коллективе, а частенько и в компании с байкальскими рыбаками. В то же время группа работников электростанции летом организовала интереснейшую экскурсию на Братскую ГЭС, о которой с нескрываемым восторгом еще долго вспоминали ее участники.

Ангарск продолжал расти и хорошеть – был установлен памятник Ленину на Центральной площади, напротив Дома Советов (в то время событие весьма важное), открыты железнодорожный вокзал, филиал Института биофизики, Институт нефти и углехимического синтеза, Институт гигиены труда и профзаболеваний, Ангарский филиал Иркутского политехнического института, Центральный универмаг и др.

К этому времени я отработал после института уже три обязательных директивных срока, и мы стали всерьез задумываться о переезде поближе к родительскому дому. Естественно, к родительскому дому Раечки, так как моего дома вместе с семьей не стало еще 20 лет назад. Задуматься было над чем: если на учебном направлении было понятно, что делать, то на другом, более важном и перспективном – будущем переезде в родные края, наоборот, неясно. Как это сделать? Какого-либо подходящего решения этой животрепещущей проблемы в тот момент не находилось, а сомнения не покидали – слишком глубоко пущены за эти годы корни на далекой сибирской земле.

Тем временем наступил 1962 год, а вместе с ним очередные служебные и учебные хлопоты. О семейных и говорить не приходится: какие бы ни были,

они всегда приятные. По части производственной деятельности, пользуясь эзоповским партийным языком, можно «с удовлетворением констатировать», что наша ТЭЦ продолжала успешно работать, занимая ежеквартально первые места в соревновании энергопредприятий Иркутскэнерго. Немножко с нашей, а немножко и с божьей помощью персонал также исправно продолжал получать премии, а мы, административные работники, выполнять свои многообразные и порой нелегкие служебные и общественные обязанности. Продолжались и учебные дела.

Летом, как я уже упоминал, ездил в Ленинград и успешно сдал второй кандидатский экзамен по политэкономии социализма. Зато третий экзамен – по немецкому языку – кафедра любезно разрешила сдать на месте, и это было очень кстати. В соответствии с предварительной договоренностью с кафедрой иностранных языков Иркутского госуниверситета этот экзамен в конце года я успешно сдал. Остался последний, четвертый по счету, кандидатский экзамен по экономике, организации и планированию энергетического производства. В соответствии с учебным графиком это следовало сделать в будущем году на соответствующей кафедре в Ленинграде.

Летом Раечка вместе с нашими соседями по дому совершила кратковременную интересную поездку к подножию Саян¹. Там, в таежных массивах Восточных Саян (помимо других мест), у них, среди прочего, состоялась непредвиденная встреча с переселенцами из Прибалтики, которых до войны принудительно отправили на постоянное жительство в эту отдаленную местность.

Дети за эти годы приобрели себе друзей по школе и по двору и наряду с учебой занимались своими детскими делами. Леня увлекался конструктором, а позднее – столярным делом. Запомнилась и долго хранилась у нас изготовленная им в столярном кружке деревянная игрушка «Медведь за распилкой бревна». Митя начал увлекаться шахматами и музыкой. Я уже рассказывал, как он, находясь еще в детском садике, преподнес маме стихотворный подарок. Дружил он со своими одноклассниками Яшей Касавиным и Аликом Гульманом².

Ангарск продолжал стремительно расти вширь и вглубь. Так, в первом полугодии 1963 года был введен в эксплуатацию первый энергоблок ТЭЦ-9, директором которой стала С. А. Мотыгина³. В августе к городу была под-

¹ Саяны – горная система в Южной Сибири. Состоит из двух горных систем: Западный Саян и Восточный Саян.

² Алик живет в Израиле, Яша в Нью-Джерси, а Митя в Чикаго.

³ С. А. Мотыгина в 1961 году перевелась с ТЭЦ-1 на ТЭЦ-9 главным инженером, а в 1963 году стала директором. В 1972 году переехала в Ростов.

ведена нитка магистрального нефтепровода Туймазы–Ангарск протяженностью 3650 километров, и крупнейшая по тем временам нефтяная магистраль принесла в город башкирскую нефть. Районным управлением Иркутскэнерго была создана новая энергетическая организация – Ангарские тепловые сети. Увеличил выпуск продукции Ангарский энергохимический (урановый) комбинат. Наряду с энергетической базой города усиленными темпами продолжали развиваться промышленное производство, соцкультбыт и жилищное строительство. Этот год был особенно богат событиями, приятными и не очень.

Из скорбных событий следует прежде всего отметить полученное в марте сообщение из Ленинграда о скоропостижной смерти моего научного руководителя – заведующего кафедрой экономики энергетики, доктора экономических наук Игоря Валентиновича Гофмана. Преждевременный его уход из жизни я тяжело переживал, так как ценил его не только как человека и ученого, но и как талантливого учителя, который стремился довести мою учебу до логического конца. Только что, в марте, я выслал первую главу своей диссертации (около 60 страниц), с нетерпением ждал его рецензии и вызова в летний учебный отпуск для сдачи экзамена. Теперь работу мне предстояло заканчивать самостоятельно или искать нового научного руководителя. Им может стать только доктор наук, а тот единственный, который остался на кафедре, диссертационными проблемами не занимается.

Тем временем меня все настойчивее посещала мысль о возвращении в родные пенаты. На первых порах – после отработки первого обязательного трехлетнего срока – мы стояли перед дилеммой: ехать в родные края или нет? Значительно позднее – уже после завершения трех таких обязательных директивных сроков, после одиннадцатилетней работы в сибирской глубинке – эта мысль стала будоражить все настойчивее. Вот они, три этапа наших размышлений: ехать или не ехать, куда ехать и как это осуществить. Но самым главным оказался вопрос: с чего начать?

Прежде всего надо договориться с административным и партийным руководством районного управления Иркутскэнерго и Иркутской ТЭЦ-1 об условиях и порядке увольнения, с руководством городского комитета партии – об освобождении от общегородских и общественных нагрузок и об увольнении Раечки. Надо решить все бытовые дела, связанные с отъездом, незамедлительно начать налаживать внешние связи в поисках подходящего места жительства и соответствующего места работы. И все это делать сразу и одновременно.

Начать мы решили с обстоятельного письма в Минск Исааку, брату Раечки, с подробным изложением причин и планов нашего выезда. Исаак в то время

работал в одном из институтов Академии наук Белоруссии. Сохранилась копия отправленного в марте того года письма, вот его почти полное содержание:

Здравствуйте, дорогие!

Свое письмо хотелось бы начать с искренней благодарности за то внимание и заботу, которые вы так любезно и солидарно проявили по отношению к нам в жизненно важном для нас вопросе о смене места жительства... Поскольку в этом году он для нас наиболее важен, то о нем хотелось бы поделиться мыслями и планами.

Вопрос о выезде из Ангарска мы более-менее серьезно стали обдумывать в последние год-два. Наиболее остро он встал на повестку дня в последнее время и, главным образом, с февраля-марта этого года. Основных причин к этому несколько, но главнейшими следовало бы считать четыре.

Во-первых, уже прошло более десятилетия, как мы удалились на довольно значительное расстояние от дома, родных, европейской цивилизации и др. К настоящему времени дети немного подросли и чувства родства у них явно притуплены – не они тому вина. Все мы за это время также не помолодели, не говоря же о старших. Мы знаем, что этого давно очень ждут дома.

Во-вторых, на работе за прошедшее время я набрался хотя и не очень много, но и немало опыта. В настоящее время процесс работы начинает превращаться хотя и в хорошо оплачиваемый, но относительно однообразный процесс. Если такой характер труда мог бы в какой-то степени дать моральное удовлетворение на постоянном месте жительства, то на нашем месте, которое, безусловно, считаем временным, хотя и достаточно продолжительным, это исключается.

Правда, не один раз – а это зависит во многом и от себя – мне предлагали более высокие и более перспективные должности, но согласиться на это значило получить постоянную или почти постоянную прописку в Сибири, на что, естественно, согласиться нельзя. С этой точки зрения, как мне кажется, я перешел работать на такое место, с которого должен уйти наиболее безболезненно, хотя и не без некоторых усилий.

В-третьих, в принципе моя учеба стала подвигаться к заключительной, хотя и наиболее тяжелой, ответственной и важной части. Но в этом вопросе появилось непредвиденное и немаловажное пре-

пятствие, преодолеть которое, находясь на таком большом расстоянии, довольно тяжело. Дело в том, что менее недели тому назад получил печальное сообщение о том, что мой научный руководитель скончался неожиданно. И это обстоятельство тем более заставляет нас не тянуть больше с этим¹...

Четвертая причина пусть пока останется нераскрытой – о ней поговорим непосредственно²

...Как мы себе мыслим переезд, куда и когда? Можно было бы поехать в Северодонецк Луганской области – нас туда приглашали хорошие знакомые, равно как и в один из городков Молдавии. Но это исключается по разным, скорее всего, по всем причинам. О Мелитополе, я думаю, и вовсе нечего говорить. Минск, бесспорно, имеет наиболее важные преимущества, особенно для детей (Леня, например, у нас уже два года посещает спортивную школу). Там больше учебных заведений, какая ни есть Родина и др. Но никакой договоренности у меня в настоящее время ни с кем в Минске нет.

В начале года написал письмо одному человеку, но судьба моего послания мне неизвестна, поскольку адрес был старый. Даже prospect Сталина так и записан (кстати, сообщите, пожалуйста, как он переименован: ведь названия не успевают за событиями). Во всяком случае, мне также кажется, что с работой устроиться будет не очень сложно. Предпочтение все же хотелось бы отдать производству, а не научно-исследовательским или иным институтам, хотя и это вовсе не исключается.

Не только характер и место работы, но и реальность и быстроту получения жилья придется принимать во внимание в первую очередь. Гораздо сложнее будет, бесспорно, с пропиской, если даже учесть, что мы временно воспользуемся вашими неоценимыми услугами по части проживания.

¹ Более подробно см. выше.

² Теперь, по прошествии стольких лет, можно и об этой нераскрытой в то время четвертой причине рассказать. Дело в том, что к тому времени экологическая обстановка в городе и его окрестностях резко ухудшилась и стала весьма угрожающей. Отравляющие атмосферу выбросы работающих на полную мощность производств и цехов комбината № 16 привели к уничтожению всей растительности в округе – многолетние сосны стали засыхать. Часть детских садов вынуждены были закрыть, число болящих и болезней в городе стремительно возросло. Этому в значительной степени поспособствовал и начавший работать неподалеку атомный энергохимический комбинат («десятка»). В этом районе появилась реальная угроза человеческой жизни.

Мне думается, что за два-три месяца мы все же совместными усилиями и это решим – от нас уже многие уехали в разные крупные города, включая Москву, и никто не вернулся обратно: все как-то устроилось, все прописались так или иначе, и, очевидно, мало кто пожалел об этом.

Материально (разумеется, не в смысле каких-то накоплений) мы подготовлены к выезду полностью, морально тем более, а на время устройства мы также не должны будем испытывать материальные трудности, так что не это главное.

Постараемся выехать все сразу – иначе может не получиться. Это должно быть сделано летом – желательно в июне-июле, но по условиям моей работы, очевидно, не ранее августа...

Такое вот письмо, полное надежд и оптимизма, но не учитывающее советскую реальность, было написано мною тогда, в марте 1963 года.

...В один из апрельских дней, когда мне уже исполнилось 40 лет, я по счастливой случайности взял в руки очередной номер «Экономической газеты», внештатным корреспондентом которой был уже несколько лет. В разделе «Объявления» прочитал заинтересовавшую меня информацию Госплана Белорусской ССР о том, что объявлен набор высококвалифицированных специалистов-энергетиков для разработки топливно-энергетических балансов республики во вновь организованный Вычислительный центр. Сразу мелькнула мысль: это именно то, что мне нужно!

Почта и телеграф сработали мгновенно, и вскоре я получил предложение выслать требуемые документы, а также приглашение на интервью в Минске. Внезапно проблемы, решение которых совсем недавно казалось совершенно нереальным и отдаленным, стали актуальными благодаря цепочке неожиданных событий: объявление в газете, учеба в заочной аспирантуре, приглашение на интервью и последующую работу в Минск, своевременно подготовленная мне замена на занимаемой должности – и приблизили мое увольнение и наш отъезд. Что это было? Свершившееся чудо, чистая случайность, невероятное везение, «госпожа удача»? А может, заслуженное вознаграждение за многолетний добросовестный труд в тяжелейших условиях Сибири? Так или иначе, мне показалось, что я получил счастливый билет, которому нет цены. Радость от того, что мы вскоре сможем перебраться поближе к родным, и у нас в Ангарске, и дома у родителей в Борисове, и у брата Исаака в Минске, невозможно описать. После достижения договоренности о моем увольнении с руководством горкома партии и районного управления Иркутскэнерго и Иркутской ТЭЦ-1 директор станции Исаак Львович Хазовский 1 августа 1963 года подписал приказ № 97-к о моем увольнении с 7 августа в порядке перевода для

дальнейшей работы в научно-исследовательский институт. Я смотрел на этот приказ и не мог поверить своим глазам.

...Настала минута прощания с Исааком Львовичем, директором Иркутской ТЭЦ-1. Я ему многим обязан – именно он оказал существенное влияние на мое становление как специалиста-энергетика. Действительно, с его помощью и при его содействии стал возможным мой профессиональный рост от начинающего инженера-экономиста до руководителя ведущего отдела сложнейшей тепловой электростанции – производственно-технического. В знак глубокого уважения и в память о нашей совместной плодотворной работе на ТЭЦ-1 в течение 10 сложных и трудных для меня лет я подарил Исааку Львовичу хорошо изданный и прекрасно оформленный многостраничный энциклопедический экономический справочник с дарственной надписью. На прощание мы крепко пожали друг другу руки, и это отеческое рукопожатие, теплые напутственные слова и пожелания успехов в дальнейшей работе и жизни, где бы я ни был и чем бы ни занимался, еще долго согревали мне душу.

Попрощались мы также и с работниками станции и горкома партии, где Раечка успешно работала в течение шести лет в партийной библиотеке. Быть может, не таким трогательным, как у меня, было это прощание, но не менее душевным и дружеским, надолго запоминающимся. При подписании приказа об увольнении Раи первый секретарь горкома партии А. С. Антипов в присутствии всего коллектива сказал: «Если вас там плохо встретят, возвращайтесь к нам. Мы вас всегда с радостью устроим на самую подходящую работу». Нужны ли более высокая оценка работы и более официальное приглашение, чем сказанное первым лицом и «хозяином» этого далекого сибирского города? Думаю, нет.

И вот он наступил, день нашего отъезда. Утром 3 августа к дому № 33 на улице Московской подъехала грузовая машина с мебелью и съестными припасами. Буквально через час в нашей опустевшей уже квартире были расставлены складные столы и стулья, настелены скатерти, поставлены бутылки с коньяком, водкой и шампанским, разнообразные закуски. Вскоре появились и провожающие – более трех десятков человек. Делегацию представителей ТЭЦ-1 возглавлял будущий директор Е. Почекутов, а горкома партии – второй секретарь М. Ткаченко. В эти короткие часы расставания были сказаны самые теплые и искренние слова и напутствия, и неизбежно подумалось: а ведь мы расстаемся со ставшими очень близкими нам людьми, самыми дорогими друзьями.

...Медленно подходит к перрону ангарского вокзала пассажирский поезд Иркутск–Москва, который через несколько минут умчит нас навсегда в Европу, к родительскому дому. Смешанные чувства испытывали мы в эти минуты: одновременно и грустно, и радостно. Прощальные крепкие дружеские

рукопожатия, объятия, поцелуи. Прощальный свисток. Мы машем руками провожающим, они отвечают тем же. Вокзал и провожающие скрываются из виду.

Едем на запад, а долгая дорога и свободное время способствуют размышлениям и некоторому подведению итогов. Действительно, я впервые ступил на сибирскую землю один в марте 1952 года, а Раечка с Леней приехали через пять месяцев в августе. Уезжаем мы после более чем одиннадцатилетнего пребывания здесь с двумя любимыми сыновьями – борисовчанином Леней и ангарчанином Митей. Сколько здесь оставлено добрых дел и верных друзей! Счастья вам, сибиряки, давшие нам в свое время надежный приют и хорошую перспективу. Впереди у нас опять неизвестное будущее...

* * *

Итак, из Ангарска в Минск мы выехали пассажирским поездом, который шел теперь из Иркутска до Москвы всего четверо суток, а не семь с половиной, как 10 лет назад. Пока поезд стремительно мчал нас на запад, в голове все время мелькали, наподобие дорожных столбов, судьбоносные даты:

– еще до 1 августа 1963 года приказом по Иркутской ТЭЦ-1 № 97-к я был уволен в порядке перевода для дальнейшей работы в научно-исследовательский институт;

– 3 августа нас торжественно провожали сибиряки, провожали в неизвестность;

– 10 августа приказом по Вычислительному центру при Госплане Белорусской ССР № 247 я уже был зачислен на должность главного инженера лаборатории подготовки и программирования инженерно-экономических задач.

Кто мог подумать еще неделю тому назад, что такой стороной повернется ко мне фортуна?! Действительно, повороты судьбы непредсказуемы...

Часть вторая. ОТ АНГАРСКА ДО ЧИКАГО

На белорусской земле (9 августа 1963 – 26 ноября 1988)

...Впервые за одиннадцать с половиной лет мы, уютно расположившись в купе пассажирского вагона, всей семьей едем в столь долгожданную сторону – на запад, в родные места. Поезд мчится с огромной скоростью, особенно на сибирских просторах, под перестук колес мелькают придорожные телеграфные столбы, и мы уносимся вперед, оставляя позади все большее расстояние.

Еще быстрее мелькающих за окном телеграфных столбов проносятся в голове сумбурные мысли, невероятные идеи, заветные мечты. И это понятно – столько внезапных событий произошло в последнее время! Случайно взял я в руки «Экономическую газету» и заметил набранное мелким шрифтом объявление о конкурсном наборе специалистов в создающийся Вычислительный центр при Госплане БССР для разработки топливно-энергетических балансов республики и, главное, получил согласие Госплана БССР на мою работу в этом центре. Всю дорогу я обдумывал наше будущее, и прежде всего основные проблемы, связанные с работой, учебой и бытом. Беспокойство вызывало многое, и прежде всего: хватит ли моего производственного опыта, накопленного в Сибири, для успешной работы в предлагаемой Госпланом области энергетики, как сложится дальнейшая учеба в ленинградской аспирантуре после неожиданной кончины моего научного руководителя, как справлюсь я с бытовым устройством семьи? Все эти и другие проблемы теперь предстояло решать. Тем временем мы приближались к Борисову – первой долгожданной промежуточной остановке.

...Виднеется хорошо знакомый железнодорожный вокзал, на который мы не один раз приезжали издалека и с которого с сожалением уезжали. Здесь нас тепло встречают Фала Ирмович и Ева Ефимовна, родители Раечки, ее младший брат Исаак с женой Мартой, живущие в Минске, и другие близкие

родственники. Сколько времени мы все терпеливо ждали этой счастливой минуты, ждали упорно и настойчиво, и, наконец, дождались. Объятия, поцелуи, слезы радости... Родители не помнили себя от счастья, видя, наконец, нас, конечно, за время разлуки немножко возмужавших, и соответственно подросших детей.

Едем на нашу Комсомольскую, 18, в родительский дом... Что может быть дороже и надежнее этого теплого домашнего очага? Естественно, наше возвращение из сибирской глубинки после столь длительного пребывания там было торжественно и достойным образом отмечено, в чем приняли участие и уважаемые квартиранты Тодрины – Миша и Тамара, и добрые соседи Карчевские (*фото 85*).

Ранним утром 10 августа, оставив Раечку с детьми у счастливых родителей, я вместе с Исааком и Мартой отправился к ним в Минск, где они жили в своем, недавно построенном частном доме, расположенном на окраине города, на улице Земледельческая, 36. В тот же день я разыскал среди новостроек здание Вычислительного центра при Госплане Белорусской ССР (*фото 87*), которое располагалось в другом конце города, недалеко от Парка челюскинцев. Зашел, представился директору Вычислительного центра Н. Полонскому, предъявив направление Госплана республики и соответствующие документы. В этот же день приказом № 247 я был зачислен на должность главного инженера лаборатории подготовки и программирования инженерно-экономических задач. Лабораторию возглавлял кандидат экономических наук Юлий Борисович Розенталь, уже имевший некоторый опыт в области разработки топливно-энергетических балансов.

* * *

Здесь следует сделать небольшое, хотя и не лирическое отступление. Не хотелось бы думать, что перемены в нашей судьбе оказались случайностью. На самом деле я пытался найти подходящее место работы в области энергетики задолго до нашего отъезда из Ангарска: и во время многочисленных командировок, и на всесоюзных научно-практических конференциях, в которых я участвовал, и при личных контактах со специалистами. Об одной такой попытке, в свое время неосуществившейся, расскажу подробнее.

Как я уже отмечал, в Ангарске моей заветной мечтой было желание переехать поближе к родным местам, разумеется, после окончания обязательного трехлетнего срока работы по распределению. Наиболее подходящей во всех отношениях я считал столицу Белоруссии, где уже имелся относительно мощный энергетический центр – Главное управление энергетики и электрификации при Совете Министров БССР, или Белглавэнерго. Поэтому во время одной

из служебных командировок заехал в Минск и зашел в Белглавэнерго. Из разговоров с сотрудниками узнал, что начальником отдела труда и зарплаты здесь работает бывшая моя сокурсница по Ленинградскому политехническому институту Валентина Павловна Мигай, с которой мы больше 10 лет – с момента окончания института – не виделись. Конечно, наша случайная встреча оказалась приятной и к тому же пришлось для меня очень кстати.

Валя незамедлительно предложила мне пройти в свой служебный кабинет, где она тотчас же горделиво направилась к начальническому креслу. Естественно, начался продолжительный душевный, откровенный и заинтересованный разговор. Подробно расспросив – помимо всего прочего – о цели моего визита в Минск и посещения Белглавэнерго, Валя предложила побеседовать на тему моего возможного устройства на работу с ее начальником – авторитетнейшим энергетиком и членом правительства республики Яковом Ефимовичем Ботвинником. К счастью, он смог принять Валю и меня для беседы в ближайший час. После знакомства Яков Ефимович – в высшей степени опытный руководитель – предложил мне подумать о возможности переезда не в Минск, а в Витебск, на освобождающуюся в ближайшее время должность начальника планово-экономического отдела районного управления Витебскэнерго – одного из нескольких управлений, входящих в состав главка. О прямом переезде в Минск в то время не могло быть и речи, поскольку существовал строжайший запрет Министерства энергетики и электрификации СССР на прием в западные регионы страны специалистов-энергетиков из Сибири и Дальнего Востока. Единственное, но весьма ценное обещание, которое Яков Ефимович тогда дал, это в обозримом будущем перевести меня из Витебскэнерго в Минск, в систему Белглавэнерго, так как право перемещать специалистов внутри своего энергетического ведомства он имел. Появилась надежда. Но вскоре я случайно прочитал то самое объявление в «Экономической газете»... К слову сказать, о том, что эта попытка устроиться на работу в Белглавэнерго не осуществилась, я впоследствии не жалел.

* * *

Заведующий лабораторией Юлий Борисович Розенталь встретил меня дружелюбно, познакомившись, «прощупал» мои знания в области топливно-энергетических балансов, дал задание и порекомендовал соответствующую научно-техническую литературу. Наступили обычные трудовые будни.

Вид установленных в отдельном помещении электронных цифровых вычислительных машин (ЭЦВМ) типа «Урал-2» и «Урал-4», первых ламповых машин, охлаждаемых холодной проточной водой, и брызги многочисленных фонтанчиков скорее настраивали на романтический лад, чем походили на вычислительную технику. Постепенно я познакомился с трудившимися здесь

специалистами, главным образом экономистами, программистами и административными работниками. Осваиваясь на своей новой службе, я чуть не упустил из виду, что приближается 1 сентября, а с ним и начало учебного года в образовательных и специализированных школах. Где будут учиться Ленья и Митя, которые вместе с мамой еще находятся у родителей в Борисове?

Прежде всего переехали всей семьей в Минск, на первое время к Исааку с Мартой по их любезному приглашению. В доме нас сразу стало семеро: Исаак и Марта с дочкой, первоклассницей Ирочкой, и все мы. По существовавшим в то время в стране и республике законам граждан любого возраста и пола не принимали ни на работу, ни на учебу без прописки, для которой необходимо было иметь постоянное или временное жилье площадью не менее 12 квадратных метров на человека. Что и говорить, дополнительных 48 квадратных метров в доме Исаака не было. Попытка прописаться у него оказалась безуспешной, более того, опасной, так как грозила внушительным денежным штрафом ему и выселением за незаконное проживание без прописки, пусть даже у родственников, нам. И все же мы были вынуждены временно жить без прописки у Исаака с Мартой со всеми вытекающими из этого трудностями и возможными неприятностями для всех. Сейчас здесь, в благословенной и цивилизованной Америке, где ничего подобного не было никогда, мы вспоминаем о той ситуации с большой грустью и с еще большим негодованием. А тогда с трудом удалось договориться с руководством рядом расположенной средней школы о приеме на учебу Лени в седьмой класс и Мити в третий. Так, в ответ на обращение директора к двум учительницам третьих классов: «Кто возьмет этого мальчика в свой класс?» – одна из них, безусловно, более благородная и душевно щедрая, сказала:

– Я возьму этого мальчика и думаю, что он не подведет...

Этот мальчик, Митя, не только не подвел класс и учительницу, но и оказался одним из лучших по успеваемости и поведению. В частности, по французскому, а школа была с углубленным изучением этого языка – к концу года он имел отметку «пять».

Относительно благополучно решив проблему с дальнейшей учебой детей, я постарался и сам ее продолжить, причем в ускоренном темпе. Стал активным участником научно-технических конференций и совещаний, на которых обсуждались вопросы совершенствования экономики энергетики, и начал публиковать статьи в сборниках научных трудов. Так, к концу 1963 года появилась первая такая публикация¹, в дальнейшем их стало намного больше.

¹ Некоторые вопросы совершенствования методики калькулирования себестоимости электрической и тепловой энергии // Материалы научно-технического совещания по вопросам планирования, учета, анализа и снижения себестоимости электрической и тепловой энергии / ИНТИЛ. Минск, 1963.

Занимаясь научно-технической работой, которая стала главной в моей деятельности, я также активно участвовал в общественно-политической и воспитательной работе, и в конце этого же года был избран членом профсоюзного комитета, а вскоре – и председателем¹. Расширилось и знакомство с сотрудниками Вычислительного центра. Теперь, по прошествии почти полувека, трудно вспомнить многих. В памяти остались лишь директор Н. Полонский, заместитель директора по научной работе Я. Иппа, зав. лабораторией энергобалансов Ю. Розенталь, руководитель группы ЭЦВМ Ю. Строцев, руководитель группы программистов В. Емеличев, зав. лабораторией математического моделирования О. Цюпа, зав. секторами А. Раков, И. Голованчиков, М. Левин, сотрудники И. Клебанов (Раечкин брат), В. Шлефрин, В. Каган, М. Геллер и другие, а также участники войны Л. Овсицер, П. Дармоян, Я. Рубин, С. Анохин.

Об одном из участников войны хочется написать особо. Лев Петрович Овсицер – в прошлом полковник Советской армии, заслуженный военный летчик, получивший множество боевых наград. ... Накануне нового 1964 года по линии городского научно-технического общества «Знание» очередную лекцию на политическую тему, на этот раз она называлась «О глобальной проблеме евреев и Израиля», для сотрудников Вычислительного центра² поручили провести малоизвестному тогда Вячеславу Зайцеву. Каким образом лекция на эту тему была санкционирована руководством городского общества «Знание», для меня до сих пор остается загадкой. Во время лекции многочисленная аудитория недоуменно молчала, никак не выражая своего отношения, но на следующий день в ЦК и КГБ Белоруссии поступил донос о сионистском содержании лекции. На Льва Овсичера (*фото 88*), по его словам³, это произвело сильное впечатление и послужило еще одним толчком к активной сионистской деятельности. К тому времени он уже был знаком с отставными офицерами-отказниками, близкими ему по духу и настроению, в частности с полковниками Ефимом Давидовичем и Наумом Альшанским⁴. Вскоре Лев Петрович стал одним из видных лидеров движения за право советских евреев на репатриацию в Израиль, а впоследствии почетным полковником Армии обороны Израиля, почетным гражданином Иерусалима, председателем израильского Союза ветеранов Второй мировой войны – борцов с нацизмом.

¹ В последующем это сыграло важнейшую роль в решении нашей жилищной проблемы и той самой злосчастной прописки, о которой я уже писал.

² Постановлением Совета Министров БССР № 2 от 16 мая 1965 года Вычислительный центр был переименован в научно-исследовательский Институт экономики и экономико-математических методов планирования (НИИЭМП) при Госплане Белоруссии.

³ Овсицер Л. Возвращение. 2-е изд-е, испр. и доп. Иерусалим: Кахоль–Лаван, 2007. 399 с.

⁴ Его сын Михаил возглавляет в Израиле Белорусское землячество (*прим. ред.*).

Когда в 2007 году в Америку пришла скорбная весть о кончине Льва Овсищера, мы – Раечка и я – не могли не вспомнить этого замечательного человека, которого хорошо знали по НИИЭМПу в течение двух с половиной лет. Десять статей с воспоминаниями о Льве Петровиче, в том числе и наша – «Вспоминая Льва Овсищера», были опубликованы в июле-сентябре 2007 года¹.

Тем временем моя работа продолжалась в прежнем темпе. В 1964 году, в марте, меня назначили на должность главного инженера группы топливно-энергетических балансов, и это уже было намного ближе к моей квалификации. Самым главным и радостным событием первого полугодия, которое даже можно назвать судьбоносным, явилось решение Госплана БССР и руководства института выделить мне, как и другим сотрудникам, жилплощадь в Минске. 6 мая, накануне Дня Победы, в Советском райисполкоме города мне выдали ордер № 25070 на столь долгожданное собственное жилье – на восточной окраине города на улице Калиновского, дом 23, квартира № 43. На четвертом этаже 5-этажной «хрущевки», недалеко – в 20 минутах ходьбы – от института, двухкомнатная квартира площадью 27 квадратных метров! Вся наша семья с нетерпением ждала семь месяцев и 25 дней и, наконец, дождалась желанной жилплощади. Исаак с Мартой остались жить в своем доме № 36 на улице Земледельческой, впоследствии переименованной в Мирную (дом получил номер 49). Сколько же было пережито неприятностей на работе за это время! Хотя бы последнее, когда при оформлении ордера на уже выделенную квартиру потребовались паспорта со штампом прописки в Минске, которой у нас не было... Сколько раз в течение этого времени мне пришлось в срочном порядке, причем иногда и без острой научной необходимости, выезжать в служебные командировки в Москву²! Дело в том, что органы милиции периодически проводили плановые, а чаще внеплановые проверки паспортов всех сотрудников на наличие в них минской прописки. Те, у кого штампа о прописке в паспорте не было, подлежали немедленному увольнению, а руководство наказывали. Об этих проверках органы милиции извещали руководство НИИ, как правило, за день или накануне. Поскольку строго инспектировалось при этом и само руководство института, оно, естественно, было заинтересовано, чтобы обнаруживалось как можно меньше таких нарушений. Я думаю, легко догадаться о связи моих скоропалительных командировок в Москву с внеплановыми милицейскими проверками в Минске.

¹ См. Приложение 13.

² К этому времени мы уже сотрудничали с научно-исследовательской лабораторией экономики и организации производства Московского инженерно-экономического института имени С. Орджоникидзе.

Теперь, когда у нас появилась, наконец, квартира, сами по себе стали решаться казавшиеся ранее неразрешимыми вопросы. К примеру, в одночасье определилось место будущей учебы Лени и Мити. 1 сентября одному предстояло идти в восьмой класс, а другому – в четвертый. Начали они новый учебный год в расположенной неподалеку от нас новой средней школе № 93. Однако до этого, в летние августовские дни, мы уже спокойно позволили себе погостить несколько дней у родителей в Борисове, посетить всей семьей двоюродную сестру Анечку, а заодно и сфотографироваться на память.

Благополучно решился и другой важный вопрос – где и кем будет работать Раечка: в июле она была принята в отдел информации НИИЭМП библиографом (*фото 89*). Оформляла ее на работу инспектор по кадрам Галина Ровнова – симпатичная молодая женщина, которая сама недавно приступила к работе на этой должности и с которой они потом долгое время дружили. К ним впоследствии присоединились Клара Рохлина, Алла Анчевская, Эмма Найдович, Ашхен Егишевна, фамилии которой, увы, не помню.

На фоне моей продолжающейся интенсивной научной деятельности в НИИЭМПе главным событием года, и одним из главных событий в моей трудовой биографии, стало открытие в Минске, согласно приказу Минэнерго СССР № 236 от 13 августа 1964 года, Белорусского филиала Государственного научно-исследовательского энергетического института (БелЭНИИ) имени Г. М. Кржижановского. Директором открывшегося института назначили Владимира Сергеевича Ермакова, бывшего заместителя министра энергетики СССР, затем работавшего в Госплане БССР. Его ближайшим помощником и организатором создания филиала стал Григорий Борисович Пекелис (*фото 90*) – личность в белорусской энергетике заметная: в течение 12 лет он работал главным инженером Главэнергоуправления при Совмине БССР (1944–1956), руководил подчиненными структурами энергетики, занимал в Госплане БССР различные должности (1956–1959), заведовал лабораторией общей энергетики Института энергетики АН БССР (1959–1962), сочетая научную работу с производственной. В 1962 году он стал доцентом кафедры экономики промышленности Белорусского политехнического института на более чем 10 лет¹. О нем писал его сын В. Г. Пекелис: «Григорий Борисович был незаурядный инженер производственник с прекрасными организаторскими способностями и огромным творческим потенциалом, блестящий педагог, создатель оригинального курса экономики энергетики, талантливый ученый, добрый и отзывчивый, глубоко порядочный и скромный человек»². На базе лабораторий Института энергетики АН БССР,

¹ Жизнь и талант, отданные энергетике: К 100-летию Г. Б. Пекелиса / Сост. В. Г. Пекелис. УА «Технопринт». Минск, 2005. С. 9–10.

² Там же. С. 2.

где одной из лабораторий электроэнергетики руководил Г. Б. Пекелис, а другой – Э. Б. Ахундов, и создавался БелЭНИН. Тот самый, в котором мне было суждено проработать более 22 лет, до ухода на пенсию по возрасту. Но пока до этого было далеко, и я продолжал успешно трудиться в НИИЭМПе над разработкой топливно-энергетического баланса республики.

Тем временем БелЭНИН начал полным ходом комплектоваться кадрами энергетиков и программистов. Наряду с некоторыми другими, в состав отдела общей энергетики, которым руководил Григорий Борисович Пекелис (одновременно доцент кафедры экономики промышленности Белорусского политехнического института), вошел и сектор оптимизации электростанций. Возглавлять этот сектор, по рекомендации Григория Борисовича, был назначен Владимир Ефимович Минков – молодой и энергичный инженер-энергетик, успешно защитивший в БПИ летом 1964 года диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. С этим сектором и лично с его руководителем В. Е. Минковым началось наше научное сотрудничество, так как тематика наших разработок – топливно-энергетические балансы отдельных регионов (в НИИЭМПе) и системы автоматизированного анализа технико-экономических показателей блочных тепловых электростанций (в БелЭНИНе) – оказалась очень близкой. Это позволило, например, во время служебной командировки от НИИЭМПа на Березовскую ГРЭС собрать в котельном и турбинном цехах электростанции необходимые материалы для разработки системы автоматизированного анализа для БелЭНИНа, подписать соответствующие акты и получить там впоследствии, пусть и небольшое, но вознаграждение за выполненную для них работу.

Молодые сотрудники НИИЭМПа проявляли большую активность при подготовке и проведении различных культурно-массовых мероприятий, особенно при организации вечеров отдыха. Выступления таких самодеятельных артистов, как Володя Шлефрин, Виля Каган, Марик Геллер, Алла Платонова, в подготавливаемых спектаклях вызывали неизменный интерес и надолго запоминались. Особенно эффектно смотрелись сцены, в которых артисты исполняли роли пьяных персонажей.

В канун Дня Победы – 7 мая 1965 года – в институте прошло торжественное собрание сотрудников, посвященное 20-летию этой славной даты. Вести собрание руководство института и партийное бюро поручили председателю местного комитета, то есть мне (*фото 91*).

...Приближалось жаркое лето. К этому времени дети успешно закончили учебу: Митя четвертый класс и Леня восьмой средней школы № 93. Можно было собираться куда-нибудь на отдых. На этот раз выбрали теплое Азовское море, тем более что близко город Мелитополь, в котором жил тогда Моисей, брат Раечки, с семьей. Собрались дружно и впервые за многие годы всей боль-

шой семьей, включая родителей (*фото 92*). Я не мог им составить компанию, так как в это время должен был выступить на научно-технической конференции в Минске с докладом «Применение вычислительной техники в энергетике».

После завершения планового комплекса работ по топливно-энергетическим балансам приказом директора № 81 от 31 марта 1966 я был «освобожден от занимаемой должности в связи с переводом в Белорусский филиал энергетического института имени Г. М. Кржижановского». Моя долгожданная мечта – работать в большой энергетике осуществилась, чему я был чрезвычайно рад.

В это время руководил институтом Алексей Петрович Воробейчиков, в прошлом ответственный работник Госплана республики, исключительно порядочный и авторитетный человек. Нельзя не сказать о нем хотя бы несколько слов: высококвалифицированный специалист в области экономики и финансов и при этом добрейший и чуткий человек, каковые встречаются в жизни не так уж часто. На протяжении совместной работы у нас не возникало никаких конфликтов при решении общеинститутских проблем, несмотря на то, что я входил в руководящий треугольник института (директор, секретарь партийной организации и председатель местного комитета). За время работы в НИИЭМП – более двух с половиной лет – я получил пять поощрений и наград.

Итак, приказом директора БелЭНИНа Владимира Сергеевича Ермакова № 57 от 18 апреля 1966 года я был зачислен на должность группового инженера сектора оптимизации, которым руководил кандидат технических наук Владимир Ефимович Минков. С переходом на постоянную работу в БелЭНИН, о котором я все время и тайно и явно мечтал, фактически начался качественно новый этап в моей работе и жизни.

После первых, наиболее трудных лет в Минске я наконец продолжил прерванную в свое время научную работу, а также подготовку к защите кандидатской диссертации. Прежде всего вместе с руководителем сектора определили наиболее важную и актуальную для того времени и в тех условиях проблему крупной энергетики – это улучшение экономической работы крупных тепловых электростанций. Нашли и заинтересованную в такой работе крупную блочную электростанцию – Березовскую ГРЭС, самую мощную по тому времени электростанцию Белглавэнерго, с которой вскоре и был заключен договор на выполнение работ по созданию системы автоматизированного анализа технико-экономических показателей и оценки деятельности персонала. Такую систему предполагалось разработать на основе применения цифровых вычислительных машин. Сразу же стала более конкретной и очевидной тема будущей диссертации. Одновременно с переходом на должность группового инженера в числе первых я был принят в аспирантуру БелЭНИНа и зачислен на два года для завершения ранее начатой учебы в аспирантуре Ленинградского инженерно-экономического института. Были утверждены тема диссер-

тационной работы и новый научный руководитель (вместо скончавшегося за три года до этого профессора И. В. Гофмана) – заведующий сектором оптимизации, в котором я начал работать, В. Е. Минков. С ним, к слову, мы продолжаем успешно сотрудничать и по сей день и живем в Чикаго недалеко друг от друга. Работа пошла в ускоренном темпе. О том, что удалось сделать за два года (1966–1967), можно судить по списку основных выполненных научно-исследовательских работ и сделанных по результатам проведенных исследований докладов на научно-технических конференциях¹.

В тот год высшие власти чествовали бывших воинов-фронтовиков. Так, за участие в Сталинградской битве, хотя и со значительным опозданием, мне вручили солдатскую воинскую награду орден Красной Звезды, а в связи с 20-летием Победы – медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вспомнили также о погибших и без вести пропавших во время войны воинах. Родители Раечки получили наконец официальное извещение Мелитопольского райвоенкомата о судьбе их сына Мимы²:

Ваш сын, рядовой Клебанов Михаил Фаилович, уроженец ст. Рыштан, Куйбышевского р-на Ферганской области (так в документах, хотя и явная ошибка. – *прим. автора*), в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, находясь на фронте, погиб 30 июля 1943 года.

Отдел учета потерь сержантов и солдат
СП МО СССР № 659/51225 от 14 мая 1966 г.

подпись, печать

Это явилось для семьи некоторым утешением, а в последующие годы основанием для занесения имени и помещения фотографии в Книгу памяти воинов-евреев, погибших в годы Великой Отечественной войны, изданных Союзом евреев-инвалидов и ветеранов войны в Москве. В ней содержится следующая лаконичная, всего пять строчек, запись: «Клебанов Михаил Фаилович, 1924–1943. Урожд.: г. Борисов, Минская обл., Белоруссия. Призв.: Куйбышевский РВК (ст. Рыштан), Ферганская обл., Узбекистан. Рядовой, стрелок. Погиб на фронте»³.

¹ См. Приложение 28.

² См. Приложение 14.

³ См.: Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, 1941–1945 / Союз евреев инвалидов и ветеранов войны (СЕИВВ). Т. 5. М., 1998. С. 753.

...Два важных события произошли в наступившем 1967 году: Леня окончил выпускной десятый класс, и я завершил работу над кандидатской диссертацией. Теперь мы оба должны были подняться на следующую, более высокую ступень образования.

В течение всего этого последнего учебного года в школе Леня серьезно готовился к выпускным экзаменам и к поступлению предположительно в Политехнический институт. Он окончил школу почти круглым отличником. Ему, как лучшему ученику выпускного класса, доверили нести школьное знамя во время праздничной церемонии, посвященной окончанию учебного года (*фото 93*). Вскоре Леня успешно прошел конкурсные вступительные экзамены в Белорусский политехнический институт и 1 сентября стал студентом первого курса энергетического факультета, куда и держал конкурс (*фото 94*). Мечта сбылась...

Моя диссертация, выполненная в Белорусском филиале энергетического института имени Г. М. Кржижановского (научный руководитель – кандидат технических наук В. Е. Минков), обсуждалась на заседании ученого совета Ленинградского инженерно-экономического института и была рекомендована к защите. Официальными оппонентами ученый совет назначил доктора технических наук, профессора В. Д. Пивеня и кандидата технических наук доцента В. Н. Гусева, а ведущим научно-исследовательским учреждением – научно-исследовательскую лабораторию экономики и организации производства Московского инженерно-экономического института имени С. Орджоникидзе. Срок рассылки автореферата был ограничен 25 ноября, а защита диссертации назначена на 27 февраля 1968 года в Ленинграде.

Из городских событий следует отметить выход 1 ноября первого номера газеты «Вечерний Минск». Сейчас трудно установить, каким чудом у нас сохранилась эта газета. На первой полосе помещено напутствие газете первого секретаря Минского горкома партии Л. П. Метлицкого под заголовком «В добрый путь, “Вечерка”!», а также патриотическое четверостишие:

Аллеями зелеными, и липами, и кленами,
И парками тенистыми украшенный стоишь,
Ты рано просыпаешься, и солнцем умываешься,
И в будущее с гордостью, наш Минск родной, глядишь.

Эти строки, однако, не помешали почтальону сделать на этой газете не менее выразительную угрожающую надпись карандашом: «Не будет свету, не будет газеты», отражающую наболевшую проблему – когда же в подъездах коммунальных домов перестанут выкручивать электрические лампочки и в них станет светло? Обращает на себя внимание дешевизна газеты – всего 2 копейки

за номер, за год – 6 рублей. Весьма интересны статьи номера, особенно сейчас и для нас, уже давно живущих в Америке. Вот одна из них под названием «Америка с протянутой рукой», анонимная, начинается следующим образом: «В США, самой “процветающей” капиталистической стране, миллионы семей живут в крайней бедности, единственным источником их существования является милостыня частных благотворителей. И без того мизерные правительственные программы помощи сокращаются в последнее время из-за эскалации вьетнамской авантюры...» и т. д. Вряд ли наши внуки когда-нибудь заинтересуются такой реликвией, а жаль!

Тем временем день защиты диссертации – 27 февраля 1968 года – приближался. Еще в октябре были разосланы напечатанные в Борисовской типографии авторефераты, приобретены железнодорожные билеты, оформлены краткосрочные отпуска, с помощью друзей в Ленинграде заблаговременно заказаны места в гостинице – в общем, машина стремительно крутилась. В назначенный день состоялись две защиты: первая – одного офицера Балтийского флота, жителя Ленинграда, и вторая следом – моя. Вместе с этим морским офицером мы заранее заказали в одном из престижных ресторанов зал, чтобы после наших защит отметить это радостное событие.

Несмотря на вполне понятное внутреннее волнение, моя защита прошла успешно. В памяти остались две знаковые цифры: 18 – столько не всегда простых вопросов задали мне члены совета и 21 – число единогласно поданных (в результате тайного голосования) голосов за присвоение мне ученой степени кандидата технических наук. Конечно, такой результат – все «за» и ни одного «против» – превзошел ожидания, поэтому вполне понятно наше – мое и Раечки – настроение, когда мы вместе с членами Ученого совета и другими приглашенными после успешной защиты отправились на праздничный ужин в ресторан. После обильного угощения, приправленного к тому же немалым количеством спиртного, почти все участники этого застолья пошли проветриться по Невскому проспекту, благо время близилось к поздней ночи. Какие лестные и восторженные слова были сказаны в мой адрес в ту незабываемую ночь, пусть остается незабытой тайной их слушавших.

15 мая 1968 года, через два с половиной месяца, Высшая аттестационная комиссия (ВАК) Министерства высшего и среднего специального образования СССР приняла решение о присвоении мне степени кандидата технических наук и выдаче соответствующего диплома МТН № 35711. От какого же тяжелого груза я освободился! Это может понять только тот, кому в жизни пришлось пройти по той же непростой дорожке. Казалось, самое трудное теперь позади. Но, как обнаружилось через много лет, все было еще впереди.

По случаю моей успешной защиты Раечка решила устроить праздничный ужин у нас дома, в 27-метровой квартире на улице Калиновского. Приехали

приглашенные директор БелЭНИНа Владимир Сергеевич Ермаков, зав. сектором Владимир Ефимович Минков и др. Запомнилось, как Владимир Сергеевич поинтересовался у Раи: «Ну, вы довольны, что муж будет получать бóльшую зарплату?», на что она ответила: «...Это, конечно, хорошо, но все равно будет мало». Владимир Сергеевич как-то криво усмехнулся, ответ ему, по-видимому, пришелся не очень по душе.

Однако 1 июля я был переведен на должность исполняющего обязанности старшего научного сотрудника сектора оптимизации электростанций с соответствующим окладом и утверждением по конкурсу.

* * *

Немного нарушая хронологию описываемых событий, расскажу об одной интересной встрече с дальним родственником, состоявшейся у меня еще во время подготовки к защите кандидатской диссертации в 1968 году в Ленинграде. Звали его Гриша Миркин, он приходился племянником прадеду по отцовской линии, родился приблизительно в 1898 году. Жил в Ленинграде, а в начале 70-х уехал в Израиль. В беседе мы коснулись нашей семейной истории, и вот что он рассказал.

Локальным родоначальником нашей фамилии (главой то есть) является прадед по линии отца – николаевский солдат Миркин (имени его Гриша не знал), предположительные даты жизни: 1814–1895. По рассказам наших родственников старшего поколения, прадеда как мальчика из бедной еврейской семьи в возрасте 10–12 лет во время очередного призыва в царскую армию схватили во время облавы и отдали в кантонисты¹, а затем в рекруты на 25-летнюю службу вместо сына богатого еврея по фамилии Миркин. Так что подлинная наша фамилия неизвестна. Прослужил он солдатом 25 лет, с 1826 по 1851-й (Николай I царствовал с 1825 по 1855 год). Значительную часть времени воинская служба проходила в Московском Кремле в подразделении охраны царской семьи. После окончания 25-летнего срока службы прадед получил «вольную», согласно которой мог выбрать место жительства (за исключением двух столиц Российской империи) в черте оседлости и получить большой надел земли. Он выбрал Минскую губернию, район Борисов–Крупки.

К сожалению, увидеться с Гришей больше мне не довелось.

¹ Кантонистами называли несовершеннолетних солдатских сыновей, числившихся с рождения за военным ведомством, а также принудительно отправленных на подготовку к службе детей раскольников, польских повстанцев, цыган и евреев.

Состоявшаяся защита оказала благотворное влияние на всю дальнейшую мою научно-исследовательскую деятельность, особенно на главное ее направление: разработка, проектирование и внедрение автоматизированных систем управления экономическими и технологическими процессами на крупных тепловых электростанциях. Успешно продолжалось выполнение обязательств по заключенным договорам с Березовской, Конаковской и Молдавской ГРЭС, с Московской ТЭЦ-1, а позднее – с Лукомльской ГРЭС. Особенно плодотворным на протяжении длительного времени было сотрудничество нашего сектора оптимизации во главе с заведующим В. Е. Минковым с наиболее крупной в то время Конаковской ГРЭС, оборудованной мощными энергоблоками 300 Мвт. Таким хорошим и, более того, взаимовыгодным сотрудничеством мы были обязаны в первую очередь Ивану Тихоновичу Сычеву, одному из наиболее прогрессивных и инициативных руководителей этой электростанции (см. о нем далее на с. 310–316).

Достаточно высокая активность поддерживалась и на научном направлении. Так, только за 1969 год было сделано пять докладов на научно-технических конференциях – в Ереване, Киеве, Минске и Ужгороде (Закарпатье), опубликовано в разных изданиях три научные статьи и подготовлена к печати одна монография. Только перечень опубликованных статей подтверждает строгую научную направленность выбранной нами ранее тематики:

Ермаков В. С., Минков В. А, Миркин М. Л. Некоторые вопросы разработки автоматизированных систем экономического управления в энергетических системах // Применение новейших математических методов (кибернетики) в экономике энергетики: Сб. науч. тр. / ЦЕНТОЭП, Арм. НТОЭП. Ленинград–Ереван, 1969.

Ермаков В. С., Минков В. А, Миркин М. Л. Эффективность автоматизации экономического управления в энергетике // Тезисы докладов научной конференции по вопросам эффективности капитальных вложений, основных фондов и новой техники: Сб. науч. тр. / КПИ. Киев, 1969.

Ермаков В. С., Минков В. А, Миркин М. Л., Таращук Л. Г. Принципы построения автоматизированной системы анализа технико-экономических показателей блочной тепловой электростанции // Электрические станции. 1969. № 5.

Ермаков В. С., Минков В. А, Миркин М. Л. Автоматизированные системы экономического управления тепловыми электростанциями / Под ред. Д. Г. Жимерина. М.: Энергия, 1970.

Особую научную ценность лично для меня представляет изданная в 1970 году последняя в этом перечне книга, в которой содержится практически вся моя диссертационная работа (*фото 95*). Безусловно, следует отдать должное В. Е. Минкову – и как научному руководителю, и как непосредственному автору нескольких разделов книги. В процессе ее редактирования и подготовки к печати пришлось не один раз съездить в Москву в издательство «Энергия». Книга объемом 248 страниц с иллюстрациями под общей редакцией профессора, доктора технических наук, бывшего министра энергетики СССР Д. Г. Жимерина посвящена проблеме создания автоматизированных систем экономического управления тепловыми электростанциями (тираж 4 тысячи экземпляров). Основное внимание в ней уделяется методологическим основам формирования автоматизированных систем экономического управления, и в первую очередь – анализу технико-экономических показателей тепловых электростанций. Излагаются вопросы подготовки, контроля, переработки и получения информации в таких системах. Подробно рассматриваются направления использования информации для оптимального экономического управления тепловыми электростанциями. Показана связь автоматизированных систем экономического управления тепловых электростанций и энергосистемы. Книга предназначена для специалистов тепловых электростанций, энергосистем, научно-исследовательских и проектных институтов, а также для сотрудников и студентов энергетических факультетов и специальностей высших учебных заведений. Она может быть полезна работникам всех организаций и предприятий, занимающихся вопросами разработки и внедрения автоматизированных систем экономического управления объектами.

* * *

А теперь снова немного отвлекусь от основного повествования, чтобы углубиться в частную проблему. Подведя некоторый итог освещению вопросов издания научных публикаций, нельзя не задуматься об интерпретации некоторыми субъектами порядка размещения авторов на титульных листах. Действительно, как их по справедливости расположить? В каком порядке? Можно по алфавиту, как это сделали мы в нашей книге. Можно по занимаемой должности, как это опять-таки сделано у нас (директор, зав. сектором, старший научный сотрудник). И в том, и в другом случае последовательность расположения авторов строго соответствует определенной форме. А как если не по форме, а по содержанию, в порядке значимости материала и сделанного автором вклада в публикацию? Вопрос на засыпку... В этом случае один умный еврей говорил, что он всегда читает авторов на титульных листах по-еврейски – справа налево, то бишь с конца до начала. Может быть, у такого домысла есть резон?

Вскоре Исаак, брат Раечки, тоже защитил кандидатскую диссертацию в области математики. Сама же Рая успешно продолжала работать на своем информационном фронте. За прошедшие четыре года с момента прихода на работу в НИИЭМП она успела значительно расширить круг своих читателей, друзей и знакомых и активно включиться в культурно-массовую работу. Вместе с заведующей библиотекой Эммой Найдович, инженером-информатором Кларой Рохлиной (*фото 96*), Ирой Савицкой и другими активистками они организовали интереснейшие экскурсии и поездки в города Таллин, Каунас, на Браславские озера и большущее озеро Нарочь, по тургеневским местам и др.

Леня в это время продолжал учебу на энергетическом факультете в Белорусском политехническом институте (*фото 97*), а в летние месяцы вместе с другими студентами в составе стройотряда выезжал на работу в разные районы Союза. Так, летом 1969 года в составе студенческого стройотряда он был в Норильске Красноярского края, а мы – я, Раечка и Митя – проводили свой очередной отпуск в прекрасном курортном городе Бирштонас, расположенном недалеко от Каунаса на реке Неман.

Наряду с приятными воспоминаниями о работе в НИИЭМПе, помнится и другое. Так, после ухода из института глубокоуважаемого директора А. П. Воробейчикова новым руководителем стал В. Ф. Медведев – начальник одного из ведущих отделов Госплана республики. Вскоре ему на смену пришел малоизвестный в экономических кругах университетский работник, некто Трухан, имевший довольно скудное представление об экономике, о математике, а еще меньшее отношение и к тому, и к другому. Назначен по решению вышестоящих партийных чиновников навести порядок в институте, главным образом, исправить ошибки своих предшественников – предыдущих руководителей – в вопросах подбора и расстановки кадров. Вскоре начались неожиданные увольнения и сокращения целого ряда высококвалифицированных специалистов – экономистов и программистов. Не обошлось и без вызова в ЦК компартии Белоруссии с последующими оргвыводами некоторых «особо опасных и нежелательных» сотрудников. Одним из них был Л. Овсищер. Надо сказать, что директор Трухан отлично использовал данные ему полномочия и блестяще справился с поставленной задачей – существовавшая незыблемая партийная кадровая политика была полностью восстановлена, а линия партии выпрямлена. Директор Трухан вскоре так же незаметно ушел, как и пришел, как говорится «мавр сделал свое дело, мавр может уходить». При таких воспоминаниях становится грустно и досадно, но что поделаешь, если Система так работала...

Но вернусь к хронологическому рассказу и размышлениям. Если 1968 год можно было назвать годом науки, то 1970-й – годом наград. Действительно, за один год я получил три почетные награды и две не менее почетные благодарности! Правда, и год-то сам по себе был примечательный. 22 апреля исполнилось 100 лет со дня рождения глубоко почитаемого в то время вождя мировой революции Владимира Ильича Ленина. По этому случаю Президиум Верховного Совета СССР своим указом поручил местным советским и партийным органам награждать специально изготовленными медалями достойных сограждан. В их числе по Центральному району Минска значился и я. Так и называлась эта юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Как это было принято, медаль вручили на торжественном собрании коллектива института, посвященном этой дате.

В том же году исполнилось четверть века Победы и разгрома фашистской Германии, и по этому случаю все участники войны, в том числе и я, были удостоены специальной награды Министерства обороны СССР по приказу маршала А. Гречко. Эта награда называлась: Знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне». В приветственном послании министра обороны по этому случаю было сказано по-военному коротко и ясно, что указанным Знаком награждается лейтенант Миркин Михаил Лазаревич за доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне». Подпись, печать и точка. Это потом, через пять лет, советское правительство решило ознаменовывать круглые и полукруглые даты специальными юбилейными медалями, а на местах этот праздник стали отмечать более торжественно: проводить тематические вечера, интересные экскурсии по местам боевой славы, семейные торжественные ужины в ресторанах. Появились Доски почета ветеранов и впервые их коллективные фотографии. К слову сказать, участников войны в институте было всего восемь, из них пять непосредственно воевали, и это при общей численности сотрудников около 200 человек.

Большим шагом вперед в признании заслуг участников войны и их вклада в победу следует считать выдачу им продовольственных пайков. Конечно, по американским меркам это почти ничего, но в послевоенных условиях (а прошло ведь 25 лет!) и при отсталой советской экономике помощь была существенная. Как запомнились эти очереди ветеранов и инвалидов войны с сумками за пайками...

22 декабря – бывший всесоюзный, а ныне российский профессиональный праздник энергетиков. Кто не знает имя Глеба Максимилиановича Кржижановского – ученого-энергетика и первого разработчика плана ГОЭЛРО? Кто не помнит знаменитый ленинский лозунг: «Коммунизм – это есть со-

ветская власть плюс электрификация всей страны», лозунг, от которого уже не осталось ни коммунизма, ни советской власти, лишь одна электрификация здравствует и развивается? Значительная часть моей жизни – около трети – отдана белорусской энергетике, в частности Березовской и Лукомльской ГРЭС. Поэтому к очередному профессиональному празднику энергетиков¹ решением руководства Белглавэнерго от 21 декабря 1970 года я был награжден знаком «Ветеран энергетики» Белорусской ССР, который добавился к имеющемуся «Ветеран войны».

Немаловажное событие произошло и в семье. 4 июля собрались все Клебановы на свадьбу Юли, дочери старшего брата Раечки Моисея и его жены Дины, и Шурика. Свадьба проходила в Мелитополе, где жили Юля и ее родители. Туда отправились родители Раи, ее младший брат Исаак с женой Мартой, Раечка с Леней (он в это время проходил практику на Березовской ГРЭС, но все же смог приехать) и Митей, многочисленная родня из разных городов, больше всего из Минска и Борисова. Я, как всегда, был занят на работе и поехать не мог. Это было приятное и радостное событие. Перед поездкой в Мелитополь борисовский фотограф-любитель запечатлел семью Клебановых в полном составе (*фото 98*).

Незаметно наступил 1971 год, и в жизни нашей семьи произошли два очень важных события. Первое – почти историческая встреча трех оставшихся в живых после войны двоюродных братьев и пребывающей в таком же родственном статусе сестры. Второе – поступление на энергетический факультет Белорусского политехнического института нашего младшего сына Мити.

Незабываемая и единственная в своем роде «историческая» встреча состоялась 19 июня. Я, Эмма, Гриша и Рома (*фото 99*) собрались в Минске у Эммы. На долгожданную и несколько необычную встречу Гриша приехал в Минск из Бобруйска, а Рома – из Витебска. Мой отец Лейзер, отец Эммы Моше, отец Ромы Исроэл и мать Гриши Элька были родными братьями и сестрой в многодетной семье моего дедушки Алтера-Довида, у которого от двух жен (первая скончалась) было 13 детей: семь сыновей и шесть дочерей. Двое – я и Рома – сохранили свою фамилию по отцу – Миркин, Эмма в замужестве стала Мондшаниной, а Гриша носил фамилию Михалевич по отцу (мужу матери).

¹ Энергетика – наша семейная производственная профессия, ей мы – я и оба сына – посвятили основную часть своей жизни. Все мы окончили энергетические факультеты высших учебных заведений и получили соответствующие энергетические специальности. Поэтому этот профессиональный праздник мы чествуем и почитаем, где бы ни находились.

Чтобы разобраться в этих родственных связях, лучше всего взглянуть на родословные семей Миркиных¹ и Клебановых², составленные мной вместе с Леной в 2005 году по его настоянию.

Я, Миша Миркин, женат на Раисе Клебановой, Рома Миркин – на Зине (на встрече не присутствовала), Гриша Михалевич женат на Марии Чековой, а Эмма вышла замуж за Володю Мондшанина. Для чего я так подробно об этом рассказываю? Чтобы помочь нашим детям, внукам и правнукам, а также более далеким нашим потомкам разобраться в своих родственных корнях, если у них когда-нибудь появятся на то интерес и желание.

...Понятно, о чем говорили близкие родственники, впервые встретившиеся после страшного военного лихолетья. Прежде всего, о погибших родных и оставшихся в живых, о довоенных, военных и послевоенных друзьях-товарищах, о здоровье своем и своих близких, о детях, их работе и учебе, о ветеранских делах, о политике, о планах на будущее, встречах и переписке. И не могли наговориться...

Наш Митя в это время упорно готовился к конкурсным вступительным экзаменам на энергетический факультет Белорусского политехнического института. Он хорошо учился в школе, и в аттестате у него была единственная тройка – по физике, которую ему поставила классная учительница из личной неприязни и совершенно несправедливо, потому что вскоре на вступительных экзаменах в институт он получил по этому предмету пятерку.

Митя был секретарем школьной комсомольской организации, увлекался шахматами (*фото 100*) и имел квалификационный разряд. Но случались у него и неприятности, например с учителем физкультуры. Он поставил Мите тройку по дисциплине за то, что тот отказался участвовать в школьных соревнованиях по бегу, потому что как раз в то же самое время проходил ответственный и престижный шахматный турнир, в котором Митя должен был участвовать в соответствии с утвержденным и предварительно согласованным графиком игр. Сорвать участие в турнире он никак не мог. Из двух зол ему пришлось выбирать меньшее, и учитель по физкультуре поставил ему эту злосчастную тройку. После моей обстоятельной беседы с директором школы эта несправедливость была устранена, и Митя получил соответствующую хорошую оценку по поведению, но внутренняя обида у него все же осталась.

А 1 сентября Митя стал студентом первого курса энергетического факультета БПИ (*фото 101*), в котором учился и Леня. Труд не пропал даром, заветная мечта сбылась.

¹ См. Приложение 10.

² См. Приложение 27.

К этому времени Леня и Белла, дочь Эммы, в качестве свидетелей побывали на свадьбе у сына Гриши Михалевича в Бобруйске (*фото 102*). Это вовсе не помешало производственной практике, которую Леня проходил на Молдавской ГРЭС. После того как Митя успешно сдал вступительные экзамены в БПИ и стал студентом, мы с Раечкой взяли очередной отпуск и отправились на курорт в Сочи. Остановились в санатории имени С. Орджоникидзе. Совершили ряд интереснейших и надолго запомнившихся экскурсий, включая посещение знаменитой Ривьеры, самшитовой рощи, дачи Сталина в Красном Урочище и др.

Одним из важных событий семейной жизни стало пятидесятилетие супружества уважаемых Раечкиных родителей – Евы (Хавы) Ефимовны и Фалы Ирмовича, которое было торжественно отмечено в Борисове. По случаю «золотой» свадьбы ими было получено много поздравлений, одно из них особенно запомнилось: *Желаем счастья! Дорогие, любимые тетя Хава и дядя Фала, примите наши сердечные поздравления по случаю вашей Золотой Свадьбы! Желаем вам огромного счастья, радости, бодрости и крепкого здоровья. Наши пожелания будут продолжены через 25 лет, по случаю 75-летия Вашей совместной жизни. Обнимаем, целуем, Наум, Сима, дети. 24/VII-71.* Пожелания, адресованные юбилярам, принадлежали близким родственникам – семье Наума, племянника Фалы Ирмовича. (К сожалению, Наум не дожил до своих 70 лет и не сумел поздравить своих тетю и дядю с 75-летием супружеской жизни, как собирался.)

* * *

...Довольный и счастливый, с дипломом инженера-теплоэнергетика в кармане 30 июня 1972 года, после выпускного вечера, пришел домой Леня (*фото 103*). Пять лет тяжелой, а временами и довольно напряженной учебы и работы наконец остались позади.

При распределении он получил направление на Лукомльскую ГРЭС, тогда как ни одно из многих имевшихся мест работы в Минске ему даже не предлагалось. Крупнейшую в Белоруссии Лукомльскую ГРЭС, расположенную не так далеко от Минска и совсем близко от моей родины – в 7 километрах, нельзя было считать совсем плохим вариантом. Принцип же распределения мест работы для выпускников мне был хорошо знаком по собственному опыту по окончании Ленинградского политехнического института еще в 1951 году. Изменилось ли что-нибудь за эти два с лишним десятка лет? Оказалось, что ровным счетом ничего. Грустно, конечно, и обидно, но ехать по распределению надо. Студенческие и послеинститутские годы Лениной жизни кратко и

образно описал Слава Фрумкин, к которому мы все сохраняем самые теплые родственные чувства, в своем стихотворении:

Далекий Минск из снежного Ангарска
К себе манил и чуточку пугал.
В тринадцать лет – серьезнейшая встряска,
Тот не поймет, кто не переезжал!

Умение не ныть – и здесь искусство,
К столице привыкали, как могли.
У Лени появилось к Минску чувство,
Когда он стал студентом БПИ.

В Минске, в Минске лучшие годы прошли,
Жаль, что как мираж, потихоньку ушли.
Где ж ты, где ж ты, родной институт?
Жаль, что вновь друзья не придут.

Где же вы, где же вы, родные друзья,
Все, без кого в этой жизни нельзя.
Кто-то, кто-то в Лиде¹ работу нашел,
Кто-то к министерским портфелям дошел.

Нынче, нынче трудитесь, братцы, везде,
Далее кто-то есть и в Узде².
Промчались быстро годы института –
Вот Леня молодой специалист.

И, не терпя домашнего уюта,
В Новолукомль двинул наш турист.
Над Лукомлем небо синее...
ЛЭП–500 – нет такой здесь линии.

Леня трудится там с ребятами,
От таежных дебрей упрятаный.
По ночам где-то у Лукомля,
Видит сны о сибирском омуле.

¹ Лида – райцентр в Гродненской области.

² Узда – райцентр в Минской области.

Раз совсем там не пахнет сопками,
Вернется в Минск с котомками.
И наилучшего в жизни желать,
Разреши от знакомых и близких
(По их просьбе) привет передать.

На Лукомльской ГРЭС Леня проработал около трех лет в должности мастера по ремонту теплоэнергетического оборудования предприятия Белэнергоремналадка. Затем его как квалифицированного специалиста перевели в Минск, в головной филиал Белэнергоремналадки – ремонтно-наладочного предприятия Белглавэнерго, где он плодотворно и без перерыва работал до дня эмиграции в США.

У Мити в это время была ключом студенческая жизнь. Зимой – занятия, зачеты и экзамены, летом – стройотряд, путешествия. Нам хорошо запомнился его отряд «Сатурн», который во время летних каникул выполнял строительные работы в районе Слуцка¹ (*фото 104*). Решили мы как-то с Раечкой навестить Митю в стройотряде, привести ему и его товарищам по работе кое-что необходимое, и вот что из этого вышло. Приехали мы каким-то случайным, а не рейсовым автобусом лишь к ночи и после долгих скитаний в темноте и поисков лагеря случайно встретили двух студенток из Митиного отряда, и тут выяснилось, что Митя недавно уехал домой, в Минск. В какой гостинице Слуцка и в каких условиях нам пришлось переночевать, запомнилось на всю оставшуюся жизнь. Зато Митя провел ночь более комфортабельно – у соседей, ведь ключа от квартиры у него не было!

Я со своей группой продолжал заниматься разработкой и внедрением автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУ ТП) на Молдавской и Конаковской ГРЭС. Успешному продвижению в производство наших разработок по Конаковской ГРЭС очень помогал заместитель главного инженера по эксплуатации Иван Тихонович Сычев, который курировал работы по внедрению этой системы. Несколько медленнее продвигались работы на Молдавской ГРЭС. В такой вот рабочей обстановке и не очень спокойном ритме я в начале апреля 1973 года перешагнул свой полувековой рубеж – довольно спокойно, без шума и помпы, почти незаметно (*фото 105*). И пошел дальше, навстречу своей второй, еще неизвестной половине века.

Существовавшая в те годы система обязательной шефской помощи колхозам не обходила стороной и наш БелЭНИН. По решению райкома партии за нами был закреплен один из отсталых колхозов в Крупском районе Минской

¹ Слуцк – город в Минской области.

области (а где были не отстающие?), куда лаборатории и сектора, сменяя друг друга, поочередно выезжали на различные сельскохозяйственные работы (посадка, уборка урожая, работа на животноводческих фермах и др.). Насколько труд ученых, включая иногда и маститых, помогал в подъеме сельскохозяйственного производства и благосостояния советских людей, можно было судить по полупустым полкам и прилавкам продовольственных магазинов. Зато такие летние и осенние пикники на природе, да к тому же вдали от шума городского, приходились по вкусу ученым мужам. Как раз в такой момент я вдруг отметил про себя, что ровно 10 лет назад наша семья с радостью и еще большими надеждами навсегда покинула край бывших ссыльных и сегодняшних заключенных после более чем одиннадцатилетнего проживания там. 10 лет пролетело, как один миг...

Самым важным, если не сказать знаковым событием года для всей нашей семьи явилась женитьба Лени. Действительно, уже 23 года, полон сил, энергии и планов, хотя еще робкий, с дипломом инженера-теплоэнергетика в кармане и почти годовым трудовым стажем – пора решать важный семейный вопрос. Кто же поторопил его с этим решением? Симпатичная студентка Симочка Шур, с которой Леня познакомился, еще учась в политехническом институте. Преуспевающая в учебе и активная участница институтской команды КВН¹, 21-летняя Симочка заметно выделялась среди своих сверстниц. Летом Леня сделал ей предложение, и теперь уже с уверенностью можно сказать – их обоюдный выбор был удачным. В минском Дворце бракосочетания, в присутствии родных, друзей и знакомых, состоялась торжественная церемония (*фото 106–107*). Родилась новая семья. Счастья вам, большого человеческого и семейного счастья, нашим дорогим молодоженам! И неважно, что нет еще пока своей квартиры или хотя бы съемного угла, решение этой проблемы, как и многих других, сложной в условиях развитого социализма, приближающегося к коммунизму, – дело обозримого будущего². А пока можно временно пожить у родителей. Важнее всего, что отныне и навсегда вы вместе.

Самое время познакомиться с родителями Симочки (*фото 108*). Их возраст сопоставим с нашим: я старше Марка Моисеевича на четыре года, а Раечка

¹ Клуб веселых и находчивых – распространенное в те годы самостоятельное молодежное движение, в основном студенческое, с проведением конкурсов и соревнований между командами. Руководил КВН тогда и сейчас небезызвестный и непотопляемый Александр Масляков. Сима была в легендарном составе команды КВН Белорусского политехнического института, которая стала чемпионом в сезоне 1970/71 года.

² Как не вспомнить в связи с этим знаменитое заявление советского руководителя Н. С. Хрущева, сделанное на весь мир еще в конце 50-х годов прошлого века, о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

и Циля Абрамовна почти одногодки. Родители Марка Моисеевича – Мира Исааковна и Моисей Яковлевич. Моисей Яковлевич во время войны был главным хирургом СЭГ¹-290, а после главврачом Минска. Родители Циля Абрамовны – Гинда Гдальевна и Абрам Владимирович – на редкость порядочные и добрые люди – давно уже пенсионеры (*фото 109*). Вот с такими людьми мы через Леню и Симу породнились. Коротко, но ясно и выразительно подытожил все происшедшее Слава Фрумкин в своем мини-стихотворении:

Прожил бы Леня без тайги и сопок,
Но Симы чары сопок посильней...
Ну, здравствуй, Минск! Не разбирая тропок,
Примчался Леня к Симе поскорей!
Он по уши влюблен – примчался шибко,
В волнении хватается за гуж...
Родных позвали в ресторан «Улыбка»,
И Леня счастлив – он законный муж!

Быстро пролетели послесвадебные месяцы, еще быстрее холодные зимние дни. Леня и Сима не заставили нас долго ждать первенца. 12 марта 1974 года в минском родильном доме раздался очередной писк, возвестивший о появлении на свет нового члена нашей семьи – Димочки (*фото 110*). Как опять-таки лаконично отмечал Слава Фрумкин:

Они недолго с первенцем тянули,
И в марте под весеннюю капель,
В роддоме Лене Диму завернули –
Он в Брест рванул на несколько недель.

Папа Леня впервые взял сына на руки (*фото 111*), а вскоре пошли с ним знакомиться бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки (*фото 112–115*). Неудивительно, что женская половина родни сразу стала души не чаять в Димочке, но как полюбил этого малыша прадедуска Абрам! Он называл его только «наш красавчик» и посвятил ему большую, с любовью написанную поэму, которая бережно хранится у Симочки. Надеемся, когда-нибудь она ее обнаружит. Малыш в девять месяцев действительно был очень хорош (*фото 116*).

Итак, семейные дела шли довольно успешно. А как на научном фронте? Кроме выполнения объемных договорных работ по АСУ ТП ТЭЦ при-

¹ Сортировочный эвакуационный госпиталь.

шлось заняться и педагогической деятельностью, что было не так просто и не очень удобно, но по сложившимся обстоятельствам совершенно необходимо. В 1974 году Григорий Борисович Пекелис, о котором я уже упоминал, по состоянию здоровья не смог читать курс лекций по экономике, организации и планированию энергетики студентам дневного отделения энергетического факультета БПИ; как раз там учились наш сын Митя и его друг Саша Анцелиович (*фото 117*).

Григорий Борисович порекомендовал заведующему кафедрой экономики и организации производства БПИ мою кандидатуру для чтения этого курса. Руководство БелЭНИНа не возражало, несмотря на то, что лекции должны были проходить в дневное время. При этом Григорий Борисович дал мне ряд ценных методических и практических советов. Учитывая интересы студентов, в том числе и сына, пришлось согласиться. Естественно, лекции по курсу экономики, организации и планирования, в основном, были разработаны Григорием Борисовичем, я, с его любезного согласия, дополнил курс несколькими разделами, в частности: «Разработка и внедрение системы автоматизированного анализа технико-экономических показателей и оценки деятельности персонала крупных ТЭС», «Создание и внедрение автоматизированных систем управления технологическими процессами энергетических блоков и энергетическим производством крупных ТЭС» и др. Эти разработки велись в БелЭНИНе на протяжении нескольких лет и были внедрены на ряде крупных электростанций страны: Березовской, Лукомльской, Молдавской, Конаковской, Пермской ГРЭС, Московской ТЭЦ и др. (см. об этом в моей заметке «Вспоминая Григория Борисовича»¹). Читать этот курс лекций я продолжал и в последующие несколько лет, к тому же не только студентам-энергетикам дневного отделения, но и вечерникам и заочникам. В середине года к моей ученой степени кандидата технических наук добавилось и звание старшего научного сотрудника².

И вот тогда, мысленно оценивая события последних лет, я почему-то пришел к выводу, что на научно-педагогическом фронте все мои возможности исчерпаны: достигнут некий потолок, возможный максимум, выше которого в ближайшем и даже в более отдаленном будущем вряд ли смогу подняться. Меня охватили сомнения. Что же делать? Я решил не спешить, подождать немного, а там видно будет. Выручил примитивный, но старый мудрый совет: пусть пока идет, как идет. Что ж, уже хорошо, что оптимистические нотки пока берут верх над пессимистическими.

¹ Вспоминая Григория Борисовича // Жизнь и талант, отданные энергетике: К 100-летию Г. Б. Пекелиса. Минск, 2005. С. 46–47; см. также *Приложение 15*.

² См. *Приложение 16*.

...3 июля 1974 года – знаменательная дата, которую нельзя не вспомнить. В этот день Белоруссия торжественно отмечала 30-летие своего освобождения от немецко-фашистских захватчиков. В Минске было организовано шествие ветеранов по Ленинскому проспекту – от Дома правительства до площади Победы. На этой площади делегация ЦК КП Белоруссии во главе с П. М. Машеровым возложила венки к памятнику-обелиску. Я участвовал в шествии, очень внушительном и торжественном. Море людей и цветов. Ветеранов Великой Отечественной войны чествовали повсюду, в том числе и в нашем филиале. У нас сохранилась газета «Вечерний Минск» от 4 июля (№ 152), полностью посвященная этой торжественной дате. Следует отдать должное белорусам: из бывших советских республик только в Белоруссии – этом известном всему миру партизанском крае – с особым торжеством и вдохновением отмечают праздники, связанные с Великой Отечественной войной, День Победы и дни освобождения республики и отдельных ее городов от фашистских захватчиков.

...В этом году нам с Раечкой посчастливилось выбраться на отдых в Крым, в эту черноморскую жемчужину. Благодаря особым стараниям и заботе Моисея, старшего брата Раи, мы побывали в доме отдыха «Колхозник», а затем в Судаке. Больше всего запомнилось, что из Судак до Алушты¹ пришлось добираться не морем, а автобусом по суше вдоль гористого крымского черноморского побережья. Произошло это по весьма «простой» причине: не смогли достать (именно «достать», а не «купить») билеты на пароход. Необыкновенные впечатления остались от этой автобусной поездки по длинной гористой серпантинной дороге, проложенной еще в далекие царские времена, – от непрерывных подъемов в горы под облака и крутых спусков с них в низинные места захватывало дух! Такую поездку по горной автомобильной дороге стоит совершить, хотя бы для того, чтобы увидеть Крым во всей его красе.

Вскоре после празднования 30-летия освобождения Белоруссии началась подготовка к празднованию 30-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией. На сей раз всех участников войны, работающих в филиале, а это всего восемь человек, сфотографировали и снимки поместили на Доску ветеранов (*фото 118*), организовали целевые поездки и экскурсии (*фото 119*), торжественно отметили на общем собрании сотрудников института. Первый объект, который мы тогда, во время специально организованной для ветеранов экскурсии, посетили, был Дом-музей I съезда РСДРП, расположенный недалеко от площади Победы. Затем мы побывали на самой площади, где установлен

¹ Судак и Алушта – курортные места отдыха на Крымском побережье.

величественный обелиск в честь Победы, в парке Янки Купалы, на Кургане Славы и на месте известной теперь во всем мире сожженной деревни Хатынь. В связи с праздником Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 года всех ветеранов войны, в том числе и меня, наградили медалью «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Персональное поздравление с Праздником Победы и награждением юбилейной медалью прислал министр обороны СССР маршал А. Гречко. В эти праздничные дни я, конечно, не мог не вспоминать госпиталь в далеком польском городе Торн, где, будучи тяжело раненным, радостно встречал первый, незабываемый День Победы.

Перебирая в памяти наиболее важные события этого года, ведь дневник в Минске я не вел, и одновременно занимаясь поиском каких-нибудь предметов, связанных с тем периодом, неожиданно обнаружил керамический поднос (в комплекте с красными чашками и Царь-пушкой на лафете) с выгравированным на нем текстом: *Михаилу Лазаревичу в день 50-летия от конаковцев. Апрель 1973 года.* Этот бесценный именной подарок, изготовленный по просьбе Ивана Тихоновича на Конаковском фаянсовом заводе, он преподнес мне во время моей командировки на Конаковскую ГРЭС от имени своей семьи и семьи Гульман, с которой мы крепко дружили еще в Ангарске. И сразу, в мельчайших подробностях, припомнились те далекие апрельские дни в Конакове, когда мы внедряли там на ГРЭС свои разработки по их заказу. Вспомнилось, как тепло, по-семейному уютно было у Сычевых, где в тот вечер, между прочим, не забыли и о моем дне рождения. С семьей Ивана Тихоновича в то время жила еще его ныне покойная мама. Так что перешагнул я тогда свой полувековой юбилей не так уж и незаметно.

Митя продолжал участвовать в шахматных турнирах разных уровней, а также работать со своими однокурсниками в стройотряде. В октябре–ноябре вместе с еще двумя студентами из группы успешно прошел преддипломную практику на Конаковской ГРЭС, одним из руководителей которой был Иван Тихонович Сычев. Потом быстро промчался последний учебный семестр. И уже с успехом прошла защита подготовленного дипломного проекта (руководитель диплома – Владимир Ефимович Минков), началось распределение мест будущей работы. «Порядок» распределения остался тем же, что и четыре года тому назад, когда аналогичное направление получал Леня. А что, собственно, могло измениться за это время, тем более в тех же условиях?

Летом 1976 года Митя, получил диплом инженера-энергетика (*фото 121*), и был направлен на работу в строительно-монтажное управление Белэнерго-монтажизоляция (СМУ БЭМИ), дирекция которого находилась в Минске

(начальник СМУ БЭМИ Н. Л. Рудобелец, главный инженер Л. З. Рохлин). В должности мастера Митя работал на Новополоцком монтажном участке, зона действия которого простиралась далеко за пределы Белоруссии. Мы можем только предполагать, каково было молодому мастеру организовывать работу на монтажных участках с контингентом рабочих из недавних заключенных. В течение первых шести лет Мите пришлось трудиться на таких непростых участках, как Бобруйский, Смоленский, Рижский и др., особенно сложными оказались участки Смоленской ГРЭС и Смоленской АЭС. Я почему-то думаю и очень надеюсь, что со временем наши дети сами обстоятельно и подробно напишут о своей жизни в уже зрелом возрасте.

Пока Митя знакомился с предстоящим объемом работ на Новополоцком участке, Леня уже успел побывать на очередных военных сборах, я выполнял плановые работы по внедрению АСУ ТП на Конаковской ГРЭС, а Раечка продолжала успешно трудиться в НИИЭМПе, незаметно приближаясь к своему славному полувековому юбилею. И вот наконец этот долгожданный день – 25 февраля 1977 года – наступил.

Это событие было достойным образом отмечено администрацией, партийным бюро и профсоюзным комитетом института. Приказом директора НИИЭМП при Госплане БССР, члена-корреспондента Академии наук Белоруссии Ю. К. Козлова «за высокие показатели в труде и активное участие в общественной жизни библиограф Миркина Р. Ф. занесена в 1977 году на Доску почета, награждена ценным подарком и денежной премией»¹ (*фото 120*). Сердечное поздравление с 50-летием Раечка получила от сослуживцев, с которыми она вместе плодотворно работала в течение 13 лет:

Раиса Фаиловна!
В честь 50-летия
Мы хотим Вам пожелать
Духа бодрости, веселья
Никогда не растерять.
Сохранить их для внуков,
Чтобы каждую весной,

Как всегда, могли увидеть
Бабку вечно молодой.
Пусть и беды, и несчастья
Вас обходят стороной,
Чтобы радость, труд и счастье
Приносили вам покой.

25.02.1977

Около 30 человек поставили свои подписи под этим пожеланием.

¹ Выписка из приказа по институту.

А вот второе душевное поздравление – от работников библиотеки института, написанное красными чернилами на первомайской открытке библиотекарем Люсей Бариновой¹:

Я целую, обнимаю,
С днем рожденья поздравляю
Нашу маленькую Раю.
Ей желаю жизни райской
На открытке первомайской.

Наша Рая всем пример:
Сзади прямо пионер!
Ну, а спереди бабуся,
Сразу видно, не ягуся.

У нее прекрасный внук
Сердце ей ласкает
На «пейзасе» как «пипух»²
Растет – расцветает.

Так пройдут за годом год,
Там и внучек подрастет.
И в заботах, и в движенье
Жизнь промчится чередой.

Смотришь – внучек повзрослеет,
Бабка ж будет молодой.
Я желаю ей удачи:
Жить да жить и не тужить!

С внуком рядом подрастая,
Песни петь, напитки пить,
Ну и денежки копить!
(внучеку на свадьбу, кооператив-
ную квартиру и т. д.). Се ля ви.

Написала, напугала
Я в послании, и вот
На закуску нашей Рае
Предлагаю я компот.

Сварен он из яблок райских,
Собирала их в Раю
Я на самом на краю!

Я старалась, как умела,
Сахара не пожалела.
Кушай, Рая, не стыдись!
Пусть такой же сладкой будет,
Райской – нашей Раи жизнь!

Л. и К°

Мы знаем, что под «К°» Люся имела в виду еще нескольких сотрудниц библиотеки, включая заведующую Эмму Найдович.

Однако самое главное поздравление юбиляру – семейное – было еще впереди. На юбилейное торжество в квартиру № 43 на улице Калиновского приехали родственники из Борисова, в первую очередь самые дорогие и близкие – роди-

¹ Вскоре после описываемых событий Люся, к несчастью, скончалась.

² Так в те неполные три года внук Димочка произносил слова «пейзаж» и «петух».

тели Ева Ефимовна и Фала Ирмович, а также Раечкины двоюродные братья Наум Мессерман с женой Симой и Аркадий и Зяма Циркины. Мы рады были участию в торжестве близких нам по духу Нины Гурьевны Соколовой и Теодора Лазаревича Брук-Левинсона из квартиры № 41, с которыми соседствовали по лестничной площадке 22 года в дружбе и согласии до самого нашего переезда на новую квартиру. Как мы вместили 27 приглашенных гостей в нашу 27-метровую квартиру! Во время праздничной церемонии юбиляр не сидела за праздничным столом, а вместе со мной стояла в комнатном дверном проеме, чтобы бегать на кухню и подавать гостям угощение. Лишь на какой-то десяток минут, пока я произносил поздравительную речь в честь именинницы, место за праздничным столом появилось, а после ее окончания оно так же быстро исчезло. Свое выступление я подготовил накануне и написал на красочно оформленной открытке:

Друзья мои!

Прошу вас всех наполнить свои рюмки и бокалы, набраться немного терпения и выслушать мой необычный сказ.

Сегодня мы у нас собрались для того, чтобы всем вместе в неофициальной домашней, но торжественной обстановке отметить день рождения Раечки. Это не обычный день рождения, это день рождения золотой. Сегодня Раечка перешагнула, а я бы даже сказал, скорее, перепрыгнула через свой полувековой рубеж. Многие из присутствующих здесь через этот рубеж уже перешагнули – кто раньше, кто позже, а многим это еще предстоит сделать.

Что можно и нужно пожелать нашему юбиляру в такой торжественный для него и нас день? Если муж желает своей жене в день ее 50-летия самого-самого хорошего здоровья, самого большого семейного счастья, вечной цветущей молодости и всяческого благополучия, то некоторые могут усомниться в искренности таких пожеланий и даже не поверить этому (что, я не так сказал?).

Но во что, мне кажется, все непременно поверят, так это в мои пожелания тебе, Раечка и дальше оставаться такой же, как и раньше:

- превосходной женой и верным другом для мужа;*
- пусть и маленькой, но весьма уютной хозяйкой дома;*
- прекрасной матерью для детей;*
- прекрасной дочерью для родителей;*
- отличной бабушкой для своих внуков(!);*

- симпатичной и обаятельной сестрой для братьев;
- близкой и душевной для родственников;
- общительной и приветливой для друзей и соседей;
- ну и, конечно, компанейской и веселой для сотрудников НИИЭМПа, с которыми ты вместе работаешь уже почти 13 лет.

А чтобы ты и дальше оставалась такой, какой я тебя только что нарисовал, хочу от всей души пожелать тебе, дорогая Раечка:

- здоровья такого же крепкого, как содержимое этой пятизвездочной бутылки;
- чтобы ты и впредь всегда цвела, как эти чудесные розы и гвоздики;
- чтобы жизнь твоя всегда была такой же сладкой, как содержимое этой коробки;
- такой же полной, как вот эта налитая до краев рюмка,
- и такой же светлой, как ее содержимое.

*За все самое хорошее,
самое светлое, самое желанное
в твоей жизни, дорогая Раечка!
С днем рождения!*

Миша М.

Минск, 25 февраля 1977

В знак полного одобрения сказанного 27 человек, присутствовавших на этом торжественном семейном юбилейном вечере, поставили свои подписи на обратной стороне поздравительной открытки. Даже квартирное неудобство, к которому мы за эти годы приспособились, не смогло испортить общий хороший настрой вечера. Всегда помня народную мудрость «В тесноте, да не в обиде», мы и прожили большую часть своей жизни в Минске. Многочисленные письменные, телефонные и устные поздравления в адрес юбиляра продолжали поступать и после дня рождения.

Юбилей юбилеем, а жизнь и работа продолжались. Приближался очередной традиционный ленинский субботник по уборке территории от мусора, посадке деревьев и т. д. На субботник вместе с другими сотрудниками института вышли Раечка Миркина и Ирина Савицкая (*фото 122*). Летом мы с Раечкой участвовали в коллективной поездке по Литве – знакомились с достопримеча-

тельностью Вильнюса, Каунаса, Тракая и др. Посетили ряд музеев, в том числе природы, Чюрлениса, чертей (и такой, оказывается, есть в Каунасе). К концу года возглавляемая мной группа нашего сектора сдала в эксплуатацию основную часть автоматизированной системы управления технологическими процессами Конаковской ГРЭС.

Следующие за юбилейной датой годы ничем особенным не выделялись, а потому не так запомнились. Однако мое 55-летие в 1978 году случайно совпало с переизбранием по конкурсу в должности старшего научного сотрудника лаборатории АСУ ТЭС на новый пятилетний срок. Такое совпадение не могло не быть приятным и радостным. Запомнилась организованная по линии научно-технического общества впечатляющая летняя поездка группы работников БелЭНИНа в Западную Украину с заездом на Бурштынскую ГРЭС¹, в Ивано-Франковск, с посещением большого каскада в г. Яремче, экскурсиями по Ужгороду, Мукачево, Виноградову и др.². Подобные экскурсионные поездки – с посещением музеев в Орле, Брянске, тургеневских мест и др. – летом были также организованы в НИИЭМПе, причем чаще всего их возглавляла Раечка.

Тем временем Леня и Митя продолжали заниматься своими производственными делами, особенно трудно пришлось Мите на строительстве Смоленской ГРЭС в поселке Озерный. У меня на работе обстановка стала меняться, и не в лучшую сторону. Несмотря на это, наша лаборатория продолжала успешно выполнять договорные работы и сдавать их заказчикам. По-прежнему во время обеденного перерыва мы с Володей часто ходили на Яму³, которая находилась недалеко. Тогда я не знал, лишь смутно догадывался, что глубокоуважаемый мной руководитель лаборатории Владимир Минков, с которым мы так плодотворно и интересно сотрудничали на протяжении почти полутора десятков лет, серьезно помышлял навсегда покинуть свою родину Белоруссию и готовился к этому. О мотивах, побудивших его принять такое смелое судьбоносное решение, мы смогли откровенно поговорить лишь 30 лет спустя здесь, в Америке. Лишь в начале 1979 года Владимир Ефимович доверительно рассказал мне о своем скором выезде вместе с семьей – женой Инной и двумя дочерьми Наташей и Анечкой – в Чикаго, а в апреле я и Раечка уже провожали их в путь-дорожку. Надолго запомнились прощание и последняя прогулка по Ленинскому проспекту. Мы договорились с Володей о том, что я буду регулярно информировать его о Броне Марковне, его маме, остающейся в Минске.

¹ Бурштын, Яремча – городки в Ивано-Франковской области.

² Ужгород, Мукачево, Виноградов – города в Закарпатской области.

³ Яма – место расстрела евреев Минского гетто.

Она работала в книжном ларьке неподалеку от моей работы, и в обеденные часы я ее часто навещал, как и обещал Володе, изредка встречал здесь и Мусю, сестру Володи. Иногда мы навещали Броню Марковну у нее дома (ее муж, отец Володи, скончался в Минске за несколько лет до Володиного отъезда). Оставалась в Минске и мама Инны.

В жизни нашей семьи существенных изменений не произошло, а у близких родственников – да: в семье Иры Клебановой и Семы Гантмана появилось долгожданная дочка Ирмочка. Брат Раечки Исаак, таким образом, стал дедушкой, а его жена Марта бабушкой.

С отъездом Володи Минкова стала ощущаться душевная пустота, и чем дальше, тем больше. Его прощальные слова: «Надеюсь, мы встретимся в Чикаго» – почему-то никак не выходили у меня из головы. Регулярный обмен подробной информацией с Володей сначала по почте, а потом по телефону был налажен.

Личность назначенного вместо В. Е. Минкова заведующим лабораторией Всеволода Васильевича Пазухина, административным и научным руководителем которого я оставался, особых надежд не подавала и оптимизма не вызывала. В следующем году значительно расширился объем выполняемых работ за счет начатого тесного сотрудничества с учеными-энергетиками ГДР, были заключены соответствующие контракты. Приказом директора филиала я был назначен ведущим специалистом и ответственным за выполняемые работы. Начались научные командировки и взаимный обмен специалистами. Первыми нас посетили немецкие ученые в белорусском филиале. После деловых встреч мы старались познакомить наших немецких коллег с достопримечательностями города и окрестностей, включая Курган Славы.

Работа шла вполне нормально, если не считать некоторые незначительные на первый взгляд нюансы, связанные с организацией взаимных поездок. В то время как немецкие коллеги приезжали к нам часто, мы у них бывали намного реже, а я вообще был лишен такой возможности. Странно: ответственный исполнитель и ведущий специалист ни разу не побывал у партнеров по работе... Всякий раз нашу командировочную группу, состоящую, как правило, из нескольких не очень-то квалифицированных сотрудников, возглавлял вместо меня малосведущий в этих вопросах руководитель, чаще всего секретарь партийной лаборатории. И всякий раз мне отказывали в командировке за рубеж по каким-то надуманным причинам, подкрепляя решение лишними здравыми смысла доводами.

Так, в одну из готовившихся поездок в ГДР меня назначили руководителем группы. Я уже сделал необходимые в таких случаях прививки, последствия которых давали о себе знать не один день, а тем временем при проверке в соответствующих органах моих выездных документов вдруг обнаружилась какая-

то помарка в паспорте¹, и отказ в разрешении на командировку не заставил себя ждать. Конечно, боль от укола со временем прошла, а душевная – нет. Осадок, и довольно неприятный, остался. Мы тесно сотрудничали и с болгарскими коллегами, кое-кто из них даже побывал у нас дома, в 27-метровой квартире, чтобы познакомиться с нашим бытом. Научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами проходило одновременно с выполнением других взятых на себя договорных обязательств, в первую очередь перед нашими отечественными заказчиками.

Я получил новые льготы как участник войны. В конце года Первوماйским райвоенкоматом г. Минска мне выдали заново зарегистрированное бессрочное удостоверение участника войны № 971059, в котором сказано, что предъявитель (сиречь я) имеет право на льготы и преимущества, установленные законодательством СССР и союзных республик для участников Великой Отечественной войны. К указанному удостоверению был приложен лист талонов на право получения проездных билетов с 50-процентной скидкой по 1996 год. Скидка распространялась на билеты при поездке в оба конца железнодорожным, воздушным и автомобильным транспортом, а также при пользовании морским и речным флотом, причем один раз в году. Обновили мне также членский билет общества «Знание», лектором которого я состоял уже несколько лет.

Раечка и дети продолжали трудиться, как и раньше, каждый на своем участке. Несмотря на большую занятость на работе, Митя умудрился присутствовать и быть свидетелем на свадьбе у бывшего однокурсника и друга Саши Анцелиовича, который в ноябре женился на Гале Сушиловой (*фото 123*). Заодно неплохо отдохнул в течение двух дней. В общем, текущий год можно было бы считать спокойным и благополучным, если бы не одно неожиданное событие, нарушившее наш обычный жизненный ритм.

В один из теплых летних дней в нашей квартире раздался телефонный звонок. Звонил из Мелитополя Моисей, старший брат Раечки, с просьбой, по возможности быстрее приехать к ним и помочь его жене Дине, которая находится в больнице в Запорожье после тяжелой и не совсем удачной операции. Раздумывать было некогда. Раечке пришлось немедленно отложить все дела, срочно оформить внеочередной отпуск и вылететь к брату, который с нетерпением ее ждал.

Быстро добрались до Запорожья и, с любезного согласия главврача больницы, получили разрешение Раечке находиться в той же палате, что и 10 больных в малоподвижном состоянии после операции. Дежурить пришлось круглосуточно. Временами обращались к ней за помощью и другие больные,

¹ Не в пятой ли это было графе?

и отказать им в этом Раечка не могла. Не раз пришлось и пол в палате помыть. Больные были ей благодарны и делились с ней больничной едой. Сон на стуле при мизерном питании не мог хоть как-то компенсировать потраченные силы: за время ухода за Диной Раечка очень похудела и устала. Наконец она вернулась домой. К сожалению, неоценимая и самоотверженная Раечкина помощь оказалась безрезультатной: проведенная Дине операция оказалась неудачной и не помогла ей встать на ноги. Четверть века Дина вынуждена была провести в инвалидной коляске, так и уйдя на ней в мир иной.

...Не успел я оглянуться, как уже 17 лет проработал в БелЭНИНе – с самого его открытия. Появилась первая пенсионерка в нашей лаборатории, Т. Ф. Кузина. По случаю торжественных проводов на пенсию первой пенсионерки наша лаборатория впервые за последние годы собралась и сфотографировалась почти в полном составе. Присутствовали также представители администрации и общественных организаций, в частности заместитель директора по науке Е. П. Забелло, бывший главный инженер Белплавэнерго В. О. Рацевич, главный бухгалтер А. В. Гулюк, председатель местного комитета В. Г. Пирогов. Лаборатория состояла из трех групп, руководителями которых были В. А. Яницкий, Н. Н. Буллах и я. По решению Ученого совета я был назначен научным руководителем одной из аспиранток, не очень расположенной к научной работе. По существу, мне следовало решительно отказаться, но, не сделав это сразу, не выполняя указание высшего руководства я, естественно, не мог.

Главное семейное событие 1981 года – у Лени и Симы 27 ноября родился второй ребенок, дочь Инесса (*фото 124*). Стихотворением отметил это событие в нашей жизни незаменимый Слава Фрумкин:

Похоже, что Леня и Сима
не рвались ко второму ребенку –
это у них заняло семь лет.
Зачать вторую – долго не решались:
Инесса младше Димы на семь лет.
Семь раз супруги точно примерялись,
Отрезавши красавицу на свет!

Лунный свет, принцесса,
Ночь, как день, светла...
Спи, моя Инесса,
Спи, как я спала:
В уголок подушки
Носиком уткнись:
Папа на пирушке
Или вновь в пути?..

У Лени и Симы стало двое прекрасных детей, а у нас с Раисой – замечательные внук и внучка. К менее значимым событиям года можно отнести мое награждение нагрудным знаком «Ветеран 28-й армии» на основании постановления Совета ветеранов 28-й Краснознаменной армии, воевавшей в 1942–1943 гг. на Сталинградском фронте.

Наступил 1982 год. Раечке исполнилось 55, и она, в соответствии с существовавшим законодательством, могла выйти на пенсию. В институте она проработала без перерыва 18 лет, пользуясь непререкаемым авторитетом, уважением и заслуженной любовью как сотрудников, так и руководства. Принятое ею решение пойти на заслуженный отдых было вполне обоснованным – ее ждали любимые внуки и их родители, которые были рады помощи.

После соответствующего торжества был юридически оформлен выход «Миркиной Раисы Фаиловны на пенсию по старости», как было указано в пенсионном удостоверении № 25258, выданном Первомайским райгоротделом соцобеспечения г. Минска 6 июня 1982 года. Государственная пенсия в размере 69 руб. 03 коп. была определена, исходя из среднемесячного заработка 125 руб. 50 коп. И, быть может, я не стал бы об этом упоминать, если бы за этими более чем скромными цифрами не проявилось особое уважение к уходящей на пенсию Раисе, выразившееся в решении директора НИИЭМП, члена-корреспондента АН БССР Ю. К. Козлова выдать ей единовременную премию в размере, превышающую обычную в 7–8 раз. Дело в том, что о выдаче этой премии директора попросили сотрудники отдела информации, причем чтобы ей одной выдали причитающиеся премиальные каждого из сотрудников отдела. На это директор ответил: «Зачем же так? Мы и без этого выдадим ей максимально возможную премию, которую она вполне заслужила». И подписал приказ. Это существенно повлияло на размер ежемесячного заработка, из которого начислялась пожизненная ежемесячная пенсия. Вслед за этим последовало награждение медалью «Ветеран труда». В удостоверении о награждении так и записано: «Миркина Раиса Фаиловна награждается за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 26 августа 1982 года».

В связи с уходом на заслуженный отдых Раисе к концу года выделили дачный участок в районе станции Загорье Смолевичского района Минской области, в 30 км от города, между Минском и Борисовом. Один из 40 подобных участков для работников НИИЭМП Госплана БССР. «Дачным» участок только назывался, но не являлся таковым, поскольку располагался на бросовом песчаном предгорье какого-то колхоза в километре от железнодорожной станции. С наступлением весны у нас появились новые заботы: где взять необходимые материалы и оборудование для стройки, как без личного транспорта их доставить, кто будет строить «дачу», из каких источников покрывать предстоящие

расходы и т. д. Да разве все перечислишь! Но раз «дали», то надо «брать» и осваивать, ведь по такому принципу нас приучили жить.

С чего начать?.. С обстоятельного разговора с умудренным жизненным опытом Фалой Ирмовичем, отцом Раечки, который, выслушав нас внимательно, сразу сказал: «Нелегко, ой как нелегко будет строить “дачу” при ваших и наших возможностях. Я за свою жизнь дважды строил дом для семьи и хорошо знаю, что это такое. Но попробуйте. Единственное, чем я смогу помочь, кроме советов, так это своим столярным топориком (который он тут же и вручил) и немногими кривыми жердями, которые валяются где-то в сарае». И сразу же пришло решение на скорую руку сколотить хотя бы какой-нибудь элементарный сарайчик из этих спасительных жердей, каким-то образом доставив их на участок. Вскоре нам удалось это сделать, и на пустыре издали стало виднеться далеко не товарного вида кривое сооружение – первый свидетель освоения участка. А дальше начались поиски и денег, и материалов, и строительных рабочих, и готового домика, и черной земли для песчаного грунта, и многого другого.

Не один месяц прошел, но в конечном итоге все эти проблемы, казавшиеся непреодолимыми, постепенно решились. Через год на черном грунте горизонтально спланированного участка вырос довольно симпатичный и удобный дачный домик. Добрые люди помогли осуществить заветную мечту. Это в первую очередь Моня, двоюродный брат Раисы, и его жена Сима, мастер-строитель высокой квалификации Эдик и его помощник Виктор из Борисова, водитель автомашины Григорий. И, наконец, мы сами, с нашими сыновьями Леней и Митей. До сих пор не можем забыть, сколько труда, сил и здоровья было вложено нами в это кукольное сооружение, которому через четыре года суждено было перейти к другому владельцу...

Отметить важное событие в нашей жизни – выход Раечки на пенсию – мы решили в Крыму, в курортном городе Алушта, где до этого не раз бывали. Получив заверение от всех членов нашей семьи, а также от родных и родителей Раечки, что все у них в порядке и мы можем ехать на отдых, спокойно сели в поезд и через сутки уже были на черноморском побережье Крыма. Тем не менее мы ежедневно посещали почтамт Алушты в ожидании почтовой корреспонденции, и внутреннее чутье нас не обмануло. 5 сентября утром, когда мы зашли на почту, нам вручили телеграмму из Борисова, в которой брат Раечки Моисей просил нас по возможности вернуться скорее в связи с тяжелой болезнью папы.

С большим трудом нам удалось приобрести билет на непрямой самолет, и 6-го рано утром в Минском аэропорту нас уже встречал Раин двоюродный брат Алик, который тут же вместе с нами поехал в г. Борисов, сказав, что папа серьезно заболел. Но когда мы приехали в Борисов, то увидели совершенно

иную картину: тело Фалы Ирмовича было готово к выносу из дома. Нам до последней минуты не говорили правду, а ведь скончался отец на 87-м году жизни еще 5 сентября. На финальную часть траурной церемонии мы все же успели. Навсегда запомнились идущая впереди Ева Ефимовна, мама Раи, в сопровождении двух своих дорогих внуков – Лени и Иры Клебановой. Стараниями Исаака, брата Раисы, на борисовском кладбище неподалеку от входа находится хорошо ухоженная, огороженная металлической оградой могила с гранитным памятником и прекрасным портретом с выгравированной под ним лаконичной надписью:

Клебанов Фала Ирмов
1895–1982
Дорогому мужу, отцу, дедушке
Помним, любим, скорбим

Хороший и умный человек, проживший нелегкую жизнь. Вечная ему память!

...Кроме печальных были и радостные события. После более шести лет работы на периферии, в разъездах и командировках, к концу года Митя был переведен в управление БЭМИ на должность инженера и стал вести более оседлый образ жизни.

16 апреля 1983 года руководство Белорусского филиала энергетического института решило торжественно отметить мое 60-летие и работу в институте со дня его основания (фото 125). Были торжественное собрание, неофициальная часть, как в таких случаях водится, и приказ о поощрении. Я был переизбран на новый срок в должности старшего научного сотрудника лаборатории АСУ ГРЭС и награжден почетным знаком «50 лет ЭНИН». Но о том, чтобы я ушел на заслуженный отдых в связи с достижением пенсионного возраста, администрация даже не помышляла. Это полностью совпадало с нашими пока еще тайными намерениями, в которых нас все больше укрепляла информация от Володи Минкова из Чикаго, где он работал уже около пяти лет в престижной Аргонской национальной лаборатории.

Знаменательное событие в нашей семье произошло весной 1984 года: 25 марта в ленинградском Дворце бракосочетания в торжественной обстановке был зарегистрирован брак Мити с Лизочкой Спевак – выпускницей Ленинградского медицинского института (фото 126–127). С Лизочкой Митя был знаком еще в Минске. Его краткосрочная поездка в Ленинград случайно совпала с временем ее распределения после окончания института. Чтобы ей не попасть на несколько лет в глубинные районы Ленинградской области, пришлось срочно сдвинуть ранее намеченные сроки регистрации брака и про-

вести ее не в Минске, как это планировалось, а в Ленинграде, в окружении проживавших там родных Лизы. Естественно, мне, Лене и Исааку пришлось срочно оформить краткосрочный отпуск и вместе с Раечкой, которая к этому времени уже два года находилась на заслуженном отдыхе, отправиться в Ленинград. Белла, мама Лизы, с двумя дочками – Ирой и Галей – также приехала на эту торжественную церемонию, отец Аркадий по состоянию здоровья не смог к ним присоединиться. Через несколько дней все мы, включая молодоженов, вернулись в Минск. Таким образом, к концу нашего 20-летнего пребывания в Минске наши сыновья обзавелись чудесными женами, а мы – хорошими невестками.

В октябре мне вручили медаль «Ветеран труда», котораяполнила мою коллекцию. Год приближался к своему завершению, а вместе с ним и график выполнения научно-исследовательских работ. Наша группа успешно сдала заказчику комплекс работ по АСУ ТП Конаковской ГРЭС (*фото 128*). Работу принимали руководящие работники электростанции во главе с главным инженером Ю. М. Тимофеевым и его заместителем по эксплуатации И. Т. Сычевым. Почему-то именно октябрь в том году был насыщен приятными событиями. Так, очередным неожиданным сюрпризом явилось решение Минского горисполкома поставить меня с 29-го октября в очередь как участника Великой Отечественной войны на получение кооперативной квартиры, естественно, за собственные денежные средства. После женитьбы младшего сына и возникшей проблемы с жильем такая новость не могла нас не обрадовать. Сложившаяся благоприятная конъюнктура была связана с решением высших партийных и советских органов об улучшении жилищно-бытовых условий участников Великой Отечественной войны в связи с приближающейся 40-й годовщиной Дня Победы. К тому же и санитарная норма – 6 квадратных метров на человека – у нас не была превышена (с нами жила с 1982 года Ева Ефимовна, мама Раечки). Поэтому местные власти решили улучшить мои жилищно-бытовые условия как участнику войны – так они это трактовали – путем отселения от детей и мамы.

Через два года мы вселились в новую кооперативную квартиру, а нашу оставили Мите с Лизой. К слову сказать, почти аналогичным образом мне как участнику войны в 1978 году уже улучшали жилищные условия, но путем отселения от семейства Лени в составе трех человек. Тогда мы все вместе помогали им приобрести кооперативную трехкомнатную квартиру, так как дожидаться получения жилплощади на работе в Белэнерггоремналадке Лене пришлось бы не менее 10 лет. Как видно, нечеткая система улучшения жилищно-бытовых условий ветеранов войны на этот раз сработала, к счастью, четко (дважды улучшали условия). Первый раз путем *отселения от нас* и второй – путем *нашего отселения*. Спасибо этой неразберихе. Решение квартирного вопроса

к этому времени было особенно важно для Мити с Лизой, у которых в канун Дня Победы, 7 мая 1985 года, появился третий член семьи – чудная Алисочка (*фото 129*), а через четыре года и четвертый – такая же хорошенькая Анечка (*фото 130*).

В летопись истории Союза и Белоруссии этот год вошел как год 40-летия великой Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками (*фото 131*). Вслед за упомянутым улучшением жилищно-бытовых условий ветеранов войны последовала серия награждений орденами и медалями. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года «за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов Миркин Михаил Лазаревич награжден орденом Отечественной войны второй степени № 1795811». Орденская книжка № Д115661. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 года Миркин Михаил Лазаревич награжден юбилейной медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Медаль вручена Московским райвоенкоматом г. Минска 5 мая 1985 года. В соответствии с решением администрации и партийного бюро филиала фотографии всех оставшихся семи участников войны были помещены на Доску почета ветеранов. Состоялись и другие, менее значимые мероприятия, торжественное собрание, экскурсии, премии, выдача спецпайков.

Однако год не прошел без скорбных событий: 26 сентября скончалась Эмма Мондшанина, единственная из четырех оставшихся в живых после войны моих двоюродных братьев и сестер. Тяжелая потеря, и пусть ей будет земля пухом.

За последние годы научная деятельность нашей группы АСУ ТП ТЭС стала рутинной и более результативной. В институте наступило время переподчинений и переименований. Так, приказом министра энергетики № 416 от 4 ноября 1985 года Белорусский филиал энергетического научно-исследовательского института имени Г. М. Кржижановского с нового года был переименован в Западный филиал союзного теплотехнического научно-исследовательского института имени Ф. Э. Дзержинского. Вскоре наша лаборатория АСУ ГРЭС была переименована в лабораторию диагностики надежности оборудования. Неизменным лишь осталось наименование и состав группы – АСУ ТП ТЭС. По результатам аттестации я был вновь утвержден на должность старшего научного сотрудника лаборатории диагностики и надежности оборудования. Произведенные переподчинения и переименования никак не повлияли на ход наших научных разработок, разве что география их расширилась. Так, к этому времени успешно продолжались работы по созданию и внедрению АСУ ТП на Молдавской, Пермской и Конаковской ГРЭС, причем на Конаковской ГРЭС

усиленными темпами благодаря энергичному руководителю – новатору и инициатору внедрения всего нового И. Т. Сычеву. За нашей научной работой и житейскими событиями, благодаря регулярному взаимному обмену информацией, внимательно и заинтересованно продолжал следить из американского далека Владимир Минков, за что мы ему уже тогда были благодарны.

4 августа – особо запомнившаяся дата – я получил ордер № 039540 на жилплощадь в Минске, выданный по решению Первомайского райисполкома города от 8 июля 1986 года. Через месяц, 7 сентября, мы с Раечкой и мамой вселились в новую двухкомнатную кооперативную квартиру № 47 на улице Руссиянова, д. 44. Двухкомнатная квартира улучшенной планировки находилась на четвертом этаже 9-этажного дома, который строился по чешскому проекту в новом, удаленном от города микрорайоне Уручье¹. Какой это был пустырь в момент нашего вселения! Транспортная связь с городом и другими микрорайонами, где находились магазины, медицинские учреждения и многое другое, почти отсутствовала. О лифте приходилось только мечтать. Из четырех стоящих среди чистого поля телефонов-автоматов три никогда не работали... Если же удавалось дозвониться, скажем, до «скорой помощи», то ей приходилось часами плутать, иногда в темноте, в поисках дома нужного номера, хотя домов-то было раз-два и обчелся. А прибегать к «скорой помощи» с нашей далеко не молоденькой мамой приходилось часто. И, тем не менее, в главном все складывалось неплохо. Действительно, все три наши семьи – моя, Лени и Мити – в конечном итоге стали жить отдельно и в своих квартирах:

– мы с Раиной мамой – в кооперативной квартире на улице Руссиянова, д. 44, кв. 47 (микрорайон Уручье),

– Леня с Симой и детьми в кооперативной квартире на улице Мирошниченко, д. 49, кв. 189 (микрорайон Зеленый Луг – 6),

– Митя с Лизой и детьми в государственной квартире на улице Калиновского д. 23, кв. 43 (микрорайон Зеленый Луг).

К этому времени были уже полностью готовы к приему хозяев и гостей полюбившаяся нам скромных размеров дача, с большим трудом и вкусом построенная борисовским мастером своего дела Эдиком, и неплохо благоустроенный дачный участок.

Значительно сложнее обстояло дело с телефонной связью между нашими семьями. Если у Мити в квартире остался наш телефон, установленный в свое время как льгота ветерану войны, то у Лени с момента вселения в квартиру на протяжении 10 лет телефона не было, но, по чудесному стечению обстоя-

¹ Название военного городка, расположенного в 8–10 километрах восточнее Минска.

тельств, он у него появился в самое нужное время – в начале лета 1988 года. Мне же, как единственному ветерану войны в этом большом 9-этажном доме, телефон установили в начале 1987 года – 19 января. Это было архиважное событие, поэтому и дата так запомнилась. Нетрудно себе представить, сколько сразу появилось желающих позвонить по самым разным необходимым делам, а отказать в такой просьбе независимо от времени суток мы никому не могли. Так или иначе, но телефонная связь между нашими семьями появилась к лету 1988 года, и она сыграла важнейшую роль в осуществлении наших планов.

Чернобыльская авария, происшедшая 26 апреля 1986 года, весьма негативно, а в ряде случаев и трагично повлияла на многих жителей нашего города и региона, но нас это, к счастью, не коснулось.

В новой квартире мы торжественно отметили 60-летие Раисы – половину золотого срока, завещанного нашими праотцами, первую и наиболее активную половинку, которую мы все прожили в сложнейших условиях.

Леня не упустил случая сфотографироваться в нашей квартире со своей шестилетней Инесской (*фото 132*). Несколько позже то же самое сделала его супруга Симочка, только не с дочкой и не с сыном, а с 86-летней Евой Ефимовной (*фото 133*).

1987 год – год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, о котором писали во всех изданиях, без умолку говорили по радио и телевидению, – приближался к своему завершению, а мы все больше – к предчувствию и ожиданию больших перемен в нашей жизни. Это предчувствие нас не обмануло: перемены наступили быстрее, чем мы предполагали. И первой ласточкой явился неожиданный визит Лени, когда в начале января 1988 года, возвращаясь с Карпат, в лыжном костюме и с лыжами, он прямо с вокзала зашел ко мне в БелЭНИН и твердо сказал: «Надо ехать».

Подготовка к отъезду (8 марта – 26 ноября 1988)

Пополудни 8 марта 1988 года в нашей квартире на улице Руссиянова раздался телефонный звонок. Вместо ожидаемого очередного поздравления Раечки с Международным женским днем 8 Марта незнакомый женский голос в трубке торопливо проговорил: «Вам большой привет от Володи Минкова. Есть у вас возможность встретиться сегодня в 8 вечера у Брони Марковны?...» Оправившись от неожиданности и быстро собравшись с мыслями, я ответил: «Конечно, мы будем...» Нет надобности рассказывать, что я, Раечка и Леня поспешили к Броне Марковне, матери Володи Минкова, которая жила на почтенном расстоянии от нас – за городским аэропортом.

У Инны, жены Володи, в Минске оставалась мама под присмотром одного из братьев. Инна прилетела из Чикаго в Минск на несколько дней, остановилась в местной интуристской гостинице и, по существующим для иностранцев правилам, обязана была явиться в гостиницу вечером к определенному часу. Естественно, наша встреча не могла быть длительной, но это не помешало ей стать интересной и результативной. Меня и Раечку, конечно же, очень многое интересовало, но наиболее подготовленным к беседе оказался Леня. Не говоря нам предварительно ни слова о своих замыслах, он вытащил из внутреннего кармана вдвое сложенный небольшой листок с фамилиями всех членов нашей большой семьи и задал один, но весьма конкретный вопрос: может ли она и Володя оформить нам вызов¹ на выезд в Израиль. Инна ответила, что они постараются сделать все, что от них будет зависеть.

В первый момент я был в некотором недоумении от Лениной просьбы. Впоследствии он ее обосновал, и мне ничего не оставалось, как согласиться с его доводами. А главные аргументы были такие:

– Димке, сыну Лени и моему внуку, шел уже пятнадцатый год, и скоро он попадет в разряд допризывников. Следовало сделать все возможное уже сейчас, чтобы он не попал в армию и не оказался жертвой существующей армейской «дедовщины»;

– в апреле мне исполнится 65 лет, и я, проработав сверх установленного срока пять лет, могу отправиться на заслуженный отдых. 65 лет – это срок, который дает право эмигранту, получившему статус беженца, воспользоваться всеми существующими для этой категории людей благами. Бабушка Хава этого возраста уже давно достигла, а маме Раисе для этого потребуется еще целых четыре года;

¹ Инна Минкова все эти годы бережно хранила переданный ей Леной список членов нашего большого семейства и вернула нам его в Чикаго 2 января 2006 года. Ей и Володе мы бесконечно благодарны за помощь.

– нас, перешагнувших 65-летний рубеж, в нашей компании уже двое, и на первых порах мы сумеем материально поддерживать всех остальных;
– перспектива поколения Лени и Мити, их детей и в будущем внуков в Союзе, прямо скажем, тупиковая, в Америке – более обнадеживающая;
– в начале 1988 года началась волна массового выезда из Союза, и очень важно не опоздать, пока возможность еще не исчезла.

«И куда вы собираетесь уезжать, – говорила моя любимая двоюродная сестричка из Борисова Аня Андрачник. – У вас есть квартиры, хорошая дача и неплохие пожизненные пенсии, дети работают – живите и радуйтесь!» Эх, дорогая Анечка, очень-очень жаль, что ты не дожила до того светлого дня, когда мы смогли бы тебя переубедить¹.

...Итак, с момента нашей встречи с Инной Минковой у Брони Марковны 8 марта эмиграционная машина закрутилась, причем стремительно. Множество проблем, крупных и более мелких, вдруг показались почти неразрешимыми, однако постепенно взял верх здравый смысл, и эти проблемы стали выстраиваться в определенной последовательности. Подготовка к отъезду началась. Лед тронулся...

Незадолго до этого мы отметили 61-й день рождения Раечки, и я с большим удовольствием пообщался с двумя своими чудными внучками Инесской и Алиской (*фото 134*). В те же дни нас навестила добрая знакомая из Ленинграда Дося Карчевская (*фото 135*). А в день моего 65-летия – 16 апреля – трехлетняя Алиска, которую я почти ежедневно водил в детский сад № 238, подарила мне свою фотографию (*фото 136*). В институте эта дата была торжественно отмечена и официально, и накрытыми праздничными столами с участием членов нашей семьи. Не заставило себя долго ждать и мое пенсионное удостоверение № 228157, которое мне выдал Московский райсобес г. Минска 5 мая, накануне Дня Победы. Пожизненная пенсия была установлена в максимально возможном размере – 132 рубля (на 10% выше предельной). Мне вручили очередную юбилейную медаль «70 лет Вооруженных сил СССР».

Перед праздником Лене установили квартирный телефон, и это было как нельзя более кстати. 6 мая мы получили самый главный подарок всей нашей семье к Дню Победы – вызов на выезд в Израиль. Это важная дата в нашем семейном календаре. (Позднее Леня рассказал мне, что на всякий случай он подстраховался, заказав вызов и через минскую синагогу. Так что, в результате у нас было два вызова.) В тот же вечер мы с Леней стали подробней-

¹ Аня Андрачник скончалась в Борисове на рубеже двух веков – в ночь с 31 декабря 1999 на 1 января 2000 года в возрасте 83 лет.

шим образом обсуждать, как нам собрать необходимые документы для подачи в минский ОВИР¹ и получения выездных виз для всех членов нашей семьи. Здесь произошла неожиданная и очень досадная осечка. Выяснилось, что семейство Мити к отъезду не готово. Причины были, быть может, на самом деле уважительные, но не настолько серьезные, как нам казалось, чтобы отложить отъезд в Америку. Во-первых, к Мите и Лизе из Кривого Рога на постоянное жительство переехали родители Лизы, причем не очень давно, и, во-вторых, Лиза ожидала ребенка в начале будущего года. Возможно, были и другие, неизвестные нам причины. Так или иначе, к выезду стали готовиться лишь две семьи – моя и Лени – в составе семи человек.

Прежде всего, нам удалось достоверно выяснить, какая информация на каждого члена семьи требуется для ОВИРа. По рекомендации наших знакомых мы смогли лично познакомиться с квалифицированным техническим секретарем Клавдией Тимофеевной Чумаковой, которая помогла оформить наши документы для ОВИРа надлежащим образом и в кратчайший срок. Опыт работы по этой части у нее уже был большой и, как впоследствии мы убедились, наш выбор оказался правильным. Более того, мы с благодарностью и искренней признательностью вспоминаем эту милую женщину – инвалида Отечественной войны и жену талантливого, но недостаточно признанного белорусского поэта Вениамина Михайловича Айзенштадта (Блаженного). Уже будучи в Америке, Леня поддерживал этих достойных людей до самого ухода их из жизни и до сих пор хранит теплые письма Клавдии Тимофеевны и книгу Вениамина Михайловича «Возвращение к душе» с его дарственной надписью.

Теперь наши усилия направились на скорейший сбор необходимых документов. Все, что связано с моей, Раисы, Лени и Симы работой, получить было не так трудно, хотя некоторые просьбы настораживали руководителей. Сложнее стало с информацией из негосударственных источников. Мне, например, оказалось трудным подтвердить в ОВИРе, что мои отец, мать, братья и сестра погибли во время войны в гетто. Два документа – извещение загса² Витебского облисполкома и свидетельство трех человек не убедили ОВИР в достоверности моего утверждения³. В соответствии с моим заявлением об увольнении в связи с уходом на пенсию по старости (ст. 31 КЗоТ⁴) директор филиала подписал 20 июня 1986 года приказ № 52-ОК. Старший инспектор по кадрам и начальник первого отдела А. С. Кротов при прощании любезно выдал выписку

¹ Отдел виз и регистрации (иностранцев).

² Отдел записи актов гражданского состояния.

³ См. *Приложения 17 и 18*.

⁴ Кодекс законов о труде.

из трудовой книжки за более чем 36 лет трудовой деятельности всего лишь с двумя переводами и 57 поощрениями и награждениями. До сих пор храню ее как реликвию и напоминание об исключительной чуткости этого человека.

Одним из самых волнительных дней года стала пятница 12 августа. В этот день в тесном помещении городского ОВИРа, где с самого утра ежедневно толпилось столько народа, нас с Леней вызвали в кабинет высокопоставленного чиновника и вручили мне три и Лене две зелененькие выездные визы. Итак, едем! Теперь уже точно едем, причем, как указано в визе, на постоянное место жительства в Израиль в предельный срок до 27 января 1989 года через любой пограничный пункт Союза, открытого для пассажирского движения. Когда точно и через какой пограничный пункт? В глубоком раздумье мы с Леней вернулись домой и несказанно обрадовали своих женщин драгоценными зелененькими визами. Однако получить визы для выезда – условие необходимое, но недостаточное, так как следует еще иметь разрешение посольств соответствующих стран на проезд через их территорию. Для этого надо без особого промедления ехать в Москву. Из-за неотложных дел и сложностей с приобретением железнодорожных билетов я и Леня смогли поехать лишь в конце месяца. Взяли с собой фотографии установленного образца для всех выезжающих, а также документы и награды, которые можно было переправить в Израиль через голландское посольство, представляющее в Москве интересы этого государства.

Прибыли к голландскому посольству рано утром 1 сентября и застали длинную очередь приехавших сюда со всех концов великого и могучего Союза по тому же поводу. После многих перипетий в конце этого дня мы с Леней все же попали внутрь посольства и в результате все формальности выполнили. Голландское посольство от имени и по поручению Государства Израиль поставило в наших визах штампы на право въезда в страну с 1 сентября. Мы также успели в наших визах поставить штампы австрийского посольства, подтверждающие наше право находиться на этой территории с этого же дня. Окрыленные успехом нашей поездки и возможностью вечерним же поездом вернуться домой, мы все же по предложению Лени остались еще на один день, чтобы оформить в чехословацком посольстве транзитные визы на проезд на всякий непредвиденный случай. И это было успешно сделано, но, к счастью, впоследствии такие визы нам не понадобились.

Сохранившиеся в домашнем архиве записи и документы позволяют восстановить в памяти до мельчайших подробностей последовательность и время наиболее важных событий последнего года пребывания в Минске. Прежде всего, нужно было решить, что мы берем с собой и как это упаковать. Что взять, решали на основании сведений, добытых к тому времени у людей с опытом подобных сборов. С тем же, как эти вещи перевезти, дело обстояло сложнее. Понятно, что нужны чемоданы, но где их взять в таком количестве?

По действовавшей инструкции на каждого отъезжающего разрешалось не более двух чемоданов. Значит, надо приобрести четырнадцать чемоданов! Помог господин случай. Заглядывая во все магазины на Ленинском проспекте, везде мы слышали один и тот же ответ: чемоданов нет... И когда мы совсем уже было собрались ни с чем вернуться домой, обратили внимание на совершенно неприметный, третьеразрядного вида магазинчик. Но на наш вопрос, есть ли в продаже чемоданы, маленького роста продавец ответил: «Только сегодня завезли румынские чемоданы. Сколько вам надо?» Со свалившимися с неба чемоданами мы домой буквально на крыльях летели! Совсем неплохое начало!

С чемоданами нам, действительно, очень повезло, но часть вещей надо было отправить в Америку посылками, как это делало абсолютное большинство уезжавших. Вопрос, кому отправлять посылки, на чей адрес, как-то решился сам собой: конечно же, по трем надежным чикагским адресатам – Володе Минкову, Славе и Любе Фрумкиным и Науму Мессерману. Выбор Чикаго был не случаен: именно туда мы собрались переехать на постоянное место жительства.

Леня и Сима еще продолжали работать, а я уже находился на заслуженном отдыхе, поэтому мне пришлось взять на себя заботу по подготовке и отправке посылок с вещами. Ежедневно на городском автобусе я курсировал между Уручем, где мы жили, и квартирой Лени в Зеленом Луге: в одну сторону с пустыми чемоданами, назад – с наполненными. На моем столе на пару месяцев получили постоянную прописку ручные весы, упаковочные картонные ящики и другие подсобные материалы, бланки описей содержимого посылок и, естественно, вещи для отправки. Вес одной посылки должен составлять не более 10 килограммов, плата за пересылку – 37 рублей. Сохранились некоторые, порядком истертые, немногословные записи того времени о сделанных покупках для посылок за кордон. В качестве иллюстрации можно привести, например, перечень покупок за 8 октября 1988 года:

1. Плед коричневый шерстяной.....	1 шт. x 56 руб. =.....	56 руб.
2. Подтяжки мужские.....	3 шт. x 2.50 + 2 шт. x 3.20 =	14 руб.
3. Полотенца.....	6 шт. x 2.45 =.....	15 руб.
4. Гарнитур мужской.....	2 шт. x 5.10. + 2 шт. x 5.65 =	22 руб.
5. Перчатки Исааку 1 пара.....	1 пара x 17 =.....	7 руб.
6. Набор эмалированной посуды.....	2 комп. x 29 =.....	58 руб.
7. Чашки для питья.....	3 шт. x 0.60 =.....	2 руб.
8. Платок оренбургский.....	1 шт. x 45 =.....	45 руб.
9. Платице Инесске.....	1 шт. x 6 =.....	6 руб.
10. Емкости эмалированные.....	4 x 1.35 =.....	5 руб.

Итого.....241 руб.

Посылки принимали с тыльной стороны Главпочтамта, расположенного почти напротив Дома правительства. На каждую посылку следовало заполнить декларацию с подробным перечнем посылаемых вещей и их стоимостью. Можно представить длину очереди желающих отправить посылки, если учесть, что в Минске работал только один такой приемный пункт, а в других городах Белоруссии их и вовсе не было – все ездили в столицу. Не без содрогания вспоминаются ежедневные ранние утомительные поездки из одного конца города в другой, запись в очередь на сдачу посылок, которую более ловкие и проворные умудрялись занимать еще с ночи. Несмотря на все эти трудности, в течение полутора месяцев удалось все же отправить по трем чикагским адресам около 70 посылок общим весом 700 кг, и только небольшая часть из них так и не дошла до места назначения. В ускоренном темпе продолжалась отправка по почте портретов и фотографий большого размера, которые, к сожалению, бесследно пропали. Сохранились лишь фотографии меньших размеров, которые удалось взять с собой при выезде. Единственное, что осталось неотправленным и о чем мы до сих пор искренне жалеем, так это бесценная, годами хранившаяся связка фронтовых писем Раечке от погибшего брата Мимы и более чем трехлетняя наша с ней переписка за время моей учебы в Ленинградском политехническом институте (1948–1951), примерно тысяча страниц. Невозвратная потеря, неоправданные издержки эмиграции...

Не менее, если не более важной и сложной оказалась проблема приобрести билеты на поезд или самолет. В условиях возникшей массовой истерии, связанной с эмиграцией, это стало архисложно. Попытки забронировать железнодорожные билеты ни к чему не привели, и пристальный взор пришлось обратить на агентство Аэрофлота, расположенное на улице Карла Маркса, рядом с Белглавэнерго. Первое посещение этого агентства повергло в ужас – счет очереди на билеты доходил уже до восьмой или десятой сотни. Но делать нечего, пришлось записаться, а затем ежедневно, каждый раз испытывая чувство унижения, один, а то и два раза в день являться на перекличку. Когда моя очередь приблизилась к пятистам и терпение уже вовсе стало покидать, случилось очередное чудо – иначе, как чудом это не назовешь. Это было в четверг 8 сентября. Два сотрудника Белорусского политехнического института, как следовало из их громкого диалога, предварительно оформили бронь на авиабилеты для поездки в научную командировку и теперь шли получать эти билеты. При этом они громко сетовали на отсутствие третьего компаньона, который вместе с ними должен был лететь. Мимо длинной очереди я зашел с ними в агентство Аэрофлота, и, несмотря на негодование стоящей у дверей очереди, вместе с этой парой буквально протиснулся в комнату кассира на правах третьего члена. А дальше все вопросы мирно и доброжелательно разрешились. Забронированный билет на третьего в группе так и не был выкуплен,

зато сердобольная кассир, выслушав меня и, очевидно, обратив внимание на мой несчастный вид, согласилась выдать мне семь билетов на 27 ноября 1988 года. Счастливее меня, идущего домой с семьей билетами в кармане, никого на свете не было. Второй раз мне оказал спасительную помощь господин случай. Теперь-то мы уже наверняка едем!

К несчастью, вскоре произошло трагическое событие в доме, где мы жили. Неожиданно ушел из жизни уважаемый нами сосед кандидат технических наук Теодор Лазаревич Брук-Левинсон. С ним и его женой Ниной Гурьевной, в прошлом свердловчанами, и двумя взрослыми детьми Эдиком и Таней мы дружили семьями более 22 лет. Как много приятных и дорогих воспоминаний... К сожалению, ни одной фотографии. Зато по сей день в нашем архиве хранится поздравительная открытка по случаю моего 60-летия, отправленная Теодором Лазаревичем из Трускавца, где он был на курорте:

Дорогой Михаил Лазаревич!

Сердечно и искренне поздравляю Вас со знаменательной датой – шестидесятилетием. Прожито немало лет, суровых, трудных, но вместе с тем и радостных и счастливых. С оружием в руках Вы защищали нашу Родину в годы Великой Отечественной войны и заслуженно принадлежите к славному племени ветеранов военной поры. И в мирной жизни Миркин на уровне: и семью прекрасную создал, и свой вклад внес в науку, в энергетику. От всей души желаю Вам, Рае, детям и внукам больших радостей, доброго здоровья, бодрости и успехов на долгие-долгие годы. Пусть это обращение будет свидетелем, что я, находясь в Трускавце, всегда с Вами остаюсь, и я, и моя семья. Всего Вам доброго и хорошего!

Ваш Брук-Левинсон. 16.04.1983

Мы храним эту душевную поздравительную открытку как дань глубокого уважения к этому замечательному человеку, который скончался 10 сентября 1988 года в Минске. Однако какой бы печальной ни была эта сентябрьская дата, она не могла всерьез повлиять на ход и сроки подготовки к нашему приближающемуся отъезду.

Уже сделали и заверили у нотариуса копии многих документов, оформили разрешение на право вывоза из СССР за границу культурных ценностей, главным образом, интересующих нас книг и художественных альбомов, продолжили распродавать некоторые вещи, 27 сентября продали, хотя не без проволочек, любимую нашу дачу. Дело в том, что на нее претендовали многие, в том

числе и вовсе не заслуживающие такого небесного подарка. Установленный же бюрократический порядок предписывал продавать дачу только очередному претенденту, стоявшему в очереди на приобретение. Слава Б-гу, не без некоторых собственных усилий и помощи родственников удалось успешно и вовремя реализовать план передачи этого вида имущества. А с какими трудностями мы столкнулись при продаже нашей кооперативной квартиры!

Наиболее сложной оказалась одна из заключительных операций по подготовке к отъезду: где взять большие ящики, в которые можно поместить домашнюю утварь весом до полутора сотен килограммов? На чем их доставить? Как и куда потом отправить? С горечью подумалось: почему в стране, где мы прожили большую часть жизни, любой возникающий вопрос чаще всего становится неразрешимой проблемой? И опять нам повезло, как говорят в народе, по-дикому. В своих поисках мы набрали на какую-то ремонтно-строительную контору, расположенную Б-г весть на каких задворках, поинтересовались, есть ли у них злополучные ящики или могут ли они изготовить их на заказ. Ответ был отрицательный, но в дальнейшем разговоре выяснилось, что одно исключение все же есть. «Согласно нашим инструкциям, такой заказ мы можем принять только у участника войны, и то в порядке очереди на ближайшие полтора-два месяца», – сказал руководитель конторы, сам оказавшийся бывшим фронтовиком. Через 10 минут оформленный заказ на изготовление двух ящиков уже лежал у него на столе. Ну, а 10 октября два приличных ящика доставили на Ленину квартиру, где мы складывали багаж. К этому времени мы уже почти все знали касательно отправки вещей: что, в чем и когда посылать.

Подготовленные ящики с багажом мы решили отправить в Израиль малой скоростью через Брестскую таможню. К счастью, удалось найти водителя с грузовой автомашиной, который специально занимался доставкой такого рода грузов в Брест, знакомого с таможенными порядками и персоналом. К нам присоединилась еще одна эмигрантская семья, так что вечерним поездом Минск–Брест мы уже ехали втроем, а встреча с водителем и багажом состоялась на завтра, 4 ноября, непосредственно на Брестской таможне.

При таможенном досмотре вещей не обошлось без нервотрепки. Подполковник таможенной службы, строго осматривавший содержимое ящика, вдруг обнаружил неположенные для вывоза предметы. Рядом с ними лежала моя большая фотография на фоне воздвигнутого в Сталинграде обелиска. Его суровое лицо мгновенно преобразилось, и он спросил: «Ты воевал на Сталинградском фронте? – и, услышав мой утвердительный ответ, сказал: «Я ведь тоже там воевал, браток...» И не говоря больше ни слова, подозвал рабочих и командным голосом приказал: «Заколачивайте ящик». Какой камень спал с моей взволнованной души, когда я увидел отходящий от железнодорожной платформы открытый вагон с нашими опечатанными ящиками...

Уже возвращаясь домой, в Минск, в поезде рассмотрел выданный нам на руки дубликат накладной, в которой значились отправитель и его адрес, получатель он же в городе Вене на улице Иорданштрассе, 10. Было указано, что груз следует через пограничные станции Брест–Тересполь–Забжидовице–Петровице–Карбине–Бржецлав–Бернхардшталь до станции назначения Вена Австрийской железной дороги.

Каким-то чудом нам удалось поменять советские рубли на разрешенное количество американских долларов по существовавшему курсу, и буквально через несколько дней такой обмен прекратился. Мы успели, и это нам очень помогло в первое время после эмиграции.

Мите с семейством было оставлено все, что можно, сделаны подарки родным и знакомым, продан с таким трудом добытый в свое время комнатный гарнитур «Кристина». Что еще нужно не забыть сделать перед тяжелой разлукой на прощание? Купить нашим сопровождающим – Мите, Исааку, Марте, Асе и другим – железнодорожные билеты до Москвы и обратно на 27 ноября, воскресенье, день нашего вылета из Шереметьево.

За несколько дней до нашего отъезда Марк Моисеевич и Циля Абрамовна выехали в Москву к своим родственникам и там ждали нас, предварительно заказав в ресторане аэропорта Шереметьево все необходимое, чтобы отметить день рождения Инесски – ей в этот день исполнилось семь лет.

Леня с попутчиком быстро и полюбовно договорились с грузчиками аэропорта, и вскоре все наши 14 чемоданов были погружены в самолет.

Отметив день рождения Инесски и тепло попрощавшись с родными, мы поспешили на посадку, понимая, что навсегда покидаем ту самую Родину, в которой так непросто прожили две трети века. Перед вылетом на память купили газету «Правда» № 332 (25684) за 27 ноября 1988 года, которая до сих пор хранится в нашем семейном архиве как напоминание о том, что не дождалось здесь обещанного нам светлого будущего. В 19.30 самолет Аэрофлота рейсом PL241 взял курс на Вену, и вскоре за горизонтом скрылись многочисленные огоньки советской столицы...

Эмиграция (27 ноября 1988 – 31 января 1989)

От Москвы до Вены по современным воздушным меркам почти рукой подать, в этом мы убедились, когда после короткого и не очень комфортно-го полета стюардесса объявила приготовиться к посадке. В самолете я все думал, за что же все-таки государство меня и таких, как я, лишило советского гражданства, отняв «молоткасто-серпастую паспортину»? Неужели оказалось недостаточно участия в защите отечества во время войны и трех тяжелых ранений, 36 лет профессионального низкооплачиваемого труда на благо того же отечества, вклада в научно-технический прогресс и науку на протяжении более чем 20 лет, участия в общественно-политической, культурной и духовной жизни страны? Еще много могло бы возникнуть «за что» и «почему», но окончание полета оборвало дальнейший ход мысли. Вспомнилось блестящее стихотворение Рашида Рахимова «Эмиграция», точно передающее мысли и чувства бывшего гражданина СССР, а ныне эмигранта, покидающего родину¹:

Я покидаю Родину. Глухая,
Она не слышит шелеста шагов...
И за спиной редущая стая
Еще не досчиталась одного.

Трещит былой Союз, его громада
В развалинах, распад неотвратим.
И мы летим частицами распада,
Неведомыми трассами летим.

Не знаю я, вернемся ли обратно?
Не знаю я, из пепелищ идей
Взрастет ли вновь отчетливо и внятно
Достойный образ родины моей?

Увидим ли нетронутые чащи
И будем ли смотреться в родники?
О, Родина! Не притворяйся спящей!
Ты слышишь, удаляются шаги...

¹ Форвертс. 2001. 9–15 февр. № 272.

Вена. Первые шаги (27 ноября – 7 декабря 1988)

Представители ХИАС¹ и Джойнта встретили всех эмигрантов – всего более ста – дружелюбно и приветливо. Сразу бросились в глаза хорошо освещенные залы венского аэропорта с множеством всевозможных красочных карт-путеводителей, проспектов и реклам. Встретили нас руководители еврейских организаций и попросили разделиться: желающим поехать по израильским визам в США – встать в левый ряд, а в Израиль – в правый. Стало очень неловко, когда в правом ряду оказались всего три семьи. Впоследствии, ознакомившись с некоторыми статистическими данными, мы поняли общую тенденцию беженцев – ехать по израильским визам, главным образом, в Америку. Так, по месячным сводкам Джойнта, которые приводит Владимир Козловский в своей статье «Ладиспольские отказники. Вена, часть вторая»², в ноябре в Вену прибыл по израильским визам 2771 советский эмигрант, включая и нас семерых, в Израиль же уехали всего 73 человека, т. е. менее 3%.

Тем временем прибывших нашим рейсом стали понемногу развозить по заранее подготовленным местам. Нам – мне, Раисе, Лене, Симе, Еве Ефимовне, Димке и Инесске – пришлось ждать дольше всех – до 12 ночи. Ответственная за расселение милая женщина объяснила, что в связи с пожилым возрастом Евы Ефимовны она ищет для нас гостиницу с лифтом. Наконец, нас с нашими 14 чемоданами доставили на машине в Hotel Pension Tangra, расположенный на оживленной Mariahilferstrasse, 58. Старомодный лифт со скрипом поднял нас в такие же старомодные комнаты очень старой гостиницы. Нас поселили в двух отдельных соседних комнатах без всяких удобств, за исключением небольшой душевой кабинки. Вдоль коридора тянулся длинный ряд комнат, но для жильцов этих комнат была лишь одна плита для приготовления пищи. Несмотря на это, мы были довольны своим размещением настолько, что решили даже поздней ночью выйти на улицу, оставив детей и Еву Ефимовну в гостинице, чтобы полюбоваться красивыми зданиями и яркими витринами.

С помощью специально подготовленных информационных листов на русском языке нас старались подробнейшим образом познакомить с городом. В них, в частности, содержались весьма важные для эмигрантов сведения:

- перечень недорогих продуктовых магазинов, расположенных поблизости;
- перечень промтоварных магазинов, в которых можно купить, кроме товаров, также цветную пленку для фотоаппаратов;

¹ Общество помощи еврейским иммигрантам (Hebrew Immigrant Aid Society) – благотворительная организация в США, существующая с 1881 года.

² Новое русское слово: газ. 1989. 5 и 10 марта, 14 и 17 апр.

- адрес комиссионного магазина, где можно купить одежду и обувь;
- перечень «русских» магазинов, где можно купить, например, косынки;
- адрес магазина, где можно купить бумагу, конверты и марки для писем;
- адреса почты и табачных магазинов;
- советы, откуда и как лучше звонить в крупные города СССР;
- инструкция по городской транспортной системе и рекомендации, как лучше и экономичнее пользоваться транспортом.

Самый большой интерес, особенно для наших малых Димки и Инески представлял недалеко расположенный громадный продуктовый рынок. Чего там только не было! Изобилие разнообразных фруктов и овощей, которых в Союзе ни мы, ни, тем более, они никогда не видавали.

В Вене мы пробыли всего 10 дней, которые как-то незаметно пролетели. Главное, в ХИАС мы прошли все необходимые многочисленные формальности и процедуры, включая и медицинские, удостоверились, что наш багаж следует за нами и переадресован на Израиль. Нам с мамой, как более старшим, предложили пройти беседу здесь, в американском посольстве, а отсюда направиться в США, но мы решили не разъединяться с семьей Лени, а ехать всем вместе, потому и отказались от этого благородного предложения.

За дни пребывания в Вене мы с Леной успели разыскать офис Джойнта и заполнить и оставить там, на всякий случай, документы на выезд Мити с семьей из Минска в Израиль, посетили вновь открытую Большую синагогу. С Раечкой мы побывали в великолепном краеведческом музее. Она еще умудрилась посмотреть интересную выставку чешских художников. К сожалению, многое мы не успели увидеть, в том числе и места, связанные с жизнью и деятельностью великого австрийского композитора Иоганна Штрауса.

7 декабря, среда, был днем сбора для выезда в Рим. Поздним вечером, когда многочисленные электрические фонари на улицах еще не успели полностью погаснуть, к гостинице Tangra подкатила машина, в которую мы и некоторые другие постояльцы погрузили свои чемоданы и вместе с ними отправились на железнодорожный вокзал. Там уже ждал пассажиров поезд Вена–Рим, в один из вагонов которого быстро погрузились. При посадке не требовались железнодорожные билеты или какие-либо другие посадочные документы: мы шли по списку ХИАС, который был у старшего группы. Наш вагон состоял из отдельных отсеков, наподобие купе, в каждом из которых помещались шесть человек – по трое с каждой стороны. Места только сидячие.

Поездка оказалась нелегкой, особенно для «легочников» – пришлось «перешагнуть» через Альпийский хребет, и не всем это было под силу. Ранним утром мы перевалили через Альпы и оказались на территории солнечной Италии. Через несколько часов поезд остановился на мало чем выделяющейся железнодорожной станции в пригороде Рима.

Рим—Ладисполь. В ожидании отъезда (8 декабря 1988 – 31 января 1989)

На боковой железнодорожной станции Римини с правой стороны по ходу поезда нас уже ждали ранее подоспевшие машины и автобусы, а также ответственные работники еврейских организаций. За 10 минут мы с Леней смогли переправить через открытое окно нашего вагона на перрон все 14 чемоданов и благополучно высадить через дверь нашу команду. Естественно, в таком спешном режиме выгружались не только мы. Не успели мы с Леней еще спрыгнуть с подножки вагона, как поезд мгновенно набрал скорость и быстро скрылся. Приехали!

Нам помогли быстро погрузить чемоданы в один из недалеко стоявших автобусов, а вслед за ними и нашу семью из семи человек. Через час мы уже снова выгружали свои вещи, но уже возле гостиницы «Нордланд», где нас ждали две комнаты на первом этаже. Это уже был вечный город Рим, хотя и его окраина. Гостиница напоминала большой муравейник, потому что сотни эмигрантов беспрерывно в нее въезжали или куда-то из нее уезжали. При этом нельзя было не обратить внимание на продуманную и хорошую организацию встречи, доставки, расселения и бытового обслуживания эмигрантов. Так, сразу было предоставлено трехразовое питание в самой гостинице, установлены очередность и порядок посещения большого обеденного зала с услугами рослых, красивых, спортивного телосложения официантов-итальянцев. Начались регулярные медицинские осмотры и обследования новоприбывших силами местных врачей. Одновременно шла деловая работа с эмигрантами, в частности подготовка необходимых документов и фотографий. Всем были подарены небольшого формата итало-русские и русско-итальянские разговорники, закупленные еврейскими организациями. Всеобщее внимание привлекали многочисленные записки в просторном фойе гостиницы, прикрепленные где и как попало: разыскивались знакомые, просили отозваться земляков, сообщались адреса уже выбывших. Почти ежедневно мы ходили в центральную часть города, главным образом на площадь Святого Петра. Тщательно осмотрели собор Святого Петра, о котором еще в Союзе слышали столько интересного. Посетили рядом расположенный музей и другие достопримечательности. Наконец, просто бродили по древним улицам Рима. Где нам не удалось побывать, так это в Ватикане. Зато видели вблизи и в полной форме стражей этого государства в государстве. Немногие дни, которые мы провели в Риме, оставили в нашей памяти глубокий след. 10 декабря мы сфотографировались на память на итальянской земле.

14 декабря нас всех предупредили, что в течение следующего дня мы обязаны подыскать себе новые места для проживания и покинуть полюбившуюся

нам гостиницу. Согласно полученным рекомендациям, назавтра утром мы с Леней отправились в Ладисполь с нелегкой задачей найти для нас квартиру или другую гостиницу. Прежде всего мы направились прямо к знаменитому Ладиспольскому фонтану. Живописать, что собой представляло это святое для эмигрантов место, непросто: слишком многие уже делали это, причем весьма красочно и, я бы сказал, смачно. Только мы приблизились к фонтану и походили каких-нибудь 10 минут, как сразу же почувствовали крепкий дух торгашества и спекуляции, царивших здесь. Этаким одесский Привоз в миниатюре! Однако с чего начать? Нам с Леней показалось, что самое разумное спокойно походить и внимательно присмотреться и прислушаться к тому, что делают другие. И, действительно, благодаря этому вскоре многое стало понятным. Некоторые эмигранты – дельцы и спекулянты, выступавшие в качестве посредников, – предлагали различные квартиры за приличную мзду. Несколько квартир мы даже осмотрели, при этом возмущаясь наглостью этих посредников. Методика у них была довольно простая: они арендовали квартиры за одну плату, а пересдавали нам, эмигрантам, за другую – более высокую.

К счастью, не все квартирные маклеры оказались такими. Издалека к нам присматривалась пара симпатичных людей, которые, убедившись в серьезности наших намерений, в какой-то момент подошли к нам и, представившись – Лев Свердлов и его отец, предложили квартиру, а точнее виллу, из которой они выезжали на следующий день. Это была роскошная вилла на берегу Тирренского моря, которую они арендовали у одной симпатичной римлянки по имени Грациана. Хозяйка виллы попросила их подыскать подходящих квартирантов, и выбор почему-то пал на нас. Мы были довольны тем, как обернулось дело, и вскоре обо всем договорились с новыми знакомыми, посмотрели даже место расположения виллы на Via Pegaso, 7. Назавтра довольные совершенной сделкой мы уже осваивали виллу. Какое это было чудесное место: роскошные апартаменты, недалеко море, тишина, пышная растительность, до Фонтана 15 минут ходьбы! Вскоре, благодаря четкой работе еврейских организаций, подвезли наши чемоданы из гостиницы «Нордланд», что оказалось очень кстати.

Через несколько дней работники Джойнта и ХИАС подробнейшим образом проинструктировали глав эмигрантских семей по наиболее важным общим вопросам (жилищно-бытовым, медицинским, финансовым, культурным, образовательным и др.), а также выдали рекомендации для решения конкретных проблем (на 11 листах с указанием адресов, дней и часов работы учреждений, конкретных лиц, их телефонов и т. д.). Перечислю лишь некоторую важную информацию, предоставленную нам Джойнтом:

- адреса Джойнта и ХИАС в Ладисполи, дни и часы их работы и др.;
- медицинские услуги: правила вызова «скорой помощи», врача на дом,

госпитализации, выписки и получения медикаментов, фамилии, адреса, телефоны и время приема врачей-специалистов, а также расположение и время работы аптек;

– финансовые дела: местонахождение банка (с картой-схемой) и время его работы; выплата пособия дважды в месяц в размере 468 тысяч лир главе семейства и по 219 тысяч лир членам семьи. (Нелишне будет заметить, что после вычета квартплаты, коммунальных услуг, лекарств и проезда в общественном транспорте на оставшиеся деньги мы имели возможность не ограничивать себя в покупке продуктов, овощей и фруктов, обилие и разнообразие которых и в магазинах и на базаре нас поразило. Мы даже смогли купить себе некоторые понравившиеся нам вещи из одежды и обуви, совершить несколько поездок в Рим и незабываемое экскурсионное путешествие по северным городам Италии и в Сан-Марино);

– предлагаемая помощь еврейского общинного центра «Шалом» и участие в различных программах социального, общеобразовательного и развлекательного характера;

– школа для детей и подростков и помощь им в изучении английского языка, а также еврейской истории и иврита;

– религиозные услуги: местонахождение синагоги (в здании бывшего кинотеатра, арендованного у местных властей еврейскими организациями);

– школа для взрослых по изучению английского языка (лишь одного взрослого на семью)

(подробнее обо всем этом смотри ниже «Комментарий»).

Такая забота об эмигрантах и отличная организация их жизни и быта вызвали нашу глубочайшую благодарность! Насколько жизненно необходима эта помощь эмигрантам, можно в полной мере оценить, будучи эмигрантом, лишь после приезда на новое место жительства.

21 декабря состоялась наша первая коллективная поездка в Рим к американским докторам Сулли и Анавери. Впервые вместе с нами поехали семилетняя Инесса и 87-летняя Ева Ефимовна, мама Раечки, причем обе довольно бодро шагали по улицам Рима и с честью выдерживали первое нелегкое испытание. Назавтра, 22 декабря, мы вместе со знакомыми энергетиками отмечали по советской традиции наш профессиональный праздник – День энергетика с рюмкой водки и соленым огурцом.

Заканчивался 1988 год, приближался новый 1989-й. В конце декабря было непривычно наблюдать зеленеющие лимонные деревья. Дневные температуры в это время колебались в пределах 15–17 градусов по Цельсию. Очень хотелось к Новому году нарядить для Инески елочку. Но где ее взять? Елок здесь и в помине нет. Нашелся все же выход и из этого положения. По дороге

к морю мы наткнулись на срубленные пышные зеленые ветки апельсинового дерева. Из него и соорудили подобие новогодней елки, украсили разнообразными игрушками, конфетами и фруктами, которые здесь были в изобилии, и внучка наша была в восторге от такой красавицы «елки». Мы с Раечкой продолжали регулярно ходить в школу английского языка. Накануне Нового года я и Леня по почте получили первую корреспонденцию – приглашение на 2 января 1989 года на встречу с Марчелло, нашим ведущим инструктором ХИАС, в Ладисполи, на Via Virgina, 2, в 8.30 утра.

Поскольку учреждение располагалось в новом, только что построенном полуподвальном помещении и почти в чистом поле, можно себе представить, какие препятствия по бездорожью нам, включая Еву Ефимовну и Инесску, пришлось преодолеть. Дошли, отдышались и явились к Марчелло, который тут же познакомил нас с Майком, непосредственно оформлявшим всю документацию для американского посольства в Риме. Почти полдня длилась довольно кропотливая работа: я и Леня – каждый в отдельности – подробнейшим образом описывали причины нашего выезда из Советского Союза. Майк переводил все, что мы говорили, на английский, попутно задавал вопросы и давал ценные советы, за что мы ему, конечно, были благодарны. Мы подписали подготовленный для посольства материал и вернулись домой – усталые, но довольные.

Назавтра пришла телеграмма из Минска от родителей Симы. Они, в ответ на наш звонок из Ладисполя, просили сообщить номер телефона, по которому можно нам звонить. Дать такой номер мы не могли: на вилле не было телефона, поэтому по возможности мы сами старались звонить, хотя и это было не очень просто. Единственный переговорный пункт Ладисполя был почти круглые сутки переполнен – все хотели позвонить. Тем не менее накануне нам удалось сделать важный звонок в Америку – Володе Минкову. Мы советовались насчет гаранта. Кому им лучше стать: Володе, который выслал нам вызов, или Науму, двоюродному брату Раисы, поскольку он уже в Америке со своим отцом, братом Евы Ефимовны. Решили, что именно Науму, поскольку налицо прямое родство, поощряемое ХИАС и американским правительством. В результате уже 7 января во время очередной так называемой переклички нам сообщили, что «гарант» (документ, подтверждающий материальную и иную поддержку в США) получен. И это в те самые дни, когда уже начались отказы во въезде в США. Мы, естественно, были на седьмом небе от радости.

После очень важной встречи с Марчелло и ответственным исполнителем Майком в нашей ладиспольской жизни произошло несколько запомнившихся событий. Первое из них – просьба пожилой пары эмигрантов – Миши (1911 года рождения) и Клавы (1919 года рождения) Райгородских из Ленинграда взять их на «нашу» виллу. Места для этого было предостаточно – большой

гостевой зал пустовал, и мы с удовольствием согласились. Ни мы, ни они не прогадали: всем нам было удобно и комфортно вместе.

В свободное от занятий время и для своеобразной психологической разгрузки мы часто ходили на Тирренское море. Появились наши первые цветные фотографии, сделанные в Ладисполи, на одной из них (*фото 138*) три поколения: бабушка Хава (так ее называли дети и внуки), ее дочь Раиса и внучка Инесска – все в спортивных костюмах. Одного поколения – мамы и папы Инессы – на фото нет: они в это время учились. На второй фотографии (*фото 137*) вся наша эмиграционная команда, кроме Лени, который нас фотографировал. Второе важное событие – небольшое путешествие по Италии: сначала я с Раечкой в составе группы, затем Леня, Сима и Димка в составе другой группы (*фото 139–140*). Незабываемые впечатления! Мы побывали в Терни, во Флоренции и Венеции, в расположенной по соседству крохотной республике Сан-Марино с населением всего около 20 тысяч человек. О каждом из этих мест можно много рассказывать, достаточно вспомнить имя Микеланджело, связанное с Флоренцией, и всемирно известную синагогу в этом городе.

Учеба в дневное время у всех шла своим чередом, а вечером еврейский культурный центр работал по своей программе. Так, в одну из январских недель – с 9-го по 15-е – вечером в центре проводились следующие мероприятия:

- понедельник... 18.30. Американская культура. Лекция.
- вторник..... 17.30. «Тарзан и русалка». Фильм на английском языке.
- среда..... 18.15. Американские новости. Лекция.
9.00. Американская культура. Лекция.
20.30. «Оливер». Фильм на английском языке.
- четверг..... 20.00. Концерт еврейской музыки.
- пятница..... Подготовка к шабату.
- суббота..... 20.00. Дискотека.

9 января к 9 утра всех нас пригласили в Рим к американскому доктору Слэпару, после чего подготовка медицинских документов, как нам показалось, наконец, завершилась. Ежевечерне мы продолжали ходить на так называемую переключку в еврейский культурный центр и слышали там всякого... Каждый раз во время посещения клуба мы ждали вызова на интервью, и вот, наконец, дождались. 19 января мы получили вызов на интервью в американское консульство в Риме на 23 января в 10.00.

Дорогу в Рим за время нашего пребывания в Ладисполе мы изучили хорошо, поэтому в назначенное время в полном составе уже были на месте. Беседа с консулом оказалась очень приятной. Он, как и его русская секретарь-переводчица, были крайне удивлены, когда увидели перед собой семью, состоящую из четырех поколений, – и все уезжают из Союза. Видимо, не так уж часто консул видел такое в своем кабинете. Каждый из нас аргументировал причины выезда из СССР, и бабушка Хава тоже. В комментариях консула к нашим ответам мы почувствовали благосклонность к нам и вскоре услышали от него заключительное «добро» на въезд в Соединенные Штаты Америки и пожелание успехов. При выходе из кабинета консула за нами последовала симпатичная секретарь-переводчица и сказала несколько напутственных теплых слов, которые мы не забыли до сих пор: «Езжайте с Б-гом! Вы об этом не пожалеете!» Сколько мы будем жить в США, столько будем вспоминать эти слова, сказанные с любовью на прощанье. Каждый год мы празднично отмечаем очередную годовщину приезда в Америку.

Из американского консульства мы вышли какие-то особенно одушевленные. Уже назавтра получили приглашение в ХИАС Рима для записи на транспорт до аэропорта и подписания долгового обязательства. 31 января мы должны покинуть Ладисполь и из римского аэропорта рейсом PanAm № 111 в 11.00 вылететь в Нью-Йорк. Предварительно мы получили инструкцию для эмигрантов, вылетающих из Рима в страны для постоянного жительства, в соответствии с которой вместе с подготовленным к погрузке в транспорт багажом всей семье необходимо быть в одном из ближайших пунктов сбора 31 января не позднее 4 утра. Транспорт заберет нас – семь человек – и наши 14 чемоданов. Пункт сбора находится неподалеку от нашей виллы, которую мы смогли быстро передать очередному эмигранту с семьей в присутствии хозяйки Грацианы, ее дочери и водителя, приехавших из Рима. Госпожа Грациана нас поблагодарила за хорошее содержание виллы, а Инессе на прощание высыпали целую пригоршню итальянских монет на память. Как ни трудно пришлось нам в Ладисполе, мы покидаем его, как всю Италию, с сожалением, сохраняя самые лучшие воспоминания, и с тайной надеждой, что, может быть, когда-нибудь вернемся хотя бы на день-два...

Относительно быстро оформив все необходимые документы, мы с Леной отправились на прощание гулять по Риму. Долго бродили по центру города, включая площадь Святого Петра, по древним улочкам, где можно проехать лишь в конской упряжке. Сколько ног за многие столетия «протопали» по этим каменным улочкам?

Для оставшегося в Минске Мити с семьей Леня подробно изложил все, что их ожидает в Ладисполе, основываясь на нашем опыте. Эту своеобразную

инструкцию (Леня назвал ее «Комментарий») приведу полностью, поскольку она может быть интересна и полезна любому эмигранту.

Комментарий

1. В Вене встречаются представители Сохнута и ХИАС. Вопросов они не любят, поэтому излишнее любопытство проявлять не нужно. Представитель Сохнута забирает визы и интересуется конечным пунктом поездки. Представители ХИАС помогают получить багаж и организуют перевозку людей с багажом в гостиницы (как правило, багаж остается с вами весь срок пребывания в Вене).

Целесообразно прямо на вокзале или в аэропорту обменять 20 долларов на шиллинги, так как ваше местожительство может оказаться за городом, а пособие вы получите через 2–3 дня. Строго выполняйте указания инструкторов и не опаздывайте на встречи в Сохнут и ХИАС.

Оформление документов в ХИАСе обычно занимает целый день, так что не забудьте захватить с собой провиант. При заполнении документов будьте внимательны, так как аналогичные данные вам придется заполнять за время пути около десятка раз. Избегайте разнобоя и разночтения документов. Лучше всего, придя домой, зафиксировать ответы на бумаге (лучше всего быть простым инженером).

Пособие и деньги на транспорт обычно выдаются на семь дней. Если ваше пребывание превысит этот срок (обычно этот срок колеблется от 5 до 12 дней), не забудьте забрать деньги. Обычно их выдают в еврейском клубе по понедельникам-вторникам.

Чтобы легче ориентироваться в Вене, приобретите карту города. Их выдают бесплатно на вокзале, в аэропорту, в гостиницах.

Не забывайте о развлечениях – первое воскресенье месяца часть музеев работает бесплатно, детям очень понравится зоопарк. В Союз можно звонить с любого телефона-автомата. Товары на продажу целесообразно везти в Италию (хотя некоторые успевают кое-что реализовать и в Вене). Не забудьте перед отъездом в Италию обменять шиллинги на доллары. Поезд в Рим уходит около 7 часов вечера и приходит в 10 утра, так что позаботьтесь об ужине и завтраке. На семью из 3–4 человек полагается одно купе.

2. За два часа до прибытия в вагон подсаживается представитель римского отделения ХИАС. Он руководит высадкой пассажиров и багажа и доставкой в гостиницу «Нордланд». В гостинице вы будете проживать одну неделю, питание в гостинице три раза в день бесплатно. За это

время Джойнт и ХИАС завершают предварительную подготовку ваших документов. Джойнт оказывает финансовую и медицинскую помощь, помогает разрешить семейные и социальные проблемы, организует интересные программы общеобразовательного характера. ХИАС занимается всеми техническими вопросами, касающимися вашей эмиграции.

За время проживания в гостинице вы встречаетесь с представителями Джойнта и ХИАС, заполняете ряд анкет, получаете расписание ваших дальнейших встреч с инструкторами и получаете чек на определенную сумму, медицинские карточки, а также карманные русско-итальянский и итало-русский разговорники.

В первое воскресенье вам будет предоставлен автобус для поездки в Ладисполь (30 минут), чтобы подыскать квартиру. В принципе, можно снять квартиру и в Риме, но с социальной точки зрения лучше жить в Ладисполе: дети ходят в школу или в детский сад, взрослые посещают курсы английского языка, организованы развлекательные программы, экскурсии по Италии (специально для эмигрантов), дети не рискуют заблудиться – кругом русская речь, рядом – берег моря, имеются отделения Джойнта и ХИАС, организовано медицинское обслуживание и получение денег в местном банке.

Жилье – дело серьезное, поэтому не нужно бросаться на первую попавшуюся квартиру. Развито маклерство. Человек, приводящий вас к хозяину квартиры, получает от него за это определенную сумму (100–200 миль в зависимости от квартиры). Аналогично при отъезде поступаете и вы.

Пособие выдается из расчета 200 тысяч лир на человека в месяц, на главу семьи – другая норма. Таким образом, семья из четырех человек получает на месяц один миллион лир, или тысячу миль.

Комната на четырех человек стоит обычно 350–400 миль в месяц, но бывает, что можно снять двух-, трехкомнатную квартиру за 700–800 миль, хотя зимой 1989 года квартиры резко подорожали из-за большого наплыва (например, в Ладисполе проживало 7 тысяч евреев).

В принципе, пособия хватает на жилье и еду, но для экскурсионных поездок по Италии нужны дополнительные деньги (например, поездка Рим–Флоренция–Венеция–Сан-Марино–Рим стоит около 120 миль на человека). Их можно получить, продав товары.

Что там продается? Дорогих товаров везти не нужно: фотоаппараты не дороже 200 рублей. Например, за 100-рублевый «Зенит» можно взять 50–60 миль, а за 700-рублевый «Киев» – всего 150 миль. 45-рублевые платки идут по 20–25 миль. Продаются бинокли (театральные и полевые), монокуляры, подзорные трубы. Хорошо идет икра, льняные

изделия (особенно простыни), расписные шкатулочки. Копеечные значки продаются по одной миле, но нет смысла возиться с такой мелочью. Матрешки идут по 5–10 миль. Обычно в гостинице все товары скупают маклеры, но лучше продать самому на рынке – выиграешь 20–30%. Рынок работает по воскресеньям до обеда.

На экскурсии лучше всего ехать сразу по приезде в Ладисполь, пока свободен от технических процедур и не начала давить еще моральная обстановка, связанная с отказами.

Нормальный срок пребывания в Италии – полтора-два месяца. Исходя из этого, следует запастись тушенкой и сухой колбасой (мясо в Италии стоит дорого). Если едешь в зимнее время, следует взять теплую одежду и теплые одеяла. Отопление в домах слабое, поэтому удобно пользоваться электрогрелками и электропледями. Зима – от середины ноября до середины марта. Днем плюс 14, но ночью каменные дома сильно охлаждаются. Все электроприборы подходят, но есть смысл прихватить малогабаритный цветной (или черно-белый) телевизор, будет гораздо веселее. Перед отъездом из Италии его продать.

Письма лучше всего отправлять с почты Ватикана. Звонить из Ладисполя лучше всего из бара на Via Roma, 88. Перед отъездом из Италии не забудьте обменять деньги. Лучше всего это сделать в пункте Change рядом с вокзалом Термини в Риме. Самые дешевые изделия из кожи и спиртное – в Сан-Марино.

В Ладисполе можно попытаться устроиться на работу в автомастерскую, на бензозаправочную, в Джойнт, ХИАС и т. д. Как правило, работают «австралийцы» и «канадцы», так как их срок эмиграции длится 6–8 месяцев.

Отказы

Отказ – это отрицательный ответ эмиграционных служб (в лице консула) на просьбу о въезде в США в качестве беженца. Статус беженца очень важен. Например, в Чикаго он дает возможность получать пособие и медицинское обслуживание в течение полугода (пока не устроишься на работу). Лица, достигшие 65 лет, получают пенсию и медобслуживание (тоже после полугодового содержания). Из этих шести месяцев первый месяц беженцы полностью находятся на содержании гарантов (лиц, давших гарант).

После получения отказа предоставляется право на подачу апелляции (как правило, через 3–4 месяца). При получении повторного отказа предлагается три варианта.

1. Въезд в США по системе Parole. Эта система для советских евреев еще полностью не отработана (не слышно было, чтобы ею кто-то воспользовался), но ясно одно – человек лишается ряда льгот и очень затруднено приобретение гражданства.

2. Въезд в США в качестве эмигрантов. Это связано с наличием родственников, их доходами (чтобы взять полностью на свое обеспечение) и их статусом (гражданин или нет).

3. Выезд в Израиль.

Вообще, человек, выезжающий из СССР в США по израильскому вызову, должен быть морально готов к тому, что он может и не попасть в США сразу. Во всяком случае, Израиль исключать не следует хотя бы как промежуточный пункт.

Сколько отказов? На январь 1989 года – более 10 процентов от общего числа (из 7000 человек в отказе около 800 чел.); на апелляции 50% отказов. Кому отказывают? Логику отказов проследить невозможно. Отказывают уборщицам и кандидатам, многодетным семьям и одиночкам, молодым и пожилым, лицам с высшим образованием и без, независимо от специальности. Встречаются отказники, которые были отказниками в Союзе. Мотивировка отказа общая – нет достаточных оснований считать беженцами. Поэтому необходимо тщательно продумать причины, по которым можно считаться беженцами. Идеальный случай – иметь какие-то документальные доказательства.

В любом случае, необходимо сохранять здравый смысл и не давать воли эмоциям. Пособие все это время выплачивается регулярно. Через месяц после второго отказа предупреждают о снятии с пособия Джойнта. Сейчас в США создается специальный фонд для повторных отказников.

Примерные вопросы консула

1. Почему вы выехали из Союза?

2. Вы выехали по израильской визе. Почему вы не едете в Израиль? Почему вы едете в США?

3. Вы имеете высшее образование, имели работу, руководили людьми, имели жилье. О какой дискриминации идет речь?

4. Религиозны ли вы? Имели ли возможность исполнять религиозные обряды?

5. Остались ли родные в Союзе? Каковы их планы?
6. Вы говорите об антисемитизме в Союзе. В США он тоже есть.
7. Угрожали ли вашей жизни? Нет? Какой же вы беженец?
8. Увольняли ли вас с работы?
9. Почему едете именно сейчас?

Иногда вопросы задаются и детям, но обычно отвечает глава семьи.

Примерные ответы

1. Выехал по следующим причинам:

- а) расовая дискриминация евреев;
- б) государственный антисемитизм;
- в) бежал по причине угрозы физического уничтожения со стороны националистических организаций типа «Память».

2. Израильская виза – это единственная возможность выехать из Союза, прямую визу в США получить не могу. Еду в США, а не в Израиль, по следующим причинам:

- а) все мои родственники находятся в США, в Израиле никого нет;
- б) Израиль слишком ортодоксальная страна. Я не приверженец ортодоксального направления;
- в) Израиль – страна с постоянной угрозой возникновения войны;
- г) я хочу, чтобы мои дети жили в стране с настоящей свободой и демократией.

3. Я смог поступить только в инженерный институт, поскольку престиж инженера в Союзе упал очень низко и желающих учиться в таком вузе очень немного. После окончания института меня никто не хотел брать на работу, потому что я еврей. Я смог устроиться с большим трудом и все время работал простым инженером.

4. Хочу узнать историю, обычаи, традиции еврейского народа. В Союзе это сделать невозможно. В Минске синагогой служит полуразвалившийся дом, в котором невозможно нормально исполнять обряды.

5. В Союзе антисемитизм носит государственный характер (необходимо привести из личного опыта, например, начальник отдела кадров заявил,

что я не могу повисить вас, потому что вы еврей; в школе имеются анти-семитские книги Бегуна и др.).

6. Необходимо привести конкретные факты, например, угрозы лично вам и вашей семье со стороны молодчиков из националистической организации «Бей..., спасай...».

7. Да, при сокращении меня уволили одним из первых. Но причина одна – потому что я еврей.

8. Я смог получить вызов только сейчас.

Примечания: 1) в каждом ответе должна сквозить идея, что вы беженец; 2) описанная ситуация характерна для января 1989 года; сейчас возможны изменения.

В некоторой степени эту подробнейшую инструкцию Лени дополнило письмо Раечки Мите из Ладисполя, которое я также считаю целесообразным привести:

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу очередное письмо, хотя очень хотелось бы получить от вас. Были очень довольны, что поговорили с тобой, Митенька, что за-стали дома. Конечно, говорили мало, но все-таки поговорили. К со-жалению, телефона у нас нет, по которому вы бы могли позвонить, но если появится, мы вам сообщим. У нас все нормально. Думаем, после двадцатого января пригласят к консулу. А пока мы все учимся. Димочка и Инессонька ходят в свою школу, Сима с Леней на англий-ские курсы, я с папой на начальные курсы английского языка. Таких, как мы, много, и мы чувствуем себя вполне нормально. Все это, конечно, бесплатно. С бабушкой мы ходим в клуб «Шалом» на еврейские концерты, имеем большое удовольствие. Кстати, концерты дают сами эмигранты, в основном, те, кто ждет вызова в Австралию и в Канаду, им приходится ждать по семь месяцев, пока прибудет га-рант. На Штаты получают гораздо быстрее. Все зависит от об-щины. Ну а у нас в этом отношении проще, мы уже получили гарант Мессерманов. Они посоветовались с Минковыми и решили, что так будет лучше. Мы совершенно не знаем, что слышно у вас в Минске в отношении выезда. Что у Аллы, у Аси? Лизочка, что у Гали с Воло-дей? Напишите обязательно. Пока мы не получили ни одного письма. Сегодня мы встретили минчан (Золотарева) – они из Минска 22 де-кабря. Вообще в Ладисполь каждый день прибывает очень много на-роду. Очень много молодых семей, даже дети в колясках, таких, как

Алисочка, очень много. Видимо, это самое время, когда собираться. Просто удивительно, как много народу прибывает ежедневно. Послезавтра провожаем Гольдбергов (Раису Исааковну). Думаем, что к концу месяца появится Аня с семейством из Л-да. Вообще Ладисполь стал настоящий русский (евр.) город, здесь слышится, в основном, русская речь. Народ разный, есть такие, кот. просто позорят своими спекулянтскими замашками. Письмо я начала писать вчера, а сегодня продолжаю после так называемой переклички. На этой перекличке объявляют, кому к консулу, кому дают на транспорт в Штаты, но это после посещения консула. Сегодня, напр., было 27 транспортов, а так бывает 35–37 семей получают транспорт. Живем мы нормально, питаемся хорошо, едим много фруктов, хотелось бы больше знать о вас. Как там наша славная Алисонька, мы очень по тебе скучаем, что слышно, Лизочка, о твоих родных. Словом, напишите нам обо всем подробно.

Мама. Конец декабря 1988

Нам представляется, что более подробную информацию об эмиграции, чем приведенная выше, вряд ли можно дать.

В Америке (с 31 января 1989)

В 3 часа утра 31 января вся наша ладиспольская команда с чемоданами дружно покинула ставшую нам сразу чужой виллу и через пару десятков минут уже была в пункте сбора. Ночь выдалась холодной, и наша мама, даже надев пальто, мерзла. К счастью, в 4 часа машина подъехала, мы быстро загрузились и уже через пару часов оказались в римском аэропорту. В 11 утра рейсом PanAm № 111 мы вылетели из Рима в Нью-Йорк, а в 14.20, с учетом поясного времени, уже оказались в нью-йоркском аэропорту имени Джона Кеннеди.

Перелет из Рима в Нью-Йорк через Атлантический океан на комфортабельном лайнере авиакомпании «Пан Американ» в течение девяти часов прошел довольно спокойно, учитывая состав нашей команды. Семилетняя Инессочка в самолете спала всю дорогу, но это не удалось почти 88-летней Еве Ефимовне. Эта женщина, впервые в жизни героически осуществившая такой длительный воздушный перелет без каких-либо серьезных претензий и проблем, заслуживает всяческой похвалы. О ее шествии пешком по Риму и к инструктору Марчелло в Ладисполе я уже упоминал. А вот еще об одном, не менее трудном походе в Ладисполе, следует рассказать.

24 января 1989 года Исааку, сыну Евы Ефимовны, остававшемуся пока в Минске, исполнилось 60 лет. Нам всем, и особенно маме, хотелось поздравить его по телефону с этой юбилейной датой. Дозвониться с городской телефонной станции нам не удалось, и тогда, по рекомендации сведущих, мы решили пойти в бар по улице Via Roma, 88, откуда легче дозвониться в Союз. Но идти-то надо было более двух километров в один конец вдоль моря, и Ева Ефимовна мужественно возглавила нашу небольшую команду. Телефонный звонок, после неоднократных безуспешных попыток, все же состоялся, юбилейные поздравления были произнесены всеми нами вместе с радостной но-

востью о положительном решении консула о нашем выезде в Америку. Возвращались мы той же длинной дорогой, и больше всех была довольна Ева Ефимовна, бодро шагавшая домой.

...В аэропорту имени Кеннеди группу эмигрантов из Рима, в том числе и нас, уже ждали представители нью-йоркского ХИАС. Через несколько томительных часов мы прошли обстоятельный таможенный досмотр и оформили необходимые въездные документы. Не обошлось без мелких неприятностей – при досмотре у меня реквизировали два отличных многоцелевых складных ножа, а у бабушки Хавы – недоеденный лимон, который мы купили в римском аэропорту на дорогу, этой конфискации она была несказанно удивлена. Закончились таможенные процедуры, и перед нами открылся вход в один из залов аэропорта Нью-Йорка. Сделаны первые долгожданные шаги по благословенной американской земле!

Снабдив нас для опознавания в Чикаго эмблемами HIAS и посадочными документами на самолет Нью-Йорк–Чикаго, с нами тепло попрощались представители этой благородной еврейской организации, и через короткое время мы уже были в воздушном пространстве Америки. С трудом верилось, что с каждой минутой мы становимся все ближе к конечному пункту нашего пути – городу Чикаго. Лишь здесь, в воздухе, положив нечаянно руку на вспотевшую голову, я вдруг обнаружил, что моей фетровой шляпы, с таким трудом купленной перед отъездом в минском универмаге, на мне не оказалось. Будучи в возбужденном состоянии, я ее, видимо, оставил в нью-йоркском аэропорту. Жаль, конечно, шляпы, но пусть хотя бы она послужит моим скромным подарком городу Большого яблока за теплый прием.

31 января 1989 года в 7.30 вечера по местному времени мы наконец благополучно приземлились в аэропорту О’Нэге большого Чикаго. Прибыли, как мы сразу решили, навсегда. С этой минуты начался для каждого из нас свой новый отсчет времени в неведомом до того нам мире. В громадном аэропорту нас уже ждали родственники и близкие друзья: Наум и Сима Мессерманы, Слава Фрумкин с сыном Саймоном, Володя и Инна Минковы и Валерий, близкий друг Наума, а также два представителя ХИАС. Они сразу заметили большие опознавательные эмблемы HIAS на верхней левой части одежды у меня и у Лени.

Конечно, трогательной, теплой и сердечной была эта встреча. Еву Ефимовну усадили в специальное кресло на колесиках, и работник аэропорта покатил ее, удивленную, по многометровым дорожкам огромного здания к выходу. Мы тем временем взяли багаж и, поблагодарив представителей ХИАС за организацию этой встречи и тепло попрощавшись с ними, тоже направились к ожидавшим нас автомашинам. Через несколько минут четыре автомобиля уже мчали нас по трассе в город.

Люба, ее сестричка Галя и дядя Мейшка, красиво накрыв стол с праздничным угощением, с нетерпением ждали дома дорогих родственников, которые, по их расчетам, должны были подъехать с минуты на минуту. Так оно и случилось. Встречавшие нас быстро внесли в дом чемоданы, порядком надоевшие нам за длинную дорогу, и, ссылаясь на позднее время, вскоре уехали. Мы с Раечкой, к слову сказать, очень жалели, что они не смогли разделить с нами радость этой необычной встречи за праздничным столом.

За едой и нескончаемыми разговорами мы засиделись допоздна. Затем, в соответствии с предварительно разработанным хозяевами планом, Леня с семьей остались у Любы со Славиком, а я, Раечка и мама поехали к Науму и Симе. Они жили вместе с отцом Наума Мейшкой и младшей дочкой Галей в пригороде Скоки (отныне наша внешняя и внутренняя корреспонденция временно осуществлялась по адресу: 4906 Hull street, apt. 2E, Skokie, IL 60077). На следующий день меня и Леню как глав семейств пригласили в Скокское отделение ХИАС, где познакомили с нашим инструктором Миной Полещук, которая сразу занялась оформлением всех необходимых документов, в чем мы были в первую очередь крайне заинтересованы. Мина оказалась доброжелательной и отзывчивой женщиной, она душевно и с вниманием отнеслась к нашим проблемам. В помощи и совете мы крайне нуждались, так как только что прибыли в незнакомую страну, с другим языком, законами и порядками, обычаями, культурой и др., с которыми нам только предстояло познакомиться. В этих условиях помощь инструктора необходима, и с нею, надо сказать, нам очень повезло. Наверное, не стоит подробно и последовательно описывать наши последующие действия, связанные с «вживанием» в новый для нас мир, ведь этот тернистый путь точно так же проходят все эмигранты. Поэтому, соблюдая определенную хронологическую последовательность, попытаюсь остановиться лишь на наиболее важных и значимых для нас событиях того периода. В этом мне помогут те регулярные ежедневные краткие заметки, которые я делаю с первого дня (и по сей день) прибытия в эту страну.

Февраль в том году в Чикаго выдался довольно морозным: температура опускалась ниже 20 градусов по Цельсию, что, однако, не помешало нам заняться множеством разнообразных сиюминутных дел. Так, уже на следующий день после нашего прибытия в Чикаго Галя повезла нас в офис и помогла всем заполнить анкеты на получение жизненно необходимого первичного документа – Social Security (SS). Спустя неделю я и Рая начали раз в неделю посещать курсы английского языка (педагог Лина). Аналогичные курсы, только на неделю позже, стали посещать Леня и Сима.

Благодаря заботе еврейских организаций города нас сразу же прикрепили к одному из многопрофильных медицинских центров, возглавляемому доктором

Соколом и расположенному на Touhy Avenue. Эти же организации: ARK¹, синагога F.R.E.E.² и ХИАС – постарались обеспечить нас самыми необходимыми бытовыми вещами, главным образом мебелью и посудой. ARK, например, дал возможность бесплатно получить диван, стулья, стол и другие вещи в своем трифт-магазине. Синагога F.R.E.E. направила нас за аналогичными вещами к евреям, предложившим свои услуги и тоже давших нам ряд предметов первой необходимости. Мы запомнили имена этих благородных людей: Марк Кефлер из Виллинга, Ирвин Эпштейн из Чикаго и др. Ганна Браславская, представлявшая ХИАС, помогла арендовать квартиру и записаться 24 апреля в городскую очередь на так называемую восьмую программу, при которой часть расходов за оплату жилья компенсируется государством.

Постепенно стала налаживаться переписка, в первую очередь с Митей, а также с Исааком, Цилей Абрамовной и др. Настали очередные дни рождения: Мите мы смогли в его день рождения позвонить в Минск, а Раечке 25 февраля первый день рождения в Америке организовали у себя Сима, Люба и Галя, подарившие ей красивую кофточку и телефонный аппарат. И мы это с благодарностью помним до сих пор. 12 марта отметили день рождения Димки и 14 мая Лени. Не забыли также скорбную дату – 6 марта, день расстрела моей семьи в гетто Черей в 1942 году.

22 февраля мы переселились в расположенную рядом арендованную нами квартиру в доме, принадлежащем Гарри Гринбергу, а 4 апреля купили подержанный «крайслер» всего за 500 долларов. На этой автомашине мы уже стали немного подрабатывать, развозя по квартирам телефонные справочники. Одновременно я начал поиски какой-нибудь, хотя бы временной работы.

В десятых числах апреля, во время нашего очередного посещения медицинского центра доктора Сокола, ко мне подошел незнакомый человек неопределенной внешности, без всяких предисловий назвал себя Меиром и, зная, что все мы здесь эмигранты, предложил работу. Он почему-то выбрал меня. Глаз у него был наметанный, и он не ошибся – я искал работу. Поинтересовавшись характером работы и услышав размер дневного денежного вознаграждения за нее, я согласился.

Работа заключалась в том, что очень рано, к 6 утра, надо электропоездом (трейном) приехать из Скоки в центр Чикаго, вместе с Меиром взять хранящуюся там всю ночь специальную коляску для торговли пирожками и банками с напитками и привезти ее на угол центральной State street и Monroe street,

¹ Еврейская некоммерческая организация в районе большого Чикаго, оказывающая разнообразную помощь нуждающимся..

² Friends Refugee of Eastern Europe – «Друзья беженцев из Восточной Европы».

затем, в 7–8 утра, начать торговлю этими напитками и пирожками. Пик торговли обычно приходится на середину дня, когда у служащих обеденный перерыв и все они враз, почти в одно и то же время, буквально вываливаются из многочисленных дверей чикагских небоскребов. Думается, нетрудно представить себе бывшего советского научного работника со скудным знанием английского в роли недипломированного продавца мелкотоварной тачки, возле которой уже толпятся десятки «белых воротничков», и каждого он должен как можно скорее обслужить.

Здесь требовалось хотя бы элементарное знание английского языка! Случалось, нетерпеливые покупатели просили побыстрее сдачу, а я им, недоумевая, протягивал обыкновенную салфетку. Или наоборот... Казусы бывали и не такие, но вскоре я понял, что миллионером на этом торговом поприще не станешь. Однажды познакомиться с моим хозяином и моей работой на центральную улицу Чикаго приехала Раечка. Она ужаснулась, и через несколько дней я с Меиром мирно распрощался еще до окончания месячного испытательного срока, по истечении которого он обещал мне увеличить зарплату. Его мечтам и моим надеждам не суждено было сбыться... Несмотря на постигшую меня неудачу, я успел почувствовать дух большого американского города и увидеть его будничную жизнь. Какие только картины мне ни пришлось наблюдать: и какие-то большие и малые шествия и демонстрации, и игру музыкантов – одинок и целых музыкальных коллективов, и просто выходки и поведение отдельных нестандартных субъектов, и молоденьких смазливых девиц, открыто предлагающих свои услуги, и многое другое.

19 апреля нашу семью пригласили на первый седер Песах в синагогу F.R.E.E. Первый не только в Америке, но и вообще в нашей жизни, поскольку в абсолютном большинстве республик Союза, включая Белоруссию, религиозные праздники преследовались (запрет на мацу, отсутствие кошерной еды и т. д.). Мы также получили приглашение 7 мая отметить в ресторане День Победы, на что мы с благодарностью откликнулись.

После того как работа у Меира оказалась мне не по душе, надо было искать другую, и, к счастью, такая нашлась. В первых числах мая Наум мне посоветовал, по рекомендации его знакомого Пети, позвонить молодому неортодоксальному ребе Шустерману, которому требовалась помощь в доставке медицинского оборудования людям с ограниченными возможностями и инвалидам. Я позвонил, и из разговора с ребе Шустерманом узнал, что религиозная стезя пока не обеспечивает его семью материально достаточно, и он считает необходимым и возможным параллельно заниматься развозкой медицинского оборудования указанной категории лиц. 4 мая мы совершили первый выезд за пределы большого Чикаго. О совместной работе с ребе Шустерманом, отец которого был раввином расположенной на Devon Avenue синагоги неортодок-

сального направления, сохранились до сих пор самые приятные воспоминания. Мы работали слаженно и дружно, и не только в мае, но и в последующие месяцы.

Тем временем мы продолжали оформление социальных пособий (SSI¹, медицинская страховка, foodstamps² и др.), и вскоре появились реальные плоды затраченных нами усилий. Так, первые чеки на социальное пособие SSI Ева Ефимовна и я получили уже 19 июня, а медицинскую страховку и foodstamps – 10 дней спустя. Поскольку Рая еще не достигла 65-летнего возраста, ей с начала июля назначили ежемесячное пособие и предоставили медицинскую страховку. Таким образом, американские власти и еврейские организации Чикаго своевременно оказали нам необходимую в начальный период после прибытия в эту благословенную страну финансовую помощь, за что мы им будем всегда благодарны.

В июне наши внуки Инесса и Дима получили бесплатные путевки в летний оздоровительный лагерь. Наша жизнь в Америке стала потихоньку налаживаться.

В течение мая существенно активизировалась наша почтовая и телефонная связь: с Райгородскими (мы больше месяца вместе жили на вилле в Ладисполе), Машей Касавиной (она провожала нас в Шереметьево), с нашим сыном Митей и двоюродным братом Раи Монеи, а также с родителями Симочки – Цилей Абрамовной и Марком Моисеевичем. По телефону же мы получили 24 июля радостное известие: у Мити с Лизой родилась дочка, а у нас с Раечкой внука Анечка, и мы стали более настойчиво торопить ХИАС с оформлением вызова для приезда увеличившейся Митиной семьи в Америку. В этом же месяце Славик и Люба Фрумкины переехали в новый дом в Buffalo Grove, пригороде Чикаго. В это же время к Славику из Минска приехала сестра Ася Рокхинд с семьей (муж Миша и дочери Элла и Марина) на постоянное место жительства.

24 июля Леня вышел на работу в инженерную компанию JMB Engineering, находившуюся в одном из чикагских небоскребов на 900 N. Michigan Avenue, а назавтра Сима – в библиотеку Скоки, расположенную недалеко от дома. Димка, как и многие другие американские школьники, на время каникул устроился на работу в один из ресторанов.

Не обошлось и без печальных событий: 30 июля мы получили сообщение от двоюродного брата Раечки Мони о безвременной кончине его жены Симы в Борисове; на 69-м году ушла в мир иной Бима, одна из подруг Раи еще по Ангарску.

¹ SSI Social Security Income – социальное пособие.

² Foodstamps – продовольственные талоны.

Разного рода событиями были насыщены и следующие месяцы, самым главным из которых стало для нас отправление 22 августа вызова Мите. Это, пожалуй, был самый хороший подарок на 41-летие нашей с Раей совместной жизни, отмеченное и первыми американскими фотографиями с Володи и Инной Минковыми (*фото 141–142*). С этого месяца и в течение многих последующих лет мы стали регулярно посещать доктора Гуревича. Леня на своем же месте работы перешел в инженерную службу, куда он с самого начала стремился попасть. Митя подал документы в американское посольство на выезд. Из Израиля прибыли мои документы, которые я отправил в прошлом году из Москвы через голландское посольство.

27 ноября исполнился ровно год со дня нашего выезда из СССР, и эту дату мы, конечно, торжественно и с радостью отметили, кстати, одновременно с днем рождения Инески. В этом же месяце приехала в Чикаго сестра Володи Минкова Муся с детьми. А месяцем раньше мы навсегда попрощались с отцом Наума Мейшкой, которому было 96 лет. Вечная ему память.

Особенным стал для нас декабрь. Нам выделили по восьмой программе отдельную квартиру с двумя спальнями в Чикаго на втором этаже 8-этажного дома по адресу 1039 W. Hollywood Avenue, apt. 208, в которую мы вселились за неделю до Нового года. Одновременно меня и Раечку зачислили студентами Truman College с выплатой стипендии. Так закончился наш первый год пребывания в американском городе Чикаго, и мы встречали первый Новый год в этом городе.

Я умышленно подробно и в хронологическом порядке рассказал о том, как мы приспособлялись к новым для нас условиям, как преодолевали всевозможные трудности, и прежде всего языковой барьер, – в общем, как мы постепенно становились американцами, чтобы самим не забывать свое «второе рождение» и чтобы наши дети, внуки и правнуки знали, как это было.

Жизнь в новом 1990 году постепенно входила в свою обычную трудовую колею, со своими ежедневными обязанностями и заботами. Начался год с, казалось бы, совершенно малозначительного события – покупки в магазине Dominick's первого и на первых порах единственного тома новой американской энциклопедии Функа и Вагналлса всего за... пять центов! Второй и третий тома, которые появились на прилавках того же магазина через неделю, стоили уже по 50 центов. Потом с периодичностью в две недели стали появляться очередные тома, но уже за пять долларов. Прекрасная по своей форме и содержанию 29-томная энциклопедия на английском языке, хорошо и красочно оформленная, несложная даже для нашего понимания и изданная в течение года, с тех пор стоит у меня на книжной полке на видном месте, так как в нее приходится часто заглядывать. Кроме научной и познавательной ценности, она служит наглядным и поучительным примером того, как американцы умеют продавать любой товар.

Приобретение энциклопедии для эмигранта – событие хотя и важное, но далеко не главное. Самым главным для нас оставался приезд Мити с семьей в Чикаго. Как могли, мы поторапливали ХИАС с оформлением необходимых документов. В начале апреля 1990-го вызовы были отправлены, а Митя получил официальное извещение американского посольства о назначении интервью в Москве на 26 июня. К майскому дню рождения Алиски Митя прислал нам ее прекрасную фотографию (*фото 143*). В назначенный день Митя прошел собеседование в американском посольстве и, к своей и нашей огромной радости, получил долгожданный статус беженца, о чем нам незамедлительно сообщил по телефону. В наступившем году это была важнейшая, но не единственная хорошая новость. В конце мая у нас появились alien cards¹ на всех членов нашей большой семьи.

Мы побеспокоились об увековечении моей погибшей в Холокосте семьи, чего не смогли в свое время сделать в Союзе. Для этого в начале июня заполнили стандартные листы свидетельских показаний на всех погибших в гетто членов семьи: отца Лазаря, маму Сару, сестру Асю, братьев Григория и Бориса и отправили их в Институт памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд ва-Шем»² в Иерусалиме. Вскоре прибыло подтверждение, что их имена занесены в центральную базу данных имен жертв Холокоста.

24 апреля доктор технических наук Владимир Минков пригласил меня посетить Аргонскую национальную лабораторию, в которой он проработал уже довольно продолжительное время и являлся директором интернационального Центра энергетических технологий. Особенно его интересовали вопросы организации и управления советской энергетикой, в которой я проработал более 36 лет и с которой был хорошо знаком. Имевшиеся у меня материалы и накопленный опыт послужили основанием для развернутого научного доклада, который я сделал 17 июля на совещании для ограниченного числа специалистов-энергетиков Аргонской лаборатории, переводил который сам Владимир Минков. В сентябре как результат моей совместной работы с Владимиром Минковым и Матусом Столовым появилась первая, в октябре – вторая научные публикации на тему «Управление советской энергетикой: организационная структура и схемы». К этому времени я был зачислен на докторскую должность научного консультанта в Центр к В. Минкову, где мы плодотворно работали до 1994 года.

¹ Карточка иностранца-беженца, подтверждающая его право нахождения и проживания в Америке.

² Полное название по анкетам 1990 года. В последующие годы он именовался: Национальный институт Холокоста и героизма, Национальный мемориал Катастрофы (Шоа) и героизма (прим. ред.).

Порадовал нас своими успехами и Леня: 23 июня он был приглашен на двухдневное разнопрофильное интервью в инженерно-строительную компанию Bechtel в Вашингтон, а 9 июля уже приступил там к работе. В начале сентября компания Bechtel перевезла в Вашингтон Симу с детьми и вещами (*фото 144*). С этого момента и по сей день наши семьи живут в разных городах: они в Вашингтоне, а мы – в Чикаго.

Не имея в Союзе никакого опыта вождения автомобиля, тем не менее, несмотря на возраст, решил овладеть и этим делом, ведь в Америке не уметь водить машину все равно что быть без ног. Вот я и взялся за изучение правил вождения. В июле успешно сдал экзамен по правилам вождения, а в августе первый раз попробовал вести машину. Убедившись в своей неподготовленности к самостоятельной езде, решил пройти курс обучения у инструктора. С учетом занятости другими неотложными и более важными делами водительские права получил лишь ровно через год, 23 августа. Эта дата явилась начальной точкой отсчета моего водительского стажа. А в сентябре мы с Раей были приглашены на свадьбу: замуж за Рика, американского еврея, выходила Галя, дочь Наума и Симы. По такому случаю (и не только) приехал сюда из Минска брат Наума Алик с семьей. Впервые мы присутствовали на настоящей еврейской свадьбе с хупой.

В течение года на постоянное жительство продолжали приезжать из Союза родные и знакомые. Так, в Нью-Йорк в статусе беженца приехали Ира Волкина, сестра Симы, с семьей, семья Ламиных и Касавины из Москвы, в Чикаго – Броня Марковна, мама Володи Минкова, с Руфой. Уже здесь мы познакомились с Милей и Петей Цивиными, Зингманами, Марой и др.

27 ноября мы отметили день рождения Инесски (*фото 145*) и годовщину выезда из Союза. В это же время начала работать в Вашингтоне Сима, жена Лени. С такими хорошими результатами мы встретили год грядущий 1991-й.

В наступившем году Леня и Сима продолжали благоустраиваться в Вашингтоне. 31 января в тот самый день, когда два года назад мы прилетели в Америку, Леня с Симой удачно купили таунхауз¹, причем в месте, относящемся к району с хорошими школами. Через месяц Сима была принята на престижную работу в юридическую библиотеку одного из вашингтонских университетов George Washington University. 28 марта из Минска к ним приехали ее родители Марк и Цилия на постоянное жительство, так что все большое семейство Шур оказалось в Америке (*фото 146*). Очень разумно поступили родители Симы, отправив в другую страну сначала своих дочек с семьями, а затем вслед

¹ Дом, имеющий общую стену с соседним домом и общую крышу. Обычно в ряду находится 2, 4, 6, реже 8 домов (townhouse). Крайние дома котируются выше (end-unit), поскольку с одной стороны такого дома нет соседей.

за ними приехав сами. Самый долгожданный и бесценный подарок наша именинница Раечка получила в свой день рождения, 25 февраля, от Мити: он позвонил и сказал, что через три дня они вылетают всей семьей из Ленинграда в Нью-Йорк, а затем в Чикаго! Два года и три месяца она с нетерпением ждала дня, когда Митя сообщит ей об их скорейшем благополучном приезде. И вот наконец 3 марта это свершилось. В международном аэропорту О'Наре (O'Hare International Airport) Володя и Инна Минковы, Матус и Вика Столовы и Люба и Славик Фрумкины встретили Митину семью, в том числе и еще незнакомую нам полуторагодовалую внучку Анечку в коляске. Семейное торжество по этому поводу продолжалось пять дней, и в память об этом была сделана первая совместная фотография на американской земле. Как и старшие наши дети, они также быстро обзавелись машиной. Вскоре мы отметили 90-летие Евы Ефимовны. Она сохранила хорошую физическую форму благодаря стараниям и заботам своей единственной и преданной дочери. 24 июля нашей самой младшей внучке Анечке исполнилось два годика (*фото 147*). В начале августа мы вместе с нашими добрыми соседями по дому Петей и Милей Цивиными совершили первую дальнюю поездку – к Лене в Вашингтон (*фото 148*). Поездка на автомобиле по прекрасным американским дорогам и в самом Вашингтоне было приятной и познавательной.

И еще одно событие – нас навестил Владимир Борисович Мондшанин, муж покойной двоюродной сестры Эммы, о которой я рассказывал выше моих воспоминаний. Он путешествовал по Америке со своей новой супругой, разыскал нас, подробно рассказал о себе и расспросил о нашей семье. Тем временем я продолжал с большим интересом работать с Владимиром Минковым в Аргонской национальной лаборатории. Здесь мне посчастливилось 25 апреля воочию увидеть знаменитого американского физика венгерского происхождения Эдварда Теллера – отца водородной бомбы и присутствовать на его лекции.

Нельзя не вспомнить некоторые взволновавшие нас международные события 1991 года: ракетный обстрел Израиля Ираком в январе, государственный переворот в СССР 18 августа и, наконец, развал СССР 22 декабря. Особенно впечатлило исчезновение с географической карты государства-монстра – СССР, просуществовавшего всего 74 года, меньше нормальной человеческой жизни...

В наступившем 1992 году все наше большое семейство активно продолжало вживаться в новую для нас социальную систему. Не всегда это проходило гладко, тем не менее каждый из нас стал со временем ощущать положительные результаты собственных целенаправленных усилий. Прежде всего, это почувствовал я сам. С помощью Игоря Бодняра, одного из способнейших работников нашего Центра энергетических технологий, и других сослуживцев мне удалось приобрести в марте не совсем новую и не такую дорогую автомашину

Chevrolet Lumina, на которой я стал самостоятельно ездить по городским улицам и кварталам (но не хайвеям¹) – сначала один, а вскоре с внучками – Анечкой и Алиской (*фото 149*).

Успешно продвигались дела у Мити и Лизы. В течение года оба сумели найти постоянную работу. Лиза при этом готовилась к экзаменам на подтверждение диплома врача. Летом ее родители, которые еще оставались в Минске, сообщили, что получили в американском посольстве разрешение на въезд в США в статусе беженцев. К концу года они и Ира, сестра Лизы, с семьей были уже в Чикаго (*фото 150*). Мите с Лизой очень повезло с волонтерами. Ими оказалась еврейская семейная пара намного старше средних лет: Арнольд Гутман, исключительно порядочный и образованный человек, врач по профессии, и его жена Адель, бывшая первая красавица штата Делавэр (*фото 151*). Арнольд хотел шефствовать над молодыми врачами-эмигрантами, и об этом попросил работников ХИАСА. Под эту категорию молодых врачей как раз и подошла Лиза. Арнольд, осуществляя свою волонтерскую деятельность, посчитал целесообразным познакомиться с семьей Лизы. И с нами он поступил так же – пригласил нас, включая Еву Ефимовну (*фото 152*), к себе в гости. Перед большим и красивым домом были накрыты праздничные столы, и около полусотни гостей непринужденно общались между собой. Эта замечательная встреча запомнилась, как никакая другая. Волонтерство, перешедшее вскоре в искреннюю семейную дружбу, продолжается и по сей день, хотя самого Арнольда, к сожалению, уже нет в живых.

5 июня делегация советских ученых-ядерщиков из восьми человек прибыла в наш Центр энергетических технологий. Мы вместе выполняли важную работу по межгосударственному контракту, требующую частых взаимных посещений. В течение недели все внимание и свободное время были отданы этому визиту, так что решение важных личных и домашних дел (восстановление очередности по восьмой программе, SSI – Supplemental Security Income для Раечки и др.) пришлось на время отложить.

В августе, когда исполнилось ровно 44 года нашей с Раечкой совместной жизни, я стал 53-м членом организованного в Чикаго общества ветеранов Великой Отечественной войны, которое до сих пор играет заметную роль в нашей жизни. На сегодняшний день о каждом из ветеранов нашего общества известно в Москве, и по случаю праздничных дат мы обязательно получаем личные поздравления российского президента.

В октябре состоялась незабываемая наша поездка с Наумом и Симой Месерман к Лене и Симе в Вашингтон (*фото 153–154*). Эту поездку на автомашине инициировал Наум, она получилась исключительно интересной и во многом напоминала такую же с Петей и Милей Цивиными летом 1991 года.

¹ Крупное шоссе.

1992 год был богат на круглые и полукруглые юбилейные даты наших родных и близких нам друзей: Моисею и Раисе в феврале исполнилось соответственно 70 и 65 лет, Инне Минковой в мае – 60, Марку Моисеевичу в июле – 65, Вике Столовой в августе – 65, Симе Мессерман в сентябре – 60, Симе Миркиной в октябре – 40, Пете Цивину в марте – 65.

Были и печальные даты, в одну из которых я ежегодно зажигаю поминальную свечу – 6 марта 1942 года, день расстрела в гетто Черей всей моей семьи. С тех пор прошло уже 50 лет...

Год был весьма богат и на письма, и на телефонные звонки. Вот имена друзей, с которыми мы более-менее регулярно переписывались: Миша Райгородский, Раиса Гольдберг, Аня Андрачник, Фира Гульман, Моисей Клебанов. Эпизодически переписка велась с Машей Касавиной, Машей Ясногородской, Мариком Клебановым, Моней Берманом. Состоялась наша первая личная встреча с Ниной Михайловной и Марком – хорошими знакомыми Володи Минкова. В завершение описания этого года нельзя не вспомнить, что 3 ноября президентом Америки был избран Билл Клинтон.

Каждый год имеет свои особенности, чем-то отличается от других, исключением не был и следующий – 1993 год. Прежде всего нас радовали, пусть пока еще и скромные, но успехи семьи Мити. В феврале они переехали на новую квартиру в Скоки по адресу: 4835 Hull, apt. 3N. Митя перешел на постоянную работу в железнодорожную компанию АМТРАК. Лиза сдала очередной экзамен по медицине, а восьмилетняя Алиска пошла в первый класс. Важными событиями года явились две юбилейные даты – мое 70-летие и 60-летие Володи Минкова. На мой 70-летний юбилей в апреле приехали Леня, Сима и Инесска из Вашингтона. В ресторане, где мы отмечали юбилей, собралось 30 человек, было много поздравительных открыток и телефонных звонков, но больше ничего особенного и примечательного об этих днях вспомнить мне не удалось. Что намного лучше запомнилось, так это переезд из Чикаго в Скоки на новую квартиру по адресу 8249 Knox Ave., apt. 2, которая занимала весь второй этаж 3-этажного дома. В подготовке к переезду на эту квартиру большую помощь нам оказал Матус Столов, за что мы ему благодарны. Уже в этой новой квартире мы отмечали в июле 92-летие Евы Ефимовны (*фото 155–156*). Вот какое теплое поздравление ей, своей маме, прислали из Израиля Исаак с Мартой:

Дорогая наша мамочка!

Поздравляем тебя с днем рождения. Желаем тебе крепкого здоровья и хорошего настроения. Будь сильной духом и мужественной. Надеемся скоро встретиться. Обнимаем и крепко целуем.

Твои Марта, Исаак. Биз 120 ёр

На новом же месте в августе мы также отмечали 45-летие нашей с Раечкой совместной жизни и здесь же принимали первую гостью из Израиля – Иру, внучку Моисея.

В середине года Владимиру Минкову исполнилось 60 лет. Как всегда бывает в таких случаях, юбилей торжественно отмечался и на работе, и дома, где Володя получил множество поздравлений и пожеланий. Я к этой дате подготовил нестандартное поздравление в виде трехтомного собрания различных материалов¹. Подготовка столь объемного материала, говоря откровенно, заняла не один день и потребовала даже не одного месяца кропотливого труда. Эта работа велась в Центре энергетических технологий попутно, а в некоторых случаях и параллельно с занятием основной научной тематикой. Иногда я этот материал и сейчас, спустя несколько десятков лет, с интересом прочитываю и сам, вспоминая канувший в вечность СССР.

С сожалением нужно отметить, что после успешного выполнения конкретных научно-прикладных работ Центр энергетических технологий 25 октября был расформирован. Впоследствии на его основе создали другое структурное подразделение, где Владимир Минков успешно продолжал свою научно-производственную деятельность.

Кроме двух вышеупомянутых были и другие даты. Так, Циля Абрамовна, Белла Моисеевна, Аркадий Григорьевич и Матус Столов отметили свое 65-летие, Моня Берман – 70-летие, Люба Фрумкин – 40-летие. Не были забыты и две печальные даты: 50 лет со дня гибели Мимы, любимого брата Раечки, и пять лет со дня кончины уважаемого нами соседа в Минске Теодора Лазаревича Брука-Левинсона.

К концу этого года мы полностью вернули банку долг, связанный с переездом Митиной семьи, и оформили все необходимые документы для получения американского гражданства. Наши родственники и друзья Наум и Сима Мессерманы, а также Матус и Вика Столовы тем временем побывали в Израиле и вернулись довольные поездкой.

Накануне нового 1994 года на короткое время из Нью-Йорка впервые приехала к нам подруга Раечки еще по Ангарску Маша Касавина (*фото 157*). Для Раи, да и для всех нас, ее приезд и эта встреча явились лучшим новогодним подарком. К несчастью, 27 августа следующего года Маша скорострительно скончалась.

В январе 1994 года Леня уехал в 5-месячную командировку в Алма-Ату. Будучи хорошим сыном своих родителей, он не забывал присылать нам душевные поздравления с днем рождения. Так, 24 февраля 1994 года он отпра-

¹ Собрание материалов: В 3 т. / Сост. М. Миркин. Чикаго, 1993.

вил своей маме поздравление на самодельном бланке с рисунками из компьютерной программы клип-арт:

Дорогая мамочка!

Посылаю тебе поздравления с днем рождения в наш ветреный, но тепло-прекрасный Чикаго из солнечной, но серо-суконной Алма-Аты, в которой под благотворным влиянием демократии перестали расти даже яблоки.

Желаю тебе здоровья, бодрости, счастья, оптимизма, ты богата прекрасными друзьями, число которых непрерывно растет, и нашей замечательной семьей, которая постоянно расширяется. От всей души желаю тебе и папе повеселиться на свадьбах всех моих и Митиных внуков, не сомневаюсь, что кроме схожести с родителями они унаследуют лучшие черты своих молодых бабушек (дедушек) и молоденьких прабабушек и прадедушек.

Целую тебя крепко-крепко, Леня

25 февраля 1994, Алма-Аты

А вот поздравление, примерно также оформленное, и в мой адрес, полученное 16 апреля 1994 года:

Дорогой папа!

От всей души поздравляю тебя с днем рождения. Это твои шестые именины в Штатах. По правилам в этом возрасте ты можешь идти в Elementary School, в первый класс. Но, несмотря на столь юный возраст, ты уже кое-что успел. Надеюсь, друзья, собравшиеся за столом, огласят полный список твоих достижений. Тебе не занимать здоровья, бодрости, счастья, оптимизма, которыми ты щедро делишься окружающими. От души желаю тебе и маме успешно пройти все школы и университеты Америки в ногу со своими детьми (в основном с невестками) и внуками.

Целую тебя крепко-крепко, Леня

16 апреля 1994, Алма-Аты

Бесценный подарок преподнесли нам американские власти, подтвердившие результаты сдачи экзаменов на гражданство: наши – 17 марта, Лени и

Симы – несколько позже. 5 июля у нас в Чикаго и 29 сентября у Лени и Симы в Вашингтоне состоялась церемония принятия присяги гражданина США, после которой все мы стали полноправными гражданами этой страны. 31 августа мы получили американские паспорта. Мите с Лизой эту процедуру еще предстояло пройти через несколько лет. Пока Митя работал, Лиза продолжала успешно готовиться, сдавать экзамены и трудиться. С июля она перешла на постоянную работу ассистентом к доктору Бушу. Их дети Алиса и Анечка, кроме учебы, активно занимались музыкой, катанием на льду и балетом (*фото 158*). Естественно, возил их на все эти кружки на собственной машине молодой водитель дедушка Миша.

Продолжали приезжать в Чикаго наши родственники: в октябре из Минска приехал брат Наума Алик с женой Шурой, в гостях у нас побывала Ирмочка, внучка Исаака (*фото 159*).

Полукруглыми и круглыми юбилеями в этом году стали Исаак, которому исполнилось 65 лет, Митя – 40 лет и Димка – 20 лет. Исполнилось пять лет со дня нашего приезда в Америку, поэтому мы и получили американское гражданство. В этом году не обошлось без потерь добрых знакомых и дальних родственников. К ним относятся Рувим Моисеевич, муж Брони Марковны (мамы Володи Минкова), и Лиза Циркина, жена Раиного двоюродного брата Арона Циркина. Россия в конце года начала очередную безумную войну в Чечне.

Как-то я полистал альбом с фотографиями 1994 года и с удивлением обнаружил, что некогда молодые в нашем семействе к этому времени уже порядком возмужали (*фото 160*). Кажется, совсем недавно, всего 10 лет назад мы ездили в Ленинград на бракосочетание Мити и Лизы, а сегодня на календаре уже 25 марта 1995 года, и позади четыре года, как эта счастливая семья тоже живет в Америке. Лиза зачислена в ординатуру, а Митя оформил покупку дома в Скоки по адресу 8713 Karlov. В сентябре мы помогали им переехать в уютный домик с небольшим участком земли, на котором мы с Раечкой с удовольствием стали ежегодно заниматься огородничеством, и небезуспешно.

Важное событие произошло у Лени и Симы 8 апреля 1995 года – бат-мицва у Инессы (*фото 161*). К этой дате девочка долго, серьезно и тщательно готовилась: с помощью родителей она оформила 35-страничный труд, отразивший ее понимание еврейской жизни, знание Торы, еврейских ритуалов, традиций и молитв¹. Мы с Митей и Лизой и их детьми поехали в Вашингтон на это торжество, которое проходило в одной из местных синагог. Туда же приехали родители Симы и ее сестра Ира с мужем Яшей и сыном Женей. Кроме родственников на бат-мицву Инессы также приехали и наши близкие друзья Володя и

¹ См. Приложение 26.

Муся Минковы, Матус и Вика Столовы. Торжество, которое проходило два дня и пришлось на время цветения в Вашингтоне японской сакуры, удалось на славу (*фото 162–163*). Хороший подарок в этот день своей дочери преподнесла Сима: она перешла на постоянную работу в Georgetown University.

В этом году, наряду с другими праздниками, отмечалось также 50-летие Победы в Великой Отечественной войне. Ничем особенным, кроме традиционного торжественного собрания и вручения очередной медали, эта юбилейная дата не запомнилась. Зато остались в памяти две следовавшие одна за другой свадьбы Аллы и Димы, детей Муси Минковой. Свадьбы проходили в просторном помещении загородной синагоги, построенной по японскому проекту (*фото 164*).

В Чикаго продолжали прибывать наши дальние родственники: семья Лорман и Яши Циркина. Как и в предыдущие годы, в этом году также были круглые и полукруглые юбиляры: Леня – 45 лет, Броня Марковна – 85, Славик Фрумкин – 50 и Алиска – 10 лет.

В этом году был убит Ицхак Рабин. Мы также не забыли отметить 10-летие ухода из жизни Эммы Мондшаниной, моей двоюродной сестры.

Лето было жаркое, самая высокая температура была 14 июля – 102 градуса по Фаренгейту. Почти пять лет прошло с тех пор, как я получил водительские права. На спидометре автомобиля высвечивалась цифра 153 тысячи миль. Мне напомнили, что пора явиться на переэкзаменовку по вождению. Я получил подтверждение моих прав сидеть за рулем, поэтому продолжал, помимо всего прочего, доставлять своих внуков в кружки по расписанию. Так было в следующем году, в мае 1996 года, когда юные фигуристки Анечка и Алиса участвовали в большом концерте на льду (*фото 165*), и в сентябре, когда они участвовали в театральном представлении уже как юные балерины (*фото 166*).

Несколько неожиданным для нас стал приезд из Израиля Миши Бермана, причем на довольно продолжительное время – с марта по июнь. Месяц он был у нас, почти два месяца – у Мити и неделю в Вашингтоне у Лени. Хороший трудолюбивый паренек, приехавший с единственной целью – устроиться на работу. К сожалению, не получилось, и он вернулся домой.

Были у нас юбиляры. Ане Андрачник в Борисове исполнилось 80 лет, а Еве Ефимовне – 95. Это довольно солидный возраст. Очень приятно, что американское гражданство получили родители Симы. Однако жизнь устроенная так, что рядом с хорошим случается, и не так уж редко, горе. Так, в мае умер Изя Касавин, муж Маши, лучшей Раиной подруги; в сентябре – Юлия Борисовна, мама Тамары, жены Раиного двоюродного брата Яши. Серьезно и неоднократно болел и Наум, другой ее двоюродный брат: то инсульт, то воспаление легких.

Выдающимся и надолго запомнившимся событием 1996 года стала, безусловно, наша двухнедельная поездка в Израиль – с 17 по 31 октября, организованная Чикагским туристическим агентством Travel Team и замечательным израильским экскурсоводом Мариной Фельдман. Не зря о ней говорили, что это экскурсовод от Б-га. (Однако, прежде чем собраться в далекий край и на такое продолжительное время, пришлось серьезно подумать, с кем оставить 95-летнюю маму Раечки. Как всегда, нашлись добрые люди – Белла Мойсеевна и Фира, которые взяли на себя эту заботу, за что мы им благодарны.) Туристическая группа, насчитывавшая около 30 человек, с неослабным вниманием, увлеченно знакомилась с многочисленными историческими местами этой древней земли. Нам решительно все было интересно узнать об этой маленькой и еще совсем молодой стране.

Приведу насыщенную программу поездки по Израилю с Мариной Фельдман для большего представления, как за 10 дней 1996 года мы исколесили всю страну:

18 октября. Старый Яффо. Нетания. Прибытие в аэропорт Бен-Гурион. Встреча. Поездка по прибрежной дороге до Старого Яффо с посещением древнего порта и квартала художников. Переезд в гостиницу, ужин и ночевка в Нетании.

19 октября. Кейсария. Хайфа. Парк Ротшильда. Кармель. Выезд из Тель-Авива через равнину Шарон в Кейсарию. Посещение римского театра, византийской улицы, порта и города крестоносцев. Подъем на гору Кармель. Короткий осмотр Хайфы. Посещение Зихрон-Якова. Ужин в кибуце Кфар Блюм.

20 октября. Голаны. Верхняя Галилея. Метула. Кацрин. Цфат. Посещение Метулы и израильско-ливанской границы, подъем на Голаны, поездка вдоль сирийской границы, заезд в Кацрин – столицу Голанских высот. Посещение фабрики серебряных изделий. Поездка к Иордану. Подъем в Цфат – святой город каббалистов, мистиков и художников. Посещение старейших синагог. Поездка по долине Хула. Ужин и ночевка в кибуце Кфар Блюм.

21 октября. Нижняя Галилея. Иорданская долина. Экскурсия по кибуцу. Спуск к озеру Кинерет и осмотр древнего Капернаума. Посещение Тверии – святого еврейского города, столицы Нижней Галилеи. Купание в озере Кинерет (*фото 167*). Поездка вдоль иорданской границы. Ужин и ночевка в Нетании.

22 октября. Иерусалим – старый и новый. Панорама Иерусалима с Горы недоброго совета. Пешая прогулка по Еврейскому кварталу Старого города. Посещение Стены плача (*фото 168*), раскопок древнего города византийского периода и времени крестоносцев. Подъем на гору Сион.

Посещение могилы царя Давида и «Яд ва-Шем» (Музея Катастрофы и героизма европейского еврейства). Ужин и ночевка в Нетании.

23 октября. *Христианский Иерусалим и Тель-Авив*. Подъем на Масличную гору. Посещение Гефсиманского сада. Подъем на Голгофу и посещение Церкви гроба Господня. Прогулка по Тель-Авиву. Ужин и ночевка в Нетании.

24 октября. *Свободный день в Нетании* (очевидно, суббота). Завтрак и ужин в отеле.

25 октября. *Мертвое море. Иудейская пустыня. Масада. Эйлат*. Спуск в Иудейскую пустыню – самую нижнюю точку на земном шаре. Посещение бедуинов – коренных жителей пустыни. Поездка через Вади Кельт мимо одного из первых в мире монастырей (монастырь Святого Георгия); посещение Масады – крепости Ирода и последнего убежища жезотов во времена Иудейской войны. Купание в Мертвом море – самом соленом на Земле. Переезд в Эйлат. Ужин и ночевка в Эйлате.

26 октября. *Эйлат. Арава. Пустыня Негев*. Прогулка на яхте по Красному морю вдоль Иорданской и египетской границ. Пустыня Негев. Ужин и ночевка в Эйлате.

27 октября. Посещение подводного музея – аквариума и фабрики эйлатского камня (завтрак и ужин в отеле).

28 октября. Переезд из гостиницы в аэропорт Бен-Гурион и отлет (завтрак и ужин в отеле).

Оставшиеся свободные три дня – с 28-го по 31 октября – мы полностью посвятили встречам с нашими родными: побывали в Офакиме, где проживали Исаак с Мартой (*фото 169*), у Моисея, Дины и их детей в Петах-Тикве, у Мони и Гены с их семьями в Ришон ле-Ционе, у многих родных и добрых знакомых.

Покидали мы эту выстрадавшую и возрожденную землю с большой гордостью за ее героический еврейский народ, за его колоссальные усилия и успехи в становлении совсем еще молодого государства. Дальнейшего процветания тебе, наш дорогой, благословенный Израиль!

... Полные впечатлений от Израиля, через несколько дней по возвращении домой мы узнали, что президент Клинтон переизбран на второй срок. Хорошо это или плохо? Будущее покажет.

Очередной, 1997 год стал для нас примечательным не столько восьмилетним пребыванием в Америке, сколько юбилеем Раечки – 25 февраля ей исполнилось 70 лет (*фото 170*). Естественно, эту знаменательную дату мы отметили широко и торжественно. Было сказано много добрых слов и пожеланий, получено подарков, поздравить юбиляру приехали из Вашингтона Циля Абрамовна и Леня (*фото 171*).

Вскоре Леня с Симой, Димой и Инесской тоже поехали на две недели в Израиль, чтобы познакомиться с этой страной и повидаться с родствен-

никами (*фото 172*). В это время Димка, четвертый член этого семейства, заканчивал учебу в Maryland University, а в мае получил диплом инженера. В течение этого года семейная поездка у Лени была не единственная: после посещения Израиля 8 октября они отправились в недельную экскурсию по Калифорнии.

Успешно продвигались дела и у Мити. Он приобрел компьютер и в июле вышел на работу в качестве программиста, одновременно продолжая ходить на курсы по этой специальности. Мы с Раисой отметили 49-летие нашей совместной жизни (*фото 173*) и стали готовить необходимые документы для оформления гражданства мамы, и это в ее 96-летнем возрасте!

Год был урожайным на круглые даты. Так, Моисею исполнилось 75 лет, Марку Моисеевичу, Аркадию Циркину и Пете Цивину – по 70, Ане Шагаловой – 60, нашим невесткам Симе и Лизе соответственно – 45 и 40. Особых почестей была удостоена 87-летняя мама Володи Минкова Броня Марковна в день ее рождения (*фото 174*). У меня даже появилась идея сделать портрет с этой фотографии ей в подарок к ее 90-летию.

Год, хотя и был богатым на юбилейные даты, в то же время принес и скорбные дни. 12 января умер Наум, двоюродный брат Раечки, который приютил нас на первых порах нашего прибытия в Америку, а 7 апреля в Израиле скончался ее старший брат Моисей. Две невосполнимые тяжелые утраты. Особенно тяжело мы переживали уход из жизни 75-летнего Моисея – ветерана, инвалида Великой Отечественной войны, последняя встреча с которым у нас состоялась за год до его кончины и навсегда осталась в памяти. В четвертом томе (2-я книга) летописи «Против нацистского врага», изданной в Иерусалиме в 1999 году Союзом воинов и партизан – инвалидов войны с нацистами, на странице 438 помещена о нем следующая краткая справка: «Клебанов Моисей Рафаэлович. Родился 12.02.22, Борисов, Белоруссия. Служил: Советская армия, 8 стрелковая бригада, старший лейтенант. Воевал: Белорусский фронт. Репатрировался: 02.09.90».

В нашем семейном архиве мы с Раечкой нашли фотографию Моисея в шинели, датированную 1944 годом (*фото 176*), и почтовую карточку военных лет, посланную им с фронта сестричке¹. На обороте карточки, как это было распространено в те годы, скульптурный портрет вождя и «Песня о Сталине» («На просторах родины чудесной»), написанная в 1938 году на слова А. Суркова М. Блантером.

В годы войны все семейство Клебановых было эвакуировано и проживало на ст. Серово Куйбышевского района Ферганской области Узбекистана,

¹ См. Приложение 20 (20.1 и 20.2).

и Моисей, находясь на фронте, вел переписку с мамой, папой и отдельно с Раечкой, которой к началу войны было 14 лет. Вот содержание этой фронтовой открытки:

28.06. 1943 г. Здравствуй, дорогая сестричка! Сегодня получил четыре письма: два от мамы, одно от папы и одно от тебя, которые представили большую радость, и за которые я вам очень благодарен. В своем письме ты писала, что у вас уже тепло и созрели некоторые фрукты; собственно говоря, то и у нас уже не холодно, но фруктов еще никаких нет. Придется к вам заглянуть, чтобы угоститься фруктами.

На сей раз ограничусь написанным. С приветом, Моисей

Обратный адрес – полевая почта 30751. И ни слова о фронтовых тяготах, чтобы не расстраивать ни сестричку, ни родителей... Такой он и в мирной жизни был – скромный, интеллигентный, щедрый и добродушный. Таким он нам и запомнился.

Можно было бы на этом поставить точку, но произошло вот что. Историк и журналист Григорий Рейхман, интересующийся перепиской советских евреев в годы войны, решил дополнить информацию об авторе открытки и провел свое маленькое исследование. Результат привел его к мысли, что 8-я стрелковая бригада никак не могла входить в состав какого-либо из трех Белорусских фронтов, на одном из которых якобы воевал Моисей, как это указано в израильской книге. И тогда он попросил ответить на этот вопрос Юлию Долгину, дочь Моисея, живущую в Израиле, с которой ему помог связаться наш Ленья. Юлия рассказала, что ее отец участвовал в сражении на Курской дуге, получил осколочное ранение в грудь, было задето легкое, и мелкие осколки остались в нем до самого конца. Так вот, это письмо написано Моисеем за неделю до начала этой исторической битвы на Курской дуге. После ранения Моисей в действующую армию уже не вернулся, а из госпиталя был направлен в тыловую часть в Чапаевск Саратовской области, где и встретил День Победы. Следовательно, воевать на Белорусском фронте он уже не мог, поскольку хронологические рамки действий на всех трех Белорусских фронтах – 1944–1945 годы. Выяснил Григорий, что Моисей был награжден орденом Красной Звезды, что не могло не быть зафиксировано в орденской книжке офицера и... в наградном отделе Министерства обороны СССР. Орден и медали, в том числе юбилейные, хранятся у дочери Моисея в Израиле. Как, впрочем, и другое почтовое отправление, так называемая

секретка¹, которую мы подарили ей вместе с альбомом, когда были в Израиле незадолго до смерти Моисея. Разумеется, Григорий, поговорив с Юлей, в тот же вечер сообщил нам о полученной информации. И Раечка вспомнила, что в 1942 году после призыва в армию Моисей находился в училище в Намангане (Средняя Азия) и после его окончания был отправлен на фронт. Как видим, воевал он недолго, но храбро, о чем свидетельствует орден. По словам нашей племянницы, о войне Моисей своим домашним не рассказывал, да и она старалась не беречь его память.

Секретку отсканировал и прислал Григорию муж Юлии Александр Долгин. Приведем ее текст полностью:

Здравствуйте, дорогие! Сегодня я получил от вас письмо, от Исаака и тети Дыни, за которые я вам всем благодарен. В своих письмах вы пишете мне, что у вас все в порядке, а на самом деле сквозь зубы у вас просачиваются слова, что кое-кого и из вас малярия не оставила в покое, в данном случае болеет Исаак. Это для меня новость, конечно, неприятная. Но надеюсь, что вы все-таки избавитесь от нее. Дорогие, в отношении аттестата, то вы не ждите, пока вам скажут, а потребуйте от них, ибо вы должны получить денег за ноябрь, декабрь м-цы. Мама, Дыня мне писала, что ты стараешься ей помочь, что ты брала ее к себе во время болезни и ухаживала за ней. Хотя ты, мама, ближе к ней, но все-таки я тебе очень благодарен и думаю, что раз она будет находиться рядом с тобой, то отдельно высылать ей денег нецелесообразно, но вы, дорогие, папа и мама, смотрите за ней и за детьми, я вас об этом очень прошу. Жаль, что я не могу помочь более эффективно. На этом кончаю. С новогодним приветом! Моисей.

Полевая почта 2519, часть 453, Клебанову М. Ф.

Поясню: Дыня – родная сестра матери Раи, Хавы (в этой книге – Хава Хаимовна, или Ева Ефимовна) и, соответственно, тетя Моисея, Мимы, Раи и

¹ Письмо на разлинованной почтовой бумаге, сгибаемой пополам и заклеивающейся по кайме, посылаемое без конверта; см. *Приложение 19 (19.1 и 19.2)*. На одной из внешних сторон были нанесены адресные линии, воспроизводилась иллюстрация патриотического сюжета и не менее патриотический текст. Секретки просматривались военной цензурой, и часто на них можно было видеть штамп «просмотрено военной цензурой». Военные цензоры вымарывали все, что считали нужным, например, «географию» взятых населенных пунктов, политическое недовольство, за которые можно было получить суд, расстрел или другое наказание.

Исаака. Малярия – одна из причин, по которой семья в конце концов уехала из Узбекистана в Куйбышев в 1944 году.

Письмо отправлено, судя по штемпелю, в начале 1943 года. Может быть, номера полевой почты и наличие боевой награды помогут установить, когда и где воевал один из участников той кровопролитной войны? О послевоенной жизни Моисея можно узнать из интернета¹ и из Краткого именного словаря «Следы в траве забвения: Евреи в истории города Борисова», где указано: «КЛЕБАНОВ Моисей Фаилович (1922–1997), преподаватель Мелитопольского института механизации сельского хозяйства (Украина). Уроженец Борисова, где окончил среднюю школу. Учился также в Минске и Москве. Кандидат философских наук»². Что же касается времени и места участия Моисея в войне, то Григорий Рейхман не готов полностью игнорировать и данные, указанные в израильском издании.

В промежутке между этими двумя горестными событиями вклинилось и третье, мартовское – 55 лет со дня расстрела всей моей семьи в гетто Черей.

Ничем примечательным не отличался следующий, 1998 год. Разве что числом круглых и полукруглых юбилейных дат. Вот наши юбиляры: Моня Берман – 75 лет, Цилия Абрамовна Шур, Белла Моисеевна и Аркадий Григорьевич Спевак, Матус Абрамович Столов – по 70 лет, Владимир Минков – 65 лет, Люба Фрумкин – 45.

Нельзя не отметить еще одну важную дату: 55 лет окончания Сталинградской битвы – 2 февраля (см. первую часть этого повествования). Весьма символично, что в этом же месяце, за два дня до его окончания, произошло солнечное затмение, как бы напомнив человечеству о его безумных действиях и возможных последствиях. Порадовал неожиданный звонок Нины Гурьевны, нашей доброй соседки по минской квартире в течение многих лет, из Израиля, которой, кстати, в тот день исполнилось 80. Мы отметили мое 75-летие и 50-летие нашей совместной с Раечкой жизни (*фото 175*).

Праздничным оказался 1998 год для Лени и Симы: они отметили 25 лет своей совместной жизни – ровно половину того срока, который отмечали мы, его родители (*фото 177*). К этому времени Леня получил черный пояс по тэквандо и обзавелся автомашиной марки Mercury Grand Marquis. Хотя у Мити с Лизой круглая дата от начала совместной жизни еще не наступила, зато оба в этом году стали полноправными гражданами США. А это ой как важно!..

¹ Подробная информация на сайте Белорусского землячества в Израиле: http://www.souz.co.il/clubs/read.html?article=271&Club_ID=1

² См.: <http://borisovcity.narod.ru/history/hist13.htm>

А в дверь уже стучался новый 1999-й, предпоследний год уходящего века и тысячелетия. Для нас он оказался благополучным и счастливым и в то же время горьким и скорбным. Приятно и радостно было осознавать, что в Америке мы уже 10 лет и все члены нашего большого семейства являются законными гражданами этой великой страны. 25 марта Митя с Лизой отметили 15-летие совместной жизни. Отрадным явился тот факт, что с этого дня Митя, а с июля Лиза вышли на постоянную работу. И уже совсем праздничным стал день 22 октября, когда состоялся выпускной бал по случаю окончания ординатуры и получения дипломов врача большой группой выпускников, включая и Лизу (*фото 178*). Наше дружное семейство «обзавелось» американским дипломированным врачом, и теперь нам стало не так опасно болеть...

Леня устроил в апреле исключительно интересную рыбалку. Вместе с друзьями Володей и Олегом, такими же любителями рыбной ловли, как и сам, он отправился на катере к Багамским островам, и там они в течение почти двух недель занимались большой рыбной ловлей (*фото 180*) и подводной охотой.

Однако этот месяц был омрачен печальным событием – 25-го в возрасте 98 лет скончалась Ева Ефимовна, мама Раисы. Благодаря исключительно хорошему уходу и повседневным заботам дочери, она прожила без малого сто лет. В мессермановском роду она оказалась долгожительницей. Со всеми положенными процедурами и почестями, как она того и заслуживала, мы похоронили ее на ухоженном Скокском еврейском кладбище. Оно находится неподалеку от нас, в то время как Фала Ирмович, папа Раи, к сожалению, навсегда остался в Борисове. Для нас, а для Раечки в особенности, смерть мамы стала крайне чувствительной потерей.

Отвлечь всех от печали мудро решил Леня, предложив совершить десятидневную поездку по восточному побережью Америки – вдоль Атлантического океана, с посещением знакомых. Для осуществления своего проекта он привлек Марка Моисеевича, который проявил готовность нам помочь. Вместе с Цилей Абрамовной он лихо проехал с нами первую часть маршрута – от Вашингтона до Нью-Йорка (*фото 179*) с заездом в Атлантик-Сити и Балтимор. Вторую часть маршрута – от Нью-Йорка и далее на север – так же мастерски продолжил на своем роскошном авто Леня. Первая крупная остановка – город Хартфорд. Здесь живут наши и Володи Минкова общие знакомые Нина Михайловна и Марк. Очень интересные люди. Нина Михайловна преподавала английский язык в высших учебных заведениях Минска, Марк – бывший врач, лечивший в свое время советских космонавтов. Кроме того, он увлекается живописью. Одна из картин Марка занимает в нашей уютной квартире свое достойное место. У Нины Михайловны и Марка оказались тесные контакты с местной синагогой, и с ними мы туда неожиданно попали в вечер нашего приезда. Переночевали мы в доме их дочери Светы и ее мужа Лени (*фото 181*),

друзей нашего Лени и Симы. Света прекрасно играет на пианино, а вместе с мужем они увлекаются танцами.

Наутро мы поехали дальше – в Бостон, где навестили старых знакомых Мишу и Клаву Райгородских (*фото 182*), с которыми целый месяц мы жили под одной крышей 10 лет назад в Ладисполе на Via Pegaso, 7. Здесь же Леня встретился со своим другом еще со времен Белорусского политехнического института архитектором Женей Роммом. Во время экскурсии по городу он нас подробнейшим образом ознакомил с его архитектурными достопримечательностями.

В центре города нас поразила мемориальная композиция в виде шести высоких прямоугольников, посвященная памяти шести миллионов евреев – жертв Холокоста. Незабываемой осталась и совершенно неожиданная встреча с Еленой Боннэр (увы, теперь уже покойной), известной правозащитницей и вдовой советского физика-ядерщика и общественного деятеля перестроечных времен академика Сахарова. И где? На скамеечке возле небольшого озера, в компании двух собеседниц. Перед самым отъездом Леня успел встретиться со своей одноклассницей по Минску Галей Брондман (*фото 183*). Сама похожая на молоденькую маму, бабушка Галя качала на качелях маленькую внучку.

По возвращении мы с Раей еще погостили несколько незабываемых дней в Вашингтоне и были обрадованы сообщением Инесски о том, что она принята на учебу в Georgetown University (*фото 184*). Тем же летом она с друзьями побывала в Мексике. Наконец мы вернулись домой, в Чикаго. К нам с десятидневным визитом приехали Касрилик с женой Аней. Видимо, повинувшись какому-то странному и необъяснимому предчувствию, Касрилик решил воспользоваться представившейся возможностью посетить нас и еще раз, как впоследствии оказалось, в последний, взглянуть на Раечку, которой он еще в пору нашей женитьбы очень симпатизировал, если не сказать больше.

В течение года члены нашего семейства, да и другие родные много путешествовали. Так, Леня трижды выезжал в командировки в разные города России, Митя с семейством посетил Ямайку, Шуры знакомились с Израилем, Димка, Инесска и Алиска приезжали к нам и ездили по Америке. Не забыли мы отметить и 70-летие Исаака, 10-летие Анечки и 45-летие Мити.

Главным событием этого года для нашего семейства стал полувековой юбилей Лени – 14 мая 2000 года. Знаменательный день, когда человек как-то незаметно для самого себя приближается к невидимой полувековой жизненной границе и также незаметно переступает ее. Наш юбиляр и его верная спутница Симочка решили торжественно и с размахом отметить его не дома, в Вашингтоне, а во Флориде. Великолепная задумка! И она была блестяще осуществлена в течение последующих шести дней – с 20 по 25 мая (*фото 185–188*). Именинник заблаговременно заказал отдельный, полностью благоустроенный дом на 10–15 человек в одном из курортных мест города Орlando

(Флорида). Сам Леня приехал с Симой и ее родителями на своей шикарной машине, совершив заодно и своего рода экскурсионную поездку по ряду американских штатов. Наша чикагская группа в составе шести человек (мы вдвоем и семейство Мити) прибыла самолетом. Прилетели из Вашингтона остальные члены семьи Лени.

21 мая все наши самые близкие родные в полном составе заняли заказанные места в одном из красивых надводных ресторанов Диснеевского парка города Орlando и торжественно по-семейному поздравили юбиляра. В 9 часов вечера здесь же, в парке, мы наблюдали длившийся около часа изумительной красоты фейерверк. Нам пояснили, что подобные красочные фейерверки в летнее время здесь происходят ежевечерне. Тесное общение с юбиляром и другими родными было очень сердечным и потом долго вспоминалось. Кроме того, неизгладимое впечатление на нас произвели диснеевские парки Walt Disney World: их гигантские размеры, красивые, величественные и разнообразные архитектурные сооружения, аттракционы и представления на грани фантастики, растительный мир. Да разве все можно пересказать! Забрались мы в космический челнок «Шаттл» и посидели в кабине управления; посетили мыс Кеннеди, побережье Атлантического океана и многое другое. По сей день вспоминается 50-летие Лени... На память об этом чудесном празднике и Ленином юбилее был снят домашний фильм.

В этом же году был еще один юбилей: маме Володи Минкова исполнилось 90 (*фото 189*). Леня приготовил особое поздравление юбиляру от своей семьи – на компьютере в виде флайера с фотографиями, датированное 18 июня 2000 года. Приведу его почти полностью:

Дорогие Броня Марковна и Володя!

От всей души поздравляем вас с прекрасными датами в этом замечательном году. Вы – замечательный пример жизнерадостности и оптимизма для всех нас. Пусть вас всегда окружают улыбки и цветы.

Искренне Ваши Цилия, Марк, Сима, Инесса, Дима, Леня

В этом году нашей Анечке исполнилось 15 лет, Славику – 55, Миле – 70, а нашим друзьям по Ангарску Фире и Лене Гульман (*фото 190*) – по 76.

Совсем недавно мы поздравляли Исаака, брата Раечки, с 70-летием, а в июле этого года из Израиля пришла горькая весть о его кончине. Через три года после смерти старшего брата Моисея ушел из жизни и младший... Раиса потеряла всех трех братьев. Тяжело, очень тяжело. А что мы можем делать, кроме как очень сожалеть, глубоко переживать и никогда не забывать? Мар-

та, жена Исаака, вскоре прилетела к нам в Чикаго на два месяца (*фото 191*). Естественно, нам пришлось много разъезжать и бывать во многих местах. Как раз в это время я пересдавал экзамен на право вождения автомобиля.

Помимо основной работы Митя продолжал успешно заниматься шахматами, выступать в одиночных и командных соревнованиях разных уровней. Были и другие, более или менее важные события. Так, Алиса и Анечка оформили американское гражданство; по случаю 55-летия со Дня Победы мне вручили медаль; с родителями Лизы мы съездили на неделю в курортный городок соседнего штата Wisconsin; хозяйка нашей арендованной квартиры перепродала дом вместе с нами; Димка и Вика съездили в Россию; Еве Ефимовне поставили памятник; сыновья вместе с женами побывали в разных странах. К моему великому сожалению, в конце года ушла в мир иной моя московская двоюродная сестра Муся Коган. Новым американским президентом стал Джордж Буш. Так завершился последний год XX века второго тысячелетия. Ему на смену уже спешил 2001 год – первый год XXI века третьего тысячелетия.

Смена тысячелетия и века послужила причиной для некоторых абстрактных и конкретных размышлений по этому поводу. Действительно, наше поколение, как никакое другое, в уходящем столетии пережило страшные катаклизмы и хлебнуло так много горя! Вместе с тем именно ему, нашему многострадальному поколению, суждено было перешагнуть из второго тысячелетия в третье в надежде, что оно-то будет более спокойным и радостным. Но, как показали последние события, этого не случилось. Более того, как и тысячу лет назад, появились предсказатели конца света, обещающие глобальные катастрофы. Как справедливо заметил Нэвил Уильямс, ныне апокалиптические прогнозы не оказывают такого воздействия на умы людей, как в средневековой Европе, так как теперь общеизвестно, что хронология носит весьма условный характер и даже круглая дата с большим количеством нулей вряд ли имеет значение для космической механики: «Современные люди опираются на знания геологии и астрономии, которые сводят к ничтожно малой величине вероятность глобальных катастроф в необозримом будущем. И все же наступление нового тысячелетия ожидается со смешанным чувством надежд и тревог. К тому имеются достаточные основания. Люди прекрасно знают, что многие черты нового тысячелетия зависят от того наследства, которое оно приобретает от предыдущего времени, и прежде всего от двадцатого столетия. Между тем это наследие является богатым не только творениями и открытиями, но и множеством сложных нерешенных проблем»¹.

¹ Полная хронология XX века / Автор-сост. Нэвил Уильямс. М.: Вече, АСТ, 1999. С. 663.

Наступление нового века не изменило в принципе жизненный ритм и нашего большого семейства. Митя с семьей, которая к этому времени находилась в Америке уже 10 лет, продолжал колесить по ней и другим странам. Так, в течение года они побывали во Флориде, Нью-Йорке, Висконсине, Мексике и Италии. Леня посетил Москву, а вместе с Симой Сан-Франциско, Миннесоту и Висконсин, Дима с Викой ездили в Севастополь. Мы с Раей побывали в Вашингтоне (*фото 192*) и Висконсине. Самым значительным событием наступившего года нового века вся наша семья посчитала то, что Леня нашел американского двоюродного брата Раечки Сэма Клебанова, уже пожилого человека (*фото 193*). История терпеливого и методичного поиска Леней нашего близкого американского родственника Сэма – тема для особого рассказа. Здесь же ограничусь кратким освещением этого события, чему в известной мере поможет составленная нами в те годы родословная семьи Клебановых¹.

Сэм Клебанов родился в Америке, в штате Калифорния, в городе Петалюма, в 1923 году. Он – сын Давида, брата Фалы Ирмовича, отца Раечки, эмигрировавший вместе с другим своим братом Слэймой и сестрой Сарой из Борисова еще в 1911 или 1912 году. Первая встреча Сэма с Леней состоялась в Сан-Франциско 27 марта 2001 года. До этого Леня бывал в городе Петалюма несколько раз, просмотрел в местной библиотеке архивные материалы, включая все городские телефонные справочники, в поисках фамилии «Клебанов». Кто мог подумать, что когда-нибудь в далекой Америке судьба сведет нас с еще одним близким родственником? Тем не менее это случилось. Второй раз Леня встретился с Сэмом в Вашингтоне (нам это сделать не удалось) и до сих пор перезванивается с ним, и мы изредка – в силу ряда причин, прежде всего языкового барьера. Сэм передал Лене очень ценную фотографию, присланную из Борисова в довоенные сороковые годы. Эту фотографию 1926 года мы с волнением увидели впервые – на ней запечатлена вся семья Клебановых, в том числе Ева Ефимовна (да будет благословенна ее память), за год до рождения Раечки (*фото 194*).

В нашем доме почти все время были гости. В апреле из Бостона прилетели Миша и Клава Райгородские, наши старые добрые знакомые еще по Ладисполю, они пробыли у нас более недели, досконально и с большим интересом ознакомились с нашим городом и его пригородами. Несмотря на свой немолодой возраст (Мише едва исполнилось 90, а Клаве – 82), они активно разъезжали, многое увидели и, духовно обогащенные, вернулись домой в Бостон. В память об этом интересном путешествии Миша написал и прислал нам подробные 14-страничные путевые заметки.

¹ См. Приложение 30.

Первый год третьего тысячелетия оставил неизгладимо тяжкий след в человеческой памяти. Это серия терактов 11 сентября 2001 года, сопровождавшаяся огромными человеческими жертвами. Не менее варварским явился взрыв дискотеки «Дельфинарий» в Тель-Авиве, унесший жизни совсем молодых людей, и трагедия, когда был сбит российский самолет с израильскими гражданами на борту над Черным морем, и многое другое. С горечью мы узнали о безвременной кончине 26 октября в Израиле после тяжелой болезни израильского экскурсовода Марины Фельдман. Самые хорошие воспоминания о ней всегда будут с нами, как и впечатления от увиденного на благословенной земле Израиля. Из-за террористической атаки 11 сентября мы с Раечкой, а также Симины родители не смогли полететь в Европу по турпутевкам, а Митя с Лизой в Санкт-Петербург. Ко мне уходящий год был милостив, я даже получил очередную правительственную награду России – почетный воинский знак «Фронтовик 1941–1945 гг.».

2002-й год мы начали необычно – с круиза по Карибскому морю. Хотя число «13» многие считают несчастливым, дата 13 января для нас оказалась удачной – в этот день началось наше незабываемое морское путешествие на комфортабельном океанском лайнере Paradise. В течение недели мы с Марком и Цилей Шур (*фото 195*), а также с еще двумя тысячами подобных нам любителям путешествий словно побывали в настоящем раю. К тому же погода, как по заказу, все время благоприятствовала нашему морскому путешествию. Покинув поздним вечером во Флориде порт Майами, мы наутро сделали первую остановку на острове Козумель, его коралловый риф занимает второе место в мире по величине. Мы побродили по острову, полюбовались его белоснежными песчаными пляжами и другими красотами и продолжили путь, посетив экзотические Каймановы острова, богатую традициями Ямайку и многие другие интересные места. Об этом необыкновенном круизе Марк Моисеевич снял подробный двухчасовой видеофильм. По окончании круиза мы сделали остановку в Майами на неделю и ознакомились с этим отличным курортным местом. Незгладимое впечатление произвел на нас мемориал Холокоста (*фото 196*).

Не прошло и месяца, как мы по приглашению Лени и Симы снова оказались в Вашингтоне и на довольно длительное время – около 10 дней. Нас ждал приятный сюрприз. На 75-летию Раечки, которое мы в этот раз отмечали у Лени, открылась дверь и в дом вошла... Ира Клебанова, дочь Исаака, более 10 лет проживающая с семьей в Израиле (*фото 197*). Как потом выяснилось, это была заблаговременно и хорошо спланированная акция Лени – необычный сюрприз маме в день ее рождения. Вообще, время в Вашингтоне мы провели исключительно содержательно: побывали во многих музеях, включая грандиозный музей Холокоста, познакомились со многими достопримечательностями

американской столицы. Инесса поводила нас по Georgetown University, в котором она училась. Встречались с нашими родными и добрыми знакомыми.

Не успели отпраздновать юбилей Раисы, как подоспело время отметить батмицву нашей внучки Анечки (*фото 198*), а вскоре 45-летие ее мамы – Лизы. Митя пошел учиться на курсы программистов, это не помешало ему продолжать играть в шахматы (*фото 199*), вместе с Лизой совершить интересную поездку в Ленинград (Санкт-Петербург) и побывать в других интересных местах. Леня с Симой, продолжали путешествовать по Америке и за ее пределами. А мы? Тоже не сидели на одном месте. Летом, в составе экскурсионной группы, вместе с нашими вашингтонскими родственниками и их друзьями неделю провели на мысе Cape Cod, на восточном побережье Атлантического океана, налюбовались его окрестностями и посетили интереснейшие места, связанные с историей Америки. Естественно, проехать мимо Вашингтона во время поездки на Cape Cod и возвращения обратно было просто невозможно, и мы этим с удовольствием воспользовались и снова повидались с Леней и его семьей.

В конце года нас ожидало 50-летие Симы, для его празднования выбрали штат Миссури, город Брансон, расположенный по соседству с нашим штатом Иллинойс. Брансон – самый театральный город мира, 40 театров на 10 тысяч населения. 25 октября сюда из Вашингтона приехали Леня, Инесска и Сима с родителями, а из Чикаго таким же образом Митя, Лиза и мы. Место просто сказочное, находится на реке Миссури, правом притоке знаменитой Миссисипи. Погода прекрасная, особенно в эти осенние октябрьские дни. Юбилейный день рождения Симы назавтра отметили отменно (*фото 200*), а в следующие пять дней совершили ряд интереснейших поездок, в том числе и в штат Арканзас.

В уходящем году мы не могли не порадоваться за Димку, который первым из наших внуков приобрел квартиру (*фото 201*). Отметили юбилеи Марк Моисеевич и Вика Столова – им стало по 75, Симе Мессерман и Инне Минковой – по 70 лет и Мише Циркину – 50 лет.

60 лет прошло со дня зверского убийства моей семьи в Черее. Из жизни ушел Касрилик. Так закончился год.

Исключительно богатым на разного рода юбилейные даты оказался следующий, 2003 год. Мне в этом году исполнилось 80 лет – ровно две трети срока, завещанного нам всем нашими праотцами. Праздник организовали наши замечательные дети Леня и Митя (*фото 202*). Циля Абрамовна, Белла Моисеевна, Аркадий Григорьевич и Матус Столов отметили 75-летие, Володя Минков, Марта Клебанова и Зяма Циркин – 70-летие, Марина Гольдберг и Вилена Хасдан – 65-летие, Люба Фрумкин – 50-летие. Вот юбилейные даты совместной жизни: я и Раечка – 55 лет, Матус и Вика – 50 лет, Леня и Сима – 30 лет. Своеобразная дата выезда в Америку у нас с Леней – 15 лет. (Нетрудно предположить, что через пять лет будут перечислены те же юбиляры, но со сдвигом дат. А что, если дать волю фантазии и перечислять через каждые пять лет?)

Кроме юбилейных были и обычные, но весьма значимые даты и события как в наших семьях, так и у родственников. У Алисы и Анечки (*фото 203*) прошли церемонии вручения дипломов (Graduation), и вскоре Алиса стала студенткой университета штата Висконсин, Инесса уехала на учебу во Францию. Володя Минков вышел на пенсию и съездил в Израиль. Нас посетили Нина Михайловна и Марк (*фото 204*), и мы встретились у Марины Гольдберг с ее братом Шайей (*фото 205*). Необычная встреча состоялась у нас с сотрудником Белорусского энергетического института Юлием Бампи (*фото 206*).

В текущем году семья Лени побывала во Франции (*фото 207*), в Москве, в Санкт-Петербурге, в Финляндии, в Чехии и во Флориде; семья Мити – в Перу и Калифорнии. Поездка не помешала семье Мити приобрести новый дом и уже в начале следующего 2004 года переменить место жительства (*фото 208*).

Жилищный вопрос всегда является первостепенным. Первым его успешно решил Митя. В новом доме они вместе с Лизой 25 марта отметили 20-летие совместной жизни. Уже из этого дома на следующий день Митя, Анечка и мы отправились наконец на Ниагарский водопад, увидеть который мы так мечтали, еще находясь в Союзе. Не прошло и месяца, как в новый дом, который он купил еще в мае 2003 года, стал перебираться Леня с семьей. Дом расположен на возвышенности в очень красивом месте в Gaithersburg, пригороде Вашингтона (*фото 209*). В гараже этого внушительного дома вскоре разместился и новый Mercury Grand Marquis. 14 мая Леня отметил очередной день рождения, а Инесса готовилась к выпускному вечеру через неделю.

Глядя на сыновей, и мы решили сменить место жительства. Правда, и причины к тому были веские, да и восьмая программа позволяла это сделать. Главное – наша хозяйка продала этот дом другому, малосимпатичному владельцу, и, кроме того, второй этаж стал для нас высоковат. После более чем 11-летнего проживания в Скоки на Knox street мы в октябре перебрались в двухкомнатную квартиру 3-этажного дома с лифтом на Enfield Avenue, неподалеку от дома Мити. Так мы все в течение года наилучшим образом решили жилищную проблему. Одновременно с переездом в новую квартиру мы получили и новые американские паспорта на десятилетний срок.

В знак благодарности – немножко Америке и немножко Судьбе за успешное решение жилищной проблемы – Леня предложил трем семьям: нам, Минковым и Столовым совместно отдохнуть в одном из недалеких пансионатов, быстро отыскав подходящее место и выбрав подходящее время – пансионат Fox Hills в штате Висконсин на вторую половину мая. Через несколько дней мы уже оказались там в самых комфортных условиях (*фото 210*). Нет надобности рассказывать, что эту майскую неделю мы провели отлично. Леня не только организовал прекрасную поездку нам, но и сам в течение года побывал в Москве, Ташкенте, Алма-Ате и Тбилиси, правда по работе. Митя с Лизой продолжили знакомство с Флоридой и Испанией.

В этом году главный юбилей был у Мити, ему исполнилось 50 лет, как и его другу по Ангарску Яше Касавину. Нашему Димке отметили 30-летие, Алику Мессерману и Лене Гульману стало по 80, Анечка преодолела 15-летний барьер.

Скорбной была десятилетняя годовщина самой близкой подруги Раечки – Маши Касавиной, не стало Сони Циркиной (жены Арона), Давида Хасдана, Гени Кроль и некоторых других.

Благодаря современным достижениям в области информатики Лене удалось узнать номер телефона Ивана Тихоновича Сычева – нашего старого доброго друга по Ангарску и Конаково. И вот через 20 лет, 24 ноября, раздался наш первый телефонный звонок в его хорошо знакомую мне конаковскую квартиру. От такого неожиданного звонка, как вспоминает Иван Тихонович, у него даже дух захватило. После некоторой заминки побеседовали довольно обстоятельно. С тех пор наша телефонная, почтовая и компьютерная связь стала регулярной. Это событие – возобновление связи со старым добрым другом с его замечательной семьей – мы посчитали одним из наиболее важных в уходящем году.

Нельзя не вспомнить еще одно важное событие года, связанное с моей профессиональной деятельностью, – приглашение в Минск на празднование 40-летия БелЭНИНа, в котором я проработал чуть ли не со дня основания почти четверть века. Мне, Володе Минкову и еще двум работникам института, проживающим в Чикаго, были присланы персональные приглашения для участия в юбилейных торжествах. Помимо прочего, в приглашении содержалась весьма лестная оценка нашего труда: «Мы помним и ценим ваш весомый вклад в создание нашего института». Приятно... Действительно, и мы не забыли, что большая часть нашей творческой жизни была связана с БелЭНИНом. Каждый из нас четверых в меру своих сил и возможностей участвовал в определении основных направлений научных исследований в области энергетики и претворял их в своей практической деятельности. Опыт работы в БелЭНИНе, действительно, помог каждому из нас в новой жизни в Америке, и мы вспоминаем институт с благодарностью. К сожалению, по разным причинам ни один из нас не смог воспользоваться этим приглашением, о чем мы все искренне сожалели. А ведь праздник, как нам впоследствии сообщили, был грандиозный, нас ожидали и на встречу с нами очень надеялись. Не получилось.

В этом году Белоруссия с большим размахом отмечала 60-летнюю годовщину освобождения ее столицы от немецко-фашистских оккупантов, а у нас, в Америке, переизбрали Джорджа Буша на второй президентский срок.

Не успели мы проводить уходящий год, как уже постучал в нашу дверь новый 2005-й год, богатый юбилеями. Расскажу о них в хронологическом порядке.

3 января отметил свое 75-летие наш старый друг Иван Тихонович Сычев, тот самый, с которым совсем недавно удалось восстановить прерванную связь. И нам представилась счастливая возможность из далекого Чикаго поздравить

конаковского юбиляра со знаменательной юбилейной датой, проиллюстрировав поздравление фотографиями. Вот текст нашего поздравления:

Дорогой Иван Тихонович!

У тебя сегодня особый и счастливый день: ты отмечаешь свое славное 75-летие в кругу своих родных, родственников и самых близких друзей.

Вроде бы по нынешним меркам и срок-то небольшой, но вместил он в себя очень многое. От рядового инженера на Иркутской ТЭЦ-1 – одной из первых тепловых электростанций Восточной Сибири, где в 50–60-х мы на протяжении десяти лет трудились в условиях первопроходцев, до заслуженного и авторитетного руководителя Конаковской ГРЭС – одной из крупнейших электростанций Центральной России, где в 70–80-х годах мы успешно продолжали сотрудничать в области создания и внедрения на электростанции одной из первых в то время автоматизированных систем управления технологическими процессами. Таковы самые главные знаковые метки на твоем нелегком, но благородном и прекрасном жизненном пути. Всего этого, как и многого другого, ты достиг благодаря своим всесторонним талантам, трудолюбию и организаторским способностям.

Все мы – Рая, я и наши дети – высоко ценим твою добропорядочность, доброжелательность, человеческую доброту и нашу искреннюю, более чем полувековую дружбу.

Желаем тебе, глубокоуважаемый Иван Тихонович, крепкого здоровья и долгих лет счастливой жизни вместе с горячо нами любимой и уважаемой Ириночкой и всем твоим замечательным семейством.

Мы тебя любим, крепко обнимаем и целуем.

Миша и Рая Миркины (Чикаго, США), 1 января 2005 года

25 марта отметил свое 60-летие наш ближайший и уважаемый родственник уроженец Борисова Славик Фрумкин (*фото 211*). Славик встречал нас 16 лет назад в аэропорту Чикаго, это он со своей прекрасной половиной Любой приютили на первых порах все семейство Лени. Славик – с детства одаренный самодельный поэт, чьи стихи могли бы конкурировать со стихами некоторых известных поэтов. Вот один из многих образцов его творчества, настоящая жемчужина – стихотворение «Кража», написанное им накануне своего юбилея:

Меня обворовали в годы детства,
Я даже и не знал – и был смешон.
И лишь теперь я понял, наконец-то,
Чего когда-то в детстве был лишен.

Я был лишен незримой вечной связи,
Ушедших поколений праотцов!
Я не постиг тончайшей мысли – вязи,
Пришедшей от еврейских мудрецов.

Я с «алеф», «бет» и «гимел» мед не кушал¹,
С отцом за руку в хедер не шагал,
Раввина в детстве никогда не слушал
И талеса с ермолкой не видал.

Я никогда не видел свитков Торы
И никогда без гласных не читал.
Зато я помню пионеров сборы
И горна призывающий металл.

Не знал я про «красавицу Субботу»,
Не зажигали в пятницу свечей,
И я шагал в субботу на работу,
И добавлял сметану в миску шей.

Я не вырослел над книгами Талмуда...
И я не знаю как – но видит Б-г,
Ума хватило выехать оттуда –
Я больше оставаться там не мог!

...На семинаре вдруг у Сент-Луиса
Я, наконец, вкусил «запретный плод»...
Понятно стало – иудей без «бриза» –
Был мамин первый нехороший ход!

Я понял вдруг, что жизнь необратима –
Авраама «бриз» в 60 мне не свершить.
Так и живу с Всевышним без интима...
Ошибку мамы мне не искупить?

Да, жизнь полна плохих ходов обильем,
А годы все мелькают лишь быстрее –
Вот и сижу, раздавленный бессильем,
«Мелухой»² обворованный еврей...

¹ По древней традиции печенье в форме букв еврейского алфавита отец окунал в мед и давал детям, чтобы обучение еврейской грамоте ассоциировалось со сладостью.

² *Мелуха* – власть, от ивритского слова *мелех*, означающего «царь» (*идиши*).

Славик – один из организаторов и руководителей самодеятельной театральной группы «Чикагские мишугоим»¹, с большим успехом выступавшей на юбилейных торжествах, главным образом родственников и близких друзей. В состав труппы, кроме Славика и Любы, входят еще девять человек: его талантливая сестра Ася с мужем Мишей, его брат Боря, Лёня, Митя с Лизой, Миша Циркин с Соней и Галя Мессерман.

С большим успехом этот самодеятельный коллектив выступал на торжественном вечере у следующего юбиляра – Лени, который свое 55-летие отмечал 14 мая в Вашингтоне (*фото 212–217*). Реквизит для представления привезли на машинах. К этому юбилею Славик сочинил стихотворение, которое так и называется «К Лениным 55...»:

С тобой мы, Лёня, не родня,
Но мы с тобой близки по духу,
И если мы обидим муху,
Нам не прожить с тобой и дня.

Родились в разных городах,
Но мы о том же тосковали.
В Ангарске, Минске ль, на Ямале
Борисов в наших был мечтах!

Все пуще манит дух дорог,
И тем приятнее вернуться,
В Берёзу-речку окунуться,
Где детства нашего порог.

Где пахнет молоком парным,
Навозом и душистым хлебом,
И чувствуешь себя хмельным
Под голубым бездонным небом.

Понятно, даже в тех мечтах
Оно звучит провинциально.
Но разве так принципиально
Жить лишь в столичных городах?

¹ *Мишугоим* – сумасшедшие (*идиш*).

Нам ближе шорохи листвы,
Чем лязги гусеничных траков.
И лучше бы ловили раков,
Чем проектировать мосты.

И этим мы с тобой близки –
Должны ходить мы на работу,
И с нетерпением ждать субботу,
Увидеть осени мазки!

Потехи пролетает час,
И снова мрачный понедельник,
Нам грезится мохнатый ельник...
А там соседа тошный глас.

Мы не в обиде на отцов –
За них мы благодарны, Б-же!
И что отцами стали тоже –
В цепочках этих нет концов!

Тебе как будто пятью пять,
И я, взбодренный юбилеем,
Не поливая все елеем,
Скажу лишь, Леня: «Так держать!»

В этот юбилейный день нельзя было не вспомнить о тех переживаниях и мытарствах, которые испытали эмигранты, включая все наши и Лениного семейства, при получении в ОВИРе виз на выезд из Союза. Этим событиям посвятил Славик свое стихотворение «Четвертые сутки», приурочив его к дню рождения Лени (на мелодию городского романа «Поручик Голицын»):

Четвертые сутки толпимся в ОВИРе –
Домой не пускает родная земля,
Не падайте духом, дантист Оронович,
Вы, Рая, скорее налейте вина.

Опять перекличка, постройте шеренги!
Ответьте с достоинством краткое «Я»!
Не надо картавить, маэстро Альтшулер,
На вас смотрит с гордостью ваша семья.

Как струны на скрипке, натянуты нервы,
В приемной накурено – трудно дышать!
Ну, двигайтесь, Миркин, вы будете первым –
У Вас, без сомненья, еврейская мать!

Мелькают страницы разбухшего дела –
Все нужные подписи здесь собраны!
Не падайте духом, Дмитрий и Лиза!
Лишили их гражданства этой страны!

Отцовскую мудрость вовек не забудем –
Желаю вам, детки, добра, а не зла!
Пусть добрые весточки лучше «оттуда»,
Чем вести недобрые из-за угла!

Кучкуются семьи на тесном перроне,
Нам нету к ним больше обратно пути.
Вот Леня повис из окошка вагона –
В прощальном рывке просит Митю: «Прости!»

И здесь, на таможне, последнем заслоне,
Покажем Отчизне – нет тайного дна.
Пожалуйста, Миша, наденьте медали!
Пасхального, Рая, налейте вина!

Мы пьем за исход и за избранность нашу!
За данную Б-гом родную землю!
Не падайте духом вы, Сима и Леня –
Я вас и Израиль всем сердцем люблю!

Прносятся годы, а мы все в Чикаго,
И я вам желаю, с еврейством в ладу!
Пусть в этом году вы пока в Вашингтоне –
Но в Иерусалиме в грядущем году!

К особым юбилейным датам следует, без сомнения, отнести 60-летие Победы. По этому случаю президент России В. Путин обратился к проживающим за рубежом участникам войны со следующим посланием:

Дорогие ветераны!

Примите мои сердечные поздравления с 60-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Знаю, где бы вы ни

находились сегодня, в каком бы уголке нашей планеты не встречали этот праздник, он останется для вас священным. И вы будете всегда помнить события тех лет, своих боевых товарищей и, конечно, победный май 45-го. С глубокой благодарностью говорим мы о мужестве, стойкости и самоотверженности, о ратных и трудовых свершениях вашего поколения. Вы прошли сквозь тяжелейшие испытания, отстаивали право людей на свободу, спасли нашу страну и мир от нацизма. И мы отдаем дань уважения всем, кто подарил будущее нам и нашим потомкам.

Уроки Великой Отечественной войны учат нас сплоченности и единению в борьбе с современными вызовами и угрозами. Только вместе, объединив усилия всего международного сообщества, мы сможем эффективно противостоять терроризму, национальной и религиозной нетерпимости, любым попыткам реабилитации чужденнических идей. Это наш долг перед вами – героями-победителями.

С праздником вас, дорогие ветераны. Мира вам, здоровья и долголетия.

Посол Российской Федерации в США Ю. Ушаков обратился к участникам войны, живущим в Америке, с аналогичным посланием:

Ветеранам Великой Отечественной войны, проживающим в США

Дорогие ветераны,

Примите сердечные поздравления со священным для всех нас праздником Великой Победы, которой исполняется 60 лет.

Вам пришлось на собственных плечах вынести тяжесть самой страшной войны в истории, испытать горечь невозможных утрат, пройти сквозь огонь и лишения, преодолеть боль и усталость, чтобы победить в борьбе с сильным и жестоким врагом. На фронте или в партизанском отряде, у заводского станка или в колхозном поле, преодолевая блокадный голод и не сгибаясь в фашистской неволе, вы кровью и потом ковали общую Победу – одну на всех. О ваше мужество и стойкость разбиты гитлеровские замыслы порабощения мира. Вы отстаивали Отчизну и спасли все человечество от коричневой чумы.

Мы гордимся вами, выстоявшими и победившими в суровые годы Великой Отечественной войны, и благодарны за ваш ратный и трудовой подвиг.

Счастья вам, здоровья, благополучия и успехов.

Поздравления прислали многие родственники и друзья. Особенно теплое и душевное прислала наша добрая знакомая Вилена, ее дети и внуки:

Дорогой наш фронтовик, Михаил Лазаревич!

Сердечно поздравляем со славным 60-летним юбилеем Дня Победы!

«Старик» – так в шутку вы друг друга называли,
А ведь тогда, на фронте было вам по 18 лет.
Теперь, когда вы действительно стариками стали,
для вас привычней слово «дед».

Вы, к сожалению, не властны над годами,
Не властны вы и над своей судьбой,
И стали вы, солдаты, действительно дедами.
На фронте о Победе каждый день мечтали,

С боями пол-Европы шли за ней.
Есть боевые ордена и есть медали.
Но если б вам когда-нибудь сказали,
Что вам в Америке придется жить,

Решили бы, что вас оклеветали,
Такого в мыслях не могли бы допустить.
Однако жизнь сложнее оказалась
Для вас, для ваших внуков и детей.

И вы за океан с семьей перебрались
Из победившей Родины своей.
Но День Победы – праздник незабвенный.

И где б ни находились Вы,
Какие б в мире ни происходили перемены,
Для всех людей
Победы день – святой!

Мы с праздником
Победы поздравляем!
И встретить еще много Дней Побед
От всей души мы вам желаем!

*С огромной благодарностью за Победу и с глубоким уважением к Вам,
дети и внуки Хасданы и я, Вилена. Чикаго, май 2005*

Огромное спасибо, уважаемая Виленочка, и вашим детям, и вашим внукам за такие трогательные слова.

По случаю праздника Указом президента Российской Федерации от 28 февраля 2004 года я был награжден юбилейной медалью. Медаль вручал посол Российской Федерации в США Юрий Ушаков. Официальное поздравление прислала Чикагская ассоциация ветеранов Второй мировой войны. В печатном органе этой организации «Голос ветерана» №11(145) от 24–30 ноября 2004 года был опубликован мой рассказ «Первая атака», включенный впоследствии в третий том изданной в 2007 году книги «Война и судьбы»¹, а в № 11(216) от 3–9 ноября 2011 года продолжение рассказа – «После первой атаки»².

Нас продолжало радовать постепенное вживание в американский образ жизни наших детей и внуков. Они по-прежнему часто выезжали в разные штаты Америки и в другие страны, больше и глубже знакомились с жизнью там. Так, Леня и Сима съездили в Техас и Калифорнию, в Аргентину, Бразилию и Чили, а Митя с Лизой – в Лас-Вегас и Израиль. Внуки Дима и Анечка в разное время и в разном составе выезжали и основательно познакомились с Израилем. Дима и Вика побывали в Испании и во Франции.

Не обошлось и без ощутимых болезненных потерь: скончалась Дина Клебанова, жена старшего брата Раечки Моисея; Марк, муж Ани Шагаловой; Эмма Ефимовна, дальняя родственница, и некоторые другие. В этом году ушел в мир иной папа римский Иоанн Павел II.

В 2006 году ярких событий было меньше. Однако среди них, прежде всего, то, что Леня обнаружил у живущего в Москве моего земляка Максима довоенные фотографии миниатюрного размера, но единственные сохранившиеся. Одна из них, совершенно бесценная для меня находка, позволила восстановить в памяти забытый образ моей погибшей в Холокосте сестрички Аси. В изданной в Москве Книге памяти помещена ее фотография. Там же опубликована краткая биографическая справка о Миме, погибшем брате Раечки: пусть хотя бы таким образом будет увековечена память о нем.

История о том, как Леня нашел Максима, чрезвычайно интересна. Он задумал сделать мне подарок ко дню рождения в виде обзора истории Черей. Копаясь в интернете, Леня нашел материалы Роальда Романова «На родине Оскара Милоша», опубликованные в журнале «Мишпоха» № 14 за 2004 год³. Статья просто потрясла его и не только замечательно написанной историей

¹ См. *Миркин М.* Первая атака // Война и судьбы: Сб. Чикагской ассоциации ветеранов Второй мировой войны. Т. 3. Чикаго: Изд-во Printime Inc., 2007. С. 22–26.

² См. Приложение 25.

³ См.: <http://mishpoha.org/nomer14/a14.php>

Черей, но событиями 1942 года и упоминанием имени Миркиных. Главный редактор журнала Аркадий Шульман, с которым Леня связался по горячим следам, любезно сообщил московский номер телефона Роальда Романова, который, в свою очередь, поделился информацией о Максиме Маевском, тоже проживающем в Москве. Можно только представить, какой волнующий телефонный разговор был между Леной и Максимом, особенно когда Максим с дрожью в голосе сказал, что у него есть две маленькие фотографии, моя (*фото 218*) и сестры Аси. Антон, сын Лениного московского друга Валеры Мильмана, расторопно встретился с Максимом, и вскоре электронная почта доставила Лене две бесценные фотографии¹.

В печальный день годовщины начала Великой Отечественной войны 22 июня в нашем Скоки, пригороде Чикаго, была проведена официальная торжественная закладка музея Холокоста – первого и единственного в своем роде мемориала в штате Иллинойс. Значение этого неординарного события трудно переоценить, но одновременно горестно, что происходит это именно здесь, в далекой Америке, а не в Белоруссии...

Возвращаясь к повседневности, скажу, что в этом году нам пришлось сменить лечащего врача: наш доктор Гуревич закрыл свой медицинский офис, находившийся недалеко от нас, и это доставило нам некоторое неудобство.

В конце сентября нас посетили хартфордские друзья Нина Михайловна и Марк, к которым присоединились также Минковы (*фото 219*). Месяцем позже мы с Раисой в составе организованной группы экскурсовода Якова Альперовича совершили поездку во Флориду на Чудо-озеро, образованное горячими минеральными источниками. Концентрация растворенных в воде минеральных солей здесь гораздо выше, чем в любом другом природном источнике в США и благотворно влияет на здоровье тех, кто в нем купается. Площадь озера составляет 1,4 акра, диаметр от 125 до 175 метров и глубина до 80 метров. Температура воды постоянная круглый год – 30 градусов по Цельсию. В таком уникальном месте мы пробыли около двух недель, оздоровились и обогатились незабываемыми впечатлениями.

В связи с 60-летием Муси Минковой к нам на несколько дней приезжали Леня и Сима (*фото 220*), и мы сделали традиционное семейное фото с детьми (*фото 221*). Помимо нас они в течение года вместе и поодиночке побывали в Израиле, в Колорадо, Сент-Луисе, Лас-Вегасе и других местах. Путешествовали и Митя с Лизой и Анечкой по Доминиканской Республике, Нью-Йорку, Калифорнии и Аризоне. А мы с Шурами, помимо Чудо-озера, побывали в сказочном Лас-Вегасе.

¹ Подробнее об этом см. Приложение 29.

На литературном фронте некоторое затишье нарушила статья «Местечко для души», опубликованная в журнале «Мишпоха» № 17 еще в начале года¹.

Вечная память ушедшим в течение года в мир иной Володе Фишбейну (*фото 222*), Мише Райгородскому и Роме Лорману.

Из уже прожитых к этому времени в Америке 18 лет самым событийным для нас оказался 2007-й. Он отличался двумя главными незаурядными событиями: пышными торжествами в честь 80-летия Раечки и необычной двенадцатидневной семейной поездкой в Белоруссию по местам нашей молодости и юности. О них расскажу более подробно.

К 80-летию юбилею Раечки вся наша семья готовилась задолго, и эти усилия не пропали даром, а надежды с лихвой оправдались: юбиляра мы достойно отметили, а сами, наши родные и друзья получили удовольствие от проведенного торжественного праздника в честь Раечки (*фото 223–225*.) Как проходило это торжество, как оно запечатлелось в памяти, какой след оно оставило, я попытался описать сразу после нашей поездки в Белоруссию и Россию. Вот какими были и остались по сей день эти ощущения.

Апогеем праздника явился роскошный банкет в честь знаменательного юбилея нашей дорогой и всеми уважаемой именинницы. Он проходил в субботу 24 февраля 2007 года с 7 вечера в банкетном зале «Нормандия», который был празднично украшен. Несмотря на пургу, прибыли все 72 приглашенных, в том числе и наши самые близкие и дорогие родственники из Вашингтона и Нью-Йорка. Присутствовали и активнейшим образом участвовали в торжестве представители всех трех поколений: от бабушек и дедушек до внуков. Младшие – великолепная десятка – сидели отдельно за одним из семи круглых столов. Весь вечер играл джаз-банд в составе трех отличных еврейских музыкантов и исполнителей, два оператора вели видеосъемку. Праздник продолжался до 4 утра.

Ведущие Митя и Леня построили разнообразную, необычную по форме, но захватывающую по содержанию программу. Вот примерная последовательность основных этапов вечера:

- традиционные многочисленные (на протяжении вечера) теплые и искренние поздравления юбиляра;
- демонстрация специально подготовленного Леней и Симой (с участием самого юбиляра) получасового фильма, посвященного маме и ее поколению, просмотренного всеми с большим интересом и вниманием (ведь он был мастерски сделан);
- необычное костюмированное шоу – представление самодетельной

¹ См.: <http://www.mishpoha.org/n17/17a18.php>

театральной группы «Чикагские мишугоим» (худруки – Славик и Ася, основные исполнители – Славик, Ася, Митя, Леня, Лиза, Боря, Люба, Миша и Соня Циркины);

– записанные на мобильном телефоне на видео и показанные на экране ролики с коллективными поздравлениями с юбилеем из Израиля (Моня) и Минска (Клара Федоровна);

– показ артистами театральной группы «Чикагские мишугоим» оживленных костюмированных классических картин известных художников «Три богатыря», «Охотники на привале», «Бурлаки на Волге»;

– танцы, песни, поздравления, фотографии на протяжении всего вечера;

– различные дружеские встречи и беседы.

Были подготовлены два объемных тематических альбома с соответствующими фотографиями и поздравительными открытками, а к юбилейному дню в местной газете «Реклама» было помещено наше сердечное поздравление имениннице.

На протяжении долгого времени после торжества раздавались телефонные звонки от приглашенных со словами благодарности за прекрасно проведенное на юбилейном вечере время, другие звонки с поздравлениями. Во второй половине года оператор Оля, милейшей души человек, вручила нам профессионально и с душой сделанный, со вкусом оформленный фильм в двух частях о торжестве, который мы до сих пор продолжаем показывать участникам вечера и всем интересующимся этим событием. Да и сами мы частенько просматриваем этот фильм, каждый раз находя в нем нечто новое, на что ранее не обращали внимания.

Проиллюстрирую эти тезисные воспоминания, например, обращением к публике на банкете со стихотворениями к юбилею, отрывками из сценария для представления самодеятельной театральной группы «Чикагские мишугоим», подготовленному Славой Фрумкиным, и фотографиями.

Итак, обращение к родным, родственникам, друзьям, приятелям на банкете 24 февраля 2007 года по случаю 80-летнего юбилея Раечки:

Дорогие наши родные и родственники!

Дорогие наши друзья и приятели!

Уважаемые дамы и господа!

Прежде всего мы – Раечка и я – весьма вам благодарны за то, что, несмотря на свои повседневные заботы и всю свою занятость, вы исполнили свое желание и нашли время и возможность уделить в этот вечер должное внимание нашему уважаемому юбиляру.

Мы с нашими дорогими сыновьями Леней и Митей – и не менее дорогими невестками Симой и Лизой – посчитали своим долгом торжественно отметить юбилей этой небольшой по своему росту, но очень емкой по своему содержанию женичины – Раисы Фаиловны, прошедшей совсем не легкий и далеко не простой жизненный путь, усеянный не только махровыми розами, но и зачастую колючими шипами.

Разные люди в разное время и по разному поводу спрашивают меня, откуда у этой маленькой женичины берутся силы, энергия, воля, желание и терпение так настойчиво решать возникающие большие и малые далеко не простые житейские проблемы?

Однозначного сколько-нибудь вразумительного ответа на этот непростой вопрос у меня до сих пор нет, хотя прожили мы вместе без малого 60 лет.

Очевидно, надо быть очень волевым, сильным духом, доброжелательным и добропорядочным человеком, обладать житейской мудростью, стойкостью, настойчивостью в достижении цели, целеустремленностью и еще Б-г знает чем. Одним словом, надо быть Человеком с большой буквы. Думается, этими качествами юбиляр не обделен.

Нам особенно приятно, что сегодня пришли тебя поздравить с этой замечательной датой наши дорогие родные и друзья трех поколений: младшего поколения – внуков и их ровесников, которые сидят здесь за столом № 7, среднего поколения – сыновей и дочерей и их сверстников, которые сидят за столами № 2, 5 и 6, и нашего более зрелого поколения, которые сидит за остальными столами.

Наше искреннее пожелание, чтобы в этот вечер вы отвлеклись хотя бы на время от своих повседневных забот, хорошо повеселились, пообщались с родными, близкими и получили заряд бодрости на последующие дни.

А теперь обращение к тебе, Раечка. Ты прошла две трети непростого жизненного пути, завещанного нашими великими предками – мудрецами, и половину его вместе со мной, с достоинством и чувством выполненного родительского и материнского долга.

Мазлтов, и до 120! Лехаим!

**Стихотворения, посвященные дню рождения Рансы Фаиловны
Миркиной (24 февраля 2007)**

Пусть бегут мимо дома,
И чужой, и знакомый.
Ну а мы собирались сюда.

Мы пришли не напрасно,
Это каждому ясно,
И уселись за этим столом.

Раечку поздравляем
И ей все мы желаем
О годах не тужить никогда.

Крокодил с Чебурашкой,
Не дружите с рюмашкой,
Ну а мы опрокинем ее.

Пусть в труде и заботе
Шли года на работе,
Но ведь Миша был
рядом всегда!

И за Миркиных счастье,
За любовь и участие,
За семейный уют и тепло.

Чтобы в доме водилось,
Чтобы в рюмке светилось.

Мы тебя все поздравим
И на память оставим
Эту песню, что сейчас
пропоем.

Чтобы Митя и Леня,
Чтоб их жены и дети
Как на праздник
спешили сюда.

**Песня на мотив «Песни про бременских
музыкантов»
(поют все)**

Ничего на свете лучше нету,
Тетю поздравлять идти по свету.
Для нее не жалко бить нам ноги.
Нам любые хороши дороги,
Нам любые хороши дороги!
Ла-ла-ла-ла-ла-ла,
Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, ей-ей-ей-ей-ей!
Наша тетя вовсе без изъяну,
Утверждаем это мы не спьяну.
Ей желаем – небо голубое
И счастливо жить со всей семьей,
И счастливо жить со всей семьей!

Ла-ла-ла-ла-ла-ла,
Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла, ей-ей-ей-ей-ей!
Мы ее призвание не забудем
Приносить свет знания добрым людям,
Пожеланья потому так ярки.
И везем с собой баржу подарков,
И везем с собой баржу подарков!
Ла-ла-ла-ла-ла-ла, Ла-ла-ла-ла-ла! (3 раза)

80-летие Раисы Миркиной

(отрывки из сценария)

Ария Михаила-царевича

Я по свету немало хаживал,
 Был в окопах, на фронте,
 в лесу,
 Хотя пока ничего не нажил я,
 Но увидел я Раи косу.

И Раисой привык я гордиться
И везде повторял я слова:
Дорогая моя Раиса,
Золотая моя краса!

Я люблю под Борисовом рощи
И мосты, что над Березиной,
Этот домик, что
на Комсомольской,
Там, где Рая мне стала женой.

В Ленинграде, в Ангарске
и в Минске
О Раисе я пел без конца,
Дорогая моя Раиса,
Мне твоего не забыть лица!

Помню первую зиму
в Ангарске,
Вижу с Леной тебя на руках,
Ты приехала, словно из сказки,
Осчастливив меня в тех краях.

Следом Митенька
тоже родился,
И склонилась моя голова,
Золотая моя Раиса,
Дорогая моя жена!

Поздравляя жену с юбилеем,
Я хочу пожелать, чтоб всегда
Беспощадно летящее время
Пошдило б ее на года.

Будь то в Минске, в Ангарске
или Скоки,
Повторяю с любовью слова:
Золотая моя Раиса,
Дорогая моя жена!

Ария бабушки Ран

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход далеко шла.
Вечерело, я стояла у ворот,
А по улице все конница идет.

Вдруг подъехал ко мне парень молодой,
Попросил он напоить его водой.
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал.

Это был мой нежный рыцарь Михаил,
Полюбила я его что было сил,
Он увез меня за тридевять земель,
Там, где кедры, пихты, сосны, там, где ель.

Я ему тогда два сына родила,
Не имели ни двора мы ни кола,
Но была у Михаила голова,
Согревали душу мне его слова.

А потом, когда уж дети подросли,
Мы в Америку их с Минска увезли,
Снова ехали за тридевять земель,
Только здесь была у нас иная цель.

По программе получили мы жилье,
Как-никак оно как будто бы свое,
На фудстэмпы наш насущный хлеб жуем,
Дифирамбы мы Америке поем.

А что годы все мелькают – не беда,
«Медикер» нам на долгие года,
В дни рожденья «Happy birthday» мы поем,
А присутствующим всем мы шлем «шалом»!

(исполнители: Ася, Славик, Митя, Лиза, Лёня, Миша, Боря)

Пришли друзья, здесь вся семья,
 кружится пышный бал.
Мы поднимаем вместе все за Раечку бокал,
Пусть внуки, следуя отцам,
 выходят на простор!
– Не может быть!
– Представь себе!
– Выходят на простор!

Пусть сказка, ставши наяву, вам с мужем
даст покой,
Пусть станет каждый новый день
свершившейся мечтой.
Друг другу представляете вы
надежнейший кортеж,
Пусть вам сто двадцать будет лишь
очередной рубеж.

– Не может быть!
– Представь себе!
– Очередной рубеж!

(на мотив известной песни из кинофильма
«Небесный тихоход»)
(исполнители: Миша, Славик, Митя)

298

Чтоб Раису с юбилеем,
Чтоб Раису с юбилеем,
Нам поздравить от души.

Припев:

Хмуриться не надо, Рая,
Хмуриться не надо, Рая,
Будет нам ваш смех награда, Рая!

Вам желаем стать прабабушкой,
Испечете им оладушки,
Правнукам споете ладушки, Рая!

Вам столетья не преграда,
Вам столетья не преграда,
И хотим мы пожелать,
Чтобы вместе вам сто двадцать,
Чтобы вместе вам сто двадцать,
В добром здравии отмечать!

Припев:

Что ж с того, что вы прабабушка?
Правнукам споете ладушки,
Испечете им оладушки, Рая!

Много теплых и искренних поздравлений получила Раиса в свой юбилейный день рождения, но одно из них – от далеких конаковских друзей Сычевых – было особенным. Вот оно:

Дорогая Раечка!

От души поздравляем тебя с днем рождения. Мы рады, что можем послать это поздравление с помощью замечательной техники.

Желаем тебе долгих лет жизни без стрессов и недомоганий.

Пусть удовлетворение от того, что определилась жизненная дорога у детей, непрерывно сопровождает тебя, а любимые внуки приносят радость, ведь это так приятно в наши годы!

Как хорошо, что вы объявились. До сих пор мы помним тот день, когда дорогой Михаил Лазаревич позвонил. Вы истинные наши друзья.

Здоровья тебе, дорогая Раечка, самых добрых пожеланий вашей замечательной паре с Михаилом Лазаревичем.

Еще раз поздравляем тебя, обязательно выпьем в этот день за ваше благополучие, счастье и крепкое здоровье...

Добрые пожелания нашему уважаемому Михаилу Лазаревичу.

*С искренним уважением и любовью к вам. И. Т. и И. Т. Сычевы
Конаково, 25 февраля 2007*

Не успели мы еще прийти в себя после бурно проведенных юбилейных дней, а у Лени с Митей уже созрел следующий грандиозный план – наша семейная поездка в Белоруссию и Россию (Москву). Основной целью планируемой поездки, по замыслу наших сыновей, должно быть как посещение нами (пока мы в состоянии это сделать) мест своей молодости, так и встречи с родными и знакомыми (лично и заочно) с неременной документальной видео- и фотосъемкой. Одним словом, историческая встреча с прошлым. Для нас, родителей, это был, конечно, особый сюрприз – сколь неожиданный, столь и приятный и ко многому обязывающий, особенно после праздничного юбилея Раечки.

Поскольку замышлялась поездка по местам нашей юности и молодости, состав участников уже сам по себе был предопределен: я с Раисой и Леня с Митей. Что касается Симы и Лизы, то, несмотря на их большое желание поехать вместе с нами, такой возможности у них не было как из-за занятости на работе, так и по другим уважительным причинам.

Наряду с исключительной значимостью для нас, родителей, такой непростой поездки на бывшую родину появилась некоторая неуверенность в возможности успешного осуществления задуманного грандиозного проекта. Что нас смущало? Прежде всего, наш немолодой возраст – ведь нам обоим уже за 80, да и состояние здоровья на тот момент было не очень подходящим для такого дальнего и волнительного путешествия, а также длительность трансатлантического перелета Америка–Европа. Кроме того, общая обстановка в Белоруссии и России и возможные сюрпризы со стороны властей при посещении интересующих нас мест и людей.

Были и другие причины, в том числе и ограниченное время для подготовки к столь ответственной поездке. Но наши ребята были настроены категорично

и безоговорочно и стали непреклонно продвигаться к осуществлению задуманного. И, как впоследствии оказалось, с поставленной архитрудной задачей Ленья и Митя справились отлично, за что мы, родители, будем им всегда бесконечно благодарны. Такой поступок дорогих сыновей по отношению к пожилым родителям не часто встречается и заслуживает особой похвалы и душевной признательности.

Тем временем, несмотря на покинувшие нас сомнения в целесообразности такой поездки, мы стали чем дальше, тем больше склоняться к мысли, что ее необходимо совершить: либо сейчас, либо никогда.

Время стало работать в пользу проекта наших сыновей, да и на нас оно стало влиять также положительно и плодотворно. Действительно, дети предоставили нам на закате лет такую блестящую и неповторимую возможность вернуться, хотя бы на непродолжительное время, в свою молодость и побывать в незабываемом и далеком прошлом. Конечно, упустить такую возможность было бы с нашей стороны величайшей глупостью, более того, непростительным безумием.

Постепенно стали вырисовываться все более конкретные цели нашей поездки. Вот главные из них:

- побывать в своих, запомнившихся на всю жизнь родных белорусских местах, которые мы покинули в далеком 1941-м; посетить места нашего, особенно моего детства и юности;

- поклониться могилам оставшихся там навсегда членов семьи, расстрелянных нацистами и местными полициями вместе со всеми евреями местечка Черее 6 марта 1942 года;

- побывать в Борисове на могиле Фалы Ирмовича, отца Раечки, умершего 5 сентября 1982 года, на могилах других родственников;

- встретиться с ныне живущими в Борисове родственниками и посетить послевоенные места наших с Раей знакомства и женитьбы;

- встретиться с земляками-черейцами: Роальдом Романовым в Черее и Максимом Маевским в Москве и обменяться ценной и малоизвестной информацией;

- посетить наши прежние места жительства и работы в Минске, сам город и Яму;

- посетить Еврейский культурный центр в Минске и встретиться с друзьями, бывшими сотрудниками и сокурсниками Раи, Лени и Мити;

- встретиться с конаковскими друзьями – семьей Сычевых – в городе Конаково Тверской области.

Перечисленные важные цели и определили, по существу, весь маршрут нашего движения и остановки. А маршрут был запланирован такой:

Чикаго–Варшава–Смолевичи (международный аэропорт Минска¹)–Загорье–Ново-Борисов–Черей–Новолукомль–Ново-Борисов–Старо-Борисов–Минск–Москва–Конаково–Москва–Минск–Смолевичи–Варшава–Чикаго (O’Hare).

Учитывая время отпуска у Лени и Мити и наиболее благоприятные для путешествия климатические условия Белоруссии, а также желание и необходимость нашего участия в мероприятиях, связанных с окончанием учебы у детей Мити – Алиски и Анечки, мы решили совершить эту поездку в мае-июне. Была еще одна, весьма веская причина для поездки в это время: 28 мая исполнялось 130 лет со дня рождения Оскара Милоша – одного из выдающихся поэтов, ученых и общественных деятелей XX века, родившегося и жившего с перерывами в имении Черей. Его в свое время называли «черейским парижа-нином» и «литовско-французским белорусом». Потомок Милоша, доктор технических наук, доктор философии и искусствоведения Роальд Романов давно живет в Москве, но мы договорились встретиться с ним на черейской земле. Эта встреча на его и моей родине была не только желанна, но и важна, так как Роальд мог рассказать о том, как 6 марта 1942 года немцы и местные полицаи расстреляли евреев местечка, в том числе и мою семью. Я же, со своей стороны, мог много хорошего и малоизвестного рассказать Роальду об Эсфири Соломоновне Кац, его маме и бывшей учительнице пятых классов еврейской семилетки. В связи со 130-летием Оскара Милоша предполагался приезд в Черей и других заинтересованных лиц.

Как уже было сказано, всю организацию поездки, включая транспорт (воздушный и наземный), места остановок, жилье, оформление виз и других необходимых документов, связь и фотографирование, наши сыновья полностью взяли на себя. В начале марта 2007 года мы отдали Лене наши американские паспорта и другие необходимые документы для оформления соответствующих заграничных виз. В силу конкретных обстоятельств Митя решал эти задачи для себя сепаратно, но во взаимосвязи и строгом взаимодействии с общим планом. Машина закрутилась...

Прежде всего, определились с авиакомпанией для трансатлантического перелета из Америки в Европу: наиболее подходящей со всех точек зрения оказалась польская авиакомпания LOT, самолеты которой следуют по маршруту Чикаго (O’Hare) – Варшава. Предварительно были заказаны железнодорожные билеты Минск–Москва и обратно. Кроме того, Леня заранее решил вопрос с автомобильным транспортом на все время нашего пребывания в Белоруссии. Оглядываясь назад, по возвращении из нашего почти полукругосветного путешествия, следует сказать, что намеченный маршрут был полностью выдержан,

¹ Минск – только у Мити.

а запланированные места успешно посещены. О том, как мы летели и передвигались на всех вышеперечисленных видах транспорта, я расскажу далее.

Тем временем к началу мая Леня уже успел оформить на нас троих выездные туристические визы в Белоруссию и Россию (Москву). Туристической визой Белоруссии было предусмотрено пребывание в республике в течение 13 дней – с 25 мая по 6 июня, а визой России – в течение 30 дней: с 21 мая по 19 июня 2007 года. Митя оформил туристическую визу только в Белоруссию на девять дней – с 21 по 29 мая. Его сроки полностью определило время окончания учебных заведений Алиской и Анечкой (Graduation–2007): у первой – 20-го, у второй – 30-го мая. В этот до предела сжатый промежуток времени Митя должен был вместе с нами совершить это интереснейшее путешествие, и, надо сказать, он с этой нелегкой и непростой задачей, как это будет видно из последующих документальных материалов, блестяще справился.

При подготовке к поездке все было продумано до мелочей: что взять с собой, кому что купить, какие необходимы фотографии, сувениры и подарки. Для особо уважаемых персон, в частности, для земляков-черейцев, Роальда Романова и Максима Маевского, живущих в Москве, а также для наших искренних друзей Сычевых, живущих в Конаково, были оформлены для вручения специальные семейные миниатюрные фотоальбомы. Леня и Митя заблаговременно договорились встретиться с коллегами по работе, а также с бывшими однокурсниками и однокурсниками по политехническому институту.

Много сил и уйму времени потратила Раечка на поиск и покупку различных подарков для вручения при встречах родным и знакомым. В каких только магазинах она не была и какими автобусными маршрутами не ездила! Одному только Б-гу, да и ей самой известно, откуда взялась такая прыть и как нашлось столько сил, чтобы каждому из намеченных персон – а их было немало – выбрать подарок. И она справилась с этой трудной задачей отлично! Ею же на всякий случай были заготовлены в дорогу необходимые медикаменты и лечебные средства, которые, к счастью, не понадобились. Леня обеспечил себя и нас мобильными телефонами и необходимыми телефонными номерами. Мы все взяли с собой фотоаппараты, а Леня с Митей еще и видеокамеры. Вопрос с авиабилетами уже был решен и у нас, и у Мити.

До отъезда мы успели побывать у Алиски на праздновании по случаю окончания университета. 20 мая ранним утром я, Раечка, Митя, Лиза и Аркадий Григорьевич выехали на «вэне» в Висконсин на «градюэйшн» Алиски. На другой машине туда приехали Алиска, Анечка, Ира и Вадик, а на третьей – Нина, Миша и Лена. Graduation–2007 Алиски проходил в Kohl Center и был отлично организован. Она окончила College of Letters and Science университета Wisconsin-Madison, получив квалификацию Undergraduate Degree Candidates. Это был 154-й выпуск этого университета, который мы там же торжественно

отметили в одном из уютных ресторанов по рекомендации и выбору Анечки. Перед возвращением домой мы посетили квартиру, где во время учебы проживала Алиска, и сфотографировались на память.

На следующий день Митя улетел в Минск. А 24 мая Володя Минков доставил нас троих: меня, Раечку и Леню – в аэропорт О’Наре, где в 17.30 после тщательной проверки и выполнения необходимых формальностей наш самолет взял курс на Варшаву. Летели мы отлично. Полет оказался намного более легким, чем мы предполагали: девять часов до Варшавы не вызвали никаких неудобств и затруднений. В Варшаве мы пересели на самолет Варшава–Минск и через час с небольшим уже были в аэропорту Смолевичи, где нас ожидал Руслан – симпатичный молодой человек, затем постоянно помогавший нам в разъездах по Белоруссии. По магистрали Минск–Москва мы быстро доехали до Ново-Борисова и вскоре оказались у знакомого дома на улице Рабочий химик, 3, где осенью 1988 года так грустно расставались с Аней Андрачник и ее замужней дочерью Раей в связи с нашим отъездом. И вот встреча через девятнадцать лет с Раей и ее семейством, но уже без Ани, ушедшей, к несчастью, в мир иной восемь лет назад. На эту встречу Митю из Минска привезли друзья Саша и Галя Анцелиович, у которых он остановился. Таким образом, наша семейная группа в полном составе собралась на белорусской земле, здесь, у Раи, и мы с радостью отметили эту встречу. Естественно, нам обоим, мне и Раечке, было здесь что вспомнить и что рассказать нашим сыновьям Лене и Мите.

Дом и все здесь было таким же, как и прежде. Вот здесь, при входе в сад, под окном, когда-то стояла скамеечка, на которой мы с Раечкой так много раз допоздна засиживались... А вот внутренний дощатый забор, который отлично сохранился, возле него мы простаивали часами не в силах расстаться под синим ночным небом. Как в этом самом месте, только 60 лет спустя, не сделать памятную фотографию (*фото 226*)?

На следующий день, 26 мая, нам предстояла долгожданная встреча с Череей, местом моего счастливого детства, беспокойного отрочества и тревожной молодости. И вот этот день наступил. Ранним субботним утром, когда солнце едва показалось из-за горизонта, а цветущая вокруг душистая разросшаяся сирень стала приобретать необычайно красивую окраску, к упомянутому выше темно-синему дому № 3 подкатила ярко-красного цвета машина, за рулем которой сидел уже знакомый нам Руслан. Мы, четверо, отлично уместились в ней и через несколько минут уже ехали по извилистым борисовским улицам, вскоре достигли главной белорусской автомагистрали и по ней взяли курс на Череею.

Дорога от самой магистрали до Черееи и далее на Новолукомль и Чашники заасфальтирована. Мы проезжали по одному из красивейших участков этой дороги, по обе стороны которой густо растут высокие деревья, в основном березы. Тут мне сразу вспомнилось, как 70 с лишним лет назад – летом 1936 года, после окончания мной шестого класса Черейской еврейской семи-

летки, – отец отправился пешком навестить своих отца и мать, моего деда и бабушку, в Крупки, взяв меня с собой. Расстояние от Черей до Крупок для взрослого и привычного человека не Б-г вещь какое – всего 40 километров. Тот июньский день выдался солнечным и теплым, кругом пели птицы и слышны были петухи, и настроение было хорошее. Дорога проселочная, и, естественно, ни о каком асфальте на ней в то время не могло быть и речи. Транспорта тоже никакого, лишь изредка можно встретить крестьянскую подводу, которая везет что-нибудь или кого-нибудь из одной деревни в другую. Пройдя первые 5–6 километров сравнительно легко, я стал понемногу уставать. Чаше останавливались на отдых, а расстояние до крупского дедушки начало сокращаться медленнее. И вот наступил момент, когда я с трудом стал передвигаться. Отец забеспокоился, ведь мы прошли чуть больше половины пути, а на дороге, как назло, никого. Однако в тот момент, когда мы совсем приуныли, словно сам господь Б-г послал нам вдогонку крестьянскую подводу, которая везла солому в соседнюю деревню. Добрый крестьянин наскоро выслушал просьбу и, видя мою беспомощность, предложил нам сесть на подводу, что мы незамедлительно сделали. Вскоре мы доехали до ближайшей деревни, расположенной неподалеку от местечка Бобр, а оттуда уже добрались до самого местечка к хорошим знакомым. Там мы переночевали и отдохнули, а утром на попутной подводе приехали к дедушке в Крупки, чему он и бабушка были несказанно рады. Это была моя единственная, на всю жизнь запомнившаяся поездка к бабушке и дедушке Алтер-Довиду. Я хорошо до сих пор помню этого доброго душевного человека и его щедрость, чуткость, отзывчивость.

...Черей (*фото 227*). Я помню тебя довоенной, тогда райцентром. Какая ты теперь, нынешняя, спустя семь десятков лет? Въезжаем в деревню. На перекрестке когда-то оживленных улиц дорожный указатель «Бобр–Крупки–Антополье–Холопеничи». Поодаль от дороги – обветшавшая до неузнаваемости церковь. Неужели это та самая церковь, мимо которой мы ходили в школу? Та самая, с которой в середине 30-х годов, во время антирелигиозной истерии, сбросили кресты, имущество которой растащили, а ее саму превратили сначала в склад для хранения зерна, а позже в кинотеатр?

Мимо этой церкви вели на расстрел черейских евреев 6 марта 1942 года. Немецкие войска вошли в Черей 5 июля 1941 июля, и начался последний период жизни для местных евреев. Появились немецкая комендатура и полиция, управа, состоящая из местных жителей, назначен бургомистр. Почти год продолжались каждодневный грабеж еврейского населения и расстрелы за любое неповиновение. Затем настало самое страшное. «В ночь с 4 на 5 марта¹

¹ Согласно ответу на мое письмо от начальника почты Щуплякова, расстрел происходил 6 марта (см. об этом на с. 74–75 и Приложение 5).

Черее окружил немецкий кровавый отряд с пулеметами и автоматами. Никто об этом не знал. Утром приказали всем евреям собраться в одном месте. Поняв, для чего собирают, многие бросились из местечка в поле, где были встречи градом пуль. Одни падали навсегда, другие поднимались и бежали вперед. В погоню бросились полицейские. Небольшой горсточке удалось уйти от пуль для того, чтобы перенести голод и холод, но погибнуть от рук полицейских несколькими днями позже¹. Солдаты и полицаи обходили дома, забирались на чердаки и проверяли сараи. Обнаруженных там евреев убивали на месте. Тех, кто собрался в здании сельсовета, под усиленным конвоем повели к яме. По рассказам очевидцев, одним из первых в неровной колонне гордо шел мой отец Лазарь Давыдович, здесь же были мать, два брата и сестра. По 10 человек отделили от общей массы и подводили к краю. Следовала автоматная очередь – и несчастные падали в яму друг на друга. Погибло все местное еврейское население, включая стариков и детей, более 800 человек, в том числе и вся моя семья: отец Лазарь Давыдович, мать Сара Мордуховна, сестра Ася и братья Григорий и Борис. Среди расстрелянных члены семей моих одноклассников из Черейской еврейской семилетней школы: Марии Молочник, Иды Лившиц, Ани Зак, Паши Агароник, Меры Кокиной, Раи Гольдберг, Гени Каган, Лизы Праглиной, Симы Смусиной, Сони Лурье, Семена Казиника, Гили Гутина, Гили Кагана, Раи Клугман, Брони Минковой, Мейшки Кроза, Левы Шехтера, а также родственники Соломона Капелюша, Самуила Елинсона, аптекарь Руппо и его семья, последний староста еврейской синагоги Саморце Дымков².

...Издали в бескрайнем поле виден серый массивный памятник погибшим в виде недостроенной силосной башни. Странно видеть его среди цветущих полей и лугов, на фоне голубого неба и синеющего вдали озера (*фото 228*). С душевным трепетом мы подошли к нему (*фото 229*). Памятник огорожен невысоким деревянным синим забором, рядом посажены кусты белой сирени и дерево. На памятнике надпись: *Мирным гражданам, жертвам фашистских оккупантов. 1941–1945* – и здесь же мемориальный знак с текстом на белорусском языке: *Республика Беларусь. Воинское захоронение. Причинение вреда карается по закону 2584*. Ни слова о том, что жертвы эти исключительно евреи! А, может быть, это и лучше, что нет слова «евреи», зато есть указание «воинское захоронение» с соответствующим предостережением о наказании за осквернение?

¹ Романов Р. На родине Оскара Милоша // Мишпоха: Историко-публ. журнал. 2004. № 14. С. 68–69.

² Выполняя просьбу Бориса Мафцира, одного из руководителей программы «Яд ва-Шем», я передал ему эти сведения.

Мы посетили место расстрела черейских евреев и взяли горсть земли с места гибели моей семьи и побывали на могиле матери Роальда Романова, моей бывшей учительницы Эсфири Соломоновны, на кладбище в Черее. Прошло более 70 лет с тех пор, как я ее видел в последний раз на уроке в еврейской школе.

Мы также объехали памятные места. По дороге к месту нашего бывшего дома, который некогда находился на улице Горская, 2, увидели обветшавшее здание нашей бывшей, некогда любимой, белорусской средней школы, вернее, то, что от нее осталось (*фото 230*). О том, что дома моего нет, я знал давно, но то, что на его месте не сохранилось никаких примет прошлого, для меня стало полной неожиданностью. Но ведь рядом с домом протекал ручей, неподалеку был мост через него, наконец, деревья, колодец – да мало ли что еще могло остаться! Только запомнившаяся с раннего детства окружающая местность помогла определить место, где находился мой родительский дом. Здесь мы обнаружили лишь валун на большом зеленом поле (*фото 231*), рядом с которым паслась чья-то лошадь. Нашли почти полностью разрушенный склеп предков Милошей, в который мы мальчишками частенько лазили по дороге на озеро. Сейчас он разграблен, разрушен, остался только кирпичный свод. А за склепом – по-прежнему вид на Черейское озеро, так хорошо знакомый мне с раннего детства, и вдали белорусская деревня под названием Белая Церковь¹. В Черее сохранилось здание бывшего сельсовета, в годы войны превращенное в центр черейского гетто. И, пожалуй, все. Об этой поистине исторической поездке нашей семьи был сделан видеофильм, который мы с грустью время от времени просматриваем.

Все эти дорогие мне места мы обошли вместе с Роальдом Романовым (*фото 232*), специально приехавшим из Москвы. Встреча с ним и его родственником Алексеем, проживающим неподалеку, в Новолукомле, а также петербуржцами Татьяной и Сергеем прошла в недостроенном сельском доме с ухоженным приусадебным участком, расположенном на берегу некогда полноводной речушки. Дом и участок Роальд и Алексей приобрели некоторое время назад, но уже успели благоустроиться. Алексей показал нам непохожий на деревенский огород, а Роальд познакомил с планом завершения строительства. Нас угостили отлично приготовленными разнообразными белорусскими блюдами, которые напомнили нашу собственную традиционную домашнюю кухню. За праздничным столом пошли разговоры и воспоминания...

С неослабным вниманием и интересом все присутствовавшие, и в первую очередь члены нашего семейства, слушали подробный рассказа Роальда о трагических событиях, которые происходили здесь, в Черее, в дни немецкой оккупации и местного произвола. Роальд рассказывал увлеченно и почти без

¹ Не путать с Белой Церковью в Украине (*прим. ред.*).

перерыва, используя сохранившиеся записи своего дедушки Федора Михайловича Романова, бывшего главного врача черейской больницы, а также воспоминаний местных жителей.

Многое из его рассказа стало для меня неожиданным, было ранее неизвестным. То, например, что после прихода немцев сразу же была создана местная управа. Бургомистром назначили председателя черейской артели инвалидов – Малявцева, а его заместителем Мурашко, оба они были моими соучениками по белорусской средней школе. В полицаи подался Дубровский – тоже мой бывший соученик – и некоторые другие.

Неожиданным для меня стало упоминание имени Толи Шибeko – моего ровесника, тоже ученика нашей средней школы, до сих пор проживающего неподалеку, в районном центре Чашники. Он оказался порядочным человеком и был одним из немногих, кто защищал Федора Романова в первые послевоенные годы, когда по жалобам и наветам некоторых личных врагов и завистников заслуженного врача из Москвы в Черей прибыла высокопоставленная комиссия с инспекционной проверкой медицинского обслуживания населения. После войны Толя работал директором средней школы. Признаюсь, в эти минуты у меня возникло сильное, хотя и несбыточное желание повидаться с ним и о многом поговорить.

Роальд сообщил также, что, по рассказам некоторых местных жителей – очевидцев, видевших, как вели на расстрел к силосным башням и ямам евреев местечка, одним из первых во главе обреченной колонны гордо, с высоко поднятой головой, шел мой отец в широко распахнутом светлом овечьем полушубке, так памятно мне по довоенным годам.

Многое мы еще вспомнили в тот майский день, поговорили и о сохранившихся, к великому сожалению, до сего времени, неугасающих антисемитских настроениях. Неожиданно Роальд извлек из стоящего рядом шкафа небольшую, на вид невзрачную книжку и прочитал отрывок из нее: «Во время войны председатель Еврейского антифашистского комитета народный артист СССР Соломон Михоэлс, проводя в США работу по организации помощи Советскому Союзу в борьбе с фашизмом нанес визит Альберту Эйнштейну. Всемирно известный ученый спросил Михоэлса: "Антисемитизм имеет место в вашем обществе?" Михоэлс ответил, что советская власть осуждает расовую дискриминацию, в том числе и антисемитизм, и в основном он изжит. К сожалению, в некоторых головах эта болезнь держится. И вот что с грустью заметил Эйнштейн: "Вы, как я понимаю, не только актер, но и политик. Я же физик и как таковой знаю, что каждая вещь имеет свою тень. Тень моего народа – антисемитизм. Одно из двух, если у вас есть евреи, то у вас должен иметь место антисемитизм, а если у вас нет антисемитизма, стало быть, у вас нет евреев"».

На прощание Роальд Романов подарил мне свою только что изданную книгу «Царьград Черей»¹, показал единственный рукописный экземпляр книги нашего земляка С. Елинсона «Заметки о пережитом»² и по поручению московского отделения Общества ветеранов войны вручил две медали: «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» и «Медаль Жукова», учрежденную в России в мае 1994 года. Эта встреча полностью записана Леной на видеокамеру, и впоследствии он поместил ее в свой видеофильм³.

Уже на обратном пути мне подумалось, что для нашей встречи в этом незабываемом историческом месте нам – мне, Раечке, Лене и Мите – пришлось пересечь океан, прилететь из Америки в Белоруссию, а Роальду – на машине, да еще с раненой ногой, покрыть расстояние от Москвы до Черей, преодолев пограничный барьер двух бывших советских, а ныне самостоятельных республик – России и Беларуси.

На обратном пути мы проехали недалеко от Лукомльской ГРЭС, так хорошо знакомой нашим сыновьям-энергетикам и мне по прежней работе, и поздним вечером вернулись в Ново-Борисов. Назавтра отправились в Старо-Борисов и сразу же пошли к бывшему родительскому дому Раечки (*фото 233*), на Комсомольской, 18 (поскольку дом угловой, то на снимке виден номер 16, что по улице Морозова), расположенному недалеко от реки Березины и городского рынка. Постояли возле дома, походили вокруг, взгрустнули, еще раз вспомнили прожитые здесь годы и поехали... на кладбище. Здесь, у самого входа, уже четверть века покоится отец Раечки Фала Ирмович (*фото 234*). Мы привезли сюда горсть земли с могилы Евы Ефимовны, мамы Раи, похороненной в Скоки (США), и здесь тоже взяли горсть земли – такой вот обмен. Проходя мимо могильных плит, увидели много знакомых фамилий: Аня Андрачник, Бейля Мессерман, Сима Берман, Хацкель и Раиса Фрумкины, Давид Старожилец...

Поздним вечером мы, тепло попрощавшись с Раей и Федей и поблагодарив их за радушный прием, покинули гостеприимный Борисов и поехали в Минск, к Саше и Гале Анцелиович (*фото 235*) – давним добрым друзьям Мити. Через день, после восьмидневного пребывания в Белоруссии, Митя улетел домой,

¹ Издана в Минске в 2007 году.

² Елинсон С. В. Заметки о пережитом. М., 2001 (самиздат). 179 с. Несколько слов о С. В. Елинсоне. Кто, как и когда, в каких условиях ковал атомный щит СССР? Эту страницу истории мы почти не знаем. Одним из «кузнецов» этого щита был Самуил Владимирович Елинсон, уроженец Черей. Эта книга написана при советской власти и издана в московском самиздате в 2001 году в пяти экземплярах. Один из них подарен автором земляку Максиму Маевскому (дочерью С. В. Елинсона Гретой, проживающей, как и Максим, в Москве). Дарственная надпись довольно лаконичная: «Максиму с уважением. Автор. 12.02.2002». В этом же году доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР С. В. Елинсон умер.

³ Подробнее об этом см. Приложение 26.

в Чикаго. Мы же втроем в эту ночь, 29 мая, выехали скорым поездом в Москву для встречи с земляком Максимом Маевским и в Конаково для встречи с нашими старыми друзьями еще по Ангарску Иваном и Ириной Сычевыми и членами их семьи.

Поезд медленно подъехал к перрону Белорусского вокзала и остановился. Напротив нашего окна вдруг показался во весь рост машущий нам рукой Женя Сычев, сын Ивана Тихоновича. Какой же ты молодец – весь в папу! Чтобы встретить нас в 6 утра и при этом не попасть в утренний московский трафик, ему пришлось выехать из Конаково в 3 часа ночи, проехать по Ленинградскому шоссе как наименее загруженному и припарковаться возле Белорусского вокзала. Весь маршрут и план разрабатывали Сычевы всей семьей.

Мы быстро мчимся по незагруженной пока дороге, оставляя за собой многочисленные московские пригородные новостройки. По обе стороны дороги мелькают зеленые насаждения, заметно уступающие по своей свежести и колориту белорусским. Подъезжаем к красавице Волге и большому водохранилищу, на противоположном дальнем берегу виднеются три высокие трубы хорошо знакомой Конаковской ГРЭС (*фото 236*). Сотрудничество Конаковской ГРЭС и нашего Белорусского филиала энергетического института началось более 40 лет назад, когда мы в содружестве с другими проектными организациями и научно-исследовательскими институтами страны при активнейшем участии Ивана Тихоновича и руководства Конаковской ГРЭС впервые в стране внедрили на электростанции автоматизированную систему управления производственными и экономическими процессами.

...Мы уже за городом и вскоре извилистыми проселочными дорогами подъезжаем к даче Сычевых, где они в это время находятся. Иван Тихонович, Ирина Тимофеевна и их замужняя дочь Танечка с нетерпением ждали нашего приезда, и вот она произошла, долгожданная встреча через более чем 20 лет (*фото 237–238*). Ее запечатлел Леня в своем видеофильме. Вот что написали члены семьи Сычевых вскоре после того, как Леня прислал им копию конаковской части фильма:

Несмотря на то, что [фильм] коротковат, но тема очень даже раскрыта. Такое сочетание фото и видео позволяет немного домыслить и вспомнить подробности некоторых эпизодов. Надо взять эти приемчики на вооружение. Словом, очень хороший фильм. Сегодня отнесу и покажу своим родителям. Думаю, восторгу не будет предела. Спасибо, Леня!

(отзыв первый, от Жени, 9.01.08).

Здравствуйте, наши дорогие друзья! Спешим передать наш восторг, вызванный Лениным фильмом о нашей незабываемой встрече 30 мая 07 года у нас на даче. Огромную радость мы испытали при неоднократном коллективном его просмотре.

До какого прогресса мы с вами, Михаил Лазаревич и Раечка, дожили, что с помощью наших замечательных детей получаем такое наслаждение. Разве могли мы с вами мечтать о таких возможностях в наши молодые годы, когда даже обычная фотография была доступна не каждому?

Огромная благодарность Лене, он со знанием дела, умело срежиссировал весь телефотоматериал, чем достиг великолепного зрительского эффекта. Спасибо тебе, Леня!

Впечатление такое, что встреча продолжается. Думаем, что вы, как и мы, испытываете то же самое! Пусть этот фильм, в дополнение к нашим воспоминаниям, послужит замечательным стимулом, продлевающим нашу жизнь. Еще раз спасибо всем вам за то, что вы есть. Желаем вам крепкого здоровья, радостной семейной дружбы, молодым – творческих успехов и исполнения всех желаний. Спасибо!

*Иван Тихонович, Ирина Тимофеевна,
Женя, Таня и все наше семейство
(отзыв второй, от семьи Сычевых, 10.01.08).*

Вот такое сильное впечатление произвела на них показанная в 10-минутном фильме встреча, короткая по времени (с 10 до 15.00), но до предела насыщенная по своему содержанию и взаимному интересу, исключительно эмоциональная по душевному настрою. Думается, стоило для этого пересечь океан и преодолеть несколько границ! В начале четвертого, горячо попрощавшись и сердечно расставшись – думаю, что теперь уже навсегда, мы покинули Тверскую глубинку.

Счастья тебе, тихий уютный, полный душевной гармонии семейный уголок, тебе и твоим гостеприимным обитателям! Некоторое время были еще видны провожающие, машущие нам вслед, но машина мчалась уже в сторону Москвы, на следующую важную и долгожданную встречу.

Пока мы ехали, продираясь сквозь типичные московские пробки, я с удовольствием вспоминал эпизоды многолетней дружбы с этим прекрасным семейством Сычевых и его главой Иваном Тихоновичем (фото 239)... Наши житейские дороги пересекаются на протяжении более полусотни лет, хотя

уже более 20 из них мы живем на разных континентах. Иван Тихонович, выпускник Томского политехнического института, работал на Иркутской ТЭЦ-1 и Конаковской ГРЭС, в партийно-советских и муниципальных органах, является заслуженным энергетиком РФ, кавалером ордена «Знак Почета», почетным гражданином Конаковского района, награжден медалью «За доблестный труд», знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР». В течение семи лет – с момента его прибытия в августе 1956 года на Иркутскую ТЭЦ-1 и до момента моего отъезда в августе 1963 года – мы работали вместе, на одном энергетическом предприятии, естественно, на разных должностях. С 1980 по 1988 год Иван Тихонович возглавлял одну из крупнейших тепловых электростанций – Конаковскую ГРЭС, с 1988 по 1991 год руководил ТЭС-Аден в Народно-Демократической Республике Йемен.

* * *

О своем нелегком жизненном пути Иван Тихонович подробно рассказал в недавно изданных мемуарах «О людях, о жизни, о профессии»¹. В них, в частности, довольно обстоятельно освещена наша совместная работа на Иркутской (Ангарской) ТЭЦ-1 и на Конаковской ГРЭС, отмечены продолжающиеся дружеские связи в настоящее время. Поэтому приведу обширную цитату из этой книги, связанную со мной: «На совещании у директора я обратил внимание на начальника планово-экономического отдела М. Л. Миркина. Михаил Лазаревич заметно отличался интеллигентностью, культурой речи, уважительным отношением к сослуживцам. Безупречная компетенция в своей профессии снискала ему уважение всех работников станции. Его интересно было слушать на партийных собраниях: как правило, он затрагивал темы на злобу дня в работе коллектива предприятия. На ТЭЦ-1 он работал с марта 1952 года. Прибыл после окончания Ленинградского политехнического института. Участник Великой Отечественной войны. Непосредственно участвовал в боевых действиях под Сталинградом, трижды был ранен, прошел всю войну и закончил ее на Одере. Помню, более близко мы с ним подружились в поездке на строящуюся Братскую ГЭС.

В памяти сохранился момент, когда мы стояли на берегу Ангары, наблюдая жуткую картину – из-за воды заполняемого водохранилища торчали верхушки сосен. Все это вызывало щемящее чувство: огромная масса леса гибнет. Впоследствии, при заполнении водохранилища до проектной отметки, макушки

¹ Сычев И. Т. О людях, о жизни, о профессии. Конаково, 2009. 267 с.

деревьев навечно исчезли под водой»¹. И далее: «Михаил Лазаревич в 1963 году с семьей уехал в Минск, на свою родину, и надо же такому случиться, мы с ним встретились в конце 60-х годов на Конаковской ГРЭС. Он уже защитил диссертацию, стал кандидатом экономических наук². Работал в Минском³ филиале Московского энергетического института имени Кржижановского. А на Конаковской ГРЭС совместно с Владимиром Минковым выполнял договорную работу по внедрению разработок по управлению энергетическими процессами с применением электронно-вычислительных машин. Мне удалось побывать в командировке в Минске, был у Миркиных дома. Я познакомился с их замечательной семьей. У них с женой два сына, они тогда были еще мальчишками.

В 80-х годах Миркины уехали за границу. Где конкретно они осели, мы не знали. И вот спустя много лет, весной 2004 года, телефонный звонок из Чикаго, голос Михаила Лазаревича невозможно не узнать. Они уже давно живут там, каким-то образом отыскали наш телефон. Мы установили с ними связь и по электронной почте до сих пор обмениваемся информацией, в частности, я посылаю им публикации своих воспоминаний. Но и это еще не все. В конце мая 2007 года они отважились прилететь на свою родину в Белоруссию. Мы их пригласили в гости, а встреча состоялась у нас на даче.

Рано утром наш сын Женя встретил их на Белорусском вокзале. Михаил Лазаревич, его супруга Рая и сын Леня почти целый день провели с нами. Мы с Ирой восхищались их решимости на трансатлантический перелет: старикам уже за восемьдесят лет. Когда Женя поехал их встречать, мы переживали, как состоится встреча? Ведь они ни разу не видели нашего сына, да и Женя не знает их в лицо.

Рая потом рассказала: «Мы смотрим в окно и вдруг видим, по перрону идет человек, и сомнений нет – это молодой Иван Тихонович»... Время быстро пролетело. Сделав массу фотографий, мы попрощались. Женя отвез наших гостей в Москву»⁴.

Особенно плодотворно мы сотрудничали с Иваном Тихоновичем Сычевым как представителем руководства Конаковской ГРЭС в 60–70-х годах

¹ Там же. С. 59, 253, 256.

² Неточность автора: не экономических, а технических наук. В соответствии с классификацией Высшей аттестационной комиссии АН СССР, при защите диссертации по специальности 594 «Экономика, организация и планирование энергетики» присуждалась ученая степень кандидата технических наук.

³ Официальное название филиала – Белорусский.

⁴ Сычев И. Т. О людях, о жизни, о профессии. С. 60–61, 256, 258.

прошлого столетия – во время подготовки и внедрения автоматизированных систем управления энергетическими блоками и электростанцией в целом. Вот что об этом сказано в его книге: «Поскольку руководство настаивает на реконструкции блочных щитов, а мы предлагали это делать на более высоком технологическом уровне, с применением современных информационно-вычислительных средств, мы общались по этому поводу с проектной организацией, с теплотехническими институтами, а также с энергетическим институтом имени Г. М. Кржижановского. Ученым мы задавали один и тот же вопрос: почему уникальные энергоблоки мощностью 300 МВт не оснащены информационно-вычислительными машинами? Проектанты и сотрудники институтов разъяснили нам, что хотя в стране и выпускаются ЭВМ¹, но специфических и управляющих машин для энергетического оборудования не существует. Нам дали рекомендации найти такой институт, который бы по договору с Конаковской ГРЭС осуществил разработку и изготовление на смежных заводах таких устройств. Честно говоря, мы наивно думали тогда, что стоит приобрести такие устройства, и проблема автоматизации энергоблоков может быть решена на совершенно ином уровне.

Словно услышав наши желания, на Конаковскую ГРЭС прибыла делегация из Белоруссии: двое сотрудников из Минского филиала энергетического института имени Г. М. Кржижановского, оба кандидаты наук. Одним из них был В. Минков, а вторым, к моему удивлению, Михаил Лазаревич Миркин, которого я хорошо знал по совместной работе на Ангарской ТЭЦ-1. Он работал там начальником планово-экономического отдела, затем уехал и занялся наукой, защитил кандидатскую диссертацию.

После довольно продолжительной беседы мы поняли, с чего надо начинать! Ученые просветили нас в том, что прежде чем приобретать ЭВМ, надо овладеть идеологией использования вычислительной техники. Нам удалось тогда уяснить, что для общения с информационно-вычислительным комплексом, с автоматическим управлением тепловыми процессами, необходима разработка алгоритмических задач, которые должны выполняться подготовленными специалистами – программистами.

Хотя мы и отдавали себе отчет, что реализация таких планов – весьма отдаленная перспектива, руководство ГРЭС (в лице директора В. В. Бельшева) пошло на то, чтобы заключить с этим институтом довольно дорогостоящий договор. Правда, для этой цели в подкрепление к двум указанным кандидатам наук прибыл сам директор института В. С. Ермаков, бывший заместитель министра энергетики.

¹ ЭВМ – электронно-вычислительные машины.

Материалы, полученные от института по этому договору, были, по сути, методологическими основами формирования автоматизированных систем экономического управления и в первую очередь могли способствовать анализу технико-экономических показателей Конаковской ГРЭС. Изучая эти материалы, мы постепенно повышали свой уровень понимания поставленной проблемы. Разобрались мы и в том, что для успешного внедрения автоматизации экономического управления предприятием необходимы специально подготовленные кадры. Естественно, мы стали их искать, но это случилось уже в семидесятые годы»¹.

Такие вот сложились у нас с Иваном Тихоновичем теплые взаимоотношения во время нашей совместной работы на Иркутской ТЭЦ-1 и Конаковской ГРЭС. Такими они ему казались тогда, в те годы. Более дружескими и близкими они стали сейчас, когда начался взаимный обмен информацией с помощью почтовой и электронной связи, и особенно после нашей встречи в Конаково несколько лет назад. Причем не только с Иваном Тихоновичем, а и с его прекрасным семейством: обаятельной женой и симпатичными взрослыми детьми – Танечкой и Женей.

Иван Тихонович – редкостный человек, исключительно порядочный и интересный, одинаково целеустремленно увлекающийся техникой, фотографией и живописью, а в последнее время – и литературным творчеством. О достигнутых им отличных результатах сами за себя говорят полученные им звания и награды, перечисленные ранее.

Особо хотелось бы отметить его успехи в области живописи, о чем уже не раз было сообщено в местной печати. В опубликованной статье «Вернисаж художников-энергетиков», помимо прочего, об Иване Тихоновиче сказано следующее: «Не так давно его работы выставлялись в городском Дворце культуры “Современник”. Вернисаж художника-энергетика имел успех. На недавно состоявшийся на Конаковской ГРЭС праздник “Открытая станция” Иван Тихонович также любезно предоставил свои шедевры. Вниманию гостей было представлено около 20 работ самобытного художника. Картины разместились в переходе, соединяющем административный и главный корпуса электростанции. Выставка картин великолепно гармонировала с прозрачной, воздушной конструкцией переходного моста. В этот день выставку посетило 850 экскурсантов, и все они имели возможность любоваться талантом конаковского живописца»².

¹ Сычев И. Т. О людях, о жизни, о профессии. С. 94–96, 256.

² Новости Конаковской ГРЭС // Конаковская народная газета. 2009. 25 июня.

Естественно, не отозваться на это неординарное событие мы не могли, и вскоре был отправлено письмо, которым хотелось бы завершить рассказ о наших теплых взаимоотношениях с Иваном Тихоновичем, какими я их вижу сейчас, в эти годы. Вот текст этого письма:

Дорогой Иван Тихонович!

Прежде всего, мы тебе весьма благодарны за полученный вернисаж, который ты нам оперативно отправил. Хотя мы непосредственно и не присутствовали при торжественном открытии твоей художественной выставки на электростанции, тем не менее, все мы – я, Раечка, Леня и Дима – любовались твоим вернисажем не менее тех 850 экскурсантов, которые были там в тот день.

О характере и содержании отобранных для вернисажа 20 картин можем примерно судить по присланной нам в 2004 году фотографии, на которой помещены все твои экспонировавшиеся в то время на выставке картины.

Самый большой комплимент, Иван Тихонович, ты заслужил у Раечки, которая сказала коротко и ясно: “Иван Тихонович – просто гениальный человек”. После того как она вспомнила с нескрываемым восторгом нашу позапрошлогодную встречу на вашей отлично оборудованной даче, как она очень внимательно прочитала твою книгу и ознакомилась с полученным вернисажем, она, естественно, не могла не сделать такое лестное в твой и вообще в ваш адрес заявление.

Могу и без всякой лести высказать дружескую похвалу в твой, Иван Тихонович, адрес, благо ты его вполне заслуживаешь. Все три твои разных увлечения – одно ценнее и интереснее другого – в то же время дополняют друг друга, и это служит еще одним доказательством правомерности комплимента Раечки в твой адрес.

Успехов тебе, Иван Тихонович, на всех этих трех направлениях, и чтобы хватило, при поддержке твоей прекрасной семьи, сил, здоровья и времени на каждом из них в отдельности и на всех вместе.

Михаил Лазаревич

Чикаго (USA), 9 августа 2009

...Вместе с тысячным потоком куда-то спешащих людей, наконец, около 8 вечера попадаем в метро, а вскоре с большим нетерпением – к Максиму (в детстве Макс) Маевскому. Встретились мы впервые в жизни, но сразу как по-настоящему родные люди (*фото 240*).

Макс родился в 1930 году. Его отец Давид Маевский, бывший секретарь Черейского райкома партии, до ареста преподаватель черейской школы, был осужден как «враг народа». Макс остался с матерью Миней, в девичестве Фишкиной (одноклассницей Леонида Романова, отца Роальда). Превратившись вдруг в жену «врага народа», она с сыном уехала под Барановичи, где стала учительствовать. Макс учился на «отлично», и по окончании третьего класса его премировали путевкой в пионерский лагерь под Гродно, где его и застала война. Оказавшись брошенной на произвол судьбы взрослыми, пионерская братия стала разбегаться по домам, и Макс тоже отправился к маме. Той, однако, сказали, что сын эвакуирован на восток, и она поехала его разыскивать. Когда Макс узнал об этом, то отправился к своему деду Саморце Дымкову и бабке Рейзл в Черее. Дедушка Макса был старостой черейской синагоги – до 6 марта 1942 года – и имел в округе непререкаемый авторитет. Внешне он напоминал осанкой и эффектной бородой известные портреты Карла Маркса.

После того как в дом к деду систематически стали наведываться полицаи и забирать все приглянувшееся, Макс стали подыскивать более надежное пристанище. В конце концов он, взяв с собой припрятанную одежду отца, перешел в дом Ани Дубровской, школьной подруги своей мамы. Муж Ани служил полицаем, и мальчик некоторое время переживал, когда тот надевал черный бостоновый костюм отца, без жалости перепоясывая ремнем дорогой пиджак. Но вскоре Макса передали на хлеба к Свирским, затем помогли определиться в Черейский детский дом.

В ночь с 4 на 5 марта 1942 года Черее окружил немецкий карательный отряд. Наутро приказали всем евреям собраться в одном месте. Макс прибежал к деду. Тот надел пальто, набросил талес, прикрепил филактерии, помолился и вместе с внуком влился в толпу единоверцев. Переходя по мосту через овраг, сообразительный мальчик заметил, что полицейские далеко и их не видят, и предложил деду сойти под мост, там переждать, потом по оврагу пройти за огороды, на окраину и – в лес¹. Дед рассердился: «Не понимаешь, немцы хотят нас убить, это нас наказывает Б-г». Полицаи загнали евреев в пустой дом

¹ Как хорошо в мельчайших подробностях мне с самого раннего детства знакомы и тот мост, и тот овраг, и те расположенные за ними огороды, о которых идет речь.

рядом с городской управой (бывшим сельсоветом, недалеко от нашего дома), они с трудом втиснулись. Окна в доме были забиты досками. Сесть никто не мог, настолько все были прижаты друг к другу. Макс заметил, что пол усеян красненькими советскими червонцами (они были в ходу на черейском рынке до расстрела евреев). Вдруг на улице кто-то крикнул: «Бей жидов!» По окнам стали стрелять автоматными очередями. Раздались вопли, застонали раненые, на пол стали оседать мертвые.

Макс со всеми рванулся к выходу и буквально вылетел за дверь. «Отпустите русского мальчика! Там русский мальчик!» – услышал он крик маминей школьной подруги Екатерины Владимировны Захаревич, учительницы русского языка Черейской белорусской средней школы¹. Екатерина Владимировна показывала на Макса, но полицаи не обращали на нее внимания. Екатерина Владимировна схватила Макса за руку, выдернула из толпы и крикнула: «Беги!» Он шмыгнул за сельсовет, пробежал за ним, выскочил на улицу и помчался к Михайловской церкви. Раздались автоматные очереди, и над ним засвистели пули. Макс обогнул церковь и какое-то время прятался там за огородом, потом побежал дальше и вдруг увидел, как прямо перед ним полицаи убивают прикладами винтовок стариков евреев. Макс повернул обратно, крадучись огородами добрался до нашего дома и вошел в него. Там было еще тепло, и, переночевав, он огородами пробрался в детдом к своей койке. Потом Макс неоднократно приходил к Романовым, в семью Роальда, который был на три года его моложе. Дружба между ними сохранилась и по сей день². Впоследствии и Макс, и Роальд, и другие члены этой семьи оказались в партизанском полку Садчикова.

Такова драматическая история человека, с которым судьба свела меня на склоне лет. Времени у нас в обрез – всего один час. Что же мы успели? Прежде всего, рассмотрели все привезенные мной фотографии и установили «кто есть кто». Мама Макса, а затем и он сам сберегли две бесценные для меня фотографии паспортного размера – моей сестры Аси и мою (*фото 241–242*). Сестренка Ася, 1926 года рождения, погибла в Черейском гетто вместе с остальными членами моей семьи в 1942 году. На сохранившемся фото 1938 года она – ученица 5 или 6-го класса еврейской школы³. Невозможно описать наши радость и душевное волнение, когда Максим подарил нам эти две

¹ Я тоже у нее учился.

² Использованы личные и документальные воспоминания самого Макса, переданные в свое время Роальду Романову, который опубликовал их в журнале «Мишпоха» № 14 за 2004 год. Также см.: <http://shtetle.co.il/Shtetls/chereja/chereja.html>

³ История моей довоенной фотографии 1940 года подробно изложена в рассказе «Местечко для души» // Мишпоха. 2005. № 17; см. также: <http://mishpoha.org/n17/17a18.php>

бесценные реликвии! Смутным остался в моей памяти облик лишь одного члена нашей семьи – самого младшего братика Борьки, 1939 года рождения. Каким был этот почти двухгодовалый малыш, – ведь отчий дом я покинул летом 1940 года, – мне уже, к сожалению, трудно вспомнить.

Я подарил Максиму на память специально подготовленный для него мини-альбом с фотографиями нашей семьи и подробным комментарием к каждой из них. Я успел полистать объемистую рукопись Макса «От Смоленска до Берлина», колоссальный бесценный труд. Как Максим мучился и терзался, когда не смог найти специально приготовленный к нашему приходу и для нас подробнейший план Черей, не сумел вспомнить всех жителей! Мы не меньше его переживали, но... после недавно перенесенной операции по удалению осколка, который сидел близко от позвоночника более 60 лет, Максим начал терять память. Что тут поделаешь? И на том большущее ему спасибо и пожелание не терять бодрость духа...

После такого напряженнейшего московско-конаковского длинного дня (благо, 30 мая был теплый и солнечный день) не мудрено, что сон в купе поезда Москва–Брест показался нам мгновенным и райским, а прибытие в Минск скорым.

Собравшись с духом и мыслями после вчерашнего перенасыщенного дня, мы оставили гостеприимную квартиру Анцелиовичей и поехали в так хорошо знакомую нам центральную часть города. На улице Романовская слобода (в прошлом Республиканская) остановились возле бывшего Белорусского филиала энергетического института, а ныне Белорусского теплоэнергетического института. Последний раз я заходил сюда 19 лет назад перед отъездом в Америку, а проработал в нем почти четверть века – чуть ли не со дня его основания. Мы стояли в глубоком раздумье – зайти или не зайти? А если зайти, то к кому и зачем?

Вопреки искушению и здоровому любопытству здравый смысл возобладавал: мы решили ограничиться прощальным взглядом на яркую табличку «Энергетический институт» и несколькими фотографиями. Поднялись по улице Революционной, повернули направо и очутились возле универмага. Здесь в свое время находился неброский киоск «Союзпечати», в котором работала Броня Марковна, мама Владимира Минкова. Сюда после отъезда Володи с семьей в Америку в 1979 году я много раз подходил во время перерыва, чтобы поговорить с ней и передать полученную информацию «оттуда». Естественно, соответствующая информация о ее делах шла в обратную сторону – «туда». Нет уже Брони Марковны, она покоится на ухоженном американском кладбище, дети и внуки ее давно благополучно живут в Америке...

Заглянули в универмаг, посмотрели на полки с разнообразными товарами и многозначными числами на ценниках и поскорее вышли на проспект.

Миновали дом профсоюзов и музей Великой Отечественной войны, новый Дворец Республики на площади Якуба Коласа, посидели немного в парке возле Дома офицеров, прогулялись по парку и возле фонтана имени Янки Купалы. Прошли вдоль набережной к парку имени Горького, где подкрепились в одном из многочисленных кафе, сфотографировались на память возле памятника Победы. По этому проспекту и этой площади я много раз шел в составе колонны участников Великой Отечественной войны в праздничные дни 9 Мая. Тогда по обе стороны проспекта стояло множество людей с цветами, которые радостно приветствовали нас. Завершила этот день интересная и сердечная встреча с Витей Ильиным, бывшим Лениным одноклассником, теперь доктором наук, и его замечательной женой Катей. Вечер прошел интересно и на одном дыхании.

Очередной, первый июньский, день был посвящен долгожданной встрече Раечки с близкими подругами, сотрудницами вычислительного центра при Госплане Белоруссии Кларой Федоровной Рохлиной и Аллочкой Анчевской (*фото 243*). Не виделись они около двух десятков лет, а теперь встретились. Полдня длилась эта встреча трех симпатичных женщин, и все это время я и потом Леня (он отлучался на встречу с друзьями – сотрудниками Белэнергострома, где проработал 16 лет) терпеливо присутствовали, лишь изредка вмешиваясь в нескончаемый женский разговор.

На следующий день Леня встречался со своими сокурсниками по энергетическому факультету Белорусского политехнического института по случаю 35-летия его окончания, днем позже – с одноклассниками выпуска 1967 года. Мы побывали на местах нашего прежнего местожительства: возле дома № 23 на улице Калиновского, где на четвертом этаже в двухкомнатной 27-метровой квартире прожили более 22 лет, – дом изрядно обшарпан, с тем же магазином на первом этаже, войти во двор даже не захотелось; возле дома № 44 на улице Руссиянова, где на пятом этаже в двухкомнатной 30-метровой кооперативной квартире мы прожили немногим более двух лет; возле дома № 49 на улице Мирошниченко в микрорайоне Зеленый Луг–6, где Леня с семьей прожил 10 лет. С тоской и малоприятными воспоминаниями, с успокоительной мыслью о том, что всем нам удалось сменить эти места жительства на новые и в другой части света, мы бросили на них прощальный взгляд.

Заключительные полтора дня были полностью посвящены посещению минского еврейского клуба Хэсед Рахамим (*фото 244–245*) и памятной для всех евреев Ямы¹. Клуб Хэсед Рахамим находится почти в центре города и

¹ Мемориал в Минске, посвященный памяти жертв Холокоста. Здесь 2 марта 1942 года фашистами было расстреляно около пяти тысяч узников Минского гетто. Обелиск установлен в 1947 году, а бронзовая скульптурная композиция «Последний путь», расположенная вдоль ступенек, ведущих к центру мемориала и представляющая собой группу обреченных мучеников, спускающихся на дно ямы, – в 2000 году. Архитектор Леонид Левин.

окружен высоким забором, для чего, как нам разъяснили, имеются серьезные основания. Все это, а также деятельность клуба, беседы с его работниками произвели на нас сильное впечатление. Здесь действуют театральная студия, музыкальный салон, танцевальные группы, хор, группа «Шмуэс» (беседы на идиш), кружок английского языка, видеосалон, секция истории Израиля, женский клуб, клуб знакомств, библиотека, читальный зал и т. д. Регулярно проводится кабалат шабат, отмечаются дни рождения, проходят концерты и другие мероприятия, преимущественно на идиш. Тут же расположен Белорусский союз евреев – инвалидов и ветеранов войны, партизан и подпольщиков, редакция газеты «Авив» Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин, а также другие организации. Особенно тепло нас приняли в библиотеке заведующая Фаина Злотина и Анна Иосифовна Рудерман (Петрова), участница войны, довоенная чемпионка БССР среди юниоров по конькобежному спорту, мать безвременно погибшего талантливому кинодокументалиста и Лениного сокурсника Аркадия Рудермана. Закончилась наша беседа просьбой ко мне описать какой-нибудь военный эпизод войны или один ее день для готовящегося ветеранского сборника, ведь непосредственным участником невиданной по своим масштабам и жестокости войны я был более четырех пятых ее продолжительности.

Что касается эпизода тех, теперь уже далеких военных лет, запомнившегося особенно ярко, на всю жизнь, то таковым была первая атака в 19 лет, подробно описанная в третьем томе ветеранского сборника «Война и судьбы», изданного Чикагской ассоциацией ветеранов Второй мировой войны¹. Теперь эта просьба рассказать об одном дне на войне... Отказать я не мог и пообещал сделать это при первой возможности². Расставание с двумя замечательными женщинами было сердечным, а теплые воспоминания об этой встрече сохранились у меня до сих пор.

...Яма находится почти в центре города и бывшего гетто и окружена современными кварталами жилых домов и учреждений. Сколько раз, работая в нашем институте (Яма находится неподалеку от него), мы с Володией Минковым

¹ Чикаго: PRINTime Inc., 2007. С. 22–26.

² Один день на кровопролитной войне... Как выбрать этот день, чем особенным он должен отличаться от остальных 1145 дней и ночей, выпавших на мою нелегкую долю. Ведь каждый из них отличался друг от друга. Но в одном они, бесспорно, были схожи: каждый из них мог стать последним в моей молодой жизни. Я выбрал памятный день войны, один из прочих незабываемых дней той далекой военной поры, связанный с битвой за город Грудзендз (Грауденц), расположенный в Польше на Висле. На нем я остановился, подробно описал его (по приезду в Америку) и отправил в Минск. Свое обещание я выполнил. См.: *Миркин М.* Один день на войне // Война и судьбы: Сб. Чикагской ассоциации ветеранов Второй мировой войны. Т. 4. Чикаго: Изд-во Printime inc., 2010. С. 193–196.

приходили сюда. Каждый год в День Победы на этом месте проходили массовые митинги под неусыпным наблюдением местных властей. Сколько раз здесь выступали наши правозащитники, включая и Льва Овсищера, слова которых бесцеремонно глушились специально установленными устройствами.

Тишина. Спускаемся по ступенькам вниз, подходим к памятнику. С одной его стороны высечена надпись на русском языке:

*Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибших
от рук лютых врагов человечества – фашистско-немецких злодеев.*

2 марта 1942 г.,

с другой – на языке идиш. Сильное впечатление и глубокий след в душе оставил этот мемориал (*фото 246*).

Вот и подошла к концу наша незабываемая, поистине историческая двенадцатидневная поездка в Белоруссию и Россию. Мы, безусловно, остались довольны посещением родных мест, которые почти 20 лет назад покинули навсегда и которые стали уже немного чужими для нас, испытывая в душе удовлетворение от выполненного долга перед нашими дорогами, никогда незабываемыми родителями. Намеченную обширную программу мы полностью выполнили, получили много впечатлений и положительных эмоций, физическая форма вполне соответствовала психологическому подъему, который мы переживали. С чувством выполненного долга и таки глубокого удовлетворения, искренней благодарности нашим сыновьям Лене и Мите мы возвращались в Америку. Знали, что дома нас непременно ждут...

На Graduation, который проходил 30 мая в одном из арендованных помещений Чикагского университета в Эванстоне и где отмечали окончание 12 классов школьники из Скоки, нас, естественно, не было. Митя к тому времени вернулся из Белоруссии и без всякой передышки попал, как говорится, с корабля на бал. Впечатление от этого мероприятия осталось и у Мити, и у Лизы самое хорошее. Анечка пошла по стопам своей сестрички. Из заблаговременно полученных приглашений на дальнейшую учебу от четырех университетов она выбрала University of Wisconsin-Madison. В аэропорту нас встретил Митя. Поездка успешно завершена. Здравствуй, благословенная Америка! Здравствуй, родной Чикаго! В течение поездки мы сделали множество фотографий, Леня снял прекрасный двухчасовой фильм «Путешествие в прошлое», а я подготовил рукописный комментарий к нему¹.

Помимо двух основных и наиболее важных событий, довольно подроб-

¹ Комментарий к кинематографическому отчету о нашей исторической поездке в Белоруссию и Россию с 24 мая по 4 июня (рукопись). Чикаго, 2008. 102 с. Хранится в архиве автора.

К юбилею Славик Фрумкин подготовил для Лизы стихотворение:

Такой же юбилей чуть меньшего размаха был у Светы Цивиной. Вообще, этот год был богат на круглые и полукруглые даты. 80 лет, например, исполнилось Марку Моисеевичу, Аркадию Циркину, Вике Столовой (*фото 247*), Эмме Гольдберг и Алику Тверскому, 75 лет – Ирине Сычевой, Инне Минковой и Симе Мессерман, 70 лет – Ане Шагаловой, 60 лет – Асе и Мише Рохкинд, 55 лет – Симе Миркиной и Мише Циркину.

Наш внук Димка 5 июля зарегистрировал свой брак с Викторией (*фото 248*). У двух внучек, как уже было сказано, были выпускные праздники – у Алисы по поводу окончания университета, у Анечки – окончания 12 классов.

Наши дети, внуки и родственники продолжали активно путешествовать по стране и миру. Леня и Сима побывали в Швейцарии, трижды у нас в Чикаго, в Калифорнии, в Турции, в Вашингтоне и Доминиканской Республике. Митя и Лиза всей семьей не раз ездили в Колорадо, Флориду, Вашингтон, Лас-Вегас и Нью-Йорк, Шуры и все вашингтонские родственники в полном составе побывали на юбилее у Раечки, Спесвики – в Нью-Йорке. Особенно важно, что наши внучки Алиса и Инесса в составе специально организованных целевых групп посетили Израиль: первая – в мае, а вторая – в декабре. Эти поездки произвели на них глубокое впечатление.

Одну неординарную и очень интересную поездку следует особо отметить: в октябре Митя вместе со своим дальним родственником Мишей Фишбейном отправились на две недели в Танзанию с целью совершить восхождение на вершину Килиманджаро, высота которой составляет 5895 метров над уровнем моря. Хотя мировой рекорд и не был ими побит, однако Митя оказался близок к нему, поднявшись на высоту 5675 м и не дотянув до рекорда 220 метров. Об этом достижении Аркадий Шляпинтох написал шутовское стихотворение, посвященное Мите:

Не думай о вершине свысока,
Туда сперва неплохо бы забраться.
Подумай, Митя, лучше ты о том,
Как будешь вниз потом с нее спускаться.

Подумай, что нелегко будет путь,
Не расслабляйся даже возле цели.
Мы слышали: проводники опять
Там альпиниста с снаряженьем съели.

Из снежных шапок гор устроен мир.
И снежный человек – венец творения,
А кто он: баба там или мужик,
Найди его и разреши сомнения.

А ты не трусь, карабкайся наверх,
Где облаков перины мягкий пух.
И пусть в сафари львы не ждут тебя,
Хвостами отгоняя гнусных мух.

Ты к ним придешь, когда настанет срок,
С гитарой придешь, а не с ружьем,
И с музыкой расскажешь им, что мы
Не тех и не за то порой жуем.

Из снежных шапок гор устроен мир,
В нем снежный человек – венец творения,
А кто он: баба там или мужик,
Наощупь разреши свои сомнения.

По-видимому, с такой высоты окружающий мир смотрится и видится по-иному и намного интереснее. Молодцы!

Мы и наши дети на протяжении всего года не только ездили сами, но и принимали у себя гостей. В апреле совершили к нам вояж из Израиля знакомые еще по Борисову и Ленинграду Нэлл и Арик, сверстники Лени (*фото 250*). Они побывали по одной неделе у родственников в Нью-Йорке, у Лени в Вашингтоне и у нас в Чикаго. И где бы они ни были – везде интересовались жизнью, бытом и достопримечательностями Америки.

В этом году мы, как всегда, отметили также скорбные даты: 65-летие расстрела немецкими нацистами и местными полициями моей семьи, 25-летие кончины Фалы Ирмовича и 10-летие ухода Моисея Клебанова. В этом году ушли из жизни мама Володи Минкова – 94-летняя Броня Марковна, дочь Ани Шагаловой 44-летняя Лиля и наша добрая бывшая соседка Миля Цивина. Сложную операцию перенесла Белла Моисеевна, а мне успешно удалили катаракту обоих глаз. И все же в целом прошедший год останется в памяти как очень интересный и насыщенный событиями.

2008 год прежде всего связан для нас со знаменательным событием – рождением 2 марта у внука Димы и его жены Вики замечательной девочки Сашеньки (*фото 249*). Событие это было вполне ожидаемым и для нас имело особое значение: ведь мы с Раей получили очередную почетную приставку – *пра*: я стал прадедушкой, а Раиса – прабабушкой, и наш семейный статус повысился еще на одну ступеньку семейной иерархической лестницы (*фото 251*). Естественно, на такую же ступеньку повысился статус Лени и Симы – они стали дедушкой и бабушкой. Мазл тов! Желаю в связи с этим радостным событием новорожденной Сашеньке, молодым папе Диме и маме Вике, зрелым дедушке

Лене и бабушке Симе, а заодно и нам – пожилым прадедушкам и прабабушкам Миркиным и Шурам – много здоровья, счастья и радости в жизни! А через полтора месяца – 16 апреля – мне самому уже в новом качестве пришлось принимать поздравления с 85-летним юбилеем (*фото 252–253*), от родных, знакомых и общественных организаций, в том числе и от Чикагского филиала Всеамериканской ассоциации инвалидов и ветеранов Второй мировой войны за подписью ее президента Абрама Линденбойма. Текст поздравления, хотя он «формализован» и выполнен в виде открытки, все же приведу полностью:

Дорогой Михаил!

Правление Чикагского филиала Всеамериканской ассоциации инвалидов и ветеранов Второй мировой войны и Ваши фронтовые друзья сердечно поздравляют Вас со знаменательным юбилеем, искренне желают Вам крепкого здоровья, счастья, активного долголетия.

В тяжелые годы войны, будучи в действующей армии, Вы внесли весомую лепту в нашу общую Победу. Не щадя своей крови и самой жизни, Вы активно воевали с ненавистным врагом, стойко переносили все тяготы ратной жизни.

В послевоенные годы Вы честно и добросовестно трудились на мирном поприще, сделав много доброго и хорошего.

Вами прожита большая и плодотворная жизнь, отдано много сил и здоровья на благо людей, и это мы высоко ценим, а наши потомки бесконечно Вам благодарны.

Пусть Вам и Вашим близким всегда сопутствует счастье и полное благополучие.

За несколько месяцев до этого с 65-летием Сталинградской битвы персональное поздравление прислал президент Российской Федерации В. В. Путин:

Уважаемый Михаил Лазаревич!

Примите искренние поздравления со знаменательной датой – юбилеем Сталинградской битвы.

65 лет на волжской земле, политой кровью сотен тысяч наших солдат, решалась судьба Отечества, будущее всего мира. Эта поистине великая битва положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны, предопределила крах нацистской тирании. Отсюда, с берегов Волги, начался долгий путь к Берлину, к Победе.

Сталинград – наша слава, наша гордость! Прошли годы, минули десятилетия, но сколько бы лет ни прошло – Сталинградское сражение навсегда останется в памяти людей как символ беспримерного мужества и силы нашего народа.

Спасибо Вам за отвагу и стойкость! От души желаю доброго здоровья, бодрости духа и всего наилучшего.

Президент Российской Федерации В. В. Путин

Вскоре от российского президента было получено очередное поздравление – с 63-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне:

Уважаемый Михаил Лазаревич!

Примите самые искренние поздравления с 63-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне.

На Вашу долю, на долю Ваших боевых товарищей выпали суровые испытания. Пройдя через боль утрат, кровь и страдания, Вы проявили неггибаемую силу духа, выстояли и победили.

Есть исторические вехи, значение которых не меркнет с течением времени. Каждый прошедший год лишь с возрастающей силой подчеркивает их величие и значимость. Победа нашего многонационального народа в Великой Отечественной войне – по праву и навсегда в этом ряду.

Память о ней, гордость за беспримерный подвиг воинов и тружеников тыла передаются из поколения в поколение, объединяют всех нас, служат незыблемым нравственным ориентиром. Уверен, что наши дети и внуки будут чтить, беречь и защищать честь солдат-освободителя, историю и достоинство своей великой Родины.

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости, благополучия.

Президент Российской Федерации В. Путин

Вообще, последние годы руководство России стало значительно больше внимания уделять участникам Великой Отечественной войны, проживающим за рубежом. Это, конечно, приятно – хотя бы на склоне лет, находясь далеко от России, которую ты с оружием в руках и рискуя жизнью защищал и которая тебя лишила при выезде советского гражданства и многих других честно заработанных льгот и привилегий, получить благодарность...

Для нас с Раечкой этот год был особенно знаменательным: 19 августа исполнилось 60 лет нашей совместной жизни – в этот день в 1948 году мы зарегистрировали наш союз (*фото 254*). Это, конечно, немалый срок. За эти годы мы вместе преодолели немало житейских трудностей.

Перевал

(60 лет вместе)

Кто-то песню вдали, не допев, оборвал,
Чьи-то гаснут на склонах костры.
Мы с тобою вдвоем перешли перевал,
А теперь нам спускаться с горы.

Не заметили мы, как дорога крута,
Как гора высока-высока.
А уже и морщинки застыли у рта,
Легкий иней коснулся виска.

Пролетают года, как минутные сны,
Как ромашки на мягком лугу.
Ты не можешь забыть нашей первой весны,
Ты не можешь, и я не могу.

Ничего не копили для черного дня,
Не ловчили, не рвали из рук.
И пред теми, кто знает меня и тебя,
Наша совесть чиста, милый друг.

Где-нибудь у бугра мы устроим привал
И про молодость песню споем.
Мы с тобою вдвоем перешли перевал,
И с горы нам спускаться вдвоем.

М. М.

Скоки, 19 августа 2008

Мы вдвоем «перешли этот перевал» с чистой совестью и чувством собственного достоинства, а потому нам кажется, что эта песня про нас. В связи с этим юбилеем наши дети Митя с Лизой, по договоренности с Леней и Симой устроили нам настоящий праздник, причем не дома и не в ресторане, а на открытом воздухе, за городом, в лесопарковой зоне Равиния – колоссальной зеленой территории в окрестностях Чикаго. Сюда теплыми летними вечерами съезжаются тысячи горожан, привозят с собой складные стулья и столи-

ки, снедь, размещаются на траве и при зажженных свечах слушают музыку в исполнении профессиональных музыкантов. Вот таким августовским вечером в окружении приехавших родных и близких друзей дети устроили нам незабываемое волнующее торжество. Это был чудесный подарок, но особо ценным мы посчитали нашу кетубу на русском в строгой рамке. Составленную более 60 лет назад, в 1948 году, на иврите и арамейском, ее перевел на английский в 2008 году старейший и уважаемый ребе одной из чикагских синагог. Этого ребе нашел Владимир Минков, который перевел кетубу с английского на русский. В оформлении кетубы активно участвовала Инна Минкова. Так через 60 лет мне удалось прочитать и понять смысл документа, под которым я поставил свою юношескую подпись на еврейском языке (идиш) еще в Борисове. Но для этого надо было пережить советскую власть и оказаться в недостижимой в те времена Америке. Примечательно, что одновременно мы также отмечали 60-летие Государства Израиль. После всех торжеств в Чикаго Леня пригласил нас в Вашингтон, в окрестностях которого он снял для нас курортный домик на неделю (*фото 255*). Прекрасные места! За время нашего отдыха нас часто навещал Леня, побывали Цилия Абрамовна и Инесса со своим другом Лео. Не остались незамеченными еще две круглые даты: 40-летие защиты мной кандидатской диссертации и 20-летие выезда из СССР в Америку.

В начале года вышла из печати книга о чикагских ветеранах Великой Отечественной войны «Война и судьбы», том 3, в котором помещен мой рассказ «Первая атака». В феврале я закончил 102-страничную рукопись под названием «Комментарий к кинематографическому отчету о нашей исторической поездке в Белоруссию и Россию (Москву) с 24 мая по 4 июня 2007 года» к двухсерийному видеофильму, снятому Леной в нашей поездке.

Интенсивнее прежнего мы продолжали путешествовать. Я и Раечка дважды побывали в Вашингтоне, Леня и Сима – в Скандинавии и в Москве. Леня, кроме того, посетил многие штаты Америки, в частности Колорадо, Вашингтон, Алабаму, Аризону, Теннесси, Айдахо и др. Митя с Лизой ездили в Канаду, Бенилюкс и Вашингтон. Инесса побывала в Лондоне и Париже, а Анечка во Флориде и Кентукки. Одним словом, мы стали, как никогда, подвижны.

Как и прежде, мы участвовали в юбилейных торжествах. 85 лет исполнилось Моне Берману, 80 – Циле Шур, Белле и Аркадию Спевак, Матусу Столову, Мире Мазо, Полине и Юлику Шапиро, 75 – Володе Минкову (*фото 256*), Зяме Циркину и Софе из Израиля. 70 – Вилене Хасдан, Марине Гуревич, 60 лет – Юле Долгиной, 55 – Любе Фрумкин и Вадиму Лорману, 45 – Гале Ламин.

Как всегда, вспоминали покинувших этот мир родных и близких, прежде всего Миму Клебанова, Теодора Брука-Левинсона, Наума Мессермана. В этом году к ним присоединились Фира Гульман, Дося Мессерман (Карчевская), Яков Рубин, Анна Рудерман. Пусть всем им земля будет пухом.

44-м президентом Америки стал Барак Обама.

Наступивший бесснежный 2009 год неординарными событиями не отличался. Незаметно промчались первые два месяца года, в течение которых не были забыты 20-летие прибытия в Америку, 60-летие со дня нашей скромной послевоенной еврейской свадьбы (свадьбу мы сыграли через полгода после регистрации брака 5 февраля 1949 года) и 55-летний юбилей нашего «младшенького» Мити. Сашеньке, первой представительнице четвертого поколения нашей семьи, 2 марта исполнился годик (*фото 257*). 25 марта исполнилось 25 лет со дня бракосочетания в Санкт-Петербурге Мити и Лизы. Мы с Раечкой подарили им большой совместный портрет с надписью: «От серебряной – к золотой». Семья, которую они создали, хорошая и дружная (*фото 258*), и каждый ее член целеустремленно и добросовестно работает или учится. Митя прибыл в США с Лизой и двумя дочерьми, Алисой и Аней в 1991 году, сменил карьеру инженера-теплотехника на инженера программного обеспечения. В настоящий момент он работает в одной из крупных финансовых корпораций в Чикаго.

Лиза подтвердила свою врачебную квалификацию, сдав экзамены и став врачом (MD). С 1999 года она работает в одном из госпиталей Чикаго, совмещая обязанности медицинского руководителя отделения с обучением студентов – медиков и практикантов (Assistant Professor). Алиса, старшая дочь Мити и Лизы, получив степень бакалавра (BS) в University of Wisconsin-Madison, выбрала учительскую стезю и работает в школе в пригороде Чикаго и одновременно учится в National Louis University для получения степени магистра. Анна, младшая дочь Мити и Лизы, 15 мая 2011 года успешно окончила University of Wisconsin-Madison, получила степень бакалавра в социальной сфере.

Цепь торжественных и юбилейных событий в конце марта дополнилась событием литературным. Иван Тихонович Сычев на протяжении всей своей жизни успешно занимался и продолжает заниматься живописью и фотографией, и вот решил попробовать силы в литературном творчестве. Он взялся за описание событий, которые сохранились у него в памяти. Вскоре из Конаково мы получили несколько экземпляров его книги¹. Я прочитал ее с особым интересом, поскольку наша профессиональная деятельность и наши непростые житейские дороги были тесно переплетены, а круг общих знакомых специалистов-энергетиков достаточно широк. После основательного прочтения книги я порекомендовал автору дополнить ее несколькими тематическими указателями, чтобы помочь читателю оперативно отыскать ответы на могущие возникнуть у него вопросы. Я выслал Ивану Тихоновичу в качестве приложения к книге три тематических указателя: именной (лица и личности), географический (место действия) и энергетический (профессиональный интерес). Все приложения были автором с благодарностью приняты и использованы.

¹ См.: Сычев И. Т. О людях, о жизни, о профессии.

Было бы не совсем корректно перескочить через дату 16 апреля и не заметить собственного дня рождения. Тем более что все родные и многие знакомые не дали об этом забыть. Пришлось немного потрудиться и как-то отметить этот день. Ну, хотя бы этим стихотворным поздравлением самому себе:

Как самому заново родиться
(Себе в день своего 86-летия)

Я шел дорогой трудной, длинной,
Пахал, как богатырь былинный,
А годы – их почти не счесть:
Их нынче – восемьдесят шесть. (86)

Когда на пять их было меньше, (81)
Себя я старой шуткой тешил:
«Смени местами цифры, дед,
Тебе лишь восемнадцать лет». (18)

А нынче? Как ты ни крути,
Не меньше станет их, не жди.
Ну что с того, одну минутку!..
Придумал я другую шутку:

Прибавь четырнадцать к годам (100)
И вознесись ты к небесам,
Затем в действительность упрись,
Преподнеся себе сюрприз.

Вновь цифры поменяй местами (001) –
Да о таком бы все мечтали!
Тебе лишь годик, шустрый дед,
Рожден ты заново на свет.

А далее себе желаю,
Шутя цифирь переставляя,
В здоровье, в радости идти
К завещанным ста двадцати!

16 апреля 2009

(По мотивам стихотворения
Софьи Фарбер и Адель Венгерской.)

Спустя три дня, 19 апреля, в нашем Скоки, пригороде Чикаго, произошло очень важное событие – открылся Иллинойский музей Холокоста и образовательный центр при нем, первый и единственный в нашем штате.

О значимости этого события говорит тот факт, что на церемонии открытия музея присутствовали представители властей штата и видные деятели высокого ранга, в их числе бывший президент США Билл Клинтон, лауреат Нобелевской премии Эли Визель, губернатор штата Иллинойс Пэт Куинн, мэр Скоки Джордж Ван Дусен, а также посол Германии в США доктор Клаус Шариот и директор Вашингтонского музея Холокоста Сара Блумфилд. Были продемонстрированы видеобращения президента США Барака Обамы и госсекретаря Хиллари Клинтон, президента Израиля Шимона Переса и известного кинорежиссера Стивена Спилберга.

В связи с этим приведу абзац из взволнованного выступления в печати борца за правду о Холокосте Эли Визеля: «Один Б-г только знает, какие еще несчастья суждено пережить человечеству. Возможно, много их еще заготовлено в ящике Пандоры. Вот почему мы должны быть бдительными и делать все, чтоб ни один Холокост, ни один геноцид больше никогда не повторился. О том, что было тогда, должны знать наши дети, наши внуки и внуки наших внуков»¹.

По инициативе Фаины Кравченко, редактора чикагской газеты «Реклама», был разработан уникальный проект русскоязычной общины «Альбом памяти жертв Холокоста» в дар новому музею. В еженедельных выпусках газеты стали печатать воспоминания людей, переживших Холокост, и рассказы родственников погибших. Так, в № 28 (734) от 23–29 июля 2009 года (с. 106) опубликовали мои воспоминания, которые вошли в «Альбом памяти жертв Холокоста». Так я продолжил нескончаемую святую работу по увековечению памяти моей погибшей семьи.

...Приближался очередной День Победы. 9 Мая, этот праздник для всех участников войны, их родных и друзей, остался священным, где бы кто из них не находился. На этот раз кроме традиционных поздравлений родных и близких я получил поздравление от президента РФ Д. А. Медведева:

Уважаемый Михаил Лазаревич!

Примите мои наилучшие пожелания и сердечные поздравления с 64-й годовщиной Великой Победы.

9 Мая – это священная дата в истории страны, самый дорогой для нашего народа праздник. Победа в мае 45-го принесла мир, свободу и

¹ Реклама: газ. 2009. 23–29 апр. № 15(721). С. 111.

независимость нашей Родины, освобожденной Европе. Она дала возможность жить, спокойно трудиться и растить детей миллионам людей на Земле.

Тем, что день 9 Мая навсегда вписан в славную летопись Отечества, мы обязаны Вам и Вашим фронтовым товарищам, великому мужеству и огромной нравственной силе всего поколения Победителей.

Подвиг и жизненный путь ветеранов, их великая любовь к России – всегда будут служить примером для нашей молодежи.

Желаю Вам доброго здоровья и благополучия.

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев

Искреннее и душевное поздравление я получил от Ивана Тихоновича и Ирины Тимофеевны Сычевых:

Дорогой Михаил Лазаревич!

Поздравляем тебя и все твоё семейство с Великим праздником Победы! Мы отчетливо помним, как началась война, как долго и мучительно она продолжалась. Как, наконец, радио оповестило о победном ее завершении. И ты, Михаил Лазаревич, был непосредственным ее участником. Твои раны и награды красноречиво свидетельствуют об этом. Огромная благодарность многие годы живет в наших сердцах к людям, добывшим эту победу. Спасибо тебе и в твоём лице всем оставшимся в живых фронтовикам, где бы они ни находились в настоящее время. Ваш подвиг ещё долгие годы будет жить в памяти честных, здравомыслящих людей. Вечная память воинам, сложившим свои головы на полях сражений Великой Отечественной войны.

*Иван Тихонович, Ирина Тимофеевна,
9 мая 2009*

4 июля Америка, как и каждый год, отмечала свой главный праздник – День независимости. Накануне «Форум», еврейский еженедельник на русском языке для семейного чтения, издающийся в Нью-Йорке, обратился к своим читателям. Вопросы касались отношения к этому празднику, чувств, связанных с ним, планов его отмечать, собственной гражданской позиции и многих других аспектов.

Позвонили и мне. И вот в № 243 за 2–8 июля 2009 года был помещен, в числе других, и мой ответ, правда, в чуть приглаженном виде:

«Михаил Миркин, город Скоки (пригород Чикаго), штат Иллинойс. Приехал из Минска в 1989 году, инженер-энергетик, кандидат наук.

– Уехали, потому что хотели лучшего будущего для детей и внуков. Мы рады, что приехали сюда, хотя это было не столько наше решение, сколько решение старшего сына Леонида – его сын Дима, а наш внук должен был идти в армию.

Мне сейчас 86 лет, поэтому я уже не работаю. Здесь, в Америке, мы никогда не чувствовали себя в чем-то ущемленными, у нас все хорошо, очень хорошая большая еврейская община, кипучая деятельная жизнь. Сейчас мы живем с женой Раисой вдвоем, недалеко от нас живет младший сын Дмитрий с женой Лизой и двумя дочками – Алисой и Анной; старший сын Леонид живет в Вашингтоне, у него тоже семья – жена Серафима, сын Дима и дочь Инесса, а год тому назад у нас появилась первая правнучка!

Старший сын работает в одной из крупнейших американских компаний уже семнадцать лет. День независимости для меня – праздник. Мы отметим его всем семейством, поднимем бокалы за Америку, а заодно и за Израиль.

Мы считаем себя полноценными гражданами, пользуемся всеми благами и льготами, спасибо за это Америке».

Таковыми вот были мои ответы в 2009 году, думается, такими они останутся и в будущем (*фото 259*). Хочу только дополнить сведения о семье старшего сына Леонида. Он приехал с женой Симой и детьми Дмитрием и Инессой в США в 1989 году. Работает в инженерно-строительной компании Bechtel с 1990 года в инженерных и финансовых службах. В настоящее время является ответственным за подготовку тендерных предложений для заказов правительства США.

Сима начиная с 1990 года работала в юридических библиотеках различных университетов Вашингтона: Catholic University, George Washington University, Georgetown University. В дополнение к советскому диплому инженера-экономиста добавила американский диплом MLIS – Master of Library and Information Science. В настоящее время является профессором и работает в юридической библиотеке в American University в Вашингтоне. Дмитрий, закончив университет в Мэриленде, выбрал путь программиста. Инесса пред-

почла юридическое направление, получив соответствующее образование в Georgetown University и American University (*фото 260*).

В конце июля – начале августа у нас были две именинницы: внучке Анечке исполнилось 20 лет и правнучке Сашеньке – полтора годика (*фото 261*). Жить им счастливо в этой благословенной стране! В этом же году, когда Митя отмечал 55-летний юбилей, а вместе с Лизой – 25-летие совместной жизни, ее родители – Белла Моисеевна и Аркадий Григорьевич – отмечали 55 лет своему супружеству (*фото 262*).

Наши дети и внуки продолжали активно разъезжать по свету. Ну, прежде всего, по уже знакомым местам в Америке. Затем Леня и Сима длительное время находились в Лондоне, посетили Италию и Каймановы острова. Их дети Дима с Викой и Инесса с Лео побывали в Италии. Митя с Лизой и их друзья Земфира и Володя Элькины ездили в Японию, а Лиза с Анечкой – в Санкт-Петербург. Володя Минков и Муся съездили в Турцию.

Было два юбиляра, что не очень густо: Яша Циркин (70 лет) и Нэлла Мессерман из Израиля (60 лет). Мы побывали в ресторане «Петергоф» на 50-летию совместной жизни Валерия и Люси Кравцовых – наших соседей по квартире. К концу года мы подключились к интернету.

Сколько было в течение года приятных событий, а заканчивать его приходится на грустной ноте: в сентябре ушел из жизни на 53-м году жизни один из участников самодеятельной театральной группы «Чикагские мишугоим» Боря Фрумкин, брат нашего поэта Славы Фрумкина и его чудной сестры Аси. Невосполнимая потеря и для семьи, и для родственников, и для всех нас!

Впервые за многие годы нашего проживания в Скоки здесь разыгралась стихия – пронеслась разрушительная буря, оставившая жителей нашего района более чем на сутки без электроэнергии и воды, и повалившая многолетние деревья.

Первыми из своего прекрасного далека поспешила поздравить нас с наступающим новым 2010 годом супружеская чета Сычевых – Иван Тихонович и Ирина Тимофеевна, встретившие его на девять часов раньше нас. К тому же какая радость – они стали прадедом и прабабушкой (хотя и позже, чем мы)! Мы получили вот такое, по-настоящему дружеское и теплое поздравление:

*Дорогие наши друзья, Михаил Лазаревич, Раечка, Леня, Дима
и все ваше замечательное семейство!*

От души поздравляем с НОВЫМ 2010 годом! Время летит так быстро, что не успеваешь придумать новые теплые слова, которые не повторялись бы и поистине выражали нашу любовь к вам.

Если сказать о новостях, то 2009 год дал нам правнука, и теперь я прадед, а Ира – прабабушка. Старшая дочка Тани Ирочка полтора

месяца назад родила сына. Мы рады, что дожили до этого события.

После сердечной встряски, я поправляюсь. Самочувствие хорошее. Вчера был на обследовании в областной больнице. Выводы: реабилитация идет нормально, вселили уверенность, что все будет хорошо со временем.

Еще раз поздравляем с НОВЫМ годом! Пусть он сохранит вас здоровыми и счастливыми, а наши пожелания долгих лет жизни пусть прибавят вам стабильное хорошее настроение. Мы любим вас и молимся за ваше долголетие.

Иван Тихонович, Ирина Тимофеевна

Мы, естественно, поблагодарили конаковцев за такое душевное новогоднее поздравление и ответили тем же, отправив не менее теплое поздравление с юбилейным днем рождением Ивану Тихоновичу, поскольку 3 января ему исполнялось 80 лет:

Дорогой Иван Тихонович!

Вот ты и перешагнул славный 80-летний рубеж в своей многотрудной плодотворной и интересной жизни. Перешагнул с гордостью и чувством выполненного долга.

Мы не станем перечислять все твои заслуги на всем жизненном пути: обо всем этом ты сам подробно и прекрасно написал в своей недавно изданной книге «О людях, о жизни, о профессии». Укажем лишь на главную область твоей трудовой деятельности – область энергетики.

Почетные звания «Заслуженный энергетик Российской Федерации», кавалер ордена «Знак Почета», награжденный медалью «За доблестный труд» и знаком «Отличник энергетики и электрификации СССР», говорят сами за себя.

Работая длительное время с полной отдачей сил в партийно-советских и муниципальных органах города Конаково, ты пользовался неизменно всеобщим почетом и уважением жителей и сослуживцев и тебе одному из первых заслуженно присвоили звание «Почетный гражданин Конаковского района».

Не менее известны и значимы твои увлечения живописью и фотографией, а в последнее время и литературной деятельностью.

Обладая огромным жизненным опытом, ты, Иван Тихонович, сохранил свои лучшие человеческие качества – добропорядочность, доброжелательность, душевную щедрость, умение нести людям мудрость и радость. Мы особо ценим нашу взаимную искреннюю многолетнюю дружбу, подтверждением чего является незабываемая, относительно непродолжительная по времени, но исключительно ценная по своей форме и насыщенная по своему содержанию семейная встреча у вас в мае 2007 года.

В этот юбилейный день. Иван Тихонович, мы также сердечно и искренне поздравляем тебя с очередным и самым высоким семейным званием прадедушки; обаятельную бабушку Танечку – с днем рождения и первым внуком.

Желаем вам – и самым большим, и самым маленьким – доброго здоровья, семейного счастья и долгих лет жизни!

А тебя, дорогой юбиляр, как и всех вас, наше семейство высоко ценит, глубоко уважает и крепко любит.

*Миша, Рая, Леня и Дима Миркины
г. Чикаго, 3 января 2010*

Приближалась обычная, а вовсе не юбилейная дата моего рождения, но и она не осталась незамеченной нашими конаковскими друзьями, и в этот день мы получили от них вот такое душевное поздравление:

Дорогой Михаил Лазаревич!

Наступил очередной день твоего рождения, и мы от всей души поздравляем тебя с этим событием. Не можем удержаться от того, чтобы не проиллюстрировать этот день весенним фотоснимком. Яркое апрельское солнце выхватило кусочек вечнозеленой красавицы сосны. Ей, может быть, столько же лет, сколько и тебе, но она по-прежнему молода и крепка. Мы рады, что ты, Михаил Лазаревич, выглядишь нам на зависть, таким же. Мы не сомневаемся, что залогом твоего здоровья служит счастливая ваша совместная жизнь с Раечкой. Ваше большое прекрасное семейство укрепляет ваш жизненный тонус. Пусть будет продолжаться так долгие годы. Мы желаем тебе, Михаил Лазаревич, и Раечке крепкого здоровья, счастья вашим внукам и правнукам. Мы рады, что вы есть, еще раз повторяем, что мы вас любим.

*Ирина Тимофеевна, Иван Тихонович, Женя, Таня и их семейство
Конаково, 16 апреля 2010*

Я не был забыт и нашей Чикагской ассоциацией ветеранов Второй мировой войны, приславшей мне поздравление с днем рождения:

Уважаемый Михаил!

Правление Чикагской Ассоциации ветеранов Второй мировой войны сердечно поздравляет Вас с днем рождения и шлет самые добрые пожелания.

Нам хорошо известно, что ваша прошлая жизнь была насыщена не столько розами, сколько шипами. Вы стойко перенесли все жестокие испытания и вышли победителем в этой тяжелой и длительной борьбе.

Желаем Вам счастливого грядущего и до 120 при полном здравии отмечать свои дни рождения в кругу родных и близких.

*Президент Чикагской ассоциации М. Мельник
16 апреля 2010*

Буквально через день после моего дня рождения шесть человек из нашего большого семейства (в числе нескольких сотен других) были приглашены в Иллинойский музей Холокоста в Скоки на презентацию «Альбома памяти жертв Холокоста». В нем, как я уже упоминал, были помещены и мои воспоминания (ранее публиковались в газете «Реклама» в 2009 году). Презентация «Альбома» в Иллинойском музее прошла интересно, а передача его в дар музею – торжественно. Она имела резонанс не только в Америке, но и за ее пределами. «Альбом» был передан во многие музеи Холокоста, в том числе и в «Яд ва-Шем» в Иерусалиме.

Вслед за музейными событиями возникли новые впечатления от очередных праздничных поздравлений с Днем Победы. Первое пришло от президента РФ Дмитрия Медведева. На сей раз оно было более личным, чем в прошлом году. Что стоят слова: «Мы гордимся Вами» или «Ваш подвиг – это пример доблести...» Впрочем, вот оно:

Уважаемый Михаил Лазаревич!

Примите мои сердечные поздравления с 65-летней годовщиной Великой Победы и самые добрые пожелания.

В нашей стране праздник 9 Мая был и останется священным для людей всех поколений. Вы выдержали тяжелейшие испытания и освободили нашу Родину от фашизма, принесли мир народам Европы.

Ничто не могло сломить силу Вашего духа, волю к Победе.

Мы гордимся Вами и будем беречь правду о Великой Отечественной войне. И всегда помним, что обязаны Вашему поколению мирной, свободной жизнью. Ваш подвиг – это пример доблести и самоотверженного служения своему народу. Огонь славы, зажженный великой Победой, будет гореть вечно.

Здоровья Вам, благополучия и праздничного настроения.

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев

Как всегда, сердечное поздравление прислали наши конаковские друзья – Иван Тихонович и Ирина Тимофеевна:

Дорогой Михаил Лазаревич!

От души поздравляем тебя с праздником Победы в Великой Отечественной войне.

Трудно подобрать нужные слова, чтобы наиболее полно и достоверно отразить ту действительность, которую вам, ветеранам, и тебе лично пришлось испытать наяву.

В это время мы, мальчишки и девчонки, знали о войне по героическим сводкам об успехах наших войск на полях сражений. Вы же, непосредственные участники боевых действий, знаете, что это такое и как досталась Победа, которую с огромной благодарностью сегодня чтят все народы, испытавшие тяготы войны.

Низкий поклон всем ветеранам Великой Отечественной войны и тебе лично, Михаил Лазаревич, добывших Победу огромной ценой.

Пусть в нашей памяти навсегда сохранится подвиг о тех, кто не вернулся с полей сражений. Вечная им память.

*Иван Тихонович и Ирина Тимофеевна
Конаково, май 2010*

Я, как всегда, получил также множество письменных и телефонных поздравлений от родных и друзей. Традицией ветеранской организации стало награждение участников войны медалью, на этот раз – «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», полученной из России. Газета «Реклама» к 65-летию Победы над нацистской Германией провела конкурс на лучший

рассказ о Второй мировой войне, и все 32 рассказа, в том числе и мой, были помещены сначала в еженедельнике, а затем в специально изданной «Книге Победы».

В этом году май для нас был самым знаменательным месяцем, главным образом потому, что нашему старшему сыну Лене 14-го исполнилось 60 лет – ровно половина срока, завещанного нашими праотцами. К этой юбилейной дате вся семья активно готовилась.

Начать хотя бы с того, что по инициативе нашего младшего сына Мити был разработан и в течение месяца осуществлен проект «Леня – 60». Он предусматривал видеозапись наших семейных рассказов о юбиларе с момента его рождения с показом соответствующих иллюстраций.

Сериал «Леня – 60», состоящий из 11 частей общей продолжительностью просмотра более четырех часов, был от нас вручен юбиляру накануне дня его рождения. Естественно, с юбилейным поздравлением:

Ленечка, дорогой наш именинник!

Поздравляем тебя со знаменательной датой – славным 60-летием. Желаем здоровья, счастья, радости, успехов всегда и во всем тебе и твоей замечательной семье.

Мы безмерно рады и счастливы, что ты остаешься для всех нас таким же добрым, честным и преданным, внимательным и в высшей степени порядочным человеком, как и прежде, человеком «с Большой буквы».

Пусть и вторая половина твоего жизненного пути, продолжительность которого завещана нашими мудрыми праотцами, будет для тебя и твоей семьи еще более радостной и счастливой на благословенной гостеприимной американской земле. Мазл тов, и до 120!

*С любовью, твои папа и мама
Вашингтон, 14 мая 2010*

Юбилейные торжества, по согласованию с Леней, мы решили провести в «двух отделениях»: первое – по месту жительства юбиляра в Вашингтоне 14 мая и второе – у нас в Чикаго 29 мая.

На вечер в Вашингтоне были мы, семейство Мити в полном составе, около 70 родственников и приглашенных (фото 263–265). Отлично праздновали вместе с юбиляром и его гостями, хорошо пообщались с нашей правнучкой Сашенькой.

Вечер в Чикаго проходил у Мити в красочно иллюминированном роскошном дворе, где собралось 60 гостей. Под огромным тентом стояли отлично сервированные столы с щедрым угощением, звенели наполненные бокалы, играли музыканты-профессионалы, выступали, конечно, «Чикагские мишугоим», которые подготовили отличную программу, – все это можно увидеть в видеофильме. А также и то, как ведущий предлагает, что вполне естественно, первыми сказать тост родителям юбиляра, и Раечка уполномочивает меня сделать это, и я говорю:

Дорогой наш именинник! Дорогие родные и друзья! Уважаемые дамы и господа!

Мы с Раечкой сегодня самые счастливые родители на свете. Самые счастливые потому, что с большой радостью и нескрываемой гордостью отмечаем 60-летие старшего из наших двух сыновей – Ленечки! Отмечаем первую и наиболее значимую половину жизненного пути нашего юбиляра.

Ровно 60 лет назад в такой же теплый майский день в больнице города Борисова родился наш именинник. Рядом со мной – самая прекрасная мама нашего именинника.

Послужной список нашего юбиляра, заполненный хорошими делами, весьма внушителен – всего не перечислить, но на несколько самых значимых, судьбоносных, следует указать:

1. Наш юбиляр явился идеологом и вдохновителем нашего выезда в Америку в 1988 году. Мы, правда, создали для этого все необходимые условия (выход на пенсию, имущественные вопросы, подготовка к отъезду и др.). По приезде он выполнял самые разные работы. Ему доверили наведение порядка и охрану в крупнейшем маркете в центре Чикаго, но почетный знак офицера Security ему тогда не смогли вручить, поскольку он не являлся еще гражданином Америки. Зато я эту почетную миссию теперь, через 22 с половиной года, с удовольствием выполняю.

2. Благодаря большой заинтересованности и личной инициативе Леня, при полной поддержке Симы, по чудом сохранившейся и привезенной маленькой довоенной фотографии разыскал девять лет тому назад в Калифорнии двоюродного брата своей мамы Сэма Клебанава, уроженца Америки, встретился с ним и его родными и получил несколько ценных, невиденных нами никогда фотографий.

3. Через три месяца после того как мы торжественно отметили юбилей Раечки, мамы нашего юбиляра (в мае 2007 года), Леня вместе с братом Митей организовали незабываемую, поистине историческую семейную поездку на мою родину в Черее, которую я покинул еще до войны (в 1940 году), в Борисов (на родину Раечки и Лени), в Минск, где мы все прожили 25 лет, и в Конаково Тверской области, что в 200 км от Москвы, к друзьям по совместной работе в Сибири в 60-х годах прошлого века. Эта поездка ни с чем несравнима по своей взволнованности, потому что мы посетили гетто, мемориалы, могилы родных, вспомнили всех ушедших. Впечатления и переживания незабываемые.

Это лишь некоторые из многих добрых дел Лени в семье...

Леня! Мы безмерно рады и счастливы, что ты остаешься для всех нас таким же добрым, преданным, внимательным сыном и в высшей степени порядочным человеком, как и прежде, Человеком с Большой буквы!

Горячо поздравляя юбиляра с 60-летием, разрешите поднять бокал и за него, и за его замечательную маму, которая подарила нам двух таких замечательных прекрасных сыновей.

Папа

Чикаго, май 2010

Собравшиеся слушали меня с большим вниманием, и нас это не могло не радовать. От этого вечера у нас остались неизгладимые впечатления.

К юбилею Лени руководитель группы «Чикагские мишугоим» Слава Фрумкин написал стихотворение. Вот оно:

Лене 60 лет

Твой, Леня, мир, огромен и красив
И гармоничен, как у Фибоначчи.
Не ведая других альтернатив,
Ведь ты бы просто и не смог иначе.

Он добр и отзывчив, этот мир –
В нем никогда никто нигде не плачет,
Под аккомпанемент веселых лир
В нем шутят, веселятся и хохмачат.

Он полон фантазеров и друзей,
В нем все друг другу подставляют плечи.
И в мире том всегда полно гостей,
Богат твой мир на радостные встречи.

Тот мир пронизан стрелами дорог,
Окутан паутинками тропинок.
Без них и дня бы ты прожить не смог,
Без кед и лыжных хоженных ботинок.

Наполнен этот мир дымком костра,
Сверкает он чешуйками форели.
К себе так манит с ночи до утра
Он песнями, которые не спели!

В том мире нету места для измен,
Там нету понедельника в неделе,
Там нету места для фальшивых сцен,
Нет времени беседовать о деле...

А где же Bechtel, где жена и дом?
Где внуки, где родители и дети?
Они все тоже в мире, но в другом,
А это – самый главный мир на свете...

И, раздираем между двух миров,
Шагает Леня жизненной дорогой.
То пенье у обочины дроздов,
То Симин взгляд с укором, но не строгий.

Ты в день рожденья отзовись на зов,
Прошу тебя, о мой всеильный Б-же!
Ты помоги в слиянии двух миров –
Мир тропок с миром тем, что всех дороже!

Шагай, мой друг, дорогою отцов!
В твоей душе для них так много места.
Успехов, долгих лет и мазел тов!
И помни, ты из Миркинского теста!

Незадолго до того, в апреле, Слава отмечал свое 65-летие. Судьба Славы и его уже покойной мамы заслуживает особого внимания, с ней можно ознакомиться в вышеупомянутом «Альбоме памяти жертв Холокоста» или в «Книге Победы». За рассказ об этом Славе был присужден приз. Здесь я приведу его стихотворение, посвященное маме.

Поминальная свеча

Мерцает поминальная свеча,
Лишь сполохи теней висят на стенах.
Октябрьская ночь, в окно стуча,
Листву бросает в лужах-гобеленах.

Уют домашний всех давно сморил,
Сопенье внука над свечой струится.
И только мне, хоть больше нету сил,
Ненастной ночью октября не спится.

Который год все мучает вопрос –
Как, мама, жаль, ты не даешь ответа!
Он для меня, как будто в вечность врос,
И каждый год – молчанье с того света...

Скажи, как ты решилась дверь толкнуть?
С ребенком на руках как в ночь шагнула?
Под всхлипы мамы: «Рохеле, побудь!» –
Ты прошлое свое перечеркнула!

А будущего призрачная нить,
Повисла на тончайшей паутинке...
Какую чашу суждено испить?
Все, что имеешь, – в маленькой корзинке!

Вот проволоки колючей ржавый ряд.
К шоссе дождливой ночью – прочь из гетто,
И в прошлое ты, бросив быстрый взгляд,
Шагнула через проволоку запрета.

О, это был ужасный, длинный путь,
Тяжелый путь утрат и путь страданий.
Напрасно ты, братишка, ищешь грудь –
Она полна лишь маминых рыданий.

А где тепло ее озябших рук?
Они тебя совсем не греют боле...
Конечно, ты не вынес этих мук,
И похоронен где-то в русском поле.

Ох этот тяжкий путь твоей судьбы!
Как далека ты от толкнутой двери...
Тропою партизанской борьбы
Привел тебя в февральские метели.

Блокады затянувшейся кольцо,
И стынет кровь от холода и страха.
Вот Шменкеля застывшее лицо
Как пронесло? Ума не приложу!

И окрик «Хенде хох!» – предвестник краха.
Как выскочили вы, назло облаве?
По лезвию судьбы, как по ножу,
Ты шла навстречу сыну – Славе!

У Славы нынче внуки родились,
И есть надежда – будут и правнуки,
И гены им твои передались,
Согласно генетической науке.

Спасибо, мама, что толкнула дверь
И выбрала тернистую тропинку,
Что пролегла дорогою потерь, –
Ты с будущим связала паутинку!

Лишь потому мы проросли теперь,
А наши жизни – памятники павшим!
И мы, как сможем, мамочка, поверь,
Расскажем нашим детям о вчерашнем...

По поминальным видишь ты свечам
Твои потери, мама, не забыты.
Не только по осенним вечерам,
Их вспоминаем, Гитлером убитых...

Вот ночь без сна клонит уже к концу,
А мой вопрос все так же без ответа...
Так нужно было, видимо, Творцу!
Да будет имя пусть Его воспето!

10 октября 2010

Леня и Слава были не единственными, кто отмечал свои юбилеи в этом году. Так, почти вместе с Леной отмечала свое 25-летие Алиса (*фото 266*), а месяцем позже Вике, жене Димки, исполнилось 30. Конечно, не забыли и самого молодого и самого главного юбиляра года – Сашеньку. В конце января наша Инесса получила лицензию адвоката. Молодец, Инесска! Твой труд не пропал даром и, надеемся, вскоре начнет приносить свои прекрасные плоды.

Наряду с юбилеями и праздниками, как это часто бывает в жизни, происходили и другие события, не радостные. В начале января в госпиталь попала Белла Моисеевна и пробыла там несколько недель. К сожалению, это повторилось и в августе. На этот раз она провела в больнице почти месяц. Хорошо, что все обошлось! В феврале мы получили скорбное известие из Израиля – скончалась Лиза Курман, двоюродная сестра Раечки, которая не дожила до своего 90-летия несколько месяцев. В марте и апреле произошли два трагических события в России – два мощных взрыва в Московском метро с тяжелыми последствиями и гибель польской правительственной делегации под Смоленском. Естественно, такого рода трагические события в любой стране, не говоря уже о России, нам не безразличны, и мы их болезненно переживаем. В начале мая ушла из жизни еще относительно совсем молодая Ира, мама нашей Вики, Диминой жены. Невосполнимая утрата для всех нас.

30 июня мы отметили очередную годовщину гибели Мимы и десятую годовщину преждевременного ухода из жизни Исаака, братьев Раечки. Мима погиб во время Великой Отечественной войны, и его имя, а также имя отца Раечки были в октябре высечены на мраморном памятнике мамы Евы Ефимовны здесь, в Скоках. Памятник Исааку установлен в Израиле. Так судьба разбросала ушедших в мир иной родителей и братьев Раечки по разным странам и континентам: отец навечно остался в Белоруссии, мать в Америке, братья Моисей и Исаак – в Израиле, а Мима – где-то на бескрайних просторах России.

Не могла остаться незамеченной поездка в Россию Кравцовых, наших соседей по этажу. Порадовала нас июньская поездка Анечки на несколько недель в Израиль в составе специально сформированной группы.

В сентябре, после активного участия в подготовке юбилейных торжеств Лени, мы с Раечкой поехали отдыхать в пансионат Lake Geneva в штате Висконсин, в полутора часах езды от дома. Леня и Митя помогли нам отыскать такое место с почти белорусской природой, закрытым и открытым бассейнами, непрерывно курсирующим по окрестностям автобусом, большим озером в километре от отлично оборудованной гостиницы. Что может быть лучше и приятнее для отдыха? Даже захотелось приехать сюда еще раз в будущем году.

В этом же месяце в гости к Мите с Лизой приехали на 10 дней их давние друзья по Минску Саша и Галя Анцелиович. Вчетвером они совершили поездку по ряду примечательных мест и интересных городов, включая Сан-Франциско и Лас-Вегас, погостили в Вашингтоне и в Нью-Йорке. Надо полагать, в Минск

они увезли, кроме сувениров, достаточно впечатлений о далекой Америке и об американской жизни их близких друзей. Митя продолжал принимать участие в шахматных соревнованиях, и на одном из городских турниров в ноябре он вместе с двумя другими шахматистами разделил почетное 2–4-е место, что свидетельствует о высоком классе его игры.

Завершает хронологию года небольшая информация о том, что в конце года вышел в свет внушительный четвертый том Чикагской ассоциации ветеранов Второй мировой войны «Война и судьбы: Книга о ветеранах Великой Отечественной войны». В этом томе помещен мой рассказ «Один день на войне»¹. Почти в то же время в чикагской газете «Земляки» (издается ассоциацией «Земляки»; президент Аркадий Клебан) напечатали статью Шомы Бурмана «Михаил Миркин о своих родных, погибших в огне Холокоста, и городе детства»².

Нас продолжали радовать поездки наших детей и внуков по Америке и странам мира: Леня с Симой побывали в Гваделупе, Доминиканской Республике и ряде американских штатов; Митя с Лизой и их дети, в основном, путешествовали по Америке; Дима с Викой съездили в Киев и на Каймановы острова.

В этом году, как и предыдущем, отмечали юбилеи: Ира Клебанова и Соня Циркина – каждая в свой день – праздновали 55-летие. Конечно, не были забыты и скорбные даты: 24 года прошло с тех пор, как ушла из жизни Эмма Мондшанина, 20 – Абраша Берман, 10 – Муся Суховольская, 5 – Дина Клебанова. Скорбим и помним!

Вот таким был уходящий год. Ему на смену уже спешил новый, год 2011. Заключительный для моего автобиографического повествования. Как всегда, он начался с новогодних поздравлений от родственников и друзей, и, конечно, одними из первых были Сычевы из далекого Конаково. В качестве новогоднего подарка Иван Тихонович прислал нам – мне, Лене и Диме – по экземпляру только что изданной своей второй книги «Еще раз о прошлом: События, очерки, встречи»³. Книга, безусловно, интересная и не только для нас, энергетиков.

Наша связь с внуками никогда не прерывается, и мы всегда в курсе их успехов. В начале февраля позвонила Инесска, и сообщила, что ее поклонник Лео, сделал ей предложение, предварительно купив бриллиантовое кольцо и квартиру. В конце октября мы, вместе с семьями Мити и Лизы, поедem в Вашингтон на это радостное для всех нас свадебное мероприятие, а пока желаем будущим молодоженам здоровья, счастья и радости на долгие годы.

¹ См.: Война и судьбы / Ред. и сост. Абрам Сагалович. Т. 4. Чикаго: Изд-во PRINTIME, 2010. С. 193–196.

² Бурман Ш. Михаил Миркин о своих родных, погибших в огне Холокоста, и городе детства // Земляки: газ. Чикаго. 2010. дек. № 23(295). С. 12–13.

³ Сычев И. Т. Еще раз о прошлом. Дубна, 2010.

Для нашей семьи февраль месяц особый: 12-го – у Мити день рождения, 25-го – у Раечки, 2-го марта – у нашей правнучки Сашеньки, которой исполняется аж целых три годика (*фото 267*). Немножко подвела нас Белла Моисеевна: в марте она опять попала в госпиталь, пробыв там около полутора месяцев.

Неожиданно в середине марта, когда уже подходила к концу основная часть моей работы над автобиографическим повествованием под названием «От Черей до Ангарска», у научного консультанта, доктора исторических наук Леонида Смиловицкого и у редактора (осуществлявшего, кстати, набор этого текста), историка и журналиста Григория Рейхмана, живущих в Израиле, возник резонный вопрос: «Почему только до Ангарска? Почему до 1963 года? Разве после 1963 года не было событий в вашей жизни?» И я понял, что должен продолжить семейную сагу по настоящее время, и незамедлительно приступил к работе над второй частью книги под общим названием «От Черей до Чикаго». Пришлось снова позабыть о покое. Как тут не вспомнить стихотворение « На покой не уходят романтики» Славы Фрумкина:

На покой не уходят романтики...

*Раисе и Михаилу Миркиным,
нашим дорогим романтикам*

На покой не уходят романтики!
Это званье при них на века!
И не важно, что косы без бантиков
И не плещется рядом река.

И не важно – палатки не тронуты,
И без вас миновала гроза,
И давно не глядели вы в омуты,
Где из бездны горели глаза...

Да, костров головешки загашены,
Вы дымка не вдыхали давно.
Ну и что ж, что виски припорошены,
Будто утром морозным окно...

То окно, что имел Леня с братиком,
За которым была Ангара....
То признание души быть романтиком!
На покой им еще не пора!

21 ноября 2009

К своему дню рождения я успел написать первые 100 страниц, и это был некий подарок самому себе. Как всегда, об этом дне не забыли ни родные, ни друзья, включая Сычевых и нашу ветеранскую организацию.

Поздравление Сычевых отличается от стандартного поздравления ветеранской организации, поэтому и приведу его полностью. Его сопровождает рисунок весенней птички – скворец у скворечника.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Лазаревич!

Семейство Сычевых со всем своим потомством от души и сердечно поздравляют тебя с днем рождения! «Скворцы пропавшие вернулись», – поется в песне фронтового солдата. И у нас это произошло наяву. Так всегда бывает в наших краях в апреле, и не случайно они торопятся появиться к 16 апреля.

Дорогой Михаил Лазаревич! Мы с особой радостью произносим слова поздравления, приятно сознавая, что далеко, там, за океаном, живут наши замечательные верные друзья, и знаем, что эти слова услышит все большое семейство Миркиных, которое мы бесконечно любим, молимся за их здоровье и благополучие.

Дорогая Раечка! Мы поздравляем персонально тебя с этим событием. Мы желаем вам с Михаилом Лазаревичем бодрого самочувствия и крепкого здоровья на долгие-долгие годы. Михаил Лазаревич для всех нас прекрасный образец бодрости и подтянутости, мы уверены, что достигнуто все это не без твоего, Раечка, влияния.

Желаем вам, чтобы вы избавились от подсчетов, сколько вам лет, живите будущим на радость вашим детям, внукам и правнукам.

Ирина Тимофеевна, Иван Тихонович, Таня, Женя. 16.04.11

В дальнейшем приоритет во всех житейских делах был отдан, естественно, работе над рукописью второй части.

Приближался ежегодный праздник 9 Мая (фото 268). Как обычно в последние годы, традиционное поздравление пришло от президента РФ Д. А. Медведева. Мне показалось, что, по сравнению с предыдущими, оно было более формальным и политизированным и менее личностным. Зато поздравление Сычевых, как всегда, дружелюбным и душевным. Торжественно отметила День Победы наша Чикагская ассоциация ветеранов Второй мировой войны, которая еще накануне – 5 мая – в библиотеке Скоки провела это праздничное мероприятие. 66-летие Победы над нацистской Германией широко освеща-

лось в нашей печати, в частности, в газетах «Реклама», «Земляки» и «Семь дней». Там же были помещены соответствующие фотографии.

Хорошая весть пришла в эти дни из правительственных кругов США – ненавистный Бин-Ладен, наконец-то, ликвидирован. Сколько людей и сколько времени с нетерпением ждали этого судного дня!

К дню рождения Лени и окончанию учебы Анечки количество написанных страниц второй части составило 150 страниц, а через две недели уже 200. Продвигаться вперед стало намного веселее.

В июне нас основательно огорчил Аркадий Григорьевич, муж Беллы Мои-сеевны, внезапно попавший в госпиталь. Это произошло 11 июня, и, к сожалению, оттуда он уже не вернулся. За месяц до 83-летия, 30 июня, его не стало. Для всех нас это невосполнимая утрата. Пусть земля ему будет пухом.

22 июня исполнилось 70 лет с начала Великой Отечественной войны, равных которой по масштабам, жестокости, людским потерям, материальному ущербу и последствиям не было в истории человечества, а по числу погибшего еврейского населения и подавно – не менее 6 миллионов человек. В совместном заявлении Московского антифашистского комитета и МБПЧ (Московское бюро по правам человека), опубликованном накануне в российской и мировой прессе, отмечается, что людей, прошедших войну, осталось в России и в республиках бывшего СССР совсем мало¹. Например, по официальной статистике из воинов 1923 года рождения, к которым принадлежу и я, уцелели во время войны только... 3%! Какая страшная цифра! Лишь трое из каждой сотни 18-летних ребят дошли до Победы.

У половины нынешнего населения России на войне был убит кто-то из близких, у трети – ранен. И это не считая тех, чьи родные оказались в гитлеровских и сталинских лагерях, умерли от голода, пропали без вести. Поистине и для России, и для других, переживших войну людей, это День памяти и скорби.

К концу 1941 года 40% населения оказались в оккупации. Наши потери (убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести) составили 3 миллиона 308 тысяч человек – в 15 раз больше, чем у немцев. Более 3 миллионов солдат и офицеров попали в плен. Армия лишилась свыше почти 20 тысяч танков и 18 тысяч самолетов – 90 % от имевшихся до войны.

Ответственность за эту катастрофу, как теперь официально признано в России, несет руководство страны, и прежде всего Сталин, который единолично определял курс внутренней и внешней политики СССР. Это он в предвоенные годы, на радость Гитлеру, буквально обезглавил Красную армию. За

¹ См.: Шалом: газ. Чикаго. 2011. июнь. № 347. С. 5–7.

1418 дней и ночей небывалой истребительной войны наша армия потеряла 180 высших офицеров от комдивов до командармов. А в 1937 году и вплоть до 22 июня 1941 года по лживым и сфабрикованным обвинениям были уничтожены 441 командир – от комбригов до маршалов. Избиение армии продолжалось и после 23 октября 1941 года (расстрел Смушкевича, Штерна, Рычагова и др.). Массовое истребление комсостава собственной армии накануне и во время войны – явление беспрецедентное в мировой истории и по сути, и по масштабу. Армия потеряла не только первоклассные военные кадры – репрессии нанесли страшный удар по ее моральному состоянию, подорвали дисциплину и авторитет командования. 27 миллионов жизней (это половина всех жертв за время Второй мировой войны) отдал многонациональный советский народ ради Победы над фашизмом.

Наши потомки не застрахованы от повторения страшных трагедий прошлого. Особенно об этом должны помнить евреи. Поэтому столько внимания я уделил этой трагической дате.

Несколько месяцев тому назад мне позвонил Леня из Вашингтона и сообщил, что Российский центр и фонд «Холокост» (Москва) прислал два экземпляра 2-го выпуска книги «Сохрани мои письма...»¹, один ему, а второй мне – как лицу, представившему документы для сборника. С содержанием этой, по-моему бесценной, книги я уже был знаком по первому выпуску 2007 года. Тогда мне ее подарил региональный представитель научно-просветительного центра «Холокост» в Израиле Григорий Рейхман.

С волнением перелистывая страницы 2-го выпуска, я увидел на 19-й странице цветной вкладки копию моего письма, отправленного из 1-го Куйбышевского военно-пехотного училища родителям в 1944 году, сразу после освобождения Черей от немецких оккупантов. Тогда я уже не питал иллюзий по поводу судьбы моей семьи на оккупированной территории, но все же исключить такое чудо, которое, к великому сожалению, не произошло, я не мог. Под копией письма подпись: «Письмо курсанта М. Л. Миркина родителям в м. Черей (Витебская область, Белоруссия) 29 июня 1944 г.». В перечне лиц, предоставивших документы для сборника, на 317-й странице указано: «Миркин М. Л. (США)», а в географическом указателе на 327-й странице – «Черей, с. 19, цв. вкл.». Я рад, что, наконец, в солидном издании упомянуто «местечко Черей», где было гетто и в 1942 году зверски уничтожено около 800 евреев, в том числе и члены моей семьи.

¹ Сохрани мои письма...: Сб. писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2 / Под ред. и с предисловием И. А. Альтмана. Сост. И. А. Альтман, Л. А. Терушкин, И. В. Бродская. Рос. б-ка Холокоста, Центр и Фонд «Холокост». М., 2010. 328 с., ил.

О своих родных, погибших в огне Холокоста в местечке Черее, рассказал Шома Бурман в чикагской газете «Земляки», сопроводив рассказ фотографиями¹. О Черее написала газета «Авив» – орган Союза белорусских общественных объединений и общин, выходящая два раза в месяц в Минске². Во время встречи в конце июля нашей общины с Михаилом Трейстером, известным общественным деятелем Белоруссии, президентом Объединения евреев – узников гетто и нацистских лагерей и вице-президентом международного Союза евреев, объединяющего 10 стран, мне передали от Еврейского культурного центра Минска три экземпляра этой газеты.

В 2009 году в Москве в серии «Российская библиотека Холокоста» под эгидой Российского центра «Холокост» и под редакцией его сопредседателя профессора РГГУ Ильи Альтмана вышла в свет энциклопедия «Холокост на территории СССР» (М.: РОССПЭН). Об этом Лене сообщил историк Г. Рейхман³. И если в первом издании энциклопедии Черей нет, то во втором, 2011 года, на странице 1058, можно прочитать:

Черее – деревня, Чашиковский район, Витебской обл., БССР (ныне Республика Беларусь). До войны в Ч. проживало ок. 1 тыс. евреев. Окупирована вермахтом с июля 1941 до 27.6.1944. Находилась в зоне действия военной администрации. В оккупации оказалось св. 800 евреев. Они были убиты 5.3.1942.

Лит.: Свидетельствуют палачи. Уничтожение евреев на терр. Беларуси в 1941–1944 гг.: Документы и материалы. Мн., 2009. С. 158⁴.

Ошибка в дате – они были убиты 6 марта, днем позже. Отныне бывшее местечко Черее не может числиться среди тех населенных пунктов, свидетельств об уничтожении евреев в которых не осталось или их мало.

¹ Земляки: газ. Чикаго. 2010. дек. № 23(295).

² Миркин М. Это случилось в Черее // Авив: газ. Минск. 2011. Май–июнь. № 05-06 (176–177). С. 17.

³ Региональный представитель Российского научно-просветительного Центра «Холокост» в Израиле. Регулярно публикует в израильской русскоязычной прессе и в виртуальном пространстве по проблематике Холокоста и героизма, в частности, статьи о новых уникальных документальных свидетельствах героизма воинов-евреев в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

⁴ Холокост на территории СССР: Энцикл. М.: РОССПЭН, 2011. 2-е изд-е, испр. и доп. С. 1058.

В юности я мечтал участвовать в преобразовании нашего небольшого патриархального местечка в современный культурный центр, чтобы о Черее когда-нибудь заговорили, и только хорошее. Проклятая война не дала этому сбыться. Теперь же с нашей помощью, о Черее стало известно не только как об административной единице, но, к сожалению, лишь в связи с Холокостом. После 1942 года там не осталось ни одного здравствующего еврея.

...Вот и заканчивается 2011 год. Еще много событий ожидает впереди. В этом году, например, отметили юбилейные и полуюбилейные даты Сэм Клебанов – 85 лет, Рая Батюшко – 70 лет, Муся Минкова – 65, Галя Мессерман, Ира Волкина и Миша Фишбейн – 50, Инесса Миркин – 30. Цилия Абрамовна и Марк Моисеевич торжественно отметили 60-летие совместной супружеской жизни.

Не будут забыты и ушедшие из жизни в разное время: Исаак Касавин – 15 лет назад, Нина Гурьевна и Марина Фельдман (замечательный израильский экскурсовод) – 10, Володя Фишбейн, Рома Лорман и Миша Райгородский – 5.

Мы с Раечкой съездили в августе на недельку в дом отдыха Lake Geneva, а в октябре вместе с семейством Мити и Лизы – в Вашингтон на свадьбу к Инессе и Лео. О ней я расскажу подробнее.

22 октября в Вашингтон собрались более 100 человек родных, родственников и приглашенных, и эта свадьба, с кетубой и традиционной еврейской халой-плетенкой, благословение над которой произнес Владимир Минков, приехавший из Чикаго, – стала крупным радостным семейным событием (*фото 269–276*).

Весь свадебный ритуал был на американский манер – сначала на открытом воздухе, затем в помещении ресторана, расположенного на берегу красавицы-реки Потомак. С открытой площадки, на которой проходила торжественная церемониальная часть, открывался изумительной красоты вид на противоположный берег реки с Капитолием и мемориалом Джорджа Вашингтона.

Каждые 40 секунд над водной гладью реки проносились самолеты, направляющиеся в международный аэропорт имени Рейгана, расположенный на том же противоположном берегу: они-то и дополнили всю эту красоту.

Прозвучала песня в прекрасном исполнении оперных певцов Мэтта и Марджери (сестры Лео), с трудом выкроившей несколько дней из своего плотного графика занятости в Мюнхенской опере, чтобы спеть на этой свадьбе. Вторая, уже развлекательная часть свадебного торжества, проходила в ресторане за 15 круглыми столами.

По традиции папа невесты, Леня, произнес торжественное вступительное слово. Его тост на английском языке и последующие веселые шутки и тонкие остроты поддерживали праздничное настроение всего зала. Очень интерес-

ным было и коллективное поздравление новобрачных дюжиной красивых подружек Инессочки.

Естественно, дедушка Миша и бабушка Рая, сидя за главным гостевым столом, не могли не поздравить тепло свою внучку с таким замечательным событием в ее жизни. И поздравали.

Ограниченное знание английского языка не помешало нам выступить с поздравлением: на помощь и выручку пришла другая наша внучка Алиса, дочь Мити, которая по предложениям переводила наше поздравление:

Уважаемые гости!

Сегодня у нас большое торжество по случаю бракосочетания нашей прекрасной пары – Инессочки и Лео.

Дорогие Инессочка и Лео!

Вы не только прекрасная пара, вы – счастливая пара, особенно на этом замечательном фоне (кивок в сторону кетубы). Мы, Раечка и я, счастливы приветствовать вас и сердечно поздравить в этот незабываемый день вашего бракосочетания. Живите долго и счастливо. Мира, счастья и радости вам, дорогие молодожены. Пусть в вашем доме всегда будет слышен детский смех.

Наша особая благодарность уважаемым родителям Лео – маме Мафи и отцу – Лео-старшему за то, что вырастили и воспитали для нашей внучки такого замечательного жениха, а Симочке и Лене – за отличную невесту. За вас и ваш счастливый брак, Инессочка и Лео!

Веселье продолжалось до позднего вечера. Долго были еще слышны звуки зажигательной музыки и шум праздника. Накануне мы вручили молодоженам красочную поздравительную открытку с соответствующим осязаемым приложением и следующим напутственным содержанием:

Дорогие Инессочка и Лео!

Сердечно поздравляем вас с торжественным и радостным днем бракосочетания. Живите долго и счастливо в добром мире, постоянной радости, взаимной любви и полном согласии. Пусть ваш дом будет наполнен детским смехом. Вы оба многого уже добились и, надеемся, еще большего достигнете.

*Крепко целуем, бабушка Рая, дедушка Миша
Чикаго, 22 октября 2011*

Назавтра, в воскресенье, родители невесты Леня и Сима устроили у себя для приглашенных из других городов и стран на свадьбу гостей «день открытых дверей». У них в этот день побывало более полусотни человек. Здесь произошли интересные и даже неожиданные встречи, шумные разговоры, много было выпито и съедено разных вкусностей. Так прошло прощание с гостями, приехавшими поздравить молодых в торжественный день их бракосочетания.

Рано утром следующего дня наша чикагская команда из шести человек, простившись со счастливыми молодоженами и их родителями, уютно устроилась в креслах самолета авиакомпании Airtran, который взял курс на запад. Возвращались мы домой в приподнятом настроении, очень довольные нашей четырехдневной целевой поездкой в Вашингтон. Через два часа после взлета мы оказались в аэропорту Милуоки, а час спустя увидели знакомые очертания родного города.

И, как это обычно бывает после отъезда, пусть и непродолжительного, и возвращения, переступаешь порог своей обжитой квартиры,ходишь в свою комнату, ставишь на стул дорожный чемодан с вещами и начинаешь извлекать из него наспех собранные накануне вещи и предметы. На этот раз мне не терпелось просмотреть содержимое тех двух увесистых пакетов, которые накануне Леня получил для меня из Израиля от уважаемого Леонида Смиловицкого. В одном из них было несколько объемистых историко-публицистических журналов «Мишпоха», издающихся в Витебске с 1995 года Союзом белорусских еврейских общественных организаций и общин, а в другом – пакет газет «Авив», «Берега», «Единство», «Тикватейну». О существовании некоторых из них я просто не знал. Беглый просмотр заголовков журналов и газет подтвердил исключительную ценность содержащейся в них информации. ...А перед глазами еще то и дело возникала написанная золотыми буквами кетуба Инессочки и Лео – символ вечной жизни и прочной еврейской семейной верности.

Заканчивая свое повествование, мне хочется отметить нашу многолетнюю искреннюю, бескорыстную и более чем родственную дружбу с Володией Минковым, его семьей (*фото 275*) и родителями, которых, к великому сожалению, теперь уже нет. Мы с Володией очень близки по духу, а, значит, близки и по своим действиям. Вот как Володя рассказал о нашей многолетней дружбе: «Мы познакомились с Михаилом Миркиным в начале 1960-х годов в одном из научно-исследовательских институтов г. Минска, занимаясь проблемами экономического управления электростанциями. Со временем производственные рабочие товарищеские дружеские отношения переросли в дружбу духовную – и с ним, и с его великолепной семьей. Миша был настоящим советским человеком и ученым, как и все мы в то время, искренне веря в могущество коммунистических идей – до тех пор, пока сами эти идеи не показали свое моральное банкротство. А увидеть это банкротство, может быть, раньше, чем другим, нам удалось потому, что в нас сохранилась еврейская духовность,

переданная нам родителями, как сейчас уже можно сказать – генным путем. И в части еврейской духовности Миша был впереди всех нас, советских людей еврейской национальности. Он был настоящим советским человеком, но с ”еврейским лицом“ – не в смысле внешности, в смысле духовности. В определенной степени наша дружба способствовала и формированию моих интересов в области научных исследований – и в области энергетики, и духовно еврейских, которые были полностью реализованы уже в США. Здесь я написал свою книгу¹, и прообразом настоящих евреев в этом мире была семья Миши.

Один из разделов этой книги был посвящен экономике на основе концепций Торы. И это то, к чему я пришел, в том числе и благодаря моей дружбе и сотрудничеству с Мишей». Мы можем только просить у Всевышнего, чтобы он сохранил наш духовный потенциал и нашу дружбу как можно дольше, столько, сколько нам суждено. Я же могу сказать, что мне и всему нашему семейству повезло, что в нужное время и в нужном месте встретили таких добрых и порядочных людей, как Володя Минков и его семья.

Хочется сказать хорошие слова и о другой паре друзей по Минску – Матусе и Виктории Столовых, с которыми мы также тесно общаемся здесь уже более двух десятков лет (*фото 276*). Встречаемся мы – три упомянутые пары – в праздничные и выходные дни, но не только, ведь поговорить нам всегда есть о чем: слишком сложна современная повседневная жизнь, многие проблемы зачастую возникают неожиданно, а потому появляется повод и настоятельная необходимость в обстоятельном разговоре и взаимном обмене мнениями и информацией со старыми друзьями. Меньше мы говорим о времени нашей совместной работы в международном Центре энергетических технологий, который возглавлял в свое время Володя Минков в Аргонской национальной лаборатории, хотя тогда в сотрудничестве с российскими учеными нами было сделано немало взаимовыгодного и интересного. Сейчас мы больше говорим о национальном самосознании, о человеческих судьбах вообще и о выживании в Холокосте в частности. Последняя тема очень актуальна, близка всем нам, но в большей степени Матусу Столову как узнику Минского гетто, полной мерой испытавшему на себе все ужасы происходившего там.

Владимир Минков и Матус Столов по-дружески интересовались ходом работы над этой книгой. Они в значительной степени поддерживали на должном уровне мой потенциал и рабочий тонус. На мое предложение высказать свое мнение о ценности, уровне и значении излагаемого материала они охотно

¹ Минков В. Евреи и их роль в этом мире: Еврейская интеллектуальная идентификация. Chicago, IL: INVLAB USA, 2010. 320 с.

откликнулись. Я же со своей стороны посчитал своим неременным долгом поместить в этой книге их мысли и мнения о моем повествовании¹.

А теперь о Минском гетто, который один из ныне здравствующих его узников Матус Столов никогда не забудет.

О Минском гетто писали Гирш (Григорий) Смоляр, Леонид Смиловицкий, Давид Мельцер, Абрам Рубенчик, Барбара Эпштейн, Эммануил Иоффе, Борис Млынский и др. Благодарности заслуживают историки и журналисты, которые упорно продолжают разыскивать и публиковать новые материалы о Холокосте, что особенно важно в современных условиях: Вилен Люлечник, Илья Куксин, Григорий Рейхман, Ванкарем Никифорович, Светлана Гебелева и др. «Во всех существующих сегодня музеях Холокоста, – писал восемь лет тому назад В. Никифорович, – в солидном и многоэтажном Вашингтоне, в постоянных и временных экспозициях в разных странах Европы есть залы со стендами, посвященными Варшавскому гетто. О Минском, самом большом² в годы войны, в лучшем случае – только небольшая справка, упоминание. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны до сих пор висит позорная антисемитская картина Михаила Савицкого, на которой еврей угоднически прислуживает фашистскому убийце-карателю. Почему все это? До какой поры?»³

К сожалению, ничего утешительного по этому поводу мы не услышали и из уст известного общественного деятеля Белоруссии Михаила Трейстера, когда он, бывший узник Минского гетто, в конце июля 2011 года, выступал с докладом на встрече с представителями нашей общины и белорусского землячества в Скоки, организованной по инициативе президента Чикагской ассоциации «Земляки» Аркадия Клебана. Михаил Трейстер поделился с нами воспоминаниями о своем пребывании в Минском гетто (в 1941 году ему было 14 лет), о минском подполье, о связи с партизанами, о мужестве и героизме белорусских евреев, о послевоенной и современной жизни еврейской общины Белоруссии. Он рассказал, да мы и сами это знаем, что белорусское правительство уже в ночь с 24 на 25 июня 1941 года бежало в Могилев, а главный белорус – первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Пантелеймон Пономаренко – удрал еще раньше, что не помешало ему отписать товарищу Сталину: «Настроение колхозников героическое. Городское население обуял страх, они бегут. Это влияние евреев, которые ни о чем не думают. Кроме собственной шкуры»⁴.

¹ См. *Приложения 30 и 31*.

² На территории бывшего СССР (*прим. ред.*).

³ *Никифорович В.* Судьба книги – судьба народа // Реклама: газ. Чикаго. 2003. 30 апр. – 6 мая. № 16(441). С. 52.

⁴ *Шур П.* Культура памяти народной // Земляки. Chicago. 2011. Август. № 15. С. 8.

Минское гетто, в котором находилось более 100 тысяч евреев, было одним из самых крупных в Европе. Немногим удавалось убежать к партизанам или просто выбраться из этого ада. Одним из них был Матус Столов. О пережитом в гетто Матус подробно рассказал в своей рукописи еще в 1995 году «История оставшегося в живых в Минском гетто», а также в интервью для одного из музеев Холокоста. Матус проявляет интерес ко всем открывающимся эпизодам Холокоста, в том числе и рассказанным мной.

Михаил Трейстер подарил своим землякам книгу о еврейском сопротивлении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кроме того, он привез пять памятных нагрудных знаков «Узник нацизма» для чикагцев, выходцев из Беларуси, которые выжили в гетто и концлагерях. К каждому знаку прилагается удостоверение, что знак выдан на основании решения правления Белорусского республиканского фонда «Взаимопонимание и примирение». Эти дорогие награды Михаил Трейстер лично вручил двум членам нашей общины – Матусу Столову, работающему в Чикагском музее Холокоста, и Валентине Марголиной, секретарю Ассоциации чикагских ветеранов.

На протяжении всего времени, пока я занимался описанием тех или иных событий из жизни нашего большого семейства на американской земле в хронологическом порядке, мне часто приходилось обращаться к разного рода литературным и нелитературным источникам, в том числе и к стихотворениям непрофессионального поэта Славы Фрумкина. На мой непросвещенный взгляд, многие его стихотворения являются если не шедеврами, то, по крайней мере, некими перлами в лучшем смысле этого слова. Так, в ранее упомянутом стихотворении «Не уходят на покой романтики» он еще год тому назад нам напомнил, что мы с Раечкой, к нашему изумлению, романтики. Но о том, что мы стали теперь уже особами преклонного возраста, в просторечии стариками, нам намекнуло вовремя и к месту прочитанное им стихотворение Андрея Дементьева :

Не все умеют стариками быть

Быть стариками – непростая штука.
Не все умеют стариками быть.
Дожить до старости – еще не вся наука,
Куда важней достоинство хранить.

Не опуститься, не поддаться хвори,
Болячками другим не докучать,
Уметь остановиться в разговоре,
Поменьше наставлять и поучать.

Не требовать излишнего внимания,
Обид, претензий к близким не копить,
До старческого не дойти брюзжания,
Совсем не просто стариками быть.

И не давить своим авторитетом,
И опытом не слишком донимать.
У молодых свои приоритеты,
И это надо ясно понимать.

Пусть далеко не все тебе по нраву,
Но не пытайся это изменить,
И ложному не поддавайся праву
Других уму и разуму учить.

Чтоб пеною не исходить при споре,
Не жаловаться и поменьше ныть,
Занудство пресекая априори.
Совсем не просто стариками быть.

И ни к чему подсчитывать морщины,
Пытаясь как-то время обмануть,
У жизни есть на все свои причины,
И старость – это неизбежный путь.

И если одиночество случится,
Умей достойно это пережить.
Быть стариками трудно научиться,
Не все умеют стариками быть.

Нам неизвестно, и можно только догадываться, по какому случаю оно написано, кому адресовано и посвящено. Но главная мысль стихотворения бесспорна: стариками быть трудно, и далеко не все умеют ими быть. Мы это поняли, а потому просто стараемся быть не стариками, а людьми преклонного возраста.

Чикаго, февраль 2012

Послесловие

Мой дорогой читатель!

Вот ты и перевернул последнюю страницу этой книги. Меня всегда волновал вопрос, что оставляет после себя человек к концу своей земной жизни? Успел ли он ответить на свои вопросы, найти гармонию или его постигло разочарование? Я отдаю себе отчет в том, что далеко не каждому удастся оставить заметный след.

История нашей семьи, рассказ о которой я взял на себя смелость положить на бумагу, растянулась на протяжении целой эпохи. Я тешу себя надеждой, что эта книга поможет глубже понять смысл и значение того, что происходило в те смутные времена, когда судьба многих народов, и особенно еврейского, зависела, главным образом, от государственной системы и в меньшей степени от действий честных представителей этого народа, которые ей служили.

Я верю, что наши дети, внуки, правнуки будут помнить своих родителей, дедушек и бабушек и т. д. Теперь они знают, в какое непростое и неповторимое время мы жили. Насколько убедительными покажутся им мои поступки и насколько они разделят мои взгляды на положении вещей, какие уроки вынесут, и к каким выводам придут... Книга, как корабль, спущенный со стапелей, после своего выхода в свет, начинает самостоятельную жизнь, независимо от автора и действующих в ней лиц.

Одно я знаю твердо: что бы ни случилось, нас наследует прекрасная, достойная и надежная смена, которая вне сомнения, преумножит достигнутое.

Михаил Миркин

Приложения

Подписи к фотографиям

Имена в подписях под фотографиями указаны слева направо;

*(?) означает неизвестного, * – фамилия неизвестна.*

1. Родители Сара Мордуховна и Лазарь Давыдович. *Крупки, 1921*
2. Сестра Хася (Ася). *Черя, 1939*
3. Брат Гриша. *Черя, 1937*
4. Учитель Илья Наумович Хосид (*в центре*) с учениками Гилей Гутиным (*слева*) и Мотой Миркиным. *Черя, 1936*
5. Я с соученицей Мерой Кокиной (в память об окончании семилетки). *Черя, 1937*
6. Группа учеников 6–7-х классов. *Сидят:* Аня Зак, Гиля Гутин, Мота Миркин и Гиля Каган; *стоят:* Ида Лившиц, Цива Кокина, Рая Клугман и Броня Минкова. *Черя, 1936*
7. Восемиклассники белорусской средней школы: Мота Миркин, Ира Зинькевич и Гиля Гутин. *Черя, лето 1938*
8. Дедушка Алтер-Довид Миркин с внуком Рувой. *Крупки, 1931*
9. Я – выпускник 10-го класса (снимок сделан для сдачи документов перед вступительными экзаменами в БГУ). *Черя, май 1940*
10. Двоюродная сестра Аня Андрачник. *Борисов, май 1962*
11. Рая и Фима – дети Ани Андрачник. *Борисов, май 1962*
12. Фронтовые друзья. Дима Глазков (*слева*) и я в Куйбышевском военнопехотном училище (КВПУ). *Куйбышев, декабрь 1943*
13. В группе ранено-больных госпиталя. Я в 3-м ряду (*второй слева, с книгой*). *Орехово-Зуево, июль 1945*
14. В госпитале. *Орехово-Зуево, июль 1945*
15. У памятника летчику-истребителю Герою Советского Союза Виктору Талалихину. Я, Мария Чекова и Гриша Михалевич. *Подольск, июль 1945*
16. Мима, брат Раи. *Борисов, 17 июня 1941*
17. Одноклассница Паша Агароник. *Орша, апрель 1946*
18. Дмитрий Глазков – лучший друг и товарищ по службе. *В/ч, декабрь 1945*
19. Надпись на обратной стороне фотографии 18
20. В гостях у двоюродной сестры Кати. Я, Хая (Катя) Сукновальник и сосед Рува. *Брянск, 9 мая 1946*
21. Рая Клебанова, 10-й класс. *Борисов, лето 1946*

22. Броня и Гриша Минковы. *Ленинград, ноябрь 1946*
23. Главное здание Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина. *Ленинград, лето 1951*
24. Я в Ленинграде. *Сентябрь 1946*
25. Бывшие фронтовики, а теперь первокурсники. Иван Кунаев, Михаил Мурылев и я. *Ленинград, ноябрь 1946*
26. Я – студент 1-го курса инженерно-экономического факультета Ленинградского политехнического института. *Ленинград, 3 октября 1946*
27. На факультетском вечере, посвященном Дню Победы, в Доме ученых. Я во 2-м ряду (*пятый*) и Иван Кунаев (*восьмой*). *Ленинград, 9 мая 1947*
28. Раиса Клебанова – студентка 1-го курса Белорусского госуниверситета. *Минск, март 1947*
29. За 5 дней до войны. Семья Клебановых. В 1-м ряду: Фала Ирмович, Рая и Ева Ефимовна; во 2-м ряду: Мима, Исаак и Моисей. *Борисов, 17 июня 1941*
30. За 5 дней до войны. Моисей, Мима, Рая и Исаак. *Борисов, 17 июня 1941*
31. Студент 2-го курса ЛПИ Женя Цейтлин. *Ленинград, март 1948*
32. Три бывших фронтовика-однокурсника Иван Кунаев, Михаил Мурылев, я и Зина Лагуткина. *Ленинград, январь 1948*
33. Домик родителей Раечки Клебановой на ул. Комсомольской, 18. *Борисов, лето 1948*
34. На факультетском вечере в Доме ученых. В президиуме: я, студент 2-го курса, зав. кафедрой экономики профессор В. В. Болотов, декан факультета профессор И. М. Непорент; выступает дипломантка М. И. Шур. *Ленинград, апрель 1948*
35. Группа девушек 2-го курса географического факультета Белорусского госуниверситета. Рая Клебанова (*первая справа в 3-м ряду*). *Минск, апрель 1948*
36. Первый блокнот (трофей после одной из боевых операций)
37. Второй блокнот
38. Третий блокнот
39. Четвертый блокнот
40. Первый послевоенный пикник борисовской еврейской молодежи на реке Березина. В 1-м ряду: (?) и Раечка Клебанова; во 2-м ряду: Эся*, Лева Залкинд, Алик Фунт, Миша Шлезберг, Феликс Герштейн, Мира Мазо (живет в Ангарске), Митя Колбасников, Муся Фридман и (?); в 3-м ряду: я, Моисей Фридман, (?), Зуня*, Эмма Гольдберг (живет в Чикаго) и Шая Гольдберг; *стоят: Давид* и Лена**. *Борисов, август 1948*
41. Раечка в день свадьбы. *Борисов, 19 августа 1948*
42. Я – студент 3-го курса. *Ленинград, сентябрь 1948*

43. Я и Раечка в день свадьбы. *Борисов, 19 августа 1948*
44. Мой двоюродный брат Гриша Коган с женой Аней. *Ленинград, январь 1949*
45. Фала Ирмович Клебанов. *Мелитополь, август 1965*
46. Хава Хаимовна (Ева Ефимовна) Клебанова. *Борисов, июль 1973*
47. Моисей Клебанов. *Мелитополь, зима 1952*
48. Исаак Клебанов. *Минск, лето 1950*
49. Раечка в свадебном платье. *Борисов, май 1949*
50. Раечка. *Борисов, апрель 1950*
51. Я – студент 4-го курса. *Ленинград, 23 октября 1949*
52. Надпись на обратной стороне фотографии 51
53. Группа студентов-энергетиков 4-го курса ИЭФ ЛПИ. Я в 1-м ряду (*крайний справа*). *Ленинград, январь 1950*
54. Группа студентов-энергетиков 4-го курса ИЭФ ЛПИ. Я во 2-м ряду (*крайний слева*). *Ленинград, январь 1950*
55. Ленечка у бабушки на руках. *Борисов, сентябрь 1950*
56. Раечка в Ленинграде. *Лето 1951*
57. Я – студент 5-го курса. *Ленинград, 23 октября 1951*
58. Я (*второй справа*) в группе студентов. *Ленинград, декабрь 1950*
59. Группа студентов 5-го курса ИЭФ ЛПИ в экономическом кабинете. *Сидят:* Ваня Кунаев, Люся Ващенко, Миша Мурyleв, Виктор Цетнеровский, Лиза Рощина, Вадим Вешняков, Валя Мигай, Тамара Кравчук, Мария Исаева, Алик Тверской, Женя Цейтлин и Оля Щукина; *стоят:* профессор В. В. Болотов, доцент (?), Люся Пономарева, Валентин Гусев (аспирант) и я. *Ленинград, апрель 1951*
60. Двоюродный брат Гриша Михалевич. *Левашино, Ленинградской обл., 7 ноября 1951*
61. Ленечке два годика. *Борисов, май 1952*
62. «Первый крупный успех строителей – ТЭЦ-1 на комбинате-16» (из книги *Братюченко Ю. В. Ангарск как дитя лагерной зоны. СПб., 2004*). *Ангарск, 1960-е*
63. На Первомайской демонстрации. Я, Раечка и Леня. *Ангарск, 1-е мая 1953*
64. Ленечке три года. *Ангарск, май 1953*
65. На Октябрьской демонстрации. Я во главе колонны (*крайний слева*) с Ленечкой. *Ангарск, 7 ноября 1953*
66. Наши дорогие дети: Ленечка и Митенька. *Ангарск, октябрь 1954*
67. Митенька и Ленечка. *Ангарск, сентябрь 1954*
68. Ленечка. *Ангарск, сентябрь 1954*
69. Семья в полном составе: родители, Митенька (*слева*) и Ленечка. *Ангарск, февраль 1955*

70. Годовалый Митенька на руках у папы. *Ангарск, февраль 1955*
71. Я и Раечка – три года в сибирской глубинке. *Ангарск, март 1955*
72. Мама Рая с детьми Митей и Леней. *Борисов, лето 1955*
73. Я – начальник планово-экономического отдела Иркутской ТЭЦ-1. *Ангарск, лето 1956*
74. Митенька. *Ангарск, декабрь 1955*
75. Митенька. *Ангарск, февраль 1956*
76. Три друга: Ленечка Миркин, Яшенька Касавин, Митенька Миркин. *Ангарск, декабрь 1956*
77. Подруги: Рая Миркина, Маша Касавина, Бима Яновская, Фира Гульман. *Ангарск, декабрь 1955*
78. С сотрудниками планово-экономического отдела (ПЭО). *Ангарск, ноябрь 1957*
79. На площади Ленина в Ангарске. *Лето 1960*
80. Здание горсовета (здесь находился и горком, где Рая работала с 1957 по 1963 год). *Ангарск, лето 1960*
81. С сыновьями на сибирской земле. *Ангарск, февраль 1957*
82. Ленечка – первоклассник. *Ангарск, 1 сентября 1957*
83. 4-й «д» класс. Ленечка в 3-м ряду (*крайний справа*). *Ангарск, 1961.*
84. С сотрудниками производственно-технического отдела Иркутской ТЭЦ-1. Я в 1-м ряду (*третий слева*). *Ангарск, апрель 1962*
85. Застолье в доме родителей Раечки. Фала Ирмович, Юзеф и Рахилия Карчевские, Ева Ефимовна, Тамара Тодрина со старшей дочкой, Клара*, Миша Тодрин с младшей дочкой. *Борисов, август 1963*
86. Митенька – первоклассник. *Ангарск, сентябрь 1961*
87. Здание НИИЭМП. *Минск, лето 1963*
88. Лев Петрович Овсищер (снимок военного времени)
89. Рая – библиограф. *Минск, 1964*
90. Григорий Борисович Пекелис (из книги «Жизнь и талант, отданные энергетике». Минск, 2005)
91. Президиум торжественного собрания, посвященного 20-летию Победы. Директор НИИЭМП Алексей Петрович Воробейчиков (*первый слева*), председатель месткома Михаил Лазаревич Миркин (*в центре*). *Минск, май 1965*
92. Дина, Моисей, Леня, Фала Ирмович, Ева Ефимовна, Рая, Митя, Марик (сын Дины и Моисея; *впереди*). *Мелитополь, лето 1965*
93. Церемония, посвященная окончанию средней школы. Алла Ричик, Леня Миркин и Оля Феткович выносят знамя 93-й школы. Минск, июнь 1967
94. Леня – студент 1-го курса энергетического факультета БПИ. *Минск, сентябрь 1967*

95. Обложка и титульный лист книги, одним из соавторов которой я являюсь
96. Сотрудницы отдела информации НИИЭМП. Зав. библиотекой Эмма Найдович, библиограф Раиса Миркин, инженер-информатор Клара Рохлина. *Минск, 1968*
97. Леня – студент 2-го курса энергетического факультета БПИ. *Минск, август 1969*
98. Семья Клебановых. Ева Ефимовна, Моисей, Раечка, Фала Ирмович, Исаак. *Борисов, 1970*
99. Историческая встреча. Миша Миркин, Эмма Мондшанина, Гриша Михалевич, Рома Миркин. *Минск, 19 июня 1971*
100. Митя (*первый слева*) на шахматном турнире. *Минск, май 1973*
101. Митя – студент 1-го курса энергетического факультета БПИ. *Минск, август 1971*
102. На свадьбе сына Гриши Михалевича. Белла Мондшанина, Валера (жених) с невестой, Леня Миркин. *Бобруйск, август 1971*
103. Леня – инженер-теплоэнергетик. *Минск, 1972*
104. Митя (*четвертый слева*) в студенческом отряде «Сатурн». *Слуцк, август, 1973*
105. Я в день своего 50-летия. *Минск, 16 апреля 1973*
106. Леня и Сима – муж и жена. *Минск, 14 сентября 1973*
107. В зале Минского дворца бракосочетания молодожены Сима и Леня (*в центре*). *Минск, 14 сентября 1973*
108. Семья Шур. *Сидят:* Исаак Яковлевич (брат Моисея Яковлевича), Моисей Яковлевич и Мира Исааковна (родители Марка Моисеевича); *стоят:* Марк Моисеевич и Циля Абрамовна. *Минск, 1951*
109. Гинда Гдальевна и Абрам Владимирович, родители Циля Абрамовны, с внучкой Симой. *Минск, 1957*
110. Наш первый внук Димочка. *Минск, март 1974*
111. Леня с Димочкой на руках. *Минск, 1974*
112. Бабушка Рая с Димочкой. *Минск, лето 1974*
113. Бабушка Циля с Димочкой. *Минск, лето 1974*
114. Прабабушка Хава с Димочкой. *Минск, лето 1974*
115. Димочка на руках у прадедушки Абрама. Рядом с ними: мама Сима, бабушка Циля и прабабушка Гинда. *Минск, лето 1974*
116. Димочке девять месяцев. *Минск, декабрь 1974*
117. Студенты 2-го курса БПИ на первомайской демонстрации. Митя (*второй слева*), Саша Анцелиович (*четвертый слева*). *Минск, 1 мая 1974*
118. К 30-летию Победы. Михаил Лазаревич Миркин – участник Великой Отечественной войны. *Минск, 9 мая 1975*

119. Среди сотрудников БелЭНИНа – участников Великой Отечественной войны. Я в 1-м ряду (*первый справа*). Минск, 6 мая 1975
120. Рая – библиограф НИИЭМП. Минск, 25 февраля 1977
121. Митя – инженер-теплоэнергетик. Минск, 1976
122. Рая и Ирина Савицкая на субботнике. Минск, апрель 1977
123. Бракосочетание Саши и Гали Анцелиовичей (*в центре*), Митя (*справа*). Минск, ноябрь 1980
124. У Димочки появилась сестричка Инессочка. Минск, лето 1982
125. Мне – 60. *Справа налево*: Я, Рая и Митя, председатель месткома Станислав Исаев, ученый секретарь Эдуард Кутень. Минск, 16 апреля 1983
126. Митя и Лиза – муж и жена. Ленинград, 25 марта 1984
127. Во дворце бракосочетания. Митя и Лиза с гостями. Ленинград, 25 марта 1984
128. В информационно-вычислительном центре Конаковской ГРЭС. Главный разработчик системы М. Л. Миркин (*первый слева*) и зам. главного инженера И. Т. Сычев (*четвертый слева*). Конаково, октябрь 1984
129. Митя с первенцем Алиской. Минск, август 1985
130. Алиска с Анечкой. Минск, декабрь 1989
131. В день 40-летия Победы. Минск, 9 мая 1985
132. Инесса с папой Леней. Минск, февраль 1987
133. Ева Ефимовна и Сима. Минск, ноябрь 1987
134. Дедушка Миша с внуками Алисой (*слева*) и Инессой. Минск, 25 февраля 1988
135. Митя, Рая, Инесса, Миша и Дося Карчевская. Минск, февраль 1988
136. Фотография в подарок. Алисе три года. Минск, май 1988
137. Наша эмиграционная команда на берегу Тирренского моря. Хава, Рая, Миша, Сима с Инессочкой, Дима. (Леня фотографирует.) Ладисполь (*Италия*), 6 января 1989
138. Три поколения. Прабабушка Хава, Инесса, бабушка Рая. Ладисполь (*Италия*), 5 января 1989
139. Сима путешествует по Италии. 11 января 1989
140. Дима в Венеции. 11 января 1989
141. Первые фотографии в Америке. Рая, Ева Ефимовна, Инна и Володя Минковы. Чикаго, август 1989
142. На американской земле. Миша и Рая, Ева Ефимовна, Инна Минкова. Чикаго, август 1989
143. Алиса встречает Новый год. Минск, 1 января 1990
144. Первый год в Вашингтоне. Сима, Леня, Дима и Инесса. Осень 1990
145. Бабушка Рая и дедушка Миша с Инессой. Чикаго, 28 мая 1990
146. Долгожданная встреча. Рая и я, Циля и Марк Шур. Чикаго, 28 мая 1991

147. Бабушка Хава с внучками Алисочкой и Анечкой. *Чикаго, 24 июля 1991*
148. Я и Рая, Миля и Петя Цивины. *Вашингтон, 5 августа 1991*
149. Наши внуки Анечка, Дима и Алиса. *Чикаго, 22 августа 1992*
150. Аркадий и Белла Спевак. *Чикаго, 25 декабря 1993*
151. Адель и Арнольд Гутман, волонтеры, помогавшие Мите и Лизе, с Анечкой. *Чикаго, ноябрь 1994*
152. Ева Ефимовна, наша бабушка Хава. *Чикаго, 21 августа 1992*
153. Возле Белого дома. Я, Рая и Леня. *Вашингтон, 24 октября 1992*
154. Возле Белого дома. Наум и Сима Мессерманы, Рая и я. *Вашингтон, 24 октября 1992*
155. Еве Ефимовне исполнилось 92. *Чикаго, 18 апреля 1993*
156. Большая родня. Стоят: Сима и Наум Мессерманы, Рая и я, Аркадий и Белла Спевак; сидят: Ева Ефимовна, Лиза с дочурками Алиской и Анечкой (на коленях). *Чикаго, лето 1993*
157. Встреча с любимой подругой. Я, Маша Касавина и Рая. *Чикаго, декабрь 1993*
158. Юные балерины Алисочка и Анечка. *Чикаго, июнь 1994*
159. Я и Ирма Клебанова (внучка Исаака). *Чикаго, 31 августа 1994*
160. Леня, Митя, я и Рая. *Чикаго, июль 1994*
161. Инесса отмечает бат-мицву. *Вашингтон, 8 апреля 1995*
162. На бат-мицве Инессы. В 1-м ряду: Циля, Инесса, Рая и Анечка; во 2-м ряду: Леня, Ира, Женечка, Яша, Марк, я, Алисочка, Лиза, Митя и Сима. *Вашингтон, 8 апреля 1995*
163. Братья Леня и Митя. *Вашингтон, 8 апреля 1995*
164. Я, Рая, Сима и Леня. *Чикаго, 2 июля 1995*
165. Юные фигуристки Анечка и Алисочка. *Чикаго, 19 мая 1996*
166. Бабушка Рая и дедушка Миша с балеринами Алисочкой и Анечкой. *Чикаго, 13 августа 1996*
167. На озере Кинерет. В 1-м ряду: Рая Миркина; во 2-м ряду: Рая Алейникова, Миля Цивина, Рема*. *Израиль, 21 октября 1996*
168. Рая у Стены плача. *Иерусалим, 22 октября 1996*
169. На берегу Средиземного моря. Рая, Исаак и Марта. *Офаким (Израиль), 30 октября 1996*
170. Раечка в день 70-летия. *Чикаго, 25 февраля 1997*
171. Леня поздравляет маму с 70-летием. *Чикаго, 25 февраля 1997*
172. Леня, Исаак и Инесса в Израиле. *3 марта 1997*
173. Я и Раечка: 49 лет вместе. *Чикаго, 19 августа 1997*
174. Броня Марковна Минкова. *Чикаго, 22 февраля 1997*
175. Рая и я: 50 лет вместе. *Чикаго, 19 августа 1998*
176. Моисей Клебанов (снимок 1944 года)

177. Леня и Сима. *Вашингтон, 19 декабря 1998*
178. Лиза – дипломированный американский врач. Митя и Лиза. *Чикаго, октябрь 1999*
179. По дороге в Нью-Йорк. Я и Рая, Циля и Марк Шур. *Окрестности Нью-Йорка, 24 мая 1999*
180. Леня. Удачная охота на Багамских островах. *Апрель 1999*
181. Я и Рая в гостях у Лени и Светы Розовских. *Хартфорд, 29 мая 1999*
182. Десять лет спустя. Я и Рая в гостях у Клавы и Миши Райгородских. *Бостон, 30 мая 1999*
183. Одноклассники Леня Миркин и Галя Брондман на золотой свадьбе своей классной руководительницы Евгении Моисеевны Зарецкой. *Нью-Йорк, лето 1995*
184. Инесса – студентка Georgetown University. *Вашингтон, декабрь 1999*
185. На 50-летию Лени. Леня и Сима. *Орландо (Флорида), 21 мая 2000*
186. На 50-летию Лени. Леня, Сима, Рая и я. *Орландо (Флорида), 22 мая 2000*
187. На 50-летию Лени. Я, Марк, Рая и Циля. *Орландо (Флорида), 22 мая 2000*
188. На 50-летию Лени. *Стоят:* Марк, Дима, Сима, Анечка, Леня, Лиза, Инесса и я; *сидят:* Рая и Циля. *Орландо (Флорида), 23 мая 2000*
189. Володя и Броня Марковна в день ее 90-летия. *Чикаго, 18 июня 2000*
190. Фира и Леня Гульманы. *Тель-Авив, апрель 2000*
191. Я, Рая и Марта (жена Исаака). *Чикаго, 17 сентября 2000*
192. Циля, Леня, Рая, я и Сима. *Вашингтон, 7 апреля 2001*
193. Сэм Клебанов и Леня. *Сан-Франциско, 4 марта 2001*
194. Фото семьи Клебановых, посланное Фалой Клебановым из Борисова в Америку брату Давиду в 1926 году. Хава, Фала, Мима, Ципа (мама Фалы), Шолом (младший брат Фалы) и Моисей (Рая тоже незримо присутствует на фото, до ее рождения оставалось четыре месяца.) *Борисов, 1926*
195. Круиз по Карибскому морю. Я и Рая, Циля и Марк Шур. *Лайнер «Paradise», 18 января 2002*
196. Мемориал Холокоста в Майами. «Рука». Я и Рая. *Январь 2002*
197. Ира Клебанова возле памятника «Пробуждающийся». *Вашингтон, 23 февраля 2002*
198. Анечка на своей бат-мицве с подружкой Машенькой (слева). *Чикаго, 28 апреля 2002*
199. Митя за шахматной партией. *Чикаго, август 2002*
200. На 50-летнем юбилее Симы. Циля, Лиза, Сима, Леня, Инесса, Рая, Митя и Марк. *Брансон (Миссури), 26 октября 2002*
201. Рая с внуком Димой. *Чикаго, сентябрь 2002*
202. На моем 80-м дне рождения. Митя и Леня. *Чикаго, апрель 2003*

203. Анечка на церемонии окончания школы. *Чикаго, июнь 2003*
204. У нас в гостях Нина Михайловна и Марк Израилевич с дочкой Ирой. *Чикаго, 16 сентября 2003*
205. На 65-летию Марины Гольдберг. *Стоят:* Рая, Эмма, Марина и Шая Гольдберг; *сидят:* Элина и Миша (дочь и внук Марины). *Чикаго, 31 октября 2003*
206. Встреча энергетиков. Матус Столов, Миша Миркин, Юлий Бампи, Володя Минков. *Чикаго, июль 2003*
207. Леня в Тарасконе (Франция), где жил Тартарен. *Февраль 2003*
208. Во дворе дома Мити и Лизы. Лиза с родителями – Аркадием и Беллой Спевак, Рая и я. *Чикаго, 5 сентября*
209. Я и Рая в гостях у Лени и Симы в их новом доме. *Вашингтон, 19 мая 2005*
210. В пансионате. Матус Столов, Володя и Инна Минковы, Вика Столова и Рая. *Fox Hill Resort в штате Висконсин, 17 мая 2004*
211. Люба и Славик Фрумкины. *Чикаго, 19 апреля 2003*
212. На 55-летию Лени. Леня и Сима. *Вашингтон, 14 мая 2005*
213. На 55-летию Лени. Леня с мамой. *Вашингтон, 19 мая 2005*
214. На 55-летию Лени. Леня с папой. *Вашингтон, 14 мая 2005*
215. На 55-летию Лени. Леня и Митя. *Вашингтон, 14 мая 2005*
216. На 55-летию Лени. Лиза, Римма Оленичева, Ася Рокхинд, Рая, Леня, Миша Рокхинд, Митя и Сима. *Вашингтон, 14 мая 2005*
217. На 55-летию Лени. *В 1-м ряду:* Рая, Муся и Аркадий Вишневские; *во 2-м ряду:* Леня и я. *Вашингтон, 15 мая 2005*
218. Я в 17 и 65 лет спустя. *Чикаго, 25 февраля 2006*
219. С хартфордскими друзьями. Марк Израилевич, Нина Михайловна, Рая и я. *Чикаго, 18 сентября 2006*
220. Леня и Сима. *Чикаго, 22 июля 2006*
221. Как полвека назад: Леня, я, Раечка и Митя. *Чикаго, 22 июля 2006*
222. Аркадий и Белла Спевак, Нина и Володя Фишбейн. *Чикаго, 25 февраля 2001*
223. Рае – 80. Я и Рая на юбилейном банкете. *Чикаго, 24 февраля 2007*
224. Рае – 80. С внуками Инессой, Алисой, Аней и Димой. *Чикаго, 24 февраля 2007*
225. Рае – 80. Дима и Вика на юбилее. *Чикаго, 24 февраля 2007*
226. Я и Рая в Борисове, как 60 лет назад. *Борисов, 25 мая 2007*
227. Местечко Черее. *26 мая 2007*
228. Место расстрела евреев местечка Черее. Здесь лежат мои родители, два брата и сестричка. *26 мая 2007*

229. Я и Рая у памятника расстрелянным евреям местечка Черя. *26 мая 2007*
230. Здесь была белорусская средняя школа, которую я окончил в 1940. *Черя, 26 мая 2007*
231. Место (камень), где был наш дом. *Черя, 26 мая 2007*
232. Я и Роальд. *Черя, 26 мая 2007*
233. Я и Рая у родительского дома, где мы сыграли свадьбу почти 60 лет назад. *Борисов, 27 мая 2007*
234. Могила Фалы Ирмовича Клебанова. Место рядом не будет занято – Ева Ефимовна покоится на кладбище в Чикаго. *Борисов, 27 мая 2007*
235. У Саши и Гали Анцелиович. Саша, Миша, Рая, Галя, в 1-м ряду: Митя и Леня. *Минск, 29 мая 2007*
236. Я с Ленеи и Раей на Волге у Конаковской ГРЭС. *Конаково, 30 мая 2007*
237. Долгожданная встреча с Иваном Тихоновичем Сычевым. *Конаково, 30 мая 2007*
238. В гостях у семьи Сычевых. *Сидят:* Ирина, Рая и Таня; *стоят:* Женя, я и Иван. *Конаково, 30 мая 2007*
239. Иван Тихонович, Женя и Ирина Тимофеевна Сычевы. *Конаково, 10 октября 1986*
240. Я и Макс Маевский. *Москва, 30 мая 2007*
241. Мота Миркин (оригинал фото 3х4 см). *Черя, лето 1940*
242. Ася Миркина (оригинал фото 3х4 см). *Черя, лето 1938*
243. Три подружки. Алла Анчевская, Раиса Миркина и Клара Рохлина. *Минск, 1 июня 2007*
244. У здания Хэсед Рахамим. Я, Рая и Анна Иосифовна Рудерман. *Минск, 3 июня 2007*
245. Хэсед Рахамим. Фаина Злотина и я. *Минск, 3 июня 2007*
246. Мемориал в Минске, посвященный памяти жертв Холокоста. *Минск, 4 июня 2007*
247. Раечка (слева) и Вика Столова. *Чикаго, август 2008*
248. Дима, Вика и Ира (мама Вики). *Вашингтон, 5 июля 2007*
249. Сашеньке пять месяцев. *Вашингтон, 21 сентября 2008*
250. С израильтянами: я, Рая, Арик и Нэлла Арлиевские. *Чикаго, 7 апреля 2007*
251. Прадедушка Миша и прабабушка Рая с Сашенькой. *Вашингтон, 8 мая 2008*
252. Ветеран Великой Отечественной войны Михаил Миркин. *Чикаго, 16 апреля 2008*
253. Я и Раечка в день моего 85-летия. *Чикаго, 16 апреля 2008*
254. Миша и Рая – 60 лет вместе! Митя с родителями. *Равиния, 19 августа 2008*

255. Я и Рая на отдыхе под Вашингтоном. *Вирджиния, 8 октября 2008*
256. Володя Минков. *Чикаго, 3 ноября 2007*
257. Сашеньке год и четыре месяца. *Вашингтон, 27 июня 2009*
258. Семья Мити: Алиса, Митя, Лиза, Аня. *Чикаго, лето 2009*
259. Наше семейство: старший сын Ленья, мама Рая, папа Миша, младший сын Митя. *Чикаго, 18 мая 2009*
260. Ленья, Инесса и Сима. В семье появился свой юрист. *Вашингтон, 23 мая 2008*
261. Сима и Сашенька. *Вашингтон, 31 октября 2009*
262. Тройной праздник: Белла и Аркадий – 55 лет вместе! Митя и Лиза – серебряная свадьба! Мите – 55! *Сидят: Белла и Аркадий Спевак; стоят: Я и Рая, Лиза и Митя. Чикаго, 12 февраля 2009*
263. На 60-летию Лени. Поздравление папы и мамы. *Вашингтон, 14 мая 2010*
264. На 60-летию Лени. Сима и Ленья. *Вашингтон, 14 мая 2010*
265. На 60-летию Лени. Поздравление детей Димы и Инессы. *Вашингтон, 14 мая 2010*
266. Алиса (в центре) с мамой Лизой и сестричкой Аней. *Чикаго, 9 мая 2010*
267. Сашеньке три года. *Вашингтон, 2 марта 2011*
268. В день Победы. Я и Рая. *Чикаго, май 2011*
269. Рождение новой семьи – Лео и Инесса Оуэнс. *Вашингтон, 22 октября 2011*
270. Свадьба Инессы и Лео. Я, Лео, Инесса и Рая. *Вашингтон, 22 октября 2011*
271. Свадьба Инессы и Лео. The Flower Girl Сашенька с папой Димой на свадьбе. *Вашингтон, 22 октября 2011*
272. Свадьба Инессы и Лео. Володя Минков произносит броху. *Вашингтон, 22 октября 2011*
273. Свадьба Инессы и Лео. Традиционный тост папы невесты. *Вашингтон, 22 октября 2011*
274. Свадьба Инессы и Лео, день второй. В 1-м ряду: Женя, Сима, Ленья, Миша Волкин, Антон и Аня Павловы, Ира; во 2-м ряду: Алиса, Митя, Аня, Лиза, я, Инесса, Лео, Сашенька на руках у Димы, Рая, Циля, Марк, Жанна Волкина, Яша. *Вашингтон, 23 октября 2011*
275. Свадьба Инессы и Лео, день второй. Сашенька пьет за молодых. *Вашингтон, 23 октября 2011*
276. Три поколения: прадедушка Миша с Сашенькой и Леней. *Вашингтон, 23 октября 2011*
277. Три пары: Я, Володя Минков, Вика Столова, Раечка, Матус Столов, Инна Минкова. *Чикаго, сентябрь 2009*
278. Я и Рая, Володя и Инна Минковы. *Чикаго, июль 2002*

Именной указатель

- Абрам, Абрам Владимирович 207
Авраам 283
Агаев Г. В. 158, 160-161, 168
Агароник Паша 28, 105, 107, 306
Аза 168
Айзенштадт Вениамин Михайлович (Бла-
женный) 228
Аккуратов Е. Г. 161
Алексей 307
Алик (см. Мессерман Алик)
Алиса, внучка автора 15, 173, 223, 227,
250, 258, 261-262, 265-266, 274, 276,
280, 302-304, 324, 330, 334, 346, 354
Алла (Минкова) 266
Алла 249
Алтер-Довид 39, 201, 305
Алтерка 96
Альперович Яков 290
Альтман И. А. (Илья) 351-352
Альтшулер 285
Альшанский Наум 188
Анавери 240
Андрачник Авремл 129
Андрачник Аня 40, 42, 93-94, 95, 114-115,
117, 227, 262, 266, 304, 309
Андрачник Соня 47-48
Андрачник Фаня (см. Фаня)
Андрачник Шолом 39, 42, 47
Андрей 101-102
Анохин С. 188
Антипов А. С. 170-171, 182
Антон 290
Анциелиович Галя 217, 304, 309, 319, 346
Анциелиович Саша 208, 217, 304, 309,
319, 346
Анчевская Алла 190, 320
Аня (см. Коган Аня)
Аня 111-112
Аня Щ. 132-133
Аня, Анна, внучка автора 15, 173, 256,
260-261, 265-266, 274-276, 279-281,
289-290, 302-304, 322, 324, 329-330,
334-335, 346, 350
Аня, Хая (см. Зак Аня, Хая)
Арик 325
Аркадий Григорьевич (см. Спевак Арка-
дий Григорьевич)
Аронина Соня 137, 141
Архангел Гаврила 106
Ася Рокхинд (см. Рокхинд Ася)
Ася, Анастасия Александровна Дятлова
(см. Дятлова Ася)
Ася, Хася Миркина (см. Миркина Ася,
сестра автора)
Ахундов Э. Б. 191
Ашхен Егишевна 190

Багратион 74
Баринова Люся 212
Баркан Семен 94
Батов П. И. 77, 80, 83-84
Батюшко Рая 40, 95, 353
Бегун 249
Бейля (см. Мессерман Бейля)
Белла (Мондшанина) 203
Белла Моисеевна, Белла (см. Спевак Бел-
ла Моисеевна)
Белоусов 155
Белый Борис 155
Берман Абраша 347
Берман Миша 266
Берман Моня 137, 220, 256, 262-263, 272,
268, 292, 329

- Берман Сима 220, 309
 Берсенов 169
 Бима (см. Яновская Бима)
 Бин-Ладен Усама 350
 Блантер М. 269
 Блумфельд Сара 332
 Боднарь Игорь 260
 Болотов Валерьян Владимирович 117,
 119, 125, 145-146
 Боннэр Елена 274
 Борис (Сукновальник) 112
 Борис 44
 Боровский В. М. 160, 174
 Борька, Борис Миркин (см. Миркин Борис,
 брат автора)
 Боря (см. Фрумкин Борис)
 Ботвинник Яков Ефимович 186
 Браславский 127
 Браславская Ганна 254
 Бродская И. В. 351
 Бродский 323
 Брондман Галя 274
 Броня (см. Минкова Броня)
 Броня 111-112
 Броня Марковна 215-216, 226-227, 259,
 265-266, 269, 275, 319, 325
 Брук-Левинсон Теодор Лазаревич 213,
 232, 263, 329
 Буймова Тая 127, 130, 145
 Булганин Н. А. 170
 Буллах Н. Н. 218
 Бурдаков С. Н. 154
 Бурман Шома 347, 352
 Буш Джордж, президент 276, 281
 Буш, доктор 265

 Вагналлс 257
 Валерий 252
 Валя (см. Пушнова Валя)
 Валя 168

 Ван Дусен Джордж 332
 Вашингтон Джордж 353
 Венгерская Адель 331
 Верн Ж. 27
 Вешняков Вадим 129
 Визель Эли 332
 Вика, Виктория 276, 277, 289, 324-325,
 335, 346-347
 Виктор 220
 Вилена (см. Хасдан Вилена)
 Волкина Ира 259, 265, 353
 Володя (см. Дятлов Володя)
 Володя (см. Ламин Володя)
 Волчек 24
 Воробейчиков Алексей Петрович 192, 199
 Ворона Иван 106

 Гаврош 100
 Галя (см. Ламин Галя)
 Галя (см. Мессерман Галя)
 Галя 167, 168
 Гантман Семен 216
 Гануш 161
 Гебелева Светлана 357
 Геллер Марк 188, 191
 Гельфанд 27
 Гена (Берман) 268
 Генкина 25
 Геня 137
 Герасименко В. Ф. 56
 Герасимов Владимир Николаевич 146-147
 Геринг Герман 80
 Гинда Гдальевна 207
 Гитлер 51, 80, 345, 350
 Глазков Дима, Митя 68, 76, 93, 107
 Голицын 285
 Голованчиков И. 188
 Гольдберг Марина 279, 280
 Гольдберг Раиса Исааковна 250, 262
 Гольдберг Рая 28, 41, 306

- Гольдберг Эмма 324
 Гофман Игорь Валентинович 174-175, 178, 193
 Грациана 239, 243
 Гребенник Е. К. 85
 Гречко А. 200, 210
 Григорий 220
 Гринберг Гарри 254
 Гринь Поля 31, 34
 Гриша Коган (см. Коган Гриша)
 Гриша Миркин (см. Миркин Гриша, брат автора)
 Гриша Миркин, двоюродный брат автора 34, 39
 Гриша Михалевич, двоюродный брат автора 34, 93-94, 96, 100, 107, 119-120, 125, 129, 131-132, 136, 148, 201-203
 Гульман Алик 166-177
 Гульман Леня 166, 172, 210, 275, 281
 Гульман Фира 166, 172, 210, 262, 275, 329
 Гулюк А. В. 218
 Гуревич Марина 329
 Гуревич Роза 96
 Гуревич, доктор 257, 290
 Гусев 127
 Гусев В. Н. 194
 Гутин Гиля 26-29, 32, 96, 306
 Гутман Арнольд и Адель 261
- Давид (Клебанов) 277
 Давид 44, 45
 Давид, царь 267
 Давидович Ефим 188
 Данилевский 149
 Дармоян П. 188
 Дася 37
 Дегтярев 58
 Дементьев Андрей 359
 Дзержинский Ф. Э. 223
 Дима (Минков) 266
- Дима, Дмитрий, внук автора 15, 207, 226, 236-237, 242, 249, 254, 268-269, 274-276, 279, 281, 289, 316, 324-325, 334-335, 346-347
 Дима, Дмитрий, сын автора (см. Миркин Митя)
 Дина (см. Клебанова Дина)
 Дина (см. Френдель Дина)
 Дина Ж. 131
 Дина, нотариус 113
 Довид 14
 Дозорцева Надя 31, 35
 Долгин Александр 201, 271
 Долгина Юлия 270-271, 329
 Дольникова 25
 Дубровская Аня 31, 317
 Дубровская Клава 31
 Дубровская Соня 31
 Дубровский 308
 Дубровский Дмитрий 31
 Дунаевский Исаак 165
 Дунчевский 160
 Дымков Саморце 306, 317
 Дыня 271
 Дьяконова Таня 106
 Дюма А. 27
 Дятлов Володя 159, 163
 Дятлова Ася 155-156, 159, 163, 168-169, 175-176
- Ева Ефимовна (см. Клебанова Хава)
 Ева, фонтан 148
 Екатерина Вторая 146
 Екатерина Ильинична 30
 Елинсон Самуил 309
 Емеличев В. 188
 Ермаков Владимир Сергеевич 190, 192, 196-197, 314
 Ефимовы 168

Женья (Волкин) 265
 Жимерин Д. Г. 157, 160, 197-198
 Жуков Г. К. 77-78, 89, 309
 Журавлев С. И. 161

 Забелло Е. П. 218
 Зайцев Вячеслав 188
 Зак Аня, Хая 27-28, 41-42, 128, 306
 Захаревиц Екатерина Владимировна 31, 318
 Зинькевич Ира 31, 35, 41, 46-47
 Злотина Фаина 82, 321
 Золотарев 249
 Золотарь Савелий 106
 Зоя (см. Малюшицкая Зоя)
 Зускин В. 165

 Иван Тихонович (см. Сычев Иван Тихонович)
 Иванов 89
 Ильин Виктор 320
 Илья Наумович (см. Хосид Илья Наумович)
 Индюк Семен 106
 Инесса, внучка автора 15, 218, 225, 227, 230, 234, 236-237, 240-241, 243, 249, 251, 256-257, 259, 262, 265, 268, 274-275, 279-280, 324, 329, 334, 345-347, 353-355
 Инна (см. Минкова Инна)
 Иоанн Павел II 289
 Иосиф 126
 Иппа Я. 188
 Ира (Дергилева) 346
 Ира (Долгина) 263
 Ира (Лорман) 261, 303
 Ира (см. Волкина Ира)
 Ира (см. Зинькевич Ира)
 Ира (см. Сычева Ирина Тимофеевна)
 Ирмочка 216, 265
 Ирочка 335

Ирод, царь 268
 Исаак (см. Клебанов Исаак)
 Исроэл 201

 Каган В. (Виля) 188, 191
 Каган Геня 26-29, 116, 119, 125-126, 306
 Каган Гиля 306
 Кадачигов 119, 150
 Казиник Семен 26-29, 32, 34-35, 105, 120-121, 125, 127, 130, 133, 306
 Калинин М. И. 117, 119
 Калиновский 189, 195, 212, 224, 320
 Капелюш Соломон 306
 Капелюш Соня 28
 Капелюш, учительница 25
 Кармен Роман 102
 Карпович Тихон 31
 Карчевская Дося (Мессерман) 227, 329
 Карчевские 185
 Касавин Изя, Исаак 166, 172, 259, 266, 353
 Касавин Яша 163, 166, 177, 281
 Касавина Маша 166, 168, 172, 256, 259, 262-263, 281
 Касрилик 137, 274, 279
 Касрилик Аня 274
 Кац Эсфирь Соломоновна (Романова) 27, 95, 302, 307
 Кацович 25
 Кеннеди Джон 251-252, 275
 Кефлер Марк 254
 Клава, медсестра 93
 Клара (см. Рохлина Клара Федоровна)
 Клебан Аркадий 347, 357
 Клебанов Исаак 96, 117, 128, 139-141, 178, 181, 184-185, 187, 189, 199, 201, 216, 221-222, 230, 234, 251, 254, 262, 265, 268, 271-272, 274-276, 278, 346
 Клебанов Марик 262
 Клебанов Мима 96, 128, 193, 231, 263, 271, 289, 329, 346

- Клебанов Моисей 96, 128, 137, 140-141, 191, 201, 209, 217, 220, 262-263, 268-269, 270-272, 275, 289, 325, 346
- Клебанов Сэм 277, 341, 353
- Клебанов Фала 128, 140, 184, 203, 213, 220-221, 301, 309, 325
- Клебанова Дина 140, 201, 217-218, 268, 289, 347
- Клебанова Ира 216, 221, 278, 347
- Клебанова Марта 184-185, 187, 189, 201, 216, 234, 262, 268, 275, 279
- Клебанова Рая (см. Миркина Рая)
- Клебанова Хава 128, 166, 171, 184, 203, 213, 221-222, 225-226, 236, 240-243, 251-252, 256, 261, 262, 266, 271, 273, 276-277, 309, 346
- Клинтон Билл 262, 268, 332
- Клинтон Хиллари 332
- Клугман Ида 116
- Клугман Рая 28, 31, 39, 41-42, 119, 121, 125-127, 306
- Ковтун 38
- Коган Аня 140, 142, 145
- Коган Гриша 116, 126-127, 130, 134, 136, 140, 142, 145
- Коган Муся (см. Суховольская Муся)
- Коган Фаня (см. Фаня)
- Козлов 160
- Козлов Ю. К. 211, 219
- Козловский 132
- Козловский Владимир 236
- Кокина Мера, Мария 28, 41, 125, 306
- Колас Якуб 320
- Колбасников Митя 163-164, 169
- Колбасникова Мира 164, 169
- Колотовченко 155, 160
- Колумб 60
- Конев И. С. 89
- Консон 127
- Королева Аксинья 106
- Коротин 161
- Кравцовы Валерий и Люся 335, 346
- Краченко Фаина 332
- Кржижановский Г. М. 190, 192, 194, 200, 223, 313-314
- Кроз Мейшка 24, 306
- Кроль Геня 281
- Кроль Михаил 137
- Кротов А. С. 228
- Крох И. Д. 64
- Ксения 112
- Кузина Т. Ф. 218
- Кузнецовы 168
- Куксин Илья 357
- Кунаев Ваня, Иван 119-120, 127, 129, 132-133, 139, 144-145
- Купала Янка 44, 209, 320
- Купер Ф. 27
- Курман Борис 139
- Курман Лиза 155, 346
- Кутузов 52
- Лавкер Наум 40
- Лавкер Лейзер 40
- Лагуткина Зина 132, 137
- Лазарь, Лазарь Давыдович (см. Миркин Лазарь Давыдович, отец автора)
- Лазарь, сосед по Борисову 137
- Лазутин 160
- Ламин Володя 249, 259
- Ламин Галя 249, 259, 329
- Лев Соломонович 111
- Лева (Миркин) 34, 39
- Левин Леонид 320
- Левин М. 188
- Левин Шайка 33-34
- Левитан 74
- Лейзер (см. Миркин Лазарь Давыдович, отец автора)
- Лелька 108
- Ленин В. И. 42, 48, 168, 176, 200
- Леня (Розовский) 273

- Леся, Леонид (см. Миркин Леся, сын автора)
 Лео 329, 335, 347, 353-355
 Леоничев 142
 Леонтьева М. И. 160
 Лео-старший 354
 Лившиц Ида 27-28, 31, 41, 306
 Лиза (см. Миркина Лиза)
 Лиза, родственница из Борисова 139
 Лиля 325
 Лина 253
 Линденбойм Абрам 326
 Логунова Клавдия (К. И.) 152, 161
 Лорман 266
 Лорман Вадим 329
 Лорман Рома 291, 353
 Лукьянова Валя 31, 35
 Лурье Соня 28, 29, 306
 Лученец 49
 Львович Яков Давыдович 27-28
 Люба (см. Фрумкин Люба)
 Люба, соседка по Ангарту 168
 Любушка 111
 Люлечник Вилан 357
 Лякер Роза 140
 Лякер Соломон 140
- Маевский Давид 317
 Маевский Максим 31, 96, 290, 301, 303, 309-310, 317
 Мазо Мира 329
 Майк 241
 Майн-Рид 27
 Макаров 80
 Макаров Анатолий 149
 Максим, Макс (см. Маевский Максим)
 Малишевский 58
 Малишевская Лиза Моисеевна 93
 Маломан 90
 Малюшицкая Зоя 156
 Малюшицкий Иосиф 156, 161
- Малявцев 31, 308
 Марголина Валентина 358
 Марджери 353
 Маресьев 134
 Марк 262, 273, 280, 290
 Марк Моисеевич (см. Шур Марк Моисеевич)
 Марк, муж Ани Шагальной 289
 Маркиз Степан 106
 Маркс Карл 168, 175, 231, 317
 Марта (см. Клебанова Марта)
 Марчелло 241, 251
 Матвей (см. Миркин Михаил)
 Мафи 354
 Мафцир Борис 306
 Марина (Рокхинд) 256
 Маша (см. Касавина Маша)
 Маша 167
 Машеров П. М. 209
 Медведев Д. А. 332-333, 338-339
 Медведев В. Ф. 199
 Меир 254-255
 Мейшка (Мессерман) 253, 257
 Мельник М. 338
 Мельцер Давид 357
 Менахем-Мендл 102
 Мерзлякова 25
 Мессерман (Карчевская) Дося 329
 Мессерман Алик 220, 259, 265, 281
 Мессерман Бейля 141, 309
 Мессерман Галя 253-254, 259, 284, 353
 Мессерман Наум 137, 140-142, 166, 203, 213, 230, 241, 249, 252-253, 255, 257, 259, 261, 263, 265, 266, 269, 329
 Мессерман Нэлла 325, 335
 Мессерман Сима 140-141, 203, 213, 249, 252, 254, 261-263, 279, 324
 Метлицкий Л. П. 194
 Мигай Валентина Павловна 186
 Микеланджело 242
 Милованов Гавриил Иванович 156, 161, 169

- Милош Оскар 95, 289, 302, 306, 307
- Мильман Валера 290
- Мима (см. Клебанов Мима)
- Минков Владимир (Владимир Ефимович)
15, 191-194, 196-198, 210, 215-216,
221, 224, 226, 230, 241, 249, 252, 257-
260, 262-263, 265, 269, 272-273, 275,
280-281, 290, 304, 313-314, 319, 321,
325, 329, 335, 353, 355-356
- Минков Гриша 24, 117
- Минкова Анечка 215
- Минкова Броня 116, 117, 119, 121, 306
- Минкова Инна 215-216, 226-227, 249, 252,
257, 260, 262, 279, 290, 324, 329
- Минкова Маша 117
- Минкова Муся 216, 257, 266, 290, 335, 353
- Минкова Наташа 215
- Минковы (родственники автора) 24
- Миркин (см. Миркин Михаил)
- Миркин Борис, брат автора 33, 36-37, 39,
45, 258, 306
- Миркин Гриша, брат автора 24, 29, 36-37,
39, 45, 129, 258, 306
- Миркин Гриша, племянник прадеда авто-
ра 196
- Миркин Лазарь Давыдович, отец автора
21, 143, 201, 258, 306
- Миркин Леня, сын автора 15, 143-146,
149-150, 155-159, 162-164, 166-167,
169, 171, 174-177, 180, 183, 187, 190-
191, 194, 199, 201-207, 210-211, 215,
218-222, 224-230, 233-234, 236-239,
241-244, 249, 252-254, 256-257, 259-
266, 268-270, 272-275, 277-282, 284-
286, 289-295, 297, 300-304, 309-311,
313, 316, 320-326, 328-329, 334-335,
337, 340-343, 346-355
- Миркин М. (см. Миркин Михаил)
- Миркин М. Л. (см. Миркин Михаил)
- Миркин Митя, сын автора 15, 163, 166,
169, 171, 173-174, 176-177, 183, 187,
190-191, 199, 201-202, 205, 208, 210-
211, 215, 217, 220-221, 223-224, 227-
228, 234, 237, 243, 249, 254, 256-258,
260-263, 265-266, 269, 272-276, 278-
281, 284, 286, 288-295, 297-298, 300-
304, 324, 328-329, 331, 334-335, 337,
340-342, 346-348, 353
- Миркин Михаил 14, 21, 28, 37, 39-40, 74,
82, 95, 113, 116, 122, 130, 139-140,
147, 161, 197, 200, 210, 223, 232, 286,
288, 290, 294-296, 312-313, 316, 326-
327, 332-339, 347-349, 351-352, 354-
355, 360
- Миркин Михаил Лазаревич (см. Миркин
Михаил)
- Миркин Мота (см. Миркин Михаил)
- Миркин Рома 39, 201-202
- Миркин Рувим Израилевич 93
- Миркин, богатый еврей 196
- Миркин, кантонист 196
- Миркина Ася, сестра автора 23, 29, 36,
258, 260, 289-290, 306, 318
- Миркина Лиза 15, 221-224, 228, 249-250,
256, 261, 265, 269, 272-273, 276, 278-
280, 284, 286, 289-290, 292-293, 297-
298, 323-324, 328-330, 334-335, 346-
347, 353
- Миркина Рая 15, 96, 117, 128, 136-151,
155-156, 159, 162-169, 171-172, 174-
178, 182-185, 188-191, 193, 195-196,
199, 201-203, 205-206, 209, 211-214,
217-222, 224-226, 228, 231, 236-237,
241-242, 244, 249, 253-257, 259-263,
265-266, 269, 271-273, 275, 277-278,
281-282, 286, 290-291, 293-301, 303-
304, 309, 313, 316, 320, 324-325, 328-
329, 334-335, 337, 341-342, 346, 348-
349, 353-354, 358

- Миркина Сара Мордуховна, мама автора
 21, 258, 306
 Миркина Сима 15, 206-207, 218-219, 224-
 225, 228, 230, 236, 241-242, 249, 253,
 256, 259, 261-262, 265-266, 268, 269,
 272, 274-275, 277-279, 286, 289-291,
 293, 300, 324-326, 328-329, 334-335,
 341, 343, 347, 354-355
 Миркины (см. Миркин Михаил)
 Мирошниченко 224, 320
 Мирра 35
 Митинев 58
 Митя, Ирма (см. Миркин Митя, сын ав-
 тора)
 Михаил (см. Миркин Михаил)
 Михаил Лазаревич (см. Миркин Михаил)
 Михайличенко 58
 Михоэлс С. 132, 308
 Миша (см. Миркин Михаил)
 Миша (сын Кати) 116
 Миша (сын Хаи) 112
 Миша Рокхинд (см. Рокхинд Миша)
 Миша Циркин (см. Циркин Миша)
 Млынский Борис 357
 Млявый Петр 31
 Моисей, Моисей Фаилович (см. Клеба-
 нов Моисей)
 Мойхер-Сфорим Мендель 27
 Молочник 77
 Молочник Аня 76
 Молочник Ича 22, 77
 Молочник Маня (Муха, Мария) 26-29,
 33-34, 75, 121-124, 126-128, 130, 133-
 134, 306
 Мондшанин Владимир Борисович 202,
 260
 Мондшанина Эмма 201-203, 223, 260,
 266, 347
 Монпасье Свирид 106
 Моня (см. Берман Моня)
 Мопассан 102
 Морзе 36
 Мота (см. Миркин Михаил)
 Мотл 13
 Мотыгина С. А. 161, 174, 177
 Моше (Миркин) 201
 Мурашко 31, 308
 Мурылев Михаил 119-120, 129, 131-132,
 139, 143-145
 Муся (см. Минкова Муся)
 Муся 111
 Муся, двоюродная сестра автора (см. Су-
 ховольская Муся)
 Мэтт 353
 Найдович Эмма 190, 199, 212
 Наум (см. Мессерман Наум)
 Нахимсон 116
 Небрат 168
 Некряченко П. И. 168
 Непорент 119, 149
 Низковолосов 82
 Никифоров Ванкерем 357
 Николай I 196
 Нина Гурьевна (см. Соколова Нина Гу-
 рьевна)
 Нина Михайловна 262, 273, 280, 290
 Нисневич 43
 Новокшенов В. Ф. 171
 Нэлла (см. Мессерман Нэлла)
 Нюра 90
 Обама Барак 329
 Обломов 136
 Овсищер Лев Петрович 188-189, 199, 322
 Оливер 242
 Оля 73
 Оля, оператор 292
 Оноприенко 77
 Орджоникидзе С. 189, 194, 203
 Оронович 285

Осетрина Никифор 106
Ошкины 168

Пазухин Всеволод Васильевич 216
Пекелис В. Г. 190
Пекелис Григорий Борисович 190-191,
208
Перес Шимон 332
Песати Павел 165
Пивень В. Д. 194
Пионова Валя 156
Пирогов В. Г. 218
Платонов Виктор 131
Платонова Алла 191
Полевой Борис 133
Полещук Мина 253
Полонский Н. 185, 188
Пономарева Люся 129
Пономаренко Пантелеймон 257
Почекутов П. 182
Праглина Лиза 28, 41-42, 128, 306
Путин В. В. 286, 326-327
Пушкин А. С. 26, 73, 96
Пушнова Валя 31, 41, 46-47
Пшеника 25
Пшено Семен 106

Рабин Ицхак 266
Рабинович Шура Моисеевич 27, 42
Радашкевич Николай 31
Радашкевич Нина 31, 96
Райгородская Клава 241, 256, 274, 277
Райгородский Миша 241, 256, 262, 274,
277, 291, 353
Райкин Аркадий 116
Раков А. 188
Распереза 155
Рахим Ибрагим 83
Рахимов Рашид 235
Рахимов Сабир 77, 80, 83, 85

Рачев 155-157
Рая (см. Батюшко Рая)
Рая (см. Клугман Рая)
Рая, Раиса Фаиловна (см. Миркина Рая)
Резников М. 116
Рейган Рональд 353
Рейзл 317
Рейхман Григорий 15, 270, 272, 348, 351-
352, 357
Рик 259
Рита 127
Ровнова Галина 190
Роза 23
Розенталь Юлий Борисович 185-186, 188
Розочка 112
Рокоссовский К. К. 77-78, 84
Рокхинд Ася 234, 249, 256, 284, 292, 297,
324
Рокхинд Миша 256, 284, 324
Рома (см. Миркин Рома)
Романов Виктор 31
Романов Леонид 317
Романов Роальд 27, 95-96, 289-290, 301-
303, 306-307, 309, 317-318
Романов Федор Михайлович 27, 308
Ромен М. А. 160
Ромм Женя 274
Рохеле 344
Рохлин Л. З. 210
Рохлина Клара Федоровна 190, 199, 292,
320
Рубенчик Абрам 357
Рубин Я. (Яков) 188, 329
Рува (из Литвы) 48-49
Рува 111-112
Рудерман (Петрова) Анна Иосифовна
321, 329
Рудерман Аркадий 321
Рудина Ася 28-29, 40
Рудобелец Н. Л. 210
Руппо 306

- Руслан 304
 Россиянов 224, 226, 320
 Руфа, Рувим Моисеевич 259, 265
 Рыдлевские 31
 Рыклин Г. 106
 Рычагов 351
- Савицкая Ирина 199, 214
 Савицкий Михаил 357
 Сагалович 43
 Сагалович Абрам 347
 Садчиков 318
 Салтыков-Щедрин 146
 Сара, Сара Мордуховна (см. Миркина Сара Мордуховна, мама автора)
 Сахар-Медович Игнат 106
 Сахаров, академик 274
 Саша (Колбасников) 164
 Сашенька, правнучка автора 14-15, 325, 330, 335, 340, 346, 348
 Свердлов Лев 239
 Свердлов Федор 165
 Света (Розовская) 273-274
 Свирские 317
 Святой Петр 243
 Семен (см. Казиник Семен)
 Сенин 118
 Сент-Луис 283
 Серафим 111
 Сергей 307
 Сима (см. Берман Сима)
 Сима (см. Мессерман Сима)
 Сима, Серафима (см. Миркина Сима)
 Сима, Серафима Васильевна, соседка по Ангарску 167-168
 Симен-Мота, Сема (см. Миркин Михаил)
 Скоробогатов В. П. 62
 Слэпар 242
 Смиловицкий Леонид 12, 15, 348, 355, 357
 Смирнов Слава 149
 Смоляр Гирш 165, 357
- Смусина Сима 28, 306
 Смушкевич 351
 Соколова Нина Гурьевна 213, 232, 272, 353
 Соловьев-Седой 143
 Сонников Г. Л. 83
 Соня (см. Циркина Соня, жена Миши)
 Соня (соседка по Борисову) 137
 Соня 126
 Сорокин Арсений 156, 169
 Сосиска Марфа 106
 Славик (см. Фрумкин Слава)
 Софья Лазаревна 76
 Соша 22, 40, 77
 Спевак Аркадий Григорьевич 222, 263, 272, 279, 303, 324, 329, 335, 350
 Спевак Белла Моисеевна 222, 263, 267, 272, 279, 324-325, 329, 335, 348, 350
 Спевак Лиза (см. Миркина Лиза)
 Сталин И. 52, 90, 155, 158, 165, 180, 203, 269, 350, 357
 Старожилец Давид 309
 Степан 97
 Столов Матус 15, 258, 260, 262-263, 266, 272, 279-280, 329, 356-358
 Столова Вика 260, 262-263, 266, 279-280, 324, 356
 Строцев Ю. 188
 Сулли 240
 Сурков А. 269
 Сухарь Порфирий 106
 Суховольская Муся 116, 129, 145, 150, 276, 347
 Суховольский Миша 129
 Суховольский Славик 129
 Сушилова Галина (см. Анцелиович Галя)
 Сычев Женья 310-311, 313, 315, 337, 349
 Сычев Иван Тихонович 171, 174, 197, 205, 210, 222, 224, 281, 300-301, 303, 310-313, 315-316, 330, 333, 335-337, 347, 349

- Сычева Ирина Тимофеевна 300-301, 303,
 310-311, 313, 315, 333, 336-337, 347, 349
 Сычева Таня 310-311, 315, 337, 349
 Сыщенко К. А. 161
 Сыщенко Н. И. 161
- Талалихин В. 94
 Таль Сиди 134
 Таня (Михалевич) 120
 Таня (Соколова) 232
 Таня 168
 Тараканов А. П. 174
 Тарзан 150, 242
 Тася 168
 Татьяна 307
 Тверской Алик 149, 324
 Теллер Эдвард 260
 Теодор Лазаревич (см. Брук-Левинсон
 Теодор Лазаревич) 213, 232, 263, 329
 Терушкин Л. А. 351
 Тимофеев Ю. М. 222
 Тимощенко Михаил Яковлевич 30, 114
 Ткаченко М. 182
 Тодрины Миша и Тамара 150, 185
 Тольяти Пальмиро 174
 Тоня 113
 Трахтман Лена 15
 Трейстер Михаил 352, 357-358
 Трухан 199
 Труш Оксана Григорьевна 155, 161
- Уильямс Нэвил 276
 Ушаков Юрий 287, 289
- Фала Ирмович (см. Клебанов Фала)
 Фаня 26, 30, 116, 126, 129, 137, 140, 145
 Фарбер Софья 331
 Фарбман Леня 31, 34
 Фарбман, учительница 31
 Фейга 139
- Фельдман Марина 267, 278, 353
 Фибоначчи 342
 Фима 40, 95, 145-146
 Фишбейн Володя 291, 353
 Фишбейн Миша 324, 353
 Фишкина Миня 31
 Френдель Борис 137
 Френдель Дина 109, 114
 Фруза 97
 Фрумкин Борис 284, 292, 297, 335
 Фрумкин Саймон 252
 Фрумкин Слава 15, 204, 207, 218, 230,
 252-253, 256, 260, 266, 275, 282, 284-
 285, 292, 297, 298, 323, 335, 342, 344-
 346, 348, 358
 Фрумкина Люба 230, 253, 256, 260, 263,
 272, 279, 284, 292, 298, 329
 Фрумкины Хацкель и Раиса 309
 Функ 257
- Хава (см. Клебанова Хава)
 Хазовский Исаак Львович 158, 160, 163-
 164, 169, 181-182
 Ханум Тамара 133
 Хасдан Вилена 279, 288-289, 329
 Хасдан Давид 281
 Хасданы 288
 Хаше-Муля, Хася, Ася (см. Миркина
 Ася)
 Хая, Аня (см. Зак Аня, Хая)
 Хая, Катя (Сукновальник) 21, 104, 110-
 112, 127
 Хосид Илья Наумович 27, 31
 Хрущев Н. С. 170, 206
 Худоложкин 118
- Цейтлин Женя 130-131, 149
 Цетнеровский Виктор 125, 129
 Цивин Петя 259-262, 269
 Цивина Миля 259-261, 325

- Цивина Света 324
 Циля Абрамовна (см. Шур Циля Абрамовна)
 Циркин Арон, Аркадий 213, 265, 269, 281, 324
 Циркин Зяма 213, 279, 329
 Циркин Миша 279, 284, 292, 297-298, 324
 Циркин Яша 266, 335
 Циркина Лиза 265
 Циркина Соня, жена Арона 281
 Циркина Соня, жена Миши 284, 292, 298, 347
- Чацкий 35, 99
 Черемисина Любовь Николаевна 163
 Чумакова Клавдия Матвеевна 228
 Чуриков 97, 107
 Чюрленис 215
- Шагалова Аня 269, 289, 324-325
 Шалыгина 35
 Шапиро Полина и Юлий 329
 Шапкин 56
 Шариот Клаус 332
 Шерман Борис 28, 31
 Шерман Сема 31
 Шехтер Лев 306
 Шибeko Толя 31, 308
 Шидловская 31
 Шилов (Харитонка) 31, 42
 Шлефрин Володя 188, 191
 Шляпинтох Аркадий 324
 Шолом-Алейхем 27, 166
 Штерн 351
 Шулькин Гриша 137
 Шульман Аркадий 290
 Шульман Поля 96
 Шур Марк Моисеевич 206-207, 234, 256, 259, 262, 269, 273, 275, 278-279, 324, 326, 353
 Шур Мира Исааковна 207
- Шур Моисей Яковлевич 207
 Шур П. 357
 Шур Симочка (см. Миркина Сима)
 Шур Циля Абрамовна 207, 234, 254, 256, 259, 263, 268, 272-273, 275, 278-279, 326, 329, 353
 Шура 90, 91
 Шурик (см. Долгин Александр)
 Шустерман 255
- Щупляков 75, 305
- Эдик (Соколов) 232
 Эдик 220, 224
 Эйнштейн Альберт 308
 Элла (Рокхинд) 256
 Элька 201
 Элькины Земфира и Владимир 335
 Эля 120
 Эмка (большая) 34
 Эмка (малая) 34
 Эмма (см. Мондшанина Эмма)
 Эмма Ефимовна 289
 Эпштейн Барбара 357
 Эпштейн Ирвин 254
 Этка 132
- Юлия Борисовна 266
 Юля (см. Долгина Юлия)
 Юргелас М. С. 52
- Яблокова Виктория 15
 Ядя 117
 Яйцо Самсон 106
 Яницкий В. А. 218
 Яновская Бима 166, 168, 172, 256
 Яновский Марк 166, 172
 Ясногородская Маша 262
 Яша (Волкин) 265
 Яша К. 133

Географический указатель

- Австралия 249
Австрийская ж. д. 234
Аден 312
Азовское море 191
Айдахо 329
Алабама 329
Алма-Аты 263- 264, 280
Алушта 209, 220
Альпы 237
Альпийский хребет 237
Америка 11, 12, 60, 139, 141, 187, 189, 195, 215, 227-228, 230, 236, 241, 243, 251-252, 254-256, 258-260, 262, 264-265, 268-269, 273-274, 277, 279-281, 287-291, 296, 300, 302, 309, 319, 321-322, 325, 329-330, 333-335, 338, 341, 346-347
Ангара, река 153, 312, 348
Ангарск 13, 21, 151-153, 156, 159, 164-165, 170-179, 181, 183-185, 204, 210, 256, 263, 275, 281, 284, 295, 310, 348
Ангарская ТЭЦ-1 (см. Иркутская ТЭЦ-1)
Антополье 305
Арава, пустыня Негев 268
Аргентина 289
Аргонская лаборатория 221, 258, 260, 356
Аризона 290, 329
Арканзас 279
Арсвальд 90
Астрахань 49-56, 61-63
Атлантик Сити 273
Атлантический океан 251, 273, 275, 279

Багамские острова 273
Байкал, озеро 153, 173, 176
Баку 51

Балтийское море 78-79, 84, 87
Балтика 84
Балтимор 273
Барановичи 317
Бартеново, Смоленская обл. 107-108
Барыш, ст. Ульяновской обл. 73
Белая Церковь, дер. Чашниковского р-на Витебской обл. 22, 307
Белосток 92, 93
Белые Столбы 114
Бенилюкс 329
Береза, река (см. Березина)
Березина, река 40, 136-138, 141, 169, 283, 295, 309
Березовская ГРЭС 191-192, 197, 201, 208
Берлин (Berlin) 45, 52, 83, 89-90, 102, 152-153, 319, 326
Бернхардшталь 234
Биробиджанская автономная обл. 164-165
Бирштонас 199
Бобр 21-22, 47, 76, 305
Бобруйск 201, 203, 211
Борисов 11, 22, 28, 40-41, 47, 76-77, 92-96, 102, 105, 107, 109, 112, 114-116, 125, 128-129, 134-137, 139-140, 142-146, 148, 151, 155-156, 158-159, 163-164, 166, 168-169, 174-175, 181, 184, 187, 190, 193, 195-196, 201, 203, 212, 219-220, 227, 256, 266, 269, 272-273, 277, 282, 284, 295, 301, 309, 325, 329, 341-342
Борисоглебск 48
Борово 85-86
Бостон 274, 277
Бразилия 289
Бранденбург (Brandenburg) 83

- Брансон 279
 Браславские озера 199
 Братск 173, 176, 312
 Братская ГЭС 312
 Брежешлав 234
 Брест 207, 233-234, 319
 Бромберг (Быдгощ) 79, 90
 Брянск 21, 28, 48, 98-105, 107, 110-112, 127, 215
 Брянская обл. 101
 БССР, Белорусская ССР, Белоруссия, Белорусский 11, 13, 28, 36-37, 39-40, 42, 48, 52, 75, 77-79, 84, 86-87, 90, 93, 107, 116-117, 128, 136, 169, 179, 181, 183-185, 188, 190-194, 199, 201-203, 206, 209, 211, 215-216, 219, 221, 223, 231, 255, 269, 270, 272, 274, 280-281, 290-291, 300, 302-304, 309-310, 313-314, 319, 320-322, 329, 346, 351-352, 357-358
 Бурштын, Ивано-Франковская обл. 215
 Бурят-Монголия 162

 Варшава 78, 302, 304, 357
 Ватикан 238, 246
 Вашингтон 259-262, 265-266, 268, 274-275, 277-280, 284, 286, 291, 324-325, 329, 332, 334, 340, 346-347, 351, 353, 355, 357
 Великолуцкая обл. 101
 Вена 234-237, 244
 Венеция 242, 245
 Вест-Одер 87
 Византия 267
 Виллинг 254
 Вильнюс 215
 Виноградов 215
 Висконсин (Wisconsin) 276-277, 280, 303, 322, 330, 346
 Висла, река 78-80, 84, 321
 Витебск 27, 35, 112, 144, 186, 201, 228, 355
 Витебская обл. 11, 22, 68, 74, 122, 351, 352
 Владивосток 28, 121, 123, 150, 153, 172
 Волга, река 49, 51, 55, 62, 67, 292, 310, 326
 Вольск 68
 Восточная Европа 175, 254
 Восточная Померания 79, 84
 Восточная Пруссия 79, 84
 Выборг 118
 Вятны 22

 Галилея Верхняя 267
 Галилея Нижняя 267
 Гваделупа 347
 Гданьск (Данциг) 78, 84-86, 89
 ГДР 216
 Гдыня 84-85, 89
 Германия 34, 52, 82, 92, 102, 115, 152-153, 200, 209, 332, 339, 349
 Глинка 96-98, 100-101, 104-106, 109-110, 112-115, 119
 Голаны, Голанские высоты 267
 Голгофа (гора, Иерусалим) 268
 Голландия 229, 257
 Горы, деревня 32
 Грауденц (Грудзендз) 79, 80, 82-86, 321
 Гродно 77, 204, 317

 Давсна, нас. пункт в Астраханской обл. 60
 Дальний Восток 97, 170, 173, 186
 Делавэр 261
 Дивное 55, 65-67
 Доминиканская Республика 290, 324, 347
 Донбасс 52
 Дубище 106
 Дубна 347
 Дубовский 48, 49
 Дубровская ГРЭС 144, 146

 Европа 182, 254, 276, 278, 288, 300, 302-333, 338, 357-358

Ельня, Смоленская обл. 113

Енотаевка 49, 50

Ереван 197

Женева, озеро 346, 353

Забжидовице 234

Загорье, Смоленский р-н, Минская обл.
219, 302

Закарпатье 215

Занозная 99, 101

Западная Белоруссия 42, 133

Запорожье 217

Зихрон-Яаков 267

Ивано-Франковск 215

Иерусалим 188, 258, 267-269, 286, 338

Израиль 141, 177, 188, 196, 226-227, 229,
233, 236-237, 247-248, 257, 260, 262-
263, 266-272, 274-275, 278, 280, 286,
289-290, 292, 298, 321, 324-325, 329,
332, 334-346, 348, 351-352, 355

Иллинойс 30, 279, 290, 332, 334, 338

Ирак 260

Иркутск 148, 150, 153, 157, 161-163, 166,
168, 170-173, 176-178, 181-183

Иркутская ТЭЦ-1 152, 154-164, 168-174,
176-178, 181-183, 282, 312, 314-315

Испания 280, 289

Италия 237, 240, 242-246, 277, 335

Йемен (НДРЙ) 312

Кавказ 51, 73

Каймановы острова 278, 335, 347

Колорадо 290, 324

Калининская обл. 62

Калифорния 269, 277, 280, 289-290, 324,
341

Калмыкия, Калмыцкая АССР 51, 53-55,
57, 59, 60-62, 64-65, 74, 76, 79

Калужская обл. 101

Канада 249, 329

Капернаум (древнее пос., Израиль) 267

Карбине 234

Карибское море 278

Кармель, гора 269

Карпаты 225

Картхауз 85-86

Каспийское море 49, 59-60, 76

Каунас 199, 215

Кацрин 267

Кезлин 84

Кейсария 267

Кемерово 148, 158, 168

Кеннеди, мыс 275

Кентукки, 329

Киев 135, 148, 197, 245, 347

Килиманджаро, гора 324

Кинерет, озеро 267

Киров 98, 99, 101

Китой, приток Ангары 154, 162, 164

Китой, ст. 149-150, 155

Козумель, остров 278

Кольберг 84

Конаково, Тверская обл. 210, 282, 299-
303, 310, 312, 315, 319, 330, 336-337,
339, 342, 347

Конаковская ГРЭС 62, 197, 205, 208,
210-211, 215, 222-223, 310, 312-315

Конаковский р-н 312, 336

Красное Урочище 303

Красноярск 171

Красный Худук 55, 57

Кривой Рог 228

Крупки 21, 34-35, 37-39, 47, 76, 94, 132,
196, 305

Крупский р-н 21, 205

Крым 209, 220

- Кузбасс 149
 Куйбышев 28, 68, 72, 74-76, 90, 137, 193, 272, 351
 Куйбышевская обл. 96
 Кульм (Хелмно) 79
 Курск 270
 Курская обл. 68
 Кфар Блюм 267
 Кшень, ст. Курской обл. 68
- Ладисполь 236, 238-239, 241-243, 245-246, 249-251, 256, 274, 277
 Лас-Вегас 289-290, 324, 346
 Ленинград 26, 28, 30, 33, 99, 112, 115, 117-119, 121-123, 125-131, 135-137, 139-140, 142, 144-150, 154, 174-175, 177-178, 184, 186, 192, 194-197, 203, 221-222, 231, 241, 250, 260, 265, 279, 295, 312, 323, 325
 Лепель 26, 32
 Лесное 127, 134
 Ливан 267
 Лида, райцентр Гродненской обл. 204
 Литва 214
 Лондон 329, 335
 Лосиноостровская, ст. 129
 Луганская обл. 180
 Лукомль 204
 Лукомльская ГРЭС 197, 201, 203, 205, 208, 309
 Львов 28
- Майск 152, 153, 155, 171
 Майями 278
 Маныч, река 65-67, 76, 79
 Маныч-Гудило, озеро 65
 Мариенбург (Мальборк) 79
 Мариензее 85-86
 Масада 268
- Мексика 274, 277
 Мелитополь 180, 191, 193, 201, 217, 272
 Мертвое море 268
 Метула 267
 Милуоки 355
 Миннесота 277
 Минск 13, 37-42, 45, 47-48, 76-77, 82, 92, 96, 102, 105, 107, 116, 128, 136, 139-140, 143-144, 150, 158, 165, 169, 178, 180-181, 183-187, 189-190, 192, 194, 197, 200-201, 203-205, 207-210, 214-217, 219-224, 226-229, 231-234, 237, 241, 243, 248-249, 251, 254, 256, 259, 261, 263, 265, 272-273, 281, 284, 295-296, 301-302, 304, 309, 313-314, 319-321, 323, 334, 342, 346, 352, 355-358
 Минская губерния 196
 Минская обл. 21, 94, 193, 204-205, 219
 Миссисипи, река 279
 Миссури, река 279
 Миссури, штат 279
 Михайловка, село 55, 59-60
 Мичуринск 99
 Млав 78
 Могилев 68, 357
 Молдавия 180
 Молдавская ГРЭС 197, 203, 205, 208, 223
 Москва 45, 54, 62, 90, 92-96, 101-102, 105, 107, 114, 116, 120-121, 123, 125-126, 128-129, 134, 140, 145, 150, 153-154, 156-158, 163, 165, 169-170, 172, 181-183, 189, 193-194, 196-198, 229, 234-235, 257-259, 261, 272, 276-277, 280, 289-290, 300-304, 306-311, 313, 319, 329, 342, 346, 350-352
 Московская ТЭЦ-1 (ТЭЦ) 197, 208
 Мукачево 215
 Мэриленд 334
 Мюнхен 353

Наманган 271
Нарев, река 78, 79
Нарочь, озеро, 199
Насельск 79, 86
Нева, река 142, 146
Неман, река 199
Нетания 267-268
Нехаевский район 49
Николаевка 55
Ницан 53-55
Ново-Борисов 28, 95, 128, 136, 138, 302, 304, 309
Новолукомль 204, 302, 304, 307
Ниагара, река 280
Новополоцк 211
Новосибирск 155
Норильск, Красноярский край 199
Нормандия 291
Нью-Джерси 177
Нью-Йорк 243, 251-252, 259-260, 263, 273, 277, 290-291, 324-325, 333, 346

Одер, река 86-89, 312
Одесса 239
Озерный, пос. 215
Орел 48, 215
Орехово-Зуево 92-93
Орландо 274-275
Орша 28, 76, 100, 102, 105-107, 109, 135, 144, 148
Ост-Одер 87
Офаким 268
Оша 86

Париж 329
Пермская ГРЭС 208, 223
Петалюма 277
Петах-Тиква 268
Петровице 234
Петровск, Саратовская обл. 67
Петродворец 148
Петропавловка 107
Питер 129
Плоцк 78
Подольск 94, 96, 107, 112, 129, 131, 136
Полднее, село 49
Полтава 49
Польша 74, 78, 82, 91-92, 196, 210, 302, 321, 346
Потомак, река 353
Прибалтика 52, 177
Приютнинский улус (район) 54
Приютное 54, 64
Пролетарская 65
Пултуск 79, 86

Равиния, пригород Чикаго 328-329
Рамаданово 97
Реден 86
Рига 211
Рим 237-238, 240-246, 251-252, 289
Римини 238
Российская империя 196
Россия 28, 51, 91-92, 115, 165, 200, 261, 265, 274, 276, 278, 282, 286-287, 289, 291, 300, 303, 309, 322, 326-327, 329, 333, 336, 338-339, 346, 349-352, 356
Ростов 177
Ростовская обл. 64-65
Росток 86
РСФСР 153
Рыштан, ст. Куйбышевского р-на Ферганской обл. 193

Сальск 65
Санкт-Петербург 174, 278-280, 330, 335
Сан-Марино 240, 242, 245-246
Сан-Франциско 277, 346
Саратовская обл. 67, 270
Сатурн, планета 205

- Сахалин 28, 121, 126
 Саяны Восточные, горный массив 177
 Свердловская обл. 95, 149
 Севастополь 277
 Северодонецк, Луганская обл. 180
 Сент-Луис 283, 290
 Серово 269
 Сероцк 79, 86
 Сестрорецк 131-133
 Сибирь 11, 13, 147, 149, 151-152, 155-156, 162, 165-166, 169-170, 172-174, 176, 178-179, 181-186, 204, 342
 Сибирь Восточная 149-150, 153, 166, 172, 282
 Сибирь Южная 177
 Сион, гора 267
 Скандинавия 329
 Скоки, пригород Чикаго 30, 253-254, 256, 262, 265, 273, 280, 290, 295, 309, 322, 328, 332, 334-335, 338, 346, 349, 357
 Скурц 86
 Славное 47, 76
 Слуцк, Минская обл. 205
 Смолевичи 219, 302, 304
 Смоленск 47-48, 76, 92, 96, 98-99, 101, 105-107, 109-110, 114, 211, 215, 319, 346
 Смоленская АЭС 211
 Смоленская ГРЭС 211, 215
 Смоленская обл. 101, 107, 113, 115
 Советский Союз (СССР) 52, 64, 92, 102, 111, 115, 149, 157, 161, 165, 170-171, 186, 190, 193, 195, 198-199, 200, 210, 217, 219, 223, 227, 229, 232, 235, 237-238, 241, 243-244, 247, 248, 251, 255, 257-260, 263, 270, 280, 285, 308-309, 312-313, 329, 336, 350, 352, 357
 Сочи 203
 Средняя Азия 271
 Ставропольский край 65
 Сталинград 49-52, 54, 58, 61-65, 74, 76, 83, 193, 219, 233, 272, 312, 326-327
 Сталинградская область 46
 Старо-Борисов 302
 Староселье 21
 Стрелецкий, пос. 51
 Судак, Крым 209
 США 148, 195, 205, 236-237, 241, 243, 246-250, 261, 264-265, 272, 282, 287, 289-290, 298, 308-309, 330, 332, 334, 350-351, 356
 Таллин 199
 Танзания 324
 Ташкент 280
 Тбилиси 280
 Тверия 267
 Тверская обл. 62, 301, 342
 Тель-Авив 15, 267-268, 278
 Теннесси 329
 Тересполь 234
 Терни 242
 Термини 246
 Техас 289
 Тинаки 51-52
 Тирренское море 239, 242
 Толочин 47, 76
 Томск 171, 312
 Торунь (Торн) 78-79, 86, 90-91, 110
 Тракай 215
 Трускавец 232
 Трусово 61
 Туймазы 178
 Тулун 162
 Турция 324, 335
 ТЭЦ-1 (см. Иркутская ТЭЦ-1)
 Ужгород, Закарпатье 197, 215
 Узбекистан 83, 193, 269, 272
 Узда, райцентр в Минской обл. 204
 Украина 52, 272
 Украина Западная 215

- Улан-Удэ 162
 Улан-Эрге 55, 64
 Ульяновская обл. 73
 Урал 149
 Уручье, пригород Минска 224, 230
 Урюпинск 48-49
 Усолье-Сибирское 153, 162
 Утга 55, 63
- Фаянсовая, ст. 99, 101
 Ферганская обл. 193
 Флоренция 242, 245
 Флорида 274-275, 277-278, 280, 290, 324, 329
 Франция 280, 289
 Финляндия 280
 Фрунзе 166
- Хайфа 267
 Харабали, ст. 50
 Хартфорд 273
 Хатынь, 210
 Хиславичи 107
 Холопеничи 305
 Хулхута 55, 57, 63
- Центральная Россия 282
 Цфат 267
- Чапаевск, Саратовская обл. 270
 Чашники 304, 308
 Чашниковский р-н 122, 352
 Черейское озеро 89, 307
 Черемхово 153, 156, 162
 Черя, Витебская обл. 11, 13, 21-22, 27-28, 33-35, 38-40, 42, 45, 47, 57, 68, 74-77, 95-97, 114, 116-117, 121-122, 124, 129, 133, 143, 165, 254, 262, 272, 279, 289-290, 301-309, 317-319, 342, 348, 351-353
- Чернобыль 225
 Черное море 278
 Черноморское побережье Кавказа 51
 Чехия 280
 Чечня 265
 Чикаго 13, 30, 57, 82, 86, 173, 177, 184, 193, 215, 221, 226, 230-231, 246, 252-267, 274-276, 279, 281-282, 284, 286, 288-290, 292, 302, 310, 316, 321-326, 328-330, 332, 334-335, 337-338, 340-342, 347-350, 352-353, 355, 357-359
 Чили 289
 Чкалов 28, 128
 Чудо-озеро 290
- Швейцария 324
 Швец (Свеце) 82-83, 86
 Шенек 85-86
 Штаргардт 85-86, 89
 Штеттин 86, 88-90
 Штеттинский залив 87
- Щецин (см. Штеттин)
- Эванстон 322
 Эйлат 268
 Элиста 53-55, 62, 64
 Эльба, река 86
 Эльбинг (Эльблонг) 78-79
- Яблоново 79, 86
 Ямайка 274, 278
 Ямал 284
 Япония 97, 335
 Яремча 215
 Ярцево 110
 Яффо (Тель-Авив) 267
 Яшкуль 55, 57, 63-64

**Условные обозначения
на схеме м. Черей:**

А – аптека
Б – библиотека
БСШ – белорусская средняя школа
Б-ца – больница
Вк – военное кладбище
Г – гараж
Д/Г – дом, где жил Гиля Гутин
Д/д – детский дом
Д/и – дом инвалидов
Д/С – дом, где жил Семен Казиник
ДШ – детская школа
И – изба-читальня
И-т – интернат (в двух зданиях)
К – клуб
КОС – костел (затем кинотеатр)
Л/з – льнозавод
М – магазин
М/з – молокозавод
М-я – мастерская
НШ – начальная школа

НСШ – неполная средняя школа
 (еврейская, с 1938 г. – русская)
П – почта
Пек. – пекарня
П. к. – польское кладбище, склеп
Пож. – пожарная
Поч. – починочная
П-я – парикмахерская
Р/д – родильный дом
Р/Д – родительский дом, где я жил
 до 17 лет (ул. Горская, 2)
С – сапожная артель
С/а – сапожная и пошивочная артель
СИ – синагога
С-с – сельсовет
С-я – столярная
Ц – центральный универмаг
ЦЕР – церковь (затем клуб)
Ш – швейная мастерская
Э – электростанция (с мельницей)

Приложение 2.1

[illegible][illegible]

Справка о ранении

В боях за Советскую Родину

Сибирский Сурьма
(полное название)

248 дворов
(количество частей)

тов. Миронов Михаил
(фамилия, имя, отчество)

13. января 1943 года подполковник Роты 10-й стрелковой

дивизии 3-й армии Брянский фронт и 1-й

ранен в левую руку пулею в плечо

перелом

Начальник Мухомов Военный Комиссар

Лист № 1419

Приложение 5.1

Кубовице, 29/II-46.

Дорогие родители!

Пишу письмо о надеждах, что Вас здесь нет.
Но если нет, то может кто-нибудь прочтет письмо
и даст ответ мне, или кому-нибудь, о Вашей
судьбе. Если же Вы надеждаетесь, что кто-нибудь
будет оказывать здесь и посылать письмо,
то непременно ответьте мне, чтобы я не
забыла. Вы знаете, что мне очень тяжело
с тех пор, как началась война в 1941.
Я рассталась с семьей, не зная, где судьба.
На тех днях сообщали, что я была освобождена
от немцев. Был ответ, что я осталась как
будто живой, поэтому я пишу сразу же без
ответа по адресу:

Кубовице /благослав. / 26, в/с 243

Мирный М.П.

29/II-46.

Прочитав письмо
через Ваши родные
Вашим детям
Немного времени
и при желании
свободного человека
с кн. кол. нота. Митинский
24/II-46

Серия ЯО 000001...

УДОСТОВЕРЕН.

1. Продвигатель сер. Михаил

назв. м. о. Дроздов

состоит на действительной военной службе

в 1-й Курдунской

пешотной бригаде

(наименование части)

170109

ЛИЧНОСТИ

Мин. стр. отд.

от. лейтенант

полковник

Безбог

Безбог

Приложение 6

2010-11-11

СПРАВА

2 Argentina 1945

1-14

1802

23

700

Very respectfully,

универсальность
универсальность

(108-695000)

[illegible]

IMPROVED IN QUALITY

Planned: 1844

卷之四

16 May 1955 no. 2 Albany 94.5

по договору (договор по-русски)

Mr. Webster's place.

July 11th 1861

Edith

Ранение (заболевание, травма) связано, не связано (подчеркнуть) с пребыванием на фронте (привести контрпримеры) _____

44
Учебной комиссией признан по ст. 9 гр. 1 расписания болезней приказом НКО СССР
22.02.1944 года *неисправен*
Судовым судом / не судим / признан

Науч.-исл. лечебного учреждения

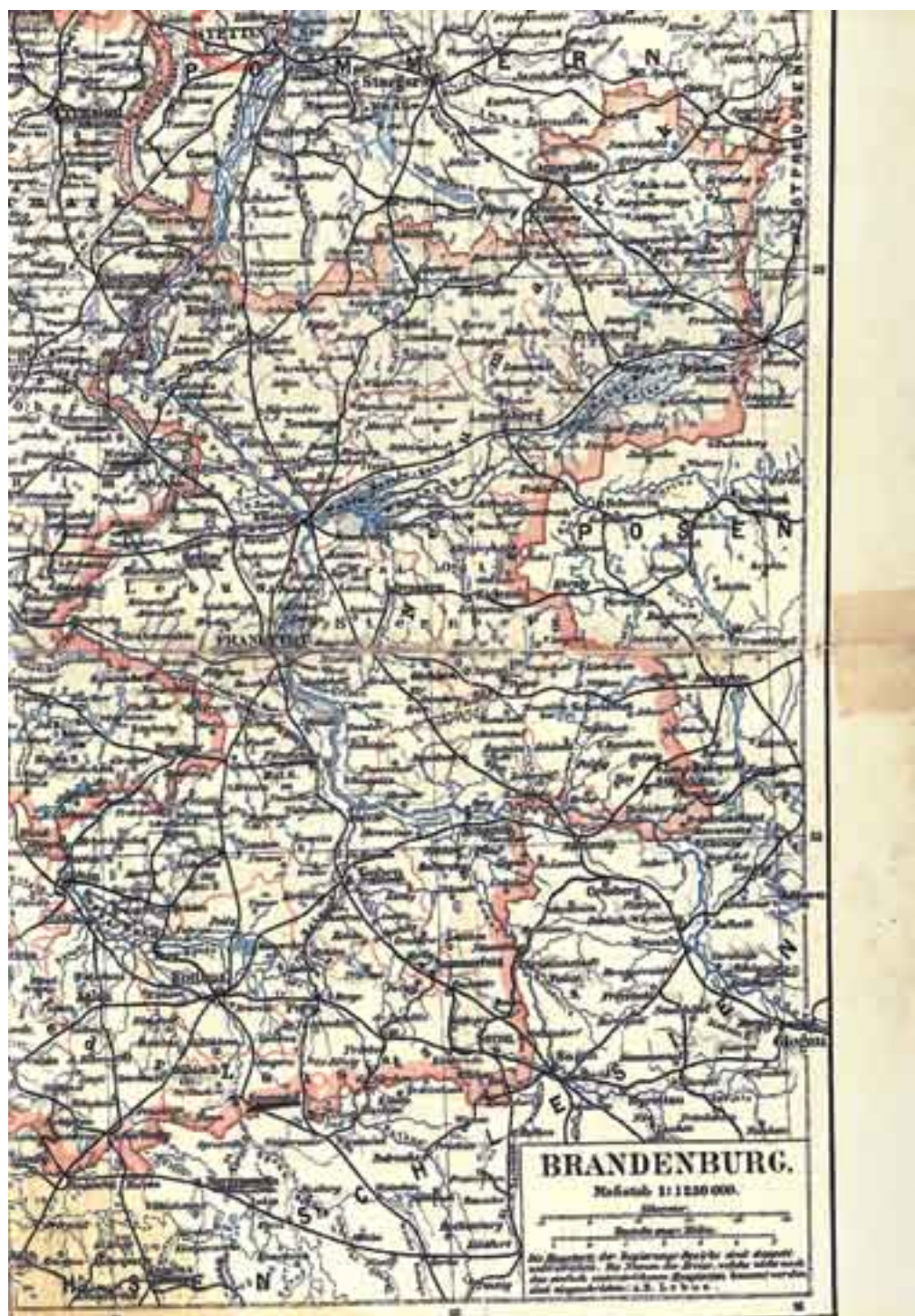
ПОЯСНЕНИЯ К ФОРМЕ № 14 УВА

4. Настоящая справка выдается по всем медицинским учреждениям, начиная со стационара ДМП, к которому относится тот или иной источник заражения или заболевания (выписывается в часть по амбулаторному, принадлежащему к батальону минотермических, общевойсковых в отпуске, увольняющему в запас, увольняемому вместе с военной службой), т. е. в тех случаях, когда история болезни увольняемого из лечебного учреждения остается в данном учреждении.

2. Лишь, вакуумный из одного лебедного урюжана в другом, в также изрядным в снатории, выдвигать
группа категорически воспринимается, так как все медикские документация, в том числе истории болезни эта разная
большая переписывается в те учреждения, куда направляется вакуумные.

Revised 10/2004 14-0000-100

Генеалогическое древо Семьи Миркиных (февраль 2012 г.)

1-е поколение
1814 г.

2-е поколение
1852 г.

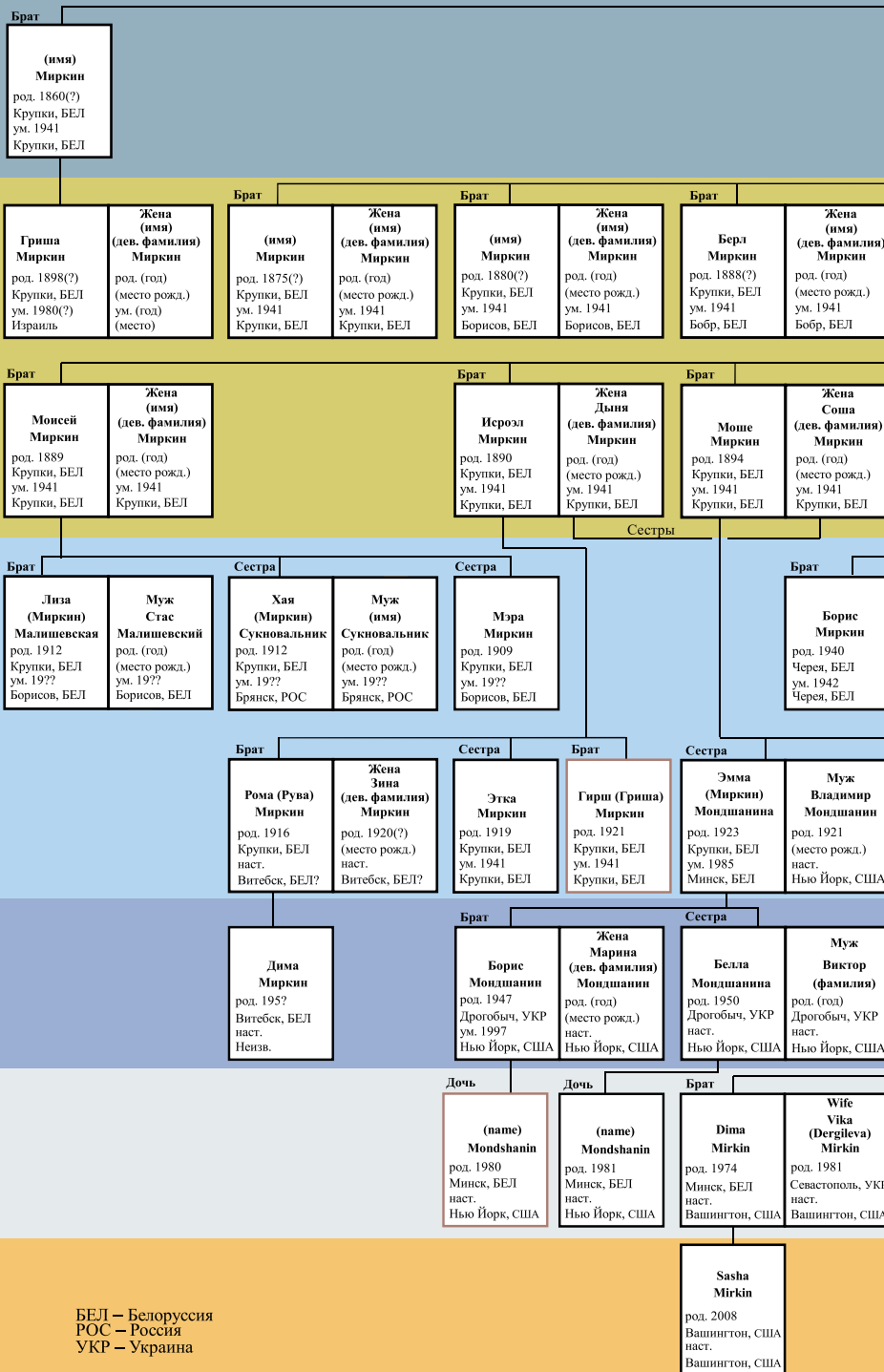
3-е поколение
1873 г.

4-е поколение
1909 г.

5-е поколение
1946 г.

6-е поколение
1974 г.

7-е поколение
2008 г.

(Имя) Миркин род. 1814 (место рожд.) ум. 1895 Крупки, БЕЛ	Жена (имя) (дев. фамилия) Миркин род. (год) (место рожд.) ум. (год) Крупки, БЕЛ

Брат		Сестра
Алтер-Довид Миркин род. 1852 Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ	Жена Сора-Лей (дев. фамилия) Миркин род. (год) Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ	(имя) Миркин род. 1857(?) Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ

Сестра	Сестра	Сестра	Сестра	Сестра
(имя) (Миркин) Городинская род. 1884 Крупки, БЕЛ ум. 1941 Борисов, БЕЛ	Муж Захар Городинский род. (год) (место рожд.) ум. 1941 Борисов, БЕЛ	(имя) (Миркин) (фамилия) род. 1876(?) Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ	Муж (имя) (фамилия) род. (год) (место рожд.) ум. 1941 Крупки, БЕЛ	(имя) (Миркин) (фамилия) род. 1873(?) Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ
				Груня (Миркин) Минков род. 1892 Крупки, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ
				Муж (имя) Минков род. 187? Город, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ

Брат	Сестра	Сестра	Сестра
Лазарь Миркин род. 1897 Крупки, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ	Жена Сара (Андраник) Миркин род. 1900 Крупки, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ	Лейка (Миркин) Лейкин род. 1887 Крупки, БЕЛ ум. 1941 Борисов, БЕЛ	Муж Юда Лейкин род. (год) (место рожд.) ум. 1941 Борисов, БЕЛ
		Элька (Миркин) Михалевич род. 1893 Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ	Муж Эля Михалевич род. (год) (место рожд.) ум. 1941 Крупки, БЕЛ
		Соша (Миркин) Молочник род. 1895 Крупки, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ	Муж Ича Молочник род. (год) (место рожд.) ум. 1942 Черя, БЕЛ

Брат	Сестра	Брат	Брат	Сестра
Михаил (Симен-Мота) Миркин род. 1923 Черя, БЕЛ наст. Чикаго, США	Жена Раиса (Клебанин) Миркин род. 1927 Борисов, БЕЛ наст. Чикаго, США	Хася (Ася) (Хаше-Мули) Миркин род. 1925 Черя, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ	Гриша Миркин род. 1930 Черя, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ	(имя) Молочник род. 1921 Черя, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ
				(имя) Молочник род. 1925 Черя, БЕЛ ум. 1942 Черя, БЕЛ

Брат	Сестра	Сестра	Брат
(имя) Миркин род. 1928 Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ	(имя) Михалевич род. 1919 Крупки, БЕЛ ум. 1941 Крупки, БЕЛ	Этка (Михалевич) Козловская род. 1917 Крупки, БЕЛ ум. 19?? Пермь, РОС(?)	Муж (имя) Козловский род. (год) (место рожд.) ум. 19?? Пермь, РОС(?)
		Гриша Михалевич род. 1920 Крупки, БЕЛ наст. Бобруйск, БЕЛ	Жена Мария (Чесова) Михалевич род. 1921(?) (место рожд.) наст. Бобруйск, БЕЛ

Брат	Брат	Брат	Сестра	Сестра	Брат
Лейя (Lenny) Миркин род. 1950 Борисов, БЕЛ наст. Вашингтон, США	Жена Сима (Шур) Миркин род. 1952 Гомель, БЕЛ наст. Вашингтон, США	Митя (Ирма) Миркин род. 1954 Ангарск, РОС наст. Чикаго, США	Жена Лиза (Спевак) Миркин род. 1956 Кривой Рог, УКР наст. Чикаго, США	(имя) Козловский род. 1947 Пермь, РОС наст. Неизв.	(имя) Козловская род. 1947 Пермь, РОС наст. Неизв.
				Таня (Михалевич) (фамилия) род. 1946 Бобруйск, БЕЛ наст. Бобруйск, БЕЛ(?)	Муж (имя) (фамилия) род. 1946(?) (место рожд.) наст. Бобруйск, БЕЛ(?)
					Валера Михалевич род. 1952 Бобруйск, БЕЛ наст. Бобруйск, БЕЛ(?)

Сестра	Сестра	Сестра
Inessa (Mirkin) Mirkin Owens род. 1981 Минск, БЕЛ наст. Вашингтон, США	Husband Leo Owens III род. 1981 Вирджиния, США наст. Вашингтон, США	Alisa Mirkin род. 1985 Минск, БЕЛ наст. Чикаго, США
		Anna Mirkin род. 1991 Минск, БЕЛ наст. Чикаго, США

[illegible]

КЕТУБА

14 числа месяца Ав в 5708 году от Сотворения мира согласно отчёту, который мы ведём, что соответствует 19 августа 1948 года по гражданскому календарю, в еврейской части белорусского города Борисов, духовно принадлежащей Земле Израиля, господин Мордхе, сын Лэйзера из семьи Мирюных, сказал этой девушке по имени Рая, дочери Фалы из семьи Клебановых:

"Будь мне женой по закону Моисея и Израиля. Я буду работать для тебя, и почитать тебя, и обеспечивать тебя пропитанием и всем необходимым, ибо сказано: сыны Израиля работают роди своих жён, обеспечивают их всем необходимым и почитают их. И я дам тебе денежную сумму в размере, эквивалентном 200 серебряным монетам, как это оговорено в Законе, а также то, что необходимо тебе для еды, одежды и прочего, чтобы жить нам семьей, как это принято повсеместно".

И девушка Рая согласилась стать его женой.

А что касается приданого, которое приносит она ему из родительского дома - деньгами, золотом, драгоценностями, одеждой или предметами домашнего обихода, общей стоимостью в заранее оговоренных эквивалентных шекелях, - то жених Мордхе принял всё это приданое и добавил от себя оговоренную сумму в эквивалентных шекелях, что и составило изначальную сумму новых шекелей для новой семьи.

И так сказал Мордхе-жених: записанное в этой кетубе - и приданое, и прибавленное к нему, я принял; на мне и на моих наследниках лежит выплата этого всеми моими средствами и всем, чем владею на свете, всем уже приобретенным и всем, что приобрету в будущем, собственностью застрахованной и незастрахованной. Всё будет залогом, предназначенным для того, чтобы выплатить то, что записано в этой кетубе: приданое и добавленное к нему, даже если вынужден буду я отдать для этого последнюю рубашку - навсегда этот долг на мне.

И ответственность за написанное в этой кетубе, включая приданое и добавленное к нему, принял на себя Мордхе-жених, как это принято при подписании любой кетубы, с различными дополнениями для дочерей Израиля, по установлениям наших мудрецов, - так что этот документ есть подлинный и обязывающий.

И мы получили от вышеупомянутого жениха господина Мордхе и передали вышеупомянутой девушке, госпоже Рае как символ согласия за всё, что написано и объяснено выше, ценный предмет, достойный этого, которым является золотое кольцо.

И всё это верно, ясно и подлинно:

Свидетель Лэйзер Раскинд

Свидетель Барл Курман

И я, жених, принимаю на себя всё вышесказанное и подписываюсь в этом сегодня:

/Мордхе Мирюны

Имя: Mikhail & Raisa Mirkin
Адрес: Chicago, USA
Заголовок: Вспоминая Льва Овсищера

Скорбная весть пришла из Иерусалима: на 88-м году жизни не стало Льва Петровича Овсищера - полковника авиации Советской Армии; заслуженного военного летчика, получившего множество боевых наград; почетного полковника авиации Армии Обороны Израиля и почетного гражданина города Иерусалима; одного из наиболее активных борцов за разрешение на выезд евреев в Израиль. И все это происходило в период расцвета антисемитизма под лозунгом борьбы с сионизмом. Наше первое знакомство с Львом Петровичем произошло в далеком 1963-м году в научно-исследовательском институте экономики и экономико-математических методов планирования (НИИЭМП) Госплана Белоруссии после упомянутой в его книге "Возвращение" знаменитой лекции Вячеслава Зайцева о глобальной проблеме евреев и Израиля. Эта лекция действительно прозвучала как раскатистый гром среди ясного неба и произвела на разных сотрудников института разное впечатление. На Льва Петровича – особое. Взгляды лектора полностью подтвердили правомерность и его взглядов, в значительной степени предопределивших характер и методы действий Льва Петровича в дальнейшем. Лев Петрович был в высшей степени ответственным и дисциплинированным человеком, человеком слова и дела. В любой ситуации он мог дать дельный совет, а свои обещания выполнял четко, точно и в срок, будучи по-военному пунктуален. Он всегда с честью выходил из самых неординарных ситуаций, хотя иногда не обходилось без казусов. Вот один небольшой эпизод. Руководство института и мы, относительно малочисленная группа сотрудников-ветеранов войны (Л. П. Овсищер, П. А. Дармоян, М. Л. Миркин, Я. И. Рубин, С. И. Анохин, и др.), решили торжественно отметить 20-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Был выбран ресторан "Минск", определен состав приглашенных и назначено время начала торжества. Кроме руководства и ветеранов войны были также приглашены руководители лабораторий и начальники отделов – все, естественно, с женами. В 19:00 все места за столиками были уже заняты и лишь два места за главным столом оставались пустыми – место Льва Петровича и жены Татьяны. Время от времени мы, ветераны, с беспокойством и недоумением переглядывались между собой, пытаясь угадать что случилось с этим всегда пунктуальным человеком. После почти часа томительного и тревожного ожидания в дверях появился в полной военной форме, при всех орденах и медалях, полковник авиации Советской Армии Лев Петрович Овсищер с женой. Он быстро подошел к своему месту и, не успев еще сесть, попросил извинения за столь длительную задержку по, как он выразился, "не зависящим от него причинам". Немного спустя, когда был прознесен уже не один тост, Лев Петрович с присущим ему чувством юмора рассказал о причине опоздания. А произошло вот что. Надев накрахмаленную рубашку с праздничным галстуком и новый костюм с орденскими планками, он решил подождать Татьяну на улице. Неожиданно он почувствовал запах горячих щей, а через секунду понял, что облит ими с головы до ног. Оказалось, что некая мамаша, занявшись "воспитанием" сына, запустила в него кастрюлю со щами, но промахнулась и устроила "вкусный дождь", под который и попал Лев Петрович. Пришлось вернуться домой и сменить вконец испорченную одежду на привычную военную форму. Без преувеличения можно сказать, что Лев Петрович был человеком неординарным и личностью незаурядной. Мы вспоминаем добрым словом его неудержную активность и искреннюю причастность ко всем и всему, к отдельной личности и к еврейскому обществу в целом, к решению проблемы выезда в Израиль и к организации празднования дней Победы на "Яме" и митингов во время еврейских праздников. Он был признанным лидером еврейского движения за выезд в Израиль. Грустно говорить о Льве Петровиче в прошедшем времени. Это был до конца принципиальный в своих взглядах, добропорядочный в своих поступках и глубоко убежденный в своих правомерных действиях человек, а потому у нас сохранились о нем самые добрые и теплые воспоминания.

Михаил Миркин, Раиса Миркин – бывшие сотрудники НИИЭМП,

г. Чикаго, Сентябрь 2007

Копия

Форма № 4

ИЗВЕЩЕНИЕ

содол
Выше **КЛЕБАНОВ** Михаил Филиппович
уроженец ст. Ринтан, Кузбассовск. р-н, Ферганск. обл.
в боях за социалистическую Родину, верный воинской при-
сяге, проявив героизм и мужество, находился на фронте,
погиб 30 мая 1943 года.

ОСНОВАНИЕ: Извещение Отдела Учёта потерь офицеров
и солдат СА МО СССР № 659/51225 от 14 мая 1966 г.

М.п.

Настоящее извещение является документом для возбужде-
ния ходатайства о пенсии на основании приказа НКО СССР №
26 мая 1966 г.

Малытопольский Райвоенком
Подполковник

(подпись)

Савченко 1975 год. Лебедева Н.Н.

государственный архив
контр: *корреспондент работы*

5565
осажденный в плену
М. Лебедева

Дорогой Михаил
Лазаревич!

Пусть этот сборник на
помянет Вам обо всем
хорошем, что связывало
Вас с Григорием Бори-
совичем. Благодарю
за память Минск
8 июля 2005 г.

В.И.М.

М. Миркин,

к.т.н., старший научный сотрудник

Мое первое знакомство с Григорием Борисовичем произошло в начале 60-х годов, когда в Белоруссии появилась настоятельная необходимость в создании единого центра научных исследований в области энергетики вместо существовавших в то время разрозненных разработок различных организаций.

По решению правительственных органов республики в 1964 году таким центром должен был стать Белорусский филиал Государственного научно-исследовательского энергетического института имени Г.М. Кржижановского.

У истоков создания филиала был Григорий Борисович, который оказывал всестороннюю практическую по-

мощь малочисленному на тот момент руководству в организации и становлении этого будущего центра научной мысли.

Он одним из первых начал формировать возглавляемый им отдел общей энергетики, отдавая много сил и времени поиску соответствующих кадров. И это несмотря на огромную производственную нагрузку и занятость.

Наряду с другими в составе отдела общей энергетики был создан сектор оптимизации тепловых электростанций, возглавляемый к.т.н. Минковым В.Е.

После бесед Григория Борисовича со мной и всестороннего знакомства с моей производственной и научной деятельностью (а к этому времени я одним из первых был зачислен во вновь созданную заочную аспирантуру БелЭНИНа) я был рекомендован и принят на работу на должность группового инженера. Так в 60-х годах состоялось наше первое, запомнившееся на всю жизнь и в известной мере судьбоносное знакомство, которое во многом определило мою дальнейшую научную направленность.

После этого и до самого последнего дня своей трудовой деятельности мы неоднократно встречались с Григорием Борисовичем не только лично, но и на семинарах, симпозиумах и различного рода заседаниях, где обсуждались наиболее актуальные научно-технические проблемы дальнейшего развития энергетики, и всегда с большим интересом и вниманием слушали его аргументированные выступления и глубокие мысли.

Одна из таких запомнившихся встреч состоялась в середине 70-х годов, когда по состоянию здоровья Григорий Борисович временно не смог читать студентам дневного отделения энергетического факультета БПИ курс лекций по экономике, организации и планированию энергетики. Григорий Борисович порекомендовал заведующему кафедрой экономики и организации производства БПИ мою кандидатуру для чтения указанного курса. Против чтения

этого курса лекций студентам в дневное время не возражало и руководство БелЭНИНа.

Естественно, лекции читались в основном по курсу экономики, организации и планирования, разработанному Григорием Борисовичем. При этом я получил от него много ценных методических и практических указаний. В соответствии с духом времени и с его любезного согласия и благословения курс лекций был мною дополнен несколькими разделами, в частности «Разработка и внедрение систем автоматизированного анализа технико-экономических показателей и оценки деятельности персонала крупных ТЭС», «Создание и внедрение автоматизированных систем управления технологическими процессами энергетических блоков и энергетическим производством крупных ТЭС» и другими, тем более, что разработки велись нами в БелЭНИНе на протяжении ряда лет и внедрялись на многих крупных электростанциях страны — Березовской, Лукомльской, Молдавской, Конаковской, Пермской ГРЭС, Московской ТЭЦ и др.

Григорий Борисович был весьма популярен среди энергетиков. Он высоко котиrowался как профессионал и первоклассный специалист в области энергетики. Это был незаурядный человек и личность. А потому у меня сохранились о нем самые светлые и добрые воспоминания.

г. Чикаго (США).

Июнь 2004 г.

АПШЕСПАШ
СТАРШЕГО НАУЧНОГО
СОТРУДНИКА

МСП № 076333

Москва 1 ноября 1926г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 5 июля 1926 (протокол N 24)

Мурин Михаил Львович
УТВЕРЖДЕН В УЧЕНОМ ЗВАНИИ
СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА

ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
"Средств транспорта"

Печатный отдел
Аттестационной Комиссии
Всесоюзной Сельскохозяйственной
Аттестационной Комиссии

Л. С. Дубинин.
М. С. Дубинин.

Б С С Р

Ветеринарный Ветеринарный
областной архив (ветеринарный
архив)

Ветеринарный Ветеринарный
областной архив (ветеринарный
архив)

АВЛАСНЫ АРХИВ
ЗАКОН АКТОВ
ГРАЖДАНСКОГО
СОСТОЯНИЯ

ОБЛАСТНОЙ АРХИВ
ЗАКОН АКТОВ
ГРАЖДАНСКОГО
СОСТОЯНИЯ

15. 01 1952

М. 10/2352

г. Витебск

г. Минск

ул. Рудоманова, 44-47

г. Минск

М. П.

г. Витебск

ИЗВЕЩЕНИЕ

Земельный архив

г. Минск, Лазарь Давидович за 1897г.

г. Минск, Лазарь Давидович за 1900г.

по м. Горького, Ленинского района

и архивных архивов записи Ветеринарной области. (ветеринарный архив)

По вопросу восстановления архива актов гражданского состояния. Ветеринарный архив (ветеринарный архив) записи Ветеринарной области (ветеринарный архив) Совета народных депутатов по месту своего постоянного жительства.

Ветеринарный архив записи

Ветеринарный архив записи

Наталию ОВРА и.м.м.м.
с.р. Миркина Михаил Лазаревича,
пр. в г. Минск, ул. Русская, д. 44, кв. 47

Заявление

Мои родители, отец Миркин Лазарь Саводович (1897 г.)
и мать - Миркина Сара Мардухановна (1900 г.)
погибли в гетто в г. Бердзэ, Минского района,
Виттебской обл. в марте 1942 года. Предлагаю
свидетелей, знавших моих родителей до войны,
и подтверждающих мое заявление
"26" июня 1938 г.

с.р. и.о. Киммер Цина Давидовна
Адрес: г. Борисов, Минской обл., ул. Белявина, д. 14, кв. 1
Паспорт VII-ВН № 645762
Проживает: г. Борисов, Минской обл., ул. Белявина, д. 14, кв. 1
Киммер

с.р. и.о. Бакал Вилзовна Сергеевна
Адрес: г. Борисов, Минской обл., ул. Белявина, д. 14, кв. 2
Паспорт IX-ВН № 557665
Проживает: г. Борисов, Минской обл., ул. Белявина, д. 14, кв. 2
Бакал

с.р. и.о. Миркина Лиза Моисеевна
Адрес: г. Борисов, Минской обл., ул. Советская, д. 39
Паспорт II-ВН № 639531
Проживает: г. Борисов, Минской обл., ул. Советской, д. 39
Миркина

ПРОСМОТРЕНО
Куда

ВРЕМЯ

Смерть немецким оккупантам!

ВОЙНСКОЕ

Л.В.С.Р. Горюхиной
Ст. Серова Курьинцевский
к-з. Коммуны

Кол. Клебанову

Адрес

2519 * Полевая почта,

Почта 452-

Клебанову

МЫ ВЕДЕМ ВОЙНУ СПРАВЕДЛИВУЮ!

Цена 6 коп.

№

ДЛЯ ЗАПИСИ

С любовью и надеждой!
Мне. На этом кончено. Духовно
это в не мой, но все же
в душе в этом есть нечто. Мне
мне становится так и в это
необходимо, но для этого
но мне нужно выжить, и я
она будет жить, и тогда
одежда для меня и для
дальше к ней, но все-таки 8

ВНИМАНИЕ: НЕ ПИШИТЕ!

ЗНАМЯ КОММУНИЗМА

Орган городского комитета Коммунистической партии
Советского Союза и городского Совета депутатов трудящихся

№ 101 (380)

ВОСКРЕСЕНЬЕ

22

АВГУСТА
1954 года

Цена 15 коп.

№ 101 (380)

ЗНАМЯ КОММУНИЗМА

Стр. 3.

Резервы производства—на службу Родине!

Цеховой хозрасчет и снижение себестоимости

Период, постепенного перехода от социализма к коммунизму требует особого внимания к вопросам себестоимости продукции и рентабельной работы предприятий. Поэтому не случайно, что по всей нашей стране широко и в разнообразных формах развернулось патристическое движение за мобилизацию внутренних резервов, борьба за снижение себестоимости, за рентабельную работу каждого предприятия, за ускорение оборачиваемости оборотных средств и лучшее использование оборудования.

Снижение себестоимости, повышение рентабельности предприятия, расчетливое и разумное ведение хозяйства являются одной из главных задач каждого руководителя, всех инженерно-технических работников и всего коллектива социалистического предприятия. Только за этот счет можно получить дополнительные социалистические накопления, дающие возможность, с одной стороны, ускорить темпы социалистического расширенного воспроизводства, а с другой—обеспечить систематическое снижение цен, а вместе с этим и неуклонное повышение материального благосостояния советского народа.

В связи с этим особое значение имеет переход предприятий на хозрасчет.

Хозяйственный расчет — это только ~~метод социалистического хозяйства~~ ~~Вотный и упавший~~ ~~предприятия, направленный~~ ~~на соблюдение режима экономии и рентабельную работу~~, но и оружие выполнения и перевыполнения государственного плана.

Организация цехового хозрасчета

Цеховой хозрасчет представляет собою неотъемлемую часть хозяйственного расчета нашей теплоэлектроцентрали в целом и является более высокой ступенью его осуществления. От последнего он отличается своими организационными формами, степенью оперативной самостоятельности, формами контроля рублем.

Хозрасчетные взаимоотношения между дирекцией и цехами теплоэлектроцентрали осуществляются выдачей цехам развёрнутых планов-заданий, оперативным контролем исполнения этих заданий, организацией учёта итогов и анализа производственно-хозяйственной деятельности хозрасчётного цеха.

План-задание хозрасчётному цеху является основным и единственным плановым документом, содержащим в себе всю его производственно-хозяйственную деятельность, направленную на выполнение государственного плана теплоэлектроцентрали.

Плановое задание содержит в себе следующие разделы:

1. Производственную программу и технико-экономические показатели цеха;
2. Лимиты по труду;
3. Объём текущих ремонтов;
4. Объём капитального ремонта;
5. Объём капитального строительства;
6. Организационно-технические мероприятия;
7. Смету затрат и себестоимость единицы продукции.

В соответствии с утверждёнными плановыми показателями ТЭЦ эксплуатационный отдел определяет каждому цеху производственную программу и технико-экономические показатели. К последним, наряду с другими, относятся удельные и абсолютные расходы топлива и тепла, коэффициент полезного действия брутто и нетто, ассортимент сжигаемого топлива, параметры пара перед турбиной и расход электроэнергии на собственные производственные нужды, отражающие не только количественную, но и качественную характеристику работы цехов. Эксплуатационный отдел осуществляет контроль за выполнением заданных показателей и своевременно устраняет причины, ухудшающие технико-экономические показатели или мешающие выполнению производственной программы.

Отделом труда и заработной платы составляются штатные расписания для всех цехов, лабораторий и служб. Утвержденные директором в пределах общестанционного плана по труду, штатные расписания служат основанием для выдачи хозрасчетным цехам лимитов по труду и заработной плате по категориям персонала раздельно по основной деятельности и капитальному ремонту. Этим же отделом осуществляется контроль за соблюдением установленных лимитов.

Текущие и капитальные ремонты основного и вспомогательного оборудования цехов планируются и подготавливаются ремонтно-конструкторским отделом. Он же оформляет всю сметно-техническую документацию и даёт заявки на потребные запасные части. Материально-техническое снабжение в соответствии с лимитами, установленными сметами и хозрасчетными плановыми заданиями, осуществляется отделом снабжения, который также контролирует цеха в части расхода материалов и запасных частей.

Организационно-технические мероприятия (противоаварийные, по повышению надежности, экономии топлива и электроэнергии, технике безопасности, внедрению новой техники, рационализации, повышению культуры эксплуатации, подготовке станций к зиме и т. д.), наряду с капитальным строительством, капитальными и текущими ремонтами утверждаются главным инженером, включаются в план цеха и являются неотъемлемой частью плана-задания.

Все перечисленные выше данные по отдельным разделам поступают в плановый отдел. На их основании составляются сметы затрат цехов, в сумме не превышающие общестанционную смету, и определяются себестоимости единиц продукции.

Бухгалтерия осуществляет контроль за расходованием всех материальных и денежных средств в пределах этих смет.

Рассчитанные таким образом планы-задания утверждаются директором и за один-два дня до начала месяца направляются в

основные и вспомогательные цеха для исполнения.

Таким образом, в организации и проведении цехового хозрасчета принимают участие все отделы теплоэлектроцентрали.

Контроль и учет

Итоги выполнения хозрасчетных заданий цехами ежемесячно рассматриваются на балансовых комиссиях. Там же намечаются мероприятия по дальнейшему улучшению хозяйственно-финансовой деятельности отдельных цехов и станций в целом. Итоги хозрасчетной деятельности учитываются при рассмотрении заводеким комитетом работы цехов и пригуждении классных мест.

Для осуществления систематического контроля за соблюдением сметы затрат на теплоэлектроцентрали установлен оперативный контроль—ежеуточный оперативный учет технико-экономических показателей и себестоимости продукции цехов и станций. Основные технико-экономические показатели и себестоимость продукции станции находят свое отражение в ежедневных производственных бюллетенях, вывешиваемых для сведения всего коллектива.

Ежеуточный учет показателей углубляет цеховой и общестанционный хозрасчет, способствует дальнейшему улучшению всех производственных и экономических показателей работы предприятия.

Улучшение экономических показателей

Внедрение цехового хозрасчета уже сказалось на экономии работы теплоэлектроцентрали и культуре её эксплуатации. В текущем году систематически выполняется и перевыполняется государственный план по всем установленным технико-экономическим показателям. Полугодовой план выработки электроэнергии выполнен на 106,2 процента, а по отпуску тепла—на 112,3 процента. За полугодие сэкономлено 4718 тонн условного топлива, 725 тысяч киловаттчасов электроэнергии на собственные производ-

ственные нужды и 314 тысяч киловаттчасов от снижения потерь в трансформаторах. На сэкономленном топливе ТЭЦ работала около пяти дней. За счет этого топлива дополнительно выработано столько электроэнергии, сколько необходимо для бытового потребления и освещения нашего города в течение пяти месяцев.

Экономия от снижения себестоимости киловаттчасов и мегакалорий против плановых за тот же период составила 1020 тысяч рублей, а сверхплановые накопления — 1252 тысячи рублей. За счет этого образован фонд директора, средства которого направлены на дальнейшее расширение производства, строительство и ремонт жилищного фонда, улучшение культурно-бытового обслуживания персонала станции, приобретение путевок в санатории и дома отдыха, выдачу премий рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим и т. д.

Хозрасчет и культура производства

Значительно повысилась культура эксплуатации, коренным образом изменился внешний и внутренний вид предприятия.

Теплоэлектроцентралью досрочно выполнен план соцкультбытового строительства, за три месяца был построен и сдан в эксплуатацию пионерский лагерь на 200 мест.

Внедрение цехового хозрасчета значительно улучшило работу всех цехов. Это можно показать на примере хотя бы одного из основных цехов — котельного.

Коллектив этого цеха за полугодие сэкономил 2114 тонн условного топлива, 119 тысяч киловаттчасов электроэнергии на собственные производственные нужды, повысил против плана коэффициент полезного действия котельной на 1—1,5 процента, снизил удельные расходы электроэнергии на пылеприготовление и гидроудаление. Плановые затраты снижены на 7 процентов за счет экономии таких статей расхода, как топливо, заработная плата, услуги и др.

Наибольшей экономии добились машинисты котлов т. Чернявский, Ершов, Черняков, Казаков и др., получившие только по этому виду премий от 350 до 600 рублей каждый. Применяя передовые методы труда, машинисты тт. Чернявский, Фролов, Черняков и другие т.т. Беренков, Басин и Кузнецов решили на обслуживании одновременно двух работающих котлов, вынебодив тем самым соответствующих работников для вновь вводимых агрегатов, сократив потребность численности персонала и сэкономив при этом значительные суммы государственных средств.

По инициативе партийной группы цеха внедрены и проведены скоростные ремонты двух котлов и значительно (на 5,1 процента) сокращены плановые сроки простоя в капитальном ремонте остальных котлов. Образцы самоотверженного и высокопроизводительного труда показывают ремонтники бригады тяго-дутьевых установок т. Волюкина и бригады шаровых мельниц тов. Блюнова. Благодаря экономному расходованию материалов, механизации трудоемких работ и повышению производительности труда, ремонтным персоналом цеха за полгода сэкономлено 92 тысячи рублей против сметной стоимости.

В цехе насчитывается 33 изобретателя и рационализатора. Им подано 58 и принято 32 рацпредложения с годовой условной экономией 90 тысяч рублей. Лучшими рационализаторами являются обмуровщик Чернов, подавший 4 рацпредложения, кочегар Фролов—5 рацпредложений, бригадир слесарей Трапезников—3 рацпредложения и др. Весь цеховой персонал охвачен социалистическим соревнованием.

В цехе налажен контроль за расходованием материальных и денежных средств, изыскиваются возможности для их сокращения, настойчиво внедряется и осваивается сжигание низкосортных и более дешевых видов топлива. Путем разнообразных форм агитационно-массовой работы и лич-

ного примера члены партийной, комсомольской и профсоюзной организаций цеха мобилизуют коллектив на выполнение и перевыполнение месячных планов-заданий.

Себестоимость продукции, являющаяся одним из важнейших показателей работы предприятия, снижена и в других цехах. Так, себестоимость тонны химочищенной воды снижена коллективом химического цеха на 30 процентов, себестоимость подачи тонны угля в бункера коллективом топливно-транспортного цеха—на 14 процентов, себестоимость выработки киловатт-часа коллективом машинного цеха—на 11 процентов и одной мегакалории—на 3 процента.

Взаимодействие отделов с цехами

Внедрение цехового хозяйственного расчета улучшило работу отделов заводоуправления: они ежедневно стали следить за ходом выполнения плановых показателей, более оперативно решать производственные вопросы и оказывать соответствующую помощь цехам, ускорили представление периодической отчетности.

Эксплуатационным отделом, например, ежедневно сообщается цехам выполнение их производственных показателей, ремонтно-конструкторским отделом составлены, утверждены и сведены графики и сметы на капитальный ремонт цеховых объектов. В цеховых объектах организована выдача цехам материалов и запчастей в соответствии с лимитными картами, плановым отделом определяются суточные показатели и затраты, определяются и изыскиваются источники финансирования плановых работ и т. д.

Рентабельность предприятия в целом зависит и от работы вспомогательных производств. Некоторыми вспомогательными цехами (ремонтно-строительный, автогазовый) хозяйственный расчет, как действенное средство улучшения работы, пока еще слабо используется.

Ограничиться существующим хозяйственным расчетом на ТЭЦ было бы неправильно. Необходимо систематически совершенствовать формы и методы его организации, обобщать и popularизировать опыт работы лучших цехов, в полной мере применять утвержденное Министерством электростанций СССР положение о премировании работников хозрасчетных цехов за выполнение планового задания независимо от результатов работы электростанции в целом. Необходимо также организовать и внедрить внутрицеховой хозрасчет по бригадам, участкам и группам.

Углубление и совершенствование хозяйственного расчета явится залогом дальнейшего улучшения технико-экономических показателей и дальнейшего снижения себестоимости.

М. МИРКИН,

начальник планового отдела ТЭЦ.

Голос ВЕТЕРАНА

#11
(145)

Орган Чингисской ассоциации ветеранов Второй мировой войны
“Voice of Veteran”

Спонсор “Голоса Ветерана” - газета “Реклама”

(Из фото М.Мирзая)

По страницам 3-го тома книги «Война и судьба»

Первая атака

С трудом перечитывая свои пожелтевшие от времени карандашные и чернильные дневниковые записи и угадывая смысл некогда наспех записанных слов и выражений, я вдруг подумал: какой из многих боевых эпизодов той далекой военной поры был наиболее значительным, за-

поминавшимся особенно ярко?

Конечно же, первая, незабываемая атака в девятнадцать лет...

Их было немало потом, на протяжении всей войны: и в разных районах Калининского участка Сталинградского фронта осенью 1942 г., и при форсировании р. Маныч зимой 1943 г., и на Наревском плацдарме весной 1945 г., и в боях за города Грауленд, Данциг, Штеттин, и при форсировании устья реки Одер на границе с Германией.

Ничего и не могло быть. Участие пехотинца в любой должности и звании, в которых мне довелось воевать, - первым подниматься и поднимать бойцов в атаку, первым получать пули и осколки мины и снарядов, первым быть убитым или раненым, и, если повезёт, остаться после этого живым...

Атак было немало. Но первая, которая могла оказаться и последней, да к тому же далеко не героическая, запомнилась на всю жизнь.

21 марта 1942 года, когда мне не было ещё и девятнадцати, я получил в колхозе, куда был эвакуирован и где работал на фермах и в поле всю холодную зиму, продукты на несколько суток, сложил их в сумку и направился в Емюттавской райвоенкомат Астраханской области.

Боясь, что и на сей раз, как это случилось раньше, военкомат может отложить на неопределённое время мой призыв и прямо, не стал дожидаться официального приёма, прохождения медицинской комиссии и необходимого оформления призывных документов. Увидев на соседней станции состав с молодыми ребятами, очевидно призывниками, готовый вот-вот отправиться, быстро вскочил на подножку вагона отходящего поезда, без направления и документов из военкомата, и вместе с остальными поехал в неизвестность.

На следующее утро эшелон с призывниками прибыл в Астрахань. Все выгрузились из вагонов и нас строем повели к старинной Астраханской Кремль, на воротах которого было написано: «З-е Астраханское военно-пехотное училище». Только теперь я понял куда мы приехали и какия участь ждёт призывников. Во время переключки выяснилось, что моей фамилии в списках нет. После моего объяснения пропущен самовольного приезда без направления военкомата, благодаря снисхождению старшего офицера, решили занести мою фамилию в список и оставить вместе со всеми, как добровольца. Радости моей не было предела. Моя мечта сбылась! Я больше не гражданский человек, а военный...

Переключиться с гражданского на военный образ жизни было нелегко и непросто. Пока привык к распорядку дня, особенно к раннему подъёму, к нормам на питание, к беспрекословному повиновению старшим командирам и выполнению их приказов, было очень трудно. И, тем не менее, я вскоре стал привыкать ко всем тяготам военного времени и военной жизни вообще.

Особенно мучили меня, как и всех остальных курсантов, двухметровые обмотки, которыми мы должны были обматывать ноги поверх ботинок: ведь сапог, хотя бы кирзовых, не было, и о них можно было только мечтать.

Труднее было утром, во время подъёма, когда за считанные минуты надо было успеть проснуться, вскочить с трёхъярусных нар, натянуть штаны и надеть гимнастёрку, сунуть ноги в ботинки и наматывать обмотки, которые, будь они непады, как назло, часто разматывались, выбежать на плацдарм и встать полностью заправленным в строй. И если во время этой утрен-

ней проверки что-то было не на месте, то парадные очереди не миновать.

Занятия проходили в учебных лагерях близ Астрахани. Частыми были ночные тревоги. Очень серьёзная военная обстановка сложилась к началу августа 1942 года на советско-германском фронте и, в частности, на одном из наименее известных участков Сталинградского фронта – Калмыком, где мы находились. Ещё 23 июля Гитлер подписал директиву, в которой 6-ой и 4-ой армиям группы «В», действовавшим на юге России, было приказано стремительным ударом разгромить советские войска, прикрывавшие Сталинград с юга и овладеть городом, а в последующем нанести удар вдоль Волги на юг и захватить район Астрахани, чтобы полностью парализовать движение по Волге.

В преддверии этого, 6 августа 1942 года был издан боевой приказ штаба Сталинградского фронта, в соответствии с которым войска должны были быть приведены в боевую готовность и выведены на заранее подготовленные оборонительные рубежи. Для этого из числа имеющихся в Астрахани двух военно-пехотных училищ приказано было сформировать два полка, один из которых был укомплектован курсантами нашего училища. Время на формирование измерялось часами и минутами, и они мне очень хорошо запомнились.

В ночь с 6 на 7 августа нас подняли по боевой тревоге и мы пять километров бежали к учебным лагерям Тинаки. А там курсантские подразделения принял начальник училища полковник М.С.Юргелас, назначенный командиром второго курсантского полка. Нам ещё не объявили боевой приказ, мы ещё не знали какие огромные изменения произошли в нашей жизни, но поняли, что продолжать учёбу в училище не сможем. Вместо года мы отсутствовали всего лишь четыре месяца.

Очень запомнилось как полковник внимательно осматривался в суровые, сосредоточенные и полные тревоги лица курсантов.

Прямо из учебного лагеря мы ушли на фронт, не успев получить воинские звания, не успев познакомиться с астраханскими девочками...

К вечеру 7 августа мы уже заняли участок обороны, который позволял контролировать дорогу Элиста-Астрахань, а район деревни Ницан. Стало ясно, куда шли и что нас ожидает. Оборону мы заняли после труднейшего марш-броска по тизмелейшим бескрайним дорогам калмыцких степей, которые встретили нас страшным зноем. Вообще, лето 1942 года, особенно август, выдалось очень жарким. Падание лучей солнца выжгли последние травы. Лишь колочий кустарник был виден вокруг. А по знойному небу временами плыли лёгкие, как лебяжий пух, облака. Давно уже не было дождей. Не хватало пресной воды для питья. Часто нам выдавали на двоих одну флягу воды на сутки и это при пайке, состоящем из сушёной, солёной говядины, сухарей, сахара и рыбных консервов.

Но самым неприятным здесь был «астраханец» — ветер с донной песчаной пылью. Пылевые смерчи высокими столбами высились в небо, становилось темно. От песка нигде не укроешься, нигде не найдёшь покоя.

Запять оборонительный рубеж — это прежде всего как можно быстрее вырыть окоп и обеспечить свою защиту. Никогда не забудется тот каменистый грунт, который пришлось буквально зубами грызть, чтобы вырыть окоп и полный рост. Требовалась масса духовных и физических сил, чтобы успеть спрятаться в землю, да и обстановка поторопливалась. Но всё же к ночи чертовски усталые и порядком измученные, мы на нашей высоте уже находились в окопах.

А впереди, на возвышенностях, с самого раннего утра стали появляться и закрепляться передовые отряды немецких войск. Впервые за все эти августовские дни мы получили четкий приказ: подготовиться к атаке и выбить противника с занятых им позиций.

Около пяти часов вечера, после весьма непродолжительной артиллерийской подготовки, по сигналу зелёной ракеты и команды нашего командира: «Вперёд!», мы, курсанты, имея лишь опыт учебных тактических занятий, поднимались во весь рост и побежали вперёд. Вопреки нашим ожиданиям, вначале со стороны немцев были

слабыми лишь отдельные выстрелы. Но когда мы приближались к ним метров на 300-400, они открыли шквальный огонь из автоматов, пулемётов и миномётов.

Мы тотчас же залегли, причём повторной команды «В атаку, вперёд!» не последовало, из чего можно было заключить, что многие курсанты, и командиры, как это впоследствии подтвердилось, во время этой атаки были убиты или ранены.

А что было со мной, благодаря какой счастливой случайности я остался жив, до сих пор не могу понять и никогда этого не забуду. Как оказалось, всю мою судьбу решил накануне выданный мне, как и всем другим курсантам, новый блестящий котелок, который я то ли по глупости, то ли по недопониманию не спрятал в наплечный мешочек, а прикрепил его поверх мешка, который, естественно, был на моих плечах во время атаки. И я стал его заложником. Я упал лицом кверху, мешочек и котелок оказались сверху. Блестевший на солнце котелок послужил отличной мишенью для немецких солдат. Любая попытка снять его с себя приводила к тому, что по нему обязательно стреляли. Видимо, он был пристрелен каким-то немецким снайпером.

Почти не шевелясь, пролежал я на открытом поле до заката солнца, дожидаясь, пока начнет темнеть. Затем по-пластунски, как нас учили в училище, стал пробираться назад, к исходным позициям, где нас, оставшихся в живых, уже ждали автомашины. Под покровом ночи нас увезли и ранним утром мы уже оказались в какой-то калмыцкой деревне.

И хотя на душе было очень тревожно и безумно хотелось поскорее уехать, но подумалось: «А что могла сделать рота ещё необстрелянных солдат против опытных, вооружённых до зубов солдат 18-ой немецкой мотострелковой дивизии? Ровным счётом, ничего».

Судите сами: можно было забыть ту первую, бедолажно захлебнувшуюся лобовую атаку и тот злополучный жестяной котелок, который к закату для беды буквально изрешечён немецкими пулями? Никогда!

Котелок пострадал, а меня Бог в этот раз миловал. Очевидно, слишком дорого заплатила вся моя погибшая в гетто местечки Чаря семья, за жизнь единственного, оставшегося в живых, сына.

Михаил Миркин

Голос ВETERАНА

#4
(174)

Орган Чикагской ассоциации ветеранов Второй мировой войны

“Voice of Veteran”

Спонсор “Голоса Ветерана” - газета “Реклама”

Творчество ветеранов ОДИН ДЕНЬ НА ВОЙНЕ

Все дни на войне схожи тем, что каждый из них мог стать последним в жизни. Но были дни, отличающиеся от других 1145 военных дней и ночей, выпавших на мою долю. Таким был день боёв за г. Грудзенда, в Польше, в нижнем течении р. Висла.

Армии, в которую входила наша дивизия, было приказано форсировать Вислу, захватить плацдарм на левом её берегу и обеспечить подготовку Восточно-Померанской операции. Город-крепость Грудзенда, расположен на правом берегу Вислы. Гитлер придавал большое значение его обороне, выделив для этого отборные части, в т.ч. мотомехбригаду SS «Герман Геринг».

Наше наступление началось на рассвете 30 января 1945 г. Погода была жуткая: оттепель, сырость, слюнь и туман. На мне, под шинелью и гимнастёркой, были две пары натёплого белья – старая солдатская привычка, сохранившаяся потому, что иногда приходилось менять бельё в по-

левых условиях, чаще всего без мытья. И как это бельё меня впоследствии выручало!

Штурм города вели в основном солдаты и офицеры нашей 37-ой гвардейской стрелковой дивизии. Бои с многотысячным гарнизоном старинной крепости шли на улицах и площадях города. Эта боевая операция запомнилась на всю жизнь.

На рассвете 25 февраля был получен приказ командира батальона: по сигналу зелёной ракетой начать атаку, овладеть площадью и закрепиться в домах на её противоположной стороне. Это были каменные, четырёх- и пятиэтажные здания, стоящие близко друг от друга.

Мы быстро, насколько могли, окопались на нашей стороне площади (успели вырыть окопы для стрельбы лёжа) и стали ждать сигнала начала атаки. Вскоре с батальонного командного пункта взвилась зелёная ракета. Я тотчас же послал такую же из своего окопа. Не успели мы пробежать и нескольких метров, как на нас посыпался сплошной град пуль. Атака, фактически ещё не начавшись, захлебнулась, и мы быстро попрыгали в свои окопы. В мой бруствер стали часто попадать пули и я понял, что один или несколько немецких снайперов «пристреляли» мой окоп, понимая, что в нём наверняка находится

какой-нибудь командир, поскольку из него была выпущена сигнальная ракета. Попадания пули в бруствер участились настолько, что стало совершенно ясно: как только я по сигналу снова поднимусь в атаку, то буду либо убит, либо ранен. В это время мы вдруг услышали с противоположной стороны площадки отборную русскую брань и угрозы: «Русские святые, сдавайтесь в плен или мы всех вас перебьём». Как оказалось, в подвалах и на первых этажах домов закрепились ласовцы, которые во весь голос заявили о своём намерении уничтожить нас. Они оказывали отчаянное сопротивление нашим войскам, более яростное, чем немцы, ибо отчаянно сознавали безвыходность своего положения и знали, что их ждёт в случае попадания в плен.

Не прошло и часа, как зеленая ракета с командного пункта возвестила о начале очередной атаки. Только я успел выстрелить из ракетницы и подняться из своего окопа, как сразу же почувствовал, словно кто-то вонзил мне в спину нечто острое и жгучее. Я упал, но успел увидеть, как наши солдаты очень быстро, почти мгновенно, добежали до занятых противником домов. Там началось сражение за каждую комнату и каждый этаж.

Ко мне подбежала крупная на вид, но очень миловидная, спортивного сложе-

ния медицинская сестричка (ведь рассматривая, несмотря на ранение!) и буквально потащила меня назад, к «нашим» домам, благо передвигаться я был в состоянии. Передав меня какой-то женщине-офицеру с медицинскими погонами, она мгновенно скрылась из виду, скорее всего, для оказания помощи другим раненым бойцам. Больше я эту, посланную свыше самой судьбой, «сестричку» никогда не видел. А жаль, очень жаль... Зато в моих ушах до сих пор звучит её звонкий голос и запомнившийся навсегда краткий и единственный вопрос: «Товарищ лейтенант, куда вас ранило?». Вопрос был вполне уместен, но ответить на него смогли только медики медсбаата, куда я был переправлен в тот же день.

А произошло вот что. В тот самый момент, когда я выстрелил из ракетницы, встал во весь рост и успел крикнуть «Вперёд!», кто-то из немецких снайперов, заблаговременно «пристрелявшийся» мой укрытие, попал в правую лопаточную область, поскольку я быстро выскочил и повернулся как-то боком. Снайпер стрелял разрывной пулей, которая прошла через шкибель, гимнастёрку и нижнее бельё, разорвавшись где-то в районе второго комплекта белья. Основные осколки разрывной пули оказались всё же в теле, хотя некоторая их часть застряла в одежде. Во время лечения в эвакуогоспиталях, осколки были извлечены, но все ли? Они меня не беспокоили тогда, не беспокоят до сих пор, и за то всевышнему спасибо...

Ну как после этого можно забыть второй комплект белья? Никогда невозможно... Так закончился для меня этот далеко не единственный незабываемый день на войне – 23 февраля 1945 года. До конца войны оставалось ещё 72 полётных дня.

М. Миркин

НАШ КОНКУРС

65-летию Великой Победы посвящается

В БОЯХ ЗА ГОРОД ШЕЦИН

Михаил Миркин

19-го марта 1945-го года, более чем за полтора месяца до окончания войны и после второго тяжёлого ранения в польском городе Грудзёнда, я был выписан из госпиталя и, как годный к строевой службе, направлен в отдел кадров 65-й армии, которой командовал генерал Батов П.И. Как я со своей, ещё не полностью зажившей от раны спиной, догонял свою армию, было подробно описано в моём дневнике тех далёких военных лет.

Наши войска так стремительно наступали и столь успешно продвигались вглубь Германии, что лишь в первых числах апреля я, наконец, снова попал, будучи уже командиром пулемётной роты, в свой 118-й гвардейский стрелковый полк 37-й гвардейской стрелковой дивизии, которая в составе 65-й армии участвовала в Одерской операции.

А теперь то, о чем тогда в силу военной обстановки я не мог подробнее написать в своем дневнике, но что отчетливо помню до сих пор. Войскам 2-го Белорусского фронта предстояло начать наступление и с ходу форсировать Одер в нижнем течении. Наши войска и позиции противника разделял Одер, который на этом участке образовывал два широких русла Ост-Одер и Вест-Одер, впадающих в Штеттинский залив Балтийского моря. Между ними непроходимая болотистая пойма, затопленная из-за весеннего половодья. Общая ширина Одера вместе с поймой на нашем, восточном, берегу доходила до 6 километров. Войска с марша приступили к подготовке наступления, несмотря на только что совершенные утомительные переходы, во время которых бойцы отдыхали урывками на коротких привалах, спали под открытым небом на сырой земле.

С помощью разведки удалось установить, что главная полоса неприятельской обороны, оборудованная по западному берегу реки Вест-Одер, достигает 10 километров в глубину и состоит из двух-трех глубоко эшелонированных линий в глубину. Каждая из линий имеет одну-две сплошные траншеи. Через каждые 10-15 метров по берегу реки отрыты ячейки для стрелков и пулеметчиков, связанные с траншей ходами сообщений. Все населенные пункты в прибрежной полосе на глубину до 40 километров приспособлены для обороны и превращены в опорные пункты. На направлении наступления наших войск противник также создал вторую полосу обороны, которая проходила в 20 километрах от Одера, а еще дальше была третья полоса.

На нашем направлении артиллерия обеспечила плотность не менее 150 стволов на километр фронта (без учета 45- и 57-миллиметровых орудий). Ее задачей была огневая поддержка пехоты при форсировании Одера и прорыве немецкой обороны. Инженерным войскам пришлось в кратчайший срок подтянуть к берегу и надежно укрепить десятки понтонов, сотни лодок, а также подвезти лесоматериалы для строительства мостов, изготовления плотов и для прокладки гатей через заболоченные участки берега.

19 апреля. Вечером мы получили приказ: под покровом ночи начать продвигаться по заболоченной местности и Ост-Одеру как можно ближе к середине водной глади, найти на многочисленных островках, имеющих мелкие деревца или кустарники, укрытия, разместить в них своих пехотинцев с плавательными средствами, быть бдительными и ждать команду на форсирование реки. Для поддержания должного боевого духа и большей храбрости бойцам выдали 150 грамм фронтowych, а к ним добавил каждому еще по 150 грамм старшина роты.

Едва стемнело, наша пулеметная рота повзводно и по отделениям стала выдвигаться к берегу, где в укрытии находились приготовленные заранее лодки. Как правило, в лодку помещалось одно отделение экипированных солдат. Каждая из полутора десятков лодок с бойцами роты поочередно отчаливала и бесшумно подплывала к западному берегу. Противник предчувствовал неладное, его тревожила ночная тишина – над гладью реки, насколько было видно, висели осветительные ракеты. Наши артиллеристы пытались их сбивать, зачастую довольно успешно, но немцы запускали все новые и новые. Им нужна была освещенная река: они не только предчувствовали, но панически боялись форсирования Одера нашими войсками.

Где-то к полуночи мы обнаружили подходящий островок, на котором вся рота разместилась: в кустарниках или

в лодках. А находились мы, как записано в дневнике, в 8 километрах южнее Штеттина. Севернее, в полукилометре от нас, над рекой нависал полуразрушенный железобетонный мост. С нашего, восточного, берега примерно до середины реки он оставался цел, вторая половина была разрушена. Эту картину мы наблюдали во время ежедневных учений, вплоть до форсирования. Она впечатляла, и настолько, что до сих пор не только не забывается, а, наоборот, во всей своей трагической красе стоит перед глазами. Сильная усталость и тревожное предчувствие приближающегося боя сделали свое дело: мы мгновенно безмятежно уснули, позабыв все на свете, не слыша разрывов отдельных артиллерийских снарядов, не видя яркого света висевших над водой ракет – кто лежа, кто сидя. ...Проснулся мгновенно от страшного грохота канонады и звона в ушах.

6 часов утра 20 апреля 1945 года. Все небо в огне, словно насквозь пронизано непрерывными сверкающими молниями: это артиллерия начала подготовку для форсирования пехотой Одера и овладения его западным берегом. Артподготовка продолжалась около часа, в течение которого был получен приказ начать форсирование Одера и высадиться на его западном берегу.

Не успели мы на своих лодках отплыть от нашего островка, как по нашим войскам, начавшим под прикрытием огня переправляться через реку, в том числе и по нам, с того берега был открыт шквальный огонь из всех видов оружия. Вода буквально вскипела от разрывов. Ходу назад, естественно, не было, и мы продолжали, хотя и медленно, двигаться. И тут коварный снаряд нас достал: разорвался в метре от лодки, и она перевернулась и пошла ко дну, а мы, с десяток бойцов, стали тонуть. Тут началось самое «веселое»: оказавшись в довольно холодной воде и не обращая уже внимания на разрывы снарядов и свист пуль, пришлось приложить невероятные усилия, чтобы в

Современный Шешин.

насквозь промокшем обмундировании удержаться на плаву и не утонуть (еще в детстве на Черейском озере научился хорошо плавать). Это было совсем непросто, пришлось сбросить с себя легкую шинель, освободиться от туго сидящих сапог, что стоило немалого труда и большой изворотливости. Зато стало легче держаться на воде и плыть уже не вперед, к противнику, а, как благовременно разъяснил командир батальона на предварительном инструктаже, назад, к первому попавшемуся островку или годному плавсредству. На маленьком необитаемом островке меня и достала неизвестно откуда взявшаяся коварная пуля, которая пробила насквозь стопу левой ноги и повредила два последних пальца. И опять, как в Данциге, меня заметила, подобрала и перенесла с помощью моториста в санитарный катер медсестричка, имя которой я, к сожалению, не помню. В нем уже находились несколько раненых бойцов. Под непрекращающимся огнем по пути к нашему берегу катеру удалось подобрать еще нескольких

раненых солдат. На берегу нас тотчас же положили на носилки, погрузили в специально оборудованную машину и отвезли в ближайшую медсанчасть. 21 апреля я оказался в эвакогоспитале Иванова в Штаргарте (п/п 57385).

В моем дневнике имеется побрекшая от времени лаконичная запись карандашом:

20 апреля 1945 года. Форсировали Одер, 8 км южнее Штеттина. В 11 часов ранение в левую ногу, сквозное пулевое. 21 – госпиталь Иванова. Штаргарт п/п 57385.

И всё. А было так, как изложено выше и как запомнилось на всю оставшуюся жизнь.

Кто тогда мог так детально описать всё происшедшее? Оно навечно записалось в моей памяти...

Голос ВЕТЕРАНА

№ 11
(216)

Орган Чингисской ассоциации ветеранов Второй мировой войны

“Voice of Veteran”

Спонсор “Голоса Ветерана” - газета “Реклама”

(На фото М.Мурзин)

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ АТАКИ*

После неудавшейся атаки и пролежал, не шевелясь, на открытом поле, дожидаясь темноты, до заката солнца. Затем попластунски, как тренировали в училище, пополз назад, где нас, оставшихся в живых, уже ждали автомашины. Под покровом ночи мы уехали и ранним утром оказались в калмыцкой деревне. В этой деревне мы простояли два дня и не встретили ни одной живой души: по-

же, калмыки-мужчины хитроумно временно переметнулись к немцам. Поэтому и жем.

Ночью по тревоге снова в путь. Мы проезжаем стороной Яшкуль. Там идет ожесточенный бой. В районе Красного Худука по команде «Занять оборону» наш взвод стал оккупаться на ближайшей высоте. Появились немцы в Яшкуль, и в ближайшие часы нам предстоит бой. Как и многие курсанты, я успел вырыть окоп в полный профиль, чуть сзади обустроился командир взвода. Где-то в тылу расположились полковые пушки и минометы, которые громко именовались «артиллерией». Впереди нас был гвардейский полк, левее - автомашины взвода, на которых сложена вся наша немалая амуниция. Наскоро раздают боеприпасы, сухари, сахар, велепую коблу. Отсчет времени пошел на минуты. Видно: немцы подъезжают на автомашинах как можно ближе к нашим оборонительным позициям, мгновенно высаживаются и развертываются в боевые порядки. Наша артиллерия молчит.

Три часа полудня. Оглушительный треск. Втихую шею и прижимаюсь к стене окна. Это артиллерийская подготовка немцев выплеснула шквал огня по гвардейцам. Под неутихающий грохот канонады мной овладевает непонятное состояние. (Здесь и далее описание событий и моих переживаний даны по дневнику

...Как хочется есть! Еще больше мучает жажда и жара, а воды нет. Заложило уши. Силы на исходе. Около пяти часов вечера (время определяли по солнцу) напоролся на колодец с горько-соленой водой. Пытаемся напиться «до отказа». Живот болит, а пить еще больше хочется. Двинулись дальше. Пошли вторые сутки. Должны же мы дойти до своих. Кое-кто начал отставать и бросать винтовки и патроны. Для меня это дико: бросить свою единственную надежду на защиту и спасение.

Нежданно-негаданно встречаем машину. В калмыцкой степи, да во время войны, это исключительная редкость. Водитель согласился взять раненого и подтвердил, что мы движемся в правильном направлении. Он дал нам живого барана и покатиł восвояси.

А что нам делать с живым бараном? У нас нет ни ножа, ни посуды, ни дров, ни спичек, ни даже воды. Но голь на выдумки хитра. Вместо ножа в ход пошел штык.

Огонь добыли при помощи увеличительного стеклышка. Вместо дров – кругом сухая трава и бурьян. Шомпола вместо посуды: на них обжигали и жарили мясо. В полусыром, в полуобгорелом виде и без соли мясо съели. Признаюсь: вряд ли в жизни ел более вкусное блюдо. Жаль, не было воды – хотя бы чуть-чуть соленой и горькой.

К вечеру обнаружили небольшой домик. В степи домик, чем не находка? Устроили привал и разбрелись вокруг, в поисках воды. Ничего не нашли и улеглись. Спали, как те трое поросят: каждый непременно хотел быть посредине, ибо ночью сильно похолодало.

На четвертые сутки наших скитаний мы встретили водовоза с повозкой. Он воссел на бочке, говорил по-русски и щедро угостил нас спасительной квасгой. Мы пили жадно и не сколько хотели, а сколько могли. О еде не вспоминали. Отвыкли и не хотелось. От жажды стали глуховатыми. Водовоз показал, что по проселку до Михайловки уже близко. К исходу дня мы вошли в село. Встретили нас рабочие стройбата весьма дружелюбно. Сразу обильно угостили жареным мясом. Хлеба не было, но мяса ели до дальше некуда. Запили отличной холодной водой и на закуску – сладкие, песочные арбузы. Через час-другой после трапезы без ограничений началось самое «веселое». Я отделался тем, что все съеденное и выпитое «отдал» обратно и еще несколько часов меня тошнило. С остальными было гораздо хуже.

Жители села приняли нас тоже тепло. Разместили по квартирам. Наконец-то мы стали нормально спать, умываться, питаться и говорить с хозяевами, как с родными. Равовались недолго. Появился старшина с машиной и увез нас. Почти сутки были на колесах. Приехали в Давану – здесь сейчас проходил фронт. нас вооружили и говорили, что пошлют в тыл врага на его коммуникации. Но рейд не состоялся. Курсантов отозвали в Астрахань в 248-ю СД, которая формировалась для Сталинградского фронта.

Михаил Миркин

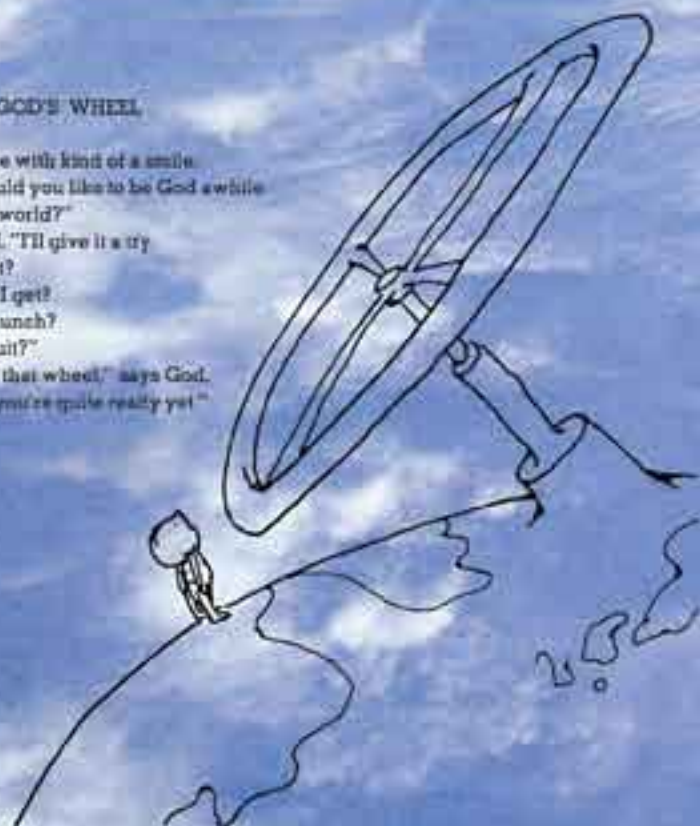
Продолжение рассказа «Первая атака», см. «Война и судьбы» т.3 стр 20.

**Редколлегия «Голоса ветерана»:
Редактор: Д. Черняховский.
Корректор: Р. Метелица.**

BAT MITZVAH OF INESSA MICHELLE MIRKIN

GOD'S WHEEL

God says to me with kind of a smile,
"Hey how would you like to be God awhile
And steer the world?"
"Okay," says I, "I'll give it a try
Where do I sit?
How much do I get?
What time is lunch?
When can I quit?"
"Gimme back that wheel," says God,
"I don't think you're quite ready yet."

8 NISSAN 5755

APRIL 8, 1995

1-е поколение 1855 г.

Ирма Клебанов род. 1855 Борисов, БЕЛ? ум. 1920 Борисов, БЕЛ	Жена Цыпа (дев. фамилия) Клебанов род. 1860 Борисов, БЕЛ? ум. 1940 Борисов, БЕЛ

2-е поколение 1889 г.

Брат Давид (David) Клебанов (Klebanoff) род. 1889 Борисов, БЕЛ ум. 1947, Петалюма, Калифорния, США	Жена Рэкиль (Rachel) (дев. фамилия) Клебанов (Klebanoff) род. (год) (место рожд.) ум. 1934, Петалюма, Калифорния, США	Брат Слейма (Steima) Клебанов (Klebanoff) род. 1891 Борисов, БЕЛ ум. 19?? США	Брат Ича (Icha) Клебанов (Klebanoff) род. 1903 Борисов, БЕЛ погиб в 1942 на фронте	Брат Фала Клебанов род. 1895 Борисов, БЕЛ ум. 1982 Борисов, БЕЛ	Жена Хава (Ева) (Мессерман) Клебанов род. 1901 Лепель, БЕЛ ум. 1999 Чикаго, США

3-е поколение 1922 г.

Брат Сэм (Samuel Herman) Клебанов (Klebanoff) род. 1923, Петалюма, наст. Ричмонд, Калифорния, США	Жена Хелен (Helen) (дев. фамилия) Клебанов (Klebanoff) род. 1925 США наст. Ричмонд, Калифорния, США	Сестра Ида (Ida) (Klebanoff) Samuels род. 1913 США ум. 1990 США	Муж Samuels род. (год) США ум. (год) США	Брат Моисей Клебанов род. 1922 Борисов, БЕЛ ум. 1997 Израиль	Жена Дина (Лякер) Клебанов род. 1923 Лепель, БЕЛ ум. 2005 Израиль	Брат Мима Клебанов род. 1924 Борисов, БЕЛ погиб в 1943 на фронте

4-е поколение 1947 г.

Сестра Sarah Anne Klebanoff род. 1960 США наст. США	Брат Aaron David Klebanoff род. 1965 США наст. США	Жена Karen Elizabeth Wootton род. 1961 США наст. США	Сестра Юля (Клебанов) Долгин род. 1948 Москва, РОС наст. Израиль	Муж Сама Долгин род. 1947 Симферополь, наст. Израиль	Брат Марк Клебанов род. 1958 Мелитополь, УКР наст. Канада	Жена Оксана (Сеньковская) Клебанов род. 1962 Одесса, УКР наст. Канада

5-е поколение 1970 г.

Брат Davis Samuel Wootton-Klebanoff род. 1994 США наст. США	Сестра Tess Anne Wootton-Klebanoff род. 1997 США наст. США	Брат (старший) Steven Samuels род. 195? США наст. Калифорния США	Брат (средний) Seth Samuels род. 195? США наст. США	Брат (младший) Stacey Samuels род. 195? США наст. США	Брат Ira Dolgin род. 1970 Мелитополь, УКР наст. Израиль	Сестра Husband Igor Blaives род. 1971 Вологда, РОС наст. Израиль	Брат Grant Klebanov род. 1994 Канада наст. Канада	Сестра Marsel Klebanov род. 2002 Канада наст. Канада

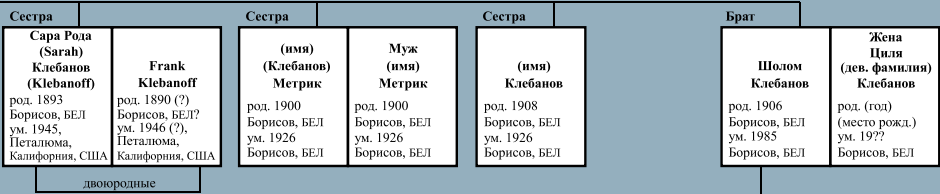
6-е поколение 2002 г.

БЕЛ – Белоруссия
РОС – Россия
УКР – Украина

Eva Daniel род. 2002 Израиль наст. Израиль

Генеалогическое древо семьи Клебановых (февраль 2012 г.)

1-е поколение 1855 г.

2-е поколение 1889 г.

3-е поколение 1922 г.

4-е поколение 1947 г.

5-е поколение 1970 г.

6-е поколение 2002 г.

Основные научно-исследовательские работы М. Миркина (с соавторами), опубликованные в 1966-67 гг.¹

1. *Миркин М. Л., Ермаков В. С., Минков В. А.* Автоматизация анализа технико-экономических показателей тепловой электростанции // Комплексная автоматизация электростанций: Сб. науч. тр. Минск, 1966.
2. *Минков В. А., Миркин М. Л.* Применение вычислительной техники для анализа технико-экономических показателей и оценки деятельности эксплуатационного персонала тепловых электростанций // Вычислительная техника в энергетике БССР: Сб. науч. тр. Минск, 1966.
3. *Ермаков В. С., Минков В. А., Миркин М. Л.* Автоматизация инженерного труда в энергетике // Вычислительная техника в энергетике БССР: Сб. науч. тр. Минск, 1966.
4. *Ермаков В. С., Минков В. А., Миркин М. Л.* и др. Автоматизация анализа работы блочных электростанций (экономико-математическая модель программы расчета технико-экономических показателей и оценки деятельности эксплуатационного персонала). Минск, 1966.
5. *Минков В. А., Миркин М. Л., Чурчель В. П., Николаева А. Ф.* Аннотированный перечень №3 ЭНИНа им. Г. М. Кржижановского «Программы для решения задач энергетике». Москва, 1966.
6. *Ермаков В. С., Минков В. А., Миркин М. Л.* Использование ЭЦВМ для автоматизации анализа технико-экономических показателей и оценки деятельности эксплуатационного персонала тепловых электростанций // Материалы Всесоюзной конференции по применению методов кибернетики в энергетике. Тбилиси, 1967.

На основании этих публикаций М. Л. Миркиным были сделаны доклады на следующих всесоюзных и республиканских научных конференциях по вопросам энергетике в СССР: «Применение вычислительной техники в энергетике», «Результаты научно-исследовательских работ за 1965 г.», «Комплексная автоматизация электростанций» (Минск, 1966), «Применение методов кибернетики в энергетике» (Тбилиси, 1967). Перечисленные шесть публикаций, наряду с другими научными работами, были использованы при подготовке кандидатской диссертации.

¹ Данный список публикаций и докладов дает представление об интенсивной научной деятельности М. Л. Миркина. Всего в этой области им было выполнено около 160 научных работ и исследований.

THE STORY OF TWO PHOTOGRAPHS

As told by Lenny Mirkin and put down by his wife Sima.

This story started one day when thinking about a gift for my father on his 83rd birthday, I googled a word “Chereya”. Chereya¹ is my father’s birth place in Byelorussia, which used to be a part of the former Soviet Union. My father left this small village in 1940 when he was seventeen to go to Minsk, the capital of Belarus (one hundred kilometers from Chereya), to study physics at the Byelorussian State University. The war between the Soviet Union and Nazi Germany broke out the following summer.

On June 22, 1941, my father and other students were studying in the university garden for exams when the Germans started bombing Minsk. This was the first day of the war. One of the bombs hit the dormitory, killing everybody inside. But my father was in the garden and survived. Dressed in sweat pants and a T-shirt, and carrying just his student ID my father made it out of the burning Minsk. He joined the throngs of evacuees, headed to the East. After traveling thousands of miles to the heart of Russia either on foot or boarding freight trains whenever he could, and seeing death and destruction along the way, my father finally reached the Volga River region by the winter of 1942. He then voluntarily joined the Red Army. His military initiation occurred at the battle of Stalingrad as a lowly infantryman. He was 19 years old. By the end of the war, he was a lieutenant, and commander of an infantry battalion, when he was severely wounded in Poland in April of 1945.

Throughout the war, he never heard from his family – his mother, father, two brothers and a sister, who stayed in Chereya, which was in German-occupied territory. Knowing the fate of the Jewish population in the occupied territories, my father did not expect to ever see them again. However, the hope that they might be alive never left him. As soon as Chereya was liberated by Soviet troops in 1944, my father wrote his parents a letter and addressed it to their address. Soon he received an official response from Chereya’s post office. The response was signed by the postman, whom my father knew before the war (Chereya was a small town). My father still keeps this letter. It says:

“By means of this letter I am informing you that your entire family was killed by the Nazi German occupiers on March 6, 1942.”

After the war, my father went on to complete his studies, and graduate from the Leningrad Polytechnic University, to become a husband and a father, to earn his PhD, and overall to lead a full and fruitful life. He almost never spoke to us, his kids, about his vanished family and he never went back to Chereya. The only reminder of his missing family was his annual fast on March 6th. We knew that our father did not eat and drink on this day, and we also knew why.

When I googled “Chereya” that fall day in 2005, I did not know what to expect. To my surprise, I received quite a number of hits. I started opening them one by one. The first six hits contained information about the geographical location of the town, and its role in the historical and cultural heritage of Byelorussia. The seventh one was an article from an online journal called “Mishpoha”², published in Vitebsk, Belarus. The article was called “In the

hometown of Oscar Milosz”. I started reading it intrigued by the combination of the journal’s Yiddish name, its place of publication, and the topic. I had never heard of Oscar Milosz before. From the article, I found out that he was a nineteenth century Lithuanian poet who was born in Chereya and whose family had an estate there. The author of the article, Roald Romanov went on to tell the history of Chereya, including the war years.

Life for the Jews in Chereya became miserable from the first days of Nazi German rule. Local policemen ardently contributed to this. Jewish households were looted, and the Jews were forced to perform the most difficult physical labor. Rumors about the annihilation of the Jewish population in the neighboring towns were persistent and real as those who managed to survive were fleeing to Chereya. On March 5th 1942 an order was issued for the Jews to gather in the village building the following morning. Upon receiving this message, many people immediately tried to ran away from the village. They were met by the bullets of the German squadron that surrounded the village.

The soldiers then scattered around the village looking for Jews. In the house of Shlema Kapelush they found two small kids. The officer killed them on the spot. hey stopped at the Romanov’s house as well. Roald remembers this day very well. Doctor Romanov’s daughter-in-law (Roald’s mother) was Jewish. Her name was Fira³. Roald wrote that his mother’s eyes became colorless from fear and she shook uncontrollably. Roald’s Russian grandmother Elena spent that entire day in prayer kneeling in front of the icon of the Blessed Virgin. When the noise from the soldiers’ boots on the porch was heard, Roald’s mother started slowly moving to the entrance door. She wanted to give herself to them so that nobody else would be punished. But grandma Elena harshly shouted at her, “Get to the back!” She then spread her arms around Roald and her own little daughter Svetlana and moved with them towards the Germans thus blocking for them the entrance to the house. She said, “This is Dr. Romanov’s house, and this is his family.” The local policemen who were bribed periodically by the Doctor to remain silent about Esfir (“my Jew” as Doctor Romanov called her in his notes) kept their word. The Germans looked at Elena and the two blond kids and left without searching the house. The following morning, Chereya’s Jews were gathered in the village building. People stood next to each other in tightly packed crowd. All of a sudden, machine guns started shooting at the windows. People ran for the exit, and those who escaped were marched in line through the village. Maxim Mayevsky, a thirteen-year-old boy, was among them. His mother⁴ was a schoolteacher before the war. She was Jewish. His father, however, was Byelorussian. Suddenly Max heard a woman’s voice shouting, “Let this Russian boy go! There is a Russian boy over there!” Max felt himself being pulled from the throng. He recognized Ekaterina Zakharevich, his mother’s friend, who was also a schoolteacher before the war. She said to Max, “Run!” And Max ran ... He heard the gun shots and the bullets as they flew over his head. He ducked around the corner of the building, reached the street and ran behind the church of St. Michael. He then moved slowly through the backyards and finally reached the Mirkin’s house. The house was still warm. This is where he spent that night.

The looters labored hard the following night and day, taking everything from the empty Jewish households. When Doctor Romanov visited his patients afterwards, he saw things in their homes that would never have belonged to them.

Roald writes that for a long time his memory was haunted by the horrifying images of dogs dragging human limbs and little kids' corpses around the village.

Here I was reading this story on the Internet, more than 60 years after all these events took place. It seemed unreal. I was sure that the "Mikin's house" was my grandfather's home. I sensed that the mystery surrounding the last days of my father's family was about to reveal itself.

I was determined to find out more. I now knew that Maxim, who witnessed the last day of Chereya's Jews with his own eyes, has escaped! He must be alive somewhere!

My first phone call was to the author of the article Roald Romanov, who now lives in Moscow. I mentioned the article and introduced myself. Romanov remembered my father. He said that he himself was also born and raised in Chereya. Although Romanov is several years younger, he remembered that my father was his brother's friend. He also informed me that Maxim is alive and currently resides in Moscow as well, and that the two of them keep in touch. He gave me Maxim's phone number. I was nervous when I called him. Maxim's reaction was immediate. As soon as I mentioned my father's name he said, "I am holding your father's photograph in my hands right now, and I can't keep from crying." I asked, "What photograph?" And Maxim went on to tell me his story.

The outbreak of war caught him 200 kilometers west of Chereya at summer camp. He was 13 years old then. Two years before the war began Maxim and his mother moved from Chereya to the city on the western border of Byelorussia where Max's mother worked as a teacher. His father disappeared in 1937 sent to Stalin's Gulag. The Nazi bombs destroyed Max's summer camp and German troops were arriving in huge numbers from the west. Max realized that it would be impossible to get back to the city and to find his mother. He decided to head to his home village of Chereya, where he knew his grandfather still lived. It took Max three weeks to reach Chereya and his grandfather's house on foot. After his miraculous escape from death in Chereya on March 6, 1942, Max wandered in the woods for several weeks and eventually joined one of the guerilla partisan brigades that operated in Byelorussian forests, disrupting the operations of the German occupiers. By Victory Day, at the end of the war, Max had been decorated with several awards and medals for bravery and active participation in many dangerous guerilla war operations. He was only 17 when the war was over. Throughout the long war years, Max had heard nothing from his mother and did not know what had happened to her. Believing that she was still alive, he set out to find her. His search brought him to the Byelorussian University where his mother was a student several years before the war. At the university alumni office nobody knew anything about his mother, but the clerk did tell him that they had the other pre-war Chereyan student's file. The clerk believed, however, that this former student had disappeared during the war, as he never returned to University, or sent any inquiry. Max looked at the picture in that file and recognized my father. Before the war, Max was a frequent guest in my father's house. They

were neighbors and distant relatives. Max asked the clerk to give him this picture. The clerk refused. But Max, still wearing a military uniform displaying his many awards on his chest, pulled out a gun and demanded the picture. The clerk relented.

This was the photograph Maxim was looking at and crying over when I called him on that memorable day in 2005. It turned out that Max later found his mother. She had very little time to escape when the war broke out in 1941. But even in running for her life, she remembered to take some pictures with her. One of these pictures happened to be a small pre-war photograph of my father's sister. After the war, Max's mother kept both photographs in her personal archives sure that these two people had been long dead. So not only did I get a hold of my father's 1940 university photograph but I also found out about the existence of his sister's photo! This was completely unexpected! My father told me many times that with time his sister's image had become blurred in his memory, and he could not even picture her anymore. What a gift this would be for my father!

A couple of days later, and after making a phone call to a friend in Moscow and asking for his help in scanning these precious images, I was sitting in my house in Washington, DC and looking at the face of a 17-year-old boy wearing a white shirt. My father probably had to go somewhere distant, like a district center town, to have this picture taken for his university application. And then there was another image of a very young girl, 12 years old. This was my aunt whom I never knew.

These photographs were survivors. They survived the war, the moves, and the time. I presented them to my father. They finally came back to their rightful owner.

Misha Mirkin, 1940. This photo was taken for the Belorussian State University application. Misha currently resides in Skokie, IL, USA.

Asya Mirkin, 1938. Asya, her parents Lazar and Sarah, and brothers Borya and Grisha were murdered in Chereya on March 6, 1942 by Nazi Germans.

P.S. In the spring of 2007, my parents Misha and Raya, brother Mitya and I made a trip to Chereya, my father's birthplace. We also visited Maxim in Moscow. His old wounds had started to take a toll on him. He was losing his short-term memory and did not remember recent events. But he did remember Chereya. "I live for Chereya" is the way he put it. I was watching my father and Maxim. They were conversing with each other as if there were not all these years between today and their adolescence. Chereya was their connection. Chereya was a bridge between their lives. "Remember the apothecary's daughter?" – I heard Maxim

asking my father. “They lived in the middle of the shtetl. She was so beautiful. I was a little boy and always tried to get a glimpse of her. I cannot forget her to this day.”

Misha Mirkin and Max Mayevsky, Moscow, May 30, 2007. Max's old wounds had started to take a toll on him.

Misha Mirkin in Chereya, Byelorussia, USSR and in Skokie, IL, USA, 70 years later.

Lenny and Sima Mirkin
Washington, DC
January, 2010
lennymir@yahoo.com

¹ Under the Rzecz Pospolita Polska, Chereya was a shtetl in the Orsha povet of Vitebsk voevodstvo (province of the Polish Republic). As of 1799, there were 399 Jews in Chereya and its vicinity. As of now (1912), Chereya is a shtetl in the Mogilev Guberniya (County) of Senno Uezd (District). According to the 1847 census, the Chereyan Jewish Community consisted of 959 people. According to the 1897 census, Chereya had 3,039 residents including 1,829 Jews. *Evreiskaya Entsiklopedia Brokgauza i Efrona [Jewish Encyclopedia by Brokgauz and Efron]*, vol. 15, p. 850 (*SPetersburg: 1912*)

² Roald Romanov, “In the hometown of Oscar Milosz”, “Mishpoha”, No.14, 2004

<http://mishpoha.org/nomer14/index14.html>

Mishpokha Mishpa ah. Vitebsk: Belorusskoe ob’edinenie evreiskikh obshchin i organizatsii, Vitebskii evreiskii kulturnyi tsentr, 1995- v.: ill.; 21-30 cm. OCLC: 35794233.

³ Fira, Esfir Solomonovna Romanov, maiden name Katz. She was born on April 18, 1917 in Borisov. Her father, Roald’s grandfather, was Solomon Grigoryevich Katz. Before the Socialist Revolution, Solomon Katz was the top guild merchant. One of his brothers left for America, the other one – for Moscow, where became the prominent surgeon. Solomon’s wife, Roald’s grandmother, was Sarah Abramovna Katz. Her hobbies included hunting, equestrianism, and theatre. F.I. Shalyapin and S.V. Rakhmaninov were amongst her acquaintances.

⁴ Max’s parents were Minya Fishkina and David Mayevsky.

Мысли по прочтении книги М. Миркина «От Черей до Чикаго»

Эта книга может заинтересовать всех, пытающихся найти ответ на вопрос, как можно быть евреем и честно служить своей нееврейской стране, которая априори относится к тебе с подозрением, потому что ты еврей. Я думал об этом и по прочтении этой книги, и на протяжении моей многолетней совместной работы с автором и дружбы с ним и его семьей.

Книга называется «От Черей до Чикаго». Но суть названия не в географическом перемещении от совсем маленького галутного еврейского местечка Черей в довоенной Беларуси до Чикаго, гигантского мегаполиса в США, оно итожит смысл судьбы – еврейская духовность сохранялась в нечеловеческих фронтовых условиях Второй мировой войны, в условиях государственного антисемитизма, царившего в диктаторском Советском Союзе, и передается, несмотря ни на что, детям и внукам. Книгу можно было бы назвать и по другому – «От кетубы к кетубе» (кетуба – еврейский брачный договор, неотъемлемая часть традиционного еврейского брака). Сам Михаил Миркин сразу же после войны закрепил образование своей еврейской семьи подписанием кетубы, несмотря на то, что это считалось в то ужасное советское время проявлением антисоветских настроений и каралось гулаговским наказанием. А совсем недавно его внучка создала свою собственную семью – тоже подписав кетубу! И это символ того духовного наследия, которое она получила от дедушки.

Эта книга – яркое свидетельство того, что настоящая еврейская духовность это не талмудические обряды и правила, хотя они и составляют значительную часть еврейской традиции, а неустанная работа по созданию лучшей жизни в тех странах, где евреи живут – для всех, неевреев и евреев. Вся история практической и научной работы Михаила Миркина по восстановлению и развитию советской энергетики подтверждает это. И такой же, по-еврейски духовной созидательной работой на благо страны, здесь, в США, сейчас занимаются и его дети и внуки.

И вот то, как все было и есть, и описывает Михаил Миркин в своей книге. И самое примечательное, что делает он это на основании собственных дневников, которые ведет с юности. И это делает его книгу по-особому интересной.

*Владимир Минков, доктор технических наук,
автор книг и статей по энергетике
и еврейской духовности*

Несколько слов о книге Михаила Миркина

Для меня большая честь присутствовать в этой книжке Михаила Миркина, нашего Ветерана и Патриарха большой семьи, с сыновьями, внуками и правнучкой.

Вот уже более 20 лет, живя в Америке, мы встречаемся, и я знаю всю его большую семью. По его рассказам в местной прессе и в интернете (журнал «Мишпоха») я узнал много о его жизни до эмиграции в Америку.

Миша уникален, потому что на пути к своему 90-летию сумел написать основанные на документах домашнего архива мемуары о своей интересной жизни, в которой нашли отражение история семьи, детство и отрочество, участие в Великой Отечественной войне, учеба и работа в бывшем Советском Союзе и жизнь с семьей в США. Честь и хвала его сыну Лене, который с помощью историков из Израиля вдохновил отца написать воспоминания для следующих поколений и организовал издание этой книги в Израиле. Сыновья помогли Мише в «такие-то» годы освоить самое необходимое в компьютере. Пристрастие с детства писать заметки, стихи, вести дневник и сохранять уникальные документы существенно помогли Мише написать о своей жизни. Было бы очень полезно издать эту книгу на английском языке, чтобы и остальной мир узнал о жизни «русских» евреев в XX веке.

Миша уникален, потому что он теперь один из немногих жил до конца 30-х годов прошлого столетия в белорусском местечке Черее, в еврейской семье, соблюдавшей традиции иудаизма и учился в еврейской школе. Окончив первый курс физмата Белорусского университета в Минске в 1941 году, он в марте 1942 года добровольно ушел на фронт. Был ранен, возвращался в строй. Награжден боевыми орденами и медалями. Был в числе полумиллиона евреев, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, а не «отсиживался в Ташкенте», как твердили антисемиты всех уровней в бывшем Советском Союзе. После войны женился на борисовчанке Рае, окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «экономика энергетики», затем стал начальником планового, а позже производственно-технического отдела Ангарской ТЭЦ, вернулся в Минск, защитил диссертацию и занял должность старшего научного сотрудника ЭНИНа.

Его книга подтверждает, что до конца 30-х годов, Второй мировой войны и Холокоста в западных районах СССР существовала «жизнь еврейского местечка», она также подтверждает и тот факт, что во Второй мировой войне евреи воевали не хуже представителей других национальностей.

Я пережил Холокост в Минском гетто, с помощью минского подполья вместе с матерью ушел в партизанский отряд. Затем был переход через линию фронта на Большую землю. Я должен сказать, что всегда правительственные и партийные органы в СССР замалчивали правду о Холокосте. Поэтому мне очень дороги собранные Мишей эпизоды Холокоста в его родном местечке – деревне Черее, где были убиты его родители, братишки и сестра.

Матус Столов

2

3

4

5

6

7

8

9

11

10

12

13

14

15

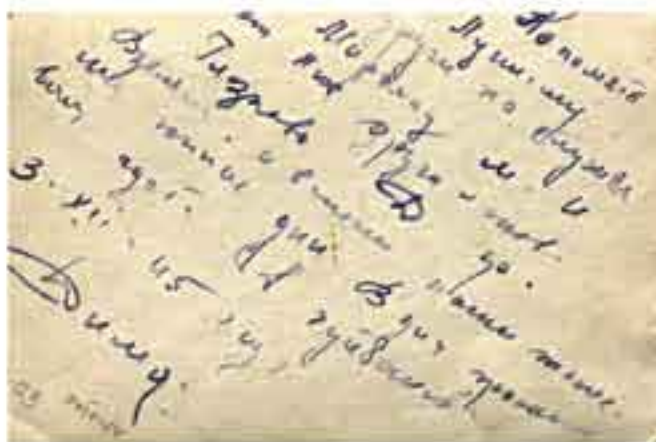
16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

44

45

46

47

48

49

50

51

Любимой Раянке
от Михаила
на память
27 октября 1949
г. Ленинград
II курс ЦЭОР
протв от 26.10.49

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

66

67

68

69, 70

71

72

Муркин М. П.
ноч. ПЗО.

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

84

86

85

87

88

89

Генерал-полковник Александр
(05.03.1904-04.02.1967)

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

117

116

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

140

139

141

142

143

144

145, 146

147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

158

159

160

161

162

163

164

165

166

167

168

169

170

171

172

173

174

175

176

177

178

179

180

181

182

183

184

185

186

190

189

191

192

193

194

195

196

197

198

205

206

207

208

209

210

215

216

217

218

221

222

223

224

225

226

228

227

231

232

233

234

235

236

237

238

239

240

241

242

243

244

245

246

247

248

249

250

251

252

253

254

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

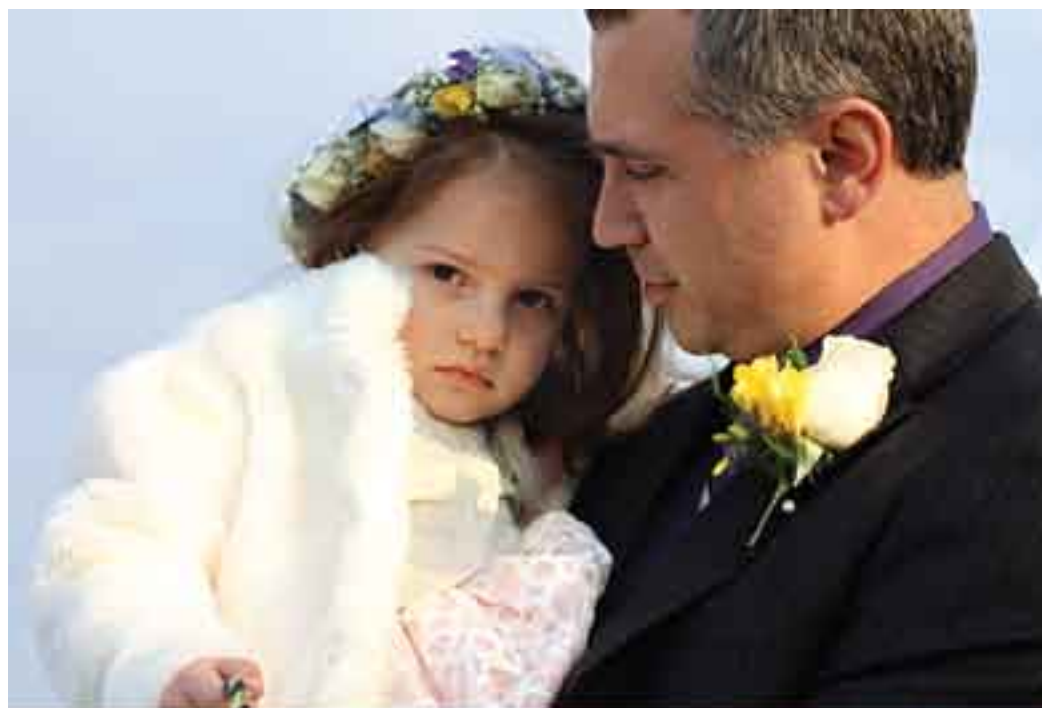

268

269

270

275

276

277

278

Михаил Лазаревич Миркин (1923 г. р.), уроженец местечка Черее Витебской области БССР, будучи студентом физико-математического факультета Белорусского государственного университета, в первые дни войны чудом остался жив, успев выбраться из горящего Минска накануне вступления в город немецких войск. До марта 1942 г. находился в эвакуации в Сталинградской области, где записался добровольцем в Красную армию и после окончания ускоренных курсов Астраханского военно-пехотного училища был направлен на фронт. Трижды ранен. Первый раз в боях под Сталинградом (13 января 1943 г.). Подлечившись, продолжил обучение в Куйбышевском пехотном училище и в качестве командира взвода участвовал в операции «Багратион». После освобождения Белоруссии получил ответ на запрос о судьбе своих родителей: «Проживавшие в Черее ваши родственники убиты немцами...»

Осенью 1944 г. командир пулеметной роты гвардии лейтенант Миркин находился в Восточной Пруссии и Померании в составе войск 2-го Белорусского фронта, где был вторично ранен (25 февраля 1945 г.). Но самое тяжелое, третье ранение он получил за три недели до окончания войны (20 апреля 1945 г.) при форсировании реки Одер.

Удостоен правительственных наград, среди которых орден Великой Отечественной войны и орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другие советские и американские знаки отличия и воинской доблести.

В послевоенные годы М.А. Миркин окончил Ленинградский политехнический институт и работал на энергетических объектах Восточной Сибири (Ангарск Иркутской области); защитил диссертацию на звание кандидата технических наук, преподавал в Белорусском филиале Всесоюзного энергетического института имени Г.М. Кржижановского. С 1989 г. проживает в США, работал в Аргонской Национальной научной лаборатории (Чикаго).

В 2007 г. Михаил Лазаревич посетил Черее, где 6 марта 1942 г. от рук нацистов и их пособников из числа местных жителей погибли его родители Лейзер и Сара, братья Григорий, Борис, сестра Ася, многие земляки. Имена евреев Черее, как и других узников гетто из растерзанных и уничтоженных местечек Белоруссии, в наши дни увековечены в Долине памяти и Зале имен мемориального комплекса «Яд ва-Шем» в Иерусалиме.

Григорий Рейхман,
представитель Российского Центра «Холокост» в Израиле